ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2022. № 475. Февраль

- ФИЛОСОФИЯ
- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOSOPHY
- PHILOLOGY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- PEDAGOGICS
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 475. February

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694 выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 475 Февраль 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 475 February 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Носова С.С. Метаморфозис и цифровое сетевое общество 5
Иванов А.Г. Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир») 15
Мусиец П.В. Статус субъекта в свете концепции социальной гетерологии 23

ФИЛОЛОГИЯ

Кабанина О.Л. Эволюция тематической зоны «Возраст» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой 29
Му Ю. Тексты блогов об искусстве как источник изучения медиаобраза Китая 35
Чечнёв Я.Д., Савина А.Д. «Возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта»: неизвестный отзыв Н.С. Гумилева о поэзии Рене Шикеле 46
Шутова А.В. Особенности концептуальной структуры поэтических текстов О.Э. Мандельштама в стихах разных лет 53

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Голубин Р.В., Исакова И.А., Коротышев А.П., Рыхтик П.П. ПРОЗИС-анализ: возможности оценки реакции пользователей на значимые информационные поводы в сети Интернет 59
Добролюбова Е.И., Масленникова Е.В. Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда: социологический под 68
Заляев А.Р. Династийность и профессиональная преемственность студентов медицинских университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики 76
Пантыкина М.И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики 83
Филипова А.Г., Толвайшис Л., Ракитина Н.Э. Пространственный взгляд на детство: о географии детства, субъектности ребенка и трендах социологической науки 93

ПЕДАГОГИКА

Abakumova N.N., Lei G., Savitskaya I.S., Sisi, X. Inclusion of pedagogical universities in international subject rankings: problems and prospects 100
Безукладников К.Э., Попова Н.С., Жигалев Б.А. Дифференцированное обучение иностранному языку на основе осознанности: вопросы подготовки учителя 106
Плетенева И.Ф., Паршуткина Т.А., Осипова Н.В. Контекстный подход в истории отечественного иноязычного образования 118
Подлесных А.А., Ким Т.К., Ким Р.К., Жеребкин Н.Н. Особенности проявления постурального баланса у юных дзюдоистов с различным профилем моторной асимметрии 128
Моисеев С.А., Филатова Н.П., Кайсин А.С. Конверсия технологии построения спортивной тренировки в профессионально-прикладной физической подготовке будущих военных инженеров-ремонтников 137

ИСТОРИЯ

Бехтерева Л.Н. Природно-ресурсные факторы промышленной колонизации Прикамья в оценке раннесоветской историографии 146

CONTENTS

PHILOSOPHY

Nosova S.S. Metamorphosis and digital network society …….. 5
Ivanov A.G. Propaganda and “work on myth” in documentary series (using the example of the film *A Brief Guide to How the World Works*) ……. 15
Musiets P.V. The status of social actors in line with the vision of social heterology …… 23

PHILOLOGY

Kabanina O.L. The evolution of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s poetic worldview …….. 29
Mu Yu. Art blog texts as a source for studying the media image of China …… 35
Chechnev Ya.D., Savina A.D. “Returning to the original meaning of words is the task of every poet”: Nikolay Gumilyov’s unknown review of Rene Schickele’s poetry ……. 46
Shutova A.V. Features of the conceptual structure of Osip Mandelstam’s poetic texts in poems of different years …… 53

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Golubin R.V., Isakova I.A., Korotyshev A.P., Rykhtik P.P. PROZIS-analysis: The possibility of assessing users’ reaction to significant newsworthy events on the internet …….. 59
Dobrolyubova E.I., Maslennikova E.V. Evaluating the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety: A sociological approach …….. 68
Zalyaev A.R. Occupational continuity and dynasties among medical students in Russia and China ……. 76
Pantykina M.I. Digital nomads as economic actors: Features of socioeconomic practice …… 83
Filipova A.G., Tolvaišis L., Rakitina N.E. A spatial perspective on childhood: Children’s geography, child’s agency and trends in social sciences …… 93

PEDAGOGICS

Abakumova N.N., Lei G., Savitskaya I.S., Sisi X. Inclusion of pedagogical universities in international subject rankings: Problems and prospects …….. 100
Bezukladnikov K.E., Popova N.S., Zhigalev B.A. Mindfulness-based differentiation in foreign language instruction: Teacher training aspects …… 106
Pleteneva I.F., Parshutkina T.A., Osipova N.V. The contextual approach in the history of Russian foreign language education …….. 118
Podlesnykh A.A., Kim T.K., Kim R.K., Zherebkin N.N. Features of postural balance manifestation in young judokas with different profiles of motor asymmetry …… 128
Moiseev S.A., Filatova N.P., Kaisin A.S. Conversion of the technology of sports training design in the professional applied physical training of future military engineers-repairmen …… 137

HISTORY

Bekhtereva L.N. Natural-resource factors of the industrial colonization of the Kama region in the evaluation of early Soviet historiography …… 146

Макеева С.Б. Реализация стратегии скоординированного регионального развития КНР в 1990–2010-е гг.: современная китайская историография 155
Зеленская Г.М., Севастьянова С.К Кийский Крест: перспективы изучения 164
Фам К.Н., Фам Т.В., Фаерман А.В. Культ предков в современном вьетнамском обществе (восприятие, роль, тенденции) 176
Шереметьева Д.Л. Красноярский банкет полковника М.И. Федоровича 22 октября 1918 г.: «анатомия» политического скандала в условиях демократической контрреволюции 182

ПРАВО

Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Свиридов М.К. Правовая неопределённость норм о зачёте срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст.105.1 УПК РФ, в срок наказания: проблемы правоприменения и пути решения 191
Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А., Попова А.Н. Место внутреннего права международных организаций в системе международного права 197
Енгалычев В.Ф., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р. 206
Кулаков В.В., Воронов И.Ю. Баланс интересов работника и работодателя 215
Селиверстов В.И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние на расширение практики помилования 222
Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство 229
Стоун Е.М. Об особенностях основных криминологических показателей особо тяжкой преступности Дальневосточного федерального округа 238
Татаринов М.К., Волеводз А.Г. Политика Европейского союза по вопросам выдачи в третьи государства: дело Алексея Петрухина 244

Makeeva S.B. Implementation of the strategy for coordinated regional development of the PRC in the 1990s–2010s: Modern Chinese historiography 155
Zelenskaia G.M., Sevastyanova S.K. The Cross of Kiy: Prospects for exploring 164
Pham C.N., Pham T.V., Faerman A.V. The cult of ancestors in modern Vietnamese society: Perception, role, trends 176
Sheremeteva D.L. The Krasnoyarsk banquet of Colonel Mikhail Fedorovich on 22 October 1918: The “anatomy” of the political scandal in the context of the democratic counter-revolution 182

LAW

Andreeva O.I., Rukavishnikova A.A., Sviridov M.K. Legal ambiguity of norms on the set-off of the restraining order time period provided for in Item 1 Part 6 Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code as part of punishment: Problems of law enforcement and ways to solve them 191
Bekyashev D.K., Bekyashev K.A., Popova A.N. The place of internal law of international organizations in the system of international law 197
Engalychev V.F., Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Psychological and forensic analysis of a mass murder case: Ilnaz Galyaviev’s psychological profile 206
Kulakov V.V., Voronov I.Yu. Balancing the interests of the employee and the employer 215
Seliverstov V.I. Pardons in the Russian Federation: Innovations of 2020 and their impact on the expansion of the use of pardons 222
Stepanov O.A., Basangov D.A. On the prospects for the impact of artificial intelligence on judicial proceedings 229
Stoun E.M. On the peculiarities of the main criminological indicators of modern core crimes in Russia’s Far Eastern Federal District 238
Tatarinov M.K., Volevodz A.G. The European Union policy on extradition to third states: The Aleksei Petruhhin Case 244

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 316.324.8
doi: 10.17223/15617793/475/1

Метаморфозис и цифровое сетевое общество

Снежана Сергеевна Носова[1]

[1]*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, sagan99@mail.ru*

Аннотация. В результате социально-философского анализа выявлена связь между метаморфозисом цифрового сетевого общества как циклом его взаимообусловленных радикальных трансформаций («превращений») и особенностями самой сети как структурной основы этого общества; определены его основные метаморфозы и высказан прогноз относительно его дальнейшего развития. Проанализированы концепты «метаморфозы», «сеть» и их производные. Прослежен генезис цифрового сетевого общества в рамках двух базовых технопарадигм – «утопической» и «антиутопической».

Ключевые слова: социально-философский анализ, метаморфозы, метаморфозис, сеть, сетевой подход, цифровое сетевое общество, «утопическая» и «антиутопическая» парадигмы

Для цитирования: Носова С.С. Метаморфозис и цифровое сетевое общество // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/475/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/1

Metamorphosis and digital network society

Snezhana S. Nosova[1]

[1]*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sagan99@mail.ru*

Abstract. The paper is aimed at revealing the connection between the features of the network itself as the structural basis of the digital network society and its metamorphosis as a cycle of its interdependent radical transformations or metamorphoses. The relevance of the study is due to the fact that modern society, becoming network and digital, goes through many metamorphoses in all its spheres and its ontology, and turns into a hybrid entity, a kind of a sociobiotechnosphere. The consequences of these metamorphoses are unpredictable and bring along a wide range of risks for humanity. A socio-philosophical analysis of what is happening can help identify new factors of such metamorphoses, predict their possible scenarios, and the degree of their probabilistic impact on people, which helps to reduce risks and provides society with hope for further development. The analysis was based on two assumptions: (1) the network itself, as a complex and dynamic structure, has characteristics that explain its tendency to metamorphoses of various types; (2) when exploring the concepts of a digital network society, it is necessary to take into account two polar basic techno-paradigms – "utopian" and "dystopian", which can contribute to a deeper reflection of the metamorphoses observed in it. The work examines the concept "metamorphosis" and concludes that they have accompanied the development of society throughout its history, taking the form of "industrial revolutions", "ruptures", "catastrophes", "paradigm changes", and the like. Further, the concepts "network", "network approach", network society and its "basic techno-paradigms" are defined. Taking into account a number of approaches representing the attitude of philosophers, scientists and futuristic writers to the technologization and digitalization of the networked society, the author conventionally divides them into two polar techno-paradigms: "utopian" and "dystopian", and uses them, along with the key concepts presented above as a basic methodological research tool. The results of the socio-philosophical analysis are confirmation of the connection between the network as the basic structure of modern digital society and its metamorphosis; identifying its main metamorphoses and defining the "new normality" (K. Schwab) as "the foreseen metamorphosis of the world" and a possible negative scenario for the further development of society. At the same time, humanity still has chances for a better future, since the nonlinear nature of the "metamorphosis of the world" (Sorokin, Beck) is not only a source of risks, but also a source of hope for a drastic turn from the dead-end branch of the development of society and the transformation of a person into a biological appendage of neural networks.

Keywords: socio-philosophical analysis, metamorphoses, metamorphosis, network, network approach, digital network society, utopian and dystopian paradigms

© Носова С.С., 2022

***For citation*:** Nosova, S.S. (2022) Metamorphosis and digital network society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/1

Актуальность исследования

Современное общество становится *сетевым* и *цифровым*, проходя через череду радикальных трансформаций как в различных сферах собственной жизнедеятельности, так и в своей онтологии. Эти процессы, осуществляющиеся под воздействием целого ряда факторов, превращают его в гибридную сущность, некую социобиотехносферу, последствия чего малопредсказуемы для человечества, что обусловливает необходимость социально-философского анализа происходящего через призму сформированных к сегодняшнему дню представлений о метаморфозах. Такой анализ поможет сформулировать потенциальные сценарии метаморфозиса социокультурного и социоприродного характера, выявить уровень вероятностного воздействия людей на эти процессы для снижения их негативного влияния, а также подарить человечеству надежду на выживание и развитие.

Мы полагаем, что основу такого анализа могут составить два следующих предположения:

1) будучи наиболее динамично развивающейся и трансформирующейся структурой, сама сеть имеет характеристики, объясняющие её склонность к непрерывно усложняющимся кардинальным изменениям, т.е. метаморфозам различного типа;

2) исследуя всевозможные концепции сетевого общества на различных этапах его становления (доцифровом, начально-цифровом и непосредственно цифровом), важно рассматривать две полярные базовые технопарадигмы – «утопическую» и «антиутопическую», что содействует более глубокой рефлексии наблюдаемых в нём метаморфоз как сложных и амбивалентных явлений и осознанию полярности взглядов на их (метаморфоз) последствия.

Метаморфозы как радикальные трансформации

Метаморфозы (от греч. μεταμορφωστς и англ. metamorphosis) стали описываться мыслителями как глубокие превращения или перерождения чего-либо или кого-либо в нечто иное с древних времён. Например, этим занимались античные философы и поэты – Гераклит, Публий Овидий Назон. Первоначально метаморфозам приписывали такие характеристики, как сакральность (свершение по воле богов и высших сил); непреднамеренность (их непредвиденность для наблюдателя); разномасштабность (от отдельных и относительно «простых» до грандиозных превращений); подчинённость закону непрекращающегося изменения и непрерывной трансформации из одной противоположности в другую. В дальнейшем идея метаморфозы стала заявлять о себе во всех формах общественного сознания: от религии, философии и искусства до науки, которая описывает как *метаморфозис* самые разные природные превращения (например, жизненный цикл некоторых насекомых и рыб).

В эпоху Просвещения, в XVIII в., вера в торжество человеческого разума над «отсталыми» формами сознания и восприятия мира и в его способность превращать «вещи в себе» в «вещи для человека» привела к переоценке сущности метаморфоз и их десакрализации. В XIX в. философы, социологи и экономисты обратились к общественным метаморфозам как предмету своей научной рефлексии, представляя их как явления, в большей степени зависящие от людей, а также конкретного исторического и социокультурного контекстов, а значит, поддающиеся не только пониманию, но предвидению и определенной промежуточной коррекции («двойной метаморфоз» К. Маркса «товар – деньги – товар») [1]. Последнее сущностно отличает общественные метаморфозы от естественных природных метаморфоз, имеющих жесткие результаты (как, например, химические процессы перехода вещества из одного состояния в другое типа «лед – вода – пар»). Еще одним видом метаморфоз, представлявших в XIX в. интерес для учёных, стали социоприродные метаморфозы как итог «намеренных побед» человека над силами природы с негативными для неё последствиями (Ф. Энгельс) [2].

По прошествии времени пришло понимание того, что метаморфозы, имеющие социокультурные и экономические причины, могут быть как *необратимыми* (превращение главного героя в изолированного от общества «паразита» у Ф. Кафки), так и *обратимыми*, то есть заранее предвиденными и управляемыми индивидом с целью формирования определенного о себе впечатления у окружающих (концепция метаморфоз как социоконструктов И. Гоффмана) [3]. Результатом необратимой и «незавершённой» (М. Бахтин) [4] метаморфозы может стать потеря человеком своей идентичности при сохранении мыслительных способностей и навыков коммуникации, как это случилось с Грегором Замзой в начале его трансформации в новелле Ф. Кафки «Превращение» [5]. Неоднозначная сущность социокультурных и социоприродных метаморфоз как «инверсий двоичных противопоставлений» была представлена М. Бахтиным [6] в его теории карнавала и Дж. Александером [7] в теории социального перформанса. В обоих случаях подчёркивается одновременная линейность и нелинейность действия/события, его изначальная спланированность и, как следствие, его незавершённый и «открытый» характер. Отличие карнавала от социального перформанса заключается в «условности» превращения в первом и в наличии инверсии, «заслуживающей доверия» и становящейся причиной ценностных и нормативных турбулентностей, – во втором.

Подход к пониманию социокультурных метаморфоз как «нелинейных трансформаций, обусловленных интегральной (сложной) причинностью и имманентной самодетерминацией» (П. Сорокин) [8] формируется в XX в. Его новизна, однако, не отменяет присутствия в нём древних представлений о метаморфозах

как о превращениях, последствия которых невозможно предвидеть. Данный подход представляет всю историю человечества как ряд социокультурных метаморфоз («бесцельных исторических флуктуаций») в рамках четырёх фаз цикла «Кризис – Катарсис – Харизма – Воскресение». При этом данные фазы могут привести и к конструктивным, и к деструктивным результатам для людей. Предложенный П. Сорокиным цикл описывает метаморфозис всех социокультурных суперсистем и отдельных процессов в обществе.

У. Бек в своей теории «метаморфоз мира», появившейся из его же теории общества риска, рассматривает метаморфозу мира как «сложное спонтанное и необратимое превращение мира в нечто неизвестное и незапланированное, возникающее как следствие побочных эффектов прогресса современности» [9]. Здесь прослеживается связь с концепцией метаморфоз П. Сорокина, в которой делается акцент на нелинейности социокультурных метаморфоз; а также с более ранним пониманием метаморфоз как явлений, не поддающихся предвидению. Ключевые черты теории Бека состоят в следующем:

1) ее космополитичности или «коперниканском повороте 2.0» (у национальных государств нет возможности регулировать глобальные метаморфозы);

2) новой парадигме (современное общество развивается не поступательно, а турбулентно, переживая разрывы и процессы распада);

3) определённой степени оптимистичности (в современном мире метаморфозы являются, скорее, не «негативными эффектами хорошего», а «положительными побочными эффектами плохого»);

4) актуальном переосмыслении идей о «жизни как риске» Ф. Ницше, которое представляет собой видение социоприродных метаморфоз (например, изменения климата) как факторов кардинального изменения общественного сознания и ценностей, что, в первую очередь, касается молодых поколений, рожденных «цифровыми аборигенами» и воспринимающих происходящие метаморфозы как часть своей жизни;

5) утопичности восприятия роли СМИ, новых медиа и социальных сетей как положительной в метаморфизации мира в XXI в.;

6) открытости для интерпретаций в будущем.

С. Кравченко в своём обзорном исследовании [10] сформулировал следующие основные факторы современных метаморфоз:

1) социальное становление как постоянная незавершенность развития социума;

2) глобализация и глокализация происходящих в мире процессов;

3) возникновение сложных социальных и техноприродных гибридов;

4) создание «инсценированной реальности»;

5) современные тенденции формирования научного знания и технологий.

Также С. Кравченко выделил следующие типы усложняющихся метаморфоз: метаморфозы общества в «антиобщество», метаморфозы экономики в «антиэкономику», метаморфизация человека в «античеловека», метаморфозы «как побочный эффект», метаморфозы постсоветской России. Согласно Кравченко, «переоткрывать» тему современных метаморфоз необходимо, поскольку они, во-первых, предрасположены к эффекту «стрелы времени» (И. Пригожин, И. Стенгерс) [11]; во-вторых, перевоплощаются в ключевой и независимый фактор социоприродных турбулентностей; в-третьих, имеют амбивалентную природу [12].

На данный момент совершенно очевидным является то, что социокультурные метаморфозы всегда сопутствовали развитию социума, принимая формы «промышленных революций», «разрывов», «катастроф», «смен парадигм» и т.п. Появление новых технологий и возможности у человека влиять на природные и социальные процессы в мировом масштабе привели к возникновению социоприродных метаморфоз, характеризующихся амбивалентностью, как и социокультурные. Последнее свойство связано с их одновременно линейной и нелинейной сущностью и их возможностью вызывать и положительный, и негативный исход.

Сеть, сетевой подход и сетевое общество

Для того чтобы анализировать современное цифровое сетевое общество с точки зрения его метаморфизации, необходимо, прежде всего, определиться с концептами «сеть», «сетевой подход», «сетевое общество» и его «базовые технопарадигмы».

Мы предлагаем рассматривать метафорический концепт «сеть» и производные от него как «маркеры» начала понимания сути устройства общества в целом и появления его новой – сетевой – онтологии в частности. Основываясь на изучении теорий и концепций М. Кастельса [13], Р. Коллинза [14], Б. Мандельброта [15], Э. Тоффлера [16], В. Васильковой [17], А. Назарчука [18], А. Олескина [19] и др., мы пришли к заключению, что *сеть*, являющаяся одной из фундаментальных онтологических структур, находящейся в основании явлений любой сферы бытия, по сути своей универсальна и «вездесуща». Существует ряд базовых характеристик, присущих любой сети: наличие «вершин» (или «узлов») и «рёбер»; высокая степень динамичности (подвижности); свойство расти по вертикали и горизонтали, развиваясь параллельно со своим окружением; склонность к экспансии; глобальный или локальный характер; децентрализация или централизация (т.е. неиерархичность или иерархичность); одномерность или многомерность. Крупные сети, включающие в себя более мелкие автономные и периферийные, могут сочетать в себе признаки децентрализации и централизации. Вместе с представленными выше характеристиками, к признакам собственно социальных сетей можно отнести их мультирациональность, самоорганизацию, саморазвитие, самообучаемость; кооперативность как объединение пользователей некими разделяемыми ими ценностями, идеями, целями; эгалитарность или неэгалитарность.

Сетевой подход к исследованию общества даёт возможность выявить в нём некие «сетевые» призна-

ки. Он помогает обнаружить за сложной системой общественных отношений глубинные упорядоченные сетевые модели, позволяя делать это с системами любого уровня и размера. Существующие варианты генезиса сетевого подхода («естественно-научный», «информационный» и «социально-коммуникативный») не являются взаимоисключающими. Методологический потенциал сетевого подхода постоянно растет благодаря появлению в нём новых концепций и теорий. Его применение привело нас к выводу, что именно сеть представляет собой структурную основу социально-экономического устройства современного общества, хотя номинативно концепта «сеть» в его определениях может и не быть. Из-за того, что сеть представляет собой самую активно развивающуюся и трансформирующуюся структуру из всех существующих, сетевая основа современного общества делает его *имманентно* подверженным постоянным кардинальным трансформациям и метаморфозам.

В данной работе мы рассматриваем концепты «цифровое сетевое общество» и «общество-Сеть» как синонимы, обозначающие явления, появившиеся только в эпоху Третьей промышленной революции, имея при этом в виду, что сама по себе организация общества по принципу сети имела место с древних времён. К ключевым признакам современного общества-Сети можно отнести непрерывность его существования и глобальный характер, поддерживаемые общими интересами его членов; его перманентная усложняемость в плане структуры. Изучая генезис появления сетевого общества, мы выделили следующие периоды его существования: доцифровая эпоха (первобытные времена – середина XX в.); начальная цифровая эпоха (1950–1980-е гг.) и непосредственно цифровая эпоха (1990-е гг. – настоящее время). На эти периоды можно разделить и историю изучения сетевого общества, за исключением доцифровой эпохи. В данном случае эта история начинается с конца XIX – начала XX в.

Многие характеристики, определяющие реальное современное цифровое сетевое общество, предугадали и описали философы, учёные и писатели-футурологи задолго до наступления самой цифровой эпохи. Принимая во внимание то, что есть целый ряд различных подходов, представляющих отношение авторов к роли технологий в жизни общества, мы условно разделили их на две полярные технопарадигмы: «утопическую» и «антиутопическую». Данные парадигмы, вместе с ключевыми концептами «метаморфозы», «метаморфизация», «сеть», «сетевой подход» и «сетевое общество», представляют собой базовый методологический инструментарий исследования, которому посвящена данная статья.

Сетевое общество в начальную цифровую эпоху

Основываясь на описанной выше методологии, нами был проведён анализ сетевого общества в начальную цифровую эпоху и в эпоху его становления как реальной сущности. При этом начало цифровой эпохи мы связываем с изобретением первого транзистора и первых компьютеров (конец 1940-х гг.). В конце 1950-х гг. исследовательский проект ARPA явил миру раннюю версию интернета, который стал базовой технологией появляющегося цифрового сетевого общества. Но самой значимой социотехнической метаморфозой XX в. можно считать превращение интернета из локального инструмента научной коммуникации во «всемирную мировую паутину» (WWW). Это стало возможным не только из-за объединения нескольких технических инноваций, но и благодаря изначально транслируемой создателями интернета философии открытости и межсетевого взаимодействия. Данная философия не предполагала необходимости в специальных девайсах для подключения к интернету и мирового контроля над Сетью, осуществляемого каким-либо одним социальным субъектом, индивидуальным или коллективным. Интернет должен был стать открытой децентрализованной «сетью сетей», предоставляющей неограниченным доступ к своим протоколам из любой точки земного шара и способной принять для подключения любой компьютер и IP. Один из основателей ARPANET Леонард Кляйнрок писал: «Мы твёрдо знали, что контроль над Сетью должен быть передан всем людям» [20].

С середины XX века и до начала 1990-х гг. многие философы, учёные и писатели-футурологи использовали те или иные метафоры, описывая с достаточно высокой степенью достоверности грядущее общество-Сеть и разгадывая его ключевые «коды». Вместе с этим им удалось и предвидеть некоторые эффекты его метаморфизации. Эти концепции и идеи мы разделили с точки зрения утопичности (М. Маклюэн, Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, ранний Дж. Нейсбит, Б. Латур и М. Каллон, Л. Герлах и В. Хайн, Р. Эмерсон, М. Грановеттер, Н. Луман и др.) [21–31] и антиутопичности (Ж. Делёз и Ф. Гваттари, Ж. Аттали, Ю. Хабермас, А. Турен) [32–35] позиций, обнаружив явное доминирование в них первой – «утопической». Это может объясняться рядом объективных факторов, представлявшимися многим тогда позитивными с точки зрения их влияния на развитие общества. Прежде всего, это появление и развитие принципиально новых – цифровых – компьютерных технологий, казавшихся предвестниками «эры процветания» всего человечества.

«Утопическая» парадигма представляла грядущее цифровое сетевое общество в большей степени неиерархичным, что, вероятно, обусловлено переносом собственных представлений утопистов-технократов о структурных особенностях сети на социальные системы. Основными кодами-метафорами, отражающими ключевые онтологические характеристики будущего общества-Сети и глобальные метаморфозы антропологического и социотехнического характеров, стали: «глобальная деревня» и «расширение человека» (М. Маклюэн); «третья волна» и «электронный коттедж» (Э. Тоффлер); «техноструктура» и «самоэксплуатация» (Дж. Гэлбрейт); «постиндустриальное общество» и «инженерный класс», «стирание границ между пространством и временем» (Д. Белл); «мегатренды» (Дж. Нейсбит); «акторы-субъекты», «акто-

ры-объекты» и «гибридные сети» (Б. Латур и М. Каллон); «spin-структуры» (Л. Герлах и В. Хайн); «сильные и слабые связи» (М. Грановеттер); «бессубъектные аутопоэтические системы», «смысловая коммуникация» (Н. Луман); «ризома», «детерриториализация», «мысль кочевника/номада», «машина войны», «трайбалистская культура» (Ф. Гваттари и Ж. Делёз); «электронные номады», «кочевые предметы», «номадический каннибализм» (Ж. Аттали); «жизненный мир» и «системный мир», «инструментальное действие» и «коммуникативное действие» (Ю. Хабермас); «программированное общество» (А. Турен). Главной социальной группой, по мнению утопистов-технократов, должны были стать самые активные пользователи интернета (А. Турен).

Цифровое сетевое общество как реальная сущность

Становление цифрового сетевого общества как реальной сущности стало возможным благодаря, во-первых, преобразованию структуры социальных коммуникаций в начале 1990-х гг., обусловленному главенствующей ролью электронных информационных технологий (М. Кастельс); а во-вторых, глобальному распространению интернета. Сложность исследования метаморфоз реального общества-Сети в контексте утопической и антиутопической парадигм объясняется тем, что ряд утопистов постепенно изменили своё отношение к данному явлению на диаметрально противоположное вследствие появления непредвиденных метаморфоз с негативными последствиями в процессе цифровизации. Утопистами со стойкими мировоззренческими позициями остались, на наш взгляд, основатели Кремниевой долины (Б. Гейтс, Н. Мирволд, Г. Кавасаки, Р. Курцвейл, Э. Шмидт, Дж. Коэн и др.) [36–39] и трансгуманисты-либертианцы (Г. Моравек, Дж. Хьюз, Г. Бострём, Д. Пирс, Ю. Хвастунова и др.) [40–43]. Они сохранили убеждённость в том, что, NBIC(nano-, bio-, info-, cognitive-)-конвергенция, образуя научно-техническое ядро будущей цивилизации, является основной причиной новых метаморфоз социокультурной реальности и самого человека.

Анализ концепций и идей вышеперечисленных авторов помог нам выявить следующие базовые коды-метафоры «утопической парадигмы», представляющие основные онтологические характеристики современного цифрового сетевого общества и его метаморфоз: «информационализм», «гибридность» (реальная виртуальность/виртуальная реальность), «социальные сети» (М. Кастельс) [44]; «скорость» (Б. Гейтс) [36]; «цифровое мышление» (Г. Кавасаки) [37]; «техносингулярность» (Р. Курцвейл) [38]; «трансгуманизм» (Дж. Хаксли и Н. Бострём и др [42, 45] «сетевой индивидуализм» (А. Бард и Я. Зодерквист) [46]; «комплексность» (сложность) (М. Кастельс, Я. ван Дейк) [47, 48]; «взаимозависимая экономика» и «ценностные сети» (М. ван Марревийк) [49]; «сетевое поколение» (Д. Тэпскотт) [50]; «нетократия», «консьюмтариат», «иерархические сети» и «сетевой капитал» (А. Бард и Я. Зодерквист) [46]; «бобо» (Д. Брукс) [51]; «креативный класс», «индекс богемы» (Р. Флорида) [52]; «виртуализация» (Э. Оверти) [53]; «прерывистое равновесие» (Н. Элбридж и С. Гоулл) [54]; «эволюционирующая паутина» (В. Холл) [55]; «новый цифровой мир» (Э. Шмидт и Дж. Коэн) [39]; «пчелиный улей», «потоковость», «скрининг», «ремиксование», «холос» (К. Келли) [56]; «сдвиг» (Дж. Ито и Дж. Хоул) [57]; «Четвертая промышленная революция» (К. Шваб) [58].

В рамках «антиутопической» парадигмы кодами-метафорами современного цифрового сетевого общества являются: «общество контроля» (С. Гарфинкель) [59]; «диджифрения» (цифровая шизофрения), «коллапс повествования», «бесконечная петля» (Д. Рашкофф) [60]; «Матрица» (братья Вачовски) и «возможность Матрицы» (Н. Бострём и др.) [61]; «пустыня Реального» (С. Жижек) [62]; «киборг», «электронные хабы», «непрерывное поле присутствия», «постседентаристское пространство», «зоны сетевой взаимозависимости», «зоны контроля», «логические тюрьмы» (У. Митчелл) [63]; «текучая современность», «скорость», «проницаемость», «расплавленность», «инверсионность жизненных стратегий», «контейнер возможностей» (З. Бауман) [64]; «мобильности», «потоки», «гибриды», «зоны напряженности» (Дж. Урри) [65]; «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты» (М. Пренски) [66].

Очевидные изменения отношения многих философов, учёных, педагогов и общественных деятелей к цифровизации как глобальной социотехнологической метаморфозе начинают проявляться с начала 2000-х гг. Причиной метамофизации взглядов стали явно прослеживающиеся негативные последствия цифровизации (Д. Тэпскотт, Ж. Бодрийяр, Н. Карр, О. Петерс и др.) [50, 67–69]. Самой яркой иллюстрацией такого мировоззренческого поворота стала «двойная метаморфоза» основателя «всемирной Сети» Т. Бернерса-Ли (от утопии – к антиутопии и снова – к утопии), отражающая цикличность метаморфизации отношения к технологиям [70].

Несмотря на контрастность отношения к развитию технологий и цифровизации, представленную в дискурсе в начальную цифровую эпоху (1950-е – до начала 1990-х гг.), в целом, можно сказать, что нейтральная и позитивная позиции социальных философов, учёных и писателей-футурологов всё ещё преобладали, основываясь на их вере в светлое неиерархическое будущее человечества с новыми компьютерными, цифровыми и сетевыми технологиями, а также в то, что такие технологии помогут решить большую часть глобальных проблем. Технологические новации, действительно, превратили в реальность многие предсказанные технократами-утопистами социотехнические и антропотехнические трансформации или метаморфозы: мир стал «глобальной деревней»; жилища – «электронными коттеджами» и «умными домами»; а органы чувств «расширились» настолько, что обеспечили человека, буквально, фантастическими возможностями. Например, появилась возможность быть в нескольких местах и осуществлять коммуникацию с несколькими

субъектами одновременно; появились виртуальная и дополненная реальности и т.д. Лишь относительно немногим философам, учёным и писателям-футурологам было дано предсказать грядущие метаморфозы с побочными негативными последствиями для человечества.

Однако именно в этот период был заложен фундамент для методологии изучения цифрового сетевого общества и его метаморфоз. Появились акторно-сетевая теория Б. Латура – М. Каллона [26, 27], концепция «сильных и слабых связей» М. Грановеттера [30], теория социальных систем Н. Лумана [71], теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса [72], номадология Ф. Гваттари и Ж. Делёза [32], концепция програмированного общества А. Турена [35], теория общества риска У. Бека [9] и др. Эти теории дают возможность понять причины и механизмы метаморфоз современного общества-Сети и представить его фрагментарно или даже более-менее целостно.

Таким образом, благодаря стремительному развитию интернета, появлению новых технологий и расцвету Кремниевой долины, с начала 1990-х гг. и в течение последующего десятилетия укреплялась «утопическая» парадигма цифровой эпохи. Все эти события были доказательством того, что человечество впереди ожидают только «положительные» метаморфозы: человек станет могущественным киборгом, болезни исчезнут, продолжительность жизни увеличится; человеческий мозг заменят компьютеры, что сделает работу корпораций намного эффективнее; естественный интеллект соединится с искусственным, и их синтез позволит избегать техногенных катастроф и заранее предупреждать природные.

Событиями, изменившими взгляды многих защитников цифровизации, стали выход на мировые экраны фильма «Матрица» и террористическая атака 11 сентября 2001 г., а также следующие друг за другом новые и новые метаморфозы общества-Сети с «негативными побочными эффектами хорошего». С этого момента и по настоящее время приверженцы антиутопических взглядов стали усиливать свои позиции, делая дискурс об обществе-Сети и его метаморфозах предельно полярным. Одна сторона этого дискурса представлена взглядами позитивно настроенных технократов-утопистов (Б. Гейтс, Н. Мирволд, Р. Курцвейл, Э. Шмидт, Дж. Коэн, Д. Пирс, К. Келли, К. Шваб и др.) [36, 38, 39, 43, 56, 73], видящих в происходящих радикальных трансформациях «естественные» процессы и убеждающих человечество в необходимости адаптироваться к ним. Они утверждают, что чем скорее люди проявят желание и готовность к кардинальному «совершенствованию» себя (вживлению чипов, использованию NBIC-технологий, получению нового – цифровизованного – образования), тем легче и быстрее произойдёт такая адаптация. Противоположная сторона дискурса представлена исследователями, обнаружившими опасные тренды развития цифрового сетевого общества (С. Гарфинкель, Д. Рашкофф, С. Жижек, Ж. Бодрийяр, О. Петерс, П. Вирилио и др.) [59, 60, 62, 67, 69, 74], связанные с появлением социотехнических, социокультурных и антропотехнических метаморфоз негативного характера. Критика антиутопистов направлена на цифровизацию и технологизацию как возможные причины грядущих мировых катастроф для всего живого на Земле – человека, общества, природы.

За последние три десятилетия методология метаморфоз как радикальных трансформаций общества расширилась благодаря теориям текучей современности З. Баумана [64], мобильностей Дж. Урри [65], «метаморфоз мира» У. Бека [75].

Метаморфозы современного цифрового сетевого общества

Результатом анализа метаморфоз реального цифрового сетевого общества в рамках двух базовых – «утопической» и «антиутопической» – парадигм стали следующие выводы. Основными его метаморфозами являются *превращения*:

– интернета, бывшего изначально локальным инструментом научного сотрудничества, во «всемирную мировую паутину»;

– мира в «глобальную деревню»;

– информационного общества в «информациональное»;

– онтологии с параметрами «время»/«пространство» с чёткими границами между реальным и виртуальным, в гибридную онтологию с параметрами «скорость»/«проницаемость» без границ между реальным и виртуальным;

– неиерархической системы электронных коммуникаций в иерархическую;

– традиционных СМИ в электронные;

– социальных сетей в глобальные коммерческие платформы-корпорации, имеющие влияние как на обычных пользователей, так и на первых лиц государств;

– относительно простых компьютерных программ, управляемых человеческим интеллектом в искусственный интеллект (AI) и нейросети, способные развиваться независимо от человека;

– информации в «большие данные» (Big Data);

– технологического прогресса в «технологическую сингулярность»;

– Сети в «Холос» (супер-сеть);

– гуманизма в «трансгуманизм»;

– человека в «расширенного человека», «электронного номада»/«цифрового кочевника» и киборга;

– человека и компьютера в единый интерфейс;

– традиционных межличностных коммуникаций в электронные;

– живых операторов в электронных операторов-ботов, неотличимых от реальных в условиях онлайн-коммуникации;

– целостной личности в личность «без идентичности», страдающую «цифровой шизофренией»;

– «жизненного мира» в «системный»;

– традиционной семьи в тот или иной тип нетрадиционной;

– «традиционной» элиты в «нетократию»;

– обычных потребителей в «консьюмтариат»;

– молодого поколения в «цифровых аборигенов», а старшего – в «цифровых иммигрантов»;

– жилища в «умный дом» и «электронный коттедж»;

– мира вещей в «интернет вещей»;

– традиционных систем охраны в системы электронного слежения;

– материального/финансового капитала в сетевой капитал;

– актива «деньги» в актив «внимание», играющий в обществе-Сети более важную роль, чем первый;

– обычных войн в кибер- и информационные войны;

– живых экосистем в «вымирающие экосистемы» и экосистемы с измененным климатом (например, Арктическая зона);

– относительно локальных эпидемий в глобальные пандемии, способные отправить весь земной шар в локдаун (карантин) и разрушить национальные экономики, транснациональные логистические связи и предыдущий капиталистический строй.

Данный список не является полным, так как радикальные трансформации (метаморфозы) продолжают происходить в режиме реального времени. Очевидным является то, что мы стали свидетелями уже не отдельных метаморфоз, а *метаморфозиса* как цикла связанных друг с другом метаморфоз, способных вместе и по отдельности столкнуть человечество с непредвиденными и необратимыми последствиями. Таким образом, интенсивный метаморфозис представляется нам имманентной и «сквозной» чертой цифрового сетевого общества и всех его сфер. Мы утверждаем, что цифровизация, NBIC-технологии, турбулентность, «стрела времени» и прочие технологические факторы не ограничивают собой комплекса причин такого метаморфозиса. Одна из главных – «субстанциональных» его причин – особенности самой «сети» как структурной основы современного цифрового общества. Именно её характеристики – ризоматичность, сверхсложность, нелинейность и интерактивность – являются причиной возникновения новых метаморфоз, которые, в свою очередь, приводят к кардинальным трансформациям общества, человека и природы. Метаморфозис – антропо-социокультурный, социотехнический, социоприродный – запускает все перечисленные технологические факторы при взаимодействии с сетевой структурой общества.

Заключение

Основываясь на вышеизложенных выводах, можно с большой долей уверенности утверждать, что авторы концепции «новой нормальности» и «великой перезагрузки» капиталистической экономики (К. Шваб) [73], выдвигая на первый план цель выхода из кризиса, связанного с пандемией COVID-19, явившего собой «непредвиденный негативный побочный эффект хорошего» (глобализации, развития биотехнологий и т.д.), на самом деле предлагают нам новую онтологию, представляющую собой вполне «предвиденную» метаморфозу современного цифрового сетевого общества. Такой вариант будущего видится вполне реальным при условии пассивности гражданского общества и отсутствии альтернативных вариантов новой онтологии со стороны ученых и философов и активных действий лидеров общественного мнения. Тем не менее у человечества всё еще есть шансы на действительно лучшее будущее, так как нелинейный характер «метаморфоз мира» (П. Сорокин, У. Бек) есть не только источник рисков, но и надежд на крутой поворот с тупиковой ветви развития общества и превращения человека в биологический придаток нейросетей.

Список источников

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 4 т. Т. 1. М. : Издательская группа URSS, 2020. 608 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений : в 50 т. Т. 2. М. : Издательство политической литературы, 1955. 652 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-ПРЕСС, 2000.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4. М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2010. С. 7–517.
5. Кафка Ф. Превращение: Рассказы, афоризмы / пер. с нем. С. Апта. СПб. : Азбука-классика, 2003. 320 с.
6. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
7. Alexander J.C. The Drama of Social Life. Cambridge : Polity Press, 2017. 180 p.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
9. Бек У. Общество риска : На пути к другому модерну / пер. с нем. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
10. Кравченко С.А. Метаморфизация общества: фактор «побочных эффектов» и движущая сила глобализации ничто // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 201–211.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
12. Кравченко С.А. Усложняющиеся метаморфозы – продукт «стрелы времени» и фактор социоприродных турбулентностей // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 3–11.
13. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 494–505.
14. Коллинз Р. Социология философии : глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. С. 7–31.
15. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М. : Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
16. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 669 с.
17. Василькова В.В. Сети в социальном познании : от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 15 (5). С. 11–24.
18. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
19. Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 301 с.
20. Kleinrock L. History of the Internet and its flexible future // IEEE Wireless Communications. 2008. Vol. 15 (1). P. 8–18.
21. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека, печатающего / пер. с англ. М. : Академический проект: фонд «Мир», 2005. 495 с.
22. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
23. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. М. : Эксмо, 2008. 1200 с.

24. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М. : Academia, 1999. 956 с.
25. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. 381 с.
26. Латур Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
27. Каллон М. Акторно-сетевая теория. URL: https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон%20М.%20Акторно-сетевая%20теория.pdf (дата обращения: 04.01.2021).
28. Gerlach L., Hine V. People, Power, Change : Movements of Social Transformation. Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1970. 257 p.
29. Emerson R. Power-Dependence Relation // American Sociological Review. 1962. № 27. P. 31–41.
30. Granovetter M. The Strength of Weak Ties : A Network Theory Revised // Sociological Theory. 1983. № 3. P. 201–233.
31. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2001. 256 с.
32. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 6–31.
33. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993. 146 с.
34. Назарчук А.В. Ю. Хабермас и К.-О. Апель: два подхода к обоснованию теории общества в современной немецкой философии // Русский филологический вестник. М., 1998. № 5.
35. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. 204 с.
36. Гейтс Б., Мирволд Н. Дорога в будущее. М. : Русская редакция, 1996. 312 с.
37. Кавасаки Г. Правила Кавасаки. Жёсткое руководство для тех, кто хочет оставить конкурентов позади. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 528 с.
38. Kurzweil R. The Singularity is near : When humans transcend biology. New York : Viking, 2005. 602 p.
39. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
40. Moravec H. Mind Children : The Future of Robot and Human Intelligence. Harvard University Press, 1988. 214 p.
41. Hughes J. Citizen Cyborg : Why Democratic Societies Must Respond To The Redesigned Human Of The Future Paperback. Basic Books, 2004. 320 p.
42. Bostrom N. Superintelligence: paths, dangers, strategies. Oxford University Press, 2014. 352 p.
43. Хвастунова Ю. Гедонистический императив и райская инженерия Дэвида Пирса как нравственно-религиозная основа современного трансгуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 146–156.
44. Castells M. The Rise of the Network Society : The Information Age : Economy, Society and Culture. John Wiley & Sons, 2010. 469 p.
45. Huxley J. Transhumanism // Journal of Humanistic Psychology. 1968. Vol. 8 (1). P. 73–76. doi: 10.1177/002216786800800107
46. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
47. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
48. Van Dijk J. The network society. Third edition. London : SAGE Publications Ltd, 2012. 336 p.
49. Van Marrewijk M. De Cubrix – Zicht op Organisatieontwikkeling en Performanceverbetering, SU De Ronde Tafel. 2011.
50. Tapscott D. Growing Up Digital : The Rise of the Net Generation. McGraw-Hill Companies, 1999. 338 p.
51. Брукс Д. Бобо в раю : откуда берется новая элита. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 296 с.
52. Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2011. 432 с.
53. Overby E. Process virtualization theory and the impact of information technology // Organization Science. 2008. № 19 (2). P. 277–291.
54. Eldridge N., Gould S. Punctuated equilibria: An alternative to phyletic gradualism // Models in paleobiology / ed. by T.J. Schopf. San Francisco : Freeman, Cooper & Co, 1972. P. 82–115.
55. Hall W. The Ever Evolving Web : The Power of Networks // International Journal of Communication. 2011. № 5. P. 651–664. URL: http://ijoc.org/ojs/index.php/ijoc/article/view/1120/548 (дата обращения: 01.11.2021).
56. Келли К. Неизбежно : 12 трендов, которые определяют наше будущее. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 460 с.
57. Ито Дж., Хоуи Дж. Сдвиг : как выжить в стремительном будущем. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 272 с.
58. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 230 с.
59. Гарфинкель С. Все под контролем : Кто и как следит за тобой / пер. с англ. В. Мяснянкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 432 с.
60. Rushkoff D. Present Shock : When Everything Happens Now. New York : Current. 2013. 296 p.
61. Bostrom N. Are You Living In a Computer Simulation? // Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53, № 211. P. 243–255.
62. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального // Искусство кино. 2002. № 1. URL: http://old.kinoart.ru/archive/2002/01/n1-article14 (дата обращения 01.11.2021).
63. Митчелл У.Д. Я++: Человек, город, сети. Strelka Press, 2012. 328 с.
64. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
65. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.
66. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. MCB University Press, 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
67. Baudrillard J. The Gulf War Did not Take Place. Bloomington : Indiana University Press, 1995. 87 p.
68. Carr N. The Shallows : What the Internet Is Doing to Our Brains. New York : W.W. Norton, 2010. 276 p.
69. Peters O. Against the Tide. Critics of Digitalisation: Warners, Sceptics, Scaremongers, Apocalypticists. 20 Portraits // Studien und Berichte der Arbeitsstelle Fernstudienforschung der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. 2013. Vol. 15. URL: https://dergipark.org.tr/tr/ download/article-file/972263 (дата обращения: 03.11.2021).
70. Britanica. URL: https://www.britannica.com/biography/Tim-Berners-Lee (дата обращения: 29.10.2021).
71. Луман Н. Социальные системы. СПб. : Наука, 2007. 648 с.
72. Гостев А.Н., Белоус О.В. Исследование современного коммуникативного дискурса пользователей сети «Интернет» в рамках рефлексивной деятельностно-структурной теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 1. С. 24–31.
73. Schwab K., Malleret T. COVID-19 : The Great Reset. ISBN Agentur Schweiz, 2020. 280 p.
74. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М. : Гнозис, Фонд «Прагматика культуры», 2002. 191 с.
75. Гаврилов К.А. От общества риска к метаморфозам мира : памяти Ульриха Бека // Социологический ежегодник. 2016. С. 317–330.

References

1. Marx, K. (2020) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. A Critique of Political Economy]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya gruppa URSS.
2. Marx, K. (1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
3. Hoffman, I. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Translated from English. Moscow: KANON-PRESS.
4. Bakhtin, M.M. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 7–517.

5. Kafka, F. (2003) *Prevrashchenie: Rasskazy, aforizmy* [Metamorphosis: Stories, aphorisms]. Translated from German by S. Apt. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
6. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Alexander, J.C. (2017) *The Drama of Social Life*. Cambridge: Polity Press.
8. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
9. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Kravchenko, S.A. (2020) Metamorphization of society: the factor of 'side effects' and globalization of nothing *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2 (20). pp. 201–211. (In Russian). doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-201-211
11. Prigogine, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos. A new dialogue between man and nature]. Translated from English. Moscow: Progress.
12. Kravchenko, S.A. (2018) Increasingly complex metamorphoses – the product of "arrow of time" and factor of socio-natural turbulences. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9 (413). pp. 3–11. (In Russian). doi: 10.31857/S013216250001952-0
13. Castells, M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [Formation of a society of network structures]. Translated from English. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [New Post-Industrial Wave in the West. Anthology]. Moscow: Academia. pp. 494–505.
14. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophy: Global Theory of Intellectual Change]. Translated from English. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 7–31.
15. Mandelbrot, B. (2002) *Fraktal'naya geometriya prirody* [The Fractal Geometry of Nature]. Translated from English. Moscow: Institut komp'yuternykh issledovaniy.
16. Toffler, A. (2002) *Metamorfozy vlasti* [Powershift]. Translated from English. Moscow: AST.
17. Vasil'kova, V.V. (2012) Networks in social knowledge: from metaphor to metatheory. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5 (15). pp. 11–24. (In Russian).
18. Nazarchuk, A.V. (2008) A network society and its philosophical judgment. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 61–75. (In Russian).
19. Oleskin, A.V. (2013) *Setevye struktury v biosistemakh i chelovecheskom obshchestve* [Network Structures in Biosystems and Human Society]. Moscow: LIBROKOM.
20. Kleinrock, L. (2008) History of the Internet and its flexible future. *IEEE Wireless Communications*. 1 (15). pp. 8–18.
21. McLuhan, M. (2005) *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka, pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy]. Translated from English. Moscow: Akademicheskiy proekt: fond "Mir".
22. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.
23. Galbraith, J. (2008) *Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe* [The New Industrial State. Selected works]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
24. Bell, D. (1999) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Translated from English by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia.
25. Naisbitt, J. (2005) *Vysokaya tekhnologiya, glubokaya gumannost': Tekhnologii i nashi poiski smysla* [High Tech, High Touch. Technology and Our Search for Meaning]. Translated from English. Moscow: AST: Tranzitkniga.
26. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory]. Translated from English. Moscow: HSE University.
27. Callon, M. (2014) *Aktorno-setevaya teoriya* [Actor-network theory]. Translated from English by A.G. Kuznetsov. [Online] Aviable from: https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Kallon%20M.%20Aktorno-setevaya%20teoriya.pdf (Accessed: 04.01.2021).
28. Gerlach, L. & Hine, V. (1970) *People, Power, Change: Movements of Social Transformation*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
29. Emerson, R. (1962) Power-Dependence Relation. *American Sociological Review*. 30. pp. 31–41.
30. Granovetter, M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revised. *Sociological Theory*. 3. pp. 201–233.
31. Luhmann, N. (2001) *Vlast'* [Power]. Translated from German by A.Yu. Antonovskiy. Moscow: Praksis.
32. Deleuze, J. & Guattari, F. (1996) Rizoma [Rhizome]. Translated from English. In: Usmanova, A. (ed.) *Filosofiya epokhi postmoderna* [Philosophy of the Postmodern Era]. Minsk: Krasiko-print. pp. 6–31.
33. Attali, J. (1993) *Na poroge novogo tysyacheletiya* [Millenium. Winners and losers in the Coming World Order]. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
34. Nazarchuk, A.V. (1998) Yu. Khabermas i K.-O. Apel': dva podkhoda k obosnovaniyu teorii obshchestva v sovremennoy nemetskoy filosofii [J. Habermas and K.-O. Apel: two approaches to substantiating the theory of society in modern German philosophy]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*. 5.
35. Touraine, A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society]. Translated from French. Moscow: Nauchnyy mir.
36. Gates, B. & Myhrvold, N. (1996) *Doroga v budushchee* [The Road Ahead]. Translated from English. Moscow: Russkaya redaktsiya.
37. Kawasaki, G. (2014) *Pravila Kavasaki. Zhestkoe rukovodstvo dlya tekh, kto khochet ostavit' konkurentov pozadi* [Reality Check: The Irreverent Guide to Outsmarting, Outmanaging, and Outmarketing Your Competition]. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
38. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity is near: When humans transcend biology*. New York: Viking.
39. Schmidt, E. & Cohen, J. (2013) *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudey, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv* [The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
40. Moravec, H. (1988) *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*. Harvard University Press.
41. Hughes, J. (2004) *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future Paperback*. Basic Books.
42. Bostrom, N. (2014) *Superintelligence: paths, dangers, strategies*. Oxford University Press.
43. Khvastunova, Yu. (2020) David Pearce's hedonistic imperative and paradise engineering as a moral and religious basis of modern transhumanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. pp. 146–156. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/56/15
44. Castells, M. (2010) *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. John Wiley & Sons.
45. Huxley, J. (1968) Transhumanism. *Journal of Humanistic Psychology*. 1 (8). pp. 73–76. doi: 10.1177/002216786800800107
46. Bard, A. & Soderqvist, J. (2004) *Netokratiya. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism]. Translated from English. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge.
47. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Rise of the Network Society]. Translated from English by O.I. Shkaratan. Moscow: GU VShE.
48. Van Dijk, J. (2012) *The network society*. 3rd ed. London: SAGE Publications Ltd.
49. Van Marrewijk, M. (2011) *De Cubrix – Zicht op Organisatieontwikkeling en Performanceverbetering*. SU De Ronde Tafel.
50. Tapscott, D. (1999) *Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation*. McGraw-Hill Companies.

51. Brooks, D. (2014) *Bobo v rayu: otkuda beretsya novaya elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
52. Florida, R. (2011) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushche*e [The Rise of the Creative Class. Revisited]. Translated from English. Moscow: Klassika-XXI.
53. Overby, E. (2008) Process virtualization theory and the impact of information technology. *Organization Science*. 19 (2). pp. 277–291.
54. Eldridge, N. & Gould, S. (1972) Punctuated equilibria: An alternative to phyletic gradualism. In: *Models in paleobiology*. San Francisco: Freeman, Cooper & Co. pp. 82–115.
55. Hall, W. (2011) The Ever Evolving Web: The Power of Networks. *International Journal of Communication*. 5. pp. 651–664. [Online] Available from: http://ijoc.org/ojs/index.php/ijoc/article/view/1120/548 (Accessed: 01.11.2021).
56. Kelly, K. (2017) *Neizbezhno: 12 trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee* [The Inevitable. Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
57. Ito, J. & Howe, J. (2013) *Sdvig: kak vyzhit' v stremitel'nom budushchem* [Whiplash. How to Survive Our Faster Future]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
58. Schwab, K. (2016) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
59. Garfinkel, S. (2004) *Vse pod kontrolem: Kto i kak sledit za toboy* [Everything under control: Who and how is watching you]. Translated from English by V. Myasnyankin. Yekaterinburg: U-Faktoriya.
60. Rushkoff, D. (2013) *Present Shock: When Everything Happens Now.* New York: Current.
61. Bostrom, N. (2003) Are You Living in a Computer Simulation? *Philosophical Quarterly*. 211 (53). pp. 243–255.
62. Zhizhek, S. (2002) Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo [Welcome to the Desert of the Real]. Translated from English by V. Kulagina-Yartseva. *Iskusstvo kino.* 1. [Online] Available from: http://old.kinoart.ru/archive/2002/01/n1-article14 (Accessed: 01.11.2021).
63. Mitchell, W.J. (2012) *Ya++: Chelovek, gorod, seti* [Me++: The Cyborg Self and the Networked City]. Strelka Press.
64. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
65. Urry, J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praksis.
66. Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. 5 (9). pp. 1–6.
67. Baudrillard, J. (1995) *The Gulf War Did not Take Place*. Bloomington: Indiana University Press.
68. Carr, N. (2010) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: W.W. Norton.
69. Peters, O. (2013) Against the Tide. Critics of Digitalisation: Warners, Sceptics, Scaremongers, Apocalypticists. 20 Portraits. *Studien und Berichte der Arbeitsstelle Fernstudienforschung der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg*. 15. [Online] Available from: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/972263 (Accessed: 03.11.2021).
70. Britannica. [Online] Available from: https://www.britannica.com/biography/Tim-Berners-Lee (Accessed: 29.10.2021).
71. Luhmann, N. (2007) *Sotsial'nye sistemy* [Social Systems]. Translated from German by I.D. Gadziev. Saint Petersburg: Nauka.
72. Gostev, A.N. & Belous, O.V. (2019) Research of a modern communicative discourse of users of the Internet network within the reflexive activity and structural theory of communicative action of Jurgen Habermas. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital Sociology*. 1 (2). pp. 24–31. (In Russian). doi: 10.26425/2658-347X-2019-1-24-31
73. Schwab, K. & Malleret, T. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. Zürich: ISBN Agentur Schweiz.
74. Virilio, P. (2002) *Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana* [The information bomb. Deception strategy]. Translated from French by I. Okuneva. Moscow: Gnozis, Fond "Pragmatika kul'tury".
75. Gavrilov, K.A. (2016) From risk society to the metamorphosis of the world: in memoriam Ulrich Beck. *Sotsiologicheskiy ezhegodnik*. pp. 317–330. (In Russian).

Информация об авторе:
Носова С.С. – старший преподаватель кафедры социальных коммуникаций Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sagan99@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.S. Nosova, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sagan99@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 08.11.2021;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья
УДК 101.2:32.019.5
doi: 10.17223/15617793/475/2

Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир»)

Андрей Геннадиевич Иванов[1, 2]

[1] *Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, agivanov2@yandex.ru*
[2] *Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия*

Аннотация. Приводится контент-анализ документального сериала «Краткое пособие по тому, как устроен мир», вышедшего по мотивам книги Ги Меттана «Россия – Запад. Тысячелетняя война». Показывается, что в основе пропаганды лежит «работа над мифом», которая охватывает основные направления социально-философского осмысления современного мифа и представлена в фильме мифологемой «Жители срединных земель – Запад».

Ключевые слова: миф, пропаганда, «работа над мифом», мифы о России, образ будущего России

Источник финасирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31064 «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения».

Для цитирования: Иванов А.Г. Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 15–22. doi: 10.17223/15617793/475/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/2

Propaganda and “work on myth” in documentary series (using the example of the film *A Brief Guide to How the World Works*)

Andrey G. Ivanov[1, 2]

[1] *Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation, agivanov2@yandex.ru*
[2] *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the content of the documentary series *A Brief Guide to How the World Works*, based on the book *West-Russia: The Millennium War* by Guy Mettan. The definitions of the concepts “propaganda” and “myth” are given; the connection between them is shown: the basis of propaganda is “work on myth”. Myth is understood as an immanent phenomenon of social existence, which is present in it as a mythological reality in which the “mythical” live. It is impossible for us to understand a myth without taking into account the circumstance that we call the consideration of a social myth from the point of view of at least three subjects: people living the myth (“mythical”), creator of the myth (mythmaker), critic of the myth (mythologist). Documentary series are a clear way to demonstrate work on myth. The series provides examples of the consequences that “work on myth” about Russia and Russians lead to, both in everyday life and in the political sphere. At the center of “work on myth” in the series is the mythologem “Heartland inhabitants – the West”, which goes back to such a “global myth” as “Us and Them”, and such work itself permeates the main directions of the socio-philosophical understanding of the modern myth: ontological, gnoseological, axiological, praxiological, anthropological. The emphasis is on the fact that if Westerners have long had an entire industry (cinema, media) that produces and replicates an attractive image of the future of Western countries, this is not the case in Russia, and work is needed to create and broadcast a positive image of Russia. At the same time, working with the future, due to the inevitable presence of each state’s own peculiar trail (background) or mythscape, seems no less difficult than working with the past. Nevertheless, in the series, the image of the future of Russia is presented as simplified, which corresponds to mythological representations with their simple picture of reality. Thus, many replicated images about Russia and Russians seem to be built on top of already existing myths and mythologems, which today constitutes the content of “work on myth”, vividly demonstrated by the creators of the documentary series. It is concluded that the purpose of the series was to tell the real, true story of relations between Russia and the West. But, in the end, the film itself was permeated with propaganda, cementing and strengthening the widespread ideas about Russians and Russia due to the constant reminder of them, even in the

© Иванов А.Г., 2022

context of attempts to expose the relevant myths. After all, exposing a myth is one of the stages of "work on myth" in the film.

Keywords: myth, propaganda, "work on myth", myths about Russia, image of future of Russia

Financial Support: The reported study was funded by RFBR and EISR, Research Project no. 21-011-31064: Social Myth as a Factor in Constructing the Image of the Future of Russia: Opportunities, Limits of Application.

***For citation*:** Ivanov, A.G. (2022) Propaganda and "work on myth" in documentary series (using the example of the film *A Brief Guide to How the World Works*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 15–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/2

As truth collides with propaganda
Just another victim on the run.
The world outside, all fluff and candour
Seeks to justify the damage done
Роберт Плант («Another Tribe», 2005)

Энциклопедия «Британника» определяет пропаганду как более или менее систематические усилия по манипулированию убеждениями, взглядами или действиями других людей с помощью символов (слов, жестов, баннеров, памятников, музыки, одежды, знаков отличия, причесок, рисунков на монетах и почтовых марках и т.д.). Обдуманность и относительно сильный акцент на манипуляции отличают пропаганду от непринужденной беседы или свободного и простого обмена идеями. У пропагандистов есть определенная цель или набор целей. Для достижения этих целей они намеренно отбирают факты, аргументы и символы и представляют их так, чтобы, по их мнению, получился наибольший эффект [1].

Пропаганда бывает разной. Позитивная (конструктивная) пропаганда стремится довести до потребителя те или иные убеждения в доходчивой форме. Цель позитивной пропаганды – способствовать социальной гармонии, согласию, воспитанию людей в соответствии с общепринятыми ценностями. Негативная (деструктивная) пропаганда навязывает людям те или иные убеждения по принципу «цель оправдывает средства». Цель негативной пропаганды – разжигание социальной вражды, эскалация социальных конфликтов, обострение противоречий в обществе, пробуждение низменных инстинктов у людей и тому подобное [2].

В любом случае, для пропаганды необходимо наличие идеи, целевой аудитории и средств, чтобы донести идею до целевой аудитории.

Эффективность пропаганды определяется соотношением фактического количества привлечённых сторонников к планируемому количеству.

Можно выделить три основных критерия содержания эффективной пропаганды:

1) наличие центрального тезиса;

2) легкость для понимания целевой аудиторией;

3) сложность для критики (обоснованность тезисов, их непротиворечивость друг другу и т.п.; хотя бы видимость этого).

Исследователь политической коммуникации Даррен Дж. Лиллекер выстраивает определение пропаганды вокруг еще одной «триады»: «В основе настоящей пропаганды лежат три основных элемента: риторика, миф и символизм» [3. С. 233].

Важной задачей пропаганды является подмена реальности, и миф как ничто лучше подходит для ее выполнения.

Так, по мнению М.Ю. Смирнова, в настоящее время мифом может быть названо все что угодно: от индивидуального вымысла в какой-нибудь житейской ситуации до идеологической концепции, реализуемой в деятельности политических сил и институтов власти. Такая щедрость приклеивания «мифологических» этикеток разнородным явлениям фактически снимает вопрос о специфике мифа, хотя и делает само понятие популярным. Далее сам М.Ю. Смирнов, фактически отказываясь от попыток дать определение категории «миф», переходит к определению областей значения некоторых терминов, производных от понятия мифа, таких как «мифология», «мифологическое сознание» [4. С. 134–159].

Несмотря на то, что существует огромное количество самых разных определений понятия «миф» – их давали и исследователи классического мифа (например, К. Леви-Стросс, М. Элиаде), и специалисты по современному мифу (Р. Барт, К. Боттичи), – мы считаем необходимой своеобразную конвергенцию при определении мифа, при которой не только учитывались бы ключевые характеристики архаического мифа, но также и интуиции системного [5], ситуационного [6] подходов к современному мифу. Миф следует понимать как содержащее устойчивое ядро повествование (выстраивающееся вокруг фигуры героя, его действий и т.п.), перманентно изменяющееся, наполняющееся все новыми сюжетами и интерпретациями, но обладающее значимостью для субъекта.

В этом смысле мы считаем наиболее полно отражающим сущность мифа определение Н.Б. Жбанкова из белорусского словаря, так как оно отражает вышеупомянутые измерения феномена: миф – это форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности [7]. Далее автор статьи о мифе отмечает неоднозначность роли мифа в жизни современного общества: «Миф как универсальная форма дотеоретического мировоззрения присутствует в различных сферах духовно-практического освоения реальности (мифы массового сознания, "гносеологические" мифы в структуре научного знания, идеологические мифы, "магический реализм" в литературе и искусстве) как необходимый и обладающий мощным продуктивным потенциалом элемент» [7]. В какой-то степени такое определение термина мифа созвучно нашему понима-

нию данного феномена – миф имманентен социальному бытию, присутствует в нем в качестве мифологической реальности, в которой живут «мифичные». Понимание мифа для нас невозможно без учета обстоятельства, которое мы называем рассмотрением социального мифа с точек зрения как минимум трех субъектов: живущего мифом («мифичный»), создателя мифа (мифотворец), критика мифа (мифолог).

Такое понимание социального мифа сразу актуализирует несколько проблем – субъекта и объекта познания; означающего и означаемого; первичной и вторичной мифологии. Для «мифичного» социальный миф является безусловной реальностью, неотъемлемой частью его картины мира; миф определяет здесь онтологические основы. Мифотворец акцентирует внимание на целях социального мифа и степени принятия социального мифа аудиторией (количестве «мифичных» относительно конкретного мифа), он, в некотором смысле, определяет этические аспекты мифа. Для мифолога определяющее значение имеют эпистемологические аспекты, средства познания социального мифа: комбинации различных теорий мифа, теоретические и эмпирические методы исследования – он ищет «истину мифа» [5. С. 41–42].

Добавим, что в основе многих видов пропаганды лежит так называемая работа над мифом. Понятие «работа над мифом» получило распространение с выходом одноименной работы Х. Блюменберга [8], в которой было отмечено, что специфика работы над мифом и самого мифа во многом определяется отношением между рассказчиками и слушателями мифа; тем, какое значение имеет миф для отдельного человека в определенных обстоятельствах. То есть работа над мифом есть процесс постоянного рассказывания-знакомства (получения) и пересказывания мифа. В результате мы имеем дело с совокупностью таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо фигуры, ситуации, процесса, обладающих значимостью для конкретного человека, группы здесь и сейчас. Концепт «работа над мифом» предполагает, что каждый вариант мифа, так же как и каждая отдельная мифологема, работает на основе ранее существовавших мифологических повествований. Просто существовавший ранее материал далее используется в соответствии с новыми потребностями и трансформируется с целью придать значимость новым обстоятельствам (этот процесс Х. Блюменберг называет «реоккупация»).

Для того чтобы определить, является ли нарратив мифом, следует ли повествование оценивать как этап «работы над мифом», необходимо разобраться с частностями: определить, какое значение конкретный нарратив имеет для определенной социальной группы. Фактически здесь речь идет о целевой аудитории, которая, как было отмечено выше, важна для задач пропаганды.

Далее следует добавить, что важное место в пропаганде занимает интерпретация, позволяющая, в конечном счете, изменить оценку любого результата.

Ярким примером работы с мифами (отметим, что «работа над мифом» включает также и работу с мифом) и, одновременно, умелой интерпретации (или трактовки в необходимом государству ключе) является творчество В.Р. Мединского.

В 2010-е гг. популярность приобрели книги В.Р. Мединского о мифах о России [9–11]. Они были изданы огромными тиражами, и в них осуществлялись попытки разоблачения расхожих мифов о России с привлечением исторических источников. Впрочем, доводы автора томов «Мифы о России» довольно неоднозначно были восприняты профессиональными историками. Критике подвергались главным образом собственно взгляды В.Р. Мединского – убеждение в необходимости позитивной трактовки отечественной истории и готовность интерпретировать разночтения в источниках в пользу национальных интересов.

Отметим, что в центре внимания В.Р. Мединского находятся негативные (деструктивные) мифы о России. Автор даже осуществил своеобразную попытку классификации таких мифов: «Черные политические мифы о России просто поразительно стабильны.

<…> 1. Русские – народ, в психологии которого нет стремления регулярно работать, получить результат, хорошо организовать труд.

<…> 2. Русские – непосредственные и веселые дети, у которых игра легко становится жестокой и грубой, как у всех детей и дикарей.

<…> 3. Русские – рабы в душе, для них нормально почитание жестокой и грозной власти.

<…> 4. Российское государство не способно решать задачи развития, управления громадной империей. В ней царит азиатская деспотия, произвол и грубость нравов» [9. С. 30–31].

При этом, если мы сфокусируемся на информационном пространстве Запада, то мифов, которые работали бы на создание позитивного образа России и русских, практически невозможно найти. Как, впрочем, сложно отыскать и российское кинематографическое произведение, которое работало бы на создание образа России как, например, страны возможностей, в отличие от Соединенных Штатов, где целая индустрия оттачивает профессиональное мастерство в конструировании привлекательных образов Америки (кстати, если российские/советские фильмы и литературные произведения и получают награды в Европе и Америке, то, как правило, за изображение российских/советских пароксизмов – нарушений прав человека, ужасов тоталитаризма и т.п.). В результате там, на Западе, укоренился миф об Америке, предполагающий реализацию возможностей, который и демонстрируется всему остальному миру. А России вместо того чтобы наслаждаться и пользоваться преимуществами позитивных и конструктивных мифов о стране (которых, впрочем, не существует в массовом сознании), остается развенчивать «черные» мифы посредством ревизии исторических фактов.

Между тем одним из доходчивых способов демонстрации «работы над мифом» является такая разновидность телепродукции как документальные сериалы.

В январе–феврале 2021 г. на одном из федеральных телевизионных каналов России был показан сериал с многообещающим названием «Краткое пособие по тому, как устроен мир». В самом названии се-

риала налицо претензия на собственное, правильное объяснение мира. Это заставляет вспомнить об идеях М. Элиаде, что в мифе содержится история, история о том, как мир стал таким, каким он есть сегодня [12]. Лента снята по мотивам книги известного публициста и общественного деятеля, почетного основателя швейцарского клуба прессы Ги Меттана «Россия – Запад. Тысячелетняя война» [13]. В ней автор излагает свою точку зрения, согласно которой противостояние это началось не сегодня, а тысячу лет назад. С ним согласны многие свидетели нынешней эпохи, которые, так или иначе, связаны с Россией и ее историей. Книга состоит из трех частей. Первая часть показывает на конкретных примерах, насколько сильны на Западе предвзятые антирусские настроения. Вторая часть книги посвящена историческим, религиозным, идеологическим и геополитическим причинам, породившим ненависть к России, и тем формам, которые эта ненависть принимала. Третья часть книги рассказывает о методах нынешней русофобии: во-первых, это создание специального языка, которым пользуются средства массовой информации и академические круги. Во-вторых – создание образа злого гения, Владимира Путина, который вписывается в традиционную мифологию, согласно которой страшный, лохматый русский медведь послушен своему хозяину и угрожает Европе.

Документальный сериал же включал в себя четыре серии «Русофобия», «Пропаганда», «Война», «Враг». Авторы сериала сразу обозначили, что если русофобия символизировала глубинное противостояние жителей России и коллективного Запада, то пропаганда стала формой борьбы между этими двумя мирами.

Хотя сам сериал позиционирован как документальный, на наш взгляд, с полной уверенностью следует определять его и как пропагандистский, что объясняется целым рядом факторов. Так, практически все известные на сегодняшний день социально-психологические методы и приемы пропаганды находят свое воплощение в документалистике (область кинематографии, охватывающая все виды хроникальных и документальных фильмов). А зрелищность в качестве средства политической пропаганды оказывается важнейшим компонентом в представлении документального кино [14. С. 212–213]. В рассматриваемом нами сериале зрелищность буквально прорывается наружу: проявляется в эстетике (роскошные особняки, в которых дают свои комментарии нарраторы; красивая, вызывающая массу образов, музыка, дополняющая их рассказы; яркие карикатуры и мультипликационные картинки, иллюстрирующие основные идеи фильма, и т.п.).

Обратим внимание лишь на один из приемов пропаганды, который используется в документальном сериале «Краткое пособие по тому, как устроен мир»: постправда. Постправда или постистина понимается нами как отражение обстоятельств, при которых объективным фактами уделяется меньшее внимание, чем эмоциями и личной вере. Такое понимание постправды как доминирования формы над содержанием прямо отсылает к творчеству Р. Барта, считавшего, что миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак представляет собой итог ассоциации формы (образа) и понятия (смысла, означаемого), но далее этот знак оказывается лишь формой, которая в ассоциации с новым означаемым и дает миф [15. С. 239]. Получается, что просто форма (образ) еще далеко не миф, но содержит потенциальную возможность стать таковым; что форме для того, чтобы он смог стать мифом, необходимо придать некий смысл, определенное содержание. И не важно, кто этот смысл придает, главное, чтобы он стал общезначимым, одинаково понимаемым многими. В таком случае и форма, и оформленный вокруг нее миф получат все шансы прочно укрепиться в массовом сознании. Примерно такой же механизм оказывается задействованным при формировании постправды: яркая форма или образ как бы притягивают к себе обывателей (слушателей, зрителей).

В сериале все эти атрибуты постправды имеются: и трогательные эмоциональные рассказы-откровения участников (например, истории западных артистов о посещениях России), и декларирование расхожих, но не подкрепленных фактами утверждений (типа недоверия Запада к жителям срединных земель).

Фильм начинается с легкого для понимания центрального тезиса, позаимствованного из работ классика геополитики Хэлфорда Джона Маккиндера, который сводится к тому, что для государства самым выгодным географическим положением является срединное, центральное. В центре мира находится Евразийский континент, а в центре последнего – «сердце мира», или «Хартленд», – континентальные массы Евразии, наиболее удачная территория для контроля над всем миром. Главной идеей работ Маккиндера было стремление помешать Германии в союзе с Россией контролировать «Хартленд».

Далее «работа над мифом» продолжается и, как о само собой разумеющимся, участники сериала рассуждают о русофобии, относя возникновение этого феномена к церковному расколу 1054 г. и объясняя русофобским настроем многие антирусские проявления, включая фабрикацию фейковых новостей в сегодняшнюю эпоху постправды. Здесь, конечно, очень показателен рассказ о первой реакции западных средств массовой информации на авиакатастрофу над Юберлингеном, когда из-за ошибки авиадиспетчера произошло столкновение двух самолетов, в результате чего погиб 71 человек, включая 52 детей. Тогда со стороны западных СМИ сразу в ход пошли многие из известных стереотипов и мифов о России и русских.

Но прежде чем мы более детально обратимся к тому, как осуществляется «работа над мифом» в сериале, и к тем мифам, которые находятся в фокусе внимания в фильме, следует отметить два измерения мифов: осознаваемое и неосознанное. Первое включает в себя вполне определенный комплекс мифов, широко известный и устойчиво воспроизводимый (мифы о России, от которых стремится избавиться В.Р. Мединский, как раз относятся к таковым). Во втором случае мы сталкиваемся с неявными отсылками к мифу, происходящими спонтанно и принимающими са-

мые разнообразные формы. Однако в реальности же оба выделенных измерения мифа оказываются так тесно взаимосвязанными, что становится практически невозможно точно определить точку отсчета циркуляции соответствующего комплекса мифов: когда именно он начинает выплескиваться наружу, проявляясь как на повседневном уровне, так и в составе пространных умозаключений.

В сериале зрителю демонстрируются яркие примеры последствий, к которым приводит «работа над мифом» о России и русских. Отмечая повседневный уровень, приведем высказывание одного из участников фильма. Так, Андрей Деллос, почетный член Российской академии художеств, вспоминает, что достаточно рано стал подозревать об особом отношении европейского и американского мира к русским: «…где-нибудь в восхитительном Палермо, где моя жена сидела в кафе с маленьким ребенком в коляске, какой-то дядя начал ей кричать “Вы – русские! Вы все убийцы. Вы убиваете всех. Вы убиваете европейцев”… Ну да, дед начитался газет, и так это воспринял…». А Жером Клозен, руководитель представительства финансово-банковской ассоциации евроазиатского сотрудничества, приводит показательный факт продуманного искажения реальной истории, направленного западной массовой культурой на формирующееся сознание детей: «Русофобия, вернее, недоверие в сочетании с отрицательным имиджем, нам транслировалось с раннего детства через СМИ и массовую культуру, в основном кинематограф. Детские впечатления отпечатывают человека на всю жизнь, и от этих штампов очень трудно потом избавиться, даже если пытаешься найти какие-то разумные аргументы. Однажды, уже во взрослом возрасте, я нашел дома у родителей свой детский набор солдатиков. Ребенком я обожал играть в солдатиков времен Второй мировой войны, любил восстанавливать картины сражений. Но только найдя свою старую коллекцию, я понял, что там вообще не было русских солдат <…> русского набора не существовало».

Таких примеров немало, и их влияние распространяется в том числе и на государственные решения.

Дмитрий Борисович де Кошко, председатель координационного совета российских соотечественников во Франции, привел в фильме пример из собственной биографии, когда его русское происхождение стало препятствием для назначения на пост директора одного бюро в Москве. Хотя он тут же добавляет, что этого не происходит с арабами, и их назначают в Каир, в Тунис, в Бейрут, или с евреями, которых назначали в Израиль: «В определенные моменты, вдруг, в вас тыкают: “Ну, ты – русский. Ты не совсем наш”». Недоверие к русским проникает и в самые высокие дипломатические отношения. В частности, Ив Поццо ди Борго, член парламентской ассамблеи ОБСЕ, непринужденно, в соответствующем антураже, рассказывает об одном эпизоде из его профессиональной деятельности, когда выяснилось, что больше всего виз, порядка четырехста тысяч в год, Франция выдает именно россиянам, искренне интересующимся западной, в том числе французской, культурой. Но несмотря на поддержку высших должностных лиц в России и Франции, а также отсутствие проблем с безопасностью и нелегальной иммиграцией российских граждан, решение об отмене виз между Европейским союзом и Российской Федерации так и не было приняло, хотя это пункт стоял первым в повестке заседания на встрече президентов России, Франции и канцлера Германии в октябре 2010 г. во французском Довиле. Помешали принятию другого решения в том числе стереотипы и мифы (как старые, так и новые) о России и россиянах, укоренившиеся в западноевропейском сознании.

Получается, что в быту и в дипломатии приходится сталкиваться с отголосками мифологемы «Жители срединных земель – Запад». То есть оказываются задействованными самые разные уровни развертывания (реализации, функционирования) данного комплекса мифов (пусть и представленного достаточно доходчивой мифологемой). Главное здесь контекст, который напрямую связан со степенью мифологизированности социума на конкретном этапе развития. Так, В.Н. Сыров отмечал в этой связи следующее обстоятельство: «…для функционирования и господства мифосознания нет надобности в наличии или создании целостных развернутых повествований. Достаточно отдельных знаков в виде слов или высказываний из кинофильмов, рекламных посланий, звуков музыки, частей одежды, жестов, действий и т.д.» [16. С. 257].

Занимающая центральное место в сериале мифологема «Жители срединных земель – Запад», безусловно, восходит к такому «глобальному мифу», как «мы – они». «Глобальные мифы», как правило, содержат основные фундаментальные явления, называемые нами мифоконтентными феноменами (например, герой, жертва, война, враг и т.п.), что обеспечивает стабильный интерес к таким мифам и их устойчивую воспроизводимость. Причем особый интерес вызывает не какой-то абстрактный противник, а «Враг, который поближе», в отношении к которому уже исторически сложились вполне определенные представления. Или, другими словами, враг, вокруг которого уже существует устоявшийся репертуар мифов. Такой репертуар или комплекс мифов способствует в дальнейшем более легкому надстраиванию новых мифов и мифологем (способствует тому, что Х. Блюменберг назвал реоккупацией). На это также обращается внимание участниками фильма, которые повествуют, что ни Османская империя в начале XX в., ни Китай сегодня, а именно Россия оказалась объектом, которому коллективный Запад стал противопоставлять себя. Россия при этом воспринималась, с одной стороны, как враг, который поближе; с другой стороны, как наследник СССР; при этом мифы о Советском Союзе легко заменялись на мифы о России. Важность наличия противника в известном смысле связана с собственной идентичностью тех, кто его создает; связана в том смысле, что наличие общего врага способствует сплочению социальной группы, народа, даже целого государства.

Далее, рассуждая о том, как искусство пропаганды проявляется в документальном сериале «Краткое пособие по тому, как устроен мир», мы покажем, что «работа над мифом» в нем пронизывает все выделяе-

мые нами направления социально-философского осмысления современного социального мифа.

Полагаем, что можно выделить следующие направления социально-философского осмысления современного мифа в соответствии с аспектами (разделами) философского знания, и отметить, как это было представлено в сериале (таблица).

Представленность в сериале «Краткое пособие по тому, как устроен мир» аспектов социально-философского осмысления современного мифа

Аспект философского знания	Направление социально-философского осмысления современного мифа	Фрагменты сериала
Онтологический	Нарративное измерение	Эстетика, окружающая нарратора: особняки, музыка
Гносеологический	Символ, символическая политика	Демонстрация разнообразных карикатур, государственных символов
Аксиологический	Политика памяти	Примеры «работы над мифом»: осознаваемой и неосознанной; представленной на повседневном и теоретическом уровнях
Праксиологический	Модальность (конструктивная/деструктивная) влияния на развитие социума	Констатация необходимости работы над позитивным имиджем России (упоминание канала Russia Today как редкого примера присутствия точки зрения России)
Антропологический	Идентичность	«Ты – русский, не совсем наш»; «Враг, который поближе»

Достичь мифам своих целей, которые преимущественно задаются мифотворцами, способствует наполненность мифов конкретными фактами, событиями, действиями, повседневными вещами, в конечном счете, нарративами. Можно даже задаться вопросом, до какой степени возможно создание современного мифа без нарратива. Нарратив представляет собой «бытие мифа», занимает важнейшее место в мифотворчестве: «…с нарратива можно вести отсчет так называемым стадиям мифологизации: нарратив – панегирический нарратив – мифологический сюжет (с присутствием множества мифологем) – оформленный “работающий” миф, устойчиво удерживающийся в сознании» [17. С. 72].

Процесс наполнения мифа нарративами происходит при активном содействии заинтересованных сторон, прежде всего, тех, кого можно назвать мифотворцами. Наполнение происходит посредством трансляции разных вариаций, например «глобального мифа» с налетом рациональности. Дело в том, что для эффективности работы мифа важным является присутствие в нем каких-либо рациональных составляющих, будь то апелляция к правовой сфере, ссылки на известных исследователей (как – в случае с рассматриваемым сериалом – обращение к идеям геополитика Х.Дж. Маккиндера). И когда уже миф оказывается наполненным такого рода нарративами, достаточно бывает простого намека на соответствующее повествование, чтобы миф заработал в полную силу.

Символ следует рассматривать здесь, прежде всего, как компонент познавательного механизма, как средство передачи смысла мифа. Постоянно мелькающие в сериале всевозможные карикатуры, символы указывают на привлечение к «работе над мифом» гносеологического аспекта.

Ценности, проверенные временем, также оказываются в поле зрения участников сериала. Они могут быть обличены в форму «рационализированной памяти» [6. P. 259–260], что демонстрируется и в упомянутых выше случаях: подходят и пример с игрой в солдатики, и дипломатическая практика, связанная с запретами занимать должность и визовыми ограничениями для граждан России.

Рассмотрение праксиологического аспекта открывает пространство для оценки проектного потенциала мифа (прежде всего, конструктивного) и, что особенно важно, позволяет в целом говорить о соответствующей политике. То, как именно будет реализован проектный потенциал мифа, во многом зависит от работы средств массовой коммуникации над имиджем государства.

Существуют современные социальные мифы, которые способны нести положительный заряд и выполнять конструктивные функции в социуме, в том числе и применительно к политической сфере, к сфере государственного управления. Д. Армстронг назвал такие мифы «конституирующими», призывая к тому, что именно вокруг них должна выстраиваться соответствующая политика: «конституирующие мифы» (мифомоторы) представляют собой сложные мифические структуры, позволяющие определять идентичность группы в отношении к государственному образованию [18]. Связь с мифом как с маркером идентичности, на наш взгляд, имеет, главным образом, антропологический характер. И если в отношении русских и России на Западе сложились достаточно прочные представления, которые многим позволяют четко идентифицировать, так сказать, «жителя срединных земель» (примеры из сериала: «Ты – русский, не совсем наш»; «Враг, который поближе»), то самим гражданам Российской Федерации такой конституирующий миф еще предстоит найти. Идеологический и даже мировоззренческий вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза и провалов в России либеральных реформ 1990-х гг., оказалось крайне сложно заполнить привлекательным образом будущего. Сверхактивные усилия современного российского государства по эксплуатации образов победы, все же, обращены в прошлое; необходима и работа с будущим.

Каким же в сериале предстает образ будущего? На наш взгляд, образ будущего в фильме упрощенный, такой же упрощенный, как и образ врага. Это, конечно, вполне соответствует мифологическим представлениям с их простой картиной реальности.

Но будущее без образа врага есть утопия, как утопичны призывы известного музыканта Роджера Уотерса избавиться от каких бы то ни было стен (палестинской, американо-мексиканской) и, в целом, от противопоставления «мы – они». Поэтому уотерсов-

ская идея, что нет «нас» и нет «их», транслируемая в его шоу «Us + Them», является лишь современной разновидностью утопии.

Опасность длительного пребывания в утопии и жизни мифом о будущем демонстрирует в настоящее время пример США. В разделе «Американская иммиграционная политика» А. Ассман замечает, что отношение к будущему как важной составной части национального мифа нашло особенно наглядное выражение в американской иммиграционной политике [19. С. 91]; и приводит цитату литературного критика Лесли Фидлера, что, будучи американцами, мы обитаем в общей утопии, а не в общей истории [19. С. 92]. Такое «господство будущего над настоящим» [20. С. 6], конечно, позволяет отвлечься от текущих проблем и исторических несправедливостей, но ориентация на утопии и мифы о будущем без «проработки» прошлого недолговечна и заканчивается возникновением взаимных претензий, что чревато социальным коллапсом. И сегодня США постепенно начинают сталкиваться с приобретающим крайние формы, такие как, например, движение «Black Lives Matter» (акции которого активно тиражируются через всевозможные медиа), кризисом функционирования старых норм, основанных на не оправдавшихся в полной мере и для всех идеалах: «Если раньше, благодаря ориентации на будущее, маятник ушел в сторону унификации, “единого человечества”, то теперь он качнулся в противоположном направлении, в сторону фрагментации» [19. С. 98–99].

Получается, что и работа с будущим должна вестись осторожно, с постоянной оглядкой на уроки прошлого; и что образ будущего невозможен без шлейфа (бэкграунда) или мифоландшафта (мифоландшафт – это дискурсивная сфера, в которой мифы постоянно формируются, передаются, реконструируются и обсуждаются [21]) с разнообразными устойчивыми стереотипами, мифологемами, мифами о стране, народе, эпохе.

В сериале явно не упоминалось, но события декабря 2017 г., связанные с допинг-скандалом и решением Международного олимпийского комитета отстранить Россию от участия в Олимпиадах под своим государственном флагом и с гимном страны, конечно, идут в копилку такого бэкграунда или мифоландшафта, из которого и формируется образ России. В ситуации с отстранением Олимпийского комитета России присутствует, конечно, политическая составляющая, приводящая к рассуждениям о целенаправленной сознательной работе «коллективного Запада» по дискредитации образа России в глазах мирового сообщества. Расчет делается и на то, что эта история со спортсменами будет подхвачена массами, останется в коллективной памяти. В результате негативные, деструктивные мифообразы России найдут дополнительное – документальное – подтверждение. Ведь многие тиражируемые образы России и русских как бы надстраиваются над уже существующими мифами (такими, например, как глобальные мифы) и мифологемами, что составляет сегодня содержание «работы над мифом», ярко продемонстрированное автором книги «Россия – Запад. Тысячелетняя война» журналистом Ги Меттаном и создателями телевизионного сериала.

Цель сериала заключалась, на наш взгляд, в том, чтобы рассказать реальную, настоящую историю отношений России и Запада. Но в итоге сам фильм оказался пронизан пропагандой, цементирующей, укрепляющей распространенные представления о русских и России в силу постоянного напоминания о них, пусть даже в контексте попыток разоблачения соответствующих мифов. Ведь разоблачение мифа здесь оказалось одним из этапов «работы над мифом»: переходным этапом, когда происходит разрушение одного и выстраивание другого мифа на руинах предыдущего.

Таким образом, в случае с документальным сериалом «Краткое пособие по тому, как устроен мир» «работа над мифом» обнаруживалась на протяжении всего фильма, а попытка разоблачения мифов о России и русских обернулась если не очередным мифом, то как минимум включением в работу над известным мифом «мы – они», выраженным мифологемой «Жители срединных земель – Запад». Конечно, борьба с негативными и деструктивными мифами должна вестись, но посредством предъявления общественности действительно документальных свидетельств, а не через трансляцию повествований, подпитывающих позитивные мифы, тем более, когда точно не известно, к каким последствиям приведет очередной такой сконструированный нарратив.

Список источников

1. Prodaganda // Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/propaganda (дата обращения: 16.12.2021).
2. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М. : Алгоритм, 2000. 328 с.
3. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С.И. Остнек. Харьков : Гуманитарный центр, 2021. 304 с.
4. Смирнов М.Ю. Российское общество между мифом и религией. Историко-социологический очерк. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. 228 с.
5. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб. : Алетейя, 2019. 182 с.
6. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 296 p.
7. Жбанков М.Р. Миф // Новейший философский словарь / гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Книжный Дом, 2003. С. 636.
8. Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.
9. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 576 с.
10. Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 624 с.
11. Мединский В.Р. О русском воровстве, душе и долготерпении. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 528 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М. : Академический проект, 2000. 222 с.
13. Меттан Г. Россия – Запад. Тысячелетняя война / пер. с фр. М. Аннинской, С. Булгаковой, Ю. Обозного. М. : Паулсен, 2017. 468 с.
14. Коробов А.А., Серебряков С.А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 212–217. doi: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217

15. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
16. Сыров В.Н. Массовая культура: мифы и реальность. М. : Водолей, 2010. 328 с.
17. Иванов А.Г. Нарративное измерение политического мифа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 69–78. doi: 10.17223/1998863X/49/8
18. Armstrong J.A. Nations before nationalism. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
19. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
20. Лекторский В.А. Предисловие // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : РОССПЭН, 1996. С. 6–10.
21. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, № 1. P. 63–81.

References

1. Britannica. (n.d.) *Propaganda* [Online] Available from: https://www.britannica.com/topic/propaganda (Accessed: 16.12.2021).
2. Tsuladze, A. (2000) *Bol'shaya manipulyativnaya igra* [A big manipulative game]. Moscow: Algoritm.
3. Lilleker, D.G. (2021) *Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevye kontsepty* [Key concepts in political communication]. Translated from English by S.I. Ostnek. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr.
4. Smirnov, M.Yu. (2006) *Rossiyskoe obshchestvo mezhdu mifom i religiey. Istoriko-sotsiologicheskiy ocherk* [Russian society between myth and religion. Historical and sociological essay]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
5. Ivanov, A.G. (2019) *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The system of contemporary social mythology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Bottici, C. (2007) *A philosophy of political myth.* Cambridge: Cambridge University Press.
7. Zhbankov, M.R. (2003) Mif [Myth]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Minsk: Knizhnyy Dom.
8. Blumenberg, H. (1985) *Work on myth.* Cambridge, MA: MIT Press.
9. Medinskiy, V.R. (2009) *O russkom p'yanstve, leni i zhestokosti* [About Russian drunkenness, laziness and cruelty]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
10. Medinskiy, V.R. (2010) *O russkoy demokratii, gryazi i "tyur'me narodov"* [About Russian democracy, dirt and "prison of the peoples"]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
11. Medinskiy, V.R. (2010) *O russkom vorovstve, dushe i dolgoterpenii* [About Russian theft, the soul and long-suffering]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
12. Eliade, M. (2000) *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Translated from French by V.P. Bol'shakov. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
13. Mettan, G. (2017) *Rossiya – Zapad. Tysyacheletnyaya voyna* [Russia –the West. The millennial war]. Translated from French by M. Anninskaya, S. Bulgakova, Yu. Oboznyy. Moscow: Paulsen.
14. Korobov, A.A. & Serebryakov, S.A. (2019) Documentary Movie as a Mean of Political Propaganda: Classical and Innovative Approaches in a Digital Epoch. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 19 (2). pp. 212–217. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217
15. Barthes, R. (2004) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
16. Syrov, V.N. (2010) *Massovaya kul'tura: mify i real'nost'* [Mass culture: myths and reality]. Moscow: Vodoley.
17. Ivanov, A.G. (2019) The narrative dimension of a political myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uviversiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 49. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/8
18. Armstrong, J. (1982) *Nations before nationalism.* Chapel Hill: University of North Carolina Press.
19. Assmann, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremyon? Vzlyot i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? Rise and fall of the time regime of Modernity]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Lektorskiy, V.A. (1996) Predislovie [Preface]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, utopia and critical reflection]. Moscow: ROSSPEN.
21. Bell, D.S.A. (2003) Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity. *British Journal of Sociology*, 54, 1 (March 2003). pp. 63–81.

Информация об авторе:
Иванов А.Г. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия); профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецк, Россия). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.G. Ivanov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 20.12.2021;
approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья
УДК 101.1:316
doi: 10.17223/15617793/475/3

Статус субъекта в свете концепции социальной гетерологии

Полина Владимировна Мусиец[1]

[1]*Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь, Россия, musietspv@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается проблема социального субъекта сквозь призму гетерогенности. Основное внимание акцентируется на множественности как атрибуте социальности. Обозначены основные проблемы, связанные с пониманием коллективного и индивидуального субъекта как гетерогенного феномена. Делается вывод, что для полноценного изучения социального субъекта в современных условиях необходим комплексный подход, сочетающий в себе изучение как статических, так и динамических аспектов его существования.

Ключевые слова: социальная реальность, социальный субъект, гетерология, гетерархия, социум, гетерогенность, множественность

Для цитирования: Мусиец П.В. Статус субъекта в свете концепции социальной гетерологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 23–28. doi: 10.17223/15617793/475/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/3

The status of social actors in line with the vision of social heterology

Polina V. Musiets[1]

[1]*Military Academy of Air and Space Defence named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov, Tver, Russian Federation, musietspv@gmail.com*

Abstract. The significance of the problems under consideration determines the aim of this study – to analyze the current trends in the description of the concept of a social subject from the standpoint of heterogeneity. The object of the research is a social subject, the focus is multiplicity (heterogeneity) as an attribute of sociality. The methodological basis of the research was the general scientific methods of induction, deduction, analogy, problematization, analysis, synthesis. The theoretical basis of the article consists of the concepts of Jacque Derrida, Gilles Deleuze and Felix Guattari, Ernesto Laclau, Philippe Lacoue-Labarthe, et al. Among Russian authors, it is necessary to emphasize the importance of the works of T.Kh. Kerimov, V.E. Kemerov, A.E. Smirnov, S.A. Azarenko, E.V. Biricheva, et al. Social reality in its dynamic aspect appears as totally pluralistic, polyphonic, variable, eventual. Plurality as an attribute of sociality gives rise to a special attitude to a social subject. The problem lies in the constant incompleteness of social cognition: it is impossible to fully cognize, understand both society as a whole and a specific other person. The main conclusions are: (1) The return of philosophy to the problem of a social subject is based on new grounds that redefine it as a changeable, dynamic, heterogeneous phenomenon. The consideration of society and an individual in this perspective sets the specifics of their post-non-classical explication. (2) The rhizome polysubject nature of society does not exclude its hierarchical structure. On the contrary, in the societal space there is a complication of the network connections of hierarchies of various types. This can be expressed by the concept of the heterarchy of social being. Social reality identifies the sphere "between" as a priority, expanding its understanding from dual to polylogical, totally pluralistic. (2) The sociematic character of cognition calls into question the cognizability of the social in general. However, the inertia and cumulative nature of social dynamics makes local cognition possible. The process of cognizing reality can be defined through the metaphor of surfing across the "folds" of being. At the same time, the constructive moment of cognition comes to the fore: cognition is the creation of reality. (4) An individual within the framework of heterology, due to the fact that it is permanently displaced relative to itself, can be understood only through fixation in its processuality (subjectivation), alterality, heterogeneity. Social cognition and interpersonal interaction are based on the presumption of identity and the presence of a relatively stable personal and cultural basis that resists significant transformations. Therefore, the sharp opposition of statics and dynamics of being/becoming seems inappropriate: it is necessary to consider their coexistence, intersection and mutual influence.

Keywords: social reality, social subject, heterology, heterarchy, society, heterogeneity, plurality

***For citation*:** Musiets, P.V. (2022) The status of social actors in line with the vision of social heterology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 23–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/3

© Мусиец П.В., 2022

Постнеклассический философский дискурс диктует собственную логику социального познания. Отход от статической картины мира, принятой в классике, приводит к концепции перманентного, принципиально незавершаемого становления социальности. Постоянно ускользающая субстанциональность общества проблематизирует возможности его осмысления, объяснения, прогнозирования дальнейшего хода исторического развития человечества. Неопределённость, неоднородность, мозаичность, процессуальность, рискованность, потенциальная незавершённость человеческого бытия детерминируют отсутствие фундаментальных опор экзистенции, бесконечную множественность, гетерогенностъ социальных субъектов. Аксиоматизация множественности как базисного атрибута социальности ставит вопрос о концептуализации социальной реальности в инстанции становления и, подспудно, о социальном субъекте как фрактале общества различия.

Значимость рассматриваемой проблематики детерминирует цель данного исследования – проанализировать актуальные тенденции описания концепта социального субъекта с позиций гетерогенности.

Объектом исследования выступает социальный субъект, предметом – множественность (гетерогенность) как атрибут социальности.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов. Для понимания феномена гетерогенности как атрибута социального с точки зрения постмодернизма и after-post-modernism (АПМ) следует обратить внимание на труды Ж. Деррида, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж.-Л. Нанси, В. Декомба, Э. Лаклау, Ф. Лаку-Лабарта и др. Среди отечественных авторов необходимо подчеркнуть значимость работ Т.Х. Керимова, В.Е. Кемерова, А.Е. Смирнова, С.А. Азаренко, И.В. Красавина, Е. В. Биричевой и других исследователей интересующей нас проблематики.

Методологической основой исследования стали общенаучные методы индукции, дедукции, аналогии, проблематизации, анализа, синтеза.

Рассматривая бытие в его процессуальном аспекте, постмодернисты подчёркивают его тотальную плюралистичность, полифоничность, изменчивость, событийность. Провозглашение «смерти автора» (Р. Барт), а вслед за ним и смерти субъекта как такового («исчезновение человека» М. Фуко, «децентрация субъекта» Ж. Лакана, «рассеяние субъекта» Ж. Деррида и др.) выражается «в отказе от артикуляции субъекта, в тотальной деперсонификации действия, являющейся как следствием постмодернистского пантекстуализма и деструкции онтологии, так и манифестацией принципа ацентризма, реализующегося в рамках программы преодоления бинаризма» [1. С. 51]. В то же время уже Фуко в своих поздних работах [2] возвращается к понятию субъекта. Эта тенденция наблюдается в дальнейшем у многих постмодернистов, в том числе у В. Декомба [3], Б. Латура [4] и др.

Множественность (англ. multiplicite) как атрибут социальности в её актуальном состоянии рождает особое отношение к социальному субъекту. С одной стороны, попытки вернуть его «на сцену» носят зачастую расширительный характер и тогда субъектами оказываются в том числе и прежде всего окружающие человека вещи (Б. Латур). С другой стороны, «текучесть» современности позволяет говорить не столько о социальном субъекте, сколько о перманентно длящихся процессах субъективации (А. Смирнов). Реальную проблему в данном случае представляет и постоянная незавершённость социальных когниций: нельзя до конца познать, понять как общество в целом, так и конкретного другого человека. Налицо «ускользающая социальность»: общество всегда другое, уже не такое, как описано. Оно есть саморазличающаяся «нередуцируемая множественность», в силу чего его существование «невозможно» [5], «неразрешимо» с точки зрения его познания.

И всё же на событийном уровне общество наличествует как данность: «Если общество возможно как таковое, то только потому, что общество лишено общего (содержания) и частной формы его репрезентации» [6. С. 131]. Оно предстаёт как агломерация (констелляция) множественности, броуновское движение постоянно меняющихся частиц-индивидов. «Мы: суть каждый раз другой, каждый раз с другими» [7. С. 64]. Общество и есть со-бытие – со-существование «вместе», перманентная индифферентность, автореференциальное «бытие-с-другими», характеризующееся выставленностью к собственным границам. Множество при этом – не простое собрание сингулярностей как совместных многомерных единичностей социального бытия, а онтологическое соприсутствие различных типов порядков. Со-бытие предполагает дифференциацию гетерогенных возможностей, чистое различие, дезистентность.

Всякое сущее «всегда уже вписано в гетерологический порядок совместности» [8. С. 179]. Совместность начинается там, где есть что-то «между». Не совокупность лейбницевских монад «без окон и без дверей», а связь на основе со-бытия, бытия-вместе. При этом не важны пространственные и даже временные совпадения. Важна связь, возникающая в сфере «между» (А.С. Ахиезер), диалог как взаимопроникновение смыслов на границе между «Я» и «Другим» (М.М. Бахтин), автореференциальное Mitsein (Т.Х. Керимов). Сфера «Между» предстаёт как «способ описания напряжённой деятельности субъекта, нацеленной на преодоление освоенных, то есть превращённых во внутренние различия, противоречий между полюсами дуальной оппозиции» [9. С. 129] – оппозиции смыслов в амбивалентности мира, вызывающих инверсию в качестве механизма социального конструирования реальности. Разнообразие смыслов в рамках межсубъектного взаимодействия актуализирует ситуацию, когда сами индивиды предстают выражением полюсов дуальных оппозиций. В то же время дуальность здесь также может быть поставлена под вопрос: многополярность мира, децентрированность, ризомность общества, сосуществование автономных дискурсов фундируют гетерофонию, гетеродинамику социального. В таком случае следует говорить о полилоге, тотальной плюральности оппозиций, много-

образии их отношений: с-меж-ность и [или] раз-межевание?

Общество в таком случае полисубъектно, ризомно, номадично. Это общество различий. Для него характерны диверсификация, дискретность, сетевой характер, номадическая сингуляность, синтетическое единство многообразия. В то же время ризоморфность социальности как метафора сетевых взаимосвязей исключает иерархичность социальных структур. Действительно, в рамках актуального состояния социальной реальности невозможно выявить единый стержень, вокруг которого группируются все социальные институты и сообщества. Нет чётко выстроенной иерархии социальных субъектов. В то же время бессмысленно отрицать наличие разнообразных и множественных иерархических структур в устройстве социального. Парадигма становления не элиминирует данного положения, ссылаясь на динамический характер сущего, его постоянную изменяемость: в статике или в динамике (а чаще всего, одновременно) иерархии присутствуют в социальной жизни и детерминируют социальный порядок.

В силу этого наиболее адекватным для отражения актуального состояния социальной реальности, с нашей точки зрения, является понятие гетерархии как модели «социальной структуры, состоящей из множества иерархий, соединённых сетевыми связями» [10. С. 184]. Идея гетерархии топологизирует структуру социальной реальности, выступая виртуальной основой соприсутствия экстериорных отношений. В свою очередь, гетерогенность множества экзистенций порождает вариативность и эмерджентность социальной структуры. Индивиды и социальные группы в процессе совместных практик конструируют со-бытия различных уровней, масштабов, значимостей, которые сплетаются в различных комбинациях, детерминируют дальнейшее течение социальной жизни. Гетерархический инвариант описания задаёт нередуцируемость социальной структуры к той или иной своей части, однако предполагает дифференцированность общества как целостности, возможность достижения единства (однонаправленности, когерентности векторов действий различных акторов вне зависимости от различий в их смыслах, значениях, целях, интересах и т.п.). Подобная модель не исключает ризоматичность, но также не исключает и иерархичность социальных структур, их многоуровневую сетевую взаимосвязанность друг с другом. Единого главного стержня здесь также нет, однако нет и полной бессистемности и хаотичности, аморфности в организации социального. Иными словами, гетерархическая модель, не отвергая концепт плюральности, реабилитирует в философском дискурсе АПМ идею системного характера общества.

Источник социального многообразия суть одновременно и источник социального порядка. Социальная реальность суть кумуляция действий и интенций социальных акторов различного уровня. Диалектический момент множественной социальности эксплицирован как гетеротезис: общество в снятом виде содержит в себе предыдущие стадии (свойства, качества) в их тотальной плюралистичности и рекурсивности. Всё течёт («панта рей», доведённое до предела): в одну и ту же реку нельзя войти даже один раз (Кратил). Общество предстаёт в процессе постоянного конструирования, социальной (пере)сборки и трансформации. Его существование не субстанционально, а эвентуально, событийно. Это бесконечное становление социальности в потоке взаимопересекающихся отношений, сплетающихся в сложную сеть социальных (индивидуальных и групповых) интеракций.

Познание социальной реальности оказывается социематичным, однако «социематическое знание – это не знание о реальности, а знание ко-интенсивное реальности, поскольку последняя состоит из социем… реальность в социемах схватывается только через радикальную гетеро-логику отношения к отношению» [6. С. 173]. Перманентное движение между смыслами, «номадический дрейф» (Ж. Делёз) сознания по смысловым структурам и культурным системам понимается как «форма, не грозящая отчуждением партиципации, где экзистенциально-психический поток индивидуального сознания оказывается органичной формой бесконечно-текучей медиации, где ничто дискретное не принимается в качестве безусловной ценности и экзистенциально не природняется» [11. С. 585]. Процессуальность познания может быть выражена метафорой скольжения, сёрфинга по «складкам» бытия. И одновременно «знание не является нейтральным: познавать значит созидать» [12. С. 92]. Такое познание и есть утверждение социальной реальности, а не её «отражение». Концептуальному «образу» вменяется соответствие реальности (в статическом режиме представления) при неотменимом симметрическом сосуществовании ситуации не-соответствия (в становлении).

В таком случае реальность как таковая отслеживается только на основе её невозможности и недостижимости. Это говорит лишь о том, что невозможно целостное, окончательное познание социального бытия, однако не исключается возможность его познания как такового в более узком, локальном формате. Следует учитывать также инерционный и кумулятивный характер социальной динамики: консерватизм масс тяготеет к сохранению привычных условий существования, что тормозит скорость происходящих социальных трансформаций, способствует стабилизации актуального состояния социальной реальности и относительной адекватности её познания в данный конкретный момент времени. Кумулятивность, в свою очередь, детерминирует нелинейность социального развития, его зависимость от бифуркационных точек и аттракторов, диалектическое чередование непрерывности и скачка к новому качественному состоянию. Осмысление процессов, происходящих в тот или иной момент времени, выявление тенденций развития общества даёт возможность не только «зафиксировать» социальное бытие на данном временном отрезке, но и спрогнозировать с определённой долей вероятности ближайшее будущее социума.

Множественная социальность предполагает плюралистичность не только общественных отношений: здесь встаёт вопрос и о статусе индивидуального субъекта. Индивид, вступающий во взаимодействие с себе подобными, самонетождественен в каждый мо-

мент времени. Следовательно, подлинное соприкосновение в процессе коммуникации оказывается фактически невозможным: «Я» всякий раз другой, иной, не такой, как был мгновение назад. Сталкиваясь с иным человеком, индивид «застаёт» его также всякий раз другим. Субъект эксплицируется как сингулярность, вписанная, вовлечённая в бесконечный процесс становления, испытывающая (осуществляющая) постоянное смещение относительно себя прежнего. Он процессуализируется, предстаёт как длящаяся субъективация. Но тогда и межличностная связь есть связь между «не-тождественностями», связность в модальности экстимности, где «Я» и «Другой» суть две стороны «складки» – связь в форме несвязности.

Бесконечное изменение элиминирует возможность познания Другого, феномен взаимопонимания как таковой. Человек оказывается «в ситуации тотальной неопределённости, один на один с проблемой поиска собственных оснований, в условиях постоянно нависающей угрозы потери себя в многообразии окружающего становления» [13. С. 13]. Подлинное глубинное понимание оказывается невозможным даже на уровне саморефлексии: всякий раз иной, изменчивый субъект может зафиксировать себя лишь в процессе становления, а следовательно, единственный атрибут, поддающийся фиксации, – собственно изменчивость, гетерогенность, перманентная альтеральность. Субъект дезистирует: «…нет экзистенции без дезистенции, нет экзистенции без альтеральности» [6. С. 160], причём дезистенция выступает как своего рода «первоначальная и конститутивная утрата самости» (Ф. Лаку-Лабарт). Дезистировать и означает – «со-держать собственную индивидуальность как инаковость», эксплицирующуюся в качестве совместности.

Одной из попыток выхода социального познания из кризиса становится рассмотрение индивида с точки зрения фрактального научно-философского мышления. Фрактал (от лат. fractus – «дробный», «разбитый») – «геометрическая фигура, слагаемая из множества частей, и каждая из этих частей повторяет всю фигуру целиком и, таким образом, состоит из своих уменьшенных копий» [14. С. 31]. Он предстаёт динамической, «растянуто-сконцентрированной» в пространстве и времени бифуркацией, утверждающей идею транзитивности. Фрактальность, выявляемая на всех уровнях бытия, характеризуется изменчивостью, синтезом дисимметрии (единства симметричных и асимметричных связей) и скейлинга («скользящего» подобия, «масштабной инвариантности»). Выступая как фрактал, человек характеризуется самоподобием (гомотетичностью), динамичностью, квазиустойчивостью, незавершённостью, проблемностью. Он предстаёт как самоорганизующаяся неравновесная система: активно взаимодействуя с окружающей социокультурной и природной средой, Другими различной степени значимости, индивид сочетает в себе потенции саморегламентации и «хаотической» свободы. Одновременно, как микрокосм, он отражает всё, что наличествует/становится в макрокосме – Вселенной. Как таковой он оказывается и непосредственным отражением общества, уменьшенной копией которого он выступает. Фрактальная концепция позволяет смоделировать процессы самоорганизации, протекающие в обществе на пересечении макро-, мезо-, микроуровней отношений. Фрактальная размерность отмечена повторением различий.

При всей эвристической ценности идеи фрактальности следует заметить и её недостатки. Прежде всего, геометрическая метафора фактически уничтожает уникальность личности: в попытке избежать редукционизма, она к нему и возвращается, делая людей неотличимыми друг от друга частичками бытия. Здесь, по всей видимости, необходимо отказаться от абсолютизации концепта «гомотетичности»: на индивидном уровне, принимая во внимание подобие людей на уровне общности социума, культуры и т.п., следует всё же иметь в виду их индивидуальное несходство друг с другом, бесконечную множественность личностных проявлений, на уровне социальных групп и общества в целом – не стоит забывать о свойстве неаддитивности, эмерджентности, детерминирующем различия между суммой качеств отдельных индивидов и итоговой качественной характеристикой формируемых ими социальных общностей.

Кроме того, в контексте парадигмы становления, элементом которой постулируется концепция фрактальности, наблюдается явное противоречие между самоподобием фрактала и самонетождественностью субъекта, который этим фракталом выступает. Перманентное сохранение самоподобия требует от индивида как части социального целого синхронности и однотипности в смещении относительно самого себя с другими подобными ему социальными субъектами, что противоречит тезису о гетерогенности, принципиальной разнородности и несхожести как атрибутах социальности. Следует также принимать во внимание различия линейных и нелинейных фракталов. Последние, наиболее адекватно отражающие суть социальной гетеродинамики, предстают как сложное динамическое образование, не являющееся точной копией социального целого, а соотносящееся с ним в многогранных, постоянно трансформирующихся проекциях. Человек как социальный субъект может быть соотнесён только с данным типом фрактальности.

В то же время в повседневности реальное межличностное взаимодействие происходит посредством презумпции тождества: мы априори полагаем самотождественность субъекта (как «Я», так и «не-Я»). Это условное допущение позволяет вступать в контакт, игнорируя свершившиеся изменения. К тому же абсолютизация процесса становления чревата парадоксом: создаётся впечатление ежесекундного творения мира и субъекта как его части «с нуля» – путем пересборки из имеющихся блоков в произвольном порядке. Всё же это не совсем так, поскольку в каждом индивиде наличествуют некие базисные структуры, менее подверженные изменениям: «самовоспроизводящийся инвариант на разной «глубине» раскрытия может быть существенно вариативен, при этом сохраняя узнаваемый устойчивый сущностный и топологический каркас» [15. С. 213]. Глубинное «Я», сформированное в процессе социализации, включает в себя характер человека, его главные ценностные ориен-

тации, убеждения, паттерны поведения и др. Всё это также подвержено изменениям, но не существенным, не значительным. В таком случае, идеи постмодернистов (Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.-Л. Нанси и др.) о первичности отношений, в рамках которых конституируются смыслы и социальные нормы, необходимо принимать с оговоркой: «определённая часть базовых смыслов, сохраняющихся в традиции, входит в с-мыслы текущей коммуникации» [16. С. 416]. Иными словами, отношения, в рамках которых воспроизводится социальность, не являются беспредпосылочными, а, напротив, основаны на относительно устойчивом личностном фундаменте.

В обществе, по-видимому, тоже присутствует подобный базис. Он закреплён в «культурном ядре» [17. С. 137], «социальных и культурных константах бытия» [18. С. 122]. Социальные законы, обеспечивающие воспроизводство социального порядка, хоть и носят вероятностный характер, всё же вполне объективны, в силу чего возможно их использование в прогностических целях. Прогнозы не будут давать абсолютной точности, но обеспечивают возможность определять рамки будущего. Личностные и социокультурные детерминанты взаимнообусловлены и могут выступать в качестве аттракторов, определяющих дальнейшее развитие социальных систем. Фундаментальная множественность и изменчивость социального бытия несмотря на тотальность своего присутствия не элиминируют возможности метастабильного существования социальных структур. Следовательно, нецелесообразно резко противопоставлять бытие и становление: абсолютизация первого ведёт к догматизации, статичности, абсолютизация второго – к потенциализму, иллюзорности, агностицизму.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы:

1. Возврат философии к проблематике социального субъекта фундируется новыми основаниями, переопределяющими его как изменчивый, динамический, гетерогенный феномен, «динамическое онтологическое основание в модусе осуществления уникального способа бытия» [13. С. 12]. Рассмотрение общества и индивида сквозь данную призму задаёт специфику их постнеклассической экспликации.

2. Ризомный полисубъектый характер общества не исключает его иерархической структуры. Напротив, в социетальном пространстве происходит усложнение сетевых связей иерархий различного типа, что может быть выражено концептом гетерархичности социального бытия. Социальная реальность как ткань событийности, инскриптивности (вписанности сущего в порядок совместности) выделяет в качестве приоритетной сферу «между», расширяя её понимание с дуальной до полилогичной, тотально-плюралистичной.

3. Социематичность в сфере гносеологической проблематики ставит под вопрос познаваемость социального вообще. В то же время с учетом инерционности и кумулятивности социальной динамики познание в локальном смысле не только возможно, но и несёт в себе богатый эвристический и прогностический потенциал. Ко-интенсивность социематического знания реальности носит процессуальный характер и может быть эксплицирована в форме метафоры сёрфинга по «складкам» бытия. Одновременно на первый план выходит конструктивный момент когниции: познание есть созидание реальности.

4. Индивид, рассматриваемый в рамках гетерологики, в силу перманентного смещения относительно самого себя не может быть понят иначе как посредством фиксации в его процессуальности (субъективации), альтеральности, гетерогенности. Статус социального субъекта в указанной модальности вариативен и может быть охарактеризован посредством концепции фрактала как «соответствие в форме несоответствия».

5. В границах повседневности социальное познание и межличностное взаимодействие фундируются презумпцией тождества и наличием относительно стабильного личностного и культурного базиса, сопротивляющегося значительным трансформациям. В силу этого резкое противопоставление статики и динамики бытия/становления видится нецелесообразным: необходимо рассматривать их сосуществование, взаимопересечение и взаимовлияние.

Таким образом, гетерологическая парадигма как основа философского анализа социального субъекта имеет свои достоинства и недостатки. Множественность как базисный атрибут социальности задаёт канву философскому дискурсу, не только детерминируя отсутствие фундаментальных основ экзистенции и проблематизацию социальных когниций, но и определяя рамки вероятного будущего. В силу данного обстоятельства необходимо дальнейшее осмысление социального бытия в контексте его гетерархичности и гетеродинамичности. Осмысление статуса социального субъекта не должно замыкаться в границах только становленческой либо субстанциональной интерпретации: необходим комплексный разносторонний анализ данного феномена с учётом как статических, так и динамических аспектов его существования.

Список источников

1. Сербул А.А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2011. № 2. С. 51–56.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
3. Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М. : Высшая школа экономики, 2020. 384 с.
5. Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. № 4-5. С. 54–57.
6. Керимов Т.Х. Социальная гетерология: методология и теория исследования : дис. … д-ра филос. наук. Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1999. 256 с.
7. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное. Минск : Логвинов, 2004. 272 с.
8. Смирнов А.Е. Техника как про-тезис человечности (к проблеме антропологического размыкания) // Человек.ru: Гуманитарный альманах. Новосибирск : НГУЭУ, 2014. С. 172–185.
9. Ахиезер А.С. Сфера Между и её осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133.
10. Красавин И. Гетерархия множества // Логос. 2017. Т. 27, № 3.С. 173–198.

11. Пелипенко А.А. Субъект и типы сознания современности // Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции / отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 2004. С. 571–595.
12. Смирнов А.Е. Процессы субъективации: социально-философский анализ : дис. … д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2012. 307 с.
13. Биричева Е.В. Субъект как несубстанциальное основание бытия: концепция «приспособления». М. : Litres, 2017. 216 с.
14. Жусупова Б.Ж. Фрактальная парадигма социальной философии и редукционизм // Евразийский союз ученых. 2015. № 5–8 (14). С. 31–33.
15. Хандогин Р.В. Фрактальность как свойство, способ и сущностная характеристика самоорганизации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 2А. С. 209–218.
16. Азаренко С.А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 412–417. doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417
17. Медиация как социокультурная категория : институт социологии РАН, 22 февраля 2013 г. : круглый стол. Ч. 7 / А.П. Давыдов // Философские науки. 2014. № 5. С. 132–149.
18. Кутырёв В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. 325 с.

References

1. Serbul, A.A. (2011) “Death of the subject”: philosophical and cultural analysis of the problem of the subject in the postmodern discourse. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk – Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities*. 2. pp. 51–56. (In Russian).
2. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub”ekta: Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. Translated from French. Saint Petersburg: Nauka.
3. Descombes, V. (2011) *Dopolnenie k sub”ektu. Issledovanie fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa* [Addition to the subject. Study of the phenomenon of action from one’s own perspective]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Latour, B. (2020) *Peresborka sotsial’nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An introduction to actor-network theory]. Translated from French. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.
5. Laclau, E. (2003) The impossibility of society. *Logos*. 4–5. pp. 54–57. (In Russian).
6. Kerimov, T.Kh. (1999) *Sotsial’naya geterologiya: metodologiya i teoriya issledovaniya* [Social heterology: methodology and research theory]. Philosophy Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. Nancy, J.-L. (2004) *Bytie edinichnoe i mnozhestvennoe* [Being Singular and Plural]. Translated from French. Minsk: Logvinov.
8. Smirnov, A.E. (2014) Technique as a pro-thesis of humanity (to the problem of the anthropological unlocking). *Chelovek.ru*. pp. 172–185. (In Russian).
9. Akhiezer, A.S. (2009) The sphere “inter” and thinking it over. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’ – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 125–133. (In Russian).
10. Krasavin, I. (2017) Heterarchy of the multitude. *Logos*. 3 (27). pp. 173–198. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-173-195
11. Pelipenko, A.A. (2004) Sub”ekt i tipy soznaniya sovremennosti [The subject and types of consciousness of modernity]. In Sayko, E.V. (ed.) *Prostranstva zhizni sub”ekta: Edinstvo i mnogomernost’ sub”ektnoobrazuyushchey sotsial’noy evolyutsii* [Spaces of the subject’s life: Unity and multidimensionality of the subject-forming social evolution]. Moscow: Nauka. pp. 571–595.
12. Smirnov, A.E. (2012) *Protsessy sub”ektivatsii: sotsial’no-filosofskiy analiz* [Processes of subjectivation: socio-philosophical analysis]. Philosophy Dr. Diss. Ulan-Ude.
13. Biricheva, E.V. (2017) *Sub”ekt kak nesubstantsial’noe osnovanie bytiya: kontseptsiya “prisposobleniya”* [The Subject as a Non-Substantial Basis of Being: The concept of “adaptation”]. Moscow: Litres.
14. Zhusupova, B.Zh. (2015) Fraktal’naya paradigma sotsial’noy filosofii i reduktsionizm [Fractal paradigm of social philosophy and reductionism]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh – Eurasian Union of Scientists*. 5–8 (14). pp. 31–33. (In Russian).
15. Khandogin, R.V. (2019) Fractality as a property, method and essential characteristic of self-organization. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2A (8). pp. 209–218. (In Russian).
16. Azarenko, S.A. (2016) Topological philosophy and social communication. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 4 (16). pp. 412–417. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417
17. Davydov, A.P. (2014) Round table. Mediation as a social and cultural category. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 5. pp. 132–149. (In Russian).
18. Kutyrev, V.A. (2014) *Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezzhiznennoe prostranstvo postchelovechestva)* [Philosophical image of our time (lifeless space of post-humanity)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

Информация об авторе:
Мусиец П.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (Тверь, Россия). E-mail: musietspv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
P.V. Musiets, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Military Academy of Air and Space Defence named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov (Tver, Russian Federation). E-mail: musietspv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2021;
одобрена после рецензирования 17.09.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 07.04.2021;
approved after reviewing 17.09.2021; accepted for publication 25.02.2022.

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81’42+801.7
doi: 10.17223/15617793/475/4

Эволюция тематической зоны «Возраст» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой

Ольга Леонидовна Кабанина[1]

[1]*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, olga260389@yandex.ru*

Аннотация. Представлен анализ динамики тематической зоны «Возраст» в концептосфере М.И. Цветаевой. Исследование проведено на основе тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа в лирике М.И. Цветаевой с учетом контраста как лексической регулятивной универсалии в творчестве поэта. Рассмотрены антонимические парадигмы, отражающие авторское восприятие возраста в ранней и поздней лирике. Описаны особенности восприятия автором своего возраста, дана оценка соотношения хронологического возраста и его субъективного восприятия поэтом.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, когнитивная лингвистика, лексические регулятивные универсалии, контраст, концептосфера, хронологический (абсолютный) возраст, условный (субъективный) возраст

***Для цитирования*:** Кабанина О.Л. Эволюция тематической зоны «Возраст» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 29–34. doi: 10.17223/15617793/475/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/4

The evolution of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s poetic worldview

Olga L. Kabanina[1]

[1]*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, olga260389@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the development of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s conceptual sphere. The study is based on the thematic classification of text paradigms of the antonymic type, taking into account contrast as a lexical regulatory universal in the poet’s work. Lexical regulatory universals are understood as peculiarities of authorial thinking and way of interacting with the addressee verbalized in author’s characteristic means and methods of lexical regulation. The research methodology is complex; it includes the method of observation; contextological, quantitative, biographical analyses, etc. The material for the study was 1098 textual paradigms of the antonymic type, identified in 586 poems and 82 cycles in Tsvetaeva’s lyrics of the 1910s–1940s. The analysis of the dynamics of Tsvetaeva’s attitude to the concept of age aims to trace not only changes in the author’s views, but also the development of personality, changes in the poet’s worldview. The thematic classification of text paradigms of the antonymic type is based on the concept of R. Hallig and W. Wartburg, which consists in systematizing the lexical system of the language by distributing words into three main categories: “Human”, “Universe”, “Universe and Human”, which are clarified in the article based on the study of Tsvetaeva’s works. Examples of antonymic paradigms reflecting the authorial perception of age in the early, mature and late lyrics of Tsvetaeva are given. The opposition “youth” – “old age”, which is characteristic of Tsvetaeva’s early and mature lyrics, is among the key paradigms of the antonymic type. In the late lyrics, this paradigm is replaced by the contrasting pair “old” – “older”. In the 1920s, the antonymic paradigms of “grandfathers” – “grandchildren”, “grandchildren” – “great-grandchildren”, “ancestor” – “great-grandson”, etc. are actualized in Tsvetaeva’s works, which is associated with the understanding of the periodization of the poet’s own life, the emergence of a natural interest in the past and future. In the 1930s, the connection between the “Age” category and the “Time” category is becoming stronger in Tsvetaeva’s works. The poet considers herself to be the outgoing generation, experiences worries for future generations, for children. The article examines the peculiarities of the poet’s attitude to her own age at different periods of her life, assesses the correlation between the chronological age and its subjective perception by the poet. Taking into account the tendency towards a discrepancy between the chronological and subjective age of Tsvetaeva in adulthood in favor of exaggerating the latter, a conclusion is made about the poet’s self-awareness, about the possible despondency, a depressive psychological state of Tsvetaeva in the last years of her life.

Keywords: communicative stylistics of text, cognitive linguistics, lexical regulatory universals, contrast, conceptual sphere, chronological (absolute) age, conditional (subjective) age

© Кабанина О.Л., 2022

***For citation*:** Kabanina, O.L. (2022) The evolution of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s poetic worldview. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 29–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/4

В задачи статьи входит анализ восприятия М.И. Цветаевой категории **«Возраст»** в разные периоды жизни и творчества поэта. Обращение к данному вопросу представляет особый интерес, во-первых, в связи с недостаточной изученностью индивидуально-авторского восприятия Цветаевой возраста на разных этапах взросления и становления личности поэта, во-вторых, для изучения оригинальной поэтической картины мира автора и его идиостиля.

Исследование проводится с учетом *контраста как лексической регулятивной универсалии*, характерной для поэта, основано на анализе тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа в лирике автора разных лет. Это позволило проследить динамику развития поэтической картины мира М.И. Цветаевой и эволюцию универсума мировидения поэта.

За основу в выявлении *лексических регулятивных универсалий* были взяты работы Н.С. Болотновой о коммуникативных универсалиях [1], И.Н. Тюковой [2, 3] об индивидуальных коммуникативных универсалиях и другие исследования по коммуникативной стилистике, когнитивной лингвистике и психологии.

Под *лексическими регулятивными универсалиями* нами понимается вербальное воплощение в характерных для текстов автора средствах и способах лексической регулятивности особенностей его мышления и способа взаимодействия с адресатом [4]. *Регулятивные средства* выделяются на уровне элементов текста, «с их помощью выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [5. С. 167], а *способы регулятивности* отвечают за организацию текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия на основе соотнесенности с целью текста и спецификой его связи с адресатом [5. С. 168].

Материалом исследования послужили 1 098 текстовых парадигм антонимического типа, выявленных в 586 стихотворениях и 82 циклах в лирике М.И. Цветаевой 1910–1940-х гг.

За основу тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа положена концепция Р. Халлига и В. Ватбурга [6. С. 51], заключающаяся в систематизации лексической системы языка посредством распределения слов по трем основным категориям: «Человек»; «Вселенная»; «Вселенная и Человек», которые были уточнены нами на основе исследования творчества Цветаевой. Категория **«Возраст»** относится к тематической зоне «Человек», «Человек как живое существо».

Понятие возраста в науке связано с выделением двух его типов: абсолютного (хронологического, календарного) и условного [7. С. 16]. Абсолютный, или хронологический, возраст «выражается количеством временных единиц (секунд, лет, тысячелетий), отделяющих момент возникновения объекта от момента его измерения» [7. С. 16]. «Условный же возраст, или возраст развития, определяется путем самоощущения субъекта в определенном эволюционно-генетическом и социокультурном контексте, процессе развития» [8. С. 25].

Условный, иначе *субъективный*, *возраст* «становится тем стержневым представлением, относительно которого человек воспринимает себя на жизненном пути, испытывая удовлетворенность или неудовлетворенность собственной жизнью» [9. С. 92].

Опираясь на понятие *субъективный возраст*, человек оценивает, воспринимает себя и окружающих. Это не только представление о себе, суждение о том, какой *«я»* и как видят меня другие, но и как вижу *«я»* – других. Если *«я»* молод, то кто-то относительно меня – стар и т.п. При этом важную роль играет «общественный дискурс, конструируемый вокруг процесса старения» [8. С. 25].

Рассмотрим тематическую зону конептосферы **«Возраст»** более подробно.

Условный возраст и *возраст хронологический* у Цветаевой в ранней лирике совпадают. Это возраст до 30 лет, сочетающий в себе одновременно ощущение молодости и взрослости. В 1912 г. Цветаева становится замужней женщиной, а к началу 1920-х гг., до своего тридцатилетия, – матерью двоих детей, поэтом, издавшим уже не один сборник стихотворений.

В раннем периоде творчества поэта, **в 1910-х гг**., зона концептосферы **«Возраст»** в первую очередь представлена наиболее частотной антонимической парадигмой *«молодость» («юность») – «старость»*, что отражает максимализм авторского восприятия. Для Цветаевой как будто промежуточного этапа взросления человека не существует.

Молодая Цветаева уверена, смела в своих оценках и высказываниях. Старость представляется ей *«делом темным», «безумным»* («Пусть не помнят юные о согбенной старости», 1918). *«Не учись у старости, / Юность златорунная!», «Ах, не надо юностью любоваться – старости!»* – восклицает Цветаева (здесь и далее стихи цитируются по изданию [10]).

Наделение старости отрицательной коннотацией, нечеткость представлений об этом *«темном деле»* двадцатишестилетней Цветаевой говорит о многом, ведь *«то, как мы представляем пожилых людей, является оценкой нашего собственного будущего»* [11. С. 987].

В стихотворении поэта «Есть колосья тучные, есть колосья тощие» (1918) лирическая героиня фамильярно обращается к нищему старику: *«Борода столетняя! – Чай, забыл, что смолоду / Есть беда насущнее, чем насущный хлеб», «Ты на старость, дедушка, просишь, я – на молодость!»*.

О какой беде идет речь в стихотворении? Не об отсутствии пропитания или денег пишет Цветаева. Она противопоставляет вещественному нечто более ценное для себя, молодой.

В связи с неоднозначностью ответа автора, нами был проведен небольшой экспресс-опрос среди моло-

дых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Было опрошено 10 информантов – студентов вузов (ТГУ, СибГМУ, ТГПУ) и работающей молодежи г. Томска. Предлагалось ответить на вопросы: «*Как вы считаете, что за беда насущнее, чем насущный хлеб, есть в молодости? О чем пишет Цветаева»?».*

Половина информантов (5 из 10) посчитали, что Цветаева пишет здесь **о любви**:

«Может, что в молодости нам кажутся более важными вещи типа любви и т.п.? Что пока молодой, несешься куда-то, забывая о еде, считая её чем-то неважным?» (студентка СибГМУ, 20 лет).

Тему **выбора своего жизненного пути и самореализации** отметили трое информантов (3 из 10): *«Поиск смысла предстоящего жизненного пути, достойной сферы приложения своих сил; творческая самореализация, признание (для творческих людей, в частности – для поэтов, это важно)»* (мед. работник, 30 лет).

Возможно и предположение о **продолжении рода**: *«чтобы потом повзрослевшие дети и внуки заботились о родителях»* (педагог, 33 года) – на этот смысл указал 1 из 10 информантов.

Приведем интересный пример развернутого ответа:

«Мне кажется, что здесь действительно имеется в виду, что в молодости заботы в голове немного другие. В молодости кажется, что всё впереди и жизнь бесконечна. Прагматично о еде мало кто думает. В молодости мысли могут быть о любви, о том, как определить свой путь, о том, чтобы свершить что-нибудь могучее и великое для всего мира, совершить какой-нибудь подвиг. С возрастом приходит понимание, что жизнь часто сводится к каким-то обыденным вещам. К тому, чтобы заработать деньги, накормить семью. Романтика уходит на второй план…» (лаборант ТГУ, 30 лет).

Таким образом, можно сделать вывод, что человека в молодости больше занимают вопросы о любви и выборе своего жизненного сценария. Так и Цветаева ставит для себя приоритетом категории вечные, априорные над материальными благами.

Интересно стихотворение «Безнадежно-взрослый вы? О, нет!» (1910 г.), в котором наблюдается противопоставление не только по возрасту *«дети» – «взрослые»*, но и по *внешнему/внутреннему* признаку, когда взрослость является лишь внешним фактором. Обращаясь к лирическому герою, автор подчеркивает контраст в восприятии его личности, который виден ей невооруженным глазом, а именно внешнюю взрослость, включающую в себя параметры фактического возраста и мнение о самом себе, и внутреннюю незрелость, детскость в отношениях и восприятии окружающих. Лирический герой, по мнению поэта, лишь только воображает себя взрослым, серьезным, а на деле представляет собою дитя.

Определение *«дитя»* в контексте стихотворения Цветаевой также рассматривается двояко. С одной стороны, дети – это *«тайны», «в детях рай»*, они искренни и чисты, но с другой – *«…дети так жестоки: / С бедной куклы рвут, шутя, парик, / Вечно лгут и дразнят каждый миг», «в детях все пороки», «Их слова неумолимо-колки, / В них огонь, зажженный мятежом».* Разное отношение к детям отражает сомнения автора в лирическом герое, к которому обращено стихотворение. Она боится отношений с этим человеком, ожидая подвоха с его стороны, ведь он – дитя, и какие качества доминируют в нем при этом, угадать сложно, что выражается в риторическом вопросе: *«Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!»*

Размышление Цветаевой о природе «детскости» во взрослом человеке подчеркивает проблему, которая возникает при несовпадении *возраста хронологического и условного* в человеке. Можно быть юным и при этом вести себя как недовольный жизнью старик, а можно быть взрослым с поведением капризного ребенка и несерьезным отношением к жизни. Сама Цветаева, рассуждая об этом, кажется человеком внутренне целостным и зрелым, способным разгадать эту разницу двух возрастов в одном человеке и не поддаться этому раздвоению самой, ведь она уже ощущает себя не как *«дитя»*, глядя на мир и окружающих с позиции *взрослого* человека.

В **1920-х гг.** оппозиция *«молодость» («юность») – «старость»* по-прежнему остается актуальной для Цветаевой, но на восприятие жизни поэтом накладывают отпечаток события конца 1910-х гг., страшные потрясения в стране и перемены в личной жизни автора. Это и смена политического строя с кровавым свержением царя, и длительная разлука с мужем Сергеем Эфроном, который был солдатом Добровольческой армии в рядах Белого движения в то время, когда Марина Цветаева оставалась в Москве, и тяжелый быт, похожий на выживание, и смерть младшей дочери Ирины в приюте в феврале 1920 г.

Цветаева в возрасте чуть больше тридцати лет уже прощается с молодостью. Жизнь точно вынуждает подводить итоги настоящего и «примерять» на себя седину будущего. Так, *«Седой – не увидишь, / Большим – не увижу»* (цикл «Разлука», 1921) – непростые строки, написанные поэтом, обращенные посмертно, слова матери своему ребенку, *«ушедшему в град осиянный»*. Именно в этих словах выражается многое – и боль от потери дочери, и ощущение движения времени и жизни, когда одна из нитей прервалась. Две прямые линии жизни матери и ребенка в плоскости времени – *она* должна была стареть, а *он* – расти, *она* должна была стать седой, а *он* – большим. Но последнего уже не случится. Здесь седина представлена как неотъемлемый атрибут будущей старости, грядущей, но такой естественной по шкале времени и даже, при условии взросления ребенка, – желанной.

Смерть дочери и внутренние события в стране с противостоянием России прошлого и России будущего, отцов и детей – все это послужило усилению внимания Марины Цветаевой в 1920-х гг. к разнице поколений, к необходимости обратиться к потомкам. Можно отнести это к внутренней, душевной потребности связать прошлое, настоящее и будущее, исторические вехи и этапы истории, проследить причинно-следственную связь событий, происходивших в 20-х гг. с прежней Россией и собой, некогда счастливой и беззаботной, юной Мариной.

В связи с этим закономерным кажется появление и использование в творчестве поэта 1920-х гг. антонимических парадигм *«деды» – «внуки»: «Я с дедом играю в кости, / А с внуком – пою»* («Н. Н. В.» (6), 1920); *«деды» – «сыны»: «Вся жизнь твоя – в едином крике: / – На дедов – за сынов!»* («Петру», 1920) и др.

Марина Цветаева смотрит на жизнь уже в ретроспективе и перспективе: *«Предок твой был горд и громок, – / Правнук – ты дурной потомок»* («Ты разбойнику и вору…», 1920), определяя свое положение на хронологической шкале времени: *«Как змей на старую взирает кожу – / Я молодость свою переросла»* (цикл «Хвала Афродите», 1921).

Таким образом, происходит «конструирование собственной периодизации жизни» [8. С. 25] Цветаевой, «структурирование течения времени, выделение в нем хронологических элементов, имеющих определенное содержательное и дискурсивное значение для конкретной личности» [8. С. 25].

Важным произведением в лирике этого периода, отражающим восприятие поэтом себя на жизненном пути, становится небольшой цикл стихотворений «Молодость», написанный в ноябре 1921 г., в котором М.И. Цветаева обращается к молодости, называя ее *«чужой»* и прощаясь с ней: *«Молодость моя! – Назад не кличу. / Ты была мне ношей и обузой», «Неспроста руки твоей касаюсь, / Как с любовником с тобой прощаюсь. / Вырванная из грудных глубин – / Молодость моя! – Иди к другим!»*. В последних строках мы можем наблюдать пример контраста **«я» – «другие»**, когда *«я»* противопоставлено *«другим»* по признаку наличия и отсутствия молодости: *«я»* уже была молодой, настал черед быть молодым кому-то *«другому»*. Это важный момент, определяющий *субъективный возраст* Цветаевой, ее представление о самой себе относительно других людей. Она как будто поднимается на одну ступень выше, двигаясь вперед и уступая место другим, шагающим в «молодость» со ступени «детство».

Прощание с молодостью Цветаевой выглядит в стихотворении добровольным и осознанным, случившимся раньше назначенного времени: *«Скипетр тебе вернув до сроку – / Что уже душе до яств и брашна!»*. При этом прощание наполнено грустью, несмотря на то, что молодость, по определению самой Цветаевой, была ей *«ношей и обузой»*. Поэт провожает молодость как гостью, как сестру, чье время визита уже прошло, и просит прежде об утешении, до прощания: *«Молодость! Простимся накануне… / Постоим с тобою на ветру! / Смуглая моя! Утешь сестру!», «Утешь, спляши!»* и т.д.

Интересно восклицание Цветаевой: *«Скоро уж из ласточек – в колдуньи!»*, в котором видится два ключевых образа – *«ласточки»* (символ молодости) и *«колдуньи»* (символ взрослости, старости). Ласточка здесь олицетворяет образ девушки, ласковой, нежной, юной; ассоциируется с перелетной птичкой, легкой и юркой. Колдунья же – образ более мистический; ассоциируется с женщиной, обладающей тайными знаниями, хитростью, умом, внешне, как правило, воображаемой морщинистой и немолодой старухой или женщиной средних лет, характеризующихся, возможно, холодной красотой, уже лишенной легкости и крылатой одухотворенности.

Если сравнить в ассоциативном плане образы женщины-ласточки и женщины-колдуньи, то возникают два совершенно противоположных ассоциативных поля, сопоставимые с образами юности и старости. Приведем данные, полученные на основании проведенного нами пилотажного ассоциативного эксперимента с участием 10 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, студентов вузов (ТГУ, СибГМУ, ТГПУ) и работающей молодежи г. Томска, которым предлагалось написать свободные ассоциации на слова *«ласточка (в значении “обращение к женщине”)»* и *«колдунья»*.

Сравним полученные ответы:

Ласточка – девочка (4), девушка (3), молодая (3), легкость (2), добрая (2), одинокая (2), заботливая, услужливая, послушная, сочувствующая, жизнерадостная, веселая, понимающая, любит, готова прийти на помощь, безмятежность, простота, неопытность, белое непышное платье, в платье, ленточки в волосах, беззаботная, красивая, нежная, светлая, чистая, небо, солнце, свет, песни, голос красивый, фея, искренняя.

Колдунья – старая (4), злая (3), властная (2), бабка, старуха, не добрая, черствая, жадная, мстительная, сухая, дряхлая, дряблая, коварная, некрасивая, хитрая, носатая, горбатая, жуткая, страшная, кот черный, гиперконтроль, власть, готова подчинять себе других людей, сила, безумие, гордость, черное пышное платье с множеством украшений, холодные глаза.

Образ колдуньи оказывается ассоциативно связанным с темой старости, а ласточки, напротив, с атрибутами детства и юности. Колдунье приписывают негативные эмоции и злобные черты, ласточке – добрые качества, понимание и любовь. Ласточка видится информантам *«беззаботной, одинокой (в смысле брака и детей), может быть девочка (по возрасту)»*, а колдунья определяется *«женщиной, которая уже в возрасте, но так и не нажила женского счастья»* (студентка СибГМУ, 20 лет), *«озлобленная на жизнь тетка»* (студентка ТГУ, 19 лет).

Анализируя цикл «Молодость», возникает закономерный вопрос: что подвигло Цветаеву к прощанию с молодостью? Почему она отпускает молодость, не держится за нее, как многие женщины, а добровольно готова отдать ее другим, при этом будто выступая инициатором данного расставания.

Ответ оказывается очевиден. Когда буря врывается в дом, а на пороге стоит смерть и война, оставаться юной и беспечной уже нельзя. Это не просто трудно, это уже непозволительно. С этой точки зрения прощание с молодостью выглядит не столько уже добровольным, сколько добровольно-принудительным, вынужденным. Отсюда – безвыходность этого прощания.

В **1930-х гг.** для Цветаевой понятия *«молодости»* будто больше не существует. Актуальной становится оппозиция *«стара» – «старей»*. Это происходит в связи с осознанием Цветаевой «возраста», движения жизни, и себя она теперь определенно относит не к «молодым», а к «старым». Молодость для поэта уже

безвозвратно и окончательно прошла, а переходного этапа полноты сил, и зрелости как будто не было совсем, хотя в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Цветаевой нет еще и пятидесяти лет. Субъективный возраст поэта: *«старость»*.

Рассмотрим яркий пример:

«– Пора! Для этого огня – / Стара! / – Любовь – старей меня! / – Пятидесяти январей / Гора! / – Любовь – еще старей: / Стара, как хвощ, стара, как змей, / Старей ливонских янтарей, / Всех привиденских кораблей / Старей! – камней, старей – морей… / Но боль, которая в груди, / Старей любви, старей любви» («Пора! Для этого огня стара!», 23 января 1940).

Интересное стихотворение, в котором автор противопоставляет *«себя» – «Любви»* по оценке возраста, по признаку *«старости»*. Поэт будто пытается выяснить, рассуждая сама с собой, – может ли она еще любить, не стара ли она для этого, неужели все прошло и осталось далеко позади?

Судя по признанию автора, *«любовь»* оказывается *«старше»* лирической героини, как извечное начало, существующее еще до сотворения мира. В оппозицию с *«любовью»* вступает и *«боль»*: «*Но боль, которая в груди, / Старей любви, старей любви»*.

Как отмечает О. Максимова [8], старость воспринимается большинством людей не как процесс, а как некое мгновенное изменение, часто связанное с событийным форматом. Так, можно предположить, что критерием старости у М.И. Цветаевой выступает любовь. Способность, возможность искать и желать любви, любить горячо, страстно и глубоко, полностью отдаваясь и погружаясь в чувство. *«Боль»*, накопленная годами, придала Цветаевой ощущение старости под тяжестью событий прожитых лет.

На основе проведенного анализа можно отметить несовпадение возраста хронологического и условного. Субъективно Цветаева ощущает себя гораздо старше своих лет. При этом открытых сожалений о прошедшей юности у Цветаевой не наблюдается. Есть принятие возраста, и даже готовность поспорить с любовью – «кто старше?», побороться за право «любить» еще. Возникает ощущение смирения перед неизбежностью и тем, что следует за старостью – окончанием земного пути жизни, смертью.

В творчестве поэта 1930-х гг. происходит усиление связи категории **«Возраст»** с категорией **«Времени»**, с **«прошлым, настоящим и будущим»**, наметившейся в лирике 1920-х гг.

М. Цветаева противопоставляет время уходящее – поколению «нового», настоящего и грядущего. *«Отцы», «деды», «предки»* оказываются в оппозиции с *«детьми», «внуками» и «правнуками»*. Себя Цветаева причисляет к первой категории: к поколению «старой России», к людям уходящей эпохи, с иными взглядами на этот мир и на свою страну, к поколению, «наломавшему дров».

Происходит глобальное осмысление и переосмысление отношений с миром, к миру. С ней-то, с Цветаевой, все понятно – стара, и вся ее любовь осталась в прошлом, «отжила». Но поэт переживает за других – за «детей», за потомков, которые унаследуют ошибки дедов: *«Дети! Сами пишите повесть / Дней своих и страстей своих», «Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час, / Наш грех, наш крест, наш спор, наш – / Гнев»* (1932 г.) *«Наш»* здесь отражает связь с *«отцами»*, *«предками»*.

Как показало исследование, эволюция восприятия возраста связана у Цветаевой с осмыслением своего жизненного пути, с изменением взгляда на себя и окружающий мир. Эволюция представлений о возрасте и самой личности поэта включает этапы от ощущения молодости, сил и энергии, жизни здесь и сейчас – к осознанию изменчивости времени, определению этапов взросления, взгляду на жизнь в ретроспективе и перспективе; через проецирование на себя седины – к глубинному ощущению этих седин и осознанию себя «старой», старой для любви, для жизни, для всего.

По мере взросления Цветаевой наблюдается тенденция к несовпадению между возрастом абсолютным (хронологическим) и условным (субъективным). Интересно, что субъективный возраст в самоощущении Цветаевой оказывается больше хронологического, в то время как для большинства людей в возрасте 40–50 лет и даже 60–70 лет, наоборот, характерно оценивать себя моложе хронологического возраста, потому что желание чувствовать себя более молодым связано с механизмом «психологической передержки (механизм психологической защиты, совладания с проблемами старения») [12].

Таким образом, *когнитивная иллюзия возраста* («разница между хронологическим и субъективным возрастом человека, которая возникает в процессе жизни» [12]) Марины Цветаевой кардинально отличается от тенденции, характерной для большинства людей. По мнению психологов, ощущение человеком себя старше своего хронологического, абсолютного возраста свидетельствует об унынии, в котором находится человек, о его депрессивном состоянии, что вполне может соответствовать действительности в проекции на внутреннее состояние поэта в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Эта тенденция к повышению субъективного возраста наблюдается еще в лирике поэта 1920-х гг., когда тридцатилетняя Цветаева прощается с молодостью, отпуская ее к другим.

Можно сделать вывод, что исследование восприятия М.И. Цветаевой категории «Возраст» в разные периоды жизни и творчества поэта позволяет проследить не только изменение взглядов автора на возраст, но и развитие ее личности, динамику внутреннего мира и отражение психологического состояния в разные годы.

Важной для Цветаевой является тема любви. Любовь, как ценностное и смысловое начало жизни, становится основным критерием в определении себя относительно той или иной возрастной категории по принципу способности или неспособности любить ярко, горячо или неспособности любить и отдавать эту любовь, что равноценно для Цветаевой старости и смерти.

Список источников

1. Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки. 1992. № 4. С. 75–87.
2. Тюкова И.Н. Коммуникативные универсалии и формы их реализации в поэтических текстах Б. Пастернака // Художественный текст и языковая личность : материалы III Всерос. научной конф., посв. 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ (29–30 октября 2003 г.). Томск, 2003. С. 53–61.
3. Тюкова И.Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б.Л. Пастернака (на материале книги «Сестра – моя жизнь») : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 21 с.
4. Кабанина О.Л. Лексические регулятивные универсалии: к определению понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 41–45.
5. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск : ТГПУ, 2008. 384 с.
6. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М. : Просвещение, 1975. 272 с.
7. Бочаров В.В. Антропология возраста : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 196 с.
8. Максимова О. Старость или «Третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 22–44.
9. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в контексте системно-субъектного подхода // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, № 5. С. 89–100.
10. Цветаева М.И. Избранное : в 2 т. М. : Книжный Клуб 36,6, 2012. 752 с.
11. Куртышова Т.В., Алпысбаева Ж.М. Старость как социально-философский феномен // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 5. С. 985–987.
12. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6 (30). URL: https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/689/371 (дата обращения: 05.06.2021).

References

1. Bolotnova, N.S. (1992) Kommunikativnye universalii i ikh leksicheskoe voploshchenie v khudozhestvennom tekste [Communicative universals and their lexical embodiment in a literary text]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 4. pp. 75–87.
2. Tyukova, I.N. (2003) [Communicative universals and forms of their implementation in B. Pasternak's poetic texts]. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost'* [Artistic text and linguistic personality]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference Tomsk. 29–30 October 2003. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 53–61. (In Russian).
3. Tyukova, I.N. (2005) *Kommunikativnye universalii i ikh leksicheskoe voploshchenie v lirike B.L. Pasternaka (na materiale knigi "Sestra-moya zhizn'")* [Communicative universals and their lexical embodiment in B.L. Pasternak (on the material of the book "My Sister, Life")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
4. Kabanina, O.L. (2018) Lexical regulative universals: communicative and cognitive aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (193). pp. 41–45. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-41-45
5. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta* [Communicative Style of the Text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
6. Stepanov, Yu.S. (1975) *Osnovy obshchego yazykoznaniya* [Fundamentals of General Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Bocharov, V.V. (2001) *Antropologiya vozrasta* [Anthropology of Age]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
8. Maksimova, O. (2020) Old age or "third age"? Discourses of individuals' subjective perceptions of their own age-related changes. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2 (12). pp. 22–44. (In Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44
9. Sergienko, E.A. (2011) Subjective age in terms of the system-subject approach. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 5 (153). pp. 89–100. (In Russian).
10. Tsvetaeva, M.I. (2012) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Knizhnyy Klub 36,6.
11. Kurtyshova, T.V. & Alpysbaeva, Zh.M. (2016) Starost' kak sotsial'no-filosofskiy fenomen [Old age as a socio-philosophical phenomenon]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy – Bulletin of Medical Internet Conferences*. 5 (6). pp. 985–987.
12. Sergienko, E.A. (2013) Subjective and chronological human age. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological studies*. 30 (6). [Online] Available from: https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/689/371 (Accessed: 05.06.2021). (In Russian). DOI: 10.54359/ps.v6i30.689

Информация об авторе:
Кабанина О.Л. – аспирант кафедры русского языка Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: olga260389@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
O.L. Kabanina, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga260389@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.12.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 18.12.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья
УДК 81. 42 + 070
doi: 10.17223/15617793/475/5

Тексты блогов об искусстве как источник изучения медиаобраза Китая

Юйси Му[1]

[1]*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mu.yuisi@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается медиаобраз Китая в русскоязычных текстах блогов о китайской опере, живописи, художественной вышивке и каллиграфии. Материалом исследования являются тематические блоги, опубликованные на онлайн-платформе «Живой Журнал» и в интернет-издании «Магазета». Определены параметры описания данных видов искусства как культурных феноменов, анализируются и сопоставляются языковые средства репрезентации медиаобраза Китая по каждому параметру.

Ключевые слова: медиаобраз Китая, блог, текст, искусство Китая, языковые средства

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям № [2019] 553.

***Для цитирования*:** Му Ю. Тексты блогов об искусстве как источник изучения медиаобраза Китая // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 35–45. doi: 10.17223/15617793/475/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/5

Art blog texts as a source for studying the media image of China

Yuxi Mu [1]

[1]*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mu.yuisi@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is a research of the media image of China in Russian-language texts of blogs about Chinese art as an important component of the country's culture. The analysis of the linguistic means used in the description of the key types of Chinese art creates an image of an amazing country with ancient culture, deep traditions, national philosophy and wisdom of the people. This is especially relevant in the course of the strengthening of Russian-Chinese relations, when Russian media's attention is attracted not only to political and economic issues, but also to Chinese culture and traditions. In this article, the media image of China is considered as an object of linguistic research. The methodology of textual analysis is developed and the parameters of Chinese image description in blogs are determined on the example of four types of art. The empirical material is thematic blogs published on the online platform Live Journal (https://www.livejournal.com/) and the Internet edition Magazeta (https://magazeta.com/). Totally, 57 blogs were analyzed, from which more than 1200 lexical units, statements and syntagms, representing the ideas of the article, were selected. The main research methods were discourse analysis; linguistic analysis method, including contextual analysis of linguistic units; medialinguistic method; method of linguocultural analysis; general scientific descriptive method, the key methods of which are observation, generalization, classification and systematization of material. The communicative and pragmatic approach is applied on all stages of the research of linguistic facts. The media image of China in the analyzed texts is created by means of actualization of some parameters describing different types of art as cultural phenomena, for instance: (1) role, place and popularity in Chinese and world culture; (2) history of origin and development; (3) status of figures and skills; (4) genres/styles; (5) subjective opinions of texts' authors; (6) graphic components in texts; (7) characters' images. The linguistic means expressing the media image of China are compared according to each parameter. The analysis shows the variability of linguistic means describing Chinese opera, painting, embroidery, and calligraphy. The media image of China is formed by the personal impressions of blog authors about Chinese culture and art. The analysis reveals that the materials are dominated by a positive attitude and high appreciation of the key types of Chinese art. Through the description of different types of Chinese art in Russian-language blogs a fragment of the image of China associated with art as the most important part of Chinese culture is formed.

Keywords: media image of China, blog, text, art of China, linguistic means

Financial Support: The study is supported by the China Scholarship Council No. [2019] 553.

***For citation*:** Mu, Yu. (2022) Art blog texts as a source for studying the media image of China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 35–45. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/5

© Му Ю., 2022

Постановка проблемы

Медиаобраз, понимаемый как образ социального мира, формируемый системой СМИ [1. С. 63], становится всё более социально значимым в условиях непрерывного развития масс-медиа. В научной литературе медиаобраз интерпретируется в узком и широком смысле слова. В узком понимании медиаобраз – это «фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества» [2. С. 91]; в широком понимании – это «образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиапространстве» [2. С. 91]. Самые разные *медиаобразы* активно исследуются в работах специалистов в области журналистики, социологии, философии, психологии, лингвистики и др. Однако термин *медиаобраз* пока не кодифицирован, методология его изучения находится на стадии формирования, поэтому анализ функционирования медиаобраза является актуальной и перспективной научной задачей в контексте исследования медиадискурса.

Обращение к медиаобразу Китая обусловлено тем, что это страна не только с высокими темпами экономического роста и значимой ролью на международной арене, но и интересный объект изучения специалистов различных научных направлений. Так, в работах, посвящённых рассмотрению образа Китая в российских медиа, Китай характеризуется, во-первых, как страна, которая активно реализует себя в культуре, экономике и политике [3. С. 20]. Ученые отмечают, что Китай в российских СМИ позиционируется как «сильное государство, серьёзный участник политической и экономической жизни всего мирового сообщества» [4. С. 22]; современный Китай – «государство, способное реализовать потенциал своей этнокультурной идентичности» [5. С. 165].

Во-вторых, многие отмечают, что Китай тесно сотрудничает с Россией. По наблюдениям ученых, Россия уделяет большое внимание внешнеполитическим связям с Китаем, которые оказывают значительное влияние на различные сферы жизни населения обеих стран и результаты которого регулярно освещаются в периодических изданиях [3. С. 21].

В-третьих, очевидно, что в описании Китая положительная и нейтральная коннотации преобладают над негативной [4]. «Публикации изданий о КНР носят преимущественно нейтральный, а в некоторых случаях положительный характер и направлены в основном на ту целевую аудиторию, которая интересуется Китаем в связи с жизнью, работой или интересами» [6. С. 60]. Российские СМИ подчеркивают, что Китай – хороший партнёр, с которым выгодно сотрудничать.

По мере того, как китайско-российские отношения становятся все более взаимозаинтересованными, в российской массовой коммуникации освещаются не только политические и экономические проблемы, но и культура и традиции Китая.

Публикации на темы культуры наиболее успешно формируют и пропагандируют положительный образ страны. Китайский культуролог Ю. Цуй выявляет условия, факторы и процессы формирования образов России и Китая в процессе межкультурного взаимодействия. Исследователь отмечает, что традиционно «в образе Китая, создаваемом в России, доминирующими чертами были культурные традиции (своеобразное питание, чайная церемония, почитание старших, культ предков), особый строй мышления, плотное население и т.д.» [7. С. 21]. Автор также подчёркивает, что культура играет важную роль в создании образа Китая. Со страниц российской прессы читатели могут узнать о культурном и историческом фоне жизни в Китае, дополнив тем самым медиаобраз страны, сформированный ранее публикациями политической и экономической тематики.

Искусство как важная часть культуры и форма творческой самореализации выступает также средством коммуникации между создателем произведения искусства и его зрителем, слушателем, читателем. В эпоху массовых коммуникаций тема искусства всё активнее рассматривается в медиалингвистических исследованиях (Е.А. Набиева [8], А.А. Сидякина [9]; В.И. Новиков [10], К.К. Сагдуллаев [11], А.А. Самсонова [12], Н.С. Цветова [13]). Н.С. Цветова использует термин «арт-медиадискурс» (далее АМД) для отражения деталей процессов, происходящих в этой части российского медиапространства, где актуальные события и факты связаны с фиксацией отечественной и мировой культуры и искусства [13. С. 6]. По определению ученого, современный русский АМД – «гипертекст, феноменологическими характеристиками которого можно считать открытость, являющуюся результатом актуализации принципа диалогичности как принципа сцепления текстов-реплик в ответ на текст, презентующий инфоповод; политопичность (многотемность), т.к. искусство (художественная культура) – это любая деятельность, направленная на создание эстетически выразительных форм» [14. С. 191].

В статье исследуются тексты, представленные в интернет-среде, которая является важнейшим «источником оперативной информации, открывающей доступ в том числе к литературе и к искусству» [11. С. 14]. Например, блоги или персональные онлайн-страницы позволяют авторам публиковать свои посты, дневники, эссе, очерки и становятся популярной виртуальной площадкой для обсуждения с читателями вопросов искусства. Изучение медиаобраза Китая в русскоязычных интернет-текстах в лингвистическом аспекте представлено в немногочисленных работах, искусство как важная составляющая медиаобраза Китая в лингвистических работах должным вниманием не отмечено. Перечисленные факты обусловливают актуальность работы и представляют необходимым изучение медиаобраза Китая, создаваемого в русскоязычных текстах блогов об искусстве, ввиду важного социально-культурного и научного значения.

Цель данного исследования состоит в рассмотрении медиаобраза Китая в русскоязычных текстах блогов, посвященных китайскому искусству. К анализу

привлечены тексты о китайской опере, живописи, художественной вышивке и каллиграфии, опубликованные в русскоязычных блогах.

Научная новизна работы определяется тем, что медиаобраз Китая как объект лингвистического исследования рассматривается на новом эмпирическом материале. Разработана методика анализа текстов, определены параметры описания образа Китая в блогах на примере четырех видов искусства как культурных феноменов страны. Впервые представлены результаты сопоставления языковых средств репрезентации фрагмента медиаобраза Китая, связанного с искусством.

Теоретическая и методологическая база исследования

Методология исследования определяется положениями, сформулированными в научных трудах, посвященных ключевым понятиям, актуальным для данной проблематики. Тексты блогов о китайском искусстве как феномены, формирующие представление о медиаобразе Китая, рассматриваются в качестве объекта междисциплинарного изучения, поэтому их анализ базируется на методологии журналистики, медиалингвистики, коммуникативной лингвистики.

Основы методологии изучения медиадискурса развивают теоретики и практики журналистики и медиалингвистики (В.М. Березин [15], Т.Г. Добросклонская [16], Л.Р. Дускаева [17], Н.Г. Нестерова [18], В.И. Коньков [19] и др.). Особую значимость для данного исследования представляют труды Н.С. Цветовой, в которых формулируется представление об арт-медиадискурсе.

Блог как новая форма медиакоммуникации и новый медиатекст исследуется с учётом наблюдений, сформулированных в работах И.Л. Шараповой [20], Е.А. Баженовой, И.А. Ивановой [21], В.Л. Волохонского [22].

Содержание понятия *медиаобраз*, его методология и специфика рассматриваются с позиций разных наук: журналистики (В.В. Барабаш, Т.В. Сезонов [23], Е.Н. Богдан [24], Н.О. Ланцевская [25], А.В. Марущак [26]), социальной психологии (Д.О. Смирнов [27], Л.В. Хочунская [28]), культурологии (Ю.В. Белоусова [29]), медиалингвистики (Т.Н. Галинская [2], Т.С. Глушкова, О.А. Зайцева [30], Т.Г. Добросклонская [31], Ю.Н. Драчева [32], О.А. Ковач [33]).

В научной литературе представлено изучение языковых средств и стилистических приёмов воплощения тех или иных медиаобразов, представленных в медиатекстах (Аслан Эбру [34], Г.М.К. Чопсиева, Т.В. Овсиенко [35], Ю.С. Сабаева [36], С.В. Филиппова, Л.А. Ядрихинская [37]).

В лингвистических исследованиях медиаобраз Китая, формируемый в российских медиа, анализируется преимущественно на лексическом уровне языка (Л. Го [38], В. Осетрова, К. Чэнь [3], Ю. Чэн [39], О.Н. Сорокина [40], Ц. Цзинь [41]). Лингвистические составляющие медиаобраза Китая рассматриваются также в работах, выполненных в аспекте журналистики (С. Ван [4], Ц. Ду [42], О.С. Коновалова [43], О.В. Монастырева [44], Ф. Сунь [45], Ч. Цзе [46], Д. Шао [47]) и культурологии (О.И. Бодрова [5], Ю. Цуй [7]).

Научные труды, указанные выше, определили методологическую базу данного исследования: обусловили выбор исследовательского подхода, методов анализа текстов и принципы отбора источников эмпирического материала.

Методы и приёмы исследования

Метод дискурс-анализа является основой коммуникативно-прагматического исследования, который использован для анализа контекстно скрытых значений в высказываниях автора текста и их интерпретациях. Метод лингвистического анализа, включающий контекстный анализ языковых единиц, позволяет выявить средства лексического и грамматического уровней, используемые для создания образа Китая в текстах блогов. Медиалингвистический метод привлекается для описания закономерностей взаимодействия вербальных и невербальных средств при рассмотрении поликодовых текстов. Метод лингвокультурологического анализа предполагает определение и объяснение культурологических компонентов текста об искусстве Китая (реалий и традиций, специальных понятий, языковых единиц китайского происхождения, имён собственных) и позволяет составить представление о национально-культурной специфике, что необходимо для адекватного восприятия образа Китая. Общенаучный описательный метод, ключевыми приёмами которого являются наблюдение, обобщение, классификация и систематизация материала, с опорой на коммуникативно-прагматический подход к изучению языка, используется на всех этапах исследования.

Принципы отбора источников и методика анализа эмпирического материала

Материалом послужили тексты блогов, размещённые на онлайн-платформе «Живой Журнал» (https://www.livejournal.com/) и в интернет-издании «Магазета» (https://magazeta.com/). Проанализировано 57 блогов, из которых отобрано более 1 200 единиц лексического уровня, высказываний, синтагм, наиболее адекватно репрезентирующих идеи статьи.

В качестве критериев, мотивирующих выбор текстов об искусстве Китая, определены следующие:

1. Тематика текстов. Блоги посвящены искусству Китая, в частности оперному искусству, живописи, художественной вышивке и каллиграфии.

2. Авторы блогов. Тексты написаны носителями русского языка, в том числе большинство авторов является любителями китайской культуры и туристами, побывавшими в Китае, некоторые из блогеров – редакторы интернет-изданий.

3. Суждение блогеров. Выбранные тексты блогов должны включать авторские суждения об искусстве Китая. Адресанты высказывают собственное мнение, отражающее оценку (положительную, отрицательную), эмоции и чувства.

Методика анализа эмпирического материала включала следующие этапы.

1. Формирование эмпирической базы текстов, посвящённых искусству Китая (осуществлено посредством приёма сплошной выборки).

2. Чтение выбранных блогов и определение коммуникативной цели авторов.

3. Обобщение параметров, по которым описываются разные виды искусства Китая.

4. Выявление языковых средств, которые используются авторами при создании медиаобраза Китая по разным параметрам.

5. Анализ эмоционально-экспрессивных особенностей дискурса адресантов.

Языковая репрезентация медиаобраза Китая в русскоязычных текстах блогов об искусстве

В данном исследовании медиаобраз Китая рассматривается через призму четырех видов искусства: оперы, живописи, художественной вышивки и каллиграфии. Известно, что традиционное китайское искусство зародилось в эпоху неолита, основными формами этого искусства являются каллиграфия, живопись, опера и др.[1], искусство вышивки также имеет древнее происхождение и передается из поколения в поколение. Проблемами изучения данных видов искусства занимаются многие российские и китайские ученые (Э.А. Саракаева [48], А.Г. Алябьева [49], Ц. Ван [50], В.Г. Белозерова [51], А.И. Донченко [52], Д.Д. Набока [53]). Специалисты отмечают, что знакомство мирового сообщества с искусством Китая существенно дополняет образ страны, делает его более содержательным и глубоким.

В исследуемом материале медиаобраз Китая создается посредством актуализации ряда параметров описания разных видов искусства как культурных феноменов; выделены следующие: 1) роль, место и известность в китайской и мировой культуре; 2) история возникновения и развития; 3) статус деятелей и мастерство; 4) жанры/стили[2]; 5) субъективные оценки авторов текстов; 6) изобразительные компоненты в текстах; 7) образы персонажей. Среди них выявлены как совпадающие, так и не совпадающие параметры.

Основные из указанных параметров реализуются в проанализированных текстах, посвящённых всем четырем видам искусства, однако языковые средства, которые используются для их описания, различны.

1. Роль, место и известность в китайской и мировой культуре. Для описания этого параметра в изучаемых тестах об опере используются 1) словосочетания, в том числе устойчивые: *национальное сокровище, обретать признание во всем мире*; 2) цитирование мнений известных деятелей театрального искусства, перечисление фактов, например истории встреч советских театральных режиссеров с китайской оперой и её представителями: *В период гастролей в СССР Мэй Ланьфан встречался с такими знаковыми деятелями русского искусства, как* ***К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, С.М. Эйзенштейн, В.Э. Мейерхольд; Немирович-Данченко****, высказывая впечатления от увиденного, отмечал, что* ***нет другой формы искусства, способной своей точностью и яркостью так же точно выразить дух нации***[3]**;** ***Сергей Эйзенштейн*** *снимал фильм о гастролях пекинской оперы в Москве.*

Место живописи в китайской и мировой культуре утверждается словосочетаниями *значительный вклад, всемирное культурное наследие.* Уникальность этого вида искусства передается лексическими маркерами *не похожа, отличается, своеобразие.*

Известность китайской вышивки передается с помощью, во-первых, названий культурно-географического региона, страны, столицы государства: *Западная Европа*, *Италия*, *Москва*; во-вторых, имен знаменитых людей разных государств: *Елена* (3-я королева Италии в 1900–1946 гг.), *И. Сталин* (руководитель СССР в 1924–1953 гг.). *В начале XX века с этим видом искусства познакомилась* ***Западная Европа****; в 1909 году* ***портрет итальянской королевы Елены*** *был послан* ***в Италию*** *как государственный подарок и произвел там сенсацию; Так, в музее Востока в* ***Москве*** *хранится три картины, вышитые мастерами фабрики Сучжоу. Одна из них* ***была преподнесена И. Сталину****;* в-третьих, словосочетаниями, указывающими на популярность вышивки: *известна всему миру, широкая популярность*.

Статус каллиграфии выражается специальной лексикой, заимствованной из сферы философии и культурологии: *единство эстетических представлений китайской культуры; квинтэссенция китайского мировоззрения и метафизических концепций; сущность восточной культуры; красота восточного искусства; наследие мировой культуры*; *одна из основ мировой художественной истории.*

Обращает на себя внимание, что устойчивое сочетание *культурное наследие* используется при описании оперы, живописи, каллиграфии.

2. История возникновения и развития. Рассматриваемые виды китайского искусства имеют очень глубокую историю. Для актуализации этого тезиса используются идентичные языковые средства: темпоральная лексика, указывающая на наименования империй и даты событий, количественные данные, выраженные именем числительным: *Самой популярной оперой Поднебесной считается пекинская опера, она берет своё начало* ***2 000 лет назад;*** *Традиции чаочжоусской оперы сформировались во времена* ***династии Мин (1368–1644)****; Впервые эти представления* (опера Куньцюй. – *М.Ю.*) *стали показывать на сценах еще во времена* ***династии Юань (1271–1368 гг. н.э.)****; Сучжоуская техника шелковой вышивки появилась более* ***2 000 лет назад****; Согласно письменным источникам, данный вид прикладного искусства зародился* ***в эпоху Троецарствия*** *(Древний Китай,* ***более 2 тысяч лет назад****); История китайской живописи насчитывает, по меньшей мере,* ***5 тысячелетий****; Древние тексты, надписи в стиле дачжуань* (жанр каллиграфии. – *М.Ю.*) *наносились на бронзовые ритуальные сосуды, которые особенно широко были распространены* ***в середине II – середине I тысячелетия до н.э.; В конце III века до н.э.****, при импера-*

торе Цинь Ши-хуанди, был установлен официальный стиль письма сяочжуань.

3. Статус деятелей и мастерство. Для характеристики известных деятелей разных видов искусства используются антропонимы: *Крупнейшим мастером стиля бафэнь был* ***Цай Юн****; Самый прославленный каллиграф в истории китайской каллиграфии – мастер* ***Ван Сичжи****; Среди известных художников можно назвать* ***Чжан Цзыцяня – (展子虔)*** *из эпохи Суй,* ***Ли Сысюнь (李思训), У Даоцзы (吴道子)****; увидел* ***Мэй Ланьфана –*** *всемирно известного китайского актёра, игравшего на сцене женские амплуа дань;* ***Ли Юйган –*** *театральный актёр и режиссёр, певец и композитор;* ***Хань Симэн*** *韩希孟 – знаменитая китайская вышивальщица конца правления династии Мин; Эти шёлковые картины – тонкая, изящная авторская вышивка мастеров-вышивальщиц Китая:* (***Джао Дуньбин, Джан Чуньфан, Та Тин, Юнь Чен, Ван Вэй Чжун, Юнь Ванг, Сюе Динь Тин, Сунь Чжунь-шань, Ву Хуанг, Йо Ши Мэй, Тинг Юнь, Янг Чень, Ву Цянь, Йо Ши Мэй, Сыма Цянь***).

Высокая положительная оценка профессиональных качеств актеров оперы, художников живописи и каллиграфии, вышивальщиков передаётся рядами прилагательных: *элегантный, наиболее влиятельный, знаменитый, талантливый, одаренный, высокообразованный, великий, замечательный, известный.*

Высокие требования к мастерству деятелей искусства выражаются различными языковыми средствами, например, однородными членами предложения: *Девушка должна уметь рисовать, обладать* ***превосходным вкусом, чувством цвета, знать китайское и мировое искусство, уметь делать много других, чисто профессиональных вещей****; Артисты пекинской оперы должны владеть целым рядом условных приемов сценического искусства, таких,* ***как пение, диалог, пантомима и акробатика.*** Главной чертой живописи и основным требованием к художнику является выражение его внутреннего мира. Эта мысль подчеркивается наречными и глагольными словосочетаниями: *А для того, чтобы точно* ***передать «душу»****, надо* ***очень четко*** *нарисовать глаза; Главное, что отличает китайскую живопись от европейской – это* ***стремление передать «дух картины»****, или, как говорят китайцы «****с помощью формы выразить настроение****».*

В текстах блогов об опере автор представляет график тренировок (репетиций) актеров для выражения высокой оценки их тяжелой работы и профессиональных трудностей: *5 утра – Подъем и начало тренировок. 8 утра – Завтрак и уроки пения. 10 утра – Выступления на сцене. 12 дня – Обед и перерыв. 1 дня – Выступления на сцене. 5 вечера – Душ. 7 вечера – Выступления на сцене. Полночь – Ужин, отбой.*

4. Жанры/стили. Рассматриваемые виды китайского искусства имеют различные жанры и стили, для знакомства с ними авторы используют имена собственные (названия жанров искусства) и перечисляют их: *Кроме пекинской оперы существуют также и другие местные оперные жанры, такие как* ***Юйцзюй*** *(хэнаньская опера),* ***Циньцян*** *(шэньсийская опера),* ***Чуаньцзюй*** *(сычуаньская опера) и другие; Древнейшим образцом каллиграфии служит стиль письма на гадательных костях и панцирях черепах –* ***цзягувэнь*** *и* ***гувэнь*** *– древнее письмо; Выделяют четыре стиля (школы) китайской вышивки:* ***Юэ (юэсюй), Сян (сянсюй), Шу (шусюй)****,* ***Су (сусюй)****; В китайской живописи существует два стиля, широко распространенных в Китае и взаимно дополняющих друг друга:* ***гунби*** *и* ***се-и****.*

В изучаемых текстах блогов отмечается, что в китайской живописи стили гунби и се-и – два совершенно разных стиля: гунби соотносится с чёткими требованиями к технике, а се-и более свободен. Для дифференциации стилей используются соответственно квалифицирующие жанры лексические единицы – *тщательно* и экспромт: *Для картин в стиле «гунби» («тщательная кисть») характерно наличие* ***тщательно*** *выписанных контурных линий, обрисовывающих предметы и детали, на картинах такого стиля* ***можно сосчитать волоски в бороде у старца****. Именно в стиле «се-и» работали художники, писавшие* ***экспромтом****, по наитию, под влиянием* ***сиюминутного настроения****.* Для выражения различий между двумя художественными стилями (манерами письма) авторы текстов описывают также разные типы художников: *Стиль* ***«гунби»*** *был* ***обязательным для профессиональных художников****, тогда как стиль* ***«се-и»*** *оказался* ***предпочтительным у художников-интеллектуалов****.*

Разные характеристики стилей китайской каллиграфии передаются с помощью имен прилагательных: *В постханьское время быстро вырабатываются еще три важнейших стиля китайской каллиграфии:* ***кайшу*** *–* ***регулярное*** *письмо,* ***синшу*** *–* ***рабочее, обычное, деловое*** *письмо и* ***цаошу*** *– так называемый* ***травянистый*** *стиль – скоропись.*

Акцент на самой важной черте китайской оперы осуществляется словами именных частей речи: ***Самая главная черта*** *китайской оперы, которая сходу бросается в глаза – это* ***яркие и красочные костюмы и макияж.***

В приведённых выше примерах указывается, что в китайской вышивке существуют четыре известные школы. Самые известные вышивальщицы работают в провинциях Цзяньсу (особенно в городе Сучжоу), Хунань, Гуандун и Сычуань. Представления о каждой школе вышивки создаются посредством характеристики цвета и формы (*богатство красок, геометрическая правильность узоров*), а также через количественные показатели, подчёркивающие уникальную сложность создания (количество нитей и швов) и разнообразие видов художественной вышивки: *Отличительные особенности гуандунской вышивки – это* ***богатство красок, геометрическая правильность узоров****; Самая распространенная школа вышивки – Сучжоу, вышивальщицы этих мест знают* ***40*** *швов. И из* ***1 000 видов вышивальных нитей*** *они выполняют рисунки; Изображение на Хунаньской вышивке выполняется шелковыми нитями по шелку, более* ***70*** *видов укладки стежков делают вышитое изображение настолько объемным и реалистичным; Сычуань-*

ская вышивка называется шусюй, в ней используется ***100 видов стежков и швов***.

Китайское искусство тесно связано с национальной философией и мудростью народа, поэтому произведения искусства глубоко символичны. Например, символичны цвета масок в опере, предметы живописи, цвет нитей вышивки. Акцентируя внимание на этом, авторы блогов часто используют имена существительные с абстрактной семантикой:

– ***Красный цвет*** *используют в гриме и костюме героев, которым свойственна* ***храбрость и верность; черный цвет*** *символизирует* ***отвагу и бескорыстные намерения героя; Белый*** *–* ***злость, хитрость, предательство и подозрительность; Зеленый*** *–* ***импульсивность, жестокость, отсутствие самообладания*** *или* ***самоконтроля***.

– ***Пион*** *символизирует собой* ***богатство, слива (мэйхуа)*** *–* ***жизнестойкость, бамбук*** *–* ***мудрость, сосна*** *–* ***долголетие, хризантема*** *–* ***целомудрие; журавль*** *– символ* ***долголетия; сорока*** *– символ* ***счастливой вести; голубь*** *– символ* ***мира; селезень с уткой, две рыбки, две бабочки, два цветка лотоса на одном стебле*** *– символы супружеского* ***счастья; лотос*** *– символ внутренней* ***чистоты; множество цветов*** *– символ* ***расцвета*** *китайского искусства.*

– ***Красный*** *(символы* ***огня, радости, счастья****),* ***желтый*** *(символ* ***Земли, власти****),* ***черный*** *(символ* ***воды, изменяемости, вечности****).*

5. Субъективные оценки авторов текстов. Данный параметр отражается в положительном или отрицательном отношении авторов к описываемым ими видам искусства. Отметим, что положительная оценка встречается чаще, чем отрицательная.

Анализ показал, что восхищение авторов китайским искусством часто выражается наречием *интересно*, глаголами с оценочной семантикой (*любоваться, восхищаться, завораживать, нравиться)*; существительным *красота;* многочисленными именами прилагательными (*замечательный, эксклюзивный, красивый, уникальный, великолепный, шикарный, кропотливый*).

Кроме языковых средств, являющихся общими для описания всех видов искусства, авторы используют вариативные средства, конкретизируя своё мнение о каждом из искусств. Например, высокая оценка китайской вышивки передается блогерами с помощью стилистической фигуры сравнения: Вышивка как ***жемчужина восточных искусств***; фразеологизма: *в вышивке <…> **«пальма первенства»** у китайцев.* В тексте о живописи встретилась метафора, которую автор использует для описания роли этого вида искусства в своей жизни, китайская живопись для него как ***недостающий фрагмент пазла*** *в жизни.*

Для описания эмоций радости и удовольствия, которые вызывают оперные представления у зрителей, блогеры используют слова и устойчивые словосочетания: *громкие и продолжительные аплодисменты; наиболее зрелищен и интересен широкому, в том числе и западному, кругу зрителей; искреннее восхищение; глубоко затронет чувства китайских и российских зрителей; (опера) производит на зрителя незабываемое впечатление.*

Известно, что культура каждого народа своеобразна, поэтому носители иной культуры воспринимают и оценивают её по-разному. Этим объясняется наличие в текстах отрицательных оценок. Они относятся к китайской опере: ***Не могу сказать****, что* ***китайская опера мне понравилась****; Я* ***с трудом выдержала*** *первое отделение, но мой мозг определенно не то* ***взорвался****, не то* ***расширился****;* ***Только*** *для китаистов, остальным* ***лучше не слушать****.* Стремясь точнее передать своё неприятие китайской оперы, непонимание китайской культуры в целом, автор использует слово *инопланетяне* для описания китайцев: *А еще я решила, что* ***китайцы инопланетяне****.*

6. Изобразительные компоненты в текстах. Как отмечают ученые, одной из основных характеристик блогов является их мультимедийность [21. С. 128], в блогах представлена не только вербальная часть, но и невербальная. С целью формирования образа Китая авторы блогов используют визуальные элементы – видео и изображения.

Отмечается, что изображения часто сопровождают тексты, посвященные всем четырем видам искусства, а видео представлено преимущественно в блогах об опере (рис. 1), так как опера представляет собой музыкально-театральный жанр искусства, видео может более наглядно показать адресату не передаваемое словами своеобразие китайской музыки, танца, традиционных костюмов, локаций происходящего на сцене. Видео играет роль иллюстрации, привлекая внимание читателей блога и расширяя возможности распространения информации о китайском искусстве.

Рис. 1. Скриншот фрагмента блога – видео о китайской опере в Бангкоке

В исследуемых текстах блогов между изображением и текстом устанавливаются следующие отношения:

1) репрезентативное – использование иллюстрации в качестве невербального средства для визуализации вербальных фактов (рис. 2);

2) эстетическое – иллюстрации позволяют передать эстетическое восприятие произведения искусства (рис. 3);

3) параллельное – иллюстрация визуализирует вербальный текст (рис. 4, 5).

Таким образом, визуальная составляющая в анализируемых публикациях используется для осуществления следующих функций. Визуальный и видеоконтент формируют: 1) необходимый для понимания культуры Китая контекст; 2) используется в качестве иллюстрации выражаемого автором чувства и способа формирования эмоционального отклика адресата;

3) расширяют и углубляют представления читателей о Китае в целом и об искусстве страны в частности.

Рис. 2. Образец письма времен династии Хань (около 2000 лет назад)

Рис. 3. Эти вышивки шелком неповторимы, ничего подобного в мире нет! Шелковые картины, вышитые вручную, как будто живые! Это просто чудо: хочется прикоснуться к растениям, понюхать нежные цветы

Рис. 4. Шаньшуэй

Рис. 5. Мэй Ланьфан с С. Эйзенштейном и К. Станиславским

7. Образы персонажей. Как отмечалось, китайская опера относится к сценическому искусству, совмещающему музыку, танцы, движения, язык, кукольный театр и др., поэтому среди четырех видов искусства параметр «образы персонажей» реализован прежде всего в блогах об опере. Заметим, что персонажи и лица также отражены в живописи и вышивке, но в изученных текстах авторы практически не описывают их, а делают акцент на технике их создания (см. параметр 3, 4).

В рассматриваемых блогах отмечается, что в китайской опере существуют разные роли, каждая из которых воплощается в соответствии с типом основных персонажей и характеристиками их амплуа. Для описания указанных особенностей используются специальные термины: *В пьесе всего два действующих лица – монахиня и старик-лодочник, то есть* ***два классических амплуа*** *– благородной женщины* ***цинъи (青衣)*** *и комика* ***чоу (丑)***; *Цинжань – девушка, владеющая боевыми искусствами и маскирующаяся под мужчину,* ***амплуа женщины-воительницы удань (武旦)***; *Цзыту – вертлявый персонажик* ***амплуа воина-комика учоу (武丑)***; *Цзылу – туповатый и большой,* ***амплуа мужчины с полностью разукрашенным лицом цзин (净)***.

Характеристики амплуа акцентируются рядом прилагательных, указывающих на качества человека: *Ну и сам Конфуций в амплуа –* ***пожилой мужчина с мягким характером лаошэн (老生)***; *К амплуа «дань» относятся: «цинъи», то есть роли* ***спокойных, сдержанных*** *женщин; «хуадань» –* ***непосредственные, смелые девушки***; *К амплуа чоу относятся роли* ***добрых, комических персонажей или же хитрых, коварных, но глупых злодеев.***

Образы молодых положительных персонажей обычно производят глубокое впечатление на зрителей. Авторы публикаций подчеркивают черты героев, используя имена прилагательные *кокетливый, изящный, невероятный красочный, прекрасный, молчаливый, юный, талантливый* и наречия *мило, прекрасно*: *А принцесса была очень* ***кокетливая, мило поправляла рукава****, чтобы показать* ***изящные запястья*** *и* ***прекрасно кружилась*** *в своем* ***невероятном красочном костюме*** *во время боя; Давным-давно среди бескрайних степей жила* ***прекрасная*** *дочь скотовода; Юный школяр Ван в дождливый вечер, возвращаясь с гулянки с друзьями, встречает* ***прекрасную молчаливую девушку*** *и одалживает ей зонт; Умирающего его нахо-*

дит ***юная и прекрасная*** *девушка по имени Су-су и приносит к себе домой.* ***Талантливый юноша*** *и* ***прекрасная девушка****, вы догадываетесь, к чему всё идёт...*

Заключение

Персональные блоги, содержащие тематические тексты, изображения и мультимедиа, способствуют демонстрации разных аспектов медиаобраза Китая. Искусство в качестве неотъемлемой части представления о Китае становится важным фрагментом составляющей образа страны в российском медийном пространстве.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о разнообразии языковых средств описания китайской оперы, живописи, художественной вышивки и каллиграфии. Впечатления блогеров, представленные в публикациях, формируют значительный фрагмент медийного образа Китая, связанного с культурой, с его важнейшей составляющей – искусством. Установлено, что большинство авторов проанализированных блогов положительно относятся к китайскому искусству и дают высокую оценку произведениям китайского искусства. Разностороннее описание авторами публикаций ключевых видов искусства Китая позволяет читателям представить Китай как удивительную страну с древней своеобразной культурой и давними традициями, тесно связанными с национальной философией и мудростью народа.

Примечания

[1] Ссылка из онлайн-энциклопедии китайской поисковой системы переведена мной. – *М.Ю.* URL: https://baike.baidu.com/item/中国传统艺术/1381274 (дата обращения: 21.07.2021)

[2] Отмечается, что в исследуемых текстах об опере авторы используют «жанр» для выражения рода произведений, а в текстах о вышивке, живописи и каллиграфии «стиль» отражает совокупность художественных приемов и особенностей разных форм произведений.

[3] Здесь и далее текстовые иллюстрации приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинального текста.

Список источников

1. Чернышева Т.А. Медиаобраз страны (на материале «Российской газеты») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. С. 63–67.
2. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11. С. 91–94.
3. Осетрова Е.В., Чэнь К. Китай в медиа-картине мира // Сибирский филологический форум. 2018. Т. 3, № 3. С. 20–30.
4. Ван С. Китай в печатных российских СМИ: номинативный аспект : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2012. 187 с.
5. Бодрова О.И. Культурологический аспект формирования международного имиджа современного Китая // Приволжский научный журнал. 2013. № 2. С. 164–169.
6. Кирсанова А.М. Образ Китая в российских специализированных Интернет-СМИ // Архонт. 2019. № 3 (12). С. 55–61.
7. Цуй Ю. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2011. 127 с.
8. Набиева Е.А. Оценочность в жанре рецензии: лингвистический и прагматический аспекты (на материале «Литературной газеты» и региональной парламентской газеты «Тюменские известия» постсоветского периода 1993–1995 и 2003–2005 гг. : автореф. дис … канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 25 с.
9. Сидякина А.А. Художественно-просветительские периодические издания // Журналистика сферы досуга : учеб. пособие / под общ. ред. Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб. : Высш. школа журн. и мас. коммуникаций, 2012. С. 123–131.
10. Новиков В.И. Статус литературного критика в современных отечественных СМИ // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1114 (дата обращения: 07.08.2021).
11. Сагдуллаев К.К. Арт-журналистика в глобальном информационном пространстве // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 3-4. С. 13–17.
12. Самсонова А.А. Речевая репрезентация оценивания произведения искусства в журналистских текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 23 с.
13. Цветова Н.С. Искусство в массмедиа : учеб. пособие. СПб. : Изд-во ВВМ, 2019. 91 с.
14. Цветова Н.С. Арт-медиадискурс // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М. : Флинта, 2018. С. 188–192.
15. Березин В.М. Структура и смыслы электронной медиаречи // Современная коммуникативистика. Научные исследования и разработки. 2013. № 4. С. 48–54.
16. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М. : Флинта, 2008. 263 с.
17. Дускаева Л.Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 1. С. 4–18.
18. Нестерова Н.Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). 2-е изд. М. : Флинта, 2019. 320 с.
19. Коньков В.И. Необратимость речи как особенность коммуникативного акта // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах : докл. междунар. науч. конф. М., 2010. С. 44–47.
20. Шарапова И.Л. Блог как инструмент рекламы и PR // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 166–172.
21. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 125–137.
22. Волохонский В.Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 117–131.
23. Барабаш В.В., Сезонов Т.В. Особенности воздействия медиаобраза на аудиторию женских журналов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 207–211.
24. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122–127.
25. Ланцевская Н.Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 101–103.
26. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93–96.
27. Смирнов Д.О. Человек и культура: диалог в медиапространстве. Опыт практической работы лаборатории медиапсихологии. URL: http://www.myshared.ru/slide/100228/ (дата обращения: 05.08.2021).
28. Хочунская Л.В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 2. С. 91–95.

29. Белоусова Ю.В. Медиаобраз в культурной коммуникации : репрезентация религии в медиапространстве : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2015. 26 с.
30. Глушкова Т.С., Зайцева О.А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3 (29). С. 50–57.
31. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М. : УРСС Едиториал, 2005. 288 с.
32. Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 134–146.
33. Ковач О.А. Принципы конструирования медиаобраза государства // Медиасреда. 2019. № 1. С. 57–62.
34. Аслан Эбру. Языковые средства создания образа политического деятеля в американских и британских СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 20 с.
35. Чопсиева Г.М.К., Овсиенко Т.В. Языковые средства создания образа мигранта в немецкоязычной прессе // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2017. № 4 (71). С. 15–21.
36. Сабаева Ю.С. Языковая репрезентация медиаобраза Сибири в региональном просветительском радиодискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2019. 179 с.
37. Филиппова С.В., Ядрихинская Л.А. Языковая реализация медиаобраза Рамзана Кадырова в американских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 6. С.410–414.
38. Го Л. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе // Научный диалог. 2019. № 3. С. 38–53.
39. Чэн Ю. Китай в метафорическом зеркале российских СМИ // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 114–119.
40. Сорокина О.Н. Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «экономический рост Китая» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 24–29.
41. Цзинь Ц. Историко-символическое представление Китая в русской культуре на материале печатных СМИ // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2016. № 181. С. 45–49.
42. Ду Ц. Особенности имиджа КНР в русскоязычных печатно-сетевых СМИ Китая : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 174 с.
43. Коновалова О.С. Формирование термина «Желтая экспансия» относительно образа Китая в средствах массовой информации // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 3. С. 74–81.
44. Монастырева О.В. Специфика коммуникативной стратегии в программах на русском языке Международного радио Китая // Медиаскоп. 2009. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/347 (дата обращения: 05.05.2021).
45. Сунь Ф. Китайская фотожурналистика как важное средство создания объективного образа Китая : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 17 с.
46. Цзе Ч. Продвижение положительного имиджа Китая в традиционных СМИ и медиа нового типа // Медиаскоп. 2018. Вып. 2. URL: http://www.mediascope.ru/2449 (дата обращения: 10.08.2021).
47. Шао Д. Отражение российско-китайских отношений в русскоязычных СМИ КНР 2006–2016 гг. (образ Китая) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 159 с.
48. Саракаева Э.А. Гендерная философия китайской оперы // Известия ВГПУ. 2011. № 3. С. 25–29.
49. Алябьева А.Г., Яо Д. Китайская опера провинции Хэнань: проблемы анализа // Южно-Российский музыкальный альманах. 2020. № 2. С. 104–111.
50. Ван Ц. Символизм китайской живописи // Вестник ЗабГУ. 2009. № 6. С. 13–18.
51. Белозерова В.Г. Анатомия традиционной китайской живописи // Общество и государство в Китае. 2015. № 18-2. С. 342–370.
52. Донченко А.И. Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 47–55.
53. Набока Д.Д., Терешкова Н.С. Искусство китайкой и русской вышивки // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 102–105.

References

1. Chernysheva, T.A. (2010) The country's mediaimage (based on the "Rossiyskaya Gazeta" materials). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 1 (24). pp. 63–67. (In Russian).
2. Galinskaya, T.N. (2013) Media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik Orenburg State University*. 11 (160). pp. 91–94. (In Russian).
3. Osetrova, E.V. & Chen', K. (2018) Image of China in media-picture of the world. *Sibirskiy filologicheskiy forum – Siberian Philological Forum*. 3 (3). pp. 20–30. (In Russian).
4. Wang, S. (2012) *Kitay v pechatnykh rossiyskikh SMI: nominativnyy aspekt* [China in the printed Russian media: a nominative aspect]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
5. Bodrova, O.I. (2013) The cultural aspect of the international image formation of modern China. *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal – Privolzhsky Scientific Journal*. 2 (26). pp. 164–169. (In Russian).
6. Kirsanova, A.M. (2019) Image of China in specialized Russian internet media. *Arkhont – Archont*. 3 (12). pp. 55–61. (In Russian).
7. Cuy, Yu. (2011) *Obrazy Kitaya i Rossii v mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Images of China and Russia in intercultural communication]. Culturology Cand. Diss. Komsomolsk-on-Amur.
8. Nabieva, E.A. (2010) *Otsenochnost' v zhanre retsenzii: lingvisticheskiy i pragmaticheskiy aspekty (na materiale "Literaturnoy gazety" i regional'noy parlamentskoy gazety "Tyumenskie izvestiya" postsovetskogo perioda 1993–1995 i 2003–2005 gg.* [Appraisal in the genre of review: linguistic and pragmatic aspects (on the material of the Literaturnaya Gazeta and the regional parliamentary newspaper Tyumenskiye Izvestia of the post-Soviet period 1993–1995 and 2003–2005]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen'.
9. Sidyakina, A.A. (2012) Khudozhestvenno-prosvetitel'skie periodicheskie izdaniya [Artistic and educational periodicals]. In: Duskaeva, L.R. & Tsvetova, N.S. (eds) *Zhurnalistika sfery dosuga* [Journalism of the Sphere of Leisure]. Saint Petersburg: Vyssh. shkola zhurn. i mas. Kommunikatsiy. pp. 123–131.
10. Novikov, V.I. (2012) The status of a literary critic in the contemporary Russian mass media. *Mediaskop – Mediascope*. 2. [Online] Available from: http://www.mediascope.ru/node/1114 (Accessed: 07.08.2021). (In Russian).
11. Sagdullaev, K.K. (2014) Art's journalism in the global information space. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 3–4. pp. 13–17. (In Russian).
12. Samsonova, A.A. (2019) *Rechevaya reprezentatsiya otsenivaniya proizvedeniya iskusstva v zhurnalistskikh tekstakh* [Speech representation of the evaluation of a work of art in journalistic texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
13. Tsvetova, N.S. (2019) *Iskusstvo v massmedia* [Art in Mass Media]. Saint Petersburg: Izd-vo VVM.
14. Tsvetova, N.S. (2018) Art-mediadiskurs [Art media discourse]. In: Duskaeva, L.R. (ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh* [Medialinguistics in terms and concepts]. Moscow: FLINTA. pp. 188–192.
15. Berezin, V.M. (2013) Structure and essence of the media language. *Sovremennaya kommunikativistika. Nauchnye issledovaniya i razrabotki – Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*. 4 (2). pp. 48–54. (In Russian).

16. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media]. Moscow: FLINTA.
17. Duskaeva, L.R. (2019) Vectors of praxeological analysis in media linguistics. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 1 (6). pp. 4–18. (In Russian).
18. Nesterova, N.G. (2019) *Sovremennyy radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt)* [Modern radio discourse (communicative-pragmatic aspect)]. 2nd ed. Moscow: Flinta.
19. Kon'kov, V.I. (2010) [The irreversibility of speech as a feature of a communicative act]. *Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh* [Stylistics today and tomorrow: media text in pragmatic, rhetorical and linguoculturological aspects]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 27–29 October 2010. Moscow: Moscow State University. pp. 44–47. (In Russian).
20. Sharapova, I.L. (2014) Blog as a tool of advertising and PR. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 2. pp. 166–172. (In Russian).
21. Bazhenova, E.A. & Ivanova, I.A. (2012) Blog as an Internet genre. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (20). pp. 125–137. (In Russian).
22. Volokhonskiy, V.L. (2006) Psikhologicheskie mekhanizmy i osnovaniya klassifikatsii blogov [Psychological mechanisms and bases for the classification of blogs]. In: Volokhonskiy, V.L., Zaytseva, Yu.E. & Sokolov, M.M. (eds) *Lichnost' i mezhlichnostnoe vzaimodeystvie v seti Internet* [Personality and interpersonal interaction on the Internet]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 117–131.
23. Barabash, V.V. & Sezonov, T.V. (2015) Osobennosti vozdeystviya mediaobraza na auditoriyu zhenskikh zhurnalov [Features of the influence of the media image on the audience of women's magazines]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 8. pp. 207–211. (In Russian).
24. Bogdan, E.N. (2007) Media image of Russia as a concept of the journalism theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika. – Moscow University Bulletin. Ser. 10: Journalism*. 4. pp. 122–127. (In Russian).
25. Lantsevskaya, N.Yu. (2015) The territory"s media image as a set of stereotypes branding space. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 4 (28). pp. 101–103. (In Russian).
26. Marushchak, A.V. (2012) Politiko-sotsial'nyy obraz Rossii v amerikanskom mediaprostranstve [Political and social image of Russia in the American media space]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik – Journalistic Yearbook*. 1. pp. 93–96. (In Russian).
27. Smirnov, D.O. (n.d.) *Chelovek i kul'tura: dialog v mediaprostranstve. Opyt prakticheskoy raboty laboratorii mediapsikhologii* [Man and culture: dialogue in the media space. Experience of practical work of the laboratory of media psychology]. [Online] Available from: http://www.myshared.ru/slide/100228/ (Accessed: 05.08.2021).
28. Khochunskaya, L.V. (2013) Media image phenomenon: socio-psychological aspect. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2. pp. 91–95. (In Russian).
29. Belousova, Yu.V. (2015) *Mediaobraz v kul'turnoy kommunikatsii: reprezentatsiya religii v mediaprostranstve* [Media image in cultural communication: Representation of religion in the media space]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
30. Glushkova, T.S. & Zaytseva, O.A. (2017) Media image as a tool of territory image creation: cognitive aspect. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya – The Science of Person: Humanitarian Researches*. 3 (29). pp. 50–57. (In Russian). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.29.50
31. Dobrosklonskaya, T.G. (2005) *Voprosy izucheniya mediatekstov* [Issues of studying media texts]. Moscow: URSS Editorial.
32. Dracheva, Yu.N. (2019) The notion of media image and its study in linguistic and non-linguistic aspects. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 2 (89). pp. 134–146. (In Russian). DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13
33. Kovach, O.A. (2019) Printsipy konstruirovaniya mediaobraza gosudarstva [Principles of constructing the media image of the state]. *Mediasreda*. 15. pp. 57–62.
34. Ebru, A. (2017) *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza politicheskogo deyatelya v amerikanskikh i britanskikh SMI* [Linguistic means of creating the image of a political figure in the American and British media]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
35. Chopsieva, G.M.K. & Ovsienko, T.V. (2017) Language means of creating migrant's image in the German press. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 4 (71). pp. 15–21. (In Russian).
36. Sabaeva, Yu.S. (2019) *Yazykovaya reprezentatsiya mediaobraza Sibiri v regional'nom prosvetitel'skom radiodiskurse* [Language representation of the media image of Siberia in the regional educational radio discourse]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
37. Filippova, S.V. & Yadrikhinskaya, L.A. (2019) Linguistic realization of Ramzan Kadyrov's media image in the American media. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 6 (12). pp. 410–414. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.87
38. Go, L. (2019) Lexical representation of image of China in Russian publicistic discourse. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 3. pp. 38–53. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-38-53
39. Chen, Yu. (2018) China in the metaphorical mirror of Russian media. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (67). pp. 114–119. (In Russian). DOI: 10.26170/pl18-01-13
40. Sorokina, O.N. (2010) Language realization of China image in us mass media: model Chinese economic growth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 341. pp. 24–29. (In Russian).
41. Jin, Ch.. (2016) The historical and symbolical representation of China in the Russian culture on material of printed media. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 181. pp. 45–49. (In Russian).
42. Du, Ts. (2017) *Osobennosti imidzha KNR v russkoyazychnykh pechatno-setevykh SMI Kitaya* [Peculiarities of the image of the PRC in the Russian-language print and network media in China]. Philology Cand. Diss. Moscow.
43. Konovalova, O.S. (2011) Formation of the term "yellow peril" on the image of China in the media. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 3. pp. 74–81. (In Russian).
44. Monastyreva, O.V. (2009) The specific communication strategy features of the programmes in Russian broadcast by the international radio of China. *Mediaskop – Mediascope*. 2. [Online] Available from: http://www.mediascope.ru/node/347 (Accessed: 05.05.2021). (In Russian).
45. Sun, F. (2010) *Kitayskaya fotozhurnalistika kak vazhnoe sredstvo sozdaniya ob"ektivnogo obraza Kitaya* [Chinese photojournalism as an important means of creating an objective image of China]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
46. Jie, Ch. (2018) Promotion of favorable image of China in traditional and new media. *Mediaskop – Mediascope*. 2. [Online] Available from: http://www.mediascope.ru/2449 (Accessed: 10.08.2021). (In Russian).
47. Shao, D. (2017) *Otrazhenie rossiysko-kitayskikh otnosheniy v russkoyazychnykh SMI KNR 2006–2016 gg. (obraz Kitaya)* [Reflection of Russian-Chinese Relations in the Russian-Language Media of the People's Republic of China, 2006–2016. (image of China)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
48. Sarakaeva, E.A. (2011) Gender philosophy of the Chinese opera. *Izvestiya VGPU – Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 3 (57). pp. 25–29. (In Russian).
49. Alyab'eva, A.G. & Yao, D. (2020) Chinese opera of Henan province: problems of analysis. *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh – South-Russian Musical Anthology*. 2 (39). pp. 104–111. (In Russian). DOI: 10.24411/2076-4766-2020-12013
50. Van, Ts. (2009) Symbolism of Chinese paintings. *Vestnik ZabGU – Transbaikal State University Journal*. 6 (57). pp. 13–18. (In Russian).
51. Belozerova, V.G. (2015) Anatomy of traditional Chinese painting. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2 (45). pp. 342–370. (In Russian).

52. Donchenko, A.I. (2019) The influence of taoist philosophy on the art of Chinese calligraphy. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika – East Asia: Facts and Analytics*. 1. pp. 47–55. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10005
53. Naboka, D.D. & Tereshkova, N.S. (2015) Iskusstvo kitayskoy i russkoy vyshivki [The art of Chinese and Russian embroidery]. *Molodoy uchenyy*. 19 (99). pp. 102–105. (In Russian).

Информация об авторе:
Му Юйси – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mu.yuisi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Yuxi Mu, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mu.yuisi@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.09.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 10.09.2021;
approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья
УДК 82-5
doi: 10.17223/15617793/475/6

«Возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта»: неизвестный отзыв Н.С. Гумилёва о поэзии Рене Шикеле

Яков Дмитриевич Чечнёв[1], Анфиса Даниловна Савина[2]

[1, 2] Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
[1] ya.d.chechnev@yandex.ru
[2] anfisa.savina@yandex.ru

Аннотация. Вводится в научный оборот неизвестный отзыв Н.С. Гумилёва о поэзии франко-немецкого автора Рене Шикеле, найденный в архиве А.М. Горького Института мировой литературы РАН. Описана история обсуждения творчества Шикеле на заседаниях редакционной коллегии издательства «Всемирная литература». Показано место рецензии Гумилёва в этом процессе, а также разница подходов к материалу критиков противоположных лагерей – Волынского (представителя символистской критики) и Гумилёва (критика акмеистического толка).

Ключевые слова: «Всемирная литература», Н.С. Гумилёв, А.Л. Волынский, французский символизм, акмеизм, Рене Шикеле, немецкий экспрессионизм, русско-немецкие литературные связи

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00494 «История издательства “Всемирная литература” в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького») в ИМЛИ РАН.

***Для цитирования*:** Чечнёв Я.Д., Савина А.Д. «Возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта»: неизвестный отзыв Н.С. Гумилёва о поэзии Рене Шикеле // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 46–52. doi: 10.17223/15617793/475/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/6

“Returning to the original meaning of words is the task of every poet”: Nikolay Gumilyov’s unknown review of Rene Schickele’s poetry

Yakov D. Chechnev[1], Anfisa D. Savina[2]

[1, 2] A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
[1] ya.d.chechnev@yandex.ru
[2] anfisa.savina@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to introduce into scholarly discourse Nikolay Gumilyov’s unknown review on the poetry of the Alsatian author Rene Schickele. The work was carried out on the material of unpublished protocols of the publishing house World Literature, stored in the Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The researchers used biographical, historical-genetic and textual (extraction, structuring, attribution, commenting) methods. The compilation of a preliminary bibliography showed that works by Rene Schickele have not been properly recognized in Russia. In the course of the work, it became clear that Schickele’s name appeared in the domestic periodicals back in the early 1910s. In the 1920s, after all the vicissitudes of Russian-German intercultural relations, interest in the latest German literature and German expressionism was growing in the young Soviet state. The study of archival sources showed that Schickele was discussed at meetings of World Literature in early 1921, that is, on the eve of a surge of interest in German expressionism. The publishing house received both prose and poetry by the Alsatian author. The reviewer of Schickele’s prose was E.M. Braudo. He received the collection of short stories *Die Mädchen* [Girls] and the novel *Der Fremde* [The Stranger] for reviewing. Gumilyov evaluated Schickele’s poetic works. The poet presented his review at the meeting of the editorial board of World Literature on March 22, 1921. In the review, Gumilyov reflects on the strengths and weaknesses of Schickele’s poetry, on the possibilities of its translation into Russian, as well as on the need for such work. Gumilyov’s judgments arouse the interest of Akim Volynsky, who entered into a discussion with the poet about the language of modern poetry and the tasks of poetic creativity. An illustration of this is the publication by the authors of the study of the unfolding discussion with comments.

Keywords: World Literature, Nikolay Gumilyov, Akim Volynsky, French symbolism, Acmeism, Rene Schickele, German expressionism, Russian-German literary relations

© Чечнёв Я.Д., Савина А.Д., 2022

Financial Support: The article was written with the support of the Russian Science Foundation, Grant No. 21-18-00494: The History of the Publishing House "World Literature" in Documents: The Fate of the Creative Intelligentsia of Russia in the Post-revolutionary Space Through the Prism of Maxim Gorky's Publishing Project, at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

***For citation*:** Chechnev, Ya.D. & Savina A.D. (2022) "Returning to the original meaning of words is the task of every poet": Nikolay Gumilyov's unknown review of Rene Schickele's poetry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 46–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/6

История издательства «Всемирная литература» (1918–1922), как и сотрудничество в нем Н.С. Гумилёва, уже не раз становились предметом научных изысканий [1. С. 158–183; 2. С. 158–183; 3. С. 374–393; 4. С. 163–178; 5. С. 198–215; 6. С. 87–93; 7. С. 142–148; 8. С. 182–189; 9. С. 141–155]. Тем не менее подробная документальная реконструкция сотрудничества Гумилёва со «Всемирной литературой» еще не производилась. В этой связи особо ценным источником являются сохранившихся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН и до сих пор не известные исследователям протоколы заседаний Редакционной коллегии. Эти документы позволяют существенно расширить и уточнить наше представление о жизни «Всемирной литературы», одновременно новаторского и глубоко связанного с уходящей эпохой «Серебряного века» издательства, а также воссоздать хронику участия в его работе каждого из членов Редакционной коллегии[1], в том числе и Гумилёва. Вместе с тем, как показано в нашей работе, при изучении протоколов возможно обнаружить новые свидетельства знакомства поэта с зарубежными авторами, которые оказываются важными как для истории рецепции той или иной литературы в ранней Советской России, так и для апробации гумилевских теоретических построений, касающихся поэтического творчества.

Н.С. Гумилёв уже на начальном этапе вошел в Редколлегию «Всемирной литературы»[2], участвовал в заседаниях Коллегии, отвечающей и за собственно литературные (выбор произведений для публикации, поиск переводчиков и авторов вводных статей, рецензирование их работ), и за хозяйственные дела (закупка бумаги, типографский набор, гонорары, устройство быта сотрудников). Поэт переводил и редактировал русские переводы английских (С.Т. Кольридж, Дж. Байрон), французских (Т. Готье, Ш. Бодлер), немецких (Г. Гейне) авторов, а также был членом «поэтической коллегии» издательства, через которую проходили все стихотворные переводы.

Цель нашей публикации – ввести в научный оборот неизвестный отзыв Гумилёва о поэзии эльзасского автора Рене Шикеле (René Schickele, 1883–1940). Поэт, прозаик, драматург, публицист, признаваемый одним из лидеров немецкого экспрессионизма, Шикеле так и не стал широко известен в России. Едва ли не самая полная русскоязычная научная работа о нем на сегодняшний день – статья В.Д. Седельника в Энциклопедическом словаре экспрессионизма [11. С. 651–652]. Также речь о Шикеле заходит в ряде работ, посвященных немецкому экспрессионизму и его связям с русской литературой [12–14].

Имя Рене Шикеле появляется в отечественной периодике уже в начале 1910-х гг. Так, в «Русской мысли» А. Элиасберг называет поэта «многообещающим дебютантом»: «…мы видим в его литературной личности любопытное сочетание двух культур и рас – немецкой и французской. Стихи его иногда кажутся написанными французом, в совершенстве владеющим немецким стихом. Еще одно редкое сочетание разнородных элементов мы находим в его творчестве: смешение почти циничного атеизма с глубоким католическим мистицизмом. И то и другое придает его стихам своеобразную прелесть» [15. С. 28]. В обзоре следующего года (1911) Элиасберг уделил внимание повести Шикеле «Meine Freundin Lo» («Моя подруга Ло») [16. С. 26].

Куда прохладней о поэте (как об одном из авторов альманаха «Кондор») отозвался на страницах «Аполлона» приятель Гумилёва И. фон Гюнтер (Аполлон. № 4. 1913. С. 64. Раздел «Хроника»). По словам Гюнтера, авторы «Кондора» «выдумали какой-то футуризм, на самом деле просто смешной и безвкусный» (Аполлон. 1912. № 10. С. 67). Стоит учитывать, что термин «экспрессионизм» к тому моменту еще не вошел прочно в русский обиход[3], а Гюнтер, как отмечает В.Н. Терехина, «относил к экспрессионистам почти всех, "преодолевших символизм", прежде всего футуристов. При встрече с В.Я. Брюсовым, по его словам, "разговор перешел на русский экспрессионизм, называемый русскими футуризм"» [18. С. 13].

В 1920-е гг., после всех перипетий русско-немецких (в том числе межкультурных) отношений, в молодой Советской России возрастает интерес к новейшей литературе Германии и к немецкому экспрессионизму. Появляются обзорные работы, посвященные экспрессионизму как «литературной школе» [19. С. 112–118; 20; 21], в которых встречаются и апелляции к творчеству Р. Шикеле. Публикуется перевод труда О. Вальцеля «Импрессионизм и экспрессионизм» [22]; под редакцией Е. Браудо и Н. Радлова выходит сборник «Экспрессионизм» (с грифом «Всемирной литературы»), составленный из переводов статей немецких теоретиков искусства [23]; печатаются поэтические антологии [24, 25]. Русские переводы стихотворений Шикеле вошли в берлинский (перевод С. Тартоковера) [26] и харьковский (перевод О. Мандельштама) [25] сборники. Стоит отметить, что немецкому экспрессионизму уделялось немало внимания на страницах журнала «Современный Запад», издаваемого «Всемирной литературой» с 1922 г. В первом номере журнала прозе Шикеле была посвящена неподпи-

санная заметка в разделе «Библиография и хроника» (Современный Запад. 1922. № 1. С. 160).

Не столько на волне этого всплеска, сколько в преддверии его – в начале 1921 г. на заседаниях «Всемирной литературы» серьезно обсуждался вопрос о публикации тома сочинений Р. Шикеле. Однако после неоднозначных отзывов рецензентов (Е.М. Браудо и Н.С. Гумилёва) издание решено было отложить.

На заседаниях Редколлегии «Всемирной литературы» имя Шикеле впервые возникает 11 марта 1921 г., что нашло отражение в протоколе (Архив А.М. Горького (далее – АГ). КГ-изд 4-4-4). А.Н. Тихонов, заведующий редакцией[4], докладывал о получении двух книг Шикеле[5], определяя этого автора как «нового поэта, очень популярного в Германии» (АГ. КГ-изд 4-4-4. Л. 2)[6]. Гумилёв откликается на это репликой, что знает о Шикеле из заметки для «Аполлона», написанной И. Гюнтером, который «отзывался о нем очень кисло» (АГ. КГ-изд 4-4-4. Л. 2-3). Очевидно, памятуя об этой журнальной заметке критика, Гумилёв далее называет Шикеле футуристом.

Е.М. Браудо, ответственный во «Всемирной литературе» за издание немецкоязычных авторов, на том же заседании 11 марта 1921 г. дает более развернутую характеристику: «Рене Шикеле в последнее время очень много печатался. По отзывам критики <…> “Демес”[7]… считается одной из прекраснейших новелл за последние десять лет, новый шаг в области немецкой прозы, я рад видеть такое издание. Он, собственно говоря, француз, живет во Франции, в области, занятой Францией, но считает себя немецким литератором, – это вызвало большой против него <1 сл. нрзб.>… <…> Он жил в Париже. Это один из наиболее ярких представителей экспрессионизма» (АГ. КГ-изд 4-4-4. Л. 3). По итогам обсуждения председатель редакционной коллегии А.Л. Волынский предлагает Браудо взять на отзыв прозу Шикеле, а Гумилёву – поэзию.

Уже на следующем заседании, 15 марта 1921 г., Браудо делает сообщение. На отзыв он получил сборник новелл и роман. «Новеллы – три маленькие новеллы – очень хороши, они написаны особенно музыкальным языком, страшно приятным, читаются настолько приятно, что я прочел три раза подряд. Средняя новелла в особенности мне страшно понравилась. Не скажу, чтобы она была очень значительная с точки зрения содержания – это новелла чисто эротического содержания, но с точки зрения языка она имеет большие достоинства и является одной из тех обновительниц немецкого языка, которые завоевывают для него совершенно новые выражения» (АГ. КГ-изд 4-4-5. Л. 2). Прозаический сборник, отрецензированный Браудо, устанавливается достаточно легко: это «Die Mädchen» («Девушки») [29] – в состав книги, изданной в 1920 г., входят три новеллы: «Die Mädchen über Athen» (1914), «Das Glück» (1913), «Aïssé» (1914).

В отличие от новелл роман совсем не удовлетворил Браудо: «Что касается романа, то я очень разочаровался. Это, по-видимому, юношеское издание. Начинается интересно, гимном ненависти к Германии. Дело происходит в Эльзасе. <…> Интересно очень читать на немецком языке выпад против Германии, но потом это обрывается. Автор пускается в рассуждения об итальянской живописи, рассуждения очень банальные, ничего не дающие нового. Весь роман очень плохо скомбинирован, с интересом читаются только первые пятьдесят страниц» (АГ. КГ-изд 4-4-5. Л. 2). Данный рецензентом абрис содержания позволяет предположить, что речь идет о первом романе Шикеле «Der Fremde» («Чужестранец», перв. изд. 1909), повествующем о взрослении эльзасца Пауля Меркеля. Е.М. Браудо не рекомендовал этот текст для включения в каталог издательства из-за его качества, а новеллы – потому что, несмотря на все достоинства, объем их «эфемерен», т.е. недостаточен для наполнения тома (АГ. КГ-изд 4-4-5. Л. 3). Для создания полноценной книги, по мысли рецензента, было бы желательно просмотреть его пьесы и лирику. На это А.Н. Тихонов предложил дождаться отзыва Гумилёва.

Поэт представляет свою рецензию на заседании редколлегии «Всемирной литературы» 22 марта 1921 г. В ней он размышляет о сильных и слабых сторонах поэзии Шикеле, о возможностях его перевода на русский язык, а также о необходимости такой работы. Вместе с тем, помимо непосредственно отзыва, дополняющего критическое наследие поэта и картину русско-немецких литературных связей в первые послереволюционные годы, интерес представляет развернувшаяся дискуссия Гумилёва и Волынского о языке современной поэзии и задачах поэтического творчества. Отзыв о поэзии Рене Шикеле можно считать поводом к изложению Гумилёвым поздних (накануне его гибели 26 августа 1921 г.) теоретических построений о фигуре поэта и его предназначении.

Машинописный протокол заседания, на котором Гумилёв выступил с докладом о Шикеле, хранится в архиве А.М. Горького при ИМЛИ РАН (АГ. КГ-изд 4-4-6. 7 л). Текст отзыва и последующей дискуссии (Л. 2–3) печатается по нормам современной орфографии и пунктуации, допущенные машинисткой ошибки и опечатки исправляются без специальных указаний, пропуски восстановлены в угловых скобках.

Заседание Коллегии издательства «Всемирная литература» 22 марта 1921 г.

Председатель[8]. <…> Николай Степанович, у Вас есть доклад.

Гумилёв. Да, о Шикеле. – Некогда футурист Шикеле в этой книжке[9], которая для меня является полной новинкой, оказался очень выдержанным символистом эстетической подкладки[10]. Указание Евгения Максимовича[11], что это человек французского происхождения[12], находит полное свое подтверждение в французской школе этого поэта. Любопытно, что здесь находится гораздо больше связи с французскими символистами, чем с немецкими поэтами. Поэтому книжка не особенно характерна. Кроме того, он любит плести образы сложные, метафоры какие-нибудь развивать в образы, но сплошь и рядом, как составными элементами этого образа, он пользуется очень избитыми, банальными выражениями. Я боюсь, что пере-

водчику пришлось бы его приукрашать, несколько смягчать его банальность, что приходится делать по отношению к большинству французских символистов[13]. “Розовая юность” у него на каждом шагу, а вставлять эту “розовую юность” в стихи как-то зазорно. Я думаю, что ввиду того внимания, которое уделяется Шикеле в Германии, можно взять ряд его стихов, составить томик плюс те три новеллы, о которых докладывал Евгений Максимович, и том в шесть печатных листов мог бы выйти, конечно, едва ли в первую очередь – большого интереса не представляет, это не из тех новинок, которые требуют немедленного перевода.

Председатель. Мне только неприятно то, что вы сказали: приукрашать.

Гумилёв. Не приукрашать, а смягчать…

Председатель. Это как раз против того, что вы защищали в вашей статье[14]. «Розовая юность» – кто не знает, что это звучит довольно банально, но иногда журчит лишь хорошая, свежая, ключевая вода, которая тоже банальна. Возобновление банальных эпитетов в настоящее время очень желательно. Мы должны как-то броситься назад, чтобы найти корни наших выражений, корни наших отношений к вещам. В этой «розовой юности» есть что-то забытое, что-то приятное. Нужно смягчать налет новейшей стилистики даже в пользу некоторой банальности прошлых веков.

Гумилёв. Вы подняли сейчас очень любопытный вопрос, который, я не знаю, может быть мы не вправе сейчас обсуждать во всей его полноте, но несколько слов я хочу сказать. Конечно, возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта[15], и не только слов, но и комплексу слов; но дело в том, что такие выражения нам дают отнюдь не первоначальное значение слов и комплексов слов, а случайную причуду, моду, понравившуюся в недавнем прошлом. Прежде поэты и писатели говорили только «очи» или «глазки» и не могли сказать – глаза.

Председатель. А теперь слишком часто говорят только «глаза».

Гумилёв. Теперь говорят и глаза, и глазки. Когда речь идет о глазах молодого животного или ребенка, тогда говорят глазки, а не тогда, когда речь идет <о> глазах прекрасной сорокалетней женщины…

Председатель. О сорокалетней, может быть, но если речь идет о семнадцатилетней девушке, то это очень кстати. Я согласен, что здесь этого вопроса разбирать <не следует,> но тоску мою по банальным выражениям Вы, вероятно, оцените.

Гумилёв. Я найду ей выход в стихах Гиппиус – у нее постоянные эпитеты – «слезки» и «глазки»…[16].

Председатель. Мы знаем уклонения и в ту, и в другую сторону. Я полагаю, что приукрашать и смягчать нам не приходится, особенно если мы будем держаться Ваших директив[17].

Гумилёв. Мне страшно трудно расставаться с этой темой, поэтому я злоупотреблю, может быть, вниманием присутствующих, – я хочу сказать, что у иностранцев судьбы их поэтических выражений иные, чем у нас, например, во Франции в течение всего семнадцатого и восемнадцатого веков вырабатывались перифразы, и там было бы трудно отказаться от этого, – легкое смягчение принимается французом как некоторая смелость. У нас, наоборот, все эти соображения были привиты, были чужды нашим писателям, нашей поэзии, не вошли в наше сознание, поэтому-то простой, честный язык, которым пишут современные поэты, никого не пугает, кажется нормальным и кажутся жеманством все те выражения, которые на западе имеют очень древнюю и славную родословную.

Председатель. Я не буду вносить критического материала… Все, что вы говорите об авторе, очень интересно, но у меня является вопрос, не очень ли мала пропорция стихов.

Тихонов. Я бы предложил отложить до тех пор, пока удастся получить еще некоторые произведения этого автора – тогда, может быть, удастся составить том, случайные две книги не дадут представления о нем[18].

Гумилёв. Конечно, это верно.

Примечания

[1] В разное время в состав Редакционной коллегии «Всемирной литературы» входили выдающиеся ученые и литераторы своего времени: А.А. Блок, Е.И. Замятин, А.Н. Тихонов, А.Л. Волынский, М.Л. Лозинский, Г.Л. Лозинский, К.И. Чуковский, А.Я. Левинсон, Ф.А. Браун, Ф.Д. Батюшков, В.М. Алексеев, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Б.Я. Владимирцов и др.

[2] См. дневниковую запись К.И. Чуковского от 28 октября 1918 г.: «Тихонов пригласил меня недели две назад редактировать английскую и американскую литературу для “Издательства Всемирной Литературы при Комиссариате народного просвещения”, во главе которого стоит Горький. <…>. Кроме нас участвуют в заседании: проф. Ф.Д. Батюшков <…>, проф. Ф.А. Браун, поэт Гумилёв (моя креатура), приват-доцент А.Я. Левинсон» [10. С. 230–231].

[3] Как указывает А.Н. Красовец, «впервые в русской печати понятие “экспрессионизм”, представляющее одно из течений в изобразительном искусстве, упоминается в 1913 г. в анонимной статье “Новые течения в современной живописи и их перспективы”, вышедшей в “Известиях Общества преподавателей графических искусств”» [17. С. 215–216].

[4] А.Н. Тихонов, как следует из подписи к письму А.М. Горького к Управляющему Петроградским Отделением Народного комиссариата продовольствия С.И. Цыпкину, был заведующим редакцией «Всемирной литературы». Сам Горький являлся заведующим издательством [27. С. 54]. Письмо Горького Цыпкину – один из немногих документов, содержащих обозначение должностей руководства «Всемирной литературы».

[5] Изучение протоколов «Всемирной литературы» показало, что эти документы изобилуют опечатками машинистки. В данном случае, ошибочно было отражено количество книг, полученных Тихоновым. На рассмотрение рецензентов поступили не две, а три книги. Две переданы Е.М. Браудо, о чем он сообщает на заседании редколлегии «Всемирной литературы» от 15 марта 1921 г., одна – Гумилёву.

[6] В сущности, заявление Тихонова подтверждает тезис современной исследовательницы: «Слабо артикулированные связи, соединяющие русское авангардное искусство с немецким экспрессионизмом в 1910-е годы, оказались забытыми, появление немецкого экспрессионизма в советской России было воспринято как что-то новое» [17. С. 216]. Однако дальнейшее обсуждение свидетельствует о том, что сотрудники «Всемирной литературы» не теряли связи с уходящей эпохой (недаром возникает «Аполлон») и были в курсе событий современной европейской литературной жизни.

[7] Так в протоколе. Очевидно, машинистка не разобрала произнесенное Браудо название. Очень вероятно, что речь шла о новелле «Die Mädchen über Athen» или о названии сборника «Die Mädchen», в который включена эта новелла.

[8] Председателем редакционной коллегии «Всемирной литературы» был известный литературный, театральный, балетный критик, историк искусства, мыслитель Аким Львович Волынский (наст. имя Хаим Лейбович Флексер, 1861–1926). Этот пост он занимал пять лет, с середины 1919 по январь 1925 г. Основанием для такого утверждения является заключительное слово Волынского, зафиксированное в протоколе последнего заседания редколлегии от 13 января 1925 г., где он, в частности, говорит следующее: «В течение пяти лет я носил звание председателя редакционной коллегии “Всем<ирной> литературы” с гордостью и высокою для себя лично утехою» (АГ. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 485. Л. 1).

[9] Пока не установлено, о какой книге идет речь. К 1921 г. были изданы следующие поэтические сборники Шикеле: [30] (переиздан в 1920 г.); [30] и [31] (переиздан в 1919 г.).

[10] Гумилёв отзывался о французском символизме как о вторичном романтизме, построенном «не на чувстве, а на изученьи средневековья, его сложных и цветистых научных дисциплин» [32. С. 215]. По мнению поэта, через осмысление средневековья французские символисты старались показать многогранность и противоречия души современного человека. Гумилёв разделил их на три категории: 1) адепты, старавшиеся совместить средневековье с античностью (представители неороманской школы); 2) научные поэты, которые ставили перед собой задачу охватить всю сложность человеческой науки и посредством нее интуитивными прозрениями объяснить то, «что недоступно точному знанию»; 3) поэты, стремящиеся сохранить «лирический порыв первых дней символизма». Последние составляют большинство в рядах французских символистов. Ставя превыше всего лирическое начало поэзии, они, по Гумилёву, не раз впадали «в беспочвенный эстетизм» [32. С. 216]. Вероятно, в творчестве Шикеле рецензент увидел признаки последней категории французских поэтов-символистов.

[11] Е.М. Браудо.

[12] Браудо говорил об этом на заседаниях «Всемирной литературы» 11 и 15 марта 1921 г. (АГ. КГ-изд 4-4-4. Л. 3; АГ. КГ-изд 4-4-5. Л. 2).

[13] Гумилёв нередко «приукрашивал» собственные переводы. Как отмечает В.Е. Багно, «Гумилёв-переводчик был далеко не всегда последователен в передаче специфических особенностей тона, индивидуальных примет переводимого произведения, на которых он настаивает в своей теории. Перед нами скорее правила для других, чем правила для себя» [33. С. 16].

[14] Имеется в виду статья в книге «Принципы художественного перевода». Определяя «девять заповедей для переводчика», Гумилёв среди прочего указывает, что при переводе поэзии необходимо соблюдать «характер словаря» [34. С. 30].

[15] О том, что поэзия призвана обращаться к «первоначальному», «подлинному» значению слов, Гумилёв говорил и ранее, в частности, рассуждая о символизме: «Символисты использовали все музыкальные возможности слова, показали, как одно и то же слово в разных звуковых сочетаниях значит иное, но доказать, что это иное и есть подлинное значение данного слова, а не одна из его возможностей, не смогли» [32. С. 170].

[16] Вероятно, Гумилёв подразумевает использование З. Гиппиус клишированных образов и простых рифм: «Тяжелые слезы свечей / и шелест чуть слышных слов… / В сияньи лампадных лучей / поникшие стебли цветов…» («Другой христианин», 1901) или «Веришь ли, девочка, ласке? / Милая, где твои глазки? / Вот они, глазки. Пустые. / У мамочки точно такие» («Серое платьице», 1913). Известно, что Гумилёв и Гиппиус лично практически не общались из-за неудачного первого знакомства, описанного в письме Брюсову 26 декабря 1906 г. / 8 января 1907 г. Как критик Гумилёв отзывался о творчестве Гиппиус «весьма редко и сдержанно <…>. Гиппиус, по-видимому, также надолго запомнилась нелепость первой встречи <…>, и она также в более поздние годы почти не отзывалась о Гумилёве; но, конечно, не могла не признать его литературное значение» [35. С. 311].

[17] Волынский вновь напоминает Гумилёву о его статье в «Принципах художественного перевода».

[18] В издательстве «Всемирная литература» том Шикеле не вышел. Тем не менее для составления книги с хорошим наполнением имелись все основания. На очередном заседании редколлегии от 29 марта 1921 г. А.Н. Тихонов докладывал о том, что получил секретно список книг, имеющихся в Государственном издательстве: «…между прочим, Шикеле там почти весь – книг десять» (АГ. КГ-изд 4-4-8. Л. 1). Из-за того, что Гумилёв в отзыве не рекомендовал печатать книгу «в первую очередь», перевод ее автоматически считался нецелесообразным.

Список источников

1. Никитин Е.Н. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 89 (1–2). М., 2008. С. 188–214.
2. Никитин Е.Н. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 90 (1–2). М., 2009. С. 158–183.
3. Ариас-Вихиль М.А., Полонский В.В. История издательства «Всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 374–393.
4. Лаццарин Ф. Н.С. Гумилёв – переводчик и редактор французской поэзии во «Всемирной литературе» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 3. С. 163–178.
5. Неопубликованные переводы Николая Гумилёва: «Бимини» и «Вицли-Пуцли» Г. Гейне / публ. К.С. Корконосенко // Русская литература. 2006. № 2. С. 198–215.
6. Пронин В.А. Поэзия Генриха Гейне в переводах Николая Гумилёва в издательстве «Всемирная литература» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 6. С. 87–93.
7. Пронин В.А. Поэмы Генриха Гейне в интерпретации Н.С. Гумилёва // Вопросы филологии. 2019. № 1–2 (65–66). С. 142–148.
8. Сердечная В.В. Духовные странники. Малоизвестные страницы творческого диалога Николая Гумилёва с Уильямом Блейком // Русская литература. 2019. № 3. С. 182–189.
9. Тимофеева Е.Д. Н.С. Гумилёв – переводчик и редактор сборника «Роберт Саути. Баллады» издательства «Всемирная литература» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16, № 1. С. 141–155.
10. Чуковский К.И. Собр. соч. : в 15 т. М. : Терра, 2013. Т. 11. 596 с.
11. Седельник В.Д. Шикеле, Рене // Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П.М. Топер. М. : ИМЛИ РАН, 2008. С. 651–652.
12. Пестова Н.В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург, 1999. 463 с.
13. Пестова Н.В. Немецкий литературный экспрессионизм : учеб. пособие по зарубежной литературе: первая четверть XX века. Екатеринбург, 2004. 336 с.
14. Бондарева Н.А. Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 205 с.
15. Элиасберг А. Немецкая литература в 1910 году // Русская мысль. [Раздел: В России и за границей]. 1911. № 3. С. 23–31.
16. Элиасберг А. Немецкая литература в 1911 году // Русская мысль. [Раздел: В России и за границей]. 1912. № 2. С. 25–33.
17. Красовец А.Н. Манифесты группы московских «экспрессионистов» 1920-х гг. как след немецкого экспрессионизма // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.М. Куренная. М. : Институт славяноведения РАН, 2018. С. 212–232.
18. Терехина В.Н. Путями русского экспрессионизма // Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / сост., вступ. ст. В.Н. Терехиной ; коммент. В.Н. Терехиной и А.Т. Никитаева. М. : ИМЛИ, 2005.
19. Гвоздев А.А. Экспрессионизм в немецкой драме // Современный Запад. 1922. № 1. С. 112–118.
20. Волчанецкий М.Н. Экспрессионизм в немецкой литературе. Смоленск : Арена, 1923. 81 с.
21. Фабрикант М.И. Экспрессионизм и его теоретики. Москва : 2-я Моск. фабр. загот. гос. знаков, 1923. 398 с.
22. Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890–1920). Пб. : Academia, 1922. 94 с.

23. Экспрессионизм / под ред. Е.М. Браудо, Н.Э. Радлова. Пг. ; М. : Всемирная литература, ГИЗ, 1923. 234 с.
24. Нейштадт В.И. Чужая лира: Переводы из одиннадцати современных немецких поэтов. Заметки об экспрессионизме. М. ; Пб. : Круг, 1923. 160 с.
25. Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии / под ред. Г. Петникова. [Харьков] : ГИЗ Украины, 1926. 424 с.
26. Тартаковер С.Г. Певцы человеческого: Хрестоматия немецкого экспрессионизма. Берлин : Кн-во писателей, 1923. 125 с.
27. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. Т. 13. Письма. Июнь 1919–1921. М. : Наука, 2007. 735 с.
28. Schickele R. Die Mädchen. Berlin: Paul Cassirer, 1920. 136 p.
29. Schickele R. Weiß und Rot. Berlin: Paul Cassirer, 1910.
30. Schickele R. Die Leibwache. Leipzig : Weißen Bücher, 1914.
31. Schickele R. Mein Herz, mein Land: Ausgewählte Gedichte. Leipzig : Weißen Bücher, 1915.
32. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М. : Воскресенье, 2006.
33. Багно В.Е. «Оазис, где рокочет лира» (Николай Гумилёв – переводчик) // Гумилёв Н.С. Переводы / вступ. ст. Вс. Багно ; составление, подготовка текста и примечания В.В. Филичевой и К.С. Корконосенко. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2019. С. 5–16.
34. Гумилёв Н.С. Переводы стихотворные // Принципы художественного перевода. Пг. : Всемирная литература, 1919. С. 25–30.
35. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 8: Письма. М. : Воскресенье, 2007.

References

1. Nikitin, E.N. (2008) Knigoizdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" (1918–1924) [Publishing House "World Literature" (1918–1924)]. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. 89 (1–2). pp. 188–214.
2. Nikitin, E.N. (2009) Knigoizdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" (1918–1924) [Publishing House "World Literature" (1918–1924)]. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. 90 (1–2). pp. 158–183.
3. Arias-Vikhil', M.A. & Polonskiy, V.V. (2020) Documented history of the "World Literature" publishing house: financial aspect (1918–1921). *Studia Litterarum*. 4 (5). pp. 374–393. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-4-374-393
4. Latstsarin, F. (2012) N.S. Gumilev – translator and editor of french poetry in Vsemirnaya Literatura. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 3. pp. 163–178. (In Russian).
5. Korkonosenko, K.S. (ed.) (2006) Neopublikovannye perevody Nikolaya Gumileva: "Bimini" i "Vitsli-Putsli" G. Geyne [Unpublished translations by Nikolai Gumilyov: "Bimini" and "Vitzliputzli" by H. Heine]. *Russkaya literatura – Russian Literature*. 2. pp. 198–215. (In Russian).
6. Pronin, V.A. (2015) Poeting of Heinrich Heine translated Nikolay Gumilev in the publishing house "World Literature". *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela – Proceedings of the Institutions of Higher Education. Issues of the Graphic Arts and Publishing*. 6. pp. 87–93. (In Russian).
7. Pronin, V.A. (2019) Poems of Henrich Heine in N.S. Gumilev's interpretation. *Voprosy filologii – Journal of Philology*. 1–2 (65–66). pp. 142–148. (In Russian).
8. Serdechnaya, V.V. (2019) Mental travellers. Obscure pages of the artistic dialogue between Nikolai Gumilyov and William Blake. *Russkaya literature – Russian Literature*. 3. pp. 182–189. (In Russian). DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-182-189
9. Timofeeva, E.D. (2019) N.S. Gumilev as a translator and an editor of "Robert Southey. Ballads" of the publishing house "Vsemirnaya literature". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 1(16). pp. 141–155. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2019.111
10. Chukovskiy, K.I. (2013) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 11. Moscow: Terra.
11. Sedel'nik, V.D. (2008) Shikele, Rene [Schickele, René]. In: Toper, P.M. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' ekspressionizma* [Encyclopedic Dictionary of Expressionism]. Moscow: Gorky Institute of World Literature of RAS. pp. 651–652.
12. Pestova, N.V. (1999) *Lirika nemetskogo ekspressionizma: profili chuzhesti* [Lyrics of German expressionism: profiles of foreignness]. Yekaterinburg: [s.n.].
13. Pestova, N.V. (2004) *Nemetskiy literaturnyy ekspressionizm* [German Literary Expressionism]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
14. Bondareva, N.A. (2005) *Tvorchestvo Leonida Andreeva i nemetskiy ekspressionizm* [Creativity of Leonid Andreev and German Expressionism]. Philology Cand. Diss. Orel.
15. Eliasberg, A. (1911) Nemetskaya literatura v 1910 godu [German Literature in 1910]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 23–31.
16. Eliasberg, A. (1912) Nemetskaya literatura v 1911 godu [German Literature in 1911]. *Russkaya mysl'*. 2. pp. 25–33.
17. Krasovets, A.N. (2018) Manifesty gruppy moskovskikh "ekspressionistov" 1920-kh gg. kak sled nemetskogo ekspressionizma [Manifestos of the Moscow "expressionist" group of the 1920s as a trace of German expressionism]. Kurennaya, N.M. (ed.) *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdu podlinnym i mnimym* [Document and "documentary" in Slavic cultures: between the real and the imaginary]. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS. pp. 212–232.
18. Terekhina, V.N. (2005) Putyami russkogo ekspressionizma [By ways of Russian expressionism]. In: Terekhina, V.N. (ed.) *Russkiy ekspressionizm: Teoriya. Praktika. Kritika* [Russian Expressionism: Theory. Practice. Criticism]. Moscow: Gorky Institute of World Literature of RAS.
19. Gvozdev, A.A. (1922) Ekspressionizm v nemetskoy drame [Expressionism in German Drama]. *Sovremennyy Zapad*. 1. pp. 112–118.
20. Volchanetskiy, M.N. (1923) *Ekspressionizm v nemetskoy literature* [Expressionism in German Literature]. Smolensk: Arena.
21. Fabrikant, M.I. (1923) *Ekspressionizm i ego teoretiki* [Expressionism and its theorists]. Moscow: 2-ya Mosk. fabr. zagot. gos. znakov.
22. Val'tsel', O. (1922) *Impressionizm i ekspressionizm v sovremennoy Germanii (1890–1920)* [Impressionism and expressionism in modern Germany (1890–1920)]. Saint Petersburg: Asademia.
23. Braudo, E.M. (ed.) (1923) *Ekspressionizm* [Expressionism]. Petrograd; Moscow: Vsemirnaya literatura, GIZ.
24. Neyshtadt, V.I. (1923) *Chuzhaya lira: Perevody iz odinnadtsati sovremennykh nemetskikh poetov. Zametki ob ekspressionizme* [Alien Lyre: Translations from Eleven Contemporary German Poets. Notes on Expressionism]. Moscow; Saint Petersburg: Krug.
25. Petnikov, G. (ed.) (1926) *Molodaya Germaniya: Antologiya sovremennoy nemetskoy poezii* [Young Germany: An Anthology of Modern German Poetry]. Kharkiv: GIZ Ukrainy.
26. Tartakover, S.G. (1923) *Pevtsy chelovecheskogo: Khrestomatiya nemetskogo ekspressionizma* [Singers of the Human: A Reader of German Expressionism]. Berlin: Kn-vo pisateley.
27. Gor'kiy, M. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Nauka.
28. Schickele, R. (1920) *Die Mädchen*. Berlin: Paul Cassirer.
29. Schickele, R. (1910) *Weiß und Rot*. Berlin: Paul Cassirer.
30. Schickele, R. (1914) *Die Leibwache*. Leipzig: Weißen Bücher.
31. Schickele, R. (1915) *Mein Herz, mein Land: Ausgewählte Gedichte*. Leipzig: Weißen Bücher.
32. Gumilev, N.S. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: Voskresen'e.
33. Bagno, V.E. (2019) "Oazis, gde rokochet lira" (Nikolay Gumilev – perevodchik) ["An oasis where the lyre roars" (Nikolai Gumilyov – translator)]. In: Gumilev, N.S. *Perevody* [Translations]. Saint Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma: Vita Nova. pp. 5–16.
34. Gumilev, N.S. (1919) Perevody stikhotvornye [Verse translations]. In: Chukovskiy, K.I. & Gumilev, N.S. *Printsipy khudozhestvennogo perevoda* [Principles of Literary Translation]. Petrograd: Vsemirnaya literatura. pp. 25–30.

35. Gumilev, N.S. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 8. Moscow: Voskresen'e.

Информация об авторах:
Чечнёв Я.Д. – канд. филол. наук, научный сотрудник научной лаборатории "Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте" Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru
Савина А.Д. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
Ya.D. Chechnev, Cand. Sci. (Philology), researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru
A.D. Savina, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 23.12.2021;
approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья
УДК 81.38’42
doi: 10.17223/15617793/475/7

Особенности концептуальной структуры поэтических текстов О.Э. Мандельштама в стихах разных лет

Алена Владимировна Шутова[1]

[1]*Томский государственный педагогичексий университет, Томск, Россия, alyshutova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается концептуальная структура поэтических текстов О.Э. Мандельштама, включенных в первый сборник поэта «Камень» (1913) и относящихся к позднему творчеству автора (1930–1937 гг.). Установлено, что концептуальная структура стихотворений Мандельштама трансформируется на протяжении всего творческого пути поэта. Работа выполнена в русле коммуникативной стилистики текста.

Ключевые слова: художественный концепт, концептуальная структура текста, типология концептуальных структур, О.Э. Мандельштам

***Для цитирования*:** Шутова А.В. Особенности концептуальной структуры поэтических текстов О.Э. Мандельштама в стихах разных лет // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 53–58. doi: 10.17223/15617793/475/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/5

Features of the conceptual structure of Osip Mandelstam’s poetic texts in poems of different years

Alyona V. Shutova[1]

[1]*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, alyshutova@yandex.ru*

Abstract. The topicality of the research is determined by the lack of knowledge about Mandelstam’s poetic worldview in the dynamic of his writing. The analysis of the author’s conceptual structure of poetic texts allows us to expand understanding of the poet’s sphere of concepts and means of its verbalization in his early and late lyrics, and provides a possibility to identify features of its realization in poems of different years. Mandelstam’s poetic texts included in the collection *Stone* (1913) and lyrics written in the period from 1930 to 1937 (138 works) are the material of the research. The key concepts are *life, death, St. Petersburg, the way and music*, which are ideologically significant in the author’s works and display the author’s individual features. The research is carried out taking into account the typology of conceptual structures developed in the communicative stylistics of the text. The results of the analysis show that Mandelstam’s conceptual structure of texts transforms in terms of the number of key concepts actualized within a single text (in the early works one-term conceptual structures dominate; in the late works two- and three-term ones). The content of the concepts also changes. This shows, for example, in the features of the *music* concept: in Mandelstam’s early lyrics music is interpreted as life, while the late ones express the idea that the existence of any sound can lead to death. The nature of relations between key concepts within a single poetic text changes: in contrast to early lyrics, late works are characterized by bright and repeatedly updated relations of contrast between the key concepts. This feature can be explained by a change in the literary direction in which the author was working (the transition from symbolism to Acmeism), a change of emotional tonality of the texts, their semantic and ideological content. The transformation also involves such a feature of the conceptual structure as the presence or absence of direct nominations of concepts in the lexical structure of poetic texts: in the author’s early lyrics the analyzed concepts are actualized clearly, and in the late ones indirectly. Thus, conceptual structures of explicit type are represented widely in the early works and of implicit type in the late works. In my opinion, the changes in Mandelstam’s poetic worldview and in the conceptual structure of his poems were influenced by such extralinguistic factors as peculiarities of the poet’s biography, the change of his literary method, the influence of the political and social situation in the country. The research proves the evolution of the conceptual structure of Mandelstam’s poetic texts and determines its evolutional features, distinctive for his lyrics of different years. The results of the research are interesting for cognitive linguistics and communicative stylistics of the text, and can be used in university and school classes on stylistics and philological analysis of the text.

Keywords: artistic concept, conceptual text structure, typology of conceptual structures, Osip Mandelstam

***For citation*:** Shutova, A.V. (2022) Features of the conceptual structure of Osip Mandelstam’s poetic texts in poems of different years. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 53–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/7

© Шутова А.В., 2022

Коммуникативное направление в изучении текста является особенно актуальным в современной лингвистике. Благодаря антропоцентризму современного гуманитарного знания усиливается внимание к автору текста, его знаниям, особенностям лексикона, целям и мотивам. Текстовая деятельность автора отражает его мировидение, а ее анализ позволяет глубже понять автора и его творчество. В связи с этим особую значимость приобретает концептуальный анализ текста и изучение поэтической картины мира выдающихся художников слова (см. труды З.Д. Поповой, И.А. Стернина [1], В.А. Пищальниковой [2], Н.С. Болотновой [3] и др.).

Целью данной статьи является выявление динамики в организации концептуальной структуры поэтических текстов О.Э. Мандельштама, написанных в разные годы, а также факторов, определяющих эволюцию в мировидении автора.

В качестве единицы поэтической картины мира выступает художественный концепт (см. об этом в работах Л.В. Миллер [4], С.А. Аскольдова [5], О.В. Беспаловой [6] и др.). Под художественным концептом нами понимается ментальное образование, имеющее ассоциативную природу и позволяющее актуализировать в сознании читателя на основе регулятивных средств различные его стороны или «слои» [7. С. 323].

Относительно структуры художественного концепта существуют разные теории. Рассмотрим некоторые из них. Согласно точке зрения Ю.С. Степанова, концепт является трёхуровневой структурой, у которой можно выделить «буквальный смысл» или «внутреннюю форму»; «пассивный», «исторический» слой концепта; новейший, актуальный и активный слой. Разные слои, по мнению исследователя, являются результатом культурной жизни разных эпох [8].

По мнению В.А. Пищальниковой, концепт включает в себя все, что носитель языка знает об определенном фрагменте действительности. В структуру концепта исследователь включает понятие, визуальное или осязательное представление о той или иной реалии, эмоции и объединяющий, самый важный элемент – слово [9].

И.А. Тарасова выделяет такие слои концепта, как предметный, понятийный, ценностно-оценочный, ассоциативный, образный и символический [10]. Каждый из перечисленных слоев данной структуры существует не автономно, они «находятся в отношениях включения и пересечения» [11. С. 74].

Н.С. Болотнова считает приоритетным ассоциативный слой концепта в силу того, что он позволяет «актуализировать в сознании читателя остальные “слои” художественного концепта: предметный, понятийный, образно-символический, эмоционально-оценочный» [11. С. 75].

Концепты с регулярной эстетической актуализацией в тексте, осознаваемой адресатом значимостью связанного с этим отражения авторского мировидения на фоне других концептов, а также детерминированностью относительно других концептов, принято считать ключевыми.

Взаимосвязь вербализованных в тексте концептов образует концептуальную структуру текста. Под концептуальной структурой художественного текста условимся понимать «осуществляемый в сознании читателя процесс формирования и взаимодействия художественных концептов разных типов, стимулированный ассоциативно-смысловым развертыванием текста на основе его лексической структуры» [7. С. 81]. Связь художественных концептов между собой может осуществляться на основе отношений пересечения, дополнения, усиления и контраста [7. С. 81].

Разработанная в рамках коммуникативной стилистики текста типология концептуальных структур опирается на несколько факторов: дифференциацию по числу актуализированных в тексте ключевых художественных концептов; по типу отношений между ними и их однородности/неоднородности; по степени актуализации ключевых концептов в перспективе текста; по наличию или отсутствию в лексической структуре текста прямых номинатов концептов и по месту лексической микроструктуры, репрезентирующей гиперконцепт в тексте [12]. Под гиперконцептом нами понимается «ментальная структура, отражающая взаимосвязь концептов и концептуальных структур, вербализованных в системе текста, фокусирующая его обобщенный смысл, являющийся результатом интерпретационной деятельности адресата» [7. С. 18].

Сложность интерпретации лирики О.Э. Мандельштама, наличие скрытых смыслов и шифров в стихах автора отражается и на возможности адекватной интерпретации концептуальной структуры данных текстов. Нами установлено, что на протяжении творческого пути поэта концептуальная структура его стихотворений видоизменяется и трансформируется, что находится в прямой зависимости от ряда факторов:

– особенностей биографии поэта;

– смены творческого метода (перехода от символизма к акмеизму);

– политической и социальной обстановки, сложившейся в стране;

– ухудшения здоровья, связанного с жизненными потрясениями и пережитыми испытаниями.

Для исследования взяты такие ключевые концепты, как *жизнь, смерть, Петербург, путь* и *музыка*. Данный выбор обусловлен следующими обстоятельствами:

1) для поэта со сложной, трагической судьбой *жизнь* и *смерть* ставятся на две чаши весов и ежедневно подвергаются проверке;

2) не вызывает сомнений, что Мандельштам на протяжении всей жизни осознавал, что путь, выбранный им, – это *путь* борца, главным оружием которого является поэтическое слово;

3) выбор концепта *Петербург* обусловлен не частым его упоминанием в стихах автора, а идейной значимостью данного концепта и самого города в жизни и творчестве поэта;

4) *музыкальные образы* и концепт *музыка* находили отражение в произведениях Мандельштама разных лет, подвергаясь существенным изменениям.

Образное воплощение каждого из данных концептов в поэтических текстах О.Э. Мандельштама имеет индивидуально-авторский характер, отличается свое-

образием ассоциативного развертывания и динамичностью на протяжении всего творческого пути автора.

Рассмотрим концептуальную структуру стихотворений О.Э. Мандельштама, относящихся к раннему творчеству (вошедших в сборник «Камень» (1913)), и поэтических текстов, написанных в период с 1930 по 1937 г. [13]. С опорой на типологию концептуальных структур художественного текста, разработанную в коммуникативной стилистике, было проанализировано 138 стихотворений. Представим результаты проведенного исследования.

1. По числу актуализированных в тексте ключевых художественных концептов в ранней лирике преобладают одночленные концептуальные структуры (вербализирующие один ключевой концепт в пределах одного поэтического текста). Например, концепт *смерть* репрезентирован в стихотворениях: «На бледно-голубой эмали…» (1909); «Как тень внезапных облаков…» (1910); концепт *путь* воплощен в текстах: «Я ненавижу свет…» (1912); «Посох» (1914) и т.д. Средствами репрезентации концепта *смерть* в указанных выше текстах в основном являются образные сочетания – олицетворения. Небо, месяц, деревья и листва на них – все это несет на себе печать смерти и отражает мрачное, тоскливое настроение лирического героя. Данную особенность можно связать с тем, что для ранних поэтических текстов Мандельштама характерны черты символизма (ощущение одиночества лирического героя, меланхолия и тоска).

Реже в ранней лирике встречаются двухчленные концептуальные структуры (актуализирующие два ключевых концепта в пределах одного стихотворения):

– ключевые концепты *жизнь* и *смерть* отражены в таких поэтических текстах, как «Только детские книги читать…» (1908), «Уничтожает пламень…» (1915) и др.;

– *смерть* и *музыка* представлены в текстах: «Слух чуткий парус напрягает…» (1910), «Скудный луч холодной мерою» (1911), «Смутно-дышащими листьями…» (1911), «Пешеход» (1912).

– концепты *жизнь* и *музыка* нашли отражение в стихотворении «Silentium» (1910,1935).

Так, в стихотворении «Silentium» актуализируется направление ассоциирования *музыка – первооснова*. Автор образно описывает, как из хаоса рождается *жизнь* – нечто высокое, светлое, чистое (ср.: *кристаллическая нота, от рождения чиста, светел день, пены бледная сирень*), красивое (образ Афродиты); лишенное слов (*первоначальная немота*). Образ музыки как первоосновы, зарождающегося прекрасного начала, высокого искусства представлен в поэтическом тексте в контексте с лексемой «слово». Слово, сливаясь с музыкой, обретает ту первозданную гармонию, к которой стремится все окружающее.

В позднем творчестве О.Э. Мандельштама доминируют двухчленные концептуальные структуры текста, хотя представлены и трехчленные структуры (с тремя ключевыми концептами). Приведем примеры:

– ключевые концепты *жизнь* и *смерть* отражены в поэтических текстах «Куда как страшно нам с тобой…» (1930), «–Нет, не мигрень, – но подай карандашик ментоловый…» (1931), «Мы живем, под собою не чуя страны…» (1933), «Я должен жить, хотя я дважды умер…» (1935), «Пусти меня, отдай меня, Воронеж…» (1935), «Еще не умер ты, еще ты не один…» (1937);

– концепты *жизнь* и *музыка* – в стихотворении «Может быть, это точка безумия…» (1937);

– *смерть* и *музыка* – в текстах «Я с дышащей лучиной вхожу…» (1931), «Ламарк» (1932), «Лишив меня морей, разбега и разлета…» (1935) и др.;

– концепты *Петербург* и *смерть* – в стихах «Ленинград» (1931), «Мы с тобой на кухне посидим…» (1931), «Помоги, Господь, эту ночь прожить…» (1931);

– концепты *музыка, жизнь* и *смерть* – в стихотворениях «Сохрани мою речь навсегда…» (1931), «Если б меня наши враги взяли…» (1937), «Пою, когда гортань сыра, душа – суха…» (1937), «Вооруженный зреньем узких ос…» (1937) и др.;

– ключевые концепты *жизнь, смерть* и *путь* – в стихотворении «О, как мы любим лицемерить…» (1932).

Наличие большого количества двух- и трехчленных концептуальных структур поэтических текстов в позднем творчестве автора можно объяснить изменениями в мировидении поэта, связанными с происходящими в жизни автора событиями, влияющими на его концептосферу (1930-е гг. связаны с постоянным страхом за жизнь, желанием быть услышанным и неприятием сложившихся обстоятельств). Все это сыграет решающую роль в дальнейшей судьбе известного художника слова, противостоящего «веку-волкодаву» до последней минуты своей жизни.

Высокая концентрация данных концептов, среди которых преобладает концепт *смерть*, отражает ощущения страха, безысходности, переживаемые лирическим героем.

2. Интересны особенности организации поэтических текстов автора с точки зрения того, как связаны воплощенные в них ключевые концепты между собой. По типу отношений между ключевыми концептами в раннем творчестве Мандельштама наблюдаются концептуальные структуры парадоксального типа, основанные на отношениях контраста. Так, концепты *жизнь* и *смерть* в стихотворениях «Только детские книги читать…» (1908), «Уничтожает пламень…» (1915) актуализированы с помощью эпитета *«смертельно устал»* и метафоры *«уничтожает пламень сухую жизнь мою»*. Имеются и концептуальные структуры усилительного типа, когда концепты в пределах одного стихотворения связаны отношениями взаимной обусловленности. Интересна актуализация концептов *жизнь – музыка* и *смерть – музыка* (в интерпретации автора отсутствие музыки приводит к смерти, ее наличие – это жизнь). Подобные примеры можно обнаружить в таких поэтических текстах, как «Silentium» (1910, 1935), «Скудный луч холодной мерою…» (1911), «Пешеход» (1912) и др.

Для поздней лирики характерны те же отношения между взятыми для анализа ключевыми концептами. Например, концепты *жизнь* и *смерть* в поэтических текстах «Ленинград» (1930), «Помоги, Господь, эту ночь прожить…» (1931) актуализированы с помощью метафор и сравнений: *У меня еще есть адреса, / По*

которым найду мертвецов голоса; В Петербурге жить – словно спать в гробу и др., а также оксюморона: *и все-таки до смерти хочется жить.*

В поздних стихах отношения контраста и взаимной обусловленности концептов становятся более яркими и выразительными. По нашим наблюдениям, концептуальные структуры усилительного типа (с отношениями усиления, взаимной обусловленности концептов) представлены в позднем творчестве в другом ключе, отражая особенности мировосприятия автора в этот период. Во многих текстах актуализируются иные по сравнению с ранним творчеством смыслы: отсутствие звука (молчание, тишина) приведет к спасению (жизни), а их наличие – к неминуемой смерти (стихи «Не говори никому…» (1930), «Квартира тиха как бумага…» (1933), «Наушники, наушнички мои!» (1935) и др.).

3. По однородности/неоднородности отношений между вербализованными в системе поэтических текстов ключевыми концептами в ранней лирике поэта преобладают однородные структуры (актуализирующие один тип отношений между концептами). Например: в стихотворении «Только детские книги читать…» (1908) концепты *смерть* и *жизнь* связаны отношениями контраста, в стихотворении «Слух чуткий парус напрягает…» (1910) взаимодействие ключевых концептов *музыка* и *смерть* построено на отношениях взаимной обусловленности и т.д.

В позднем творчестве Мандельштама также имеется большое количество однородных концептуальных структур. Например, в стихотворениях «Куда как страшно нам с тобой…» (1930), «Мы с тобой на кухне посидим…» (1931), «Я должен жить, хотя я дважды умер…» (1935) взаимосвязь концептов основана на отношениях контраста. В текстах, относящихся к позднему творчеству, по сравнению с ранними произведениями автора отношения между ключевыми концептами носят более явный и экспрессивный характер.

Покажем это на примере двух текстов, относящихся к раннему и позднему творчеству автора. Концепты *жизнь* и *смерть* в стихотворении «Только детские книги читать…» актуализированы главным образом с помощью оксюморона *«Я **от жизни смертельно** устал…»*. В позднем творчестве присутствует большее количество средств репрезентации данных концептов (*«А **мог бы** жизнь просвистать скворцом, / Заесть ореховым пирогом… / Да, видно, **нельзя** никак»* в стихотворении «Куда как страшно нам с тобой…» (1930); *«В Петербурге **жить** – словно **спать в гробу**...»* в стихотворении «Помоги, Господь, эту ночь прожить…» (1931); *«Я должен **жить**, хотя я дважды **умер**»* («Я должен жить, хотя я дважды умер…» (1935) и др.). Таким образом, в раннем творчестве контраст между данными концептами лишь намечается, в поздней лирике он становится ярким и многократно актуализированным.

4. По степени актуализации ключевых концептов в перспективе текста в ранних стихах чаще встречаются несимметричные концептуальные структуры, когда в пределах одного стихотворения на первое место по частоте актуализации выдвигается один из ключевых концептов. Например, в стихотворении «Скудный луч холодной мерою…» (1911) доминирующим концептом является концепт *музыка*; в стихотворении «Смутно-дышащими листьями…» (1911) на первое место по характеру актуализации выдвигается ключевой концепт *смерть* и т.д.

В поздней лирике в большинстве случаев встречаются симметричные концептуальные структуры, когда в пределах одного стихотворения оба концепта приобретают ключевое значение (ср. репрезентацию концептов *жизнь* и *смерть* в поэтических текстах «Помоги, Господь, эту ночь прожить…» (1931); «Пусти меня, отдай меня, Воронеж…» (1935) и др.). Данный показатель находится в прямой зависимости от эмоциональной тональности поэтических текстов: ощущение меланхолии, грусти в раннем творчестве сменяется сильным напряжением и постоянным страхом. Например, репрезентация концептов *смерть* и *жизнь* в поздних стихах автора в большинстве стихотворений симметрична в силу того, что автор находится в постоянном напряжении и неведении относительно своей дальнейшей жизни: продолжится она или оборвется.

В ранних текстах актуализация данных концептов менее частотна и чаще всего носит описательный характер (концепт *смерть* представлен на основе образной конкретизации природных явлений: «*И **неживого небосвода** / Всегда смеющийся хрусталь!»* в стихотворении «Сусальным золотом горят…» (1908); ***«смертельно-бледная волна»*** в стихотворении «Как тень внезапных облаков…» (1910) и др.

5. По наличию/отсутствию в лексической структуре текста прямых номинатов концептов в ранних стихах О.Э. Мандельштама преобладают концептуальные структуры эксплицитного типа (ключевые концепты вербализованы явно в текстах «На бледно-голубой эмали…» (1909); «Дано мне тело – что мне делать с ним…» (1909); «Silentium» (1910, 1935), «Из омута злого и вязкого…» (1910) и др.). Так, в стихотворении «Из омута злого и вязкого…» концепт *жизнь* актуализирован эксплицитно с помощью эпитета (*«запретная жизнь»*) и сравнительного оборота (*«жизнь, похожая на сон»*).

В позднем творчестве автора в большей мере представлены концептуальные структуры имплицитного типа, ключевые концепты не представлены лексически в таких текстах, как: «Куда как страшно нам с тобой…» (1930); «За гремучую доблесть грядущих веков…» (1931, 1935); «Мы живем, под собою не чуя страны…» (1933) и др.

Обратимся к примеру. В стихотворении «Куда как страшно нам с тобой…» концепт *смерть* выражен имплицитно, однако адресат, знающий биографию Мандельштама, поймет, что весь текст пронизан ощущением страха лирического героя перед возможной гибелью. Об этом можно судить по использованным автором лексическим средствам: *страшно, крошится наш табак, видно, нельзя никак.* Концепт *жизнь* образно конкретизируется благодаря метафорам и сравнениям: *«А мог бы жизнь просвистать скворцом, / Заесть ореховым пирогом…»*. Из-за отказа

от сотрудничества с властью такая жизнь становится недопустимой.

Таким образом, невозможность высказать прямо свою точку зрения приводит к тому, что поздние поэтические тексты автора становятся похожими на загадку, расшифровать которую сможет человек, знающий особенности биографии поэта.

6. По месту лексической микроструктуры, репрезентирующей гиперконцепт в тексте, в творчестве поэта присутствуют концептуальные структуры индуктивного («Silentium», 1910, 1935) и индуктивно-дедуктивного типов («Только детские книги читать…» (1908); «Скудный луч холодной мерою…» (1911) и др.), но преобладают концептуальные структуры дедуктивного типа: «На бледно-голубой эмали…» (1909), «Душный сумрак кроет ложе…» (1910), «О свободе небывалой…» (1915) и др.

Особенно это характерно для поздней лирики (стихи «Куда как страшно нам с тобой…» (1930); «Лишив меня морей, разбега и разлета…» (1935); «Если б меня наши враги взяли…» (1937); «Вооруженный зреньем узких ос…» (1937) и др.). Можно предположить, что микроструктура, репрезентирующая гиперконцепт в финальной части текста, позволяет автору акцентировать внимание читателя на самом важном для него. Например, в стихотворении «Лишив меня морей, разбега и разлета…» в финальной части представлена микроструктура *«Губ шевелящихся отнять вы не могли…»*. Это означает, что самое главное для поэта – не материальные блага, а возможность высказать свою точку зрения.

Таким образом, изучив концептуальные структуры ранних и поздних стихотворений О.Э. Мандельштама, можно сделать вывод о том, что они отражают динамику поэтической картины мира автора на протяжении всей его жизни.

Это проявляется в особенностях актуализированных в рамках одного текста ключевых концептов (для раннего творчества характерны одночленные, для позднего – двух- и трехчленные концептуальные структуры). Однородность концептуальных структур сохраняется как в раннем, так и в позднем творчестве поэта, однако поздней лирике присущ более яркий характер отношений между ключевыми концептами в пределах одного поэтического текста. В определенной мере это можно соотнести со сменой литературного направления, в рамках которого творил автор: переход от символизма к акмеизму повлиял на эмоциональную тональность текстов, на их смысловое и идейное содержание. Условность, туманность и таинственность в описании образов, особого рода лиричность в раннем творчестве сменяются реалистичностью и конкретностью, высоким уровнем драматизма в поздней лирике.

Особенность образного воплощения концептов, вербализованных явно в ранней лирике и имплицитно в позднем творчестве, можно объяснить влиянием экстралингвистических факторов на поэтическую картину мира автора: обстановкой в стране и жизни Мандельштама. Невозможность прямо высказать свою точку зрения приводит к тому, что стихотворения, написанные в 1930–1937 гг., обретают особый метафорический шифр.

Список источников

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж : Истоки, 2003. 59 с.
2. Пищальникова В.А, Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. 209 с.
3. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. Вып. 3–4. С. 198–207.
4. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
6. Беспалова О.В. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2002. 24 с.
7. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.
9. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 173 с.
10. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 280 с.
11. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в текст // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 74–79.
12. Болотнова Н.С. Типы концептуальных структур поэтических текстов // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл : материалы VII Всерос. науч. семинара. Томск : Изд-во ЦНТН, 2002. С. 34–39.
13. Мандельштам О.Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1182 с.

References

1. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2003) *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and National Picture of the World]. Voronezh: Istoki.
2. Pishchal'nikova, V.A. & Sorokin, Yu.A. (1993) *Vvedenie v psikhopoetiku* [Introduction to Psychopoetics]. Barnaul: Altai State University.
3. Bolotnova, N.S. (2003) A poetic world-image and its investigation in the communicative stylistics of a text. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3–4. pp. 198–207. (In Russian).
4. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Artistic concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 4. pp. 39–45. (In Russian).
5. Askol'dov, S.A. (1997) Kontsept i slovo [Concept and Word]. In: Neroznak, V.P. (ed.) *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya* [Russian Literature: From the Theory of Literature to the Structure of the Text: Anthology]. Moscow: Academia. pp. 267–279.
6. Bespalova, O.V. (2002) *Kontseptosfera poezii N.S. Gumileva v ee leksicheskom predstavlenii* [Conceptosphere of N.S. Gumilyov in its lexical representation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
7. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta* [Communicative Style of the Text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
8. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 40–76.

9. Pishchal'nikova, V.A. (1999) *Psikhopoetika* [Psychopoetics]. Barnaul: Altai State University.
10. Tarasova, I.A. (2003) *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyy aspekt* [Georgy Ivanov's Idiostyle: Cognitive aspect]. Saratov: Saratov State University.
11. Bolotnova, N.S. (2007) O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta v tekst [About the method of studying the associative layer of the artistic concept in the text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (65). pp. 74–79.
12. Bolotnova, N.S. (2002) Tipy kontseptual'nykh struktur poeticheskikh tekstov [Types of conceptual structures of poetic texts]. In: K*hudozhestvennyy tekst: Slovo. Kontsept. Smysl* [Literary Text: Word. Concept. Meaning]. Tomsk: Izd-vo TsNTN. pp. 34–39.
13. Mandel'shtam, O.E. (2017) *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow: AL'FA-KNIGA.

Информация об авторе:
Шутова А.В. – аспирант кафедры русского языка Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: alyshutova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.V. Shutova, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation), E-mail: alyshutova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 24.03.2021;
approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/475/8

ПРОЗИС-анализ: возможности оценки реакции пользователей на значимые информационные поводы в сети Интернет

Роман Викторович Голубин[1], Инна Александровна Исакова[2], Александр Павлович Коротышев[3], Павел Павлович Рыхтик[4]

[1, 2, 3, 4] Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
[1] golubin-roman@mail.ru
[2] inna_isakova@mail.ru
[3] aleks_korotyshev@mail.ru
[4] rykhtikpavel@yandex.ru

Аннотация. Представлены возможности применения в социологических исследованиях нового метода визуализации и анализа данных – ПРОЗИС-анализа. Метод предусматривает фиксацию шести показателей сетевой активности пользователей: число постеров, репосты, охват аудитории, запросы, источники, сообщения. ПРОЗИС-анализ позволяет оценивать уровень общественного интереса к любому значимому событию, отслеживать динамику распространения информации о них в глобальной сети.

Ключевые слова: социальная активность, сетевая активность, интернет, ПРОЗИС-анализ, постинг, инфоповод, охват аудитории, репост

***Для цитирования*:** Голубин Р.В., Исакова И.А., Коротышев А.П., Рыхтик П.П. ПРОЗИС-анализ: возможности оценки реакции пользователей на значимые информационные поводы в сети Интернет // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 59–67. doi: 10.17223/15617793/475/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/8

PROZIS-analysis: The possibility of assessing users' reaction to significant newsworthy events on the internet

Roman V. Golubin[1], Inna A. Isakova[2], Aleksandr P. Korotyshev[3], Pavel P. Rykhtik[4]

[1, 2, 3, 4] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation
[1] golubin-roman@mail.ru
[2] inna_isakova@mail.ru
[3] aleks_korotyshev@mail.ru
[4] rykhtikpavel@yandex.ru

Abstract. The article discusses the possibilities of using PROZIS-analysis, a new visualization and data analysis method in sociological research. The method allows fixing six indicators of users' network activity: the number of posters, reposts, audience coverage, requests, sources, messages. PROZIS-analysis allows assessing the level of public interest in any significant event/phenomenon/process, tracking the dynamics of the dissemination of information about it in the global network, including technologies for its targeted promotion. The fixation of specific numerical values of these indicators is carried out using the toolkit of available online services. In the framework of this study, the WordStat service from Yandex was used to estimate the number of user requests. For the other five, IQbuzz, which evaluates user posts on social networks, was used. Key indicators of network activity are divided into two groups: the first – "sources", "posters" and "messages" – characterizes those who actively disseminate information and how actively new ideas are being promoted in the Internet space; the second group – "reposts", "requests" and "coverage" – is the periphery, its analysis allows judging how new ideas arouse massive interest and how actively they are assimilated by users. Data from PROZIS-analysis are used to create PROZIS-diagrams. The PROZIS-diagram is an applied visualization and express analysis tool that reflects the dynamics of the core and periphery indicators, shows their interconnections, mutual influence over time. PROZIS-diagrams are divided into diffuse ones, showing the dynamics and scale of new ideas' diffusion, and logarithmic ones, suitable for long-term analysis. Expert assessment and competent interpretation of the data of PROZIS-diagrams allows making a quick assessment of the situation; obtaining an instant "snapshot" of the dissemination of information for a specific time period; and conducting a deeper sociological analysis, taking into account the sex and age composition of posters, their average activity,

© Голубин Р.В., Исакова И.А., Коротышев А.П., Рыхтик П.П., 2022

and the ratio of activity of the nucleus and the periphery. As an example of the implementation of the method, data on the socio-political activity of users during the preparation and organization of the meeting of Vladimir Putin and Joe Biden on June 16, 2021. In general, PROZIS-analysis is suitable for assessing the level of public interest in any significant event, tracking the dynamics of the dissemination of information about it in the global network.

Keywords: social activity, network activity, Internet, PROZIS-analysis, posting, newsworthy event, audience coverage, repost

***For citation*:** Golubin, R.V., Isakova, I.A., Korotyshev, A.P. & Rykhtik, P.P. (2022) PROZIS-analysis: The possibility of assessing users' reaction to significant newsworthy events on the internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 59–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/8

Введение. С начала XXI в. человеческая цивилизация пережила беспрецедентный скачок в развитии коммуникационных технологий, оказавший значительное влияние на все аспекты жизнедеятельности. Интернет сегодня – больше, чем просто технология коммуникации, это глобальное социальное явление, которое способно трансформировать общественные отношения с пока еще не до конца предсказуемыми последствиями.

Тем не менее цифровизация повседневной жизни стала привычной реальностью: как сообщил замглавы Минкомсвязи России Алексей Волин [1], в 2020 г. в России пользователями интернета являются около 100 млн человек из 145 млн населения. По данным отчета «Global Digital 2021» аналитического центра We Are Social и Hootsuite [2], количество пользователей в России в 2021 г. выросло до 124 млн. Современный человек стремится постоянно оставаться на связи, не отрываясь надолго от потока цифровой информации. По данным отчета «Global Digital 2021», россияне проводят в социальных сетях 2 часа 28 минут (в мировом масштабе эта цифра составляет 2 часа 25 минут) [2].

При этом сетевая активность пользователей достаточно многообразна и проявляет себя во множестве различных форм, что ставит перед социологами проблемы, связанные с исследованиями новых социальных практик, не всегда поддающихся оценке классическими, формализованными методиками. Современные средства онлайн-мониторинга, входящие в прикладной инструментарий социологии, позволяют фиксировать количественные характеристики этой активности, открывая возможности для автоматизированного сбора эмпирического материала, использования математического инструментария и формализации оценок. Однако работа с этими данными сопряжена с определенным риском. Следует учитывать, что современный интернет наполнен средствами имитации пользовательской активности. К ним можно отнести как программные средства, созданные с целью искусственного увеличения, «накрутки» просмотров, лайков и репостов, так и живых пользователей, распространяющих информацию не из личных убеждений, а с коммерческими или развлекательными целями. Все это создает в рамках исследовательской методики достаточно важный «фактор автопостинга», способный исказить итоговые показатели пользовательской активности. Соответственно, первой задачей исследователя является выбор среди обширных эмпирических данных аналитики тех ключевых показателей, которые позволят объективно оценить пользовательскую активность.

Теоретико-методологические подходы. Исследования, базирующиеся на цифровых технологиях и использующие возможности сети Интернет, в социологии проводятся уже более 20 лет, а сфера их применения, тематика, методическое разнообразие огромны. Объектами изучения становятся новые социальные практики поведения в глобальной сети: интернет-занятость [3], виртуальные социальные среды [4], потребительское поведение в цифровой экономике [5], интернет-аддикции [6], социальные медиа [7] и многое другое.

Одним из значимых трендов в социологии становится обсуждение роли больших данных в организации исследований: К.Н. Горлов [8], К.С. Губа [9], В.В. Волков, Д.А. Скугаревский и К.Д. Титаев [10], А.В. Одинцов [11], Р. Китчин [12], Е.В. Смирнов [13] и др.

Появление новых социальных практик требует от социологов совершенствования классических методов исследования: «За последние 20 лет процедура проведения интервью с использованием компьютерных технологий (CAPI) и другие виды компьютеризированных и онлайн-исследований стали наиболее востребованными и обсуждаемыми методами сбора эмпирических данных в социальных науках», – считает заведующий отделом методологии и методов социологических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН М.С. Косолапов [14].

Однако не менее актуальным остается поиск новых возможностей исследования, например, вебскрейпинг [15], event-analysis [16], data minig [17], Vaal (количественный контент-анализ), SkaiTwi (статистический анализ связей в «Твиттере») и Gephi (сетевой и кластерный анализ) [18]. Ведущий научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.М. Долгоруков отмечает: «Будущее за социологическими теориями с новой онтологией и методами, способными обеспечить: а) прогнозирование и дизайн социальных систем в качестве сложным образом взаимодействующих симбиозов (онлайн- и офлайн-пространств); б) сбор, генерацию и анализ данных на основе по-новому организованных наблюдений» [19].

В прогнозировании социальных систем на основе анализа метаданных интернета больших успехов достигли западные ученые. Наиболее примечательной здесь выглядит обширная исследовательская про-

грамма социальных симуляций (Social-Sim program), финансируемая управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) и включающая интернациональный коллектив исследователей. В 2011 г. ими была опубликована статья «Социальный консенсус через влияние идейных меньшинств» [20], в которой апробирована методика цифрового моделирования распространения общественно значимой информации в социальных сетях.

Авторы описывали диффузный механизм распространения информации, предусматривающий нелинейный характер ее проникновения в общественное сознание. Тогда речь шла лишь о построении моделей этого процесса.

Однако за 10 лет данные исследования значительно продвинулись вперед: в статье 2020 г. «Многомасштабное моделирование онлайн-медиа с помощью SocialCube» [21] описан уже автоматизированный алгоритм, способный вести сбор эмпирических данных непосредственно в социальных сетях, преобразуя их в базы данных MySQL и JSON-файлы. Это позволяет вести машинную обработку данных, хранить, оценивать и анализировать огромное количество отдельных случаев, разрабатывая на этой основе оптимальные стратегии продвижения целевой информации в социальных сетях. Это – следующий шаг от социального прогнозирования к социальному инжинирингу.

Подобный технологический уровень остается недоступным для большинства отечественных исследователей. Тем не менее задача моделирования и прогнозирования общественных процессов остро стоит и для российского общества, находящегося в фазе обширных социальных трансформаций.

Анализ сетевой активности пользователей, их реакции на новую информацию востребован во множестве областей: от маркетинговых исследований до государственного управления. Целью настоящей статьи является апробация нового метода исследования сетевой активности пользователей – ПРОЗИС-анализа, способного стать новым инструментом в арсенале академической науки и экспертизы.

Аббревиатура ПРОЗИС отражает шесть основных количественных параметров, на которые опирается метод: постеры, репосты, охват, запросы, источники, сообщения. Они довольно объективно отражают активность интернет-аудитории и хорошо дополняют друг друга в рамках корреляционного анализа.

Сетевая активность пользователей достаточно многообразна, и можно предложить и другие метрики из обширного арсенала интернет-маркетинга: ER – индекс вовлеченности, ERR – индекс вовлеченности по охвату, AR – коэффициент виральности (рассчитываемый по различным показателям) и др. Однако эти инструменты адаптированы под оценку эффективности продаж и разработку маркетинговых стратегий, они оценивают не столько масштаб распространения информации, ее востребованность и резонансность, сколько эффективность усилий по ее продвижению.

Из методики ПРОЗИС-анализа также исключен показатель «количество лайков», так как они наиболее подвержены искусственной раскрутке, что в значительной мере нарушает объективность данных. Однако отметим, что любые дополнительные метрики могут привлекаться к ПРОЗИС-анализу на всех трех этапах его экспертной оценки. Не входя в число основных показателей, они, тем не менее, способны повысить эффективность метода в том случае, если соотносятся с объектом исследования.

Рассмотрим шесть основных показателей подробнее:

1. *Уникальные источники* – число некомпилированных текстов, опубликованных по изучаемой тематике в заданный период времени. Учитываются как публикации интернет-СМИ, так и достаточно крупные тексты пользователей, например в блогах.

Данный показатель отражает, во-первых, заинтересованность активных интернет-постеров в тематике, а во-вторых, их готовность создавать по ней уникальный контент. Как правило, таких уникальных источников относительно немного, однако именно они дают начало распространению информации в сети, запускают диффузный механизм. Именно эти тексты служат основой для последующего копирования, репоста и рефлексии пользователей, они задают рациональное и чувственное восприятие новой информации.

Кроме того, этот показатель практически свободен от влияния автопостинга. Нейросетевые алгоритмы, способные генерировать связный уникальный текст, пока несовершенны и не используются для создания интернет-новостей. Если уникальный текст появляется, то можно утверждать, что его создал человек с личным или коммерческим мотивом.

2. *Постеры* – число аккаунтов, от лица которых были опубликованы сообщения по изучаемой тематике. Отражает заинтересованность рядовых интернет-пользователей в изучаемой тематике, а также масштабы распространения информации о ней. Строго говоря, общее число постеров включает себя также и уникальные источники. Однако люди редко создают уникальный контент, предпочитая просто копировать текст, привлекший их внимание. Поэтому число постеров, как правило, кратно превышает число источников.

Из всех отслеживаемых параметров этот наиболее подвержен влиянию автопостинга. В настоящее время достаточно распространены программные средства, позволяющие одному человеку одновременно вести переписку от лица нескольких пользователей. Активность этих «мультиаккаунтов» может искажать общую статистику, поскольку будет фиксироваться больше постеров, чем существует реальных пользователей (а тематика будет казаться популярнее). Впрочем, факт использования «мультиаккаунтов» сам по себе говорит о том, что некто предпринимает усилия по раскрутке данной тематики, т.е. она действительно становится популярнее.

3. *Запросы* – число запросов по изучаемой тематике, вводимых пользователями в поисковые интернет-сервисы. Отражает заинтересованность интернет-

сообщества в проблеме, стремление отслеживать ситуацию, целенаправленно искать новую информацию.

Это объективный показатель, поскольку люди вводят в поисковую строку только то, что востребовано, а целенаправленной «накруткой» или фальсификацией поисковых запросов (в отличие от постеров или просмотров) никто не занимается.

Определенной сложностью для данного показателя является сбор эмпирических данных. Проблема заключается в том, что онлайн-сервисы, ведущие мониторинг запросов, не предоставляют данные мгновенно. Так, сервис WordStat, анализирующий запросы в наиболее популярном в России поисковике Яндекс, предоставляет данные с задержкой на 1 месяц. Поэтому использовать этот показатель для экспресс-анализа не представляется возможным.

4. *Охват аудитории* – число пользователей, которые могли увидеть контент по изучаемой тематике (в публикациях интернет-СМИ, постах и лентах пользователей, комментариях к новостям и пр.). Данный показатель позволяет судить о масштабах распространения информации, ее способности затрагивать незаинтересованного пользователя, который не ищет ее целенаправленно.

Охват не аналогичен числу просмотров – встретив в сети информацию по изучаемой тематике, пользователь может и игнорировать ее. Тем не менее информация, обладающая широким охватом, всегда находится в «одном клике» от огромного числа пользователей. Она заполняет ленты и группы социальных сетей, комментарии под новостями, агрегаторы и форумы.

5. *Репосты* – число случаев, когда пользователи самостоятельно публикуют найденную информацию по изучаемой тематике на своих интернет-площадках (в группах, лентах, комментариях и др.). Отражает стремление пользователей делиться полученной информацией, распространять ее по доступным каналам. Репост – наиболее простой и часто применяемый метод тиражирования информации.

К сожалению, простота данного метода открывает широкие возможности для автопостинга. Репост разного рода информации осуществляют как реальные пользователи (в интересах коммерческих компаний и политических групп), так и программные средства. Тем не менее репост играет ключевую роль в работе диффузного механизма и его обязательно нужно отслеживать.

6. *Сообщения* – число текстовых сообщений, содержащих ключевые слова по изучаемой тематике. Показатель позволяет отследить масштаб распространения информации в сети, причем отслеживаются именно пользовательские сообщения социальных сетей, а не, к примеру, тексты официальных сайтов.

Число сообщений, несомненно, является основным показателем популярности тематики. Однако сам по себе он недостаточно информативен. Для создания полноценной научной картины распространения информации в сети требуется установить соотношение числа сообщений с другими показателями.

Фиксация конкретных числовых значений этих показателей ведется при помощи инструментария доступных онлайн-сервисов. В рамках настоящего исследования для оценки числа пользовательских запросов использовался сервис WordStat [22] от компании Яндекс. Для остальных пяти – сервис IQbuzz [23], оценивающий пользовательские сообщения в социальных сетях. Существуют и другие подобные сервисы, однако они зачастую имеют более узкую сферу применения (к примеру, специализируются на интернет-СМИ) или низкую доступность.

Ключевые показатели сетевой активности можно разделить на две группы.

Первая – «источники», «постеры» и «сообщения» – характеризует тех, кто активно распространяет информацию. Зарождаясь в уникальных текстах источников, информация попадает к постерам, активно распространяющим ее посредством сообщений. Рост числа источников, постеров и сообщений, при стандартных условиях, предшествует росту репостов, запросов и просмотров и прямо стимулирует его. Поэтому эту группу вполне можно считать «информационным ядром» – центром распространения информации, по активности которого можно судить о том, насколько активно новые идеи продвигаются в интернет-пространстве.

Вторая группа показателей – «репосты», «запросы» и «охват» – вторична по отношению к первой. Усваивая новую информацию из СМИ, групп и лент социальных сетей, от активных блогеров, пользователи начинают интересоваться темой, читать и репостить материалы по ней. Показатели этой группы можно со всем основанием назвать периферией. Их анализ позволяет судить о том, как новые идеи вызывают массовый интерес и насколько активно усваиваются пользователями. Таким образом, если отбросить синергетические связи между ядром и периферией (которые, безусловно, существуют и требуют отдельного изучения), *ядро распространяет информацию, а периферия ее усваивает.*

Для корректного отображения, доступной визуализации и последующей оценки этих показателей имеет смысл ввести форму их графического изображения. Представляется, что этим целям может с успехом служить лепестковая диаграмма, на каждой из осей которой отображен один из ключевых показателей, или ПРОЗИС-диаграмма.

ПРОЗИС-диаграмма – прикладной инструмент визуализации и экспресс-анализа. Она отражает динамику показателей ядра и периферии, позволяет видеть их взаимосвязи, взаимовлияние с течением времени.

В качестве примера приведем данные о социально-политической активности пользователей в период подготовки и организации встречи В.В. Путина и Д. Байдена 16 июня 2021 г. Для составления ПРОЗИС-диаграммы собраны данные от 17 июня 2021 г. (табл. 1, рис. 1).

Заметно, что информация о встрече В.В. Путина и Д. Байдена была доступна широкой аудитории – охват составил 4 882 331 пользователя. Однако заметную сетевую активность проявила лишь небольшая группа пользователей – 101 источник и 1 230 постеров, которые и задали дискурс обсуждения. У основной массы

пользователей уровень интереса низкий, они готовы знакомится с материалами, но их интерес не приводит к активным действиям – репостам и запросам.

Таблица 1

ПРОЗИС-показатели по запросу «Встреча В.В. Путина и Д. Байдена» от 17 июня 2021 г.

Показатель	Значение
Уникальные источники	101
Постеры	1 230
Запросы	77 218
Охват	4 882 331
Репосты	324
Сообщения	2 500

Рис. 1. ПРОЗИС-диаграмма «Встреча В.В. Путина и Д. Байдена», данные от 17 июня 2021 г., 6 параметров

Если сопоставить данные за два дня: 15 июня 2021 г. (накануне встречи) и 17 июня 2021 г. (после встречи) (табл. 2), то можно зафиксировать другой эффект. Число уникальных источников (обычно это аккаунты СМИ или политически ангажированные пользователи) изменилось незначительно: с 76 до 101. При этом число постеров, которых действительно волнуют внешнеполитические события и которые готовы их обсуждать, выросло в три раза (рис. 2). Таким образом, СМИ удалось привлечь к встрече внимание активных интернет-пользователей, которые продолжили ее раскрутку самостоятельно. Далее распространение информации происходило уже без наращивания активности СМИ.

Таким образом, ПРОЗИС-диаграмма позволяет проводить сопоставительный анализ разных временных периодов по шести ключевым показателям сетевой активности. Этот тип диаграммы пригоден для быстрой оценки и презентации данных. Назовем его диффузной ПРОЗИС-диаграммой. Он хорошо показывает динамику и масштабы диффузии новых идей, демонстрирует, как из небольшого числа источников и постеров возникает массовый охват миллионной аудитории.

Заметной проблемой здесь является разметка шкал. Шесть выбранных параметров на практике могут иметь числовые показатели совершенно разного порядка, когда, к примеру, уникальные источники исчисляются десятками, а охват – десятками миллионов. Тем не менее разная разметка осей делает ее неудобной для отслеживания долгосрочных процессов (когда один показатель может колебаться от сотен тысяч до единиц) и научного анализа, что делает диаграмму не универсальной. Так, для корректного отображения данных нужно менять шаг разметки для разных осей.

Таблица 2

ПРОЗИС-показатели по запросу «Встреча В.В. Путина и Д. Байдена» от 15 и 17 июня 2021 г.

Показатель	15 июня 2021 г.		17 июня 2021 г.	
Уникальные источники	76	100	101	132,8947368
Постеры	403	100	1 230	305,2109181
Запросы	12 807	100	12 807	100
Охват	1 434 644	100	4 882 331	340,3165524
Репосты	84	100	324	385,7142857
Сообщения	757	100	2500	330,2509908

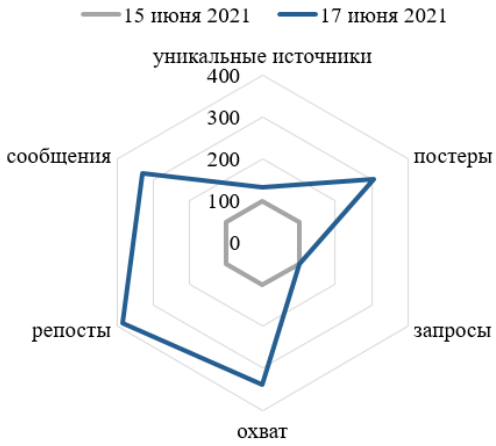


Рис. 2. Диффузная ПРОЗИС-диаграмма «Встреча В.В. Путина и Д. Байдена», данные от 15 и 17 июня 2021 г.

В том случае, когда речь идет о глубоком анализе информационных процессов и распространении в обществе значимых идей, имеет смысл использовать логарифмическую шкалу, в которой длина отрезка пропорциональна логарифму отношения величин на его концах.

Представляется, что *логарифмическая ПРОЗИС-диаграмма* более пригодна для долгосрочного анализа и создает более объективную научную картину распространения информации в сети. На ее поле можно отразить (а затем сопоставить) результаты замеров по одной тематике в разные временные периоды. Впрочем, она не столь доступна и не слишком подходит для презентации результатов в неакадемической среде. Приведем в пример логарифмическую ПРОЗИС-диаграмму по данным табл. 1, характеризующей общественный интерес во встрече В.В. Путина и Д. Байдена (рис. 3.).

Экспертная оценка и грамотная интерпретация данных ПРОЗИС-диаграммы позволяют выявлять особенности распространения информации в интернете. При этом существует возможность оперативной оценки ситуации, получения мгновенного «снимка» распространения информации за конкретный времен-

ной период, а также возможность более глубокого социологического анализа с учетом половозрастного состава постеров, их средней активности, соотношения активности ядра и периферии и др.

Аналитическую работу с указанными показателями имеет смысл разделить на три уровня: уровень экспресс-анализа, уровень корреляционного анализа, уровень многофакторного анализа.

1-й уровень, экспресс-анализ, предполагает работу с 5 параметрами: постеры, репосты, охват, источники, сообщения (рис. 4). Шестой параметр – запросы, как уже отмечалось, становится доступен в онлайн-сервисах только через месяц обработки данных и, в большинстве случаев, не доступен для экспресс-анализа.

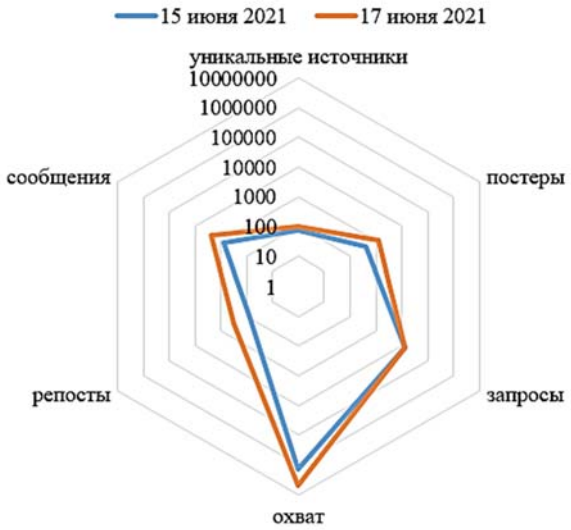


Рис. 3. Логарифмическая ПРОЗИС-диаграмма «Встреча В.В. Путина и Д. Байдена», данные от 15 и 17 июня 2021 г.

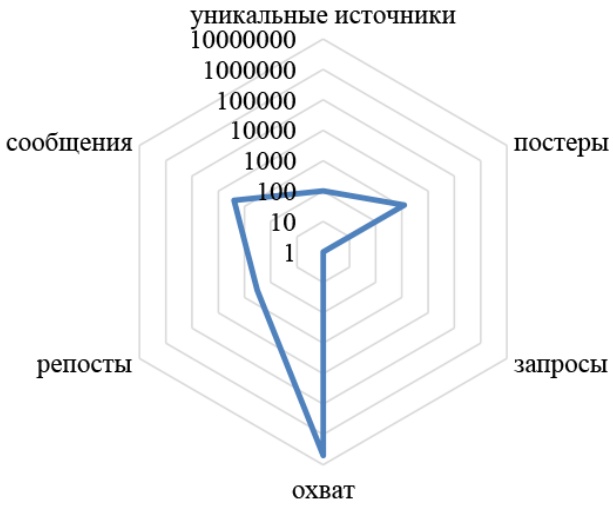


Рис. 4. ПРОЗИС-диаграмма встреча «В.В. Путина и Д. Байдена», данные от 17 июня 2021 г., 5 параметров

В случае, когда есть возможность дождаться данных по пользовательским запросам, можно применить и шестиосевую ПРОЗИС-диаграмму (см. рис. 1).

К примеру, большое количество источников говорит о том, что тема заинтересовала сразу множество пользователей и Интернет-СМИ, с большой вероятностью действующих независимо друг от друга.

Небольшое число источников, напротив, указывает на несколько отдельных центров распространения информации, которые пытаются организовать ее вброс в информационное пространство, как в примере исследования интереса пользователей к встрече В.В. Путина и Д. Байдена.

Число постеров демонстрирует, насколько пользователи вовлечены в обсуждение темы или стремятся распространять новые идеи. Сообщения, собственно, и содержат в себе информацию об исследуемой теме, отражают ее распространенность в конкретный момент времени. Запросы и охват – объективный показатель общественного интереса к теме, а репосты дополнительно характеризуют стремление рядовых пользователей продвигать ее в информационном пространстве. Сведенные вместе, эти показатели создают

общую картину распространения информации в сети в момент времени, что, собственно, и составляет суть экспресс-анализа.

2-й уровень, корреляционный анализ, ставит своей целью сопоставление показателей ядра и периферии, а также их экспертную оценку.

К примеру, ограниченное число источников при большом количестве постеров и широком охвате говорит о том, что тему продвигают влиятельные медиафигуры, чье мнение с готовностью транслируют многочисленные сторонники. Приведем пример: в эфире «Матч ТВ» обсуждался чемпионат Евро-2020, где ведущий шутил над гостьей, та в ответ устроила истерику, возник скандал. История вызвала резонанс в среде шоу-бизнеса, и многие его представители сочли своим долгом сделать публикацию в поддержку того или иного участника конфликта. СМИ в течение длительного времени обсуждали эту историю (табл. 3, рис. 5).

В результате наблюдается большое число источников, постеров и сообщений при низком охвате и немногочисленных запросах, что позволяет предположить, что тема усиленно продвигалась в информационное пространство заинтересованными силами, но ответного интереса у интернет-аудитории не получила, несмотря на приложенные усилия.

Таблица 3

ПРОЗИС-показатели по запросу «Скандал О. Бузовой и Д. Губерниева», данные от 24 июня 2021 г.

Показатель	Значение
Уникальные источники	19
Постеры	274
Запросы	99 039
Охват	7 047 825
Репосты	2 096
Сообщения	384

Рис. 5. ПРОЗИС-диаграмма «Скандал О. Бузовой и Д. Губерниева», данные от 24 июня 2021 г., 6 параметров

Многочисленные запросы и репосты, при небольшом числе уникальных источников и относительно немногочисленных постерах, могут указывать на попытки СМИ замалчивать актуальную для общества тему. Приведем пример: в Нижнем Новгороде на поле около недостроенного ЖК «Новинки Smart Sity» в начале июня появилась надпись «SOS» – так обманутые дольщики попытались привлечь внимание властей к своим проблемам. Это не вызвало заметного общественного резонанса. 22 июня 2021 г. надпись дополнили, и она приняла вид «SOS. Путин». В тот же день фамилию президента убрали (скосили), однако эти события уже не остались незамеченными.

ПРОЗИС-анализ позволяет отследить, как 16 пользователям (источникам), для которых и была актуальна данная проблема, удалось за один день создать охват в 4 921 пользователя по вопросу, который ранее никого не волновал.

В любом случае корреляционный анализ, опираясь на ПРОЗИС-диаграмму, требует экспертной оценки, учета социально-политического (а порой экономического, культурного или другого) контекста, обстоятельств и факторов, под действием которых тематика продвигалась в информационном пространстве табл. 4). Не исключено, что сходные показатели ПРОЗИС-диаграммы могут, в разном социальном контексте, свидетельствовать о разных процессах и явлениях (рис. 6).

Таблица 4

ПРОЗИС-показатели по запросу «SOS. ПУТИН», данные от 23 июня 2021 г.

Показатель	Значение
Уникальные источники	16
Постеры	61
Запросы	140
Охват	4 921
Репосты	29
Сообщения	121

Рис. 6. ПРОЗИС-диаграмма «SOS. ПУТИН», данные от 23 июня 2021 г., 6 параметров

3-й уровень, многофакторный анализ, предполагает более глубокое изучение шесть основных характеристик, в том числе с использованием расширенных эмпирических данных.

В качестве примера можно привести такой показатель, как «среднее число сообщений на постер» (автоматически рассчитывается сервисом IQbuzz). Чем выше данный показатель, тем более сплоченная и мотивированная группа людей работает над раскруткой тематики. Рядовой пользователь, заинтересовавшийся темой в ходе обычного интернет-серфинга, редко пишет более 2–3 сообщений (в усредненных показателях). Большая активность, помимо искреннего интереса, может также говорить об идеологической ангажированности или коммерческом интересе.

Сопоставление динамики таких показателей, как «источники», «постеры» и «сообщения», позволяет судить о виральности исследуемой тематики. Виральность – это готовность пользователя создавать собственный контент

на основе найденного в сети. Если рост числа постеров влечет за собой рост также числа сообщений и уникальных источников, тематика стала столь популярной, что распространяется самими пользователями.

Заключение. Предложенный метод ПРОЗИС-анализа позволяет оценивать общественную реакцию на значимые информационные поводы путем анализа сетевой активности пользователей.

Метод основан на анализе шести параметров: число постеров и репостов, охват аудитории, запросы в поисковых системах, уникальные текстовые источники и сообщения. Эти показатели достаточно объективно отражают активность интернет-аудитории и хорошо дополняют друг друга в рамках корреляционного анализа. Поэтому метод позволяет как оперативно оценивать реакцию общества на значимые информационные поводы (уровень экспресс-анализа), так и отслеживать глубинные процессы трансформации общественного сознания (уровень многофакторного анализа). Он может найти применение в академической науке, исследующей изменения в общественном восприятии, пути и методы распространения информации в современном обществе, теорию и практику общественной коммуникации. Не менее полезным он может стать и для экспертов-практиков, работающих в сфере маркетинговых исследований.

Метод, как и многие интернет-методики социологических исследований, имеет специфические ограничения, связанные с чистотой выборки, техническими возможностями сервисов сбора данных, фактором автопостинга и пр. Однако представляется, что в российской науке, в отличие от западной, возможности глобальной сети в недостаточной мере используются для анализа социальных процессов. Это актуализирует деятельность по разработке и апробации новых исследовательских методов, одним из которых и может стать ПРОЗИС-анализ.

Список источников

1. Замглавы Минкомсвязи назвал число пользователей Интернета в России // МИА «Россия сегодня» : официальный сайт. URL: https://ria.ru/20200830/internet-1576488498.html (дата обращения: 10.07.2021).
2. Global Digital 2021 // We Are Social : официальный сайт. URL: https://wearesocial.com/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital (дата обращения: 10.07.2021).
3. Хусяинов Т.М. Идентичность самозанятых интернет-работников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 127–131.
4. Васенина И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды как инструмент мотивации молодежи к общественно-политической деятельности // Социодинамика. 2018. № 4. С. 1–11.
5. Алимова А.А. Особенности потребительского поведения современных пользователей интернет-среды // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 4 (10). С. 24–28.
6. Колесниченко М.Б., Колупаева В.В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–105.
7. Мельникова Н.И. Метрики социальных медиа как социальный капитал // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. Т. 4, № 1 (68). С. 253–258.
8. Горлов К.Н. Социально-политические вызовы больших данных // Социально-политические науки. 2019. № 6. С. 32–37.
9. Губа К.С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 24–33.
10. Волков В.В., Скугаревский Д.А., Титаев К.Д. Проблемы и перспективы исследований на основе big data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 48–58.
11. Одинцов А.В. Социология общественного мнения и вызов big data // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3 (139). С. 30–43
12. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 44. С. 111–152.
13. Смирнов Е.В. Описание проблемы обработки и использования результатов анализа больших данных (big data) // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2018. № 6 (46). С. 9.
14. Терентьев Е.А., Мавлетова А.М., Косолапов М.С. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 47–64.
15. Вилкова О.В. К вопросу о научной осмысленности применения веб-скрейпинга как метода сбора данных в социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 163–175.
16. Олешкова А.М. Интернет-мем как предмет социологического исследования: возможности применения метода событийного анализа (event-analysis) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 10 (78). С. 54–57.
17. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Data minig в социологии: опыт и перспективы проведения исследования // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 35–44.
18. Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. Т. 1, № 1. С. 4–8.
19. Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 32–43. doi: 10.14515/monitoring.2015.2.03
20. Xie J., Sreenivasan S., Korniss G., Zhang W., Lim C., Szymanski B.K. Social consensus through the influence of committed minorities // Physical Review E. 2011. Vol. 84. Art. 011130.
21. Abdelzaher T., Han J., Hao Y., Jing A., Liu D., Liu S., Nguyen H.H., Nicol D.M., Shao H., Wang T., Yao S., Zhang Y., Malik O., Dipple S. Flamino J., Buchanan F., Cohen S., Korniss G., Szymanski B.K. Multiscale online media simulation with SocialCube // Computational and Mathematical Organization Theory. 2020. Vol. 26. P. 145–174. doi: 10.1007/s10588-019-09303-7
22. Wordstat: подборка слов Яндекс. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 01.04.2021).
23. IQbuzz: сервис мониторинга социальных медиа- и онлайн-СМИ. URL: https://www.iqbuzz.pro/ (дата обращения: 01.04.2021).

References

1. MIA Rossiya segodnya. (2020) Zamglavy Minkomsvyazi nazval chislo pol'zovateley Interneta v Rossii [The Deputy Head of the Ministry of Telecom and Mass Communications named the number of Internet users in Russia]. *MIA Rossiya segodnya*. [Online] Available from: https://ria.ru/20200830/internet-1576488498.html (Accessed: 10.07.2021).
2. We Are Social. (2021) *Global Digital 2021*. [Online] Available from: https://wearesocial.com/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital (Accessed: 10.07.2021).

3. Khusyainov, T.M. (2017) Identity of self-employed e-workers. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 1 (45). pp. 127–131. (In Russian).
4. Vasenina, I.V. & Pronchev, G.B. (2018) Post-graduate student, the department of Source Studies, Moscow State University. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*. 4. pp. 1–11. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2018.4.2597
5. Alimova, A.A. (2017) Features of consumer behavior of modern users of the internet environment. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya*. 4 (10). pp. 24–28. (In Russian).
6. Kolesnichenko, M.B. & Kolupaeva, V.V. (2017) Social aspects of the youth internet-dependence. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 1. pp. 97–105. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.8
7. Mel'nikova, N.I. (2012) Social media metrics as the social capital. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 4-1 (68). pp. 253–258. (In Russian).
8. Gorlov, K.N. (2019) Social-political big data challenges. *Sotsial'no-politicheskie nauki – Sociopolitical Sciences*. 6. pp. 32–37. (In Russian).
9. Guba, K.S. (2012) Big Data in studies of science: new research field. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 24–33. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250013878-8
10. Volkov, V.V., Skugarevskiy, D.A. & Titaev, K.D. (2016) Problems and prospects for studies based on big data (the case of sociology of law). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1 (381). pp. 48–58. (In Russian).
11. Odintsov, A.V. (2017) Sociology of public opinion and the big data challenge. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 3 (139). pp. 30–43. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04
12. Kitchin, R. (2017) Big data, new epistemologies and paradigm shifts. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie – Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M)*. 44. pp. 111–152. (In Russian).
13. Smirnov, E.V. (2018) Description of the problem of processing and using the results of the analysis of big data (big data). *Informatsionno-ekonomicheskie aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya*. 6 (46). P. 9. (In Russian).
14. Terent'ev, E.A., Mavletova, A.M. & Kosolapov, M.S. (2018) Computer assisted personal interviewing for longitudinal household studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 3. pp. 47–64. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.03
15. Vilkova, O.V. (2020) Web scraping as a method of data extraction in sociological studies: on scientific applicability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 54. pp. 163–175. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/54/16
16. Oleshkova, A.M. (2020) Internet meme as the subject of social studies: opportunities of event analysis application. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 10 (78). pp. 54–57. (In Russian). DOI: 10.24158/spp.2020.10.8
17. Mal'tseva, A.V., Shilkina, N.E. & Makhnytkina, O.V. (2016) Data mining sociology: experience and outlook for research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3 (383). pp. 35–44. (In Russian).
18. Kryshtanovskaya, O.V. (2018) Contactless sociology: new forms of research in a digital age. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital Sociology*. 1 (1). pp. 4–8. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-4-8
19. Dolgorukov, A.M. (2015) Internet and prospects of sociology. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2 (125). pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.03
20. Xie, J. et al. (2011) Social consensus through the influence of committed minorities. *Physical Review E*. 84. Art. 011130.
21. Abdelzaher, T., et al. (2020) Multiscale online media simulation with SocialCube. *Computational and Mathematical Organization Theory*. 26. pp. 145–174. DOI: 10.1007/s10588-019-09303-7
22. *Yandex Wordstat.* (n.d.) [Online] Available from: https://wordstat.yandex.ru/ (Accessed: 01.04.2021). (In Russian).
23. *IQbuzz: servis monitoringa sotsial'nykh media i onlayn-SMI* [IQbuzz: social media and online media monitoring service]. (n.d.) [Online] Available from: https://www.iqbuzz.pro/ (Accessed: 01.04.2021).

Информация об авторах:

Голубин Р.В. – канд. ист. наук, декан факультета социальных наук, зав. кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: golubin-roman@mail.ru

Исакова И.А. – канд. социол. наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы **Н**ижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: inna_isakova@mail.ru

Коротышев А.П. – канд. ист. наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Рыхтик П.П. – старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: rykhtikpavel@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.V. Golubin, Cand. Sci. (History), Dean of the Faculty of Social Sciences, Head of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: golubin-roman@mail.ru

I.A. Isakova, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: inna_isakova@mail.ru

A.P. Korotyshev, Cand. Sci. (History), associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

P.P. Rykhtik, senior lecturer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: rykhtikpavel@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021;
одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 22.10.2021;
approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/15617793/475/9

Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда: социологический подход

Елена Игоревна Добролюбова[1], Елена Викторовна Масленникова[2, 3]

[1, 2] Институт прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
[3] Государственный университет управления, Москва, Россия
[1] dobrolyubova-ei@ranepa.ru
[2, 3] ev_maslennikova@guu.ru

Аннотация. Аргументируется необходимость использования социологического подхода к оценке результативности государственного надзора в сфере охраны труда. На основе анализа результатов социологических опросов граждан и представителей предпринимательского сообщества показано, что хотя граждане стали реже сталкиваться с рисками в сфере безопасности на рабочем месте, реальный масштаб таких рисков не учитывается статистикой, что ограничивает эффект от внедрения риск-ориентированного надзора в сфере охраны труда.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, охрана труда, производственный травматизм, оценка рисков, социологический опрос

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

***Для цитирования*:** Добролюбова Е.И., Масленникова Е.В. Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда: социологический подход // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/475/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/9

Evaluating the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety: A sociological approach

Elena I. Dobrolyubova[1], Elena V. Maslennikova[2, 3]

[1, 2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
[3] State University of Management, Moscow, Russian Federation

[1] dobrolyubova-ei@ranepa.ru
[2, 3] ev_maslennikova@guu.ru

Abstract. Introducing risk-based approaches, as well as moving from chasing violations to managing risks, has become a key trend in reforming state regulatory enforcement and inspection activities both in the developed and in transition countries, including Russia. Occupational safety is one of the areas where risk-based approaches have been actively implemented. Traditionally the outcomes of this reform are measured based on statistical data which is prone to underreporting. Therefore, the authors propose to use a sociological approach for such evaluation. The objective of the article is to evaluate the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety from the perspective of its final beneficiaries – citizens and businesses. The article is based on the results of representative citizen and business sociological surveys conducted by RANEPA in 2017–2021. Since the reform in occupational safety aims to minimize health risks, the key performance indicators from the citizen perspective include risk perceptions and risk cases' frequency. The results of the study demonstrate that while the percentage of respondents who encountered health risks in their workplaces during the 2 years preceding the survey has somewhat decreased (from 11.6 percent in 2018 to 8.1 percent in 2021), in most cases (64.8 percent in 2021) such risks were related to actual harm. Most of these cases remained unreported: only 16 percent of respondents who faced health risks related to occupational safety applied to the state authorities. The share of those applying to the state authorities has decreased compared to 2018 by 5.4 percentage points. Reluctance to apply to the state authorities is one of the reasons for a very significant gap between the risk frequency measured by the surveys and the one reported by official statistics with annual occupational injury rates of some 0.10–0.12 percent of the employed population. Such data gap suggests that the state regulatory enforcement bodies attempt to manage occupational safety risks that are significantly underestimated. This explains quite low perceptions of occupational safety among citizens (only some 41.1 percent of employed respondents rated the level of occupational safety in 2021 as very (rather) high). Business surveys reveal

© Добролюбова Е.И., Масленникова Е.В., 2022

negative trends in evaluating the impact of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety on reducing health risks. While in 2017 some 50.5 percent of respondents noted that such activities have a positive impact on reducing occupational health risks, in 2021 only some 28.6 percent shared this opinion. The article concludes that there is a need to revisit the current approaches to collecting and analyzing the data on occupational safety risk cases and professional diseases and broaden application of sociological methods for identifying and preventing occupational health risks.

Keywords: regulatory enforcement and inspection activities, occupational safety, industrial injuries, risk assessment, sociological survey

Financial Support: The article was funded by the state assignment on research and development studies to RANEPA.

***For citation*:** Dobrolyubova, E.I. & Maslennikova, E.V. (2022) Evaluating the effectiveness of state regulatory enforcement and inspection activities in occupational safety: A sociological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/9

Введение

С начала XXI в. органы государственного контроля как развитых [1, 2], так и развивающихся стран [3] все чаще переходят от тотального контроля к риск-ориентированным моделям в самых различных сферах: от безопасности продуктов питания [4] и других потребительских товаров [5] до коммунального хозяйства [6]. В 2014 г. риск-ориентированный подход был включен в состав передовых практик в сфере контрольно-надзорной деятельности ОЭСР [7], что стало дополнительным импульсом его дальнейшего внедрения, в том числе в сферу надзора за обеспечением безопасности труда на рабочем месте [8]. Немаловажную роль в продвижении данного подхода сыграла и Международная организация труда [9]. В российской практике внедрение риск-ориентированного подхода в сферу обеспечения безопасности на рабочем месте началось с 2016 г. [10] в рамках реализации приоритетной программы «Реформа контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации»[1].

С реализацией реформы контрольно-надзорной деятельности в сфере труда связывались значительные надежды по снижению административных издержек государства и бизнеса на контрольные мероприятия [11. С. 127]. Однако помимо улучшения предпринимательского климата важной целью реформы было и снижение рисков причинения вреда – производственного травматизма, смертности, а также распространения профессиональных заболеваний. Достижение этой цели в российском контексте особенно важно, поскольку, по оценкам на начало реформы, показатели смертности на производстве в России существенно превышали аналогичные показатели в странах ОЭСР [12].

Традиционно оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда проводится на основе статистических показателей. И такие данные по России демонстрируют положительную тенденцию: по данным Росстата, уровень производственного травматизма (в расчете на 1 000 работающих) сократился с 1,3 в 2015 г. до 1,2 в 2019 г. и 1,0 в 2020 г. Количество случаев производственного травматизма со смертельным исходом в расчете на 1 000 работающих снизилось с 0,067 в 2015 г. до 0,053 в 2019 г. и 0,045 в 2020 г.

Однако, как отмечают и зарубежные, и российские исследователи, в силу различных факторов и работники предприятий, и сами хозяйствующие субъекты могут быть заинтересованы в сокрытии случаев производственного травматизма [13. P. 580; 14. С. 44], что приводит к занижению данных в рамках официальной статистики. На число выявленных случаев причинения вреда может влиять и масштаб контрольно-надзорной деятельности, который в 2020 г. был существенно ограничен в силу реализации противоэпидемических мер.

Так, по данным ГАС «Управление»[2], в ходе 137 353 проверок Роструда, проведенных в 2018 г., было выявлено 8 937 случаев причинения вреда жизни и здоровью граждан. В 2019 г. была проведена 131 141 проверка и выявлено 8 407 таких случаев, в 2020 г. – 70 153 проверки и 8 201 случай. Эти данные показывают, что со снижением числа проведенных проверок сокращается и количество выявленных случаев причинения вреда.

Поэтому для оценки результативности государственного надзора в сфере охраны труда представляется важным активно использовать и социологические данные, позволяющие выявить восприятие гражданами и бизнесом результативности государственного надзора в сфере охраны труда и его влияния на реальный уровень рисков в рассматриваемой сфере. В настоящей статье предпринята попытка проведения такой оценки.

Методический подход, исследовательские гипотезы и информационная база исследования

В зарубежной – а в последние годы и в отечественной – практике для оценки результативности государственного регулирования и надзора в сфере охраны труда все чаще используются социологические методы. Можно выделить следующие группы таких исследований:

– социологические исследования работников предприятий (прежде всего, занятых на опасных производствах) по оценке восприятия рисков жизни и здоровью, а также по выявлению факторов, влияющих на соблюдение требований техники безопасности [15–18];

– социологические опросы хозяйствующих субъектов, направленные на оценку уровня соблюдения

законодательства, результативности проверок [19], практик по обеспечению безопасности на рабочем месте [20] и влияющих на них факторов [21, 22];

– опросы инспекторов контрольно-надзорных органов с целью оценки результативности и иных параметров их деятельности [23];

– комплексные исследования, направленные на оценку ситуации в сфере безопасности на рабочем месте с разных позиций, например, с точки зрения инспекторов государственных органов и работников предприятий [24], с позиции государства и подконтрольных хозяйствующих субъектов [25], работников предприятий и ответственных за охрану труда [26]. К данному типу исследований можно отнести и опросы референтных групп (представителей работодателей и работников), проводимые Рострудом для оценки качества своей деятельности[3], а также опросы инспекторов органов государственного контроля и представителей хозяйствующих субъектов для оценки первой практики применения чек-листов при проведении проверок[4].

Поскольку в настоящем исследовании мы рассматриваем результативность государственного надзора в сфере охраны труда с позиций конечных бенефициаров – граждан и бизнеса, для достижения цели исследования целесообразно использовать комплексный подход, предусматривающий сбор и анализ оценок как представителей предпринимательского сообщества, так и занятых граждан. При этом на основе оценки гражданами уровня своей защищенности от рисков, связанных с условиями труда и безопасностью на рабочем месте, и частотой столкновения с такими рисками можно оценить достижение конечных результатов государственного надзора в сфере охраны труда по защите охраняемых законом ценностей. Для оценки промежуточных результатов (вклада деятельности органов государственного контроля в снижение производственного травматизма и профессиональной заболеваемости) используются как оценки граждан (частота обращений в контрольно-надзорные органы при столкновении с рисками), так и оценки бизнеса, характеризующие влияние рассматриваемого вида государственного надзора в целом и конкретной проверки в частности на уровень рисков, а также уровень соблюдения законодательства в сфере охраны труда (рис. 1).

Рис. 1. Параметры оценки результативности государственного надзора в сфере охраны труда с позиции внешних бенефициаров

С учетом общих целей реформирования контрольно-надзорной деятельности, а также данных о динамике статистических показателей по производственному травматизму можно сформулировать две гипотезы, которые могут быть проверены в ходе исследования:

1. Оценка гражданами уровня защищенности жизни и здоровья от рисков, связанных с неблагоприятными условиями труда, повысилась, а частота столкновения с данными рисками снизилась.

2. Внедрение риск-ориентированного подхода к государственному надзору в сфере охраны труда привело к росту влияния контрольно-надзорных мероприятий на снижение рисков причинения вреда.

Источниками эмпирических данных для проведения исследования послужили результаты репрезентативных социологических опросов граждан и частных хозяйствующих субъектов, проведенных РАНХиГС в 2017–2021 гг. Методика и результаты опросов 2017–2020 гг. по всем видам государственного контроля и всем видам рисков[5] приведены в [27]. Общая характеристика этих опросов и выборки, использованной для настоящего исследования, представлена в табл. 1.

Все рассматриваемые социологические опросы проводились методом формализованного интервью «лицом к лицу» с обязательным сохранением анонимности ответов респондентов.

Таблица 1

Общая характеристика информационной базы исследования

Тип опроса	Опросы граждан	Опросы частных хозяйствующих субъектов
Характеристика респондентов	Граждане старше 18 лет независимо от факта столкновения с рисками причинения вреда	Представители частного бизнеса (руководители, их заместители, главные бухгалтера, специалисты по взаимодействию с государственными органами), в отношении которых в течение предшествующих опросу 2 лет проводились проверки органами государственного контроля
Метод построения выборки	Многоступенчатая квотная выборка, репрезентирующая расселение населения, со случайным отбором респондентов на последнем этапе	Многоступенчатая квотная выборка, репрезентирующая численность зарегистрированных частных организаций и ИП по регионам и видам деятельности, со случайным отбором респондентов на последнем этапе. Представители ИП и организаций малого бизнеса составили 90–94,6% от числа респондентов в разные годы
Географический охват	2018 г. – 28 субъектов РФ, 2019–2021 гг. – 35 субъектов РФ, расположенных во всех федеральных округах	28 субъектов РФ, расположенных во всех федеральных округах
Сроки проведения и объем выборки	2018 г. – 1010 чел., 2019, 2020 и 2021 гг. – 2000 чел.	2017, 2020 и 2021 гг. Общий объем выборки – 1000 представителей хозяйствующих субъектов. Респонденты самостоятельно выбирали вид государственного контроля (надзора) для оценки, при этом надзор в сфере охраны труда и трудовых отношений был одним из наиболее массовых. В 2017 г. его оценили 204 респондента, в 2020 г. – 201, в 2021 г. – 154 респондента.

Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда с позиции граждан

Результаты социологических исследований граждан показывают, что за последние годы они стали несколько реже сталкиваться с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте. Если в 2018 г. о том, что с такими рисками в течение последних двух лет, предшествовавших опросу (т.е. 2016–2017 гг.), сталкивались сами граждане или члены их семей, сообщали 11,6% респондентов, то по итогам последнего исследования доля таких респондентов составила 8,1% (табл. 2). Мужчины сталкивались с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте чаще, чем женщины (10,1 и 6,5% соответственно).

В большинстве случаев (по итогам опроса 2021 г. – 64,8% опрошенных от числа сталкивавшихся с рисками) респонденты сталкивались не с угрозами, а с фактами причинения вреда жизни и здоровью в связи с небезопасными условиями труда. По итогам опросов прошлых лет доля таких респондентов варьируется от 62,9 до 70,9% от общего числа опрошенных, сталкивавшихся с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте.

При этом в подавляющем большинстве случаев граждане не обращались в контрольно-надзорные органы (Роструд и другие) при столкновении с такими рисками. Более того, частота обращений за защитой в государственные органы за последние несколько лет снизилась с 21,4% по итогам опроса 2018 г. до 16% по итогам опроса 2021 г. Таким образом, выявлена тенденция снижения востребованности органов государственного контроля среди граждан для защиты от рисков, связанных с угрозами и фактами причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте.

Таблица 2

Результативность государственного надзора в сфере охраны труда с позиции граждан

Показатель	Год опроса			
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Доля респондентов, положительно оценивающих уровень защищенности жизни и здоровья на рабочем месте*, % от числа занятых респондентов	42,7	41,1	38,8	41,1
Численность занятых респондентов, чел.	641	1218	1340	1336
Доля респондентов, сталкивавшихся с рисками причинения вреда жизни и здоровью в связи с небезопасными условиями труда за 2 года, предшествующие опросу, %	11,6	7,2	6,6	8,1
Доля респондентов, сталкивавшихся с фактами причинения вреда жизни и здоровью в связи с небезопасными условиями труда, в общем числе респондентов, сталкивавшихся с такими рисками за 2 года, предшествующие опросу, %	70,9	62,9	69,5	64,8
Доля респондентов, обращавшихся в органы государственного контроля за защитой, % от общего числа сталкивавшихся с рисками причинения вреда в сфере безопасности на рабочем месте	21,4	14,7	14,5	16,0

* Рассчитано в процентах от занятых респондентов.

Низкая частота обращений за защитой в органы государственного контроля приводит к тому, что значительная часть случаев причинения вреда остается неучтенной, а влияние органов государственного контроля (прежде всего, Роструда) на минимизацию рисков снижается. Об этом свидетельствует и значительный разрыв между частотой столкновения с рисками, полученный в ходе опросов, и данными статистики.

Так, по итогам опроса 2021 г. 8,1% респондентов сталкивались с рисками, а 64,8% таких случаев связа-

ны с фактом причинения вреда, что при численности занятых в 72,3 млн человек дает примерно 3,8 млн случаев причинения вреда за 2 года. При этом, по данным ГАС «Управление» за 2019–2020 гг., Роструд зафиксировал лишь 16,6 тыс. случаев причинения вреда жизни и здоровью граждан поднадзорными объектами[6], а по данным Росстата, численность пострадавших от случаев травматизма на производстве за тот же период составила 43,8 тыс. человек, численность лиц, у которых были впервые установлены профессиональные заболевания, – 11,1 тыс. человек. Таким образом, социологические данные подтверждают наличие проблемы значительного недоучета рисков в сфере безопасности на рабочем месте в официальной статистике, отмечаемой и в других исследованиях [13, 14].

На этом фоне неудивительно, что общая оценка гражданами уровня защищенности жизни и здоровья от рисков, связанных с небезопасными условиями труда, не претерпела за последние годы существенных изменений: если в 2018 г. 42,7% занятых граждан оценивали уровень своей защищенности на рабочем месте как высокий или скорее высокий, то в 2021 г. с такой оценкой согласились 41,1% опрошенных. Таким образом, первую гипотезу исследования можно подтвердить лишь частично: несмотря на снижение частоты столкновений с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте, большинство занятых граждан считает уровень своей защищенности от таких рисков недостаточным, и положительных тенденций роста этих оценок не наблюдается.

Оценка результативности государственного надзора в сфере охраны труда с позиции бизнеса

Результаты опросов частных хозяйствующих субъектов показывают, что государственный надзор в сфере охраны труда и трудовых отношений является одним из наиболее массовых: с проверками в рамках этого вида надзора сталкивались более трети респондентов (42,5% по итогам опроса 2017 г., 37,9% – 2020 г., 36,4% – 2021 г.). Чаще предприниматели сталкиваются только с налоговыми проверками, а также проверками, проводимыми в рамках противопожарного и санитарно-эпидемиологического надзора.

Интенсивность контрольно-надзорных мероприятий предопределяет и восприятие бизнесом данного вида государственного надзора как создающего административные барьеры (к числу наиболее проблемных надзор в сфере охраны труда стабильно относит около 11% опрошенных, данный вид находится на 4-м месте по уровню проблемности). При этом предприниматели все реже отмечают трудовые проверки среди видов государственного контроля, оказывающих наибольшее влияние на повышение безопасности качества продукции, производственных процессов: если в 2017 г. такой позиции придерживались 11,3% опрошенных предпринимателей, то в 2021 г. – лишь 5,9% респондентов.

Сопоставление результатов опросов показывает, что если в 2017 г. более половины представителей предприятий, в отношении которых за предшествующие опросу два года проводились проверки в сфере охраны труда и трудовых отношений, отмечали положительное влияние государственного надзора в сфере охраны труда на снижение рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан (средняя оценка по всем видам контрольно-надзорной деятельности составляла 47,6%), то по итогам опроса 2021 г. такой позиции придерживалось уже менее трети (28,6%) респондентов (рис. 2).

Снижается и доля респондентов, отметивших, что последняя проверка в сфере охраны труда и трудовых отношений привела к повышению безопасности производственных процессов. Если по итогам опроса 2017 г. о таком влиянии заявляли 37,3% респондентов, в отношении деятельности которых проводились проверки в сфере охраны труда и трудовых отношений, то в 2021 г. – 27,9% респондентов.

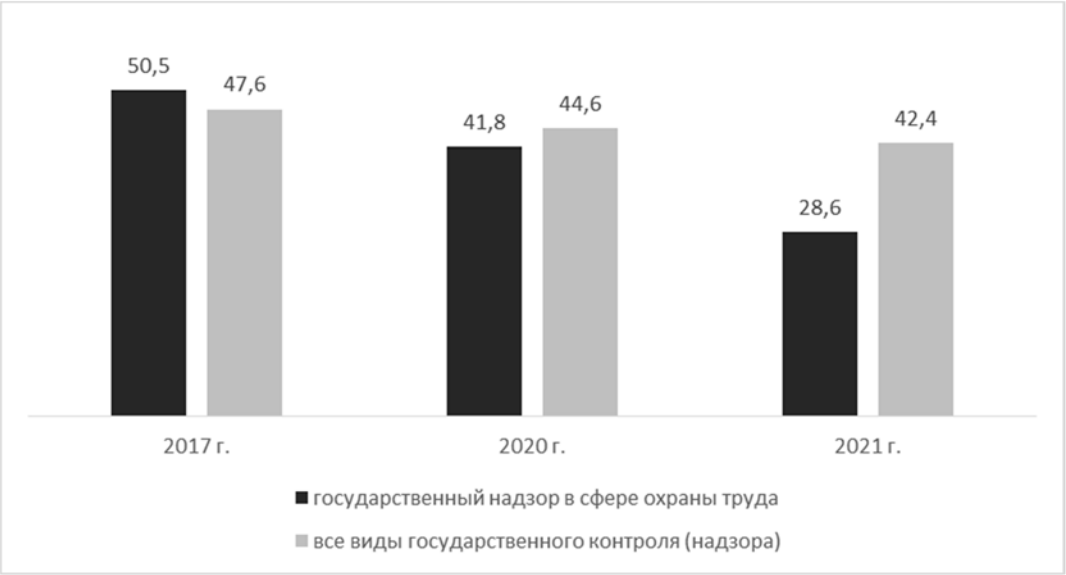


Рис. 2. Доля респондентов, отметивших влияние государственного надзора на снижение рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан, % от числа респондентов, в отношении которых проводились проверки в рамках соответствующих видов государственного надзора

По результатам социологического опроса 2021 г., 43,5% проверок в сфере трудового надзора, проведенных в отношении их предприятий, выявили нарушения. В 7,8% случаев как минимум часть нарушений носила серьезный характер и представляла угрозу причинения вреда. По сравнению с опросом 2017 г. частота выявления нарушений снизилась (в 2017 г. нарушения выявлялись по итогам 55,4% проверок, однако грубые нарушения встречались реже – в 4,4% случаев).

Улучшение уровня соблюдения законодательства в рассматриваемой сфере коррелирует с ростом информированности бизнес-сообщества об обязательных требованиях: если по итогам опроса 2017 г. 57,9% представителей бизнеса оценивали уровень своей информированности о содержании обязательных требований в сфере охраны труда и трудовых отношений как высокий или скорее высокий, то в 2021 г. такую оценку дали уже 70,8% опрошенных.

Официальная статистика также свидетельствует о постепенном сокращении числа проверенных лиц, в деятельности которых по результатам проверок были выявлены нарушения (с 81,8% в 2015 г. до 69,6% в 2020 г.[7]), однако существенных колебаний в частоте выявления грубых нарушений не отмечается. Более низкая частота выявления нарушений по итогам социологического опроса может быть связана как со спецификой социологических методов исследования (нежеланием респондентов делиться информацией о выявленных нарушениях и, соответственно, завышением оценки уровня соблюдения законодательства по сравнению с реальной ситуацией), так и с восприятием представителями бизнес-сообщества некоторых иных видов контрольных мероприятий, не относимых к проверкам и не учитываемых в официальной статистике (например, административных расследований, рейдов, контрольных закупок) как проверки.

Приведенные данные показывают, что вторая гипотеза о росте вклада государственного надзора в сфере охраны труда в минимизацию рисков жизни и здоровью на рабочем месте пока должна быть отвергнута. По оценкам бизнеса, как общее влияние данного вида контрольно-надзорной деятельности, так и влияние конкретных проверок на уровень безопасности производственных процессов снижается. Большинство выявляемых в ходе проверок нарушений по-прежнему не связано с угрозами жизни и здоровью граждан.

Заключение

Представленный в статье анализ результатов социологических исследований показывает, что хотя граждане стали реже сталкиваться с рисками причинения вреда жизни и здоровью на рабочем месте, реальные масштабы рисков в сфере безопасности на производстве значительно недооценены в официальной статистике и административных данных Роструда. Это существенно ограничивает возможности внедряемого риск-ориентированного подхода: система управления рисками оперирует лишь теми случаями причинения вреда, которые зафиксированы официально, тогда как большинство таких случаев не учитывается в статистике. В этих условиях неудивительно, что большинство занятых граждан оценивают уровень своей защищенности от рисков, связанных с небезопасными условиями труда, как недостаточный, а бизнес все реже отмечает влияние проверок и иных контрольно-надзорных мероприятий Роструда на реальное снижение рисков и повышение безопасности производственных процессов.

Представляется, что решение этой проблемы связано, прежде всего, с существенным пересмотром подходов к сбору и учету данных о фактах причинения вреда на производстве и производственных заболеваниях для своевременного выявления и предотвращения угроз причинения вреда жизни и здоровью граждан на рабочем месте. Очевидно, что ни хозяйствующие субъекты, ни учреждения здравоохранения не заинтересованы в фиксации случаев производственного травматизма и профессиональных заболеваний. Бизнес обоснованно опасается штрафов, а на медицинские учреждении при постановке соответствующих диагнозов накладываются дополнительные требования по отчетности. Поэтому важно существенно упростить порядок обращения граждан в органы государственного контроля при столкновении с рисками причинения вреда жизни и здоровью и использовать такую «обратную связь» для совершенствования системы управления рисками в рамках государственного контроля.

Важно отметить, что реализация такого подхода неминуемо приведет к существенному ухудшению статистики производственного травматизма и заболеваемости и, как следствие, снижению оценки результативности деятельности Роструда и реализуемых им программ и проектов. Для преодоления возможных рисков противодействия важно, с одной стороны, расширять состав показателей, учитываемых при оценке результативности государственного надзора в сфере охраны труда (в том числе, на основе использования социологических методов), а с другой – расширять возможные источники данных для проведения такого мониторинга и оценки.

Примечания

[1] URL: http://government.ru/projects/selection/655/ (дата обращения: 11.01.2022).
[2] URL: https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11824 (дата обращения: 12.01.2022).
[3] Информация об оценке представителями референтных групп качества и эффективности осуществления Рострудом своей деятельности, 2019 год. URL: https://rostrud.gov.ru/openrostrud/884551.shtml (дата обращения: 12.01.2022).
[4] Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Отчет по результатам анализа практики применения проверочных листов (списков контрольных вопросов), используемых при проведении плановых проверок. URL: https://ac.gov.ru/archive/files/content/18359/doklad-chek-listy-28final-29-1-pdf.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
[5] В рамках социологических опросов граждан, наряду с рисками безопасности на производстве, рассматривались риски общественной безопасности, безопасности продовольственных и непродовольственных товаров, работ и услуг, риски безопасности зданий и сооружений,

© Добролюбова Е.И., Масленникова Е.В., 2022

экологические риски, безопасности в сфере медицинских и финансовых услуг, транспортной безопасности, а также безопасности персональных данных.

[6] URL: https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11824 (дата обращения: 12.01.2022).

[7] URL: https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11824 (дата обращения: 12.01.2022).

Список источников

1. Cordova-Novion C., Sahovic T. Inspection Reforms: Do Models Exist? Washington DC : World Bank, 2011.
2. Monk J. Reform of Regulatory Enforcement and Inspections in OECD Countries. Paris : OECD Publishing, 2012.
3. Blanc F. Moving away from total control in former communist countries – the RRR in inspections, and lessons learned from reforming them // European Journal of Risk Regulation. 2012. Vol. 3, № 3. P. 327–342.
4. Müller B., Verhaelen K., Eberlein V., Ülker Celik B., Butzenlechner M., Busch U., Weidner C., Holtmannspötter H., Gilsbach W., Wallner P. Establishment of an early warning system for the detection of food-borne risks in Bavaria – Risk-oriented food monitoring stretched further [Etablierung eines Frühwarnsystems zur Erkennung lebensmittelbedingter Risiken in Bayern – risikoorientierte Lebensmittelüberwachung weiter gefasst] // Journal fur Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit. 2016. Vol. 1, № 11. P. 9–18.
5. Gaevskiy I.V., Zaitseva N.V., May I.V., Karymbaeva S.T., Sychik S.I., Fedorenko E.V. On methodical support for risk-oriented surveillance over consumer products safety on the unified economic territory of the Eurasian Economic Union // Health Risk Analysis. 2019. № 1. P. 4–16.
6. Fuchs-Hanusch D., Friedl F., Möderl M., Sprung W., Plihal H., Kretschmer F., Ertl T. Risk and performance oriented sewer inspection prioritization // World Environmental and Water Resources Congress 2012: Crossing Boundaries. Proceedings of the 2012 Congress. 2012. P. 3711–3723.
7. OECD Regulatory Enforcement and Inspections, OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy. Paris : OECD Publishing, 2014.
8. Blanc F., Escobar Pereira M. Risks, Circumstances and Regulation – Historical development, diversity of structures and practices in Occupational Safety and Health inspections // Safety Science. 2020. Vol. 130. Article № 104850. doi: 10.1016/j.ssci.2020.104850
9. Истомина Е.А., Федорова М.Ю. Роль МОТ в развитии риск-ориентированного подхода к правовому регулированию в сфере труда и социального обеспечения // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134). С. 185–201.
10. Кузнецова Е.А. Сравнительный анализ моделей государственного управления охраной труда // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 214–242
11. Поздняков А.Н. Анализ эффективности надзорной деятельности в сфере охраны труда в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 41. С. 127–144. doi: 10.17223/19988648/41/9
12. Добролюбова Е.И. Международный опыт оценки результативности и эффективности государственного контроля в сфере охраны труда и обеспечения безопасности на рабочем месте // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 96–110.
13. Probst T.M., Graso M. Pressure to produce = pressure to reduce accident reporting? // Accident Analysis and Prevention. 2013. Vol. 59. P. 580–587.
14. Карауш С.А., Сенченко В.А., Герасимова О.О. Эффективность государственного надзора за охраной труда в России // Охрана труда и техника безопасности на промышленных предприятиях. 2019. № 6. С. 44–49.
15. Williamson A.M., Feyer A.-M., Cairns D., Biancotti D. The development of a measure of safety climate: The role of safety perceptions and attitudes // Safety Science. 1997. Vol. 25, № 1–3. P. 15–27.
16. Fogarty G.J., Shaw A. Safety climate and the Theory of Planned Behavior: Towards the prediction of unsafe behavior // Accident Analysis and Prevention. 2010. Vol. 42, № 5. P. 1455–1459.
17. Bhandari S., Hallowell M.R. Influence of safety climate on risk tolerance and risk-taking behavior: A cross-cultural examination // Safety Science. 2022. Vol. 146. Article № 105559. DOI: 10.1016/j.ssci.2021.105559
18. Соломин М.С. Профессиональный риск: «избежать нельзя, принять» (на примере работников угольных предприятий Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. Т. 159, № 5. С. 430–448. doi: 10.14515/monitoring.2020.5.1666
19. Işık I.N., Atasoylu E. Occupational safety and health in North Cyprus: Evaluation of risk assessment // Safety Science. 2017. Vol. 94. P. 17–25. DOI: 10.1016/j.ssci.2016.12.020
20. Sinclair R.C., Cunningham T.R. Safety activities in small businesses // Safety Science. 2014. Vol. 64. P. 32–38.
21. Mazlina Z.M., Hadikusumo B.H.W. Structural equation model of integrated safety intervention practices affecting the safety behaviour of workers in the construction industry // Safety Science. 2017. Vol. 98. P. 124–135.
22. Ashby S.G., Diacon S.R. Motives for occupational risk management in large UK companies // Safety Science 1996. Vol. 22, № 1–3. P. 229–243.
23. Niskanen T. Investigation into qualitative discourses of the occupational safety and health inspectors in order to promote enforcement // International Journal of Occupational Safety and Ergonomics. 2015. Vol. 21, № 4. P. 426–439.
24. Niskanen T., Louhelainen K., Hirvonen M.L. An evaluation of the effects of the occupational safety and health inspectors' supervision in workplaces // Accident Analysis and Prevention. 2014. Vol. 68. P. 139–155.
25. Geminiani F.L., Smallwood J.J., Fee S. A comparative analysis between contractors' and inspectors' perceptions of the department of labour occupational health and safety inspectorate relative to South African construction // Safety Science. 2013. Vol. 53. P. 186–192.
26. Wachter J.K., Yorio P.L. A system of safety management practices and worker engagement for reducing and preventing accidents: An empirical and theoretical investigation // Accident Analysis and Prevention. 2014. Vol. 68. P. 117–130.
27. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Результативность и эффективность контрольно-надзорной деятельности государства: мнение бизнеса и граждан. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.

References

1. Cordova-Novion, S. & Sahovic, T. (2011) *Inspection Reforms: Do Models Exist?* Washington DC: World Bank.
2. Monk, J. (2012) *Reform of Regulatory Enforcement and Inspections in OECD Countries*. Paris: OECD Publishing.
3. Blanc, F. (2012) Moving away from total control in former communist countries – the RRR in inspections, and lessons learned from reforming them. *European Journal of Risk Regulation*. 3 (3). pp. 327–342.
4. Müller, B. et al. (2016) Establishment of an early warning system for the detection of food-borne risks in Bavaria – Risk-oriented food monitoring stretched further [Etablierung eines Frühwarnsystems zur Erkennung lebensmittelbedingter Risiken in Bayern – risikoorientierte Lebensmittelüberwachung weiter gefasst]. *Journal fur Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit.* 1 (11). pp. 9–18.
5. Gaevskiy, I.V. et al. (2019) On methodical support for risk-oriented surveillance over consumer products safety on the unified economic territory of the Eurasian Economic Union. *Health Risk Analysis.* 1. pp. 4–16.
6. Fuchs-Hanusch, D. et al. (2012) Risk and performance oriented sewer inspection prioritization. *World Environmental and Water Resources Congress 2012: Crossing Boundaries*. Proceedings of the 2012 Congress. New Mexico. pp. 3711–3723.
7. OECD Regulatory Enforcement and Inspections. (2014) *OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy*. Paris: OECD Publishing.
8. Blanc, F. & Escobar Pereira, M. (2020) Risks, Circumstances and Regulation – Historical development, diversity of structures and practices in Occupational Safety and Health inspections. *Safety Science*. 130. Article 104850. DOI: 10.1016/j.ssci.2020.104850

9. Istomina, E.A. & Fedorova, M.Yu. (2020) The ILO's role in the development of a risk-based approach to the legal regulation of labour and social security. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal.* 5 (134). pp. 185–201. (In Russian).
10. Kuznetsova, E.A. (2020) Comparative Analysis of State Occupational Safety and Health Management Models. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues.* 4. pp. 214–242. (In Russian).
11. Pozdnyakov, A.N. (2018) Analysis of the effectiveness of supervisory activities in the field of labor protection in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 41. pp. 127–144. (In Russian). DOI 10.17223/19988648/41/9
12. Dobrolyubova, E.I. (2016) International experience in evaluating effectiveness of public control in occupational safety. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 96–110. (In Russian).
13. Probst, T.M. & Graso, M. (2013) Pressure to produce = pressure to reduce accident reporting? *Accident Analysis and Prevention*. 59. pp. 580–587.
14. Karaush, S.A., Senchenko, V.A. & Gerasimova, O.O. (2019) Effectiveness of state monitoring of occupational safety in Russia. *Okhrana truda i tekhnika bezopasnosti na promyshlennykh predpriyatiyakh – Labor Protection and Safety at the Industrial Enterprises.* 6. pp. 44–49. (In Russian).
15. Williamson, A.M. et al. (1997) The development of a measure of safety climate: The role of safety perceptions and attitudes. *Safety Science*. 25 (1–3). pp. 15–27.
16. Fogarty, G.J. & Shaw, A. (2010) Safety climate and the Theory of Planned Behavior: Towards the prediction of unsafe behavior. *Accident Analysis and Prevention.* 42 (5). pp. 1455–1459.
17. Bhandari, S. & Hallowell, M.R. (2022) Influence of safety climate on risk tolerance and risk-taking behavior: A cross-cultural examination. *Safety Science.* 146. Article 105559. DOI: 10.1016/j.ssci.2021.105559
18. Solomin, M.S. (2020) Professional risk: "You cannot avoid it, you have to accept it" (A case of coal mine workers in Novokuznetsk). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Public Opinion Monitoring*. 159 (5). pp. 430–448. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1666
19. Işık, I.N. & Atasoylu, E. (2017) Occupational safety and health in North Cyprus: Evaluation of risk assessment. *Safety Science.* 94. pp. 17–25. DOI: 10.1016/j.ssci.2016.12.020
20. Sinclair, R.C. & Cunningham, T.R. (2014) Safety activities in small businesses. *Safety Science.* 64. pp. 32–38.
21. Mazlina, Z.M. & Hadikusumo, B.H.W. (2017) Structural equation model of integrated safety intervention practices affecting the safety behaviour of workers in the construction industry. *Safety Science*. 98. pp. 124–135.
22. Ashby, S.G. & Diacon, S.R. (1996) Motives for occupational risk management in large UK companies. *Safety Science*. 22 (1–3). pp. 229–243.
23. Niskanen, T. (2015) Investigation into qualitative discourses of the occupational safety and health inspectors in order to promote enforcement. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*. 21 (4). pp. 426–439.
24. Niskanen, T., Louhelainen, K. & Hirvonen, M.L. (2014) An evaluation of the effects of the occupational safety and health inspectors' supervision in workplaces. *Accident Analysis and Prevention*. 68. pp. 139–155.
25. Geminiani, F.L., Smallwood, J.J. & Fee, S. (2013) A comparative analysis between contractors' and inspectors' perceptions of the department of labour occupational health and safety inspectorate relative to South African construction. *Safety Science*. 53. pp. 186–192.
26. Wachter, J.K. & Yorio, P.L. (2014) A system of safety management practices and worker engagement for reducing and preventing accidents: An empirical and theoretical investigation. *Accident Analysis and Prevention.* 68. pp. 117–130.
27. Yuzhakov, V.N. et al. (2021) *Rezul'tativnost' i effektivnost' kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti gosudarstva: mnenie biznesa i grazhdan* [Efficiency and effectiveness of state control and supervision activities: the opinion of business and citizens]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo", RANEPA.

Информация об авторах:
Добролюбова Е.И. – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru
Масленникова Е.В. – канд. социол. наук, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Государственного университета управления (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: ev_maslennikova@guu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
E.I. Dobrolyubova, Cand. Sci. (Economics), leading researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru
E.V. Maslennikova, Cand. Sci. (Sociology), head of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management (Moscow, Russian Federation); leading researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: ev_maslennikova@guu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 614.23:377.5:378:331.54-057.875:316.4
doi: 10.17223/15617793/475/10

Династийность и профессиональная преемственность студентов медицинских университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики

Артур Рустемович Заляев[1]

[1]*Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия, arthyran@mail.ru*

Аннотация. Описаны результаты социологического исследования восприятия профессиональной династийности студентами-медиками из медицинских университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Выявлено, что профессиональная династийность является высокой в обеих странах, но в большей степени выражена среди китайских студентов-медиков, однако в определении выбора медицинской карьеры значение имеют не столько семейные традиции, сколько внутрисемейный трансфер знаний и человеческого капитала.

Ключевые слова: профессиональные династии, профессиональная преемственность, медицинские династии, медицинское образование, Российская Федерация, Китайская Народная Республика

***Для цитирования*:** Заляев А.Р. Династийность и профессиональная преемственность студентов медицинских университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 76–82. doi: 10.17223/15617793/475/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/10

Occupational continuity and dynasties among medical students in Russia and China

Artur R. Zalyaev[1]

[1]*Kazan State Medical University, Kazan, Russian Federation, arthyran@mail.ru*

Abstract. Professional (occupational) dynasties are a stable social phenomenon that manifests itself in different types of activities and in countries with different social, economic and political organizations. The existing data show the existence of alternative possible mechanisms underlying the emergence of professional dynasties and the ambiguity of their effects on the individual and society. In the healthcare sector, professional dynasties are of particular importance, since they can lead to both negative (nepotism, monopolization of status positions) and positive (an increase in the quality of training and motivation, more successful professional adaptation) effects, and the magnitude of these effects may depend on sociocultural and institutional factors. The article describes the results of a study of the perception of professional dynasties by medical students from medical universities of the Russian Federation and the People's Republic of China. The study revealed that professional dynasties are frequent in both countries, but are more pronounced among Chinese medical students. In determining the choice of a medical career, it is not so much family traditions that matter, but the intra-family transfer of knowledge and human capital. The effect of continuity is higher among Chinese students, which also corresponds to the data on a higher level of collectivism and the role of the older generation characteristic of Confucian culture. Although students in both countries do not directly recognize the role of family traditions as the main motive for choice, among Russian students the share of those who make informed and rational career choices based on their own priorities is higher, and among Chinese students the share of those who rely on the older generation's opinion is higher in conditions of high uncertainty of their attitude to the career choice. The motivational role of family socialization plays a rather modest role in students' choice of their professional career. For most of them, the choice is rational and deliberate. It is also interesting that more than half of the respondents assess positively the institutional support of professional dynasties in ensuring the quality of medicine. Despite the fact that professional dynasties have both positive and negative effects for the individual and society, these effects, in the perception of students, do not make an accurate balance. This may be due to the fact that the positive effects of a successful transfer of human capital and accelerated professional adaptation are more obvious for them than the potential risks of favoritism and nepotism, which mainly affect students who do not have a "professional" family.

Keywords: professional dynasties, occupational continuity, medical dynasties, medical education, Russia, China

***For citation*:** Zalyaev, A.R. (2022) Occupational continuity and dynasties among medical students in Russia and China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 76–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/10

© Заляев А.Р., 2022

Введение

Проблема профессиональной династийности все больше привлекает внимание исследователей как часть общей проблемы семейственности в социально-экономических отношениях. В общем смысле, под профессиональными династиями подразумеваются социальные группы, основанные на семейно-родственных связях нескольких поколений и профессионально занятые в одной сфере [1. С. 1596]. Сам по себе феномен династий проявляется в обществах с различной социокультурной, политической и институциональной организацией и в различных сферах деятельности: политической [2, 3], предпринимательской [4–6], творческой [7], спортивной [8], академической [9], инженерной [10] и др.

В социальных науках для описания и объяснения профессиональной династийности используются различные теоретические подходы: теория социального капитала, теории социального закрытия группы и монополизации ресурсов, социально-групповой аскрипции, врожденных преимуществ, прямого непотизма и др. [1, 11]. Универсальность феномена может вызывать искушение предположить, что в различных сферах деятельности, институциональных и социокультурных контекстах действуют одни и те же механизмы профессиональной преемственности и профессиональных династий. Однако, по всей видимости, такое представление является сильным упрощением.

Например, социально-психологические механизмы, лежащие в основе непотизма, основаны на ингрупповом фаворитизме в отношении членов своей группы. Поскольку членство в семейных группах относится к числу наиболее фундаментальных, оно проявляется в широком круге преференций, которые члены семьи предоставляют друг другу, включая доступ к социально-трудовым позициям. В этом случае формирование профессиональной династии является следствием преимуществ, которые работник получает благодаря протекции со стороны родителей или других членов семьи. Такой механизм, однако, не объясняет появление профессиональных династий в низкостатусных трудовых позициях и сферах деятельности, например в рабочих профессиях, и не учитывает действие институциональных механизмов, способствующих либо препятствующих проявлению непотизма в социально-трудовой сфере.

Теория социального капитала предлагает более сложное объяснение, основанное на том, что семейный социальный капитал может конвертироваться не только в прямые преимущества на рынке труда посредством непотических механизмов, но обеспечивает накопление культурного капитала, который увеличивает возможности индивида на прозрачном и конкурентном рынке труда. Однако и в этом случае остается непонятным возникновение династий среди низкостатусных профессий: низкая ценность социального капитала должна, напротив, способствовать смене профессии.

Социально-конструктивистское объяснение профессиональных династий предполагает, что в их основе лежит определенный набор привычных представлений о мире, профессиональной деятельности, способах выбора карьеры. Формирование таких рутинных наборов представлений может быть частью первичной социализации и выражаться в наборе типичных тем, обсуждаемых в семье, более детальном и глубоком понимании профессиональной области родителей в сравнении с другими профессиональными областями, интернализации определенных норм и практик. Однако конструирование представлений, способствующих выбору профессии родителей, может носить и идеологический характер, закрепляясь в массовой культуре и медиа [12].

Дискуссионность вопроса о механизмах возникновения профессиональных династий сопровождается отсутствием достаточного понимания обусловливающих их институциональных и социокультурных факторов, а также социетальных эффектов. Институциональная среда может создавать барьеры на пути возникновения династий, например, за счет стимулирования профессиональной мобильности, законодательства, корпоративных практик предотвращения конфликта интересов и т.п., либо, наоборот, создавать для нее предпосылки – путем ограничения мобильности, образовательных льгот для членов семей определенных профессий и др. Эффекты профессиональной династийности также являются неоднозначными. К числу возможных положительных эффектов относят ускорение и облегчение профессиональной социализации, повышение стабильности социально-профессиональной структуры и ее воспроизводства, к числу негативных – снижение конкуренции и риски монополизации статусных позиций, закрепление неравенства и снижение эффективности [1, 13].

Одна из профессиональных сфер, в которых проблема профессиональной преемственности и династийности имеет особо важное общественное значение, – это здравоохранение. В современном обществе, ориентированном на рост благополучия, профессия врача считается престижной, а в развитых странах – еще и высокоплачиваемой. Одновременно она характеризуется более длительным сроком профессиональной подготовки и социализации, а также особым набором норм, ценностей, психологических и личностных черт, специфичных для профессий социальной направленности [14]. Оба названных обстоятельства способствуют возникновению профессиональных династий в медицинской сфере, однако их возможный общественный эффект является противоречивым. С одной стороны, династийность нарушает принцип равенства при доступе на рынок труда в этой общественно значимой сфере, с другой – предоставляет дополнительные возможности для профессиональной социализации и подготовки помимо образовательных и профессиональных институтов.

Профессиональные династии среди медиков имеют давние исторические традиции в различных странах (см., например, [15–17]). Этот феномен неоднократно становился предметом научного изучения. В одном из ранних исследований, проведенных в США,

сравнивалась успеваемость и выбор профессиональной карьеры студентов медицинского вуза из семей медиков и обычных семей [18]. Исследователи не выявили статистически значимых различий как в уровне подготовки до поступления, так и в академической успеваемости во время учебы. Однако студенты из медицинских семей оказались моложе и склонны выбирать более престижные вузы. Также были выявлены различия между двумя группами в выборе медицинской специализации, однако интерпретировать эти данные оказалось затруднительно.

Б. Лентц и Д. Лабанд эмпирически установили статистически значимую зависимость выбора медицинской профессии от наличия родителей-медиков [19]. Основываясь на данных большой выборки американских абитуриентов, они попытались оценить роль двух альтернативных механизмов: непотизма и трансфера человеческого капитала. Было подтверждено, что шансы детей медиков на поступление в медицинскую школу на 14% выше, чем у других абитуриентов, даже если принять во внимание мотивационные, личностные и компетентностные факторы, которые могут быть следствием межпоколенного трансфера знаний. Это позволяет предположить, что даже если социализация в семье медиков повышает готовность и способность к освоению медицинской профессии, фаворитизм также является значимым механизмом профессиональной преемственности.

Более поздние исследования, проведенные в различных странах, подтверждают устойчивость профессиональной династийности в медицинской сфере и одновременно – неоднозначность этого феномена как для самих профессионалов, так и для системы здравоохранения в целом [20, 21]. На индивидуальном уровне профессиональная преемственность обусловлена внутрисемейным трансфером знаний и мотивационных диспозиций а в то же время – социальным давлением, ограничивающим возможности выстраивания собственной профессиональной траектории. На социетальном уровне позитивные эффекты медицинских династий нередко сопровождаются монополизацией высокостатусных позиций в системе здравоохранения и семейно-клановым фаворитизмом.

Одним из ограничений существующих исследований профессиональных династий в сфере здравоохранения является отсутствие сравнительных исследований, которые позволили бы оценить роль институциональной и социокульутрной среды в формировании профессиональных династий медиков, лежащих в ее основе механизмов и социальных эффектов. Проведенное нами исследование отчасти восполняет это пробел, позволяя сравнить особенности профессиональной династийности среди студентов-медиков в двух странах – России и Китая.

Цель заключалась в сравнении отношения к профессиональной преемственности студентов медицинских университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Исследование было направлено на получение ответов на следующие вопросы:

1. Какую роль в выборе медицинской профессии среди современной молодежи РФ и КНР играют семейные традиции?

2. Соответствует ли восприятие китайскими студентами профессиональной преемственности культурному стереотипу «культа семьи» в Китае?

3. Какие мотивы лежат в основе выбора династийной профессиональной карьеры у тех студентов, которые являются продолжателями семейной традиции?

4. Как в представлениях студентов институциональное и культурное поощрение династийности влияет на качество медицины?

При ответе на исследовательские вопросы были проверены следующие гипотезы:

1. Доля студентов, выбравших профессию врача, основываясь на семейных традициях, в Китайской Народной Республике выше, чем в Российской Федерации. Мы связываем эту гипотезу с особенностями конфуцианской культуры и более высоким уровнем коллективизма (см., например, [22]), а также более выраженными историческими традициями преемственности в медицинских профессиях [16].

2. Мы предполагаем, что среди студентов, которые продолжают семейное дело, не будет неудовлетворенных своим выбором. Эта гипотеза основана на том, что семейная социализация в обществах, характеризующихся коллективизмом и уважением социальной иерархии, обеспечивает не только трансфер профессиональных знаний, но также представлений, мотивационных и ценностных моделей, легитимирующих и поощряющих выбор в пользу династийной карьеры.

3. Мы также предполагаем, что студентов, которые поступили в медицинский университет, основываясь на семейных традициях, с детства наставляли на данный профессиональный путь родители/родственники, которые работают врачами. Эта гипотеза основана на признании универсального характера трансфера профессиональной культуры, специфичной для медицинской профессии.

4. Мы думаем, что в представлениях студентов общественное поощрение династийности никак не влияет на качество медицины. В основе данной гипотезы лежит соображение о том, что династийность в общественном восприятии может рассматриваться как индивидуальная, а не социетальная черта. То есть династийность должна восприниматься как фактор выбора профессиональной траектории конкретным человеком, но не как механизм признания и оценки квалификации.

Методы

С целью анализа восприятия профессиональной династийности студентами медицинских специальностей из университетов РФ и Китая было проведено социологическое исследование с использованием метода массового опроса (анкета содержала как полузакрытые, так и открытые вопросы) и индивидуального стандартизированного интервью (N = 10, с использованием on-line) среди учащихся следующих вузов

Российской Федерации: Приволжский исследовательский медицинский университет (г. Нижний Новгород); Пермский государственный медицинский университет им. академика Е.А. Вагнера (г. Пермь); Казанский государственный медицинский университет (г. Казань), N = 283, и вузов Китайской Народной Республики: Университет Сунь Ятсена (Чжуншань); Университет Бэйхуа (Чанчун), Университет Цзянсу (Чжэньцзян), N = 251. Медицинские университеты Китайской Народной Республики были рекомендованы обучающимися – представителями КНР в Казанском государственном медицинском университете, которые оказали помощь в сотрудничестве университетов двух стран. Обработка результатов осуществлялась в программном комплексе SPSS (ver. 21.0). Исследование проводилось в период с октября 2020 г. по март 2021 г.

Результаты

На вопрос «Есть ли врачи в вашей семье?» ответы респондентов распределились следующим образом: 76,2% студентов из Китайской Народной Республики и 60,7% студентов-медиков из Российской Федерации являются представителями профессиональных династий. Не связаны семейной врачебной принадлежностью 23,8% студентов-медиков из КНР и 39,3% студентов медицинских специальностей из РФ. При этом среди российских студентов-медиков, имеющих в семье представителей медицинской профессии, 58,3% подтвердили, что это был *«осознанный выбор»*, 8,3% – что «*выбор был связан с семейной традицией»*, и 29,2% – что он стал *«следствием отсутствия других перспектив»*. Еще 4,2% указали, что «*родители никак не повлияли»* на их выбор. Среди студентов из Китайской народной республики «*осознанный выбор»* совершили 47,6%, столько же (48,2%) указали на *«неопределенность своей позиции и опору на мнение старших»,* лишь 4,8% подтвердили «*влияние семейной традиции»*.

При ответе на вопрос «Удовлетворены ли вы своим профессиональным выбором?» 69,4% студентов-медиков из Российской Федерации и 75,6% студентов из Китайской Народной Республики признали удовлетворенность своим профессиональным выбором, однако 12,7% студентов-медиков из КНР, чьи родители являются представителями врачебной профессии, оказались неудовлетворенными своим профессиональным выбором. Таких студентов из Российской Федерации оказалось еще больше – 20,3%.

Для изучения влияния общественного поощрения династийности на качество медицины, респондентам был задан вопрос: «Как вы считаете, является ли профессиональная династийная приверженность показателем качества / высокой квалификации предоставляемой медицинской услуги в глазах общества?» Так, 78,5% студентов-медиков из Российской Федерации и 69,8% студентов из Китайской Народной Республики считают, что династийный фактор оказывает влияние на граждан при выборе узкой, профилированной специальности. Каждый пятый (21,4%) студент-медик из РФ и каждый третий (32,7%) студент из КНР отметили варианты – *«нейтрально», «не задумывался(-ась)», «не знаю».*

Для более глубокого изучения отношения к династийной преемственности студентов медицинских университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики нами было проведено стандартизированное интервью. Ниже приводятся примеры ответов, которые в ходе интервью дали российские и китайские студенты и которые наиболее ярко характеризуют общее и различное между двумя сравниваемыми группами респондентов.

Так, студент 4-го курса Приволжского исследовательского медицинского университета (г. Нижний Новгород) при ответе на вопрос «Повлияло ли мнение родственников на ваш профессиональный выбор?» отмечает: *«Со стороны мамы много родственников, работающих врачами. В детстве слышал отрывками истории из медицинской практики, можно сказать, врачебные термины часто витали в нашем доме, но особого эффекта на меня это не производило. Не рассчитывал в детстве на то, что когда-нибудь стану врачом, да и никто мне этого не внушал. Но всегда подозревал, что рано или поздно всё равно приду к этой профессии. Альтернатива в выборе специальности присутствовала – задумывался о том, чтобы стать архитектором. Родители не возражали, но невидимым образом настаивали на выборе медицины. Ярого рвения продолжить семейную традицию у меня не было. Экзамены сдал хорошо. Спустя несколько месяцев после поступления я поймал себя на мысли, что выбрал хорошую и подходящую для себя специальность, так что смело могу сказать, что удовлетворен своим выбором».*

Студентка 3-го курса Университета Сунь Ятсена (г. Чжуншань) при ответе на вопрос «Повлияло ли мнение родственников на ваш профессиональный выбор?» сообщила о том, что *«моя мама – доктор, в детстве я немного помогала ей ухаживать за пациентами. Я была уверена, что стану доктором. Родители не должны в нашем выборе оказывать давление на нас. Студенты медицинских университетов испытывают большие нагрузки и учатся на протяжении долгого времени, да и в будущем на их плечах – большая ответственность, поэтому они должны быть наверняка уверены в том, что им по силам справиться со всеми трудностями, присмотреться к своим возможностям и предпочтениям. Если не будет любви к своему делу, не будет и необходимой силы, и ничего делать качественно не получится. Родители не настаивали на моем выборе. Да и иные варианты в выборе профессии я также рассматривала, но остановилась на медицине»*.

Студентка 5-го курса Казанского государственного медицинского университета (г. Казань) при ответе на вопрос «Проучившись некоторое время в медицинском университете, вы остаётесь довольны своим выбором?», отметила: *«Да, несмотря на сложность учебного плана и колоссальных нагрузок, я до сих пор уверена в правильности своего профессионального*

выбора, не могу представить уже себя в другой профессии».

Студент 4-го курса Университета Цзянсу (г. Чжэньцзян) при ответе на вопрос «Проучившись некоторое время в медицинском университете, вы остаётесь довольны своим выбором?» сообщил: *«Я сделал свой выбор еще в детстве и ни о чём не жалею по сей день. Да, профессия врача очень трудна и обучение – это одно из самых главных испытаний, которое, как я думаю, должен пройти любой врач, без этого я не представляю эту профессию»*

Обсуждение

Результаты исследования показывают очень высокий уровень профессиональной преемственности среди китайских и российских студентов-медиков: более половины из них имеют медицинских работников среди членов семьи. Это согласуется с высокой ролью семейных отношений в обеих странах. Причем эффект преемственности среди китайских студентов выше, что также соответствует данным о более высоком уровне коллективизма и роли старшего поколения, характерным для конфуцианской культуры. Хотя напрямую роль семейных традиций студенты в обеих странах не признают в качестве главного мотива выбора, среди русских студентов выше доля тех, кто совершает осознанный и рациональный выбор, основываясь на собственных приоритетах, а среди китайских – тех, кто опирается на мнение старших в условиях высокой неопределенности своего отношения к профессиональному выбору.

В целом первую гипотезу «доля студентов, выбравших профессию врача», основываясь на семейных традициях, в Китайской Народной Республике выше, чем в Российской Федерации, можно считать подтвержденной, хотя конкретный механизм более выраженной профессиональной династийности может не только основываться на культурных различиях, но и отражать институциональные условия, благоприятствующие фаворитизму.

Вторая гипотеза, сформулированная в крайнем варианте, подтвердилась лишь частично. Хотя большинство студентов, совершивших династийный профессиональный выбор, удовлетворены им, независимо от конкретных мотивов, такой паттерн поведения не является универсальным. Среди студентов есть люди, которые не удовлетворены своим выбором. Это может быть следствием социального давления, которое родители оказывают на своих детей, склоняя их к выбору той же профессии и тем самым ограничивая возможности их самоопределения. Такая проблема является типичной для разных стран и носит, по всей видимости, универсальный характер [20].

Третья гипотеза также не подтвердилась. Мотивация семейной социализации играет достаточно скромную роль в выборе студентами профессиональной карьеры. Для большинства из них выбор рациональный и осознанный. По всей видимости, большее значение имеют не мотивационные аспекты внутрисемейной профессиональной социализации, а трансфер человеческого капитала и рост информированности молодых людей, позволяющие им принять рациональный выбор.

Четвертая гипотеза также не подтвердилась. Вопреки ожиданиям, больше половины респондентов позитивно оценивают институциональную поддержку профессиональных династий в обеспечение качества медицины. Несмотря на то что профессиональная династийность имеет как позитивные, так и негативные эффекты для индивида и общества, в восприятии студентов эти эффекты отмечаются более как положительные. Это может быть связано с тем, что позитивные эффекты от успешного трансфера человеческого капитала и ускоренной профессиональной адаптации носят для них более явный и очевидный характер, чем потенциальные риски фаворитизма и непотизма, сказывающиеся преимущественно на студентах, не имеющих семейной профессиональной принадлежности.

Заключение

Профессиональная династийность среди медиков – широко распространенное явление, ставшее важной частью воспроизводства профессиональных медицинских кадров. Особенно велико значение этого механизма профессионального воспроизводства в странах, культурно и институционально поддерживающих возможности конвертации семейного социального капитала в профессиональные карьерные траектории. И в Российской Федерации, и в Китайской Народной Республике такие условия существуют, хотя в Китае они в большей степени способствуют формированию профессиональных медицинских династий. Несмотря на значимость парохиальных факторов династийности и социального давления со стороны родителей, ключевое значение, по-видимому, играет трансфер человеческого капитала, обеспечивающий объективные преимущества членам семей медиков в выборе медицинской профессии. Дальнейшие исследования необходимы, чтобы лучше понять механизмы и эффекты профессиональной династийности и преемственности в системе здравоохранения различных стран.

Список источников

1. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Концептуальные основания исследования профессиональных династий // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1595–1599.
2. Geys B., Smith D.M. Political dynasties in democracies: causes, consequences and remaining puzzles // Economic Journal. 2017. Vol. 127. P. 446–454.
3. Hess S. America's Political Dynasties. New York : Routledge, 2017.
4. Lisle-Williams M. Merchant Banking Dynasties in the English Class Structure: Ownership, Solidarity and Kinship in the City of London, 1850–1960 // The British Journal of Sociology. 1984. Vol. 35, № 3. P. 333–362.

5. Bergfeld M.-M.H., Weber F.-M. Dynasties of innovation: highly performing German family firms and the owners' role for innovation // International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management. 2011. Vol. 13, № 1. P. 80–94.
6. Панфилова Ю.С. Межпоколенческая трансляция формальных и неформальных норм профессиональной деятельности в бизнес-династиях (на примере российского малого бизнеса) // Гуманитарий юга России. 2020. № 5. С. 125–134.
7. Попова И.П. Творческие профессиональные династии в условиях рынка на примере народных художественных промыслов: постановка проблемы // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров. М. : РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1627–1639.
8. Тумановская Е.О., Налимова М.Н. Влияние спортивной династии в семье на физическую активность будущего поколения // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 11-1. P. 29–32.
9. Durante R., Labartino G., Perotti R. Academic dynasties: decentralization and familism in the Italian Academia // NBER Working Paper. 2011. № 17572.
10. Mansurov V.A., Semenova A.V. Russian dynasties of engineers: genesis and relations with the state // Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia. Collected Papers of XIX ISA World Congress of Sociology / ed. by V. Mansurov. M. : ФНИСЦ РАН, 2018. P. 70–74.
11. Mocetti S. Dynasties in professions and the role of rents and regulation: evidence from Italian pharmacies // Journal of Public Economics. 2016. Vol. 133. P. 1–10.
12. Mansurov V.A., Semenova A.V., Ivanova E.Yu., Yurchenko O.V. Professional dynasties as a social mechanism for the reproduction of professional identities // Europe and Beyond: Boundaries, barriers and belonging. View from Russia. Moscow : FCTAS RAS, 2019. P. 133–143.
13. Иванова Е.Ю., Юрьев П.С. Профессиональные династии: тенденции и формы поддержки // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2018. С. 498–503.
14. Шаманин Н.В. Особенности профессиональной преемственности в семьях с социальной направленностью // Экономика образования. 2015. № 2. С. 132–135.
15. Macintyre I., Munro A. The Monros – three medical dynasties with a common origin // Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh. 2015. Vol. 45. P. 67–75.
16. Chen Hao. The Imperial Medical Office and the transformation of identities of aristocratic physicians from the late six dynasties through the early Tang // Hanxue Yanjiu (Chinese Studies). 2014. Vol. 32, Is. 1. P. 73–98.
17. Симоненко В.Б. Вклад врачебной династии Боткиных в отечественную медицину // Клиническая медицина. 2012. № 9. С. 20–21.
18. Gough H.G., Hall W.B. A comparison of medical students from medical and nonmedical families // Journal of Medical Education. 1977. Vol. 52. P. 541–547.
19. Lentz B.F., Laband D.N. Why so many children of doctors become doctors: nepothism vs. human capital transfers // The Journal of Human Resources. 1989. Vol. 24, № 3. P. 396–413.
20. Rimmer A. "My mom made me do it" – doctors and their medical dynasties // BMJ. 2014. Vol. 349. g7625.
21. Нор-Аревян О.А. Кризис профессиональных династий и деструктивные последствия вынужденного воспроизводства профессии врача // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11. С. 31–35.
22. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New-York : McGraw-Hill, 2010.

References

1. Klimenko, L.V. & Posukhova, O.Yu. (2020) [Conceptual foundations of research of professional dynasties]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov* [Sociology and Society: Traditions and innovations in the social development of regions]. Proceedings of the 6th All-Russian Sociological Congress. Tyumen. 14–16 October 2020. Moscow: ROS; Federal Research Sociological Centre of RAS. pp. 1595–1599. (In Russian). DOI: 10.19181/kongress.2020.194
2. Geys, B. & Smith, D.M. (2017) Political dynasties in democracies: causes, consequences and remaining puzzles. *Economic Journal*. 127. pp. 446–454.
3. Hess, S. (2017) *America's Political Dynasties*. New York: Routledge.
4. Lisle-Williams, M. (1984) Merchant Banking Dynasties in the English Class Structure: Ownership, Solidarity and Kinship in the City of London, 1850–1960. *The British Journal of Sociology*. 3 (35). pp. 333–362.
5. Bergfeld, M.-M.H. & Weber, F.-M. (2011) Dynasties of innovation: highly performing German family firms and the owners' role for innovation. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*. 1 (13). pp. 80–94.
6. Panfilova, Yu.S. (2020) Formal and informal professional norms transfer within generations of business dynasties (Russian small business case). *Gumanitariy yuga Rossii – Humanities of the South of Russia*. 5. pp. 125–134. (In Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2020.5.10
7. Popova, I.P. (2020) [Creative professional dynasties in market conditions. On the example of folk art crafts: problem statement]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov* [Sociology and Society: Traditions and innovations in the social development of regions]. Proceedings of the 6th All-Russian Sociological Congress. Tyumen. 14–16 October 2020. Moscow: ROS; Federal Research Sociological Centre of RAS. pp. 1627–1639. (In Russian). DOI: 10.19181/kongress.2020.199
8. Tumanovskaya, E.O. & Nalimova, M.N. (2019) Influence of the sports dynasty in the family on the physical activity of the future generation. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 11-1. pp. 29–32. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11689
9. Durante, R., Labartino, G. & Perotti, R. (2011) Academic dynasties: decentralization and familism in the Italian Academia. *NBER Working Paper*. 17572.
10. Mansurov, V.A. & Semenova, A.V. (2018) Russian dynasties of engineers: genesis and relations with the state. In: Mansurov, V. (ed.) *Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia. Collected Papers of XIX ISA World Congress of Sociology*. Moscow: FNISTs RAN, 2018. pp. 70–74.
11. Mocetti, S. (2016) Dynasties in professions and the role of rents and regulation: evidence from Italian pharmacies. *Journal of Public Economics*. 133. pp. 1–10.
12. Mansurov, V.A. et al. (2019) [Professional dynasties as a social mechanism for the reproduction of professional identities]. *Europe and Beyond: Boundaries, barriers and belonging. View from Russia.* Proceedings of the European Sociological Association 14th Conference "Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging". Manchester. 20–24 August 2019. Moscow: FCTAS RAS. pp. 133–143. (In Russian).
13. Ivanova, E.Yu. & Yur'ev, P.S. (2018) [Professional dynasties: trends and forms of support]. *XXI Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Sotsial'noe prostranstvo i vremya regiona: problemy ustoychivogo razvitiya* [21st Ural Sociological Readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 15–16 March 2018. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. pp. 498–503. (In Russian).
14. Shamanin, N.V. (2015) Features professional continuity in families with social orientation. *Ekonomika obrazovaniya – Economics of Education*. 2 (87). pp. 132–135. (In Russian).
15. Macintyre, I. & Munro, A. (2015) The Monros – three medical dynasties with a common origin. *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh*. 45. pp. 67–75.

16. Chen, Hao. (2014) The Imperial Medical Office and the transformation of identities of aristocratic physicians from the late six dynasties through the early Tang. *Hanxue Yanjiu (Chinese Studies)*. 1 (32). pp. 73–98.
17. Simonenko, V.B. (2012) The contribution of Botkins' medical dynasty to national medicine. *Klinicheskaya meditsina – Clinical Medicine*. 9 (90). pp. 20–21. (In Russian).
18. Gough, H.G. & Hall, W.B. (1977) A comparison of medical students from medical and nonmedical families. *Journal of Medical Education.* 52. pp. 541–547.
19. Lentz, B.F. & Laband, D.N. (1989) Why so many children of doctors become doctors: nepothism vs. human capital transfers. *The Journal of Human Resources*. 3 (24). pp. 396–413.
20. Rimmer, A. (2014) "My mom made me do it" – doctors and their medical dynasties. *BMJ*. 349. g7625. DOI: 10.1136/bmj.g7625
21. Nor-Arevyan, O.A. (2019) The crisis of professional dynasty and the destructive consequences of the forced reproduction of the medical profession. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 11. pp. 31–35. (In Russian). DOI: 10.24158/spp.2019.11.3
22. Hofstede, G., Hofstede, G.J. & Minkov, M. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New-York: McGraw-Hill.

Информация об авторе:
Заляев А.Р. – канд. социол. наук, преподаватель кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: arthyran@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.R. Zalyaev, Cand. Sci. (Sociology), lecturer, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: arthyran@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021;
одобрена после рецензирования 22.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 22.02.2021;
approved after reviewing 22.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 316.4; 331.52
doi: 10.17223/15617793/475/11

Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики

Марина Ивановна Пантыкина[1]

[1]*Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, pantikina@tltsu.ru*

Аннотация. Представлены особенности социально-экономической практики цифровых кочевников, позволяющие определить их как категорию независимых работников, формирующуюся в условиях цифровой экономики. На основании анализа теоретических и эмпирических исследований выявлены и описаны такие ее проявления, как производство, потребление, формирование спроса на разработку и внедрение новых мобильных устройств и технологий, отношение к собственности и трудовая занятость.

Ключевые слова: цифровые кочевники, фрилансеры, самозанятые граждане, экономические акторы, нестандартная занятость, удаленная работа

***Для цитирования*:** Пантыкина М.И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 83–92. doi: 10.17223/15617793/475/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/11

Digital nomads as economic actors: Features of socioeconomic practice

Marina I. Pantykina

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, pantikina@tltsu.ru

Abstract. The article discusses the insufficiently explored problem of the economic status of digital nomads. For this purpose, the features of their socioeconomic practice are identified, which make it possible to define these features as economic actors. The theoretical foundations of the article are the theories of the post-industrial and information society, sociological and economic research on the employment of independent workers, scholarly works that constitute the concept of digital nomads and explore various practices of digital nomadism. The empirical basis was formed by the published results of sociological studies of non-traditional employment, as well as the available data from the analysis of specialized Internet resources, virtual polls and interviews obtained using netnography methods. The first part of the article clarifies the content of the concept "digital nomads" by identifying such distinctive features as geographic and social mobility, features of the technical and information support of a mobile lifestyle. Based on the results of a comparative analysis of the geographical mobility of different types of independent workers and travelers, the author concludes that digital nomads' relocations are prolonged, do not imply a permanent residence and are not associated with professional activities. As for social mobility, it is realized as professional mobility for mastering related types of work and deepening professional specialization. Further, the article investigates the specificity of the use of specialized digital technologies and information services, which is determined by the role of these technologies and services in achieving a balance between work and leisure, professional and everyday communication. The author proves that digital nomads can independently solve technological problems and form requests for the creation of applications, context-sensitive systems, technological and environmental infrastructure, etc., which allows them to be considered full-fledged actors in the digital economy. The second part of the article clarifies the specifics of digital nomads in the context of the analysis of such aspects of their socioeconomic practice as production, consumption, attitudes towards property and employment. The author argues that mobile lifestyle is driving the demand for companies to meet the needs of digital nomads. The entrepreneurial thinking formed by a mobile lifestyle allows them not only to work by hire, but also to start their own businesses. The comparison of digital nomads, freelancers, and self-employed citizens showed that they form overlapping sets with such a common feature as remote precarious work. Digital nomads, as independent economic actors, are distinguished by a high level of education and professional training; having a job with income sufficient to support a mobile lifestyle; the ability to determine the forms of labor organization and monitor the fulfillment of the terms of the employment contract; significant freedom in the choice of the sphere of production and provision of services.

Keywords: digital nomads, freelancers, self-employed, economic actors, precarious work, remote work

© Пантыкина М.И., 2022

***For citation*:** Pantykina, M.I. (2022) Digital nomads as economic actors: Features of socioeconomic practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 83–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/11

В последние десятилетия появилось немало отечественных и зарубежных научных публикаций, в которых на основе теорий постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, Ж. Фурастье, Э. Тоффлер, Й. Масуда, М. Кастельс) анализируются изменения, происходящие в организации общественной жизни. При этом в ряде исследований (П. Вирно, З.Т. Голенкова, А. Горц, К. Крауч, Л.В. Лапидус, М. Мангер, Д.О. Стребков, Н. Стэндинг, Ж.Т. Тощенко, Дж. Урри и др.) акцентируется внимание на количественном росте и увеличении разнообразия независимых работников. В частности, в них отмечается, что такие категории независимых работников, как фрилансеры, самозанятые граждане, работники, занятые в аутсорсинге или краудсорсинге, дауншифтеры, цифровые кочевники, появились в результате глобализации, внедрения технологических инноваций, развития цифровой экономики и формирования открытого рынка с новыми моделями организации труда.

Среди современных независимых работников особый научный интерес представляют цифровые кочевники. Он обусловлен тем, что, несмотря на многочисленные публикации[1], сохраняется ряд познавательных затруднений, вследствие которых феномен цифровых кочевников пока остается недостаточно изученным. Действительно, во-первых, созданный СМИ романтический, глянцевый образ жизни цифровых кочевников существенно мешает разработке теоретических обобщений. Во-вторых, не сформирован интегративный подход к исследованию цифровых кочевников, в результате чего они представляются либо в аспекте трудовой деятельности, либо в контексте мобильного образа жизни, либо с точки зрения досуга [2. P. 337]. В-третьих, отсутствует возможность однозначного определения экономического и правового статусов цифровых кочевников, поскольку таковые еще не определены международным и национальными законодательствами.

Кроме того, существенной проблемой является выбор эмпирических методов изучения цифровых кочевников. Как пишет Ф. Манчинелли, «цифровых кочевников из-за их чрезвычайной мобильности трудно изучать только с помощью традиционных этнографических методов, поскольку этот подход требует от исследователя взаимодействовать с участниками в определенное время и в определенном месте. В то время как цифровые кочевники путешествуют практически по всему миру, большая часть их социальных и деловых взаимодействий происходит через коммуникационные технологии и социальные сети» [3. P. 423–424]. Поэтому исследование цифровых кочевников предполагает применение нетнографического подхода, включающего такие методы, как онлайн-иммерсивное взаимодействие, видеоинтервью, контент-анализ сайтов, форумов, блогов и т.п. [4]. Так как цифровое кочевничество имеет глобальные масштабы, то такие научные проекты должны иметь международный характер. С учетом того, что цифровых кочевников отличает динамизм географической мобильности, их изучение должно проходить в режиме регулярного мониторинга. Думается, что по мере преодоления подобных трудностей будут получены прикладные результаты, способствующие решению проблем нетрадиционной занятости, демографии, налогообложения, развития новых направлений бизнеса, информационных технологий и т.д.

Уточнение семантического диапазона понятия «цифровые кочевники» в социально-экономическом аспекте

Понятие «цифровой кочевник» вошло в научный тезаурус в 1997 г. благодаря книге Ц. Макимото и Д. Мэннерса «Цифровой кочевник» [5][2]. В последующих социологических и философских исследованиях его содержание было существенно уточнено и дополнено. В частности, в работах И.П. Кужелевой-Саган, Д.И. Спичевой, Н.А. Сучковой и других авторов представлена история становления понятия цифровых кочевников, систематизированы наиболее значимые теоретико-методологические подходы, моделируется корпус связанных с ним концептов: городские и корпоративные кочевники, кочевники-фрилансеры, цифровые ковбои, цифровые аборигены и мигранты и т.д. Кроме того, томскими учеными выявлены социокультурные причины популярности образа цифрового кочевника и показаны перспективы его закрепления в социальной практике[3].

Отметим, что в научной литературе преобладают дескриптивные дефиниции цифровых кочевников, в которых они определяются как неоднородная по демографическому составу, профессиональной и национальной принадлежности группа людей, которые «выбирают независимый от местоположения, технологически оснащенный образ жизни, который позволяет им путешествовать и работать удаленно везде, где есть подключение к Интернету. В отличие от стандартных удаленных работников, которые, как правило, остаются в одном географическом районе, цифровые кочевники путешествуют и узнают что-то новое в процессе труда» [8]. Поскольку дескриптивные определения не позволяют однозначно дифференцировать цифровых кочевников и других мобильных «продвинутых» IT-пользователей, то это требует их уточнения следующими дополнительными отличительными признаками:

«– использование кочевых предметов и технологий;

– частое пребывание в “третьих местах”, оборудованных беспроводной связью: коворкингах, кафе, библиотеках и т.п.;

– стремление к свободе выбора (жизненных целей, способов и места работы и т.д.);

– независимость в выборе профессиональных задач и траектории своего кочевания;

– признание ценности знаний;

– владение кочевым языком (определенными аббревиатурами, языковыми сокращениями, визуальными кодами и т.д.);

– способность к коллаборации;

– вхождение в те или иные виртуальные сообщества;

– ощущение себя гражданами мира, принадлежащими к самой передовой части постиндустриального общества;

– нетерпимость к любым проявлениям какой-либо дискриминации (расовой, гендерной, религиозной и т.д.);

– смелость и жажда приключений» [6. С. 204].

Имеющиеся теоретические и эмпирические исследования служат основаниями для изучения социально-экономической практики цифровых кочевников. В частности, они позволяют сделать предположение о том, что для цифровых кочевников как экономических акторов особой значимостью обладают такие их характеристики, как мобильность, использование гаджетов, цифровых технологий (неаналоговых информационных технологий) в профессиональной деятельности и личной жизни, а также специфические стимулы и условия организации труда.

Что касается мобильности, то в социально-экономическом аспекте важно учитывать особенности как географической, так и социальной мобильности. Очевидно, что в условиях глобализации географическая мобильность характерна для большого количества людей, располагающих финансовыми средствами для путешествий. Однако только для цифровых кочевников она является постоянной, неотъемлемой составляющей образа жизни. При этом географическую мобильность цифровых кочевников следует отличать от перемещений мигрантов, фрилансеров и дауншифтеров, которые совершают их в течение фиксированного периода с целью отдыха, временной работы и стремятся вернуться на постоянное место жительства. Некоторые из них могут считать себя цифровыми кочевниками, по факту не являясь ими. Так, например, исследование, проведенное компанией MBO Partners, показывает, что в 2020 г. из 10,9 млн американцев, называющих себя цифровыми кочевниками, 34% планируют вести кочевой образ жизни менее года, 53% будут путешествовать по крайней мере в течение последующих двух лет. 81% участвовавших в опросе очень удовлетворены, а 9% удовлетворены своей работой и образом жизни [8]. Эти данные показывают, что длительные путешествия, совмещенные с работой, являются привлекательными, но далеко не все из тех, кто называет себя цифровыми кочевниками, готовы вести мобильный образ жизни на постоянной основе.

Кроме того, цифровых кочевников нельзя считать профессиональными путешественниками, так как для них туризм является следствием свободного выбора мобильного образа жизни, а не источником доходов. На первый взгляд может показаться, что стремление совершать поездки с высоким уровнем сервиса и использование мобильных устройств объединяет цифровых кочевников и так называемых флэшпакеров[4]. Однако для последних возможность постоянных географических перемещений не связана с обязательствами профессиональной деятельности и регулярным выполнением производственных задач. В то время как цифровые кочевники должны регулярно работать для того, чтобы путешествовать.

Что побуждает цифровых кочевников постоянно находиться в дороге? Ведь непрерывные физические перемещения утомительны, финансово затратны, не связаны с производственной логикой, продвижением по карьерной лестнице и т.п. Как справедливо утверждает О. Ханнонен, стимулом к географической мобильности является привлекательность кочевого образа жизни [2. P. 350], а сопутствующие социально-экономические причины и следствия образуют условия его реализации. Этот вывод доказывается и нетнографическими исследованиями страниц сайтов, форум, блогов, видеоинтервью[5]. В частности, их результаты подтверждают, что для цифровых кочевников характерна «нематериальная» цель путешествий, а именно личная независимость от неоправданных, с их точки зрения, формализованных обстоятельств труда, быта и личной жизни. Достижение этой цели видится ими на пути установления баланса между ними, в обеспечении условий полной самореализации, в получении новых знаний и впечатлений. Поэтому особую значимость для них приобретают такие экзистенциальные ценности, как свобода выбора (например, эмансипация от рутины и формальностей), актуализация возможностей (например, новые планы, дополнительные временные, финансовые ресурсы и т.п.), самостоятельное принятие обязательств (например, личных, трудовых обязанностей). Следование таким ценностным ориентирам формирует потребность в постоянных путешествиях, способствующих повышению уровня социальной и личной самооценки.

Кроме того, в ходе эмпирических исследований обнаружилось, что значение географической мобильности для цифровых кочевников можно трактовать и в духе номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, а именно как выражение неприятия неолиберальных ценностей, социальных рисков и неопределенности, борьбы за право вести безопасный космополитичный образ жизни без государственного рыночного режима и экономических обязательств, связанных с идеей дома и гражданства (потребление, собственность, имущество и уплаченные налоги) [3. P. 421–422]. Такая позиция выражается в отношении цифровых кочевников к собственности, консьюмеризму, к культам карьеры и социального престижа. Думается, что эти аксиологические основания социально-экономической практики цифровых кочевников требуют отдельного исследования. В предлагаемой статье они рассматриваются фрагментарно в контексте экономики совместного использования.

Что касается социальной мобильности цифровых кочевников, то она представлена горизонтальной профессиональной мобильностью, в то время как вертикальная мобильность нивелирована стабильностью повседневной среды и однородностью круга общения. Профессиональная мобильность характеризуется тем,

что высокий уровень образования[6] и квалификации позволяет цифровым кочевникам успешно осваивать смежные профессии и добиваться углубленной профессиональной специализации. А это, в своей совокупности, формирует способность быстро адаптироваться к открытому рынку труда и осваивать высокотехнологичные сферы производства и оказания услуг.

Какие профессии выбирают цифровые кочевники? Анализ блогов в социальных сетях и сайтов интернет-комьюнити показывает, что цифровые кочевники, идентифицируя себе как свободные агенты или независимые профессионалы, чаще всего работают веб-разработчиками, программистами, PR- и HR-специалистами, копирайтерами, дизайнерами, агентами в интернет-торговле, переводчиками, блогерами, консультантами в области медицины, психологии, юриспруденции и т.д. Они оказались востребованы в таких инжиниринговых компаниях, для которых характерна однородная продукция и типовые технологические процессы, а основными средствами производства – мобильная компьютерная техника, соответствующее программное обеспечение, интернет и беспроводная телефонная связь.

Следующей характеристикой цифровых кочевников, обусловливающей специфику их социально-экономической практики, является применение специализированных цифровых технологий и информационных сервисов. Как они обеспечивают потребности кочевников? Как последние включены в производство технологических инноваций? Чем отличаются цифровые кочевники от «продвинутых» IT-пользователей? Для поиска ответов на эти вопросы воспользуемся результатами эмпирического исследования авторского коллектива из США, который с 2013 по 2017 г. изучал данные форумов сайтов Reddit.com, Nomadforum.io, группы Facebook «Цифровые кочевники во всем мире» и провел 22 интервью с цифровыми кочевниками. В частности, американским ученым удалось выяснить, что цифровые технологии обеспечивают организацию и контроль за реализацией каждого этапа удаленной работы: поиск заказа, заключение контракта, производство и реализация цифрового продукта, получение заработной платы. Для обеспечения производственного цикла созданы как специализированные профессиональные приложения и программы, так и универсальные цифровые инструменты: «…Программисты работают на GitHub для написания и публикации кода, тогда как дизайнеры и творческие работники часто применяют Adobe Creative Cloud для форматирования макетов веб-сайтов. Однако есть также определенные технологии, которые универсальны для всех цифровых кочевников, например, приложения для обмена сообщениями, которые используются для коммуникационных целей» [11. P. 210]. Этим, в частности, объясняется тот факт, что цифровые кочевники стремятся интегрировать отдельные цифровые платформы и сервисы, преобразуя их в развивающиеся информационные инфраструктуры.

В ходе исследования было установлено, что наиболее популярными приложениями для обмена сообщениями среди профессионалов являются Slack и Skype. А для поиска клиентов и поддержки профессиональных связей цифровыми кочевниками широко применятся сайты LinkedIn, Medium, Upwork и Remoteok. В качестве платежных систем они используют PayPal и Transferwise, которые позволяют вести бизнес без его «физической» прописки.

Так как у цифровых кочевников отсутствуют четкие границы между досугом и работой, а участников команды зачатую отделяют разные временные пояса, то это существенно сказывается на уровне производительности труда. Для его повышения созданы тайм-менеджеры в виде приложений Asana и Trello, которые позволяют контролировать выполнения графиков коллективной работы. Как видим, разнообразные компьютерные и информационные технологии позволяют цифровым кочевникам получать доступ к профессиональным материалам из любой локации, а также создавать передвижные виртуальные офисы [11. P. 210].

Популярностью среди цифровых кочевников пользуются специализированные сайты, к которым обращаются в случае необходимости арендовать жилье, в том числе и на условиях совместного использования (AirBnB.com, Digitalnomadhouse.net и др.). Активно развиваются информационные сервисы, организующие коворкинги и онлайн-конференции, которые призваны решать проблему обеспечения базовых социальных потребностей в солидарности и сопричастности, в совместной работе и досуге. В последнее время все большее распространение находят офлайн-круизы, которые организуются с помощью таких информационных ресурсов, как Remote Year и Nomad Cruise. Такого рода коллективные путешествия позволяют объединить единомышленников на короткий период времени.

Пандемия COVID-19 существенно ограничила возможность международных путешествий и проведения офлайн-мероприятий. Но зато она создала условия для развития движения VanLife, объединившего цифровых кочевников, путешествующих на автомобилях с фургонами. Активная популяризация этого движения началось в аккаунтах Instagram одновременно со вспышкой пандемии. Это позволило автомобильным компаниям Volkswagen и Nissan, которые еще в 2018 г. объявили о выпуске фургонов для цифровых кочевников [12], существенно расширить рынок сбыта своей продукции.

Разумеется, не только цифровые кочевники, но и оседлые жители современных мегаполисов используют многие из перечисленных выше мобильных приложений и цифровых платформ для организации труда, путешествий, общения и т.д. Однако только цифровые кочевники внедрили их в разные аспекты жизни таким образом, что они нивелируют границу между приватным и профессиональным общением, между досугом и работой. Кроме того, поскольку гаджеты и цифровые технологии не разрабатываются «сверху вниз», а возникают в результате сложных взаимодействий многих технологий и пользователей [10. P. 97:3], то отношения цифровых кочевников с используемыми ими техническими устройствами и технологиями, в отличие оседлых «продвинутых» поль-

зователей, складываются на паритетных началах. Это означает, что они способны самостоятельно решать новые технологические задачи, а также формировать запросы на создание специализированных технологических объектов (сетевые приложения, контекстно-зависимые системы, технологическая и экологическая инфраструктура и т.д.).

Заметим, что эти «объекты могут выступать не только предметами воздействия человеческих субъектов, но и функционировать в качестве "актантов", определяя роли, которые люди исполняют внутри сетей» [13. С. 116]. Сохранить подобную технологическую включенность цифровым кочевникам помогают специализированные информационные ресурсы (Nomad List, Hellowfellow, Flylancer, Digital Freelancer, Remotive, Travelask и др.)[7], которые интегрируют ссылки на интернет-биржи, сведения о трудоустройстве, транспортные и гостиничные сервисы, а также адреса форумов, на которых обсуждаются бытовые, семейные и иные вопросы личного характера.

Таким образом, уточнение содержание понятия «цифровые кочевники» в социально-экономическом аспекте позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, непрерывная географическая мобильность и соответствующий ей образ жизни являются основаниями выбора профессиональной деятельности и стимулами для поддержания активной социально-экономической практики. Во-вторых, вертикальная социальная мобильность цифровых кочевников нивелирована, а горизонтальная мобильность имеет профессиональную направленность. В-третьих, мобильный образ жизни и удаленная занятость цифровых кочевников обусловливают высокий спрос на производство специализированных цифровых технологий, информационных сервисов и создание новых рабочих мест. В-четвертых, цифровые кочевники – это экономические акторы[8], которые совершают действия, направленные на удовлетворение потребностей и интересов посредством высокотехнологичного производства, обмена и потребления материальных, нематериальных благ и услуг, соответствующих экономике совместного использования[9]. В-пятых, мобильный образ жизни цифровых кочевников предполагает выявление форм и условий трудовой занятости, соответствующих особенностям их социально-экономической практики.

Цифровые кочевники как экономические акторы

Исследование цифровых кочевников в качестве экономических акторов является новой, недостаточно разработанной научной темой. В этой связи нельзя не согласиться с У. Сазерленд и М.Х. Джаррахи в том, что цифровым кочевникам как быстрорастущему сообществу работников уделяется мало внимания со стороны академических исследователей, но зато они широко представлены в изданиях для бизнеса, заинтересованного в новых схемах труда [10. P. 97:5]. В сложившейся познавательной ситуации масштабы, направления и диспозиции социально-экономической практики цифровых кочевников не могут быть выявлены и изучены в полной мере. Поэтому предлагаемая статья будет ограничена исследованием таких ее проявлений, как производство, потребление, отношение к собственности и трудовая занятость.

Как уже отмечалось, основное влияние на социально-экономическую практику цифровых кочевников оказывает мобильный образ жизни, который и определяет логику формирования первого блока их характеристик в качестве экономических акторов. В частности, во-первых, они активно пользуются услугами трансфера, хостинга и иных видов сервиса, работающих круглосуточно в режиме онлайн, тем самым стимулируя их развитие.

Во-вторых, необходимость удовлетворения потребностей мобильного образа жизни способствует формированию спроса на продукцию компаний, специализирующихся на проектировании, создании и технической поддержке разнообразных цифровых платформ, на услуги фирм, которые предлагают (относительно) дорогостоящие комплексные сообщества, такие как коливинг/коворкинг, лагеря и круизы, обеспечивая цифровых кочевников комфортной, по меркам западного среднего класса, средой [9].

В-третьих, подтверждением того, что цифровые кочевники являются экономическими акторами, служит тот факт, что Эстония, Грузия, Бермуды, Барбадос и другие страны предлагают им привлекательное электронное резидентство, безвизовое проживание, цифровые схемы виз (смарт-виза в Таиланде и виза цифрового кочевника в Эстонии), создают специализированные инфраструктуры, обеспечивающие комфортные условия для их труда и быта [2. P. 347].

В-четвертых, результаты нетнографических исследований (Б.В. Томпсон, У. Сазерленд, М.Х. Джаррахи) показывают, что все чаще консультации и экспертизы цифровых кочевников, которые ранее предлагались на безвозмездной основе, коммерциализируются. Например, все большей популярностью пользуются программы наставничества (коучинга), советы по решению проблем аренды помещений, в том числе для совместного проживания, предложения юридической и технической помощи [16. P. 332].

В-пятых, имеющийся опыт и предпринимательское мышление цифровых кочевников «со стажем» позволяют им не только трудиться по найму, выполнять работу под внешний заказ, но и открывать собственный бизнес[10]. Действительно, наличие таких навыков предпринимательства, как готовность рисковать, создавать бизнес-стартапы, производить прорывные продукты и услуги, нанимать сотрудников и ставить перед ними новые задачи, организовывать свою и их работу, вести переговоры с клиентами, поддерживать профиль на цифровой платформе и т.д., предполагаются условиями мобильного образа жизни и удаленной работы и, следовательно, присущи многим цифровым кочевникам.

В-шестых, мобильный образ жизни и особенности участия в производстве благ и услуг определяют специфику потребления цифровых кочевников. Она проявляется в том, что мобильный образ жизни заставляет руководствоваться практическими соображениями, гибко относиться к материальному имуществу, ценить в вещах

функциональность, а не статус собственности [3. P. 430]. При этом им свойствен высокой уровень притязаний к средствам и условиям удовлетворения материальных и нематериальных потребностей.

В-седьмых, социально-экономическую практику цифровых кочевников отличают особые экономические стратегии. Например, они путешествуют по странам с низким уровнем жизни, где проживание обходится сравнительно дешево, а работают в компаниях или реализуют частные услуги в странах с высокой стоимостью труда. В условиях ограничения поездок, связанных с COVID-19, цифровые кочевники предпочитают путешествовать внутри одной страны, а также отказываются от посещения дорогих городов и районов в пользу менее затратных [8].

Мобильный образ жизни и отрицание консьюмеризма явились предпосылками интеграции цифровых кочевников в процессы экономики совместного использования, которая предполагает полный или частичный отказ от собственности в пользу коллективного владения и расходования каких-либо ресурсов. Включенность в эту модель цифровой экономики определяет восьмую особенность цифровых кочевников как экономических акторов. Например, если цифровые кочевники являются собственниками жилья, то они стремятся сдать его в аренду, разметив предложения на соответствующих платформах. Распространены случаи, когда на бесплатной платформе создается совместный веб-сайт, на котором желающие могут описать свои навыки и предложить услуги в обмен на проживание и питание [10. P. 97:10]. Феноменом экономики совместного использования можно считать коворкинги, предоставляющие услуги по организации рабочих мест и готовой инфраструктуры для коллективной работы цифровых кочевников. Все это позволяет утверждать, что их социально-экономическая практика соответствует процессам экономики совместного использования, решающей проблему «избыточной мощности» путем более интенсивного и продуктивного применения ресурсов. Кроме безвозмездного коллективного использования ими активно развивается «продажа сокращения транзакционных издержек для обеспечения взаимовыгодного обмена товарами, услугами и видами деятельности, которые прежде не рассматривались как коммерческие» [17. С. 93]. Заметим, что эта особенность цифровых кочевников корреспондируется с их стремлением постоянно контролировать уровень платежеспособности и финансовой эффективности трудозатрат.

В-девятых, по мере роста численности цифровых работников обнаруживаются негативные аспекты их социально-экономической практики. Например, особое отношение цифровых кочевников к собственности и использование анонимных транзакций зачастую приводят к уклонению от налогообложения, уплаты налогов или уходу в низконалоговую юрисдикцию, реализующуюся в 15 странах (Ирландия, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швеция, Сингапур и др.). В условиях отсутствия глобального налогового контроля эти явления стали серьезной проблемой. А так как перспективы ее решения пока неочевидны, то, как утверждает В. Влчек, создавшаяся ситуация подрывает налоговый моральный дух оседлых граждан и поощряет кочевых граждан не платить налоги[11].

Следующий блок характеристик цифровых кочевников как экономических акторов обусловлен тем, что они появились на волне трансформации условий труда, вызванной спросом на мобильных работников и увеличением объема дистанционной работы. В связке с ускоренным внедрением и расширением ассортимента компьютерных и информационных технологий это стимулировало развитие нестандартной занятости. Последняя обнаруживается как в традиционных формах – неформальная, временная, неполная и надомная занятости, так и в таких современных нетрадиционных формах, как удаленная занятость и занятость в агентствах, в том числе виртуальных, предоставляющих рабочую силу третьими сторонами (аутсорсинг, аутстаффинг)[12].

Анализ научной литературы показывает, что многие исследователи исходят из допущения о том, что нестандартная занятость в большей степени отвечает заинтересованности работодателя в существенном сокращении непроизводительных расходов. Что же касается работников, то она влечет за собой сокращение доходов, социальных гарантий и ухудшение качества их жизни[13]. Согласно альтернативной точке зрения, нестандартная занятость является следствием гибкости современного рынка труда, так как «нестандартные формы занятости допускают большую степень свободы действия, самостоятельности при значительно меньшей (по сравнению со стандартной занятостью) внешней регламентацией организации труда и производства, а также принятия решений» [21. С. 39]. Поэтому нестандартная занятость в равной степени отвечает интересам и работодателей, и работников.

Наличие противоположных подходов показывает отсутствие общего понимания сущности нестандартной занятости: она определяется либо через отрицание признаков стандартной занятости, либо через акцентирование ущемления интересов работников. Думается, что одним из выходов из создавшейся познавательной ситуации может быть отказ от прескриптивного определения нестандартной занятости в пользу классификации ее видов. Возможный вариант такой классификации представлен в Трудовом кодексе РФ, в котором к формам нестандартной занятости относятся: работа по совместительству (гл. 44), работа по временным договорам до 2-х месяцев (гл. 45), сезонные работы (гл. 46), работа вахтовым методом (гл. 47), работа у работодателей – физических лиц (гл. 48), надомный труд (гл. 49), дистанционный труд (гл. 49.1), работа по направлению временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала) (ст. 341.2) [22].

Более развернутая классификация, разработанная на основании Трудового кодекса РФ, представлена в диссертации Б.А. Мусаева. В ней выделены такие критерии классификации нестандартной занятости, как нестандартный трудовой договор, нестандартные условия занятости, продолжительность рабочего времени, способ организации труда и статус работодате-

ля, виды занятости и типы работ [23. С. 29]. В соответствии с данной классификацией нестандартную занятость цифровых кочевников отличает наличие нестандартного трудового договора, регламентирующего дополнительную и временную занятость в форме совместительства или работы по срочным договорам. Нестандартные условия занятости в отношении их работы могут быть основой как для самозанятости, так и для работы в составе трудового коллектива. Так как цифровые кочевники самостоятельно определяют продолжительность рабочего времени, то они предпочитают неполную занятость или сверхзанятость, работая по свободному графику или в режиме сокращенной рабочей недели. Что касается способа организации труда цифровых кочевников, то для них подходят удаленная занятость или занятость на основе договора о выполнении определенного объема работ, которые обеспечивают дистанционную работу, фрилансинг, аутсорсинг, виртуальную занятость (телетруд). В зависимости от статуса работодателя занятость цифровых кочевников может осуществляться как на зарегистрированном, так и на незарегистрированном предприятии, как у физического лица с оформлением трудовых отношений, так и «на себя».

Как видим, трудовая занятость цифровых кочевников отличается многофакторностью и имеет единый базовый признак – удаленную занятость[14]. Однако этот признак свойствен также фрилансерам и самозанятым. Не означает ли это, что цифровые кочевники – это экономические акторы, не имеющие самостоятельной сущности? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить различия трудовой занятости цифровых кочевников, фрилансеров и самозанятых.

В последние годы фрилансерам посвящено немало теоретических и эмпирических исследований[15]. В результате сложилось представление о том, что фрилансинг – это вид неформальной удаленной занятости без заключения трудового договора, предполагающего выполнение определенного задания (заказа) работодателя. Свойственная этой трудовой деятельности независимость от правового регулирования трудовых отношений и налогообложения является следствием открытости рынка труда, возможности находить работу или предлагать свои услуги с помощью специализированных виртуальных бирж, форумов, сайтов. Исходя из этой трактовки, можно утверждать, что некоторые цифровые кочевники занимаются фрилансингом. Однако, было бы неверным считать, что все фрилансеры – это цифровые кочевники. Как уже неоднократно отмечалось, последние предпочитают географическую мобильность, а фрилансеры могут вести и оседлый образ жизни. Одним из условий обеспечения постоянных путешествий цифровых кочевников является контролируемая занятость, гарантирующая высокий уровень дохода и минимизацию рисков. Поэтому, как показывают опросы, большая часть цифровых кочевников, в отличие от фрилансеров, стремится к легализации трудовых отношений и правовой регламентации дистанционной работы.

Контролируемая занятость коррелируется со склонностью цифровых кочевников объединяться в коллективы, трудоустраиваясь в виртуальных компаниях или самоорганизуясь на условиях краудсорсинга[16]. Особые условия организации работы высококвалифицированных виртуальных коллективов заставляют работодателей относиться к цифровым кочевникам как к социальному капиталу, требующему профессионального развития и тимбилдинга[17], в то время как фрилансеры, которым свойственна индивидуальная работа, а также условия их труда остаются без должного внимания со стороны работодателей. Как показал онлайн-опрос «Перепись фрилансеров-2019», они вынуждены много работать, чтобы обеспечить желаемый уровень дохода и финансовую «подушку безопасности». Однако только 34,5% из них называют свой доход стабильным. Фрилансеры зависят от циклов трудовой нагрузки, от запросов одного или нескольких заказчиков. Нарушая требования охраны труда и баланс между работой и жизнью, они работают до тех пор, пока все задачи не будут выполнены, «то есть обычно трудятся как в ночные часы (несколько раз в месяц или чаще), так и в выходные дни (раз в месяц или чаще). Среди населения России таких работников оказалось лишь 22%, в то время как среди фрилансеров почти две трети (64%)» [26. С. 94].

Более высокий, по сравнению с фрилансерами, уровень дохода и финансовая независимость обеспечивают большую свободу выбора условий режима, длительности труда и размера заработной платы. Кроме того, они могут быть не только исполнителями поручений заказчика, но и занимать административные должности, быть руководителями проектов или владельцами виртуальных компаний. Их профессионализм и высокий уровень квалификации можно противопоставить непрофильности труда, низкому или среднему уровню образования, которые характерны для большинства фрилансеров.

Переходя к сопоставлению цифровых кочевников и самозанятых, можно утверждать, что и те и другие относятся к категории так называемых свободных агентов или независимых работников. Однако это не является основанием их отождествления. Действительно, самозанятыми гражданами принято считать физические лица, а также индивидуальных предпринимателей, которые не имеют работодателя и наемных работников по трудовому договору. Они самостоятельно определяют вид деятельности и оформляют налоговые отношения. Так, Федеральный закон РФ от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)», а также принятые изменения (от 15.12.2019 № 428-ФЗ и от 01.04.2020 № 101-ФЗ) окончательно уточнили статус самозанятых граждан, а также разрешенные виды деятельности. Содержание этих нормативных документов позволяет утверждать, что некоторые цифровые кочевники могут быть приравнены к самозанятым гражданам, в том числе как индивидуальные предприниматели. Это возможно в том случае, если они, владея онлайн-бизнесом без наемных работни-

ков, выполняют в полном объеме обязанности налогоплательщика. Однако свойственная самозанятым гражданам зависимость от местных государственных контролирующих органов не совместима с постоянной географической мобильностью цифровых кочевников. В частности, Федеральный закон № 422-ФЗ разрешает применение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» только физическими лицами, в том числе индивидуальным предпринимателям, местом ведения деятельности которых является территория одного из субъектов Российской Федерации. А это ставит под сомнение привлекательность самозанятости для цифровых кочевников, ведущих мобильный образ жизни.

Кроме того, не все виды деятельности, разрешенные для самозанятых, могут осуществляться постоянно путешествующими цифровыми кочевниками. Например, из 9 видов работ и услуг[18], указанных на официальном сайте Федеральной налоговой службы России [27], только 4 могут быть реализованы в дистанционном режиме. Кроме того, допустимый для самозанятых объем доходов – не более 2 400 000 рублей в год вряд ли удовлетворит финансовые потребности цифровых кочевников.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что цифровое кочевничество, фрилансинг и некоторые виды работ самозанятых граждан являются направлениями экономической деятельности, развивающимися на основе дистанционной нестандартной занятости с использованием компьютерных и информационных технологий. Как следствие, трудовая занятость цифровых кочевников может иметь признаки фрилансинга, самозанятости или их комбинаций. Однако это не исключает необходимости учитывать особенности цифровых кочевников и фрилансеров, цифровых кочевников и самозанятых граждан, которые отличаются друг от друга по уровню образования, дохода, профессиональной подготовки, по степени включенности в коллективные формы труда, по мере свободы выбора сферы производства и услуг, по возможности самостоятельно определять условия организации труда.

Таким образом, на основании выявленных аспектов социально-экономической практики цифровых кочевников можно утверждать, что, во-первых, цифровым кочевникам свойственно сочетать географическую мобильность и выполнение производственных задач. Во-вторых, они способны контролировать трудовые отношения. В-третьих, их отношения к собственности, потреблению, налоговым и социальным обязанностям оказываются производными от необходимости поддерживать мобильный образ жизни. В-четвертых, важно учитывать зависимость экономической успешности цифровых кочевников от уровня обеспеченности высокотехнологичными средствами труда и быта, их включенности в развитие и производство мобильных устройств и технологий, в создание новых услуг по организации досуга и общения. В-пятых, цифровые кочевники являются отдельной категорией независимых работников, отличающейся по ряду признаков от фрилансеров и самозанятых граждан. В-шестых, специфика трудовой занятости цифровых кочевников определяется симбиозом различных форм, условий традиционной и нетрадиционной занятости, что влечет за собой необходимость актуализации представлений о трудовой занятости как таковой.

Подчеркнем, что исследование социально-экономической практики цифровых кочевников далеко от завершения. По мере развития цифровой экономики представления о них как экономических акторах будут дополняться новой фактологией и теоретическими обобщениями, имеющими практическое значение в решении проблем в сфере бизнеса, налогового и трудового законодательства.

Примечания

[1] О масштабах исследовательского интереса к концепту цифрового кочевника свидетельствует то, что «в базах данных научных публикаций Scopus, РИНЦ и Academia.edu зарегистрировано около 1,5 тыс. источников – описаний исследований цифрового кочевничества, осуществленных в рамках различных дисциплин…» [1. С. 72].

[2] Образ общества номадов, отвергающих замкнутые пространства, возник еще раньше, а именно в 60-е гг. XX в., и описан в книге М. Маклюэна. Затем появилась постмодернистская идея номадизма как выражение конфликта между подавляющей властью государства и свободной самодостаточной личностью, развитая в номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Формирование номадического мира как нового мирового порядка было спрогнозировано Ж. Аттали. Образы номад-паломников в контексте критики глобализма и неолиберализма были представлены в работах З. Баумана. Однако, заслуга Ц. Макимото и Д. Мэннерс состоит не только во введении нового термина, но и в том, что они описали мировоззренческие и технологические условия, при которых возможно появление генерации людей, свободных от пространственно-временных ограничений и ведущих образ жизни с оптимальным балансом работы и досуга.

[3] См. подробнее: [1, 6, 7].

[4] «Флэшпакер – это технически подкованный турист, который использует технологии в качестве инструмента связи для планирования, бронирования и реализации своих путешествий...» [2. P. 342].

[5] См. описания методов и результатов нетнографических исследований в работах Б.В. Томпсон [9], Ф. Манчинелли [3], У. Сазерленд, М.Х. Джаррахи [10].

[6] По результатам исследования цифровых кочевников, проведенным компанией MBO Partners, «68% говорят, что их работа требует специализированной подготовки, образования или опыта (по сравнению с 48% среди нецифровых кочевников). 58% сообщают об участии в обучении профессиональным навыкам за последний год (по сравнению с 34% среди нецифровых кочевников). Цифровые кочевники в среднем имеют хорошее образование: 57% – высшее (по сравнению с 35% процентами среди взрослых американцев) и 24% – ученую степень (по сравнению с 13% среди взрослых американцев) [8]. Эти относительные величины американской базы данных можно экстраполировать и на мировой контингент цифровых кочевников.

[7] См. дополнительно подбор ссылок на адреса сайтов для поиска работы, хостинга и комьюнити цифровых кочевников [14].

[8] Понятие экономического актора является наиболее удачным для обозначения людей и технологий в качестве участников экономических отношений, которые формируют и трансформируют эти отношения. В отличие от него понятие экономического агента чаще всего используется для разработки формализованных моделей управления со стандартной структурой экономических отношений [15. С. 27].

[9] «Экономика совместного использования предполагает: (1) предпринимательство, направленное на сокращение не столько производственных, сколько транзакционных издержек; (2) ведение деятельности на основе новых программных платформ; (3) применение интеллектуального портативного оборудования; (4) поддерживание связи с помощью комплекса взаимосвязанных сетей Wi-Fi…» [17. С. 91].

[10] По результатам нетнографических исследований форума NomadList 15% его участников обсуждают создание собственного бизнеса с использованием знаний и навыков, приобретенных в результате опыта кочевничества [11. P. 210].

[11] В. Влчек в своей монографии «Оффшорные финансы и глобальное управление. Дисциплинирование налогового кочевника» вводит понятие «налоговый кочевник», охватывающее юридические и физические лица, которые, используя пробелы в национальных налоговых законодательствах, возникших в условиях глобализации и цифровизации мировой экономики, уклоняются от налогов. Большая часть этого исследования посвящена транснациональным корпорациям (Facebook, Amazon, Google, Starbucks и др.), которые уходят от уплаты налогов благодаря тому, что имеют, как пишет В. Влчек, три «дома»: место нахождения корпоративного офиса с топ-менеджерами, виртуальное или реальное место на фондовой бирже и место регистрации корпорации. Несмотря на значительные усилия правительств ряда стран ЕС, США и России, «дисциплинировать» налоговых кочевников не удается [18. P. 31–37].

[12] См. обзор форм и анализ динамики нестандартной занятости в мировом масштабе в отчете Международного бюро труда [19].

[13] В русскоязычной научной литературе распространена точка зрения, согласно которой существует семантическое единство между нестандартной и прекарной занятостями. См., например, следующее положение: «В российской интерпретации она включает в себя неформальную, временную, неполную, частичную, сезонную занятость, самозанятость и др. В англоязычной литературе для обозначения нестандартных отношений занятости используются и другие термины: «atypical», «contingent», «peripheral», «marginal», «flexible». Мы обращаем внимание на тот аспект характеристики нестандартного труда, который связан с термином «precarious» [20. С. 39].

[14] В отечественных и зарубежных научных, правовых источниках под удаленной занятостью, как правило, понимается вид трудовой занятости, основанный на взаимодействии работника и работодателя посредством телекоммуникационных и информационных технологий. При этом специфика Трудового кодекса РФ состоит в том, что в нем речь идет не о занятости, а о дистанционной (удаленной) работе в контексте определенных правовых и экономических отношений (занятости). В ст. 312.1 дистанционная и удаленная работа трактуются как синонимы, а также утверждается необходимость закрепления трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя. В письме Министерства труда и социальной защиты от 16.01.2017 № 14–2/ООГ-245 разъясняется, что если работник планирует работать за пределами РФ, то с ним нельзя заключать трудовой договор о дистанционной работе. Допускается заключение только гражданско-правового договора.

[15] Например, учеными лаборатории социально-экономических исследований ВШЭ с 2009–2019 гг. был проведен онлайн-опрос «Перепись фрилансеров» по единой методологии на основе данных бирж удаленной работы FL.ru. По его результатам была подготовлена коллективная монография [24] и ряд научных статей.

[16] Краудсорсинг – это вид работы на виртуальных платформах, в процессе которой заинтересованные лица на безвозмездной основе делятся между собой интеллектуальными ресурсами и продукцией.

[17] См. подробнее о необходимости тимбилдинга для цифровых кочевников и практикуемых его формах: [25].

[18] Федеральным законом № 422-ФЗ разрешено только производство личной продукции, предоставление личных услуг и продажа товара собственного производства.

Список источников

1. Кужелева-Саган И.П., Спичева Д.И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72–87.
2. Hannonen O. In search of a digital nomad: defining the phenomenon // Information Technology & Tourism. 2020. № 2. P. 335–353.
3. Mancinelli F. Digital nomads: freedom, responsibility and the neoliberal order // Information Technology & Tourism. 2020. № 22. P. 417–437.
4. Kozinets R.V. Netnography: the essential guide to qualitative social media research. London : Sage Publication, 2019. 472 p.
5. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. New York : Wiley, 1997. 246 p.
6. Кужелева-Саган И.П. Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. № 1 (29). С. 200–211.
7. Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н.А. Онтология общества сетевого и культура цифровых кочевников: методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 58–63.
8. COVID-19 and the Rise of the Digital Nomad. Excerpted from the 2020 State of Independence in America Report. URL: https://www.mbopartners.com/state-of-independence/2020-digital-nomads-report
9. Thompson B.Y. The Digital Nomad Lifestyle: (Remote) Work/Leisure Balance, Privilege, and Constructed Community // International Journal of the Sociology of Leisure. 2019. № 2. P. 27–42. doi: 10.1007/s41978-018-00030-y
10. Sutherland W., Jarrahi M.H. The Gig Economy and Information Infrastructure: The Case of the Digital Nomad Community // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2017. Vol. 1, № 1. Article 97. P. 97:1–97:24.
11. Nash C., Jarrahi M.Y., Sutherland W., Phillips G. Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies // Chowdhury G., McLeod J., Gillet V., Willett P. (ed.) Transforming Digital Worlds: 13th International Conference, iConference 2018, Sheffield. UK. March 25–28. Proceedings. Springer International Publishing AG, part of Springer Nature, 2018. P. 207–217.
12. Diaz J. How #VanLife's traffic affects car design // Fast Company. 10.08.2018. URL: https://www.fastcompany.com/90216582/how-the-vanlife-movement-is-influencing-car-design
13. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
14. Элиановский Э. Интернет-кочевники – кто это, сколько зарабатывают, и это вообще законно? URL: https://vc.ru/life/188340-internet-kochevniki-kto-eto-skolko-zarabatyvayut-i-eto-voobshche-zakonno
15. Тимошенков И.В., Нащекина О.Н. Определение места и роли акторов в экономической науке и в экономической системе общества // Бизнес Информ. 2015. № 5. С. 24–28.
16. Hermann I., Paris C.M. Digital Nomadism: the nexus of remote working and travel mobility // Information Technology & Tourism. 2020. № 22. P. 329–334.
17. Мангер М. Завтра 3.0. Транзакционные издержки и экономика совместного использования. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.
18. Vlcek W. Offshore Finance and Global Governance. Disciplining the Tax Nomad. London : Macmillan Publishers Ltd, 2017. 180 p.
19. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда. Женева : МБТ, 2017. 45 с.
20. Тощенко Ж.Т. Занятость как базовая характеристика социально-классовой структуры современного общества // Прекариат: становление нового класса. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 34–56.
21. Никифорова А.А. Рынок труда: занятость и безработица. М. : Международные отношения, 1991. 184 с.
22. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683
23. Мусаев Б.А. Влияние нестандартной занятости на изменения социально-трудовых отношений : дис. … канд. экон. наук. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт труда, 2018. 150 с.
24. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Вып. 16. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2015. 226 с.
25. Спичева Д.И., Коноваленко М.А. Тимбилдинг в коллективе цифровых кочевников // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конференции Connect-Universum-2016. 24–26 мая 2016 года. Томск : Изд. Дом Томского государственного университета, 2017. С. 245–252.

26. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86–102.
27. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан. Налог на профессиональный доход // Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. 2021. URL: https://npd.nalog.ru/#who

References

1. Kuzheleva-Sagan, I.P. & Spicheva, D.I. (2020) The phenomenon of digital nomadism in the modern interdisciplinary discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 72–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/454/9
2. Hannonen, O. (2020) In search of a digital nomad: defining the phenomenon. *Information Technology & Tourism*. 2. pp. 335–353.
3. Mancinelli, F. (2020) Digital nomads: freedom, responsibility and the neoliberal order. *Information Technology & Tourism*. 22. pp. 417–437.
4. Kozinets, R.V. (2019) *Netnography: the essential guide to qualitative social media research*. London: Sage Publication.
5. Makimoto, T. & Manners, D. (1997) *Digital Nomad*. New York: Wiley.
6. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2020) General frames for the ontology of education in the era of "new nomadism". *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 1 (29). pp. 200–211. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2020-1-200-211
7. Kuzheleva-Sagan, I.P. & Suchkova, N.A. (2019) The ontology of the network society and the culture of digital nomads: methodological approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 58–63. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/8
8. MBO Partners. (2020) *COVID-19 and the Rise of the Digital Nomad. Excerpted from the 2020 State of Independence in America Report.* [Online] Available from: https://www.mbopartners.com/state-of-independence/2020-digital-nomads-report.
9. Thompson, B.Y. (2019) The Digital Nomad Lifestyle: (Remote) Work/Leisure Balance, Privilege, and Constructed Community. *International Journal of the Sociology of Leisure*. 2. pp. 27–42. DOI: 10.1007/s41978-018-00030-y
10. Sutherland, W. & Jarrahi, M.H. (2017) The Gig Economy and Information Infrastructure: The Case of the Digital Nomad Community. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 1 (1). Article 97. pp. 97:1–97:24.
11. Nash, C. et al. (2018) Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies. In: Chowdhury G. et al. (ed.) *Transforming Digital Worlds*. Proceedings of the 13th International Conference, iConference 2018. Sheffield. 25–28 March 2018. Springer International Publishing AG. pp. 207–217.
12. Diaz, J. (2018) How #VanLife's traffic affects car design. *Fast Company*. [Online] Available from: https://www.fastcompany.com/90216582/how-the-vanlife-movement-is-influencing-car-design.
13. Urry, J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Mobilities for the twenty-first century]. Translated from English. Moscow: HSE.
14. Elianovskiy, E. (2020) Internet-kochevniki – kto eto, skol'ko zarabatyvayut, i eto voobshche zakonno? [Internet nomads – who are they, how much do they earn, and is it generally legal?]. *VC.ru*. [Online] Available from: https://vc.ru/life/188340-internet-kochevniki-kto-eto-skolko-zarabatyvayut-i-eto-voobshche-zakonno.
15. Timoshenkov, I.V. & Nashchekina, O.N. (2015) Defining the role and the place of actors in the economic science and in the economic system of society. *Biznes Inform – Business Inform*. 5 (448). pp. 24–28. (In Russian).
16. Hermann, I. & Paris, C.M. (2020) Digital Nomadism: the nexus of remote working and travel mobility. *Information Technology & Tourism*. 22. pp. 329–334.
17. Manger, M. (2021) *Zavtra 3.0. Tranzaktsionnye izderzhki i ekonomika sovmestnogo ispol'zovaniya* [Tomorrow 3.0. Transaction costs and the sharing economy]. Moscow: HSE.
18. Vlcek, W. (2017) *Offshore Finance and Global Governance. Disciplining the Tax Nomad*. London: Macmillan Publishers Ltd.
19. International Labour Organization. (2017) *Nestandartnye formy zanyatosti. Analiz problem i perspektivy resheniya v raznykh stranakh. Obzornaya versiya.* [Non-Standard Forms of Employment. Analysis of problems and prospects for solutions in different countries. An overview]. Geneva: ILO.
20. Toshchenko, Zh.T. (2020) Zanyatost' kak bazovaya kharakteristika sotsial'no-klassovoy struktury sovremennogo obshchestva [Employment as a basic characteristic of the social class structure of modern society]. In: Toshchenko, Zh.T. (ed.) *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: The emergence of a new class]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. pp. 34–56.
21. Nikiforova, A.A. (1991) *Rynok truda: zanyatost' i bezrabotitsa* [Labor Market: Employment and unemployment]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
22. Consultant Plus. (2021) *Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 30, 2021) (as amended and supplemented, in force since May 1, 2021)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683. (In Russian).
23. Musaev, B.A. (2018) *Vliyanie nestandartnoy zanyatosti na izmeneniya sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Influence of non-standard employment on changes in social and labor relations]. Economics Cand. Diss Moscow.
24. Strebkov, D.O., Shevchuk, A.V. & Spirina, M.O. (2015) *Razvitie russkoyazychnogo rynka udalennoy raboty, 2009–2014 gg. (po rezul'tatam Perepisi frilanserov)* [Development of the Russian-speaking remote work market, 2009–2014 (according to the results of the Census of freelancers)]. Vol. 16. Moscow: HSE.
25. Spicheva, D.I. & Konovalenko, M.A. (2017) [Teambuilding in the digital nomads' working teams]. *Tsifrovoe kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the 3rd International Transdisciplinary WEB-Conference Connect-Universum-2016. Tomsk. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 245–252. (In Russian).
26. Strebkov, D.O. & Shevchuk, A.V. (2019) The trap of flexible work schedule: how unusual working patterns influence the work-life balance of freelancers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3 (151). pp. 86–102. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06
27. Federal Tax Service of Russia. (2021) *Spetsial'nyy nalogovyy rezhim dlya samozanyatykh grazhdan. Nalog na professional'nyy dokhod* [Special tax regime for self-employed citizens. Tax on professional income]. [Online] Available from: https://npd.nalog.ru/#who.

Информация об авторе:
Пантыкина М.И. – д-р филос. наук, зам. директора гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: pantikina@tltsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
M.I. Pantykina, Dr. Sci. (Philosophy), deputy head of the Institute for the Humanities and Pedagogy, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: pantikina@tltsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2021;
одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 24.11.2021;
approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 316.346.3
doi: 10.17223/15617793/475/12

Пространственный взгляд на детство: о географии детства, субъектности ребенка и трендах социологической науки

Александра Геннадьевна Филипова[1, 2], Леонас Толвайшис[3, 4], Наталья Эдуардовна Ракитина[5]

[1] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
[2] Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия
[3] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
[4] Частный университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия
[5] Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия
[1, 2] alexandra.filipova77@gmail.com
[3, 4] ltolvaishis@urfu.ru
[5] rakitina.nat@gmail.com

Аннотация. Представлен обзор зарубежных исследований в области географии детства. Обозначены основные исследовательские направления, выстраивающиеся вокруг темы детской субъектности. Делается вывод о сложности и многоаспектности взаимодействия детей и пространств, разном влиянии на субъектность ребенка институциональных и неинституциональных городских мест или «мест для детей» и «детских мест».

Ключевые слова: география детства, социальные исследования детства, пространства, дети, субъектность ребенка

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-111-50221.

***Для цитирования*:** Филипова А.Г., Толвайшис Л., Ракитина Н.Э. Пространственный взгляд на детство: о географии детства, субъектности ребенка и трендах социологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 93–99. doi: 10.17223/15617793/475/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/12

A spatial perspective on childhood: Children's geography, child's agency and trends in social sciences

Alexandra G. Filipova[1, 2], Leonas Tolvaišis[3, 4], Natalia E. Rakitina[5]

[1] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
[2] Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation
[3] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
[4] Union Nikola Tesla University, Belgrade, Serbia
[5] Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation
[1, 2] alexandra.filipova77@gmail.com
[3, 4] ltolvaishis@urfu.ru
[5] rakitina.nat@gmail.com

Abstract. The article presents a review of international research in the field of children's geography, a research direction situated at the junction of geography and social studies of childhood. It reviews three stages of the development of children's geography, identifies important events, research centres and researchers (1970s, 1990s and 2000s). The review of key works is focused on the objectives of each stage. In the 1970s, the child is discovered in developmental psychology and environmental psychology; in the 1990s, children's geography is established as a subdiscipline; in the 2000s, children's geography undergoes further institutionalisation, and new directions of interdisciplinary research develop. The review is built upon the publications of the *Children's Geographies* journal from the period between 2016 and 2020 (a total of 33 issues) and 38 articles selected from the Web of Science database by means of a search query by the key phrase "children AND geography". The study concludes by identifying the following analytical categories: different types of childhood spaces (virtual and real, basic and intermediate) and their technical and emotional characteristics; child's agency and its relationship to children's rights, socialisation and participatory research methods. The article outlines the main research trends in overcoming interdisciplinary boundaries and expanding the subject field of children's geography. The conclusion emphasises the complexity and multidimensionality of the interaction of children and spaces, the influence on spatial relations and spatial behaviour of accompanying factors: family, individual characteristics of the child, infrastructure and sociocultural characteristics of the place of

© Филипова А.Г., Толвайшис Л., Ракитина Н.Э., 2022

residence. The modern children's geography develops in two directions: "in breadth", i.e. in the direction of interdisciplinarity and intercontinentalism, and "in depth", or in the direction of children's everyday life, the daily experience of interaction between children and spaces. The main challenges children's geography faces are related to the appeal to "absent" (invisible) children and young people; studies of differences and social and cultural relationships between this socio-demographic community and the adult world; and studies of everyday spatiality, emotions and affects of children.

Keywords: children's geography, social studies of childhood, spaces, children, child's agency

Financial Support: The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-111-50221.

***For citation*:** Filipova, A.G., Tolvaišis, L. & Rakitina, N.E. (2022) A spatial perspective on childhood: Children's geography, child's agency and trends in social sciences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 93–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/12

География детства представляет собой междисциплинарную отрасль науки, находящуюся на пересечении гуманитарной географии и социальных исследований детства. Объектами исследований географии детства выступают пространства и места, значимые для жизненного опыта ребенка и становления его субъектности. В зарубежных социогеографических исследованиях детей и детства принято различать места, создаваемые для детей взрослыми, и детские места, создаваемые самими детьми [1]. «Места для детей» – это места, преимущественно контролируемые родителями и другими взрослыми. Для развития детской субъектности важное значение имеют «детские места» – места, созданные или переустроенные самими детьми.

Дети – самобытная группа, опыт которой отличается от опыта прочих социальных групп и требует отдельного изучения. Жизненный опыт детей, их взгляды и возможности социально и пространственно структурированы. География детства изучает, какую роль дети играют в обществе, помимо приспособления к миру, ориентированному на взрослых. В основу географии детства положены предпосылки общности определяемого биологическим возрастом жизненного опыта детей относительно пространств и передвижений.

Концептуальная граница между детством и взрослой жизнью в исследованиях географии детства пролегает не столько по возрастным рубежам, сколько по критериям перехода к качественно иным жизненным пространствам: вступлению на рынок труда, прекращению учёбы, оставлению родительского дома, становлению тех или иных форм идентичности, маргинальной жизни или, напротив, гражданскому участию и т.п. Все перечисленные сферы являются перспективными направлениями исследований географии детства и напрямую связаны с субъектностью ребенка.

Концепция географии детства в своём развитии прошла три фазы [2]. Первые концептуальные идеи зародились в начале 1970-х гг. в рамках американской географической науки под влиянием психологии развития и психологии среды, где интерес уделялся разнообразию мест и сред детского опыта [3]. В 1970–1980-е гг. внимание исследователей обращается к осознанию ребёнком места, географическим знаниям, способностям к ориентированию в пространстве и способам взросления детей. В 1975 г. Вильям Бандж опубликовал результаты исследования притеснения детей в сфере использования пространств в Детройте и Торонто [4]. Бандж предложил включить детей в географические исследования, определив их как «крупнейшее меньшинство» [5]. Параллельно изучались ранние детские навыки картирования [6], что послужило началом исследований пространственного познания у детей [7].

Предметом исследований географии детства становились детские способности картирования, однако дискуссии относительно критической оценки способов социального и пространственного конструирования жизней, опыта, взглядов и возможностей детей начались на следующем этапе, когда распространение получили идеи социально конструируемых пространств и пространственно конструируемых социальных сфер.

Становление географии детства в качестве признанной научной субдисциплины восходит к 1990-м гг., ознаменовавшим, таким образом, вторую фазу её развития. В опубликованной в 1990 г. Королевским географическим обществом статье Сара Джеймс обращает внимание на исключенность детей из географической науки. Исследовательница выделила три области исследований, в которых дети демонстрируют отличия от взрослых: социально-пространственные отношения (использование пространства), пространственное поведение и познание окружающей среды (интерпретация пространства) [8].

На данном этапе распространение получают феминистский и марксистский подходы географов к идентичности молодых людей и различным способам их познания. Исследуются роль физической среды в процессах социального и культурного воспроизводства, а также взаимосвязь пространства, места и власти в контексте влияния процессов глобальной экономической реструктуризации на местный опыт детей, равно как и потенциального влияния траекторий жизни молодых людей на глобальные процессы [9]. Таким образом, преодолеваются ограничения сугубо психологического взгляда на детей, допускавшего рассмотрение ребёнка в качестве производной от действий родителей и оставлявшего без должного внимания воздействие внешней среды [10].

Последующий выход географии детства на мировую научную арену был обусловлен подписанием Конвенции о правах ребёнка ООН (1989 г.) и становлением новой социологии детства, в рамках которой дети уже не рассматривались только лишь с точки зрения «становления взрослыми» [11, 12]. За детьми

признаются полноценная онтология, права и привилегии [13].

В третьей фазе развития географии детства, приходящейся на два десятилетия XXI в., рассматриваются проблемы политической идентичности, знаний о молодых людях и их географиях, способов создания и воссоздания молодыми людьми пространств и себя самих. Было положено начало многим междисциплинарным направлениям исследований: от ландшафтов ухода за младенцами до детского труда, миграции, мобильности, образования, молодёжной активности. Исследуются способы вовлечения голоса и субъектности ребёнка в процесс принятия решений, альтернативные образовательные программы как фактор повышения гражданского участия.

Для выявления специфики пространственного осмысления детства, определения способов исследования взаимодействия детства и пространства нами были изучены публикации журнала Children's Geographies (за последние 5 лет, всего 33 выпуска). Также для анализа привлекались другие ключевые зарубежные научные публикации по данной тематике, полученные в результате поискового запроса в Web of Science по словосочетанию «children AND geography». Дата поиска – 15 апреля 2020 г. Всего было получено 258 публикаций, в том числе 228 – на английском языке. Для изучения были взяты публикации, относящиеся к предметным областям «социология» (28 статей), «городские исследования» (8 статей), «региональные исследования» (2 статьи).

Пространства, представленные на страницах журнала «Children's Geographies», отличаются исключительным разнообразием и варьируются от физических (дома, детские площадки, парки, школы и т.п.) до психологических, гипотетических, воображаемых, виртуальных пространств. В исследованиях географии детства пространства выступают контекстом благополучия детей, обусловленного как объективными обстоятельствами (например, социоэкономическим статусом, уровнем преступности и пр.), так и субъективным опытом места [14].

Традиционно распространены сравнительные исследования «окон возможностей» – например, влияния географической изоляции или, напротив, доступа к городской экономической инфраструктуре, внешкольным развивающим формам деятельности на формирование «мягких» навыков, необходимых для самостоятельной жизни по окончании школы [15].

Все большую популярность набирает исследование детской игры, основанное на практике. Игра – не новая тема в географии детства и исследованиях детства. Как отмечает Сюзанн Климент, более 20 статей, опубликованных в журнале "Children's Geographies", содержат «игру» в заголовках, а в ещё большем числе публикаций игра рассматривается как неотъемлемая часть жизней детей [16].

Исследуется влияние круга общения родителей по соседству с местом обитания на выбор родителями школы для детей [17]. В число образовательных пространств, помимо собственно школ, входят и музеи. В новой области – музейной географии детства – последовательно продвигается идея отхода от традиционного представления о музеях как о площадках, где дети предстают в обучающихся и повествующих ролях, в сторону развёрнутого понимания детей как носителей опыта и игры [18].

Взаимодействие детей с пространствами внедряется и в исследования виртуальной реальности в географии детства, в разработку лучших практик производства виртуального контента для детей [19]. В таких исследованиях учитываются аспекты здоровья и безопасности (например, в отношении зрения и осанки), рассматривается взаимодействие детей с контентом и гаджетами.

Среди сравнительно малоизученных территорий географии детства следует упомянуть исследования материальной культуры детства. Игрушечные ландшафты детского жилища всё чаще увязываются с последующей жизненной траекторией человека, с набирающей обороты автоэтнографической методологией. В контексте материальной культуры детства исследовательскими направлениями выступают география детской кроватки, география спальни, когда изучаются расположение игрушек, действия игрушек в воображении ребёнка, изменения микромира детского жилища с возрастом и преемственность между миром детства и взрослостью.

Все большее внимание географов детства привлекают промежуточные, или третьи пространства (после школы и дома), как их еще иногда называют. Такие пространства становятся площадкой для формирования детского опыта и проведения самостоятельных (без участия взрослых) экспериментов [20]. Родители рассматривают эти промежуточные пространства с точки зрения их безопасности, как инструмент развития мобильности и независимости детей [21]. Для детей промежуточные пространства двора, детской площадки – территории творческого развития и игры с друзьями, а также точка выхода на дальнейшее освоение мест.

Важной темой, получающей свое развитие на страницах «Children's Geographies», выступает пространственная идентичность детей и подростков. На страницах журнала речь идет о противопоставлении «твердого» города статистики и карт «мягкому» городу креативной игры городского образа жизни, искусства, позволяющего горожанам выстраивать город в воображаемой картине мира [22].

Расширяющаяся область исследований эмоционального опыта миграции детей и молодежи являет собой пример развития эмоциональной географии детства. Эмоции рассматриваются как часть знания детей, представляющая эмоциональное понимание детьми и опыт «вживания» в пространства и места. Дети описывают свой эмоциональный опыт, накопленный в различных ситуациях, в ходе выстраивания своей идентичности в определенном пространственном контексте (например, сельская молодежь в городе) [23].

Эмоциональная география руководствуется ключевым отличием мира ребенка – мира «видов, звуков и запахов» – от мира взрослого, покоящегося на рассудке и причинности [24]. Все большее значение для методо-

логии географии детства приобретает преломление собственного детства исследователя в его работе.

В полевых исследованиях детей улицы выявляются пространства, ассоциируемые со страхом, а также пространства, служащие для укрытия. Страх рассматривается как фактор, формирующий повседневный выбор и решения ребенка, направляющий его субъектность [25]. Результаты исследований подобного рода детских нарративов важны для социальной политики и практики. Исследования активного участия детей в конфликтных политических событиях, в частности – вовлечения детей в политическое насилие, фокусируются на последствиях политического конфликта для жизни детей [26]. В ходе таких исследований выявляется, что поддержание хороших отношений с взрослым миром критически важно для ежедневного выживания детей, чья жизнь связана с улицей.

Отдельный массив публикаций журнала посвящён развитию технических характеристик пространства для совершенствования физической среды детства. В таких публикациях проблематизируется вопрос влияния физического и социального окружения на развитие ребенка, реализацию самодостаточного права на игру, не носящего инструментальный характер по отношению к развивающим целям [27].

Инфраструктурные характеристики дружественного для детей города анализируются в контексте права детей на город. Дети рассматриваются исследователями как соконструкторы городской среды, чьи запросы и потребности должны учитываться наряду с запросами и потребностями взрослых горожан.

Отдельный пласт исследований журнала «Children's Geographies» посвящен отслеживанию изменений во «властных» отношениях, т.е. соотношению сил между детьми, их сверстниками и взрослыми. Предметом таких исследований становятся статус и позиционирование детей в контексте их жизненного опыта, а также концептуализация самого понятия «ребенок».

В традиционной парадигме дети воплощают собой социальный, культурный и политический конструкт (т.е. зависимые, более молодые члены семьи, не взрослые). К ним выдвигаются требования, как им следует вести себя в той или иной социальной ситуации, какие отношения у них должны быть с взрослыми, сверстниками и сообществом, какие правовые и культурные ограничения на них налагаются.

В новой, получающей распространение научной парадигме (так называемой новой социологии детства) дети воспринимаются как активные агенты-творцы, наделенные сознанием, голосом и действием в контексте пространства. В качестве социальных конструктов воспринимаются школьные и прочие площадки, а также активная игра [28]. Такое понимание субъектности детей дает начало разнообразным направлениям исследований. Так, гендерные аспекты порождают такие предметы исследований, как восприятие детьми гендерной специфики пространств, опыт исключения девочек из пространств активной игры, перспектива пространственного и социального выражения пола. Открытость институтов к субъектности детей получила название пространственной справедливости [29].

Важным объектом исследований остается социальная изоляция детства. К примеру, изучается, каким образом глубокие и сохраняющиеся следы продолжительной истории изоляции присутствуют в распространенном восприятии школы. В постколониальном контексте изучаются подчиненная фигура ребенка, препятствия к получению образования у детей маргинальных групп [30]. Субъектность ребенка исследуется в контексте давления семьи и государства в целях повышения успеваемости, а также стремления учащихся к самореализации и автономии. Предметом таких исследований становится опыт учащихся.

Проблематика детской субъектности неразрывно связана с опытом реализации прав ребенка. Изучается, какие переменные позволяют детям артикулировать цели публичной политики, критику условий, практики и относительных аспектов опыта, ограничивающих их благосостояние в тех или иных пространствах. Предметом исследования становится «голос» ребенка: самостоятельное выявление им структурного отказа в реализации его прав, определение необходимых условий и требований соблюдения своих формальных прав. Исследованиями установлено, что даже маленькие дети распознают отдельные пункты дебатов, чувствуют обсуждение важных для них вопросов и обращаются к ним [31].

Субъектность ребенка может принимать формы участия, самостоятельной мобильности, игровой субъектности (play agency), активности, свободного самовыражения, заботы, сопротивления и т.п. Публикации журнала посвящены разбору бинарного противопоставления ребенка и взрослого, анализу детоцентричности и ориентированности на детей различных мест.

В современных исследованиях географии детства видное место занимает обсуждение взаимосвязи субъектности и социализации. Дети рождаются с врожденной способностью принимать решения, независимо действовать и производить эффекты в окружающем мире. Приобретение и развитие ими различных техник проявления субъектности зависит от социализации.

Субъектность ребенка влияет на фокус исследований, заставляя их смещаться в сторону соучаствующих методов, вовлечения ребенка в процессы производства знаний [32]. Так, Фило призывает смотреть на мир глазами детей, чтобы понять, что они говорят нам о социальных изменениях, в которые они неизбежно встраиваются [24].

Новые приоритеты исследований географии детства обусловлены растущей численностью детей и молодежи в Южном полушарии, особенно в Африке. Вызовы, с которыми сталкивается молодое население различных регионов, обусловливают потребность в «деколонизации мышления» в области географии детства с учетом экономических, социальных и политических контекстов. Особенно перспективными признаются теоретические изыскания и практические итоги исследований детства с привлечением примеров из самых разнообразных регионов. Ввиду прогнозов ООН, согласно которым Африка является един-

ственным континентом, на котором численность молодежи будет стабильно увеличиваться в течение нескольких десятилетий, ожидается, что африканские перспективы станут господствующими и привнесут опыт крайней бедности, неравенства, неизвестности и опасности в качестве основных, а не маргинальных тем исследований детства [33].

Джон Хортон, Питер Крафтл и Файв Такер, размышляя об итогах конференции «New Directions in Children's Geographies» (Великобритания, 2006 г.), озвучивают новые вызовы, которые возникают перед географией детства: 1) вызов более широким современным течениям и областям исследований, таким как география человека и новые социальные исследования детства; 2) совершенствование способов, посредством которых «детские географы» выходят на более широкие области теории и практики, мейнстрим академической географии [34].

Тисдол и Панч призывают географию детства не ограничиваться строго предметными рамками, а придерживаться «всестороннего глобального подхода к детским географиям, основанного на междисциплинарной интеграции и всеобщем диалоге» [35]. В этом направлении развивается макрогеография детского благополучия, базирующаяся на докладах мировых сообществ, в частности докладах ЮНИСЕФ. В отдельных случаях география детского благополучия трансформируется в географию детского выживания или географию детской смертности.

Миллеи и Раутио, обращаясь к микроуровню географии детства, говорят о важности «замедления детских исследований» с помощью методологических и теоретических приемов для признания кажущихся тривиальными деталей детской повседневности [36].

В то же время можно констатировать необходимость расширения возрастных границ детей – участников исследований, более активного вовлечения детей дошкольного и младшего школьного возраста. Макнами и Сеймур, проанализировав 320 публикаций по итогам эмпирических исследований между 1993 и 2010 гг. в трех ведущих журналах по детству («Children and Society», «Childhood» и «Children's Geographies»), пришли к выводу, что исследователи часто берут за основу одну и ту же возрастную группу – детей в возрасте 10–12 лет [37].

Подытоживая настоящий обзор, отметим, что география детства развивается в двух направлениях – «вширь», в направлении междисциплинарности и межконтинентальности, и «вглубь», в направлении детской повседневности, ежедневного опыта взаимодействия детей и пространств. Общим для всех вышеобозначенных направлений исследований является пространственное обоснование агентности детства, акцент на субъектности ребенка во множестве ее проявлений. При этом разное по силе и направленности влияние оказывают институциональные пространства детства (школа, культурно-досуговые учреждения), дом и «третьи» места детства. Последние часто становятся «детскими местами» в отличие от «мест для детей», специально создаваемых взрослыми, и дают больше возможностей для формирования субъективного опыта места, становления пространственной идентичности ребенка. Что же касается институциональных мест, то они часто продуцируют межпоколенные разрывы, поскольку воспроизводят взрослый взгляд на «места для детей».

Продвижению темы детской субъектности в географии детства способствует политическая повестка международного сообщества (принятие Конвенции ООН «О правах ребенка», инициатива ЮНИСЕФ «Child Friendly Cities), с одной стороны, а, с другой – развитие новой социологии детства. Все это порождает тренды соучаствующих исследований с детьми, в том числе разработку соответствующих методов, изучения политической агентности детства, вовлечения детей в процесс принятия решений, в особенности в сфере экологии. Дети предстают как эксперты опыта, носители специфических практик и знания.

Список источников

1. Rasmussen K. Places for children – children's places // Childhood. 2004. Vol. 11 (2). P. 155–173. doi: 10.1177/0907568204043053
2. Skelton T. Youthful geographies: from Cool Places to hyper-dynamic Asia // Children's Geographies. 2018. Vol. 17 (1). P. 24–27. doi: 10.1080/14733285.2018.1535696
3. Hart R. Children's Experience of Place: A Developmental Study. New York : Irvington Publishers, 1979. 518 p.
4. Bunge W. The point of reproduction: a second front // Antipode. 1975. № 9. P. 60–76. doi: 10.1111/j.1467-8330.1977.tb00711.x
5. Bunge W. The geography // The Professional Geographer. 1973. Vol. 25 (4). P. 331–337. doi: 10.1111/j.0033-0124.1973.00331.x
6. Blaut J., McCleary G., Blaut A. Environmental mapping in young children // Environment and Behaviour. 1970. № 23. P. 335–349.
7. Matthews H. Making Sense of Place: Children's Understandings of Large-scale Environments // Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. 1992. P. 193–195. doi: 10.1002/edp.2430020307
8. James S. Is There a 'Place' for Children in Geography? // Area. 1990. № 3. P. 278–283.
9. Katz C. Children and the Environment: Work, Play and Learning in Rural Sudan // Children's Environments Quarterly. 1986. Vol. 3 (4). P. 43–51.
10. Katz C. Playing the Field: Questions of Fieldwork in Geography // The Professional Geographer. 1994. Vol. 46 (1). P. 67–72. doi: 10.1111/j.0033-0124.1994.00067.x
11. James A., Prout A. Constructing and Reconstructing Childhood. London : Routledge, 2015. 246 p. doi: 10.4324/9781315745008
12. James A., Jenks C., Prout A. Theorizing Childhood. New York : Teacher's College Press, 1998. 256 p.
13. Skelton T. Children, Young People, UNICEF and Participation // Global Childhoods : Globalization, Development and Young People. New York : Routledge, 2009. P. 165–181. doi: 10.1080/14733280601108338
14. Murnaghan A.M.F., Shillington L.J. (eds) Children, nature, cities. London : Routledge, 2016. 224 p.
15. Skattebol J., Redmond G. Troubled kids? Locational disadvantage, opportunity structures and social exclusion // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (1). P. 76–89. doi: 10.1080/14733285.2018.1487031
16. Clement S. Practice-based research in children's play // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (6). P. 666–667. doi: 10.1080/14733285.2017.1409424
17. Kosunen S., Rivière C. Alone or together in the neighbourhood? School choice and families' access to local social networks // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (2). P. 143–155. doi: 10.1080/14733285.2017.1334114

18. Hackett A., Holmes R., MacRae C., Procter L. Young children's museum geographies: spatial, material and bodily ways of knowing // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (5). P. 481–488. doi: 10.1080/14733285.2018.1497141
19. Yamada-Rice D. Licking planets and stomping on buildings: children's interactions with curated spaces in virtual reality // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (5). P. 529–538. doi: 10.1080/14733285.2018.1495316
20. Clayton E., Shuttleworth J. Spaces In-between // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (5). P. 539–542. doi: 10.1080/14733285.2018.1458213
21. Furneaux A., Manaugh K. Eyes on the alley: children's appropriation of alley space in Riverdale, Toronto // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (2). P. 204–216. doi: 10.1080/14733285.2018.1482409
22. Monk J. Mapping the soft city: using cognitive mapping to respond to London-based literature and explore the construction of teenage place-related identity // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (2). P. 162–176. doi: 10.1080/14733285. 2018.1471448
23. Chakraborty K., Thambiah S. Children and young people's emotions of migration across Asia // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (6). P. 583–590. doi: 10.1080/14733285.2018.1503231
24. Philo C. Childhood is measured out by sounds and sights and smells, before the dark of reason grows: children's geographies at 12 // Children's Geographies. 2016. Vol. 14 (6). P. 623–640. doi: 10.1080/14733285.2016.1187896
25. Malcomson T., Bradford S. Fearsome people and places, narratives of street and hideout children in Freetown, Sierra Leone // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (3). P. 333–345. doi: 10.1080/14733285.2017.1380168
26. Rahman R., Samadder Z.R., Khan I.I, Chowdhury T.R. Involvement of street children in the political violence of Bangladesh // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (3). P. 292–303. doi: 10.1080/14733285.2018.1434131
27. Sullu B. Geographies of children's play in the context of neoliberal restructuring in Istanbul // Children's Geographies. 2018. Vol. 16 (2). P. 169–183. doi: 10.1080/14733285.2017.1341972
28. Spark C., Porter L., de Kleyn L. 'We're not very good at soccer': gender, space and competence in a Victorian primary school // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (2). P. 190–203. doi: 10.1080/14733285.2018.1479513
29. Satta C.A. Proper Place for a Proper Childhood? Children's Spatiality in a Play Centre. Children's spatialities: embodiment, emotion and agency / ed. by A. Hacket, L. Procter, J. Seymour. Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 178–197. doi: 10.1057/9781137464989_11
30. Balagopalan S. 'Afterschool and during vacations': on labor and schooling in the postcolony // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (2). P. 231–245. doi: 10.1080/14733285.2018.1490008
31. Maciejewska-Mroczek E., Radkowska-Walkowicz M. Do 'in vitro children' exist? The 'ontological choreography' between public debates and private experiences in Poland // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (1). P. 36–48. doi: 10.1080/14733285.2017.1380781
32. Porter G., Townsend J., Hampshire K. Children and young people as producers of knowledge // Children's Geographies. 2012. Vol. 10 (2). P. 131–134. doi: 10.1080/14733285.2012.667915
33. van Blerk L. Where in the world are youth geographies going? Reflections on the journey and directions for the future // Children's Geographies. 2019. Vol. 17 (1). P. 32–35. doi: 10.1080/14733285.2018.1535695
34. Horton J., Kraftl P., Tucker F. The challenges of 'Children's Geographies': a reaffirmation // Children's Geographies. 2008. Vol. 6 (4). P. 335–348. doi: 10.1080/14733280802338049
35. Tisdall E. K. M., Punch S. Not so 'New'? Looking Critically at Childhood Studies // Children's Geographies. 2012. Vol. 10 (3). P. 249–264. doi: 10.1080/14733285.2012.693376
36. Millei Z., Rautio P. 'Overspills' of Research with Children: an Argument for Slow Research // Children's Geographies. 2017. Vol. 15 (4). P. 466–477. doi: 10.1080/14733285.2016.1277182
37. McNamee S., Seymour J. Towards a Sociology of 10–12 Year Olds? Emerging Methodological Issues in the 'new' Social Studies of Childhood // Childhood. 2013. Vol. 20 (2). P. 156–168. doi: 10.1177/0907568212461037

References

1. Rasmussen, K. (2004) Places for children – children's places. *Childhood.* 11 (2). pp. 155–173. DOI: 10.1177/0907568204043053
2. Skelton, T. (2018) Youthful geographies: from Cool Places to hyper-dynamic Asia. *Children's Geographies.* 17 (1). pp. 24–27. DOI:10.1080/14733285. 2018.1535696.
3. Hart, R. (1979) *Children's Experience of Place: A Developmental Study*. New York: Irvington Publishers.
4. Bunge, W. (1975) The point of reproduction: a second front. *Antipode.* 9. pp. 60–76. DOI: 10.1111/j.1467-8330.1977.tb00711.x
5. Bunge, W. (1973) The geography. *The Professional Geographer*. 25 (4). pp. 331–337. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1973.00331.x
6. Blaut, J., McCleary, G. & Blaut, A. (1970) Environmental mapping in young children. *Environment and Behaviour.* 23. pp. 335–349.
7. Matthews, H. (1992) *Making Sense of Place: Children's Understandings of Large-scale Environments.* Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. pp. 193–195. DOI: 10.1002/edp.24300 20307
8. James, S. (1990) Is There a 'Place' for Children in Geography? *Area*. 3. pp. 278–283.
9. Katz, C. (1986) Children and the Environment: Work, Play and Learning in Rural Sudan. *Children's Environments Quarterly.* 3 (4). pp. 43–51.
10. Katz, C. (1994) Playing the Field: Questions of Fieldwork in Geography. *The Professional Geographer.* 46 (1). pp. 67–72. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00067.x
11. James, A. & Prout, A. (2015) *Constructing and Reconstructing Childhood*. 3rd edition. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315745008
12. James, A., Jenks, C. & Prout, A. (1998) *Theorizing Childhood*. New York: Teacher's College Press.
13. Skelton, T. (2009) *Children, Young People, UNICEF and Participation. Global Childhoods: Globalization, Development and Young People*. New York: Routledge. pp. 165–181. DOI: 10.1080/1473 3280601108338
14. Murnaghan, A.M.F. & Shillington, L.J. (eds) (2016) *Children, nature, cities*. London: Routledge.
15. Skattebol, J. & Redmond, G. (2019) Troubled kids? Locational disadvantage, opportunity structures and social exclusion. *Children's Geographies.* 17 (1). pp. 76–89. DOI: 10.1080/14733285.2018.1487031
16. Clement, S. (2018) Practice-based research in children's play. *Children's Geographies.* 16 (6). pp. 666–667. DOI: 10.1080/14733285.2017.1409424
17. Kosunen, S. & Rivière, C. (2018) Alone or together in the neighbourhood? School choice and families' access to local social networks. *Children's Geographies.* 16 (2). pp. 143–155. DOI: 10.1080/14733285.2017.1334114
18. Hackett, A., Holmes, R., MacRae, C. & Procter, L. (2018) Young children's museum geographies: spatial, material and bodily ways of knowing. *Children's Geographies.* 16 (5). pp. 481–488. DOI: 10.1080/14733285.2018.1497141
19. Yamada-Rice, D. (2018) Licking planets and stomping on buildings: children's interactions with curated spaces in virtual reality. *Children's Geographies.* 6 (5). pp. 529–538. DOI: 10.1080/14733285.2018.1495316
20. Clayton, E. & Shuttleworth, J. (2018) Spaces In-between. *Children's Geographies.* 16 (5). pp. 539–542. DOI: 10.1080/14733285.2018.1458213
21. Furneaux, A. & Manaugh, K. (2019) Eyes on the alley: children's appropriation of alley space in Riverdale, Toronto. *Children's Geographies.* 17 (2). pp. 204–216. DOI: 10.1080/14733285. 2018.1482409
22. Monk, J. (2019) Mapping the soft city: using cognitive mapping to respond to London-based literature and explore the construction of teenage place-related identity. *Children's Geographies.* 17 (2). pp. 162–176. DOI: 10.1080/14733285. 2018.1471448
23. Chakraborty, K. & Thambiah, S. (2018) Children and young people's emotions of migration across Asia. *Children's Geographies.* 16 (6). pp.

583–590. DOI: 10.1080/14733285.2018.1503231
24. Philo, C. (2016) Childhood is measured out by sounds and sights and smells, before the dark of reason grows: children's geographies at 12. *Children's Geographies.* 14 (6). pp. 623–640. DOI: 10.1080/14733285.2016.1187896
25. Malcomson, T. & Bradford, S. (2018) Fearsome people and places, narratives of street and hideout children in Freetown, Sierra Leone. *Children's Geographies.* 16 (3). pp. 333–345. DOI: 10.1080/1473 3285.2017.1380168
26. Rahman, R., Samadder, Z.R., Khan, I.I.. & Chowdhury, T.R. (2018) Involvement of street children in the political violence of Bangladesh. *Children's Geographies.* 16(3). pp. 292–303. DOI: 10.1080/14733285.2018.1434131
27. Sullu, B. (2018) Geographies of children's play in the context of neoliberal restructuring in Istanbul. *Children's Geographies.* 16 (2). pp. 169–183. DOI: 10.1080/14733285.2017.1341972
28. Spark, C., Porter, L. & de Kleyn, L. (2019) 'We're not very good at soccer': gender, space and competence in a Victorian primary school. *Children's Geographies.* 17(2). pp. 190–203. DOI: 10.1080/147 33285.2018.1479513
29. Satta, C. (2015) *A Proper Place for a Proper Childhood? Children's Spatiality in a Play Centre. Children's spatialities: embodiment, emotion and agency*. Ed. by A. Hacket, L. Procter, J. Seymour. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan UK. pp. 178–197. DOI: 10.1057/9781137464989_11
30. Balagopalan, S. (2019) 'Afterschool and during vacations': on labor and schooling in the postcolony. *Children's Geographies.* 17 (2). pp. 231–245. DOI: 10.1080/14733285.2018.1490008
31. Maciejewska-Mroczek, E. & Radkowska-Walkowicz, M. (2019) Do 'in vitro children' exist? The 'ontological choreography' between public debates and private experiences in Poland. *Children's Geographies*. 17 (1). pp. 36–48. DOI: 10.1080/14733285.2017.1380781
32. Porter, G., Townsend, J. & Hampshire, K. (2012) Children and young people as producers of knowledge. *Children's Geographies.* 10 (2). pp. 131–134. DOI: 10.1080/14733285.2012.667915
33. van Blerk, L. (2019) Where in the world are youth geographies going? Reflections on the journey and directions for the future. *Children's Geographies.* 17 (1). pp. 32–35. DOI: 10.1080/14733285.2018.1535695
34. Horton, J., Kraftl, P. & Tucker, F. (2008) The challenges of 'Children's Geographies': a reaffirmation. *Children's Geographies.* 6 (4). pp. 335–348. DOI: 10.1080/14733280802338049
35. Tisdall, E.K.M. & Punch, S. (2012) Not so 'New'? Looking Critically at Childhood Studies. *Children's Geographies.* 10 (3). pp. 49–264. DOI: 10.1080/14733285.2012.693376
36. Millei, Z. & Rautio, P. (2017) 'Overspills' of Research with Children: an Argument for Slow Research. *Children's Geographies.* 15 (4). pp. 466–477. DOI: 10.1080/14733285.2016.1277182
37. McNamee, S. & Seymour, J. (2013) Towards a Sociology of 10–12 Year Olds? Emerging Methodological Issues in the 'new' Social Studies of Childhood. *Childhood.* 20 (2). pp. 156–168. DOI: 10.1177/0907568212461037

Информация об авторах:
Филипова А.Г. – д-р социол. наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия); руководитель лаборатории комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия). E-mail: alexandra.filipova77@gmail.com
Толвайшис Л. – канд. полит. наук, доцент Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); профессор факультета дипломатии и безопасности Частного университета "Унион – Никола Тесла" (Белград, Сербия). E-mail: ltolvaishis@urfu.ru
Ракитина Н.Э. – канд. социол. наук, доцент кафедры публичного и частного права Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: rakitina.nat@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.G. Filipova, Dr. Sci. (Sociology), professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation); head of the Complex Research Laboratory for Study of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alexandra.filipova77@gmail.com
L. Tolvaišis, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ykaterinburg, Russian Federation); professor, Union Nikola Tesla University (Belgrade, Serbia). E-mail: ltolvaishis@urfu.ru
N.E. Rakitina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: rakitina.nat@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 14.02.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 100–105
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 475. pp. 100–105

ПЕДАГОГИКА

Original article
UDC 378.4
doi: 10.17223/15617793/475/13

Inclusion of pedagogical universities in international subject rankings: Problems and prospects

Natalia N. Abakumova[1], Guofang Lei[2], Irina S. Savitskaya[3], Xu Sisi[4, 5]

[1, 2, 3, 4] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[5] East China Normal University, Shanghai, China
[1] tomsk-ann@yandex.ru
[2] leiguofang@126.com
[3] sais.08@mail.ru
[4, 5] 306010184@qq.com

Abstract. The present study actualizes the problem of internationalization of Russian pedagogical education, the solution to which will ensure the "recognition of universities" in the global education market and the entry of Russian and Chinese universities into the international educational market. We associate the solution to this problem with the digitalization of education, the internationalization of the national system of higher education, organization of world-class research, participation in projects, programs and international professional associations. The study used the method of analysis of open sources of data, a survey of experts (working at the Higher School of Economics (HSE), Kazan Federal University (KFU)) and the method of semi-structured interviews. The empirical basis of the study was the analysis of data from the international rankings Quacquarelli Symonds World University Rankings (QS), Academic Ranking of World Universities (ARWU), Times Higher Education World University Rankings (THE) (including the subject ranking "Education") and the Moscow International Ranking "Three University Missions" (MosIUR). In the experimental activities, the results of the monitoring study of the participation of Russian universities in MosIUR that have the required validity and are an adequate tool for scientific assessment of changes were used. The study identified and confirmed that international rankings use different source bases for similar indicators. In the TNE ranking, the assessment of the citation of scientific works is carried out according to the international scientometric database Web of Science, while the QS ranking uses the citation index of scientific publications of teachers from the scientometric database Scopus. A monitoring study of the effectiveness of the participation of Russian universities in the MosIUR ranking for 2018–2020 shows the high activity of universities. The analysis of strategies and programs for the development of pedagogical universities included in the MosIUR ranking showed the orientation of universities to solve intra-sectoral problems and consider regional specifics. It has been established that, for pedagogical universities, it is becoming significant to reorient from institutional rankings to subject and branch ones, which measure the international reputation of an educational institution in a particular subject branch. The results of a monitoring study in 2017–2021 showed a low probability of achieving indicators of international rankings ARWU, THE, QS (including the subject ranking "Education") for Russian pedagogical universities. The most promising for pedagogical universities may be the Moscow International Ranking "Three University Missions", as well as the use of the experience of leading research universities of the TOP 5–100 project, which occupy high ranks in international rankings – HSE (QS subject ranking "Education") and KFU (THE, subject ranking "Education").

Keywords: international ranking, pedagogical university, QS, THE, ARWU, MosIUR, monitoring study

***For citation*:** Abakumova, N.N., Lei, G., Savitskaya, I.S. & Sisi, X. (2022) Inclusion of pedagogical universities in international subject rankings: Problems and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 100–105. doi: 10.17223/15617793/475/13

Introduction

When dealing with challenges from modern society, the system of higher education has to rebuild itself and shift the emphasis to the training of specialists. The activities of specialized universities are no exception. Pedagogical higher educational institutions are under even closer attention, as they ensure the implementation of the strategic task of the Russian Federation – the training of personnel for the entire system of Russian education. According to experts, the training of teachers does not keep up with the modern requirements of educational standards, and higher education has become "universal" but lost its quality. In the countries leading in the development of the knowledge-based economy (Great Britain, Singapore, Germany), according to BCG, in recent years there has been an active revision of the content of education with a shift in emphasis from obtaining subject knowledge to the development of universal "skills of the XXI century" [1]. The study [2]

© Abakumova N.N., Lei G., Savitskaya I.S., Sisi X., 2022

showed that 91% of Russian employers consider the formation level of practical skills among university graduates insufficient. Over 25% of graduates get excessive education [2].

However, studies that relate to the development and management of Russian pedagogical education are still poorly updated. The results of the analysis of dissertation research in pedagogical sciences over the past ten years show the relevance and interest in the issues of personnel training in pedagogical universities and the interaction of pedagogical universities with educational institutions of various levels.

Today, it is possible to point out several challenges that need to be met by the system of pedagogical education in general and pedagogical universities in particular: digitalization of education, internationalization of the national system of higher education; organization of world-class research; participation in projects, programs and international professional associations [3]. The problem of internationalization of Russian pedagogical education is central, when the solution to all other identified problems will contribute to the "recognition of universities" on the global education market.

Over the past ten years, the Russian system of higher professional education has made a breakthrough in the work of foreign ranking agencies. This is because of the systematization of work on the international assessment of the activities of universities. Such a directional movement was facilitated not only by the reform of the higher education system but also by state projects and programs [4, 5], focused on achieving the quality of education corresponding to the world level. According to these documents, the benchmarks are the Academic Ranking of World Universities (ARWU), Quacquarelli Symonds World University Rankings (QS), Times Higher Education World University Rankings (THE).

For the first time, the problem of "getting pedagogical universities of Russia into global rankings" was actualized in 2017 in a study by V.M. Ananishneva, S.V. Yugay and A.P. Ovsov [6]. The authors defined pedagogical universities as educational institutions that do not have a dominant focus in their activities but train specialists in a wide range of disciplines [6]. Later, additional studies [3, 7], which expanded and described the possibility of international ranking of pedagogical universities, were published. In their studies, N.L. Antonova and A.D. Sushchenko [7] emphasized that universities use different strategies for promotion in international rankings. Taking the materials of the study into account [7], we can conclude that the universities included in the QS, THE and ARWU rankings are focused on the integration into the global academic community, increasing their competitiveness with the prospect of obtaining a place on the world-spanning educational market.

A more detailed analysis of the strategies of Russian universities, conducted by N.G. Skvortsov [8], identified one of the main conditions for the development of the national education system – globalization. The results of implementing development strategies of universities aimed at achieving the level of world standards in education, research, and development have been generalized. They made it possible to reflect changes in implementing development strategies for universities. As shown in the study, "the emphasis shifts towards the promotion strategy in disciplinary (subject) rankings" [8]. Therefore, it can be assumed that, for Russian pedagogical universities, there is an opportunity to expand the sphere of influence outside the national education system.

In the initial assessment of Russian universities, the problem of entering international rankings was solved through effective management mechanisms. However, a detailed study of the ranking indicators and the assessment methodologies applied showed that international rankings use different source bases, with the apparent similarity of indicators. For example, in the TNE ranking, the assessment of the citation of scientific works is carried out according to the international scientometric database Web of Science, while the QS ranking uses the citation index of scientific publications of teachers from the scientometric database Scopus (Table 1).

Table 1

Characteristics of international rankings

Characteristics of rankings	ARWU	THE	QS	MosIUR
The year of the first publication of the ranking	2003	2004	2010	2017
Categories (the number of indicators)	4 categories (6 indicators): Quality of education (10%). Qualification of employees (40%). Achievement in the field of scientific research (40%). Total scientific productivity per employee (10%).	5 categories (13 indicators): Educational infrastructure (30%). Reputation of scientific research (30%). Citation of scientific works in WoS (30%). Financial revenue from innovation (2,5%). International prestige of the university (7,5%).	3 categories (6 indicators): Scientific activities of the university (60%). Ratio of students to teachers (including foreign teachers and students) (30%). Reputation of the university from the position of employers (10%).	3 categories (16 indicators): Group "Education" (45%). Group "Science" (25%). Group "University and Society" (30%)
Source bases	WoS (Nature and Science journals only)	WoS	Scopus	WoS, Scopus

The Moscow International Ranking "Three Missions of the University" (MosIUR) can be considered the "youngest" and the most different from all the rest. The Russian Union of Rectors and the Russian Academy of Sciences started the development of MosIUR. Its main aim was an adequate assessment of (1) the real quality of knowledge of graduates, (2) the introduction of advanced teaching methods, and (3) the characteristics of national pedagogical and scientific schools. The principal difference of this ranking is the quantitative indicators uniformly measured in the areas of "Education", "Science" and "University and Society".

Methodology and methods for research

The methodological basis of experimental work comprises ideas about the monitoring research in education as a technological and methodological apparatus for measurement, evaluation and design of management activities, and getting information characterized by completeness, objectivity, concreteness, timeliness, novelty and efficiency [9]. The study used the method of analysis of open data sources, a survey of experts (working at HSE, KFU), the technique of semi-structured interviews. The empirical basis of the study was the analysis of data from the international rankings QS, ARWU, THE (including the subject ranking "Education"), and MosIUR.

Summarizing the materials of the monitoring study, we can fix that for five years, there has not been a remarkable breakthrough by pedagogical universities – they are still little recognizable abroad. The results of the studies [3, 6] confirm the low probability of getting pedagogical universities into the ARWU, THE and QS rankings. However, it is important to pay attention to the leading research universities and their indicators in the subject ranking "Education".

The methodology of subject rankings is similar to the total ones. In 2019, in the subject ranking THE "Education", Lomonosov Moscow State University ranked 201–250, Tomsk State University ranked 401+. For the first time, St. Petersburg Polytechnic University (rank 301–400) and the Ural Federal University (rank 401+) were included in the rating. The data of 2019 show that the highest growth of indicators in the THE subject ranking "Education" was shown by Kazan (Volga Region) Federal University (KFU) – 101–125. In 2020, KFU entered the first hundred of the THE subject ranking and became the 90th. According to respondents, entering the hundred of the best universities proves to be the result of systematic and purposeful work of the university team of specialists in pedagogical education. The growth in the THE subject ranking "Education" is directly related to the allocation of teacher education in one of the four priority areas of development of KFU – along with medicine, oil production and astrophysics (A. Kalimullin, director of the Institute of Psychology and Education of KFU). In addition, in 2011, KFU included two pedagogical universities in it and began to develop systematically the pedagogical direction, which, at present, is formalized in its infrastructure as a priority direction for the development of KFU – "The Teacher of the XXI Century".

The results of the comparative analysis [11] of the participation of Russian and Chinese universities in ARWU 2020 showed that the ranking included 11 universities in Russia and 168 universities of the PRC. Of all Russian universities that are the participants of the project TOP 5–100, Moscow State University has the highest position (93). Eight Chinese specialized pedagogical universities took part in ARWU. The East China Normal University holds the highest place in the global ranking – 401–500. There were no Russian universities in the ARWU subject ranking "Social Sciences: Education" in 2020, but there were 8 Chinese universities there. The highest rank is 54, of the University of Education in Hong Kong. In the global ranking of ARWU, this university is in the 801–900 group. A specialized university – National Taiwan Normal University ranks 51–75 (901–1000 in the global ranking). East China Normal University is included in the 201–300 group of the subject ranking.

The QS international subject ranking seems to be the most promising for Russian universities. Judging by the dynamics of the entry of universities, the most significant growth by years is recorded here in 2020 (36 universities, of which 15 are participants in the project TOP 5–100) and in 2021 (40 universities; 16 participants of the project TOP 5–100). Since 2018, the QS Education subject ranking has consistently included three Russian universities, participants in the TOP 5–100 project: HSE, Moscow State University, KFU. HSE showed the most significant growth in the subject ranking. In 2018, this university was part of the 251–300 group; in 2021, it became the 64th. A significant contribution was made by the indicator "reputation among employers" (over 80 points out of 100). As I.D. Frumin noted [12], the citation of academic publications and the reputation of the university among experts in education ensured the high performance of the university in the subject ranking "Education". The demand for research that is integrated into the world's scientific agenda explains the growth achieved over three years.

The analysis of the effectiveness of the ranking of Russian universities in international ratings showed the need to take part in international research and, as a result, an increase in the number of publications in the world databases of WoS and Scopus. During participation in the project "TOP 5-100", the leading research universities have significantly increased the number of articles in international citation databases and are promoting the internationalization of Russian scientific journals (Table 2).

A monitoring study to assess the effectiveness of including the periodicals of Russian universities in international citation databases showed that, according to the data for September 2020, the RISC in the profile "Public Education. Pedagogy" registered 9 journals indexed in WoS and 12 journals indexed in Scopus. Four pedagogical universities are the founders of journals indexed in international scientometric databases: the journal *Psychological Science and Education* (WoS and Scopus) of Moscow State University of Psychology and Pedagogy, the journal *Education and Science* (WoS and

Scopus) of Russian State Vocational Pedagogical University, the journal *Science for Education Today* (Scopus) of Novosibirsk State Pedagogical University, the journal *Media Education* (WoS) of Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov. Data from September 2021 show an increase in the number of journals indexed in Scopus and WoS: 10 journals in WoS and 15 journals in Scopus. The increase in the number of publications indexed in international scientometric databases can be explained by the participation of the leading research universities-participants of the project TOP 5–100. Among the pedagogical universities, it is necessary to note the work of Moscow State Pedagogical University. Its journal *Musical Art and Education* is included in Scopus. The journal *Science for Education Today* (Scopus) of Novosibirsk State Pedagogical University is excluded from the international citation database Scopus.

A monitoring study of the effectiveness of the participation of Russian universities in the MosIUR ranking in 2018–2020 showed a high activity of universities. Every year, there is an increase in the number of universities, including those of a pedagogical profile (Table 3).

Table 2

The number of indexed journals in leading research universities

University	The number of journals indexed in:			
	Scopus		WoS	
	September 2020	September 2021	September2020	September 2021
Kazan (Volga Region) Federal University	4	4	3	4
Novosibirsk State University	4	2	2	1
Tomsk State University	11	12	18	18
Higher School of Economics	12	13	14	14
Ural Federal University	4	7	6	6
Peoples' Friendship University ofRussia	2	5	4	3
Siberian Federal University	3	4	2	3
South Ural State University	3	3	2	2

Table 3

The results of participation of Russian universities in the Moscow International Ranking

Year	Number of Russian universities	The highest rank/universities	Number of pedagogical universities	Share of pedagogical universities, %	Name of the university	Rank
2018	17	23 Moscow State University	0			
2019	73	22 Moscow State University	2	2,7	Herzen State Pedagogical University of Russia	1101–1200
					Moscow Pedagogical State University	1101–1200
2020	101	21 Moscow State University	3	2,9	Herzen State Pedagogical University of Russia	1101–1200
					Moscow Pedagogical State University	1101–1200
					Tomsk State Pedagogical University	1401–1500
2021	112	19 Moscow State University	3	2,7	Herzen State Pedagogical University of Russia	1201–1300
					Moscow City University	1301–1400
					Moscow Pedagogical State University	1301–1400

For the first time, pedagogical universities were included in the Moscow International Ranking in 2019. Herzen State Pedagogical University of Russia and Moscow State Pedagogical University entered the 1101–1200 group. In 2020, the MosIUR selected 101 Russian universities. Three Russian pedagogical universities were evaluated in the ranking: the 1101–1200 group – Herzen State Pedagogical University of Russia, Moscow City University, the 1401–1500 group – Tomsk State Pedagogical University. In 2021, the total number of Russian universities selected for the ranking increased. The total number was 112 educational institutions. The number of pedagogical universities did not change. However, we should note a decrease in the rank group of all pedagogical universities and the exclusion of Tomsk State Pedagogical University. For the first time, Moscow City University took part in the ranking in the 1301–1400 group.

The share of pedagogical universities in the total number of Russian participants remains stable at 3%. And yet it is hard to make a forecast because of the short observation period. The decrease in the rank groups of pedagogical universities is alarming, while universities-participants in the TOP 5–100 projects and the Priority 2030 program consistently show an increase in rank in MosIUR.

To clarify the importance of the pedagogical profile of the university in the MosIUR ranking, we carried out a comparative analysis of the results of the participation of Russian and Chinese universities in 2021. The total

number of higher education institutions in China is 144, of which 9 were pedagogical universities (6.3%). The share of Chinese pedagogical universities is twice as high as that of Russian universities. The highest rank occupied by a pedagogical university in China is 214 (East China Normal University). Six universities occupy ranks up to 1000: Northeast Normal University (551–600), Shanghai Normal University and Huazhong Normal University (601–650), South China Normal University (701–800), Hangzhou Normal University (801–900), Shaanxi Normal University (901–1000). Jiangsu Normal University is in the 1201–1300 group, and Hunan Normal University is in the 1301–1400 one. The high ranks of Chinese pedagogical universities show that China's state policy is focused on the international education market. High rates are achieved because of the international recognition of academic degrees, the results of research published in high-ranking journals, etc. Previously conducted monitoring studies [13] and a comparative analysis of Russian and Chinese universities [11] enabled us to conclude about solving the problem of global competitiveness of universities and extrapolate these data to the effectiveness of the participation of Russian and Chinese pedagogical universities in the MosIUR ranking. Chinese pedagogical universities show positive dynamics (an increase in ranks and the number of universities) in the MosIUR ranking. This is determined by the state program for the development of Chinese universities, which is implemented through the support of ARWU and the national platform of scientific journals, compatible with Web of Science and Scopus. Similar mechanisms for promoting Russian pedagogical universities according to the MosIUR ranking show us negative dynamics (a decrease in the rank group and the share of universities).

Having analyzed the strategies and programs for the development of pedagogical universities, which were included in the MosIUR ranking, we can argue that they are more focused on solving intra-branch problems, considering regional specifics. However, if we consider the management decisions of the national education system, we can state that it becomes significant for pedagogical universities to reorient from institutional rankings to subject and branch ones, which measure the international reputation of an educational institution in a particular subject branch.

Conclusion

Pedagogical universities have always played a particular role in the developing Russian educational system. However, the results of the monitoring study of 2017–2021 showed that for such universities, the achievement of indicators of international rankings ARWU, THE and QS (including the subject ranking "Education") is currently impossible. The leading research universities (especially the participants of the TOP 5–100 project), which maintain the profile of pedagogical training and develop it actively, prove to be promising. The systematic work of universities contributes significantly to the recognition of the universities to include their journals in the international citation bases of WoS and Scopus.

The monitoring study made it possible to establish that the global educational market considers in its development the information received from international ranking agencies. Thus, pedagogical universities need to take this into account when working out their development programs. The most promising for universities of pedagogical profile may be the Moscow International Ranking "Three University Missions". Promising for pedagogical universities is the use of the experience of leading research universities of the TOP 5–100 project, which occupy high ranks in international rankings – HSE (QS subject ranking "Education") and KFU (THE subject ranking "Education").

References

1. Gaidar Forum–2020. (2020) *Russian education in the context of international indicators.* [Video]. [Online] Available from: https://youtu.be/fh9gTOTkA4A (In Russian).
2. Gohberg, L.M. et al. (2020) *Science. Technologies. Innovations: 2020: brief statistical compilation*. Moscow: HSE. (In Russian).
3. Abakumova, N.N., Savitskaya, I.S. & Ilyin, S.A. (2020) Leading research universities as drivers for the development of pedagogical education. *Colloquium-journal*. 28-1 (80). pp. 42–44. (In Russian).
4. Government of the Russian Federation. (2014) *Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020. December 29, 2014. Order of the Government of the Russian Federation of December 29, 2014, No. 2765-r: On the Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020.* [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf (In Russian).
5. Government of the Russian Federation. (2013) *The Decision of the Government on the launch of the Council for Improving the Competitiveness of the Leading Universities of the Russian Federation among the world's leading scientific and educational centers. Decree of the Government of the Russian Federation of March 16, 2013, No. 211: On measures of state support for the leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world's leading scientific and educational centers.* [Online] Available from: https://base.garant.ru/70336756/ (In Russian).
6. Ananishnev, V.M., Yugai, S.V. & Ovsov, A.P. (2017) Prospects for the inclusion of Russian pedagogical universities in the global evaluation rating. *Systemic Psychology and Sociology*. 3 (23). pp. 84–94. (In Russian).
7. Antonova, N.L. & Sushenko, A.D. (2020) Academic reputation of the university as a factor of leadership on the global educational market. *Higher Education in Russia*. 29 (6). pp. 144–152. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-144-152
8. Skvortsov, N.G. (2017) Competitiveness of universities in the global system of higher education: challenges and strategies. *Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science.* Vol. 23 (4). pp. 45–57. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-45-57
9. Abakumova, N.N. (2011) Transformation of the concept of monitoring in education. *Modern Problems of Science and Education*. 3. [Online] Available from: www.science-education.ru/97-4678 (Accessed: 01.08.2021).
10. Abakumova, N.N. & Fakhrutdinova, A.V. (2020) The foreign language environment of the university as a resource for the development of leading research universities in Russia (monitoring results 2014–2019). *The Teacher of the XXI Century*. 3 (1). pp. 43–55. (In Russian).
11. Minzaripov, R.G., Fakhrutdinova, A.V., Abakumova, N.N., Sisi, X. & Terentyev, I.V. (2021) Comunicação e liderançacientífica / educacional ARWU versus MosIUR. *Revista online de Política e Gestão Educacional.* 25 (1). pp. 557–566. DOI: 10.22633/rpge.v25iesp.1.14996.

12. HSE. (2021) *HSE entered the world top-50 universities in three QS subject and branch rankings.* [Online] Available from: https://www.hse.ru/news/edu/448352977.html (In Russian).
13. Abakumova, N.N. & Sisi, X. (2020) Entry and Promotion of Universities in the World Rankings: The Russian and Chinese Experience. *Tomsk State University Journal.* 452. pp. 181–185. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/452/22

Информация об авторах:
Абакумова Наталия Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru
Lei Guofang – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: leiguofang@126.com
Савицкая Ирина Семеновна – старший преподаватель кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sais.08@mail.ru
Sisi Xu – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель Международного института китайского языка и культуры Восточно-китайского педагогический университета (Шанхай, КНР). E-mail: 306010184@qq.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru
G. Lei, postgraduate student, National Research Tomsk Research State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: leiguofang@126.com
I.S. Savitskaya, senior lecturer, National Research Tomsk Research State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sais.08@mail.ru
X. Sisi, postgraduate student, National Research Tomsk Research State University (Tomsk, Russian Federation); teacher, East China Normal University (China). E-mail: 306010184@qq.com

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

Научная статья
УДК 378.4
doi: 10.17223/15617793/475/14

Дифференцированное обучение иностранному языку на основе осознанности: вопросы подготовки учителя

Константин Эдуардович Безукладников[1], Наталья Сергеевна Попова[2, 3], Борис Андреевич Жигалев[4]

[1, 2] Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
[3] Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
[4] Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
[1] konstantin.bezukladnikov@gmail.com
[2, 3] natasharubina@yandex.ru
[4] zhigalev@lunn.ru

Аннотация. Описана методика организации дифференцированного обучения на основе формирования осознанности на примере работы с учителями иностранного языка г. Чернушка (Пермский край) в рамках одной из программ повышения квалификации. Полученные по итогам проведенных контрольно-диагностических мероприятий данные позволили сделать вывод о том, что грамотно организованная дифференциация обучения на основе осознанности способствовала совершенствованию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, повысила их мотивацию к саморазвитию и собственной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: дифференцированное обучение, урок иностранного языка, осознанность, ценностно-смысловые ориентации, смысловая динамика, смысловое чтение, подготовка учителя иностранного языка

***Для цитирования*:** Безукладников К.Э., Попова Н.С., Жигалев Б.А. Дифференцированное обучение иностранному языку на основе осознанности: вопросы подготовки учителя // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 106–117. doi: 10.17223/15617793/475/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/14

Mindfulness-based differentiation in foreign language instruction: Teacher training aspects

Konstantin E. Bezukladnikov[1], Natalya S. Popova[2, 3], Boris A. Zhigalev[4]

[1, 2] Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation
[3] Perm State National Research University, Perm, Russian Federation
[4] Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
[1] konstantin.bezukladnikov@gmail.com
[2, 3] natasharubina@yandex.ru
[4] zhigalev@lunn.ru

Abstract. In the modern world the quickly changing political and socioeconomic conditions lead to significant changes in the sphere of foreign language teaching. As a result, more attention is paid to innovative and efficient technologies, which address the needs and necessities of every learner. This article aims to substantiate the effectiveness of mindfulness-based differentiated learning technology in foreign language instruction. Nowadays differentiated learning is one of the leading educational technologies. This article regards differentiation as a technology, which has inclusive nature, i.e. it addresses every learner with no exception. The final aim of differentiation is the ability of every learner to follow their individual learning route. The effectiveness of an educational technology is directly connected with the ensuring of psychological security of the educational process. In the context of differentiated learning the threat to psychological security may lie in the choice of the wrong basic principle for differentiation. The authors of the article see the solution to the problem in organizing differentiation on the basis of mindfulness, namely with the consideration of learners' value-sense orientations. In the framework of this research value-sense orientation is a constituent part of the construct "mindfulness" along with attention, empathy, self-reflection, self-regulation, openness to novelty. The work on the basis of value-sense orientations in foreign language instruction can be effectively organized during reading comprehension classes. Text analysis helps learners initiate the processes of value-sense formation (first with the assistance of a teacher, later independently). Learners' language skills are developed in the process of meaning-making (deciphering the author's meanings and generating one's own meanings). The processes of value-sense dynamics promote the differentiation and individualization of the educational process. For differentiation in language learning to be successful a teacher should be the first to acquire this experience and reflect on it. The

© Безукладников К.Э., Попова Н.С., Жигалев Б.А., 2022

atticle describes the methodology of differentiated instruction on the basis of mindfulness (via stimulation of the learners' processes of value-sense dynamics) by the example of continuous professional development courses for foreign language teachers in Chernushka (Perm Krai). The effectiveness of the suggested methodology was assessed with the help of control and diagnostic tools, which included two questionnaires as well as formative assessment tools for foreign language learning. The results of control and diagnostic activities proved the effectiveness of mindfulness-based differentiation since the conducted course promoted the development of communicative competence in foreign language teachers, enhanced their motivation for self-development and professional achievement.

Keywords: differentiation, foreign language instruction, mindfulness, value-sense orientation, meaning-making, reading for meaning, teacher training

***For citation*:** Bezukladnikov, K.E., Popova, N.S. & Zhigalev, B.A. (2022) Mindfulness-based differentiation in foreign language instruction: Teacher training aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 106–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/14

Введение

В настоящее время быстро меняющиеся политические и социально-экономические условия жизни в глобальном сообществе диктуют свои предпосылки для изменения иноязычного образования. В нашей стране государство видит необходимость в обеспечении возможностей непрерывного образования для всех граждан, вне зависимости от возраста и местоположения обучающегося [1]. Российская Федерация, как и многие другие страны, отдает приоритет такому обучению, которое реализует личностный потенциал каждого обучающегося, что требует использования широкого спектра технологий и грамотного распоряжения ими для достижения наибольшей результативности [2–4]. Одной из ведущих технологий в организации образовательного процесса, в частности при обучении иностранному языку, становится дифференцированное обучение. Федеральные государственные образовательные стандарты начального, основного и среднего общего образования отмечают необходимость дифференциации содержания обучения с учетом образовательных потребностей и интересов обучающихся. Психолого-педагогические условия реализации основных образовательных программ должны способствовать, в частности, развитию экологической культуры дифференциации и индивидуализации обучения [5].

Среди всего многообразия подходов к определению дифференциации мы принимаем трактовку дифференциации как формы организации учебной деятельности, учитывающей склонности, интересы, способности учащихся [6. С. 74]. Такое видение дифференциации делает акцент на ее конечной цели – выстраивании индивидуальной образовательной траектории для каждого обучающегося. В этом смысле нам кажется неслучайным тот факт, что авторы федеральных государственных образовательных стандартов используют понятия дифференциации и индивидуализации в сочетании, вероятно, подчеркивая единство их целей.

Ряд зарубежных исследователей разделяют взгляд на дифференциацию как на ведущий способ реализации потребностей каждого участника образовательных отношений. Т. О'Брайан и Д. Гини (Tim O'Brien and Dennis Guiney) утверждают, что дифференциация не должна быть использована как дополнительная мера для решения проблем в процессе обучения, она должна быть интегрирована в образовательный процесс. Авторы подчеркивают инклюзивный характер дифференциации, т.е. ее распространение на всех без исключения обучающихся [7]. Одной из центральных идей подхода Т. О'Брайана и Д. Гини выступает утверждение о том, что дифференциация является естественным процессом для человека с момента его рождения. С самого раннего возраста мы проявляем больший интерес к людям, чем к неодушевленным объектам, а значит, дифференцируем их. Далее мы осуществляем дифференциацию между близкими людьми и незнакомцами и т.д. Исследователи подчеркивают, что дифференциация имеет смысл, только если она реализуется с учетом интересов, склонностей и способностей каждого. Это значит, что учителю необходимо удостовериться, что инструменты, приемы и средства дифференцированного обучения доступны всем обучающимся.

Самым проблемным аспектом дифференцированного обучения, на наш взгляд, является выбор принципа, который будет положен в основу дифференциации. В рамках традиционного понимания дифференциации выбор любого принципа предполагает деление обучающихся на группы. Это могут быть принципы академической успешности (успешный, средний, неуспешный), ведущего канала восприятия (аудиалы, визуалы, кинестетики), типа темперамента (флегматик, сангвиник, холерик, меланхолик) и т.д.

При выборе принципа академической успешности часто встает вопрос обеспечения психологической безопасности образовательного процесса. Осознание себя как «успешного», «среднего» или «неуспешного» может привести обучающихся к внутренним и внешним конфликтам и создаст неблагоприятные условия для обучения. Очевидно, что психологическая безопасность – важнейшее условие полноценного развития личности, сохранения и укрепления психологического здоровья. И.А. Баева дает определение психологической безопасности в следующих аспектах: 1) как система межличностных отношений, вызывающих у участников ощущение принадлежности (референтной значимости среды); 2) как состояние образовательной среды, в котором отсутствует психологическое насилие во взаимодействии, которое способствует удовлетворению потребностей в общении личностно-доверительного плана и создает референтную значимость среды, а также обеспечивает психическое здоровье всех участников; 3) как системы мер, которые

направлены на предотвращение угроз для устойчивого развития личности [8].

Основной угрозой психологической безопасности образовательного процесса является получение психологической травмы, в результате которой наносится ущерб позитивному развитию и психическому здоровью, нарушается базовое удовлетворение основных потребностей [9]. Источником психотравмы является психологическое насилие в процессе взаимодействия субъектов образовательного процесса. В контексте дифференциации процесса обучения психологическое насилие может заключаться в «навешивании ярлыка». В этом, на наш взгляд, заключается главная проблема традиционного подхода к дифференциации – по какому бы принципу не производилось разделение на группы, это, как привило, ведет к «навешиванию ярлыка». В подобных условиях обучающиеся непроизвольно фокусируют свое внимание на своих недостатках, а уникальность каждого из них игнорируется.

Решение обозначенной выше проблемы мы видим в том, чтобы положить в основу дифференциации в иноязычном образовании учет ценностно-смысловых ориентаций обучающихся. В этом случае учитель будет «наводить мосты» между образовательной программой (единой для всех) и личностью конкретного обучающегося. При этом дифференциация будет производиться на самом глубоком из возможных уровней, так как ценностно-смысловое пространство наиболее близко к психическому центру личности (self). Такой способ организации дифференцированного обучения позволит обучающемуся осознанно двигаться по индивидуальному маршруту и понимать смысл каждого события образовательного процесса. Таким образом, дифференциация позволяет повысить эффективность обучения за счет установления соответствия между образовательной программой и интересами и потребностями отдельного обучающегося. Каковы пути выявления и учета ценностно-смысловых ориентаций обучающихся в ходе реализации программ общего образования? Одним из возможных путей является обучение, основанное на принципах формирования осознанности.

Методология

В рамках нашего исследования организация дифференцированного обучения иностранному языку реализуется на основе формирования осознанности. Ценности и смыслы, позволяющие провести дифференциацию на самом глубоком доступном уровне психического устройства человека, включаются в конструкт «осознанность» наряду с другими составляющими (внимание, эмпатия, саморефлексия, саморегуляция, открытость новизне).

А.Н. Леонтьев полагал, что роль общей цели деятельности выполняет осознанный мотив, превращающийся благодаря его осознанности в мотив – цель [10. С. 137]. Когда человек понимает, что побуждает его к деятельности и что является содержанием его потребностей, мотив становится осознанным. Таким образом, справедливо заключить, что осознанность является неотъемлемой составляющей любой деятельности. Исследуемая в сферах психологии, нейропсихологии и психиатрии, осознанность становится сегодня все более актуальной в педагогических науках. Являясь емким и многоплановым понятием, осознанность понимается как черта, как состояние и способ бытия, которые позволяют субъекту быть включенным в текущий момент деятельности и осуществить сонастройку с самим собой и окружающими. Осознанность, представленная как интегративное операционализированное понятие, объединяет в себе независимые составляющие ценностных ориентаций, смысловой динамики, саморефлексии, саморегуляции, эмпатии, внимания и открытости новизне как качества личности [11].

Инструменты и практики осознанности включают разные виды медитативных практик, применяемых для улучшения работы головного мозга и снижения стресса, практики на развитие разных типов внимания, телесные практики (йога, танцы, центрирование и др.), а также выстраивание работы с учебным материалом и организацию взаимодействия субъектов образовательного процесса с учетом принципов осознанного обучения.

Ценностно-смысловое пространство составляет стержневую часть конструкта осознанности. В нашем исследовании мы рассматриваем понятие смысла с позиций подхода Д.А. Леонтьева. Вслед за автором мы понимаем смысл объектов и явлений действительности как системное качество, которое они приобретают в контексте жизненного мира субъекта. Особенностью подхода Д.А. Леонтьева является тот факт, что автор определяет и описывает три отдельных процесса – смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство, показывая тем самым, что субъект может как находить смыслы, уже существующие в окружающей действительности, так и порождать принципиально новые смыслы благодаря осознанности жизнедеятельности [12].

Ценности наиболее тесно связаны со смыслами и являются своего рода кристаллизовавшимися смысловыми универсалиями. Интересен вариант соотношения смыслов и ценностей, который В. Франкл обозначил в своем учении. Автор предлагает содержательную характеристику возможных позитивных смыслов. Для этого он вводит представление о ценностях – смысловых универсалиях, кристаллизовавшихся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству пришлось сталкиваться. Такой подход позволяет обобщить возможные пути, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: «Во-первых, с помощью того, что мы даем жизни (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, что мы берем от мира (в смысле переживания ценностей) и, в-третьих, посредством позиции, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить» [13]. Д.А. Леонтьев выделяет три формы существования ценностей: 1) ценность как общественный идеал; 2) ценность, представленная в объективированной форме в виде произведений материаль-

ной и духовной культуры либо человеческих поступков; 3) социальные ценности, представленные в психологической структуре личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения [14].

Д.А. Леонтьев подчеркивает смысловую природу ценностей, рассматривая личностные ценности как один из шести видов смысловых структур в системе смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта. К другим видам смысловых структур автор относит личностный смысл (в широком и узком значении термина), понимаемый как составляющая сознания, а также смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию и мотив личности. При этом личностные ценности находятся на высшем уровне системы смысловой регуляции, они выступают смыслообразующими по отношению ко всем остальным структурам [14]. В нашем исследовании мы разделяем позицию Д.А. Леонтьева относительно сущности ценностей и их места в системе смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта.

Работа с ценностными ориентациями субъектов образовательного процесса в рамках урока иностранного языка предполагает их выявление и формирование в ходе реализации образовательных программ, а также их непрерывное соотнесение с событиями учебной, исследовательской и воспитательной деятельности обучающихся и педагогов. Учет закономерностей внутриличностной динамики смысловых процессов выступает необходимым условием эффективного обучения любой деятельности, в частности общения на иностранном языке. Учителя иностранного языка сегодня все больше участвуют в международных проектах, форумах и семинарах, международных конференциях. Одним из важнейших умений, необходимых для соверменного учителя иностранного языка, является умение «формировать и формулировать мысли» [15–17] согласно поставленной коммуникативной задаче, что является следствием протекания смысловых процессов. Роль современного учителя состоит в том, чтобы выступать фасилитатором, содействуя протеканию процессов смыслообразования, смыслоосознания, смыслостроительства у каждого отдельного обучающегося. Делая акцент на ценностях и смыслах, учитель максимально вовлекает обучающихся в учебный процесс, повышает мотивацию и степень усвоения материала, стимулирует мышление и другие познавательные психические процессы.

Осуществление дифференциации в иноязычном образовании на уровне ценностей и смыслов предполагает превращение нейтральных безличных фактов (содержащихся в учебном материале) в личностно значимые для обучающихся идеи. Какими способами можно реализовать данное превращение на практике? Э. Лангер утверждает, что для учителя есть два пути стимулирования процессов смысловой динамики обучающихся. Первый путь состоит в том, чтобы преподносить обучающимся факты так, чтобы их связь с жизнью, интересами большинства из них была легко ясна [18]. Это наиболее распространенный способ повышения мотивации обучающихся, которым намеренно или неосознанно пользуются многие педагоги. Однако его применение не всегда обеспечивает максимальное вовлечение аудитории. Следует учитывать тот факт, что учителя и обучающиеся принадлежат к разным поколениям.

В настоящее время разрыв коммуникации между представителями разных поколений беспрецедентно значителен. Учителя школ сегодня, как правило, являются представителями двух поколений: прошедшего период взросления в СССР и поколения «миллениалов». Эти два поколения сильно разобщены на уровне ценностно-смысловых ориентаций. Старшее поколение более консервативно, придерживается выбранного карьерного пути, с упорством преодолевает препятствия, тяготеет к авторитарным установкам и жестким принципам. Поколение «миллениалов» характеризуется отсутствием линейности, обостренным чувством личностного суверенитета, большей личностной свободой, легким и стремительным переключением с одной карьерной возможности на другую, более высокими требованиями к работе, большей фрустрацией и депрессивностью [19].

Еще более значительный разрыв коммуникации может иметь место в общении с обучающимися, которые принадлежат к так называемому поколению Z. Для представителей поколения Z цифровые сервисы и технологии – это неотъемлемая часть повседневной жизни. Наиболее характерными чертами поколения Z считаются следующие: не видят разницы между реальным и виртуальным миром; заняты персонализацией личного бренда и сообщением о нем миру; имеют более здравый взгляд на карьеру и лидерство (чем у миллениалов); имеют потребность быть всегда на связи (через социальные сети и т.д.); верят в свои силы и придерживаются принципа «сделай сам» (могут обучиться чему угодно, просматривая ролики в социальных сетях). Из отрицательных черт можно отметить болезненную зависимость от онлайн-общения, отчужденность, одиночество, склонность к депрессии и суициду.

Помимо того, что диалог учителя и обучающегося на уровне ценностно-смысловых ориентаций осложняется тем фактом, что они являются представителями разных поколений, сомнение вызывает возможность учителя охватить вниманием те значимые ценности и смыслы, которые соответствуют конкретным обучающимся. Безусловно, учителю стоит ориентироваться на общие тенденции ценностно-смысловой динамики, присущей поколению обучающихся, однако потребовалось бы длительное наблюдение за каждым обучающимся, для того чтобы выявить те нехарактерные (для поколения Z) ценности, которые он разделяет.

Принимая во внимание приведенные выше аргументы, отметим, что более перспективный вариант работы с ценностно-смысловыми ориентациями обучающихся на уроке иностранного языка состоит в том, чтобы изменить их отношение к материалу, т.е. научить инициировать процессы смысловой динамики самостоятельно. Процессы смысловой динамики запускаются на уроке иностранного языка при работе с текстом. Текст является формальной единицей куль-

туры и принадлежностью языка; в тексте обнаруживаются все единицы языка, их структура, функции и значение [20]. Согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса «процесс онтогенетической эволюции языковой личности выражается в формировании способности homo loquens в порождении и понимании текстов» [21]. Таким образом, методика организации дифференцированного обучения иностранному языку должна быть основана именно на работе с текстом.

В качестве иллюстрации ситуации, когда обучающиеся самостоятельно инициируют процессы смыслообразования, Э. Лангер приводит пример работы актера со сценарием. «Сначала актеры читают пьесу для общего понимания сюжета и основной идеи. Прежде чем они приступят к заучиванию своих реплик они пытаются понять их смысл относительно канвы всего произведения и позиций (точек зрения) других героев. Они узнают что мотивирует того или иного героя произнести определенную фразу» [18].

Идеи Э. Лангер об осмыслении учебного материала во многом перекликаются с тем, как Л.С. Выготский в труде «Мышление и речь» описывает процесс понимания чужой мысли (акта словесного мышления): «…действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действенную, аффективно-волевую подоплеку». Л.С. Выготский показывает сущность данного процесса на примере раскрытия подтекста при сценической интерпретации какой-либо роли. «За каждой репликой героя драмы стоит хотение, как учит Станиславский, направленное к выполнению определенных волевых задач. То, что в данном случае приходится воссоздавать методом сценической интерпретации, в живой речи всегда является начальным моментом всякого акта словесного мышления. За каждым высказыванием стоит волевая задача. Поэтому параллельно тексту пьесы Станиславский намечал соответствующее каждой реплике хотение, приводящее в движение мысль и речь героя драмы» [22]. В рамках урока иностранного языка в школе учителю несложно продемонстрировать такой подход к чтению текста на примере того или иного художественного произведения. Однако данная стратегия может быть адаптирована для текстов разных жанров и любой тематики.

Представленные выше примеры работы с текстом, по сути, могут быть отнесены к стратегиям смыслового чтения (reading for meaning). Данный вид чтения особенно актуален в условиях избыточности информации, поскольку он учит обучающихся получать и обрабатывать информацию для решения учебных, профессиональных и личных задач. Осознанное, являющееся универсальным учебным действием, смысловое чтение аппелирует к ценностно-смысловым ориентациям обучающихся. Работа с текстом (в широком смысле слова), лежащая в основе развития всех языковых умений, предполагает извлечение авторских смыслов и порождение собственных. Процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства способствуют формированию осознанности у обучающихся, что, в свою очередь, позволяет дифференцировать и индивидуализировать образовательный процесс со стороны самого обучающегося. Это значит, что использование практик и инструментов осознанности на регулярной основе создает условия, в которых обучающийся сам инициирует свой интерес и запускает процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства, избавляя учителя от необходимости вновь и вновь расставлять акценты, интерпретировать материал, адаптируя его согласно интересам и нуждам каждого.

Очевидно, что учитель, прежде чем будет способен организовать дифференциацию учебного процесса с учетом ценностей и смыслов обучающихся, сам должен получить опыт подобного обучения. Далее мы опишем методику организации дифференцированного обучения на основе формирования осознанности (посредством стимулирования процессов ценностно-смысловой динамики обучающихся) на примере работы с учителями иностранного языка г. Чернушка (Пермский край) в рамках курсов повышения квалификации по дополнительной профессиональной программе «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования». Данные курсы были организованы в сентябре 2019 г. Пермским государственный гуманитарно-педагогическим университетом.

Цели обучения по программе «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования»: совершенстовование иноязычной коммуникативной компетенции учителей иностранного языка; повышение их мотивации к профессиональной деятельности за счет выявления и формирования ценностных ориентаций и активизации процессов смыслообразования.

Для достижения целей были сформулированы задачи: 1) изучить подходы к дифференцированному обучению и принципы дифференциации обучения на уроке иностранного языка; 2) отобрать методы, приемы и средства для эффективной дифференциации обучения иностранному языку; 3) разработать и апробировать учебно-методическое пособие «Практический курс первого иностранного языка (английский). Mindfulness-Based Skills Development», содержащее широкий спектр заданий и упражнений по работе с художественным текстом, нацеленных на активизацию процессов ценностно-смысловой динамики обучающихся; 4) провести диагностику ценностно-смысловых ориентаций у слушателей курса повышения квалификации (начальный и финальный срезы); 5) организовать рефлексию по итогам курса «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования».

Для реализации сформулированной выше структуры целей и задач обучения по курсу «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повыше-

ния качества иноязычного образования», были обозначены ряд принципов: 1) целостности лингвистической и методической составляющих непрерывной подготовки учителя иностранного языка как поликультурной полилингвальной личности; 2) единства процесса развития и саморазвития учителя иностранного языка в процессе непрерывной подготовки (в системе повышения квалификации) [23]; 3) диагностической основы обучения в рамках курса «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования» (диагностические срезы ценностно-смысловых ориентаций слушателей курса); 4) принципы открытости (незамкнутости) образовательной системы, а также нелинейности и диалогичности образовательного процесса [24].

Представленные выше принципы находят свое отражение в процессе обучения в рамках курса повышения квалификации «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования».

Представляя содержательный аспект обучения по программе повышения квалификации «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования», отметим, что слушатель должен: 1) знать понятие дифференцированного обучения, его признаки, основные принципы, методы и приемы организации дифференциации на уроке иностранного языка; стратегии организации дифференцированного обучения, в том числе на основе учета ценностно-смысловых ориентаций обучающихся; принципы отбора текстов для организации дифференциации обучения на основе учета ценностно-смысловых ориентаций обучающихся; 2) уметь целенаправленно применять полученные знания об эффективных стратегиях дифференцированного обучения на уроке иностранного языка; принципах отбора текстов для дифференциации обучения на основе учета ценностно-смысловых ориентаций обучающихся; использовать полученные знания на междисциплинарном уровне, интегрируя их со знаниями из смежных курсов лингвистической и методической направленности; прогнозировать лингвистические и содержательные трудности со стороны обучающихся и выбирать пути преодоления этих трудностей; производить оценку и рефлексию деятельности обучающихся, а также самооценку и саморефлексию; 3) владеть практическими навыками и умениями использования полученных в ходе курса знаний при обучении иностранному языку; стратегиями эффективной и безопасной дифференциации обучения иностранному языку.

Технологический аспект обучения по курсу «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования» включает технологии, приемы и средства обучения иностранному языку, разработанные на основе компонентов осознанности (в том числе ценностей и смыслов). Сюда относятся приемы технологии развития критического мышления (толстые и тонкие вопросы, мозговой штурм, инсерт и др.), приемы на развитие волевых, эмоциональных и познавательных психических процессов (Word Search, storytelling, игра в ассоциации и др.), элементы проектной технологии и веб-квеста (групповые и индивидуальные мини-проекты по изучаемым проблемам) и т.д.

Данные приемы и средства были включены в учебно-методическое пособие «Практический курс первого иностранного языка (английский). Mindfulness-Based Skills Development». Данное пособие дает учителю возможность дифференциации обучения иностранному языку на уровне ценностно-смысловых ориентаций. Многообразие заданий пособия позволяет учителю непрерывно варьировать содержательную, процессуальную и результативную составляющие обучения для максимального учета интересов, потребностей и склонностей обучающихся. Пособие предусматривает как формирующее, так и итоговое оценивание результатов обучения. Соответствующий раздел пособия содержит материалы для критериального оценивания успешности обучающихся по мере прохождения и по итогам курса. Критерии снабжены дескрипторами и шкалой перевода баллов в отметки.

Результативный аспект обучения по курсу «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования» предусматриавает как формирующее, так и итоговое оценивание результатов обучения. Однако следует отметить, что больший акцент ставится на формирующем оценивании. Многие исследователи в сфере образования сегодня полагают, что формирующее оценивание является неотъемлемой частью эффективного обучения. В отличие от итогового оценивания, которое намеренно отделено от учебного процесса, формирующее оценивание интегрировано в преподавание и обучение. Формирующее оценивание дает преподавателю возможность своевременного и непрерывного корректирования учебного процесса. Для обучающегося формирующее оценивание – это возможность двигаться по собственной образовательной траектории с осознанием своих сильных и слабых сторон, что ведет к большей ответственности за результаты своего обучения и более высоким результатам учебной деятельности.

Так, работая с учителями иностранного языка, преподаватель наблюдает за учебным процессом, дает обратную связь обучающимся, вносит необходимые изменения в свою работу и в работу слушателей. Важно отметить, что подобные действия осуществляются преподавателем при дифференциации обучения иностранному языку. Необходимо наблюдать и подмечать широкий спектр личностных характеристик обучающихся для фасилитации и сопровождения их продвижения по собственным образовательным траекториям.

Далее мы представим результаты диагностических процедур, проведенных в рамках курса обучения по дополнительной профессиональной программе «Дифференцированное обучение как средство

повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования».

Исследование и результаты

Для решения задач исследования использовались следующие методы научного исследования: изучение и анализ философской, психологической, педагогической, лингвистической и методической литературы по проблеме исследования; анализ нормативных документов, федеральных государственных образовательных стандартов начального, основного, среднего общего и высшего профессионального образования, учебных программ, отечественных и зарубежных учебно-методических комплексов; анализ педагогической деятельности преподавателей иностранных языков г. Перми и Пермского края; методы математико-статистической обработки экспериментальных данных, которые были получены в ходе данного исследования; эмпирические: письменные и устные формы опроса (анкетирование, беседы, диагностические опросники); педагогическое наблюдение; опытное обучение в группах учителей иностранного языка г. Перми и Пермского края; педагогический эксперимент, включающий диагностический, информационный этапы, опытное обучение и проверку эффективности предложенной методики, рефлексию и коррекцию; интерпретационные методы исследования (анализ, сравнение, шкалирование, обобщение теоретических исследований, практического опыта).

Дифференциация на основе ценностно-смысловых ориентаций обучающихся предполагает первоначальную работу по выявлению и осознанию данных ориентаций у самих учителей иностранного языка. Для реализации данной цели нами был проведен ряд контрольно-диагностических мероприятий.

Одним из пилотных исследований проверочно-поискового эксперимента стала диагностика ценностно-смыслового рельефа личности учителей иностранного языка г. Чернушка Пермского края. Размер выборки: 38 испытуемых (36 женщин, 2 мужчины). Первым этапом диагностики стало анкетирование для учителей иностранного языка «Актуализация проблемы осознанности в обучении». Данный диагностический инструмент позволяет оценить уровень сформированности осознанности у испытуемых. Кроме того, работа с анкетой ориентирует учителей на более глубокое понимание проблемы осознанности и ее составляющих (в том числе ценностей и смыслов) для повышения эффективности обучения иностранным языкам. Респонденты отвечали на вопросы анкеты, состоящей из вводной части (вопросы закрытого и открытого типа, выявляющие стадии сформированности той или иной составляющей конструкта «осознанность» в повседневной жизни слушателей) и основной части (вопросы закрытого типа, ориентированные на выявление у слушателей сложившихся установок и паттернов, касающихся тех или иных составляющих конструкта «осознанность» в учебном процессе). Результаты проведенного анкетирования выявили ряд проблем, оказывающих негативное воздействие на профессиональную деятельность педагогов. Среди наиболее важных можно отметить такие аспекты, как высокий уровень негативного автоматизма в деятельности; чрезмерная учебная нагрузка и стресс; излишняя категоричность и/или некорректность оценивания собственной деятельности и деятельности других участников образовательного процесса; недостаточная и/или некорректная работа с вниманием в рамках образовательного процесса; недостаточность или отсутствие факторов, повышающих стрессоустойчивость и минимизирующих риск профессионального «выгорания». После проведения анкетирования была организована рефлексия результатов и обсуждение выявленных положительных и отрицательных аспектов со слушателями. В ходе мозгового штурма были предложены варианты минимизации негативных аспектов, сформулированы пути решения обозначенных проблем.

Второй этап диагностических процедур включал оценивание ценностно-смыслового рельефа личности испытуемых. Для диагностики была использована методика «Уровни соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой.

В основу методики «Уровни соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой была положена гипотеза о том, что одной из существенных детерминант мотивационно-личностной сферы является подвижное, постепенно меняющееся в процессе деятельности в зависимости от жизненных обстоятельств соотношение между двумя плоскостями сознания, а именно между плоскостью, вмещающей в себя осознание ведущих жизненных ценностей, личностных смыслов, дальних жизненных целей, и плоскостью всего, что является непосредственно доступным, связанным с осуществлением конкретных, легкодостижимых целей, находящихся в «обозримом психологическом поле», в зоне «легкой досягаемости». Психометрической характеристикой методики является показатель «ценность–доступность», отражающий степень рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере. Последняя, в свою очередь, свидетельствует о степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, внутренней конфликтности, блокады основных потребностей, с одной стороны, а также, об уровне самореализации, внутренней идентичности, интегрированности, гармонии – с другой. Для анализа результатов проведенной процедуры исследования важно прежде всего распознавание характера и степени диссоциации (расхождения) между «ценным» и «доступным» в основных жизненных сферах, а не просто выяснение той или иной ценности в сознании человека. Индекс «ценность–доступность» является, в свою очередь, индикатором внутренних конфликтов в мотивационно-личностной сфере человека, поскольку его величина всегда будет указывать на расхождение между тем, что есть, и тем, что должно быть, между хочу и имею, а также между хочу и могу [25].

Опросник «Уровни соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой состоит из шкал «ценности» и «доступность». Каждая из шкал содержит 12 общечеловеческих ценностей. Испытуемым необходимо сравнить все ценности попарно между собой по критериям «ценность» данных сфер и их «доступность». В результате проведенной диагностики были обнаружены следующие важные закономерности. Анализ средних значений показателей по шкале «ценности» показал, что наиболее значимыми для испытуемых ценностями стали здоровье, любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком), материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, свобода как независимость в поступках и действиях и счастливая семейная жизнь. При этом на первые позиции вышли показатели «здоровье» и «счастливая семейная жизнь». Среди наименее важных ценностей были отмечены красота природы и искусства и творчество (возможность творческой деятельности) (рис. 1).

Рис. 1. График средних значений показателей по шкале «ценности» (1 срез): A – ценность «Активная и деятельная жизнь»; B – ценность «Здоровье»; C – ценность «Интересная работа»; D – ценность «Красота природы и искусства»; E – ценность «Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); F – ценность «Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)»; G – ценность «Наличие хороших и верных друзей»; H – ценность «Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)»; I – ценность «Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие)»; J – ценность «Свобода как независимость в поступках и действиях»; K – ценность «Счастливая семейная жизнь»; L – ценность «Творчество (возможность творческой деятельности)»

Важно отметить, что большинство испытуемых были женщинами в возрасте от 25 до 60 лет. Этот факт необходимо учитывать при интерпретации результатов деагностики ценностно-смыслового рельефа личности учителей иностранного языка.

Анализ средних значений показателей по шкале «доступность» однаружил, что самыми доступными ценностями для испытуемых были активная и деятельная жизнь, любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком), наличие добрых и верных друзей, познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие) и счастливая семейная жизнь. Среди наиболее недоступных ценностей были указаны «Материально обеспеченная жизнь» и «Уверенность в себе» (рис. 2). На наш взгляд, помимо гендерных и возрастных факторов, влияющих на результаты диагностики, необходимо учитывать и специфику профессиональной деятельности испытуемых. Так, к сожалению, профессия учителя в России не является высокооплачиваемой. В связи с этим большинство учителей испытывают материальные трудности. Этим может быть также обусловлен тот факт, что учителям не хватает уверенности в себе. Более того, современная социально-политическая ситуация в стране и мире усугубляет ощущение нестабильности, незащищенности перед лицом опасности.

Рис. 2. График средних значений показателей по шкале «доступность» (1-й срез): A – ценность «Активная и деятельная жизнь»; B – ценность «Здоровье»; C – ценность «Интересная работа»; D – ценность «Красота природы и искусства»; E – ценность «Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); F – ценность «Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)»; G – ценность «Наличие хороших и верных друзей»; H – ценность «Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)»; I – ценность «Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие)»; J – ценность «Свобода как независимость в поступках и действиях»; K – ценность «Счастливая семейная жизнь»; L – ценность «Творчество (возможность творческой деятельности)»

Итоги первого среза диагностики «Уровни соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» были получены при сопоставлении двух шкал (рис. 3).

Наибольший разрыв между потребностью в достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальности, ведущий к возникновению «внутреннего конфликта» и, как следствие, к психологической неудовлетворенности, имел место по следующим ценностям: здоровье (физическое и психическое), материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений). Для учителя иностранного языка подобный результат вызывает тревогу, так как недоступность или малодоступность обозначенных выше ценностей ведет к ускоренному профессиональному выгоранию. Проблемы со здоровьем не позволяют учителям трудиться в полную силу, а недостаток финансов препятствует достижению необходимого качества жизни.

Рис. 3. График средних значений показателей при сопоставлении шкал «ценности» и «доступность» (1 срез): A – ценность «Активная и деятельная жизнь»; B – ценность «Здоровье»; C – ценность «Интересная работа»; D – ценность «Красота природы и искусства»; E – ценность «Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); F – ценность «Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)»; G – ценность «Наличие хороших и верных друзей»; H – ценность «Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)»; I – ценность «Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие)»; J – ценность «Свобода как независимость в поступках и действиях»; K – ценность «Счастливая семейная жизнь»; L – ценность «Творчество (возможность творческой деятельности)»

Рис. 4. График средних значений показателей по шкале «ценности» (2 срез): A – ценность «Активная и деятельная жизнь»; B – ценность «Здоровье»; C – ценность «Интересная работа»; D – ценность «Красота природы и искусства»; E – ценность «Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); F – ценность «Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)»; G – ценность «Наличие хороших и верных друзей»; H – ценность «Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)»; I – ценность «Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие)»; J – ценность «Свобода как независимость в поступках и действиях»; K – ценность «Счастливая семейная жизнь»; L – ценность «Творчество (возможность творческой деятельности)»

Ситуация, в которой доступность ценности существенно превышает ее значимость для испытуемого и которая ведет к образованию «внутреннего вакуума», наблюдалась по следующим ценностям: красота природы и искусства, творчество (как возможность творческой деятельности). Состояние «внутреннего вакуума» свидетельствует о внутренней опустошенности и снижении побуждений. Для учителя иностранного языка полученные результаты свидетельствуют о неблагоприятном климате для осуществления профессиональной деятельности, так как, на наш взгляд, для преподавания иностранных языков крайне важно ценить красоту и иметь творческий подход.

Второй срез диагностики «Уровни соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» был произведен в конце обучения по программе повышения квалификации «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования». Ввиду того что временной промежуток между срезами был небольшой, а ценностно-смысловые образования характеризуются относительной устойчивостью, расхождения в результатах диагностики были незначительными. Однако представляется возможным отметить ряд релевантных аспектов, полученных по шкале «ценности». Анализ средних значений показателей по шкале «ценности» обнаружил небольшое повышение показателей по ценностям «Красота природы и искусства», «Познание» и «Творчество» (рис. 4).

Полученные данные позволяют предположить, что процесс обучения по курсу «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования» благоприятно повлял на ценностно-смысловую динамику испытуемых, сместив фокус их внимания на те ценности, которые первостепенно важны при изучении и преподавании иностранного языка.

Эффективность обучения по программе курса повышения квалификации в отношении совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции была диагностирована с помощью ряда инструментов формирующего и итогового оценивания, предусмотренных в учебно-методическом пособии «Практический курс первого иностранного языка (английский). Mindfulness-Based Skills Development». Диагностические срезы производились на основе следующего типа заданий, предполагающих критериальное оценивание: 1) лексико-грамматические задания; 2) задания на понимание прочитанного текста (истинные и ложные утверждения, завершение фраз, ответы на вопросы и т.д.); 3) задания на говорение (описание персонажей, комментирование ситуаций, составление диалогов и т.д.); 4) письменные задания (эссе, меморандумы и т.д.). Каждый из перечисленных выше видов заданий оценивался из расчета 20 баллов, по четырем критериям (5 баллов по каждому критерию) – introduction (вводная часть), technical accuracy (грамотность фонетической, лексической, грамматической стороны речи), content (содержание), personal response (рефлексия). Средние показатели диагностики по каждой из четырех шкал в трех срезах представлены на рис. 5.

По результатам трех срезов можно наблюдать небольшой, но устойчивый рост средних значений показателей по каждой из четырех шкал.

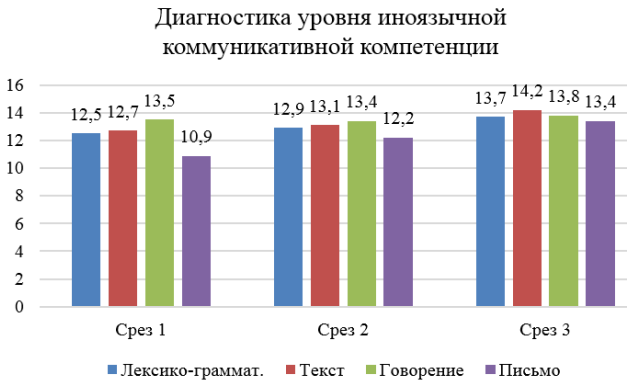


Рис. 5. График средних значений показателей уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции (1–3-й срезы)

На основе полученных данных справедливо заключить, что в процессе обучения по курсу «Дифференцированное обучение как средство повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и повышения качества иноязычного образования» учителя иностранного языка смогли повысить уровень иноязычной коммуникативной компетенции в разных видах речевой деятельности за счет грамотно организованной дифференциации обучения, роста мотивации к саморазвитию и собственной профессиональной деятельности, благоприятному психологическому климату на занятиях.

Заключение

Наблюдение за педагогическим процессом показывает, что преподавание иностранного языка без учета индивидуального психологического развития обучающихся препятствует их стремлению к знаниям, становится причиной потери интереса к учебной деятельности. Дифференциация обеспечивает необходимую гибкость образовательного процесса, содействует выстраиванию обучающимися индивидуальных образовательных траекторий. Дифференциация, организованная на глубинном уровне личности обучающегося – на уровне ценностно-смысловой динамики – позволяет достичь максимальной эффективности обучения при наименьших затратах со стороны учителя.

Для того чтобы правильно организовать дифференцированное обучение иностранному языку, необходимо определить цели дифференциации.

С психолого-педагогической точки зрения целью дифференциации является создание оптимальных условий для раскрытия способностей, интересов, склонностей, мотивов, побуждающих обучающихся к познавательной деятельности.

С социальной точки зрения целью дифференциации является активизация творческого и интеллектуального потенциала обучающихся для последующей успешной профессиональной деятельности.

С точки зрения теории и практики преподавания иностранного языка целью дифференциации является решение проблем мотивации к познавательной деятельности, обеспечения психологической безопасности образовательного процесса, реализация гуманистического подхода к обучению.

Список источников

1. Гураль С.К., Комарова Э.П., Бакленева С.А., Фетисов А.С. Теоретический контекст интегрированного предметно-языкового обучения в вузе // Язык и культура. 2020. № 49. С. 138–147.
2. Гураль С.К., Краснопеева Т.О., Смокотин В.М., Сорокоумова С.Н. Цели, задачи, принципы и содержание индивидуальных иноязычных образовательных траекторий с учетом латентных характеристик студентов // Язык и культура. 2019. № 47. С. 176–196.
3. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Жигалев Б.А., Шелякин А.В. Обучение иностранному языку в школах ФРГ // Язык и культура. 2020. № 50. С. 170–195.
4. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Мелехина Е.С. Учебное исследование как средство формирования учебно-познавательной компетентности обучающихся младшего подросткового возраста на уроках английского языка // Язык и культура. 2019. № 48. С. 259–276.
5. Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: https://fgos.ru/ (дата обращения: 22.07.2021).
6. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М., 2002.
7. О'Брайан Т., Гини Д. Дифференциация в преподавании и обучении. Принципы и практика. London : Continuum, 2001. 192 с.
8. Баева И.А., Лактионова Е.Б. Основные подходы к раскрытию понятия «образовательная среда», типология и структура образовательной среды // Педагогическая психология / под ред. Л. Регуш, А. Орловой. СПб. : Питер, 2010. 416 с.
9. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Жигалев Б.А. и др. Психологическая безопасность в школьном и вузовском лингвистическом образовании // Язык и культура. 2018. № 44. С. 134–151.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность : учеб. пособие. М. : Смысл ; Академия, 2004. 352 с.
11. Попова Н.С. Организация непрерывной подготовки учителя иностранного языка на основе формирования осознанности // Иностранные языки в школе. 2020. № 1. С. 17–23.
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. изд. М. : Смысл, 2003. 487 с.
13. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. Нью Йорк : Simon and Schuster, 1967. X. 246 с.
14. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
15. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305.
16. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Экскурсионный научно-академический дискурс и его жанровые особенности // Язык и культура. 2018. № 43. С. 88–113.
17. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Язык и культура. 2019. № 46. С. 102–125.
18. Лангер Э. Сила осознанного обучения. A Merloyd Lawrence Book, 1989.
19. Невзрослые взрослые: какой мир строят миллениалы (интервью с Вадимом Радаевым, первым проректором ВШЭ). URL: https://youtu.be/w3tHVV2PcmQ (дата обращения: 09.07.2021).
20. Ходякова Л.А. Методика речевого развития творческой личности школьника в контексте культуры : теория и практика. М. : МПГУ, 2018. 188 с.

21. Хорошева Н.В., Костыря А.В., Мамонова Н.В., Лысова О.В., Попова Н.С. Сиквел как вид метатекстовой практики: философский аспект // Propósitos y Representaciones (Журнал педагогической психологии). 2021. № 9. SPE (2), el 1105.
22. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
23. Безукладников К.Э. Лингводидактические компетенции: концепция формирования. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2011. 207 с.
24. Гураль С.К. Обучение иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе (языковой вуз) : дис. … д-ра пед. наук. Томск, 2009. 282 с.
25. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // Клиническая и специальная психология. 2013. № 1. URL: http://psyjournals.ru/files/58926/psyclin_2013_1_Fantalova.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

References

1. Gural', S.K. et al. (2020) The theoretical context of integrated subject and language teaching at the university. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 49. pp. 138–147. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/49/8
2. Gural', S.K. et al. (2019) Goals, tasks, principles and content of individual foreign language educational trajectories based on the latent characteristics of the students. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture* 47. pp. 176–196. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/47/10
3. Bezukladnikov, K.E. et al. (2020) Teaching a foreign language at FRG schools. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 50. pp. 170–195. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/50/12
4. Bezukladnikov, K.E., Kruze, B.A. & Melekhina, E.S. (2019) Educational research as a means of formation of educational and cognitive competence of students. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 48. pp. 259–276. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/48/17
5. Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty [Federal state educational standards]. (n.d.) [Online] Available from: https://fgos.ru/ (Accessed: 22.07.2021).
6. Bim-Bad, B.M. (2002) *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
7. O'Brien, T. & Guiney, D. (2001) *Differentiation in Teaching and Learning*. London: Continuum.
8. Baeva, I.A. & Laktionova, E.B. (2010) *Osnovnye podkhody k raskrytiyu ponyatiya "obrazovatel'naya sreda", tipologiya i struktura obrazovatel'noy sredy* [Basic approaches to the disclosure of the concept of "educational environment", typology and structure of the educational environment]. In: Regush, L. & Orlova, A. (eds) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Saint Petersburg: Piter.
9. Bezukladnikov, K.E. et al. (2018) Psychological safety in the school and university linguistic education. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 134–151. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/9
10. Leont'ev, A.N. (2004) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl: Akademiya.
11. Popova, N.S. (2020) Organizatsiya nepreryvnoy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka na osnove formirovaniya osoznannosti [Organization of continuous training of a foreign language teacher based on the formation of awareness]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 1. pp. 17–23.
12. Leont'ev, D.A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, structure and dynamics of meaning reality]. 2nd ed. Moscow: Smysl.
13. Frankl, V. (1967) *Psychotherapy and Existentialism: Selected Papers on Logotherapy*. New York: Simon and Schuster.
14. Leont'ev, D.A. (1996) Ot sotsial'nykh tsennostey k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoy regulyatsii deyatel'nosti [From social values to personal ones: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya.* 4. pp. 35–44.
15. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/18
16. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2018) Excursion scientific academic discourse and its genre characteristics. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 88–113. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/43/6
17. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2019) Cognitive pragmatic and linguistic characteristics of English scientific academic discourse. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 46. pp. 102–125. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/46/6
18. Langer, E. (1989) *Sila osoznannogo obucheniya* [The Power of Mindful Learning]. A Merloyd Lawrence Book.
19. RT. (2020) *Nevzroslye vzroslye: kakoy mir stroyat millenialy (interv'yu s Vadimom Radaevym, pervym prorektorom VShE)* [Non-Adult Adults: What kind of world are millennials building (interview with Vadim Radaev, HSE First Vice-Rector)]. [Online Video] Available from: https://youtu.be/w3tHVV2PcmQ (Accessed: 09.07.2021).
20. Khodyakova, L.A. (2018) *Metodika rechevogo razvitiya tvorcheskoy lichnosti shkol'nika v kontekste kul'tury: teoriya i praktika* [Methods of speech development of a schoolchild's creative personality in the context of culture]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
21. Khorosheva, N.V. et al. (2021) Sikvel kak vid metatekstovoy praktiki: filosofskiy aspekt [Sequel as a type of metatextual practice: a philosophical aspect]. *Propósitos y Representaciones*. 9. SPE (2). el 1105.
22. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. 5th ed. Moscow: Labirint.
23. Bezukladnikov, K.E. (2011) *Lingvodidakticheskie kompetentsii: kontseptsiya formirovaniya* [Linguodidactic competencies: the concept of formation]. Perm: Perm State Pedagogical University.
24. Gural', S.K. (2009) *Obuchenie inoyazychnomu diskursu kak sverkhslozhnoy samorazvivayushcheysya sisteme (yazykovoy vuz)* [Teaching foreign language discourse as a super-complex self-developing system (language university)]. Pedagogy Dr. Diss. Tomsk.
25. Fantalova, E.B. (2013) Diagnostics of values and internal conflicts in the general and clinical psychology. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*. 1. [Online] Available from: http://psyjournals.ru/files/58926/psyclin_2013_1_Fantalova.pdf (Accessed: 09.07.2021). (In Russian).

Информация об авторах:

Безукладников Константин Эдуардович – д-р пед. наук, зав. кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com

Попова Наталья Сергеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка, филологии и перевода Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия); доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: natasharubina@yandex.ru

Жигалев Борис Андреевич – д-р пед. наук, президент Нижегородского государственного лингвистического университета (Нижний Новгород, Россия). E-mail: zhigalev@lunn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.E. Bezukladnikov, Dr. Sci. (Pedagogy), head of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation), E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com
N.S. Popova, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation), Perm State National Research University (Perm, Russian Federation). E-mail: natasharubina@yandex.ru
B.A. Zhigalev, Dr. Sci. (Pedagogy), president of the Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: zhigalev@lunn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021;
одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 16.11.2021;
approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 28.02.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 118–127
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 475. pp. 118–127

Научная статья
УДК 377.8
doi: 10.17223/15617793/475/15

Контекстный подход в истории отечественного иноязычного образования

Ирина Финогеновна Плетенева[1], Татьяна Алексеевна Паршуткина[2], Надежда Васильевна Осипова[3]

[1, 2, 3] Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия
[1] pleteneva.if@mail.ru
[2] tparshutkina@mail.ru
[3] ossipova05@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены этапы исторического пути контекстного подхода в иноязычном образовании как одного из составляющих методологического фундамента современной педагогики. Предложена авторская периодизация, в основе которой лежит последовательная смена фаз развития данного подхода. Формулируется вывод о непрерывном обогащении контекстного подхода новыми элементами в процессе истории его развития, что в итоге послужило фактором его совершенствования на современном этапе и явилось основанием повышения качества обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: контекстный подход, теоретико-методологическое обоснование, иноязычное образование, внешние и внутренние факторы развития, принципы развития, обучение иностранным языкам

***Для цитирования*:** Плетенева И.Ф., Паршуткина Т.А., Осипова Н.В. Контекстный подход в истории отечественного иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 118–127. doi: 10.17223/15617793/475/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/15

The contextual approach in the history of Russian foreign language education

Irina F. Pleteneva[1], Tatyana A. Parshutkina[2], Nadegda V. Osipova[3]

[1, 2, 3] Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation
[1] pleteneva.if@mail.ru
[2] tparshutkina@mail.ru
[3] ossipova05@mail.ru

Abstract. The contextual approach, as one of the components of the methodological and pedagogical foundation, when trying to use it in pedagogical research, reveals the incompleteness of the scientific idea of its essence, formation and development as a scientific phenomenon. It is necessary to state that the role of the contextual approach in solving pedagogical problems is insufficiently studied, and this, in turn, negatively affects the effectiveness of building an educational foreign-language process. A deep and detailed understanding of the theory and history of the development of the "contextual approach" phenomenon allows us to identify its role in the implementation of the strategy of coordinated actions of educational environment's external and internal factors, in the provision of flexible content design, and in the definition of a system of active methods and forms of teaching foreign languages. The article aims to characterize the stages of the historical path of the practice of the contextual approach in foreign language education, to reveal the factors that led to the enrichment of the elements of the contextual approach at each stage. The study is carried out taking into account the dialectical laws and principles (consistency, connection of the historical and the logical, unity of the single, the general and the special, objectivity, substantiality, and integrity) and using a set of methods of analysis, comparison, generalization of facts and ideas, which allowed us to present the path of the historical development of the contextual approach as a movement based on the change of stages (phases). For each phase, a specific idea is defined, its architecture is proposed, and its construction is designed. The article proves that the change of phases of the development of the contextual approach (initialization, constructive design, mobilization, conversion, stabilization) is subject to the principle of continuity: the elements of the previous phase are embodied in the next one. Based on this evidence, the article formulates a conclusion about the continuous enrichment of the contextual approach with new elements in the course of its development, which, in turn, led to the improvement of foreign language education. The experience of studying the history of the formation of the contextual approach in Russian foreign language education, first, contributes to the understanding of the path of the formation of theoretical foundations in pedagogy. Second, knowledge of the historical development of theoretical foundations is an important factor in enriching modern foreign language education with deep and perfect methodological guidelines, which contributes to improving the quality of foreign language education. Third, the materials presented will serve as a basis for the study of the history of the formation of other theoretical and methodological foundations of foreign language education.

© Плетенева И.Ф., Паршуткина Т.А., Осипова Н.В., 2022

Keywords: contextual approach, theoretical and methodological justification, foreign language education, external and internal factors of development, principles of development, teaching foreign languages

***For citation*:** Pleteneva, I.F., Parshutkina, T.A. & Osipova, N.V. (2022) The contextual approach in the history of Russian foreign language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 118–127. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/15

Введение

Российское образование, выступающее важнейшим фактором развития, формирования личности и утверждения гуманизма в общественном сознании, призвано решать широкий диапазон задач по поиску путей для достижения оптимальных результатов в этих процессах. Однако, как свидетельствуют источники, эта работа не всегда оказывается успешной. Согласно исследованиям, лишь 66% респондентов разделяют мнение о том, что «школа дает качественные знания». Школьная подготовка, необходимая для реализации жизненного планирования за последние десять лет, показывает отрицательную динамику. Только 18% старшеклассников оценивают ее как достаточную для реализации жизненных целей [1. С. 267].

В исследованиях последних лет уделено внимание изучению и анализу причин недостаточно высокой результативности организуемого образовательного процесса. К ним отнесены: неполная осведомленность педагогов о сущности, значимости и практической реализации целей обучения, о формулировании задач обучения, недостаточное владение умениями выбора методов обучения (Н.В. Девдариане, Е.В. Рубцова [2]); слабое владение формами контроля за усвоением знаний учащимися (Н.В. Гавенко [3]); отсутствие умений анализировать и оценивать эффективность собственной деятельности (Э.П. Комарова, О.П. Полухина, С.А. Бакленева, А.С. Фетисов [4], А.Н. Лихачева [5]). Одновременно в работах указанных исследователей в качестве причины негативной ситуации в образовании называется отсутствие полноты и глубины разработанности науковедческого осмысления педагогического знания, слабая изученность теоретической и методологической педагогических составляющих в науковедении. Все это препятствует достижению положительных результатов в работе с учащимися.

Исследователи, ориентируясь на научную теорию, пытаются отыскать способы модернизации российского образования и прогнозируют его развитие. Р.М. Асадуллин отмечает, что в настоящее время назрела необходимость разработки такого методологического подхода, который бы синтезировал различные взгляды на процесс образования, раскрывал бы логику педагогической деятельности, представлял бы все образовательные процессы в системе [6]. Г.А. Бордовский обращается к проблеме поиска теоретических и практических основ организационно-методического обеспечения инновационных процессов [7].

Очевидно, формирование контента в решении проблемы образования молодого поколения базируется на конструировании теоретических и методологических основ педагогики. Важнейшим основанием, опора на которое позволила бы существенно повысить результативность образовательного процесса, по нашему мнению, является контекстный подход. Потребность в углубленном, обстоятельном исследовании контекстного подхода и его использовании в обучении становится все более актуальной.

Значение его, по выражению исследователей, состоит в содействии практике в решении проблем воспитания и образования, в обеспечении прогностичности, рефлексии, корректировки результатов деятельности [8]. Несмотря на признание исследователей серьезной роли контекстного подхода в образовании, интерес к этому феномену в современной педагогике не столь высок. И как результат – в литературе отсутствует полная и всесторонняя характеристика контекстного подхода: не определена его сущность, не раскрыто содержание его компонентов, не разработана технология реализации данного подхода в образовательном процессе. Считаем, что данное исследование внесет определенный вклад в понимание сущности контекстного подхода, пополнит имеющиеся знания материалами о путях использования контекстного подхода в образовании. Изучение педагогических фактов, процессов, явлений требует обращения к истории их возникновения и развития. Эти знания в истории педагогики отсутствуют. Без знания исторического контента сложно сформировать полное и содержательное представление о сущности контекстного подхода.

Анализ трудов современных исследователей по истории образования показал, что имеются работы, характеризующие тот или иной период, когда обучение осуществлялось с учетом требований как официальной педагогики, так и отдельных преподавателей. В этом плане следует отметить работы А.П. Булкина [9], А.А. Миролюбова [10], Т.Г. Мухиной [11]. Стремясь к пониманию происходящего в образовательной и воспитательной среде, к осмыслению данной практики с позиции определенных историко-педагогических явлений и событий, они предприняли попытку разобраться, каким образом новые концепции, теории, идеи выстраивались в науке в сложившийся теоретический базис.

Предметом нашей статьи выступает исторический аспект проблемы развития контекстного подхода в иноязычном образовании. В формулировании предмета исследования мы опирались на утверждение А.А. Вербицкого, одного из авторов теории контекстного обучения, о том, что «ни одна современная проблема не получит исчерпывающего решения без обращения к ее историческим корням: анализу процессов ее становления и развития» [12].

Определение сущности контекстного подхода в иноязычном образовании базируется на имеющихся в литературе попытках авторов дать целостное и обобщенное понимание этого феномена.

Контекстный подход представляет собой концепцию, которая помогает учителям связывать изучаемое содержание с реальными ситуациями учащихся, а также побуждает учащихся устанавливать связи между имеющимися знаниями путем их применения [13. С. 81].

Контекстный подход рассматривается как деятельностная теория усвоения социального опыта, сутью которой является формирование и развитие знаний и навыков иноязычной коммуникации студента посредством включения его в активную, личностно значимую деятельность [14. С. 774].

Контекстный подход выступает технологическим решением обеспечения неразрывной связи теоретических знаний с будущей профессиональной деятельностью, он дает обучающимся возможность понять и почувствовать себя в реальной ситуации производственного процесса. С этой концепцией результат обучения будет более значимым для студентов, поскольку процесс обучения происходит естественным образом в форме деятельности и опыта работы, а не передачи знаний от преподавателя к студенту [15. С. 20].

Исходя из позиции А.А. Вербицкого о том, что в контекстном подходе к образованию реализуется идея антропологической ориентации образовательно-воспитательного процесса, в настоящем исследовании контекстный подход, используемый в иноязычном образовании, понимается как методологическое требование (принцип) к организации образования на основе антропологических знаний (знаний о происхождении, особенностях и характеристиках личности). Учет их возможен при условии стратегии согласованного воздействия внешнего контекста (окружающей среды) и внутреннего контекста (личностных качеств). Под внешним контекстом подразумеваются субъекты (ближайшее окружение; педагоги и представители администрации учебного учреждения и др.) и объекты окружающего мира (политическая система, экономическое развитие и социальные установки в обществе; место проживания и место нахождения учебного учреждения; окружающие предметы в быту и в учебном учреждении, средства обучения и др.). Под внутренним контекстом подразумевается готовность (интерес, способность и возможность решать учебные задачи различных уровней, направленность) личности к овладению иностранным языком. Сказанное позволяет говорить о контекстном подходе как факторе и средстве успешного овладения иностранным языком. Названные факторы взаимосвязаны, взаимообусловлены, что способствует повышению качества образовательной деятельности.

Развитие контекстного подхода в истории педагогики обусловлено изменениями его структуры: наращением, сменой, заменой или полным замещением элементов. Этот процесс укладывался в схему: систематичность и последовательность в их внедрении. Изучение истории развития контекстного подхода осуществлялось на основе смены этапов (фаз), которые он проходил в определенные периоды времени, а именно: как осуществлялось согласованное взаимодействие внутренних и внешних факторов, и как эта согласованность реализовывалась в иноязычном образовании.

Путь исторического развития контекстного подхода представляет собой смену этапов (фаз). Под влиянием внешнего контекста во внутреннем контексте имел место процесс наращения новых элементов, замена прежних, полное замещение устаревших элементов (антропологических данных).

Цель статьи – охарактеризовать этапы исторического пути становления практики контекстного подхода в иноязычном образовании, раскрыв связь внешнего контекста с внутренним контекстом как фактора развития контекстного подхода и эффективного обучения иностранным языкам.

Научная новизна. В работе сформулировано определение «контекстный подход в иноязычном образовании»; раскрыт процесс исторического развития контекстного подхода в отечественном иноязычном образовании; определены факторы, обусловливавшие это движение начиная с XI в. до настоящего времени; исследовано содержание фаз, которые проходил контекстный подход начиная с X1 в.; доказана связь обогащения контекстного подхода новыми элементами в период прохождения каждой из фаз с повышением качества иноязычного образования, а также возможности применения знаний о контекстном подходе в практике современного иноязычного образования.

Обзор литературы

Впервые обоснование контекстного подхода (А.А. Вербицкий, Н.В. Борисова, Н.Б. Лаврентьева и др.) было осуществлено в системе профессионального образования в конце 1980-х гг. В статье «Психология и педагогика высшей школы: проблемы, результаты, перспективы. Круглый стол», опубликованной в журнале «Вопросы психологии» № 3 за 1981 г., А.А. Вербицкий писал: «С появлением деловых игр и других ориентированных на практику форм и методов активного обучения в вузе… можно, очевидно, говорить о четвертом способе обучения – абстрактно-контекстном или знаково-контекстном» [16. С. 20]. И далее: «Обучение, наложенное на канву профессиональной деятельности (контекстное обучение), является, на наш взгляд, перспективным направлением исследований и разработок в высшей школе» [16. С. 23].

В современных зарубежных исследованиях вопросы повышения эффективности обучения тесно связаны с контекстным подходом. Ряд авторов [17–19] формулируют противоречие о несоответствии между целями, структурированием занятия и интересами, ожиданиями учащихся. Данное противоречие, по их мнению, решается путем выбора наиболее значимых, смыслообразующих контекстов. В других исследованиях [20–22] определяются механизмы включения «содержательных» контекстов в процесс обучения. В них говорится об операторике работы с контекстами и о формировании компетенций.

Признавая значимость контекстного подхода в образовании, нельзя не изучать его роль в педагогическом профессиональном образовании. Особенно возросло число публикаций российских ученых по проблеме совершенствования подготовки педагогических

кадров по иностранным языкам, осуществляемой в рамках контекстного подхода [23–25].

Реализация контекстного подхода в современной педагогике приведет к повышению качества образовательного процесса только при условии всесторонней изученности его, включая исторический контекст развития. Именно с этих позиций в настоящей статье исследуется роль контекстного подхода в обучении иностранным языкам. Он рассматривается как методологический принцип, который реализуется через стратегию согласованного действия внешних и внутренних факторов, определяющих эффективность процесса обучения иностранным языкам, осуществляется с помощью образовательной среды контекстного типа – проектирования гибкого содержания и отбора контекстных форм и методов обучения (прежде всего активных).

В науке утверждается идея о необходимости использования контекстного подхода в качестве инструмента объяснения и осмысления круга проблем теории и практики образования, что потребует, с одной стороны, расширения содержательного поля понятия «контекстный подход», а с другой – осуществления фактического наполнения и усовершенствования его структуры. Одновременно возникает потребность исследовать возможности контекстного подхода взаимодействовать с другими педагогическими феноменами: факторами и условиями его развития (влияние среды, обстоятельств жизни, включая обучение и воспитание собственной активностью, и др.).

Подобные исследования станут возможными, после того как наука будет обладать знаниями об историческом развитии контекстного подхода, а именно: какова была его эффективность в организации образовательного иноязычного процесса в различные периоды, какими факторами определялась эффективность его реализации (накопленные знания, образовательные потребности общества, экономические, социальные, духовные, педагогические условий). А это, в свою очередь, потребует исследования конкретных форм и средств внедрения контекстного подхода в практику, в индивидуальное и общественное сознание. Предлагаемая статья является первой попыткой исследования истории становления контекстного подхода.

Методология исследования

Процесс становления и развития контекстного подхода в истории отечественного образования включает:

1) изучение истоков контекстного подхода;

2) описание элементов контекстного подхода;

3) определение фаз развития контекстного подхода в истории отечественного образования;

4) обоснование методологической значимости данного подхода;

5) обоснование перспектив развития контекстного подхода.

Продуктивным методом исследования контекстного подхода выступает фазовый метод, позволяющий охватить рассматриваемое педагогическое явление во всем многообразии воздействующих внешних факторов и внутренних содержательных элементов. Развертывание проекта контекстного подхода включает следующие фазы: инициализация, конструктивный замысел, мобилизация, конверсия, стабилизация.

В каждой фазе обосновывается замысел контекстного подхода, его архитектура и конструкция. Выполняя отражательную функцию и функцию смыслополагания, подход в изменении и развитии опирается на диалектические законы и принципы (системности, связи исторического и логического, единства единичного, общего и особенного, объективности, субстанциональности и целостности), которые выступают источниками развертывания его проекта.

Закон единства и борьбы противоположностей обосновывает замысел подхода, раскрывая процессы движения, развития, соотнесенные с экономическими, политическими, социальными условиями, выделяя противоположности элементов контекстного подхода, устанавливая взаимоотношения между ними и тем самым вскрывая их сущность и содержание. Содержание контекстного подхода как динамическая система обеспечивается постепенным накоплением и наращиванием количественных изменений, что становится условием перехода в новое качество, когда на базе определенного результата задается вектор последующего развития. Кроме того, развитие контекстного подхода наглядно показывает процесс укрепления связей, повышения согласованности составляющих его элементов, качественное преобразование самого подхода на протяжении длительного периода.

На основе закона отрицания отрицания создается архитектура контекстного подхода. Действием данного закона объясняется преемственность в исторической эволюции элементов данного подхода. Органическая связь и взаимосвязь основных законов диалектики выражается не только в том, что каждый из них характеризует определенную сторону единого процесса развития, но также и в том, что все они вместе проявляются в этом процессе.

Из основных философских принципов, необходимых при исследовании генезиса контекстного подхода, акцентируется внимание на принципе единства общего, особенного, единичного. Общее выражается в том, что в основе развития контекстного подхода лежат общие основания, диалектические законы. Особенное проявляется в раскрытии сущности исследуемого феномена. Единичное – это выделение отдельных признаков контекстного подхода, структурных элементов, которые отсутствуют в характеристиках других подходов и характеризуют его уникальность (функциональная полнота, проектная сущность, интегративный характер).

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с методологией осуществлен анализ источников, архивных материалов (ГАРФ, РГАДА, ЦИАМ) по проблеме исследования, представлен исторический процесс развития контекстного подхода в иноязычном образовании в виде фаз (ступеней) движения.

В фазе *инициализации* факторами (контекстом) появления контекстного подхода выступают социально-

политические (международное сотрудничество, приток иностранных специалистов в страну), социально-экономические (рост экономики, развитие международной торговли), социокультурные (просветительская деятельность, создание общеевропейского культурного пространства).

Влияние внешнего контекста играло решающую роль в становлении контекстного подхода. Это находило выражение в обучении иностранному языку: содержании текстов, переводческой деятельности. Данным аспектам были подчинены выбор методов (словесные) и форм (групповые) обучения.

Переводы текстов с иностранного на родной язык являлись одним из средств интеграции духовной культуры и языков, что способствовало формированию у учащихся мировоззрения, эстетических идеалов, основ духовной культуры. Одновременно переводческая деятельность оказывала влияние на развитие родного языка, способствуя его дальнейшему совершенствованию, теоретическому обогащению, практическому использованию.

В «Изборниках» (XI в.) отечественные книжники подвергали языковой и стилистической правке, используя в тексте слова и выражения, отражающие характерные черты национального быта и народно-педагогических традиций, способствуя тем самым сближению иностранных источников с реалиями жизни русских людей, с особенностями их мировосприятия. «Книжники», владеющие двумя языками, представляли собой социум работников духовной культуры. В «Изборниках» помещались ответы на вопросы, которые были связаны с обучением иностранным языкам, с разработкой подходов, в которых отражались эффективные методы и приемы работы с языковым материалом.

Таким образом, уже в ранний период развития контекстный подход играл важную роль в повышении престижа образования, в формировании грамотности, культуры, ментальных характеристик личности.

В фазе *конструктивного замысла* детально раскрываются внешние и внутренние контексты. Период второй половины XIX – начала XX в. явился определяющим в становлении конструктивных элементов контекстного подхода, которые были внедрены в теорию и практику обучения гимназий. Отечественные ученые [26–28], которые занимаются исследованием гимназического образования, подчеркивают высокий уровень подготовки в этих учебных заведениях. Такой уровень, по нашему мнению, был достигнут за счет расширения использования внешнего контекста: разнообразия методов и форм обучения, появления научно-методических, дидактических материалов по обучению иностранным языкам, интеграции науки и искусства и т.д.

Активность гимназистов обеспечивалось использованием вариативных упражнений, аутентичных материалов (художественных произведений). Имело место распространение межпредметных связей.

Продуктивность контекстного подхода определялась сменой влияния параметров внешнего контекста в обучении на стратегию с последовательным переходом к системе контекстов и их интеграции. Так, внутренний контекст обогащался формированием коммуникативных качеств, способностью к самообразованию с возникновением интереса к языкам. Поскольку образование стояло в ряду приоритетных культурных ценностей, важным становилось умение самостоятельного приобретения знаний, работать с информацией, использовать полученные знания для адаптации к окружающей действительности.

В дореволюционный период как педагогический, так и методический инструментарий контекстного подхода был построен на внедрении «русского» варианта прямого метода, обеспечивающего формирование навыков общения, практического и аналитического способов изучения языка, на основе использования оригинальных источников, метода сравнения с родным языком, разработанных методов обучения искусству диалога.

Ориентация на культурологический контекст способствовала развитию культурного уровня личности, а интеграция данных психологии, физиологии, педагогики, а также методики преподавания иностранных языков осуществлялась на основе антропологического контекста (всесторонние знания о личности учащегося).

Фаза *мобилизации* характеризуется «вызреванием» подхода на основе выделения его приоритетных элементов, задающих основания применительно к определению стратегической цели, содержанию, к построению образовательной среды, выбору методов в системе советского образования. Средствами контекстного подхода решается ряд труднодостижимых в рамках других подходов задач.

Так, процесс интенсификации обучения иностранным языкам осуществлялся за счет рациональной организации деятельности каждого ученика, четкого планирования всего учебного процесса, организации самостоятельной работы, развития интереса к иностранному языку [29. С. 88].

Задача опережающего роста знаний, их глубины и сложности была достигнута путем активизации скрытых возможностей учащихся. По мнению ряда исследователей [30–33], в рамках традиционных подходов невозможно достичь более высокого уровня подготовки, так как в процессе обучения отсутствует осознание значимости знаний. В этой связи при разработке новых методов необходимо учитывать индивидуально-психологические особенности личности, интерес и мотивацию. Выполнение данных задач помогало раскрыть потенциал учащегося, преодолеть внутренние барьеры и неуверенность в себе [34. С. 6].

В этот период продуктивность контекстного подхода достигалась за счет увеличения разнообразия, усложнения контекстов в обучении, повышения их комплексности, приоритетной роли контекста личной значимости процесса обучения, который пронизывал все остальные уровни. Например, использование резервов личности обучающегося, формирование его сознательности происходит под влиянием внешнего контекста: поведения педагога, атмосферы во время занятия, техники общения педагога с учащимися.

Огромную роль в формировании благоприятного эмоционально-психологического климата во время обу-

чения иностранному языку играли ситуации общения. В методической литературе впервые отмечается необходимость переориентации с так называемых тем на речевые ситуации общения [35. С. 56]. Работа с ситуациями на занятиях по иностранным языкам явилось важным инновационным направлением в методике, поскольку позволила компенсировать отсутствие языковой среды в ходе учебной деятельности. Ситуативность легла в основу теории контекстного обучения профессиональному общению на иностранном языке.

Средствами контекстного подхода была решена еще одна важная задача в обучении – многоплановое развитие личности. Н.Д. Гальскова обратила внимание на развивающие возможности иностранного языка. Она считала, что изучение языка оказывает влияние на интеллектуальную сферу учащихся, их познавательные интересы и мотивацию, а также на творческие возможности [36]. Контекст личной значимости, по мнению Т.А. Мазурик, – основной фактор формирования коммуникативных качеств, успешного осуществления речевой деятельности и, следовательно, усвоения иностранного языка [37. С. 73].

Перечисленные задачи, решаемые в рамках контекстного подхода, привели к уточнению его педагогического и методического инструментария, представленного в виде совокупности активных, проблемно-поисковых, исследовательских методов, конструктивных и комбинаторных форм. Было отмечено, что анализ компонентного состава содержания обучения должен выполняться с опорой на структурные и качественные характеристики формируемой деятельности с учетом того, что содержание, формы и условия внеурочного общения должны не прямо переноситься на занятие, а только моделироваться [38. С. 59].

Идеи контекстного обучения иностранным языкам, разработанные в советский период, становятся базисными для современного научного знания. В данном случае речь идет о следующем: определение структуры содержания обучения, включающей социальный опыт; разработка проблем иноязычной коммуникативной компетенции; комплексность обучения, которая понималась как интеграция аспектов языка и видов речевой деятельности в процессе учебных занятий; разработка исследовательского метода и активных форм обучения, а также включение «контекста» в систему упражнений.

В *фазах конверсии и стабилизации* контекстный подход проявился в единстве всех элементов. Становление контекстного подхода как определяющего методологического принципа потребовало переосмысления задач всей системы образования. Изменения характеризовались сменой рационального компонента образования на культурологический, переходом от знаниевой к интегративной (личностно-ориентированной и компетентностной) знаково-контекстной модели обучения, ориентированной на целостный опыт решения жизненных проблем.

Использование фазовой методики позволило не только проследить путь развития контекстного подхода на протяжении большого исторического периода, но и выявить те положительные изменения, которые он накапливал и которые давали право говорить о контекстном подходе как динамичной, мобильной структуре в общечеловеческом знании. Именно фазовый метод в изучении контекстного подхода позволил перейти в понимании его сущности от первоначального восприятия как «копилки» единичных идей взаимодействия субъектов в обучении и воспитании к их обобщению и выстраиванию цельной системы взаимодействия субъектов с окружающим миром.

Несомненно, фазовый путь развития контекстного подхода, выявленный при изучении истории его становления, заслуживает внимания, а самое главное – дальнейшего исследования с целью практического освоения данной методики в рассмотрении контекстного подхода и использовании фазового метода в иноязычном обучении на современном этапе. Конечно, приобретение такого опыта потребует дальнейшего расширения объема знаний истории развития контекстного подхода, их углубления, обогатив, тем самым, современную педагогику новыми знаниями, и позволит значительно приблизить теорию к практике, реализовать новые знания в практике иноязычного образования.

Полученные в ходе исследования материалы позволяют провести более глубокое изучение контекстного подхода на уровне общей школы и в высшем образовании на современном этапе. Анализ истории развития контекстного подхода показал, что овладение знаниями на основе контекстного подхода осуществляется пошагово. Иноязычный контекст является не только источником количественного приращения знаний, но также источником непрерывной их реконструкции, качественного изменения и преобразования. Внешний контекст (социальное окружение и объекты), возникающий на пересечении знаний учащихся с эмпирической реальностью, порождает опыт. Внутренний контекст исходит из взаимодействия с реальными проблемами обучения (включает как интеллектуальную, так и физическую активность учащихся). Поэтому эффективность обучения во многом определяется умением педагога использовать как внешний, так и внутренний вид контекстов, выбирая и проектируя учебные среды. Опираясь на специфику этих видов контекста, педагог формулирует проблему, связывает контекст с уроком, уделяет внимание видам деятельности и их последовательности, поддерживает контекст на протяжении всего урока, обеспечивает контекстные связи с другими предметами, осуществляет контекстную оценку. Таким образом, главным приоритетом в контекстном обучении на уровне общей школы является определение ключевых факторов: понимание индивидуальных потребностей в обучении, желаний, локальных условий, культурных особенностей и др. Со всеми этими факторами, учитывая их полноту и важность, учитель определяет стратегии обучения и методические приемы, направленные на отработку изучаемых явлений в контексте и вне его; на ситуативно обусловленное манипулирование речевыми образцами; на коммуникативно ориентированные речевые поступки с коллективно и личностно переживаемой тематикой и жизненно важными ситуациями общения; на реализацию приобре-

тенных умений и навыков в коммуникативно направленных высказываниях и сообщениях.

В настоящее время наблюдается возросший интерес к использованию контекста в обучении иностранным языкам в высшей школе. На первый план выходят социальный и профессиональный контексты обучения. Отбор содержания и форм учебной деятельности производится в соответствии с целями, содержанием и формами будущей профессиональной деятельности студента. Согласно контекстной теории, процесс обучения осуществляется только тогда, когда студенты обрабатывают информацию, получают знания, которые имеют смысл для них самих. Основываясь на данном положении, иноязычное образование в профессиональной высшей школе фиксирует внимание на проектировании учебной среды, включающей профессиональный аспект, личностных, социальных и культурных факторах. С помощью контекстного подхода, используемого в иноязычном образовании высшей школы, осуществляется поступательное движение субъекта к будущей профессии.

По мере движения в сторону использования средств контекстного подхода всех уровней (культурного, семейного, общественного), а также повышения факторной обусловленности процесса обучения, определяется педагогический и методический инструментарий контекстного подхода. В качестве уточнения инструментария данного подхода считаем необходимым усиление антропологического аспекта в обучении. В настоящее время в рамках контекстного подхода особое звучание приобретают личностно-ориентированные технологии на основе выбора и внедрения тех контекстов, в которых происходит не только самоактуализация личности каждого обучающегося, но и развитие прагматически значимых компетенций. Поэтому контекстный подход, опираясь на активное усвоение знаний, ситуативность, автономность обучения, использует широкий спектр проблемно-поисковых и исследовательских контекстных методов и форм.

Таким образом, контекстный подход предполагает видение перспективы развития воспитательно-образовательного процесса не только за счет совершенствования педагогического и методического обеспечения, но и требует проектирования контекстной среды. Он поощряет более высокий порядок мышления, основанный на конструировании знания при взаимодействии с социальной средой. Преимущество подхода состоит в том, что среда обучения способствует усвоению знаний и фактов, так как они связаны с жизненным опытом обучающегося (реальностью). Практический опыт превращает обучение в действие, а не просто в событие. В результате субъекты образовательной деятельности мотивированы на приобретение знаний. Контекстный подход задает конструктивы и концепты образовательной деятельности, существенно модернизируя архитектуру, содержательное наполнение образовательной среды, меняет механизм взаимодействия субъектов и объектов.

Однако раскрытый механизм обучения иностранным языкам на основе контекстного подхода не всегда приводит к оптимальным результатам. На наш взгляд, одной из причин может выступать недостаточная информированность педагогов о роли контекстного подхода в обучении, технологии его использования. Данное предположение основано на анализе представлений педагогов о значимости контекстного подхода и условиях его реализации. Так, в исследованиях Л.В. Бариновой, О.О. Соболевой доказывается недостаточная готовность педагогов к использованию контекстного подхода [39, 40].

В сложившейся ситуации вполне закономерным выступает предположение о необходимости исследования путей становления и развития контекстного подхода в истории отечественной науки. Обращение к историческому пути развития контекстного подхода позволит выявить особенности его использования в различные исторические периоды, выявить факторы успешности его реализации в иноязычном образовательном процессе. Полагаем, что опора на контекстный подход поможет ученым по-новому взглянуть на современные тенденции образования и сформулировать задачи на будущее.

Заключение

Теоретическая педагогика, нацеленная на оказание помощи практике, призвана анализировать и выявлять наиболее уязвимые противоречия для настоящего момента и работать над их устранением. Изучение истории становления контекстного подхода обнаруживает начало формирования в педагогической науке новой культуры, характеризующейся плюрализмом и вариативностью мнений, увеличением степени свободы в трактовке педагогических фактов, явлений и процессов. В этих условиях изучение истории становления и развития педагогических феноменов выходит на новый уровень и создает условия для перевода педагогической науки из стадии стагнации в стадию динамичности.

Становление контекстного подхода в отечественном иноязычном образовании имеет исторически обусловленную значимость.

Значимость его в организации образования в целом и иноязычного в частности выражается в том, что он ориентирует на всестороннее познание личности, изучение окружения и складывающихся вокруг нее разнообразных социальных, политических, экономических и культурных ситуаций. Все это выступает факторами и средствами развития личности.

Обращение к внешнему контексту привело к обогащению контекстного подхода новыми элементами, которые выступали факторами положительного влияния на процесс иноязычного образования. Как показано в исследовании, обогащение контекстного подхода новыми элементами укладывалось в схему: систематичность и последовательность их внедрения.

Трудности в обучении иноязычной речи испытывают и современные педагоги, как и педагоги прошлого. Основываясь на материалах по истории развития контекстного подхода и исследованиях современных авторов, становится возможным предположить, что интеграция названных позиций в обучение иностранным языкам послужит надежным фундаментом в повышении уровня иноязычных знаний у учащихся.

Основными тенденциями, сформированными в современном педагогическом знании, можно считать следующие: ориентированность на философско-антропологическое осмысление содержания понятия «контекст», предполагающее рассмотрение обучения иностранному языку в логике развития человека в культуре и образовании, во взаимодействии языка и сформированного мировоззрения; стремление к целостности и системности в организации и самоорганизации образовательного процесса, включающего все компоненты; интегративные тенденции; усиление социокультурного контекста. Контекстный подход предусматривает изучение культурно-языковой ситуации в целом, позволяющей понять не только особенности реального использования языка, но и процесс формирования мировоззрения человека, приобщения его к мировым ценностям.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что феномен контекстного подхода представляет особый интерес для ученых, поскольку дает возможность дальнейшего его исследования с позиций современного научного знания.

Список источников

1. Цветкова И.В., Иванова Т.Н. Социальные компетенции старшеклассников с позиций контекстного подхода // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 2. С. 257–272.
2. Девдариани Н.В., Рубцова Е.В. Анализ применения активных методов обучения на примере языковых кафедр // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 95–97.
3. Гавенко Н.В. Контроль как организующий фактор при обучении иностранному языку // Конструктивные педагогические заметки. 2020. № 8-2 (14). С. 19–30.
4. Комарова Э.П., Полухина О.П., Бакленева С.А., Фетисов А.С. Психолого-педагогическая основа модели формирования профессионально-личностной позиции бакалавра-психолога в вузе // Язык и культура. 2020. № 50. С. 196–207.
5. Лихачева А.Н. Эффективность процесса обучения в формате и контексте компетентностной парадигмы обучения второму иностранному языку // Школа науки. 2020. № 5 (30). С. 19–22.
6. Асадуллин Р.М. Человек в зеркале образования. М.: Наука, 2013. 247 с.
7. Бордовский Г.А. Особенности развития современного педагогического образования // Педагогика. 2010. № 5. С. 62–66.
8. Ветчинова М.Н. Ретроспективные аспекты и перспективные направления развития ключевых идей компетентностного подхода // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 200–206.
9. Булкин А.П. Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России. Дубна : Феникс+, 2001. 208 с.
10. Миролюбов А.А. История отечественной методики обучения иностранным языкам. М. : СТУПЕНИ ; ИНФРА-М, 2002. 448 с.
11. Мухина Т.Г. История становления и развития дополнительного высшего профессионального образования в России (на материале Нижегородского региона). Нижний Новгород : ПринтЕС, 2011. 184 с.
12. Вербицкий А.А. Контекстное образование в контексте истории педагогической мысли // Антропологическое знание как системообразующий фактор профессионального педагогического образования : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2019. С. 26–29.
13. Виниченко В.А. Контекстный подход в формировании межкультурной компетенции бакалавров по рекламе и связи с общественностью // ЦИТИСЭ. 2020. № 4 (26). С. 381–393.
14. Клюева М.И. Контекстный подход как основа иноязычного профессионального образования // Фундаментальные исследования. 2015. № 2, ч. 4. С. 773–777.
15. Князева О.В., Кучумова О.Л., Коновалова А.А. Повышение качества образования в логике контекстного подхода // Евразийский союз ученых. Серия: Педагогические, психологические и философские науки. 2021. № 6 (87). С. 20–22.
16. Вербицкий А.А. Выступления на круглом столе «Психология и педагогика высшей школы: проблемы. Результаты, перспективы» // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 17–21.
17. Bax S. The end of CLT: a context approach to language teaching // ELT Journal. 2003. Vol. 57/3. P. 278–288. URL: http://people.exeter.ac.uk/msp203/MEd%20Formative%20Assignment/The%20End%20of%20CLT.pdf (дата обращения: 1.03.2021).
18. Yamin-Ali J. Context-The Magic of foreign language teaching // Caribbean Curriculum. 2010. Vol. 17. P. 17–32. URL: https://uwispace.sta.uwi.edu/dspace/bitstream/handle/2139/11300/Magic%20of%20FL%20Teaching%20Yamin-Ali.pdf (дата обращения: 12.02.2021).
19. Leisen J. Kompetenzorientiert unterrichten - Fragen und Antworten zu kompetenzorientiertem Unterricht und einem entsprechenden Lehr-Lern-Modell // Naturwissenschaften im Unterricht Physik. 2011. № 123/124. S. 4–10. URL: http://www.josefleisen.de/downloads/kompetenzorientierung/01%20Kompetenzorientiert%20unterrichten%20-%20NiU%202011.pdf (дата обращения: 13.02.2021).
20. Kukliansky I., Eshach H. Evaluating a Contextual-Based Course on Data Analysis for the Physics Laboratory // Journal of Science Education and Technology. 2014. № 23 (1). P. 108–115. URL: https://www.researchgate.net/publication/257604297_Evaluating_a_Contextual-Based_Course_on_Data_Analysis_for_the_Physics_Laboratory (дата обращения: 12.02.2021).
21. Suryawati E., Osman K. Contextual Learning: Innovative Approach towards the Development of Students' Scientific Attitude and Natural Science Performance // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2018. № 14 (1). P. 61–76. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Contextual-learning%3A-Innovative-approach-towards-of-Suryawati-Osman/2bcd35e5aed28cc0c223289aa21e764627491fda (дата обращения: 14.02.2021).
22. Ekowati Ch.K., Darwis M., Pua Upa H.M.D., Tahmir S. The Application of Contextual Approach in Learning Mathematics to Improve Students Motivation At SMPN 1 Kupang // International Education Studies. 2015. Vol. 8, № 8. P. 81–86. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1070817.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
23. Калинин С.В. Внедрение контекстного подхода в педагогический процесс образовательных организаций России в компетентностном формате // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 14–17.
24. Рыбакина Н.А. Компетентностно-контекстная модель обучения и воспитания в общеобразовательной школе // Образование и наука. 2017. № 2. С. 31–43.
25. Барановская Д.В. Гимназическое языковое образование в России в конце XIX – начале XX вв. // Иностранные языки в школе и вузе: теория и практика. М. : Изд-во МГОУ. 2007. С. 18–27.
26. Булыгина М.В. Преподавание немецкого языка в дореволюционных школах г. Шадринска // Интегративный проект преподавания немецкого языка: психолого-педагогический, лингводидактический и лингвокультурологический аспекты. Шадринск : ШГПИ, 2007. С. 49–59.
27. Дейкова Л.А. Компетентностный подход в профессионально-лингвистическом образовании // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. № 3 (55). С. 30–33.
28. Камызина А.В. Осмысление научных основ обучения иностранным языкам в России первой половины XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. № 1. С. 72–75.
29. Лазарева Ю.Е. Первый Всероссийский семинар методистов по иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1971. № 4. С. 87–89.
30. Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. М. : Высш. шк., 2009. 277 с.
31. Лозанов Г.К. Суггестопедия в преподавании иностранных языков // Методы интенсивного обучения иностранным языкам : сб. науч. тр. / отв. ред. С.И. Мельник. М. : Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1979. Вып. 5.1. С. 53–62.

32. Никитенко З.Н. Научный подход к проектированию технологии обучения иностранным языкам в начальной школе // Иностранные языки в школе. 2019. № 1. С. 2–12.
33. Рощина Е.В. Функции иностранного языка как учебного предмета в системе обучения в университете // Иностранные языки на неспециальных факультетах : межвуз. сб. Л., 1978. С. 3–6.
34. Борзова Е.В. Иноязычное личностно ориентированное образование в старших классах средней школы. Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2009. 172 с.
35. Пассов Е.И. Ситуация, тема, социальный контакт (К проблеме организации речевого материала) // Иностранные языки в школе. 1975. № 1. С. 53–57.
36. Гальскова Н.Д. Основные парадигмальные черты современной методической науки // Иностранные языки в школе. 2004. № 7. С. 2–13.
37. Мазурик Т.Н. Личностный фактор как регулятор успешного усвоения иностранных языков в неязыковом вузе: профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам в вузе // Структура лингвостилистики и ее основные категории : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1983. С. 72–77.
38. Климентенко А.Д. Совершенствование содержания обучения иностранным языкам в средней школе // Советская педагогика. 1983. № 11. С. 57–62.
39. Баринова Л.В. Исторический опыт как контекст решения современных проблем взаимодействия семьи и школы // Контекстный подход как средство целостного развития личности : сб. науч. тр. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2018. С. 26–30.
40. Соболева О.О. Принцип целостности в воспитании как отражение реализации контекстного подхода : сб. науч. тр. // Контекстный подход как средство целостного развития личности. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2018. С. 37–42.

References

1. Tsvetkova, I.V. & Ivanova, T.N. (2021) The social competences of high school students from a contextual approach. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*. 2 (25). pp. 257–272. (In Russian). DOI: 10.15507/1991-9468.103.025.202102.257-272
2. Devdariani, N.V. & Rubtsova, E.V. (2020) Analysis of the active teaching methods' usage on the example of linguistic departments. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya – Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 3 (9). pp. 95–97. (In Russian). DOI: 10.26140/anip-2020-0903-0019
3. Gavenko, N.V. (2020) Control as an organizing factor in training to foreign language. *Konstruktivnye pedagogicheskie zametki*. 8–2 (14). pp. 19–30. (In Russian).
4. Komarova, E.P. et al. (2020) Psychological and pedagogical basis of the model forming a professional personal position of a student-psychologist at a university. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 50. pp. 196–207. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/50/13
5. Likhacheva, A.N. (2020) Effektivnost' protsessa obucheniya v formate i kontekste kompetentnostnoy paradigmy obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku [The effectiveness of the learning process in the format and context of the competence-based paradigm of teaching a second foreign language]. *Shkola nauki – School of Science*. 5 (30). pp. 19–22.
6. Asadullin, R.M. (2013) *Chelovek v zerkale obrazovaniya* [Man in the mirror of education]. Moscow: Nauka.
7. Bordovskiy, G.A. (2010) Peculiarities of modern pedagogical education development. *Pedagogika*. 5. pp. 62–66. (In Russian).
8. Vetchinova, M.N. (2020) Retrospektivnye aspekty i perspektivnye napravleniya razvitiya klyuchevykh idey kompetentnostnogo podkhoda [Retrospective aspects and perspective directions of development of key ideas of the competence-based approach]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*. 4 (56). pp. 200–206.
9. Bulkin, A.P. (2001) *Sotsiokul'turnaya dinamika obrazovaniya. Istoricheskiy opyt Rossii* [Sociocultural Dynamics of Education. Historical experience of Russia]. Dubna: Feniks+.
10. Mirolyubov, A.A. (2002) *Istoriya otechestvennoy metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [History of the Domestic Methodology of Teaching Foreign Languages]. Moscow: STUPENI, INFRA-M.
11. Mukhina, T.G. (2011) *Istoriya stanovleniya i razvitiya dopolnitel'nogo vysshego professional'nogo obrazovaniya v Rossii (na materiale Nizhegorodskogo regiona)* [The History of the Formation and Development of Additional Higher Professional Education in Russia (Based on the Nizhny Novgorod region)]. Nizhniy Novgorod: PrintES.
12. Verbitskiy, A.A. (2019) [Contextual education in the context of the history of pedagogical thought]. *Antropologicheskoe znanie kak sistemoobrazuyushchiy faktor professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Anthropological Knowledge as a System-Forming Factor in Professional Pedagogical Education]. Proceedings of the International Conference. Kursk. 18–19 June 2019. Kursk: Kursk State University. pp. 26–29. (In Russian).
13. Vinichenko, V.A. (2020) A contextual approach in forming the intercultural competence of bachelors in advertising and public relations. *TsITISE – CITISE*. 4 (26). pp. 381–393. (In Russian). DOI: 10.15350/2409-7616.2020.4.33
14. Klyueva, M.I. (2015) Context approach as the basis for foreigh professional education. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2–4. pp. 773–777. (In Russian).
15. Knyazeva, O.V., Kuchumova, O.L. & Konovalova, A.A. (2021) Povyshenie kachestva obrazovaniya v logike kontekstnogo podkhoda [Improving the quality of education in the logic of the contextual approach]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh. Seriya: pedagogicheskie, psikhologicheskie i filosofskie nauki – Eurasian Union of Scientists. Series: Pedagogical, Psychological and Philosophical Sciences*. 6 (87). pp. 20–22. (In Russian). DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.87.1399
16. Verbitskiy, A.A. (1981) Vystupleniya na kruglom stole "Psikhologiya i pedagogika vysshey shkoly: problemy. Rezul'taty, perspektivy [Presentations at the round table "Psychology and Pedagogy of Higher Education: Problems. Results, prospects"]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 17–21. (In Russian).
17. Bax, S. (2003) The end of CLT: a context approach to language teaching. *ELT Journal*. 57/3. pp. 278–288. [Online] Available from: http://people.exeter.ac.uk/msp203/MEd%20Formative%20Assignment/The%20End%20of%20CLT.pdf (Accessed: 01.03.2021).
18. Yamin-Ali, J. (2010) Context-The Magic of foreign language teaching. *Caribbean Curriculum*. 17. pp. 17–32. [Online] Available from: https://uwispace.sta.uwi.edu/dspace/bitstream/handle/2139/11300/Magic%20of%20FL%20Teaching%20Yamin-Ali.pdf (Accessed: 12.02.2021).
19. Leisen, J. (2011) Kompetenzorientiert unterrichten – Fragen und Antworten zu kompetenzorientiertem Unterricht und einem entsprechenden Lehr-Lern-Modell. *Naturwissenschaften im Unterricht Physik*. 123/124. pp. 4–10. [Online] Available from: http://www.josefleisen.de/downloads/kompetenzorientierung/01%20Kompetenzorientiert%20unterrichten%20-%20NiU%202011.pdf (Accessed: 13.02.2021).
20. Kukliansky, I. & Eshach, H. (2014) Evaluating a Contextual-Based Course on Data Analysis for the Physics Laboratory. *Journal of Science Education and Technology*. 23 (1). pp. 108–115. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/257604297_Evaluating_a_Contextual-Based_Course_on_Data_Analysis_for_the_Physics_Laboratory (Accessed: 12.02.2021).
21. Suryawati, E. & Osman, K. (2018) Contextual Learning: Innovative Approach towards the Development of Students' Scientific Attitude and Natural Science Performance. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 14 (1). pp. 61–76. [Online] Available from: https://www.semanticscholar.org/paper/Contextual-learning%3A-Innovative-approach-towards-of-Suryawati-Osman/2bcd35e5aed28cc0c223289aa21e764627491fda (Accessed: 14.02.2021).
22. Ekowati, Ch.K. et al. (2015) The Application of Contextual Approach in Learning Mathematics to Improve Students Motivation At SMPN 1 Kupang. *International Education Studies*. 8 (8). pp. 81–86. [Online] Available from: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1070817.pdf (Accessed: 12.01.2021).
23. Kalinin, S.V. (2020) Implementation of a context approach in the pedagogical process of educational organizations of Russia in competent format. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education.* 2 (81). pp. 14–17. (In Russian). DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00185

24. Rybakina, N.A. (2017) The competence-context model of training and education in comprehensive schools. *Obrazovanie i nauka – Education and Science Journal*. 2 (19). pp. 31–43. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-31-2
25. Baranovskaya, D.V. (2007) Gimnazicheskoe yazykovoe obrazovanie v Rossii v k. XIX – n. XX vv. [Gymnasium language education in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. In: *Inostrannye yazyki v shkole i vuze: teoriya i praktika* [Foreign Languages at School and University: Theory and practice]. Moscow: Moscow Region State University. pp. 18–27.
26. Bulygina, M.V. (2007) Prepodavanie nemetskogo yazyka v dorevolyutsionnykh shkolakh g. Shadrinska [Teaching German in pre-revolutionary schools in Shadrinsk]. In: *Integrativnyy proekt prepodavaniya nemetskogo yazyka: psikhologo-pedagogicheskiy, lingvodidakticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Integrative Project of Teaching German: psychological and pedagogical, linguo-didactic and linguo-culturological aspects]. Shadrinsk: Shadrinsk State Pedagogical Institute. pp. 49–59.
27. Deykova, L.A. (2016) The competency approach in the professional linguistic education. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki – Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*. 3 (55). pp. 30–33. (In Russian).
28. Kamyzina, A.V. (2010) The scientific bases of foreign language training in Russia in the first half of the 19-th century. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya – The Bulletin of Adyghe State University. Series Pedagogy and Psychology.* 1. pp. 72–75. (In Russian).
29. Lazareva, Yu.E. (1971) Pervyy Vserossiyskiy seminar metodistov po inostrannym yazykam [The First All-Russian Seminar of Methodists in Foreign Languages] *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 4. pp. 87–89.
30. Kitaygorodskaya, G.A. (2009) *Intensivnoe obuchenie inostrannym yazykam: teoriya i praktika* [Intensive Teaching of Foreign Languages: Theory and practice]. Moscow: Vysshaya shkola.
31. Lozanov, G.K. (1979) Suggestopediya v prepodavanii inostrannykh yazykov [Suggestopedia in teaching foreign languages]. In: Mel'nik, S.I. (ed.) *Metody intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam* [Methods of Intensive Teaching of Foreign Languages]. Vyp. 5.1. Moscow: Moscow State Linguistic University. The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages. pp. 53–62.
32. Nikitenko, Z.N. (2019) Nauchnyy podkhod k proektirovaniyu tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam v nachal'noy shkole [A scientific approach to designing technology for teaching foreign languages in elementary school]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 1. pp. 2–12. (In Russian).
33. Roshchina, E.V. (1978) Funktsii inostrannogo yazyka kak uchebnogo predmeta v sisteme obucheniya v universitete [Functions of a foreign language as a subject in the system of education at the university]. In: *Inostrannye yazyki na nespetsial'nykh fakul'tetakh* [Foreign Languages at Non-Specialized Faculties]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 3–6.
34. Borzova, E.V. (2009) *Inoyazychnoe lichnostno orientirovannoe obrazovanie v starshikh klassakh sredney shkoly* [Foreign Language Personality-oriented Education in High School]. Petrozavodsk: Karelian State Pedagogical University.
35. Passov, E.I. (1975) Situatsiya, tema, sotsial'nyy kontakt (K probleme organizatsii rechevogo materiala) [Situation, theme, social contact (On the problem of organizing speech material)]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 1. pp. 53–57.
36. Gal'skova, N.D. (2011) The primary paradigmatic traits of modern methodological science. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 7. pp. 2–13. (In Russian).
37. Mazurik, T.N. (1983) Lichnostnyy faktor kak regulyator uspeshnogo usvoeniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze: professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam v vuze [The Personal Factor as a Regulator of Successful Learning of Foreign Languages in a Non-Linguistic University: Professionally-Oriented Teaching of Foreign Languages at a University]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Struktura lingvostilistiki i ee osnovnye kategorii* [Structure of Linguistic Stylistics and Its Main Categories]. Perm: Perm State University. pp. 72–77.
38. Klimentenko, A.D. (1983) Sovershenstvovanie soderzhaniya obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole [Improving the content of teaching foreign languages in secondary school]. *Sovetskaya pedagogika*. 11. pp. 57–62.
39. Barinova, L.V. (2018) Istoricheskiy opyt kak kontekst resheniya sovremennykh problem vzaimodeystviya sem'i i shkoly [Historical experience as a context for solving modern problems of interaction between the family and the school]. In: *Kontekstnyy podkhod kak sredstvo tselostnogo razvitiya lichnosti* [Contextual Approach as a Means of Integral Development of the Individual]. Yelets: Bunin Yelets State University. pp. 26–30.
40. Soboleva, O.O. (2018) Printsip tselostnosti v vospitanii kak otrazhenie realizatsii kontekstnogo podkhoda: sbornik nauchnykh trudov [The principle of integrity in education as a reflection of the implementation of the contextual approach: a collection of scientific papers]. In: *Kontekstnyy podkhod kak sredstvo tselostnogo razvitiya lichnosti* [Contextual Approach as a Means of Integral Development of the Individual]. Yelets: Bunin Yelets State University. pp. 37–42.

Информация об авторах:
Плетенева И.Ф. – д-р пед. наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: pleteneva.if@mail.ru
Паршуткина Т.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: tparshutkina@mail.ru
Осипова Н.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: ossipova05@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.F. Pleteneva, Dr. Sci. (Pedagogy), professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: pleteneva.if@mail.ru
T.A. Parshutkina, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: tparshutkina@mail.ru
N.V. Osipova, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: ossipova05@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021;
одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 28.02.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 128–136
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 475. pp. 128–136

Научная статья
УДК 796.8:615.65
doi: 10.17223/15617793/475/16

Особенности проявления постурального баланса у юных дзюдоистов с различным профилем моторной асимметрии

Артём Анатольевич Подлесных[1], Татьяна Константиновна Ким[2], Руслан Константинович Ким[3], Николай Николаевич Жеребкин[4]

[1, 2] Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
[3] Дворец творчества детей и молодежи, Нальчик, Россия
[4] Московский политехнический университет, Москва, Россия
[1] artem_podlesnykh1@mail.ru
[2] kim.tatiana@mail.ru
[3] ruslankim07@mail.ru
[4] zherebkin_nikolay.mami@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа постурального баланса дзюдоистов 13–15 лет с разным профилем моторной асимметрии с использованием стабилометрии. Способность поддерживать вертикальную позу у борцов с разным латеральным предпочтением характеризуется многообразием проявления и обусловлена наличием отклонений в состоянии опорно-двигательного аппарата и степенью их выраженности. Сделан вывод, что применение в учебно-тренировочном процессе коррекционно-профилактических комплексов упражнений позволяет оптимизировать учебно-тренировочный процесс и соревновательную практику.

Ключевые слова: постуральный баланс, индивидуальный профиль асимметрии, левша, правша, амбидекстр, юные дзюдоисты, коррекция

***Для цитирования*:** Подлесных А.А., Ким Т.К., Ким Р.К., Жеребкин Н.Н. Особенности проявления постурального баланса у юных дзюдоистов с различным профилем моторной асимметрии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 128–136. doi: 10.17223/15617793/475/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/16

Features of postural balance manifestation in young judokas with different profiles of motor asymmetry

Artem A. Podlesnykh[1], Tatiana K. Kim[2], Ruslan K. Kim[3], Nikolay N. Zherebkin[4]

[1, 2] Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
[3] Palace of Creativity of Children and Youth, Nalchik, Russian Federation
[4] Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation
[1] artem_podlesnykh1@mail.ru
[2] kim.tatiana@mail.ru
[3] ruslankim07@mail.ru
[4] zherebkin_nikolay.mami@mail.ru

Abstract. The research aims to assess the postural balance of 13- to 15-year-old judokas with different profiles of motor asymmetry and justify approaches to improve the ability of maintaining balance. The study was conducted from February to May 2021 on the basis of Sambo-70 (Moscow) and SKP SK KBR (Nalchik) institutions with the participation of 90 wrestlers aged 13 to 15. The assessment of the individual asymmetry profile and postural status was carried out on the basis of testing, observation, analysis of the content of training and competitive activities, and stabilometry with subsequent analysis of individual exposure parameters of the general pressure center on statokinesiograms. It is recorded that wrestlers with different individual asymmetry profiles have the ability to maintain a vertical posture. This ability is characterized by a variety of manifestations and is due to the presence of deviations in the state of the musculoskeletal system and the degree of their severity. Specialized asymmetric load provoked minor violations of posture and muscle balance in 31 examined athletes, significant deviations were found in 7 athletes. The results of the analysis of individual parameters of statokinesiograms – the amplitude of oscillations (Ax, Ay), the trajectory and the area of the general pressure center (S_{90}), the equilibrium index – confirm the assumption about the role of the motor profile in the formation of various disorders. The use of corrective and preventive complexes of exercises in the educational and training process allowed 26 athletes completely and 9 partially to restore the disturbed balance. Athletes with the status of the musculoskeletal system within the normal range performed special complexes to prevent possible deviations. Stabilometry data acted as an extraordinary indicator characterizing the young ath-

© Подлесных А.А., Ким Т.К., Ким Р.К., Жеребкин Н.Н., 2022

letes' body balance and as an informative method for identifying the specificity of the influence of prolonged, accentuated muscular activity on the mechanisms of formation of the motor stereotype and the individual asymmetry profile. Early establishment of abnormal disorders in the state of the musculoskeletal system and prompt preventive measures on their leveling allow restoring the athlete's correctional resource and optimizing the educational and training process and competitive practice.

Keywords: postural balance, individual asymmetry profile, left-handed, right-handed, ambidextrous, young judoka, correction

***For citation*:** Podlesnykh, A.A., Kim, T.K., Kim, R.K. & Zherebkin, N.N. (2022) Features of postural balance manifestation in young judokas with different profiles of motor asymmetry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 128–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/16

Введение. Общеизвестно, что результативность спортивной деятельности в значительной степени определяется способностью индивида экономично, максимально эффективно удерживать определенные позы, при необходимости, адекватно ситуации, менять их. По оценкам Е.М. Бердичевской [1], Н.Н. Захарьевой [2], А.А. Мельникова [3], Р.Ю. Николаева [4], Е.С. Тришина [5] F. Halabchi [6], способность поддерживать статическое и динамическое равновесие, управлять положением тела – значимые факторы достижения высокого уровня технико-тактических действий и, соответсвенно, спортивных результатов. В исследовании А.В. Кукис [7], проведенном на материале достаточно обширной выборки ($n > 600$), также была обнаружена сильная взаимосвязь ($r = 0{,}719$) между спортивно-техническими результатами борцов и их способностью удерживать равновесие.

Как показал анализ специальной литературы [8–11] и собственные исследовательские материалы [12, 13], специфика тренировочной и соревновательной деятельности в процессе многолетних занятий спортом способствует выработке профиля двигательной асимметрии, который нередко приводит к мышечному дисбалансу и в последующем к сбою в работе системы поддержания равновесия, формированию патологических нарушений в различных отделах позвоночного столба, перегрузкам отдельных мышечных групп, что вызывает дискомфорт и болевые ощущения у спортсменов, снижает эффективность тренировочной деятельности. Чаще всего подобные изменения начинают проявляться на этапе углубленной специализации, связаны с постепенным наращиванием объема и интенсивности специализированной нагрузки и нередко совпадают с периодом наиболее интенсивного роста и развития ребенка. В этой связи острым вопросом, разрабатываемым многими специалистами, остается проблема профилактики травматизма и сохранения спортивного долголетия спортсменов-единоборцев, обеспечение возможности успешно выступать и демонстрировать достижения на соревнованиях высокого ранга на протяжении многих лет. Вместе с тем в перечне наиболее распространенных причин раннего завершения спортивной карьеры перспективной молодежью исследователи выделяют спортивный травматизм. Многочисленные публикации, освещающие аналогичные проблемы, фиксируют, что необоснованный подбор упражнений, неадекватная асимметричная нагрузка в наиболее чувствительный период для молодого организма приводzт к разнообразным отклонениям в состоянии опорно-двигательного аппарата (ОДА), включая нарушения осанки, формирование дисбаланса тонуса мышц и, как следствие, дисфункции внутренних органов и систем организма [3, 8, 12–16].

Широко признан тот факт, что проявление асимметрии в строении и функциях тела в процессе онтогенеза имеет отчетливую социальную обусловленность, хотя закладывается она как биологическая особенность организма [2–4, 14, 17]. Это позволяет в определенной степени прогнозировать формирование двигательной асимметрии и с учетом этого индивидуализировать процесс подготовки юных спортсменов в аспекте не только их дальнейшего спортивного совершенствования, но и профилактики нежелательных последствий от воздействия длительных специфических нагрузок на организм занимающихся.

Наблюдения за тренировочно-соревновательной деятельностью в единоборствах выявили определенные трудности у некоторых спортсменов поддерживать вертикальное равновесие, наличие неоптимальных положений тела, значительное число ненужных локомоций для удержания баланса, что в совокупности требует от юного атлета перераспределения усилий, оперативного переключения внимания и смещения фокуса деятельности с заданной целевой установки, а в конченом итоге сказывается на качественных параметрах противоборства. В процессе беседы с тренерами и спортсменами было отмечено, что часть ошибок у последних возникает из-за недостаточной способности сохранять устойчивое положение в различных динамических ситуациях тренировочного или соревновательного поединка, когда спортсмен теряет контроль за ходом событий. В этой связи с позиции оценки формирования моторной асимметрии у юных спортсменов, занимающихся спортивными единоборствами, представляет интерес и рассмотрение вопроса о влиянии индивидуального профиля асимметрии (ИПА) детей на функцию равновесия и с учетом этого поиск методических подходов к оптимизации тренировочного процесса.

Цель исследования – оценка постурального баланса юных дзюдоистов 13–15 лет с разным профилем моторной асимметрии и обоснование подходов к совершенствованию способности поддерживать равновесие.

Организация и методы исследования. В исследовании, проходившем с февраля по май 2021 г., приняли участие 90 дзюдоистов 13–15 лет, стаж занятий единоборствами которых составляет 4,5–7,5 лет. Юные

спортсмены тренируются в ГБОУ «Центр спорта и образования "Самбо-70" Москомспорта (г. Москва) и ГКУ «Центр спортивной подготовки сборных команд КБР» Министерства спорта КБР (г. Нальчик).

Оценка ИПА осуществлялась с использованием тестов, широко апробированных на практике и рекомендованных специалистами, изучающими аналогичные проблемы [18].

Для комплексной оценки постурального статуса применялась стабилометрия (АИК «Стабилограф СТ 150») [19–22]. Анализу подлежали максимальная амплитуда колебаний общего центра давления (ОЦД) во фронтальной и сагиттальной плоскости (*Ax* и *Ay*, мм), площадь статокинезиограммы (S_{90}, мм^2), индекс устойчивости (ИУ), ед. Тестирование проводилось в одинаковых условиях, в первой половине дня, регистрация параметров осуществлялась в течение 30 с.

Функциональное состояние ОДА, наличие или отсутствие отклонений и их характер у юных спортсменов определялись медицинскими работниками на основе визуального анализа, мануально-мышечного тестирования и инструментальных методик [12, 16].

Наряду с этим проводилось педагогическое наблюдение за содержанием деятельности спортсменов в процессе учебно-тренировочных занятий и соревновательных поединков (в общей сложности было проанализировано 327 борцовских схваток). Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета Statistica ver. 8.0.

Результаты и их обсуждение. Анализ и обобщение фактологического материала выявили 6 наиболее распространенных типов моторной организации спортсменов в исследуемых группах (табл. 1). Обследование состояния ОДА в феврале 2021 г. выявило у 31 юного спортсмена наличие незначительных отклонений, у 7 были обнаружены изменения, требующие комплексной коррекции и реабилитации.

Зафиксированные девиации, как показали исследования, имеют высокую степень корреляции с моторным профилем спортсмена (r = 0,798) и являются результатом право- или левосторонней двигательной асимметрии, формирующейся в том числе под воздействием тренировочных нагрузок, выполняемых спортсменом в большем объеме в удобную для него сторону.

В табл. 2–4 представлены результаты, фиксирующие особенности проявления статики и ее последующие изменения у юных атлетов с разным ИПА.

Прежде чем преступить к интерпретации исследовательских данных, отметим следующее:

– в каждой группе (в зависимости от ИПА) выявлены значительные внутригрупповые различия в проявлении постурального баланса, которые связаны с индивидуальными особенностями спортсменов (рост, расстояние между основными суставами, размер стопы, телосложение, наличие или отсутствие девиации со стороны ОДА и т.д.). В представленном изыскании анализу подлежал один из наиболее значимых факторов, влияющих на устойчивость, – функциональное состояние ОДА спортсмена (факторный вес 0,679);

– в качестве примера были отобраны наиболее характерные для каждой группы варианты стабилокинезиограмм. Вместе с тем в ряде случаев при всей визуальной схожести оцениваемых показателей у спортсменов были зафиксированы различные девиации в состоянии ОДА;

– при оценке динамики локализации ОЦД мы придерживались следующей позиции: стабильность, соотношение сагиттальных колебаний к фронтальным, смещение спектра колебаний, соотношение амплитуд колебаний к частотам в сторону нормативных значений, любое перемещение к центральной точке рассматривалось нами как положительная динамика.

Таблица 1

Количественное распределение спортсменов с разным профилем моторной асимметрии по степени выраженности отклонений в состоянии ОДА на момент обследований в феврале и мае 2021 г.

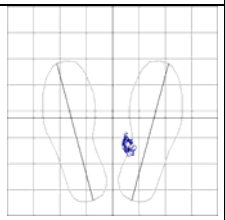
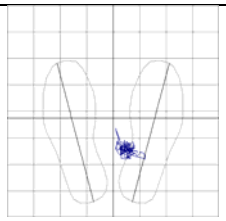
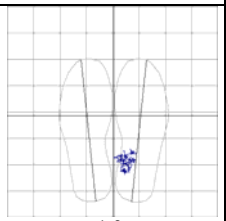
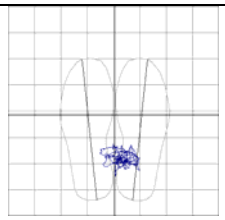
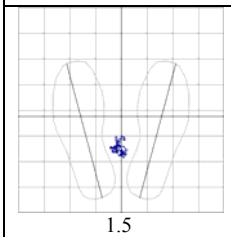
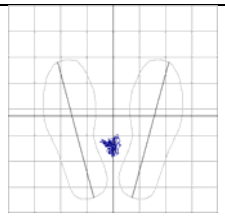
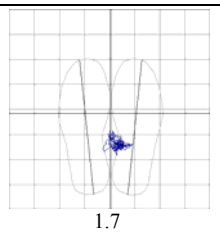
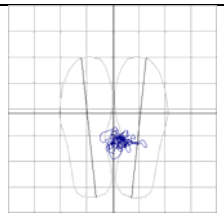
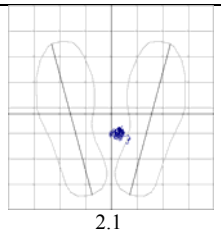
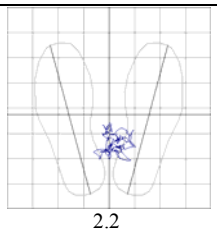
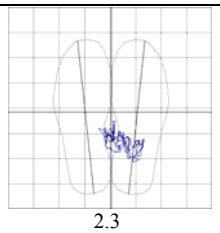
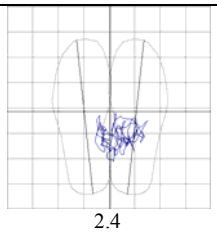
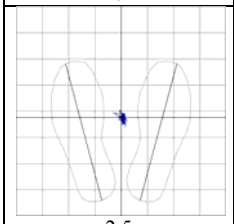
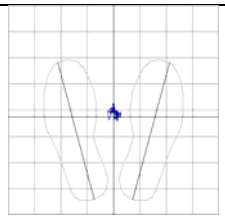
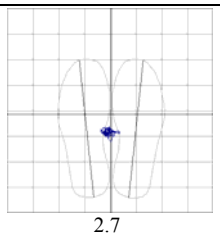
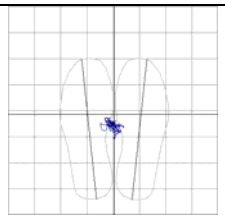
№ профиля	Профиль моторной асимметрии, кол-во (n = 80)	Степень выраженности отклонений в состоянии ОДА▲, кол-во		
		I*	II**	III***
1	Преимущественно леворукий, n = 13	6♦/11•	5♦/1•	1♦/0•
2	Абсолютный левша, n = 8	6♦/8•	2♦/1•	1♦/0•
3	Преимущественно праворукий, n = 21	11♦/18•	8♦/2•	2♦/1•
4	Абсолютный правша, n = 15	7♦/13•	7♦/2•	1♦/0•
5	Амбидекстры, n=9	7♦/9•	2♦/0•	0
6	Смешанный тип, n = 24	15♦/22•	7♦/1•	2♦/1•
	Всего:	42♦/81•	31♦/7•	7♦/2•

*– Без отклонений или имеются незначительные отклонения, не требующие специальной коррекции; **– незначительные, легко поддающиеся коррекции отклонения, требующие выполнения специально разработанных комплексов упражнений в структуре ОФП и в условиях домашнего быта; ***– стойкие нарушения, сопровождающиеся, ограничением движений в пораженной области и болями, требуют специальной коррекции в условиях учебно-тренировочного процесса, в условиях домашнего быта, в медицинских учреждениях (реабилитационные центры и т.п.); ▲ – специалисты выделяют IV степень нарушений, требующую постоянного наблюдения врачей, специализированного лечения и реабилитационных мероприятий [22]. Поскольку среди обследованных нами спортсменов сложных случаев нарушений выявлено не было, в данной статье мы не рассматриваем характер таких отклонений; ♦ – количество спортсменов на момент обследования в феврале 2021 г.; • – количество спортсменов на момент обследования в мае 2021 г.

В табл. 2 представлены примеры графиков проекции ОЦД юных атлетов с левосторонним профилем асимметрии. Отметим, что у первого спортсмена (А-в Н-а, 14 лет, стаж занятий дзюдо 6,5 лет) данные врачебного контроля состояния ОДА выявили признаки мышечного дисбаланса, нарушения осанки, функциональной разницы длины ног. При визуальном осмотре зафиксировано смещение границ регионов, искажение контура углов талии, разница в высоте плеч, а также разница в расположении лопаток. Анализ траектории движения ОЦД в проекции на горизонтальную плоскость за время выполнения заданий из различных исходных положений (и.п.) и условий выполнения в феврале 2021 г. (табл. 2, *1.1–1.4*,) фиксируют отклонения вправо во фронтальной плоскости ($Ax_{ср}$ – 129,7 мм – амплитуда колебаний ОЦД; здесь и далее представлены средние значения из различных и.п.) и значительные девиации вниз в сагиттальной плоскости ($Ay_{ср}$ – 63,9 мм).

Таблица 2

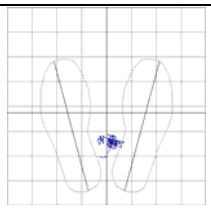
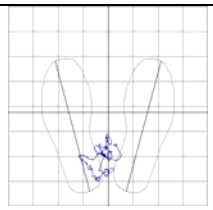
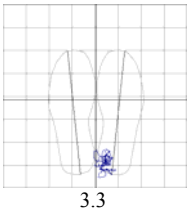
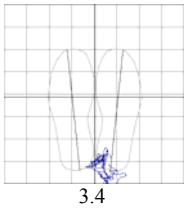
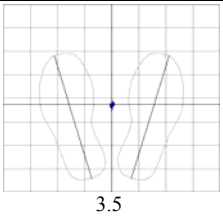
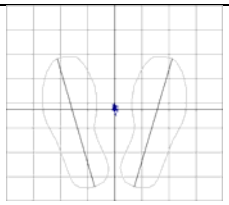
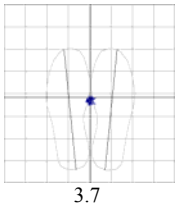
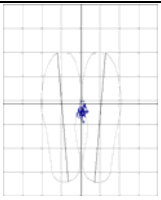
Примеры графических изображений статокинезиограмм с динамикой экспозиции ОЦД у юных дзюдоистов с левосторонним моторным профилем до и после применения коррекционной программы (февраль 2021 г., май 2021 г.)

Фамилия, имя, дата обследования	Моторный профиль	Исходное положение и тест			
		Основная стойка ГО (европейская)	Основная стойка ГЗ (европейская)	Т. Ромберга ГО (стопы вместе))	Тест Ромберга ГЗ (стопы вместе)
А-в Н-а, февраль 2021 г.	Преимущественно леворукий	 1.1	 1.2	 1.3	 1.4
А-в Н-а, май 2021 г.		 1.5	 1.6	 1.7	 1.8
Х-в С-н, февраль 2021 г.	Абсолютный левша	 2.1	 2.2	 2.3	 2.4
Х-в С-н, май 2021 г.		 2.5	 2.6	 2.7	 2.8

В табл. 2–4: ОЦД – общий центр давления; ГО – глаза открыты; ГЗ – глаза закрыты.

Таблица 3

Примеры графических изображений статокинезиограмм с динамикой экспозиции ОЦД у юных дзюдоистов с правосторонним моторным профилем до и после применения коррекционной программы (февраль 2021 г., май 2021 г.)

Фамилия, имя, дата обследования	Моторный профиль	Исходное положение и тест			
		Основная стойка ГО (европейская)	Основная стойка ГЗ (европейская)	Тест Ромберга ГО (стопы вместе)	Тест Ромберга ГЗ (стопы вместе)
Б-в Н-а, февраль 2021 г.	Преимущественно праворукий	 3.1	 3.2	 3.3	 3.4
Б-в Н-а, май 2021 г.		 3.5	 3.6	 3.7	 3.8

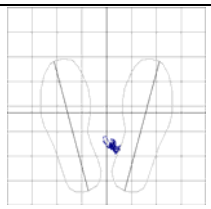
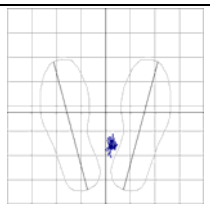
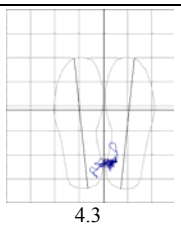
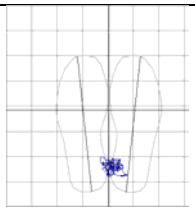
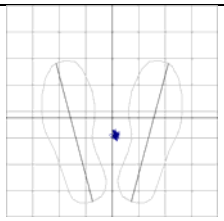
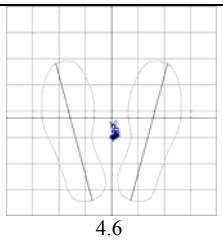
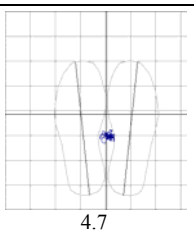
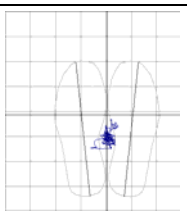
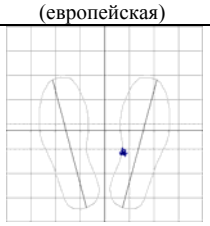
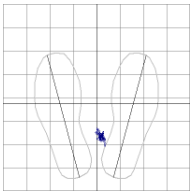
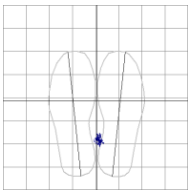
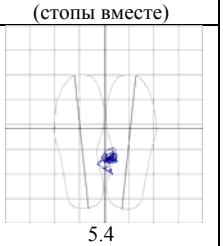
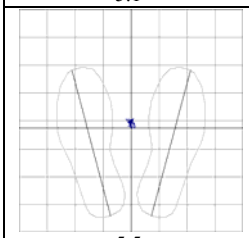
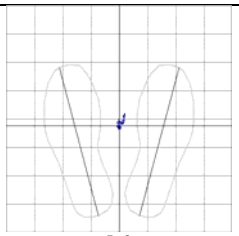
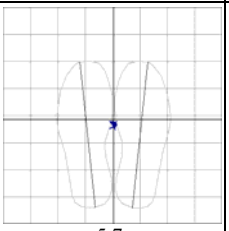
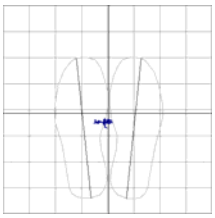
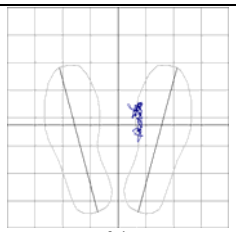
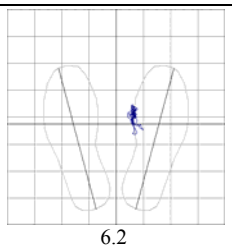
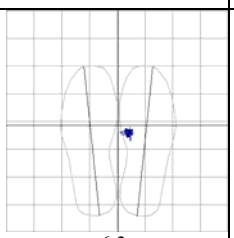
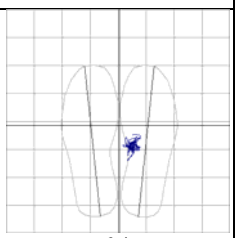
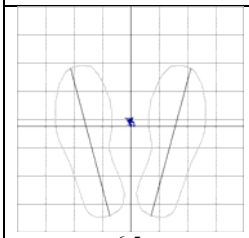
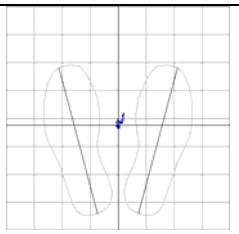
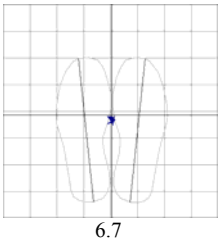
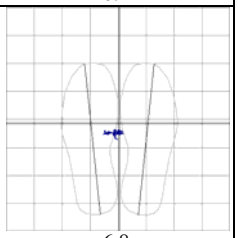
Фамилия, имя, дата обследования	Моторный профиль	Исходное положение и тест			
		Основная стойка ГО (европейская)	Основная стойка ГЗ (европейская)	Тест Ромберга ГО (стопы вместе)	Тест Ромберга ГЗ (стопы вместе)
Ф-в Ал-р, февраль 2021 г.	Абсолютный правша	 4.1	 4.2	 4.3	 4.4
Ф-в Ал-р, май 2021 г.		 4.5	 4.6	 4.7	 4.8

Таблица 4

Примеры графических изображений статокинезиограмм с динамикой экспозиции ОЦД у юных дзюдоистов-амбидекстров и смешанного типа моторной организации до и после применения коррекционной программы (февраль 2021 г., май 2021 г.)

Фамилия, имя, дата обследования	Моторный профиль	Исходное положение и тест			
		Основная стойка ГО (европейская)	Основная стойка ГЗ (европейская)	Тест Ромберга ГО (стопы вместе)	Тест Ромберга ГЗ (стопы вместе)
П-в Б-н, февраль 2021 г.	Амбидекстр	 5.1	 5.2	 5.3	 5.4
П-в Б-н, май 2021 г.		 5.5	 5.6	 5.7	 5.8
К-в Н-а, февраль 2021 г.	«Смешанный» тип	 6.1	 6.2	 6.3	 6.4
К-в Н-а, май 2021 г.		 6.5	 6.6	 6.7	 6.8

Траектория колебаний ОЦД и его площадь ($S_{90ср}$ = 3 143,8 мм^2) также имеют внушительный разброс, достигают максимальных величин при выполнении заданий с закрытыми глазами (см. табл. 2, *1.2, 1.4*). Особую трудность для спортсмена также представляло сохранение равновесия в тесте Ромберга

(ИУ (ед.) – 4,2) (см. табл. 2, *1.3, 1.4*). Диагностируемые отклонения в состоянии осанки и мышечный дисбаланс как проявление компенсаторных процессов со стороны ОДА в статическом положении вызывали у спортсмена дискомфорт и болевые ощущения. С учетом обнаруженных девиаций был разработан корригирующий комплекс, включающий упражнения, направленные на нивелирование выявленных патологических проявлений и укрепление мышц туловища и пояса нижних конечностей, несущих основную нагрузку при стабилизации положения тела [12, 13]. Анализируя данные стабилокинезиометрии, полученные в мае 2021 г., заметим позитивные сдвиги оцениваемых параметров: стремление локализации ОЦД в центральной точке ($Ax_{ср}$ – 26,2 мм, $Ay_{ср}$ – 26,1 мм), уменьшение траектории колебаний и площади ОЦД ($S_{90ср}$ = 163,6 мм^2), наряду с этим повышение ИУ до 19,06 ед. (см. табл. 2, *1.5–1.8*), в совокупности свидетельствуют об эффективности коррекционной программы.

Аналогичные данные можно наблюдать и у другого спортсмена – Х-в С-н (13 лет, стаж занятий спортом 5 лет), по итогам диагностики отнесенного к группе левшей, у юного атлета были выявлены характерный мышечный дисбаланс, смещение границ регионов ОДА, вызвавшие в свою очередь нарушения статики и способность поддерживать равновесие, что наглядно представлено в табл. 2 (*2.1–2.4*). Здесь мы также наблюдаем, как и в первом случае, смещение ОЦД вправо, более выраженную амплитуду колебаний во фронтальной ($Ax_{ср}$ – 64,4 мм) и сагиттальной ($Ay_{ср}$ – 58,1 мм) плоскости, большую площадь колебаний ОЦД ($S_{90ср}$ = 931,4 мм^2), особенно при отсутствии зрительного контроля (см. табл. 2, *2.2, 2.4*). При этом индекс устойчивости составил 7,33 ед. Занятия, направленные на укрепление ослабленных мышц, позволили восстановить постуральный баланс ($Ax_{ср}$ – 40,4 мм; $Ay_{ср}$ – 42,1 мм; $S_{90ср}$ = 466,1 мм^2; ИУ – 9,62 ед.), оценка которого проводилась в мае 2021 г., результаты коррекции наглядно представлены в табл. 2 (*2.5–2.8*).

Описывая примеры спортсменов с правосторонней латеризацией двигательных функций отметим схожесть проекций стабилокинезиограмм у мальчиков, отнесенных по результатам диагностики моторного профиля к группам абсолютных правшей (Б-в Н-а) и преимущественного праворуких (Ф-в Ал-р) (табл. 3). Оба атлета одного возраста – 14 лет, спортивный стаж занятий дзюдо у обоих составляет 7 лет, на протяжении которых они совершенствуются в спорте у одного тренера в ЦОиС «Самбо-70» г. Москва. Для представленных стабилокинезиограмм характерно значительное смещение ОЦД во фронтальной плоскости (Б-в Н-а: $Ax_{ср}$ – 94,9 мм; Ф-в Ал-р: $Ax_{ср}$ – 87,3 мм), в сагиттальной плоскости вниз (Б-в Н-а: $Ay_{ср}$ – 163,8 мм; Ф-в Ал-р: $Ay_{ср}$ – 87,1 мм) и внушительная площадь траектории колебаний ОЦД (Б-в Н-а: $S_{90ср}$ = 5 089,4 мм^2; Ф-в Ал-р: $S_{90ср}$ = 2 511,5 мм^2) у обоих спортсменов (см. табл. 3, *3.1–3.4, 4.1–4.4*).

Особые трудности у атлетов вызвало выполнение заданий с закрытыми глазами (см. табл. 3, *3.2, 3.4, 4.2, 4.4*). Индекс устойчивости составил у Б-в Н-а 3,53 ед., у Ф-в Ал-р – 5,97 ед. Обследование состояния ОДА выявило нарушение симметричной подвижности тазового и грудного региона, а также согласованное мышечное взаимодействие между данными регионами тела. Специально подобранные упражнения, учитывающие особенности отклонений и регулярное их выполнение юными дзюдоистами в заключительной части учебно-тренировочных занятий и в условиях семейного быта (в качестве домашних заданий), способствовали нормализации состояния осанки и тонуса мышц по результатам повторного тестирования и медицинского освидетельствования в мае 2021 г. (см. табл. *3, 3.5–3.8, 4.5–4.8*) и находят подтверждение в динамике показателей функции равновесия у Б-в Н-а: $Ax_{ср}$ – 33,9 мм; $Ay_{ср}$ – 37,5 мм; $S_{90ср}$ =182,2 мм^2; ИУ=17,29 ед. и у Ф-в Ал-р: $Ax_{ср}$ – 31,1 мм; $Ay_{ср}$ – 62,1 мм; $S_{90ср}$ = 172,6 мм^2; ИУ = 13,19 ед.

Анализ параметров стабилокинезиограмм юных атлетов с моторными профилями «амбидекстр» (П-в Б-н, 14 лет, стаж занятий дзюдо 7 лет) и «смешанный тип» (К-в Н-а, 13 лет, стаж занятий спортом 6,5 лет) (табл. 4) уже при первом приближении свидетельствует о том, что их рисунок отличается от графиков представителей с иным ИПА. Осмотр спортивного врача также зафиксировал отсутствие в анамнезе какой-либо диагностируемой патологии. Вместе с тем у спортсмена П-в Б-н при мануально-мышечном тестировании и выполнении специальных двигательных заданий выявлена слабость пояснично-подвздошных мышц и незначительное укорочение наружных косых мышц живота с обеих сторон. И хотя в табл. 4 (*5.1–5.4*) мы наблюдаем смещение ОЦД в сагиттальной плоскости вниз-вправо, в целом резерв сохранения баланса у юного атлета не нарушен (П-в Б-н: $Ax_{ср}$ – 31,4 мм; $Ay_{ср}$ – 41,8 мм; $S_{90ср}$ = 338,6 мм^2; ИУ = 12,19 ед.).

Аналогичную картину можем наблюдать у другого дзюдоиста – К-в Н-а, несмотря на то что исследуемые параметры не отличаются большей стабильностью (табл. 4, *6.1–6.4*). В целом же характеризуя показатели, полученные в феврале 2021 г., отметим, что положение ОЦД у обоих мальчиков в пределах площади опоры по показателям девиации, площади, длины и траектории ОЦД отвечают нормативным показателям [21, 22]. Об этом же свидетельствуют плавность колебаний и плотность траектории ОЦД, а также соотношение сагиттальных колебаний к фронтальным (К-в Н-а: $Ax_{ср}$ – 32,0 мм; $Ay_{ср}$ – 31,4 мм; $S_{90ср}$ = 358,7 мм^2; ИУ = 17,25 ед.).

Комплекс упражнений, выполняемых спортсменами в условиях учебно-тренировочного процесса, в большей мере был направлен на предупреждение развития возможных отклонений в состоянии ОДА и относился к обязательным профилактическим мероприятиям. И, судя по результатам повторных исследований, проведенных в мае 2021 г., он был вполне оправдан. Как наглядно представлено на графиках табл. 4 (*5.5–5.8, 6.5–6.8*), оцениваемые параметры стабилокинезиограмм находятся в пределах нормативных значений, смещение ОЦД к центральной точке характеризуется положительной динамикой,

наблюдение за выполнением контрольных тестов спортсменами не выявило дополнительных балансировочных движений туловищем или руками, как это было ранее зафиксировано у других обследуемых. Это также подтверждают отдельные показатели функции равновесия у обоих атлетов – П-в Б-н: $Ax_{ср}$ – 28,5 мм; $Ay_{ср}$ – 35,3 мм; $S_{90ср}$ = 182,9 мм^2; ИУ = 12,37 ед.; К-в Н-а: $Ax_{ср}$ – 25,5 мм; $Ay_{ср}$ – 30,3 мм; $S_{90ср}$ = 102,4 мм^2; ИУ = 23,07 ед.

Резюмируя, отметим, что анализируемые в представленной статье параметры (координаты, площадь статокинезиограммы и девиации ОЦД о фронтальной и сагитальной плоскости) в рассматриваемых примерах не сопоставимы между собой, поскольку спортсмены, участвовавшие в исследовании, отличаются не только профилем моторной асимметрии, но и антропо- и физиометрическими показателями. А задействованы для более наглядной объективизации обязательного включения в практику работы с юными спортсменами на основе учета их индивидуальных особенностей, превентивных и коррекционных мероприятий с целью профилактики отклонений или нормализации состояния ОДА и как результата – улучшения функции равновесия, как важной способности, без которой немыслима качественная реализация технико-тактических действий в спортивных единоборствах.

Заключение. Постуральная устойчивость является одной из важнейших детерминант высокого спортивного результата, однако особенности и механизмы поддержания равновесия тела у спортсменов-единоборцев с различным ИПА требуют дальнейшего осмысления. Результаты изыскания позволяют констатировать, что у борцов с разным профилем моторной организации способность поддержания вертикальной позы характеризуется многообразием проявления и обусловлена в том числе наличием или отсутствием отклонений в состоянии ОДА и степенью их выраженности. Специализированная асимметричная нагрузка у 31 обследованного спровоцировала незначительные нарушения осанки и мышечный дисбаланс, у 7 спортсменов были обнаружены более значительные девиации, требующие специальных реабилитационных мероприятий при участии медицинского персонала (см. табл. 1). Результаты анализа статокинезиограмм подтверждают сведения, представленные в многочисленных исследованиях о роли моторного профиля в формировании различных нарушений и объясняются спецификой тренировочной и соревновательной деятельности в спортивных единоборствах [3–5, 8, 9, 15].

Данные стабилометрии в работе использовались не только в качестве неординароного индикатора, характеризующего баланс тела юных атлетов, но и как информативный метод выявления особенности влияния длительной, акцентированной мышечной деятельности на механизмы формирования двигательного стереотипа и сопряженного с ним моторного профиля спортсмена [5, 13, 22, 23]. Установление на ранних этапах подготовки дзюдоистов нежелательных морфофункциональных нарушений в состоянии ОДА и оперативное принятие профилактических мер по их нивелированию позволяют восстановить коррекционный ресурс конкретного спортсмена и тем самым оптимизировать учебно-тренировочный процесс и соревновательную практику [12, 13]. Так, включение в учебно-тренировочный процесс коррекционно-профилактических комплексов корригирующих упражнений позволило 26 спортсменам полностью, а 9 частично восстановить нарушенный баланс. Спортсмены со статусом ОДА в пределах нормативных значений выполняли специально разработанные комплексы упражнений для предупреждения возможных девиаций. Оценка методики профилактики и коррекции нарушений со стороны ОДА у спортсменов-единоборцев с разным моторным профилем и своеобразием индивидуальных морфофункцинальных проявлений с использованием стабилометрии и анализа параметров, не освещенных в данной статье, будет представлена в последующих публикациях.

Список источников

1. Бердичевская Е.М., Пантелеева А.М. Стабилографическая билатеральная характеристика вертикальной устойчивости футболистов с правым и левым профилем сенсомоторной асимметрии // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2021. № 2 (36). С. 77–86.
2. Захарьева Н.Н. Возрастные особенности функции равновесия у юных танцоров // Научное обозрение. Реферативный журнал. 2018. № 3. С. 15–23.
3. Мельников А.А. Сравнение постуральной устойчивости у спортсменов с разной направленностью тренировочного процесса // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2019. № 2 (28). С. 60–71.
4. Николаев Р.Ю., Мельников А.А., Матавкин С.Ю., Маслова Ю.А. Особенности постуральной устойчивости у борцов начальной спортивной подготовки разных стилей // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Медико-биологические науки. 2016. № 3. С. 37–44.
5. Тришин Е.С., Тришин А.С., Бердичевская Е.М. Влияние спортивной специализации на постуральную устойчивость квалифицированных спортсменов // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование : материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Волгоград, 2021. С. 119–125.
6. Halabchi F. et al. Comparison of Static and Dynamic Balance in Male Football and Basketball Players // Foot. Ankle Spec. 2020. № 13 (3) P. 228–235.
7. Кукис А.В. Совершенствование технико-тактического мастерства юных дзюдоистов посредством повышения статокинетической устойчивости // Моделирование двигательной активности при адаптации к физическим нагрузкам (педагогические и медико-биологические аспекты) : сб. науч. тр. Челябинск : ЧГИФК, 1994. Т. 4.1. С. 66–73.
8. Арьков В.В., Алфимов М.Н. Компенсаторные механизмы нервно-мышечного дисбаланса у спортсменов высокой квалификации // Биомедицина. 2011. № 2. С. 58–65.
9. Мельников А.А., Викулов А.Д., Малахов М.В. Функция равновесия у спортсменов-борцов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 149 с.
10. Чермит К.Д. Диалектика симметрии и асимметрии в теории спортивной тренировки // Теория и практика физической культуры. 1994. № 8. С. 29–32.

11. Filardi V., Portaro S., Bertino G., Soliera L. et al. Finite element analysis of sagittal balance in different morphotype: Forces and resulting strain in pelvis and spine // Orthopaed. 2017. № 14. P. 268–275.
12. Ким Т.К., Подлесных А.А. Определяющие черты методики коррекции мышечного дисбаланса у юных дзюдоистов в процессе учебно-тренировочной деятельности и внетренировочный период // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 2 (132). С. 92–99.
13. Ким Т.К., Подлесных А.А. Оценка эффективности методики профилактики и коррекции структурно-функциональных изменений опорно-двигательного аппарата дзюдоистов на основе учета их моторного профиля // Теория и практика физической культуры. 2018. № 1 (957). С. 102–104.
14. Hasegawa K., Okamoto M., Hatsushikano S., Shimodo H. et al. Standing sagittal alignment of the whole axial skeleton with reference to the gravity line in humans // Anat. 2017. № 230. P. 619–630.
15. Nicheleda R.B., Noll M., Sedrez J.A., Furlanetto T.S. et al. Monitoring the prevalence of postural changes in schoolchildren // Phys. Ther. Sci. 2016. № 28. P. 326–331.
16. Ludwig, O. Interrelationship between postural balance and body posture in children and adolescents // Journal of Physical Therapy Science. 2017. № 29. P. 1154–1158.
17. Бердичевская Е.М. Применение стабилометрии для анализа функции равновесия у спортсменов // Журнал медико-биологических исследований. 2017. Т. 5, № 1. С. 93–95.
18. Силич Е.В., Мельник Е.В., Сивицкий В.Г. Диагностический косплекс по выявлению индивидуального профиля асимметрии спортсмена : пособие. Минск : БГУФК, 2010. 80 с.
19. Кораблева Ю.Б., Епишев В.В., Бычковских В.А. и др. Влияние постурального баланса на изменение ритма и проводимости сердца у пловцов // Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19, № S2. С. 37–44.
20. Поляев Б.Б., Иванова Г.Е., Сабурова Е.С., Андреев Д.А. Диагностики и коррекция постуральных проприоцептивных нарушений – современные тенденции // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2017. № 3 (141). С. 51–55.
21. Скворцов Д.В. Стабилометрическое исследование : крат. руководство. М. : Маска, 2021. 172 с.
22. Курникова А.А., Потехина Ю.П., Филатов А.А., Калинина Е.А. и др. Роль опорно-двигательного аппарата в поддержании постурального баланса: обзор литературы // Российский остеопатический журнал. 2019. № 3–4 (46–47). С. 135–149.
23. Смирнова П.А., Мельников А.А., Черкашин А.Е., Свиткова О.В. и др. Стабилографический метод определения проприоцептивной чувствительности постуральной системы // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2019. № 1 (27). С. 103–109.

References

1. Berdichevskaya, E.M. & Panteleeva, A.M. (2021) Posturographic bilateral characteristic of vertical stability of football players with right and left profiles of sensorimotor asymmetry. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka – Physical Education and Sports Training*. 2 (36). pp. 77–86. (In Russian).
2. Zakhar'eva, N.N. (2018) Vozrastnye osobennosti funktsii ravnovesiya u yunykh tantsorov [Age features of the balance function in young dancers]. *Nauchnoe obozrenie. Referativnyy zhurnal*. 3. pp. 15–23.
3. Mel'nikov, A.A. (2019) Comparison of postural stability of athletes with different direction of the training process. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka – Physical Education and Sports Training*. 2 (28). pp. 60–71. (In Russian).
4. Nikolaev, R.Yu. et al. (2016) Peculiarities of postural stability in basic level wrestlers of different styles. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Mediko-biologicheskie nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Medical and Biological Sciences*. 3. pp. 37–44. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2308-3174.2016.3.37
5. Trishin, E.S., Trishin, A.S. & Berdichevskaya, E.M. (2021) [The influence of sports specialization on the postural stability of qualified athletes]. *Fizicheskaya kul'tura i sport. Olimpiyskoe obrazovanie* [Physical culture and sport. Olympic education]. Proceedings of the All-Russian Conference. Volgograd. 21–22 April 2021. Volgograd: Volgograd State Physical Education Academy. pp. 119–125. (In Russian).
6. Halabchi, F. et al. (2020) Comparison of Static and Dynamic Balance in Male Football and Basketball Players. *Foot & Ankle Specialist*. 13 (3) pp. 228–235.
7. Kukis, A.V. (1994) Sovershenstvovanie tekhniko-takticheskogo masterstva yunykh dzyudoistov posredstvom povysheniya statokineticheskoy ustoychivosti [Improving the technical and tactical skills of young judokas by increasing the statokinetic stability]. In: *Modelirovanie dvigatel'noy aktivnosti pri adaptatsii k fizicheskim nagruzkam (pedagogicheskie i mediko-biologicheskie aspekty)* [Modeling of Motor Activity During Adaptation to Physical Exertion (Pedagogical and biomedical aspects)]. Vol. 4.1. Chelyabinsk: ChGIFK. pp. 66–73.
8. Ar'kov, V.V. & Alfimov, M.N. (2011) Kompensatornye mekhanizmy nervno-myshechnogo disbalansa u sportsmenov vysokoy kvalifikatsii [Compensatory mechanisms of neuromuscular imbalance in highly qualified athletes]. *Biomeditsina – Journal Biomed*. 2. pp. 58–65.
9. Mel'nikov, A.A., Vikulov, A.D. & Malakhov, M.V. (2016) *Funktsiya ravnovesiya u sportsmenov-bortsov* [Balance Function in Wrestlers]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
10. Chermit, K.D. (1994) Dialektika simmetrii i asimmetrii v teorii sportivnoy trenirovki [Dialectics of symmetry and asymmetry in the theory of sports training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 8. pp. 29–32.
11. Filardi, V. et al. (2017) Finite element analysis of sagittal balance in different morphotype: Forces and resulting strain in pelvis and spine. *Orthopaed*. 14. pp. 268–275.
12. Kim, T.K. & Podlesnykh, A.A. (2016) Defining characteristics of the young judokas muscular imbalance correction method during the educational training activity and out of training period. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2 (132). pp. 92–99. (In Russian).
13. Kim, T.K. & Podlesnykh, A.A. (2018) Rating benefits of musculoskeletal system disorders prevention and correction method based on motor profiles in judo. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 1 (957). pp. 102–104. (In Russian).
14. Hasegawa, K. et al. (2017) Standing sagittal alignment of the whole axial skeleton with reference to the gravity line in humans. *Journal of Anatomy*. 230. pp. 619–630. DOI: 10.1111/joa.12586
15. Nicheleda, R.B. et al. (2016) Monitoring the prevalence of postural changes in schoolchildren. *Journal of Physical Therapy Science*. 28. pp. 326–331. DOI: 10.1589/jpts.28.326
16. Ludwig, O. (2017) Interrelationship between postural balance and body posture in children and adolescents. *Journal of Physical Therapy Science*. 29. pp. 1154–1158.
17. Berdichevskaya, E.M. (2017) The use of stabilometry for the analysis of balance function in athletes. *Zhurnal mediko-biologicheskikh issledovaniy – Journal of Medical and Biological Research*. 1 (5). pp. 93–95. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2542-1298.2017.5.1.93
18. Silich, E.V., Mel'nik, E.V. & Sivitskiy, V.G. (2010) *Diagnosticheskiy kospleks po vyyavleniyu individual'nogo profilya asimmetrii sportsmena* [Diagnostic Complex for Identifying an Individual Profile of an Athlete's Asymmetry]. Minsk: Belarusian State University of Physical Education.
19. Korableva, Yu.B. et al. (2019) Effect of postular balance on change in heart rhythm and conductivity in swimmers. *Chelovek. Sport. Meditsina – Human. Sport. Medicine*. S2 (19). pp. 37–44. (In Russian). DOI: 10.14529/hsm19s205
20. Polyaev, B.B. et al. (2017) Diagnostics and correction of postural proprioceptive disorders – current trends. *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya meditsina – Exercise Therapy and Sports Medicine*. 3 (141). pp. 51–55. (In Russian).
21. Skvortsov, D.V. (2021) *Stabilometricheskoe issledovanie* [Stabilometric Study]. Moscow: Maska.

22. Kurnikova, A.A. et al. (2019) The role of the musculoskeletal system in maintaining postural balance: literature review. *Rossiyskiy osteopaticheskiy zhurnal – Russian Osteopathic Journal*. 3–4 (46–47). pp. 135–149. (In Russian). DOI: 10.32885/2220-0975-2019-3-4-135-149
23. Smirnova, P.A. et al. (2019) Stabilographic method for determining proprioceptive sensitivity of a postural system. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka – Physical Education and Sports Training*. 1 (27). pp. 103–109. (In Russian).

Информация об авторах:
Подлесных А.А. – соискатель кафедры теоретических основ физической культуры и спорта Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: artem_podlesnykh1@mail.ru
Ким Т.К. – д-р пед. наук, зав. кафедрой теоретических основ физической культуры и спорта Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: kim.tatiana@mail.ru
Ким Р.К. – педагог дополнительного образования Дворца творчества детей и молодежи (Нальчик, Россия). E-mail: ruslankim07@mail.ru
Жеребкин Н.Н. – старший преподаватель кафедры "Физическое воспитание" Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: zherebkin_nikolay.mami@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.A. Podlesnykh, external postgraduate student, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: artem_podlesnykh1@mail.ru
T.K. Kim, Dr. Sci. (Pedagogy), head of the Department of PE and Sport Theory, Moscow Pedagogical State University; Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kim.tatiana@mail.ru
R.K. Kim, teacher, Palace of Creativity of Children and Youth (Nalchik, Russian Federation). E-mail: ruslankim07@mail.ru
N.N. Zherbkin, senior lecturer, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: zherebkin_nikolay.mami@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 07.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 796.011
doi: 10.17223/15617793/475/17

Конверсия технологии построения спортивной тренировки в профессионально-прикладной физической подготовке будущих военных инженеров-ремонтников

Станислав Александрович Моисеев[1], Нина Петровна Филатова[2], Александр Сергеевич Кайсин[3]

[1, 3] Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Омск, Россия
[2]Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск Россия
[1] stasmoiseev120790@mail.ru
[2] finina@yandex.ru
[3] kaisin.83@mail.ru

Аннотация. Выявлены характер двигательной деятельности и параметры физической нагрузки военных инженеров-ремонтников вооружения военной и специальной техники. Исходя их полученных данных, разработана модель воспитания профессионально важных двигательных качеств, основанная на конверсии высоких спортивных технологий, реализующей процесс физической подготовки курсантов с использованием положений о периодизации спортивной подготовки и принципа приоритетного формирования функциональных возможностей систем энергообеспечения организма человека.

Ключевые слова: модель воспитания профессионально важных двигательных качеств, военные инженеры-ремонтники ВВСТ, конверсия высоких спортивных технологий, профессионально важные двигательные качества, физическая подготовленность, тесты, курсанты

***Для цитирования*:** Моисеев С.А., Филатова Н.П., Кайсин А.С. Конверсия технологии построения спортивной тренировки в профессионально-прикладной физической подготовке будущих военных инженеров-ремонтников // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 137–145. doi: 10.17223/15617793/475/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/17

Conversion of the technology of sports training design in the professional applied physical training of future military engineers-repairmen

Stanislav A. Moiseev[1], Nina P. Filatova[2], Alexander S. Kaisin[3]

[1, 3] Omsk Branch of the Military Academy of Logistics, Omsk, Russian Federation
[2] Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russian Federation
[1] stasmoiseev120790@mail.ru
[2] finina@yandex.ru
[3] kaisin.83@mail.ru

Abstract. The current complex political situation in the world associated with the violation of strategic stability determines the strengthening of the role of military engineers-repairmen of weapons and special equipment. The problem of the research consists in the need to scientifically substantiate the model of developing of professionally important motor qualities of cadets of a military engineering university – future military engineers-repairmen of military equipment. The research aims to create a model of developing professionally important motor qualities of military engineers-repairmen of military equipment and to experimentally test its effectiveness. The research methods are: analysis of literary documents, pedagogical observation, pedagogical testing, pedagogical experiment, modeling, methods of mathematical statistics. For an experimental verification of the developed model, the main pedagogical experiment was carried out on the basis of the Omsk Branch of the Military Academy of Logistics from 2018 to 2021. The pedagogical experiment was attended by cadets majoring in operation, repair and storage of armored weapons and equipment and in maintenance and repair of motor vehicles. For the pedagogical experiment, a control group (CG), 21 people, and an experimental group (EG), 22 people, were organized. Pedagogical supervision over the professional activities of military engineers-repairmen of armaments and military equipment was carried out during the international war games Rembat. The research revealed that the professionally important motor qualities are strength and speed endurance, speed and strength qualities, explosive strength, and a basic quality – general endurance. The analysis of the academic week of the university made it possible to identify the main forms of

© Моисеев С.А., Филатова Н.П., Кайсин А.С., 2022

physical training – training sessions, morning physical exercise, physical training in the process of educational and combat activities, mass sports work, independent physical training. In view of the large number of physical training classes, an assumption was made to consider the planning of the physical training of cadets by analogy with the planning of the training process in sports. A model of developing professionally important motor qualities of military engineers-repairmen of military equipment was created. Its distinctive feature is the use of the idea of periodization of sports training in professional applied physical training in the annual training cycle. The developed model turned out to be more effective than the traditional method. This was manifested in a significant increase in the development indicators of both basic and professionally important motor qualities by 43.7% and 33.4%, respectively, with the subsequent stabilization of the level of the studied indicators at the final year of study, which was not achieved using the traditional methodology.

Keywords: model of education of professionally important motor qualities, military engineers-repairmen of military equipment, conversion of high sports technologies, professionally important motor qualities, physical fitness, tests, cadets

***For citation*:** Moiseev, S.A., Filatova, N.P. & Kaisin, A.S. (2022) Conversion of the technology of sports training design in the professional applied physical training of future military engineers-repairmen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 475. pp. 137–145. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/17

Введение

Современная сложная политическая обстановка в мире, связанная с нарушением стратегической стабильности, возникновение вооруженных конфликтов, характеризующихся высокими темпами и скоротечностью современного общевойскового боя, определяют усиление роли военных инженеров-ремонтников вооружения и специальной техники (ВВСТ), так как подготовка ВВСТ к виду боя, эвакуация поврежденной ВВСТ с поля боя, ремонт ВВСТ и в кратчайшие сроки возращение в строй предопределяют успех в выполнении ближайшей и дальнейшей задач боевыми подразделениями [1. С. 124; 2. С. 6; 3. С. 146].

Как известно, фундаментом боевой готовности военнослужащих был и остается высокий уровень физической подготовленности, который позволяет выполнять задачи в мирное и военное время в соответствии с прямым начением [1. С. 124; 3. С. 146; 4. С. 267; 5. С. 16].

Программы физической подготовки для видов и родов войск разрабатывались на основе исследований профессиональной деятельности (изучался характер физической нагрузки, испытываемой личным составом в ходе выполнения специальных задач) [1, 3–8].

Военные инженеры-ремонтники ВВСТ относятся к подразделениям обеспечения (тыла), однако их деятельность в корне отличается от подразделений материально-технического обеспечения [3. С. 146; 4. С. 266]. Поэтому боевая деятельность военных инженеров-ремонтников ВВСТ еще не являлась предметом специальных исследований(в частности не изучались профессионально важные двигательные качества специалистов данного профиля и характер физических нагрузок), а программа физической подготовки разрабатывалась на основе общих требований к военнослужащим [2. С. 6; 3. С. 147; 4. С. 266].

Проблема исследования состоит в необходимости научного обоснования модели воспитания профессионально важных двигательных качеств курсантов военно-инженерного вуза – будущих военных инженеров-ремонтников ВВСТ.

Цель работы – разработка модели воспитания профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников и экспериментальная проверка ее эффективности.

Задачи исследования:

– выявление уровня физической подготовленности курсантов на протяжении всего периода обучения в вузе;

– изучение особенностей профессиональной деятельности военных инженеров-ремонтников ВВСТ;

– определение уровня развития профессионально-важных двигательных качеств курсантов старших курсов военно-инженерного вуза;

– выявление адаптационного потенциала курсантов военно-инженерного вуза в период первого года обучения;

– разработка модели воспитания профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников ВВСТ и экспериментальная проверка ее эффективности.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования избран структурно-функциональный подход, а также концепция конверсии высоких спортивных технологий В.К. Бальсевича [9, 10]. Данный подход использовался для разработки структурно-функциональной модели воспитания профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников ВВСТ и ее содержательного наполнения.

Модель воспитания профессионально-важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников ВВСТ состояла из логических элементов (целевого, содержательного, операционно-деятельностного и аналитико-результативного блоков), взаимосвязь которых способствовала решению возникшей проблемы.

Применение конверсии высоких спортивных технологий (В.К. Бальсевича) обусловлено необходимостью использования концепции периодизации спортивной подготовки (Л.П. Матвеева и Ю.В. Верхошанского) и ее планирования (А.П. Бондарчук, В.Б. Иссурин, В.Н. Платонов) для реализации профессионально-прикладной физической подготовки военных инженеров-ремонтников ВВСТ.

К высоким спортивным технологиям мы отнесли теорию подготовки квалифицированных спортсменов,

квалификации не ниже МС (группы не ниже совершенствования спортивного мастерства), концепцию периодизации спортивной подготовки и ее планирование.

В исследовании использовались: анализ литературных документов, педагогическое наблюдение, педагогическое тестирование, педагогический эксперимент, моделирование, методы математической статистики.

Организация исследования. Для экспериментальной проверки разработанной модели был проведен основной педагогический эксперимент, который проводился на базе филиала Военной академии материально-технического обеспечения (г. Омск) Омского автобронетанкового инженерного института с 2018 по 2021 г. В педагогическом эксперименте приняли участие курсанты, обучающиеся по военным специальностям «Эксплуатация, ремонт и хранение бронетанкового вооружения и техники» и «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта». Для проведения педагогического эксперимента были организованы контрольная группа (КГ) численностью 21 человек и экспериментальная группа (ЭГ) численностью 22 человека, при этом группы принадлежали к одной генеральной совокупности, в течении трех лет контингент не изменялся.

На протяжении всего эксперимента физическая подготовка курсантов КГ проводилась по традиционной методике с использованием средств, рекомендуемых наставлением по физической подготовке (в частности военно-спортивного комплекса). Курсанты ЭГ в ходе физической подготовки использовали разработанную модель воспитания профессионально важных двигательных качеств, реализующуюся в четырех этапах обучения. Результаты, полученные в ходе исследования, подвергались статистической обработке с определением следующих показателей: среднее арифметическое значение (x); стандартное отклонение (σ). Достоверность различий определялась по уровню $p < 0{,}05$ (использовался «пакет анализа» Excel, а также общепользовательские ресурсы интернета).

Результаты и обсуждение

Для решения первой задачи – выявления уровня физической подготовленности курсантов – на протяжении всего периода обучения в вузе нами было проведено констатирующее исследование [11]. Уровень развития силовых качеств определялся с помощью теста «Подтягивание на перекладине», скоростных качеств – «Бег на 100 м», показатели общей выносливости – «Бег на 3 000 м».

В результате констатирующего исследования была выявлена динамика уровня физической подготовленности курсантов, которая на начальном этапе обучения (1–2-й курсы) имела положительную направленность, тогда как на завершающих этапах обучения (4–5-й курсы) имела отрицательный вектор [11. С. 37].

Для решения второй задачи исследования – изучения особенностей профессиональной деятельности военных инженеров-ремонтников ВВСТ – было проведено педагогическое наблюдение.

Педагогическое наблюдение проводилось в ходе международных военных игр «Рембат», участниками которых являлись военные инженеры-ремонтники ВВСТ (представители военных округов Российской Федерации). Во время игр участникам предлагалось выполнить следующие задания: подготовка ВВСТ, разгрузочные работы, замена колеса (катка), грузоподъемные работы, эвакуационные работы, а также работы по вытаскиванию застрявших танков [2. С. 8; 4. С. 268].

В рамках исследования в ходе выполнения специальных заданий участниками конкурса нами были выявлены структурные компоненты нормативов по технической подготовке (период, стадия, фаза).

Результаты наблюдений позволили заключить, что деятельность военных инженеров носит динамический характер, при этом ремонтные и эвакуационные работы выполнялись в одних случаях при активном сокращении мышц плечевого пояса и верхних конечностей (мышцы нижних конечностей функционировали в статическом режиме), в других – за счет мышц нижних конечностей (мышцы плечевого пояса и верхних конечностей функционировали в статическом режиме). При выполнении специальных работ фиксировалось время выполнения (от 10 с до 10 мин) и ЧСС (от 132–185 уд./мин). В результате было сделано заключение, что профессионально важными двигательными качествами являются силовая и скоростная выносливость, скоростно-силовые качества, взрывная сила, которые должны реализоваться во всех зонах мощности. Кроме того, как базовое качество, обеспечивающее общую физическую работоспособность у военнослужащих, на наш взгляд, должна формироваться общая выносливость [2. С. 9].

Также в ходе исследования был выявлен профиль физической подготовленности военного инженера-ремонтника ВВСТ. В результате тестирования физических качеств у победителей конкурса были определены следующие показатели: уровень развития силовых качеств варьировался в пределах 85–90 баллов, скоростно-силовых – 83–92 балла, выносливости – 80–85 баллов. Предполагалось, что показатели победителей конкурса могут рассматриваться в качестве целевой установки процесса физической подготовки в военно-инженерном вузе.

Для объективной оценки уровня развития профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников ВВСТ нами были проанализированы показатели развития физических качеств и время, затраченное на выполнение специальных работ, а также проведен корреляционный анализ [4].

Результаты, полученные в ходе исследования, позволили заключить, что использование в физической подготовке курсантов тестирующих программ приседания со штангой, становая тяга, жим штанги стоя, жим штанги лежа, толчок двух гирь, челночный бег 10×10 м, бег на 60, 100, 400, 1000 м) позволяет объективно оценить уровень развития профессионально важных двигательных качеств специалистов данного профиля. На основе по-

лученных результатов была разработана уровневая характеристика (табл. 1).

Для решения третьей задачи – определения уровня развития профессионально важных двигательных качеств курсантов старших курсов военно-инженерного вуза было проведено констатирующее исследование [3], в результате которого выявлено снижение показателей уровня развития профессионально важных двигательных качеств на завершающем этапе обучения. При этом стоит отметить, что показатели уровня развития основных физических и профессионально важных двигательных качеств ни на одном курсе не соответствовали профилю физической подготовленности военных инженеров-ремонтников ВВСТ, а по разработанным шкалам дифференцированной оценки соответствовали низкому уровню.

Для определения форм физической подготовки, в которых возможна реализация разработанной модели, нами была проанализирована учебная неделя вуза. Анализ учебной недели позволил выявить основные формы физической подготовки: учебные занятия, утренняя физическая зарядка (УФЗ), физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности, спортивно-массовая работа (СМР), самостоятельная физическая тренировка (СФТ). Реализация основных форм физической подготовки представлена в табл. 2.

Отметим что рекомендации наставления по физической подготовке (НФП) являются общими для всех родов и видов войск, а в таких формах, как СФТ и физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности, помимо прочего, выявлено отсутствие регламентированности по количеству занятий и их продолжительности.

Таким образом, можно констатировать, что педагогический процесс физической подготовки в вузе представлен рядом занятий разных организационных форм (табл. 2), в недельном цикле может варьироваться от 11 до 21 занятия, что требует обязательного упорядочения. При анализе нормативных документов выявлена нерегламентированность таких форм, как физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности и самостоятельная физическая тренировка, а также отмечено отсутствие в них единой методической основы.

Ввиду множества занятий по физической подготовке, проводимых в день (в неделю), мы приняли решение рассмотреть планирование процесса физической подготовки курсантов по аналогии с планированием тренировочного процесса в спорте.

Для решения пятой задачи нами была разработана модель воспитания профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников ВВСТ, отличительной особенностью которой является использование идеи периодизации спортивной подготовки для реализации процесса профессионально-прикладной физической подготовки в годичном цикле обучения курсантов военно-инженерного вуза (рис. 1).

Таблица 1

Уровневая характеристика профессионально важных двигательных качеств

Возрастная группа (юноши/мужчины)	Уровень сформированности ПВДК	Баллы
19–21 год	Пороговый уровень (ПУ)	0–30
	Низкий уровень (НУ)	31–42
	Средний уровень (СУ)	43–60
	Оптимальный уровень (ОУ)	61–66
	Высокий уровень (ВУ)	67–79
	Высший уровень (Высш.У)	80–100
От 21 до 23 лет	Пороговый уровень (ПУ)	0–32
	Низкий уровень (НУ)	33–49
	Средний уровень (СУ)	50–63
	Оптимальный уровень (ОУ)	64–70
	Высокий уровень (ВУ)	71–83
	Высший уровень (Высш.У)	84–100

Таблица 2

Реализация форм физической подготовке в учебной неделе

Форма физической подготовки	День недели							Общее время, мин
	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс	
	Продолжительность мероприятия, мин							
Утренняя физическая зарядка (УФЗ)	30	30	30	30	30	30	–	180
Учеб. занятия	В соответствии с расписанием занятий продолжительность одного занятия 90 мин						–	180
Физ. тренировка в процессе учебно-боевой деятельности	Не регламентирована (по особому указанию в зависимости от ситуации)						–	
Спортивно-массовая работа (СМР)	–	60*	–	60*	–	–	180*	300*
	120**	120**	120**	120**	120**	–	180	780**
Самостоятельная физическая тренировка (СФТ)	По желанию обучающихся (не регламентирована)							
Итого	660 мин в неделю (без учета дополнительных занятий) отведено на физическую подготовку среднестатистического курсанта							

*– СМР для личного состава подразделений; ** – СМР для членов сборных команд.

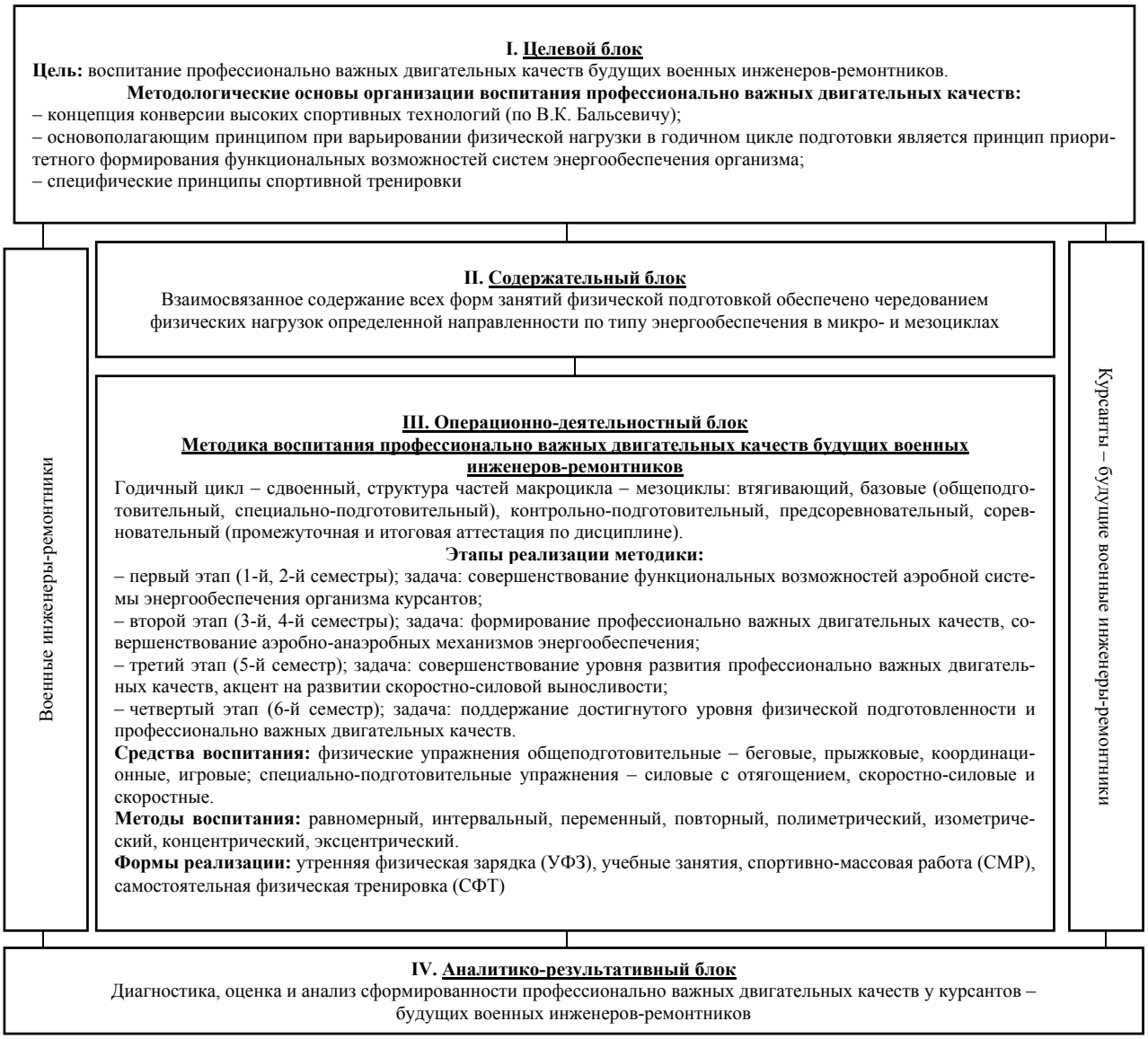


Рис. 1. Модель воспитания профессионально важных двигательных качеств будущих военных инженеров ремонтников ВВСТ

Реализация форм физической подготовки осуществлялась с учетом принципа последовательного развития функциональных возможностей систем энергообеспечения: втягивающий мезоцикл – емкости аэробной системы, общеподготовительный и специально-подготовительный мезоцикл – мощности аэробной системы, контрольно-подготовительный мезоцикл – емкости и мощности анаэробной гликолитической системы, предсоревновательный мезоцикл – анаэробной креатинфосфокиназной системы энергообеспечения. Для этого в ходе тренировочных занятий были использованы тренировочные задания, интенсивность физической нагрузки в которых соответствовала той системе энергообеспечения, которая указана в плане для конкретного этапа подготовки.

В разработанной модели воспитания профессионально важных двигательных качеств предложен порядок организации содержания физической подготовки в формах утренней физической зарядки (УФЗ), спортивно-массовой работы (СМР) и самостоятельной физической тренировки (СФТ) курсантов.

Разработанная модель воспитания профессионально-важных двигательных качеств была реализована в четыре этапа:

– первый этап – воспитание основных физических качеств (13 месяцев), 1–2-й семестр (с августа по август включительно). Одна из особенностей военных вузов заключается в проведении курса молодого бойца (КМБ) перед основным обучением. КМБ длится в течении одного месяца (август), поэтому продолжительность первого года обучения составляет 13 месяцев;

– второй этап – воспитание профессионально-важных двигательных качеств (12 месяцев), 3–4-й семестр, с сентября по август включительно);

– третий этап – совершенствование профессионально важных двигательных качеств (4 месяца), 5-й семестр (с сентября – по 1-ю неделю января);

– четвертый этап – поддержание достигнутого уровня физической подготовленности и профессионально важных двигательных качеств (5 месяцев), 6-й семестр (с января по май включительно).

Согласно разработанной нами модели каждый этап (за исключением 3-го и 4-го) имел форму сдвоенного годичного цикла, в котором были выделены подготовительный (втягивающий, базовый общеподготовительный и базовый специально-подготовительный мезоциклы), соревновательный (контрольно-подготовительный и реализационный мезоциклы) и переходный (восстановительный мезоцикл) периоды.

Для решения четвертой задачи – выявления адаптационного потенциала курсантов военно-инженерного института во время первого года обучения – было проведено предварительное исследование [12]. В исследовании приняли участие курсанты с разным уровнем физической подготовленности.

Анализ результатов позволил выявить, что в ходе обучения в военном вузе существуют периоды (КМБ, полевые выходы, занятия по огневой подготовке, тактико-специальные занятия, сессии и т.д.), когда нагрузка вызывает напряжение адаптационных возможностей организма военнослужащего.

Однако стоит отметить, что у курсантов, продемонстрировавших высокий уровень развития общей выносливости, в вышеуказанные периоды наблюдалось лишь напряжение функциональных возможностей организма (что аналогично состоянию у спортсменов в период подготовки к ответственным стартам), тогда как у военнослужащих с удовлетворительным уровнем развития данного качества наблюдалось ярко выраженное снижение адаптационных возможностей организма (особенно это наблюдается на младших курсах обучения).

Таким образом, необходимо учитывать, что в 16–17-летнем возрасте происходит завершение пубертатного периода, при этом известно, что завершение биологического развития организма в целом характерно для более позднего периода (17–21 год) [13, 14], поэтому нерациональное планирование физической подготовки и неадекватные нагрузки могут не только создавать негативный фон и препятствовать адаптации обучающихся, но, и по нашему мнению, способствовать возникновению анабиоза в процессе развертывания генетической программы. Поэтому основной задачей первого этапа разработанной модели являлась подготовка организма курсантов к нагрузкам, аналогичным при выполнении реальных задач, т.е. в первую очередь акцентировалось внимание на развитие общей работоспособности и совершенствование функциональных возможностей аэробной системы энергообеспечения организма.

На втором этапе решалась задача подготовки организма обучаемых к специфическим нагрузкам, соответствующим деятельности при выполнении реальных задач.

Стоит отметить, что на основании результатов исследований, проведенных Р.В. Тамбовцевой (2011 г.), ввиду несформированности системы энергообеспечения мышечной деятельности юношей на завершающем этапе пубертатного периода (16–17 лет), в ходе реализации разработанной модели задания в анаэробных гликолитических условиях включались нами исключительно в ударных микроциклах.

Задачами третьего этапа являлась углубленная детализированная профессионально-прикладная подготовка, повышение уровня развития профессионально важных двигательных качеств и совершенствование двигательных навыков. Физическая подготовка на данном этапе была направлена на реализацию мобилизационных возможностей организма в условиях предельных нагрузок.

Главная задача четвертого этапа – стабилизация достигнутого уровня развития основных физических и профессионально важных двигательных качеств. Характерной особенностью является проведение в этот период производственной практики (2, 3, 4-я недели января) и войсковой стажировки (март).

Мы спланировали четвертый этап таким образом, чтобы периоды проведения стажировок совпадали с базовым общеподготовительным и специально-подготовительным мезоциклами. Для оптимизации тренировочного процесса были увеличены объемы вышеперечисленных мезоциклов с целью создания условий для приспособления организма военнослужащих после стажировок к повышенным нагрузкам.

Результаты проверки эффективности разработанной модели представлены в табл. 3, 4.

В ходе педагогического эксперимента у испытуемых обеих групп выявлен прирост изучаемых показателей в течение первых двух лет обучения, при этом результаты, продемонстрированные участниками ЭГ, достоверно ($p \leq 0,05$) превосходят результаты в КГ.

Таблица 3

Динамика среднегрупповых показателей ($x \pm \sigma$) общей и профессионально-прикладной физической подготовленности курсантов ЭГ(n = 22) и КГ (n = 21) на протяжении педагогического эксперимента

Тест	Исходные результаты	Результаты первого этапа эксперимента	Результаты второго этапа эксперимента	Результаты третьего этапа эксперимента	Результаты четвертого этапа эксперимента
Подтягивание на перекладине, баллы	$\frac{60 \pm 12}{62 \pm 15}$	$\frac{79 \pm 7}{65 \pm 12}$	$\frac{80 \pm 6}{71 \pm 8}$	$\frac{82 \pm 8}{68 \pm 10}$	$\frac{82 \pm 9}{64 \pm 10}$
Бег на 100 м, баллы	$\frac{61 \pm 13}{63 \pm 13}$	$\frac{76 \pm 8}{64 \pm 14}$	$\frac{82 \pm 9}{68 \pm 10}$	$\frac{85 \pm 6}{67 \pm 6}$	$\frac{83 \pm 9}{67 \pm 8}$
Бег на 3000 м, баллы	$\frac{54 \pm 9}{55 \pm 7}$	$\frac{82 \pm 10}{72 \pm 6}$	$\frac{83 \pm 7}{75 \pm 8}$	$\frac{84 \pm 6}{71 \pm 9}$	$\frac{83 \pm 8}{68 \pm 10}$
Приседания со штангой, баллы	–	$\frac{64 \pm 4}{45 \pm 8}$	$\frac{81 \pm 6}{49 \pm 7}$	$\frac{92 \pm 8}{47 \pm 6}$	$\frac{90 \pm 5}{45 \pm 10}$
Становая тяга, баллы	–	$\frac{60 \pm 6}{41 \pm 10}$	$\frac{82 \pm 8}{46 \pm 11}$	$\frac{93 \pm 5}{46 \pm 7}$	$\frac{91 \pm 6}{41 \pm 8}$

Тест	Исходные результаты	Результаты первого этапа эксперимента	Результаты второго этапа эксперимента	Результаты третьего этапа эксперимента	Результаты четвертого этапа эксперимента
Жим штанги лежа, баллы	–	$\frac{57 \pm 6}{40 \pm 13}$*	$\frac{84 \pm 6}{45 \pm 10}$*	$\frac{92 \pm 6}{47 \pm 12}$*	$\frac{92 \pm 4}{41 \pm 10}$*
Жим штанги стоя, баллы	–	$\frac{56 \pm 6}{39 + 11}$*	$\frac{80 \pm 7}{43 + 10}$*	$\frac{90 \pm 6}{43 + 7}$*	$\frac{91 \pm 4}{40 + 9}$*
Комплексный тест, баллы	–	$\frac{62 \pm 5}{41 + 12}$*	$\frac{85 \pm 6}{47 + 6}$*	$\frac{93 \pm 8}{50 \pm 5}$*	$\frac{93 \pm 7}{43 \pm 7}$*

Примечание. В числителе – показатели ЭГ, в знаменателе – показатели КГ. Достоверные различия при $p \leq 0,05$.

Таблица 4

Антропометрические среднегрупповые показатели ($x \pm \sigma$) курсантов КГ ($n = 21$) и ЭГ ($n = 22$) на протяжении всего педагогического эксперимента

Группа	Показатели физического развития			
	Возраст, лет	Рост, см	Масса тела, кг	ИМТ, кг/м^2
КГ	$\frac{17,42 \pm 0,26}{20,02 \pm 0,26}$	$\frac{173,48 \pm 3,5}{175,48 \pm 3,8}$	$\frac{70,29 \pm 3,4}{78.6 \pm 4,5}$	$\frac{23,35 \pm 0,59}{25,53 \pm 0,7}$
ЭГ	$\frac{17,3 \pm 0,22}{19,9 \pm 0,22}$	$\frac{175,1 \pm 5,9}{177,5 \pm 6,3}$	$\frac{72,95 \pm 5,2}{75,2 \pm 5,5}$	$\frac{23,76 \pm 0,67}{25,1 \pm 0,3}$

Примечание. В числителе – результаты исследований до начала педагогического эксперимента, в знаменателе – после окончания педагогического эксперимента. Достоверные различия между результатами группы до и после окончания педагогического эксперимента при $p \leq 0,05$.

На старших курсах (5-й, 6-й семестры) обучения у испытуемых КГ наблюдалось снижение показателей основных физических качеств. При этом у участников ЭГ исследуемые показатели существенных изменений не претерпели (табл. 3).

Динамика уровня развития профессионально важных двигательных качеств на протяжении второго курса обучения в КГ и ЭГ имела положительную направленность (табл. 3). Однако прирост показателей профессионально важных двигательных качеств у испытуемых КГ (8,1–11,1%) достоверно ($p \leq 0,05$) ниже показателей, чем в ЭГ (21–32,1%). На завершающем этапе обучения в КГ наблюдалось снижение изучаемых показателей (6,9–14%). Таким образом, в ЭГ удалось избежать отрицательной динамики показателей профессионально важных двигательных качеств у курсантов на выпускном курсе.

По окончании предварительных исследований была разработана экспериментальная модель воспитания профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников ВВСТ, методологической основой которой избрана концепция В.К. Бальсевича о конверсии высоких спортивных технологий; модель предполагает использование технологии построения спортивной тренировки в профессионально-прикладной физической подготовке военных инженеров-ремонтников ВВСТ и включает целевой, содержательный, операционно-деятельностный и аналитико-результативный блоки. В реализационном блоке модели представлена методика воспитания профессионально важных двигательных качеств, которая предполагает чередование физических нагрузок по типу различных систем энергообеспечения в микро- и мезоциклах вне зависимости от используемых средств.

В результате экспериментальной проверки эффективности разработанной модели выявлены статистически достоверные различия среднегрупповых показатели КГ и ЭГ. Прирост показателей основных физических качеств по завершении первого этапа педагогического эксперимента у испытуемых КГ составил 2–23%, тогда как в ЭГ – 19–44%; по завершению второго этапа в КГ – 4–8,5%, в ЭГ – 5,5–13,6%. На завершающих этапах обучения в КГ установлено снижение уровня развития основных физических качеств на 1,5–5,3 и 4,3–5,8% соответственно, тогда как в ЭГ изучаемые показатели достоверно выросли на 5,4–8,4% и стабилизировались.

Динамика уровня развития профессионально-важных двигательных качеств на протяжении 2-го курса обучения в КГ и ЭГ имела положительную направленность в обеих группах (КГ 8,1–11,1%; ЭГ 21–32,1%), при этом изучаемые показатели ЭГ были достоверно ($p \leq 0,05$) выше. На старшем курсе в КГ наблюдалось снижение изучаемых показателей, тогда как в ЭГ удалось избежать отрицательной динамики.

Результаты, представленные в табл. 4, позволяют заключить, что как в начале, так и в конце эксперимента показатели физического развития курсантов соответствовали возрастной норме.

Заключение

Таким образом, использование модели воспитания профессионально-важных двигательных качеств, основанной на исследованиях профессиональной деятельности военных инженеров-ремонтников ВВСТ, способствует формированию основных физических качеств на младших курсах и позволяет на этой базе перейти к воспитанию профессионально важных двигательных качеств на старших курсах обучения с последующей стабилизацией достигнутого уровня к выпускному курсу.

Результативность разработанной модели выразилась в повышении уровня развития основных физических и профессионально важных двигательных качеств курсантов военно-инженерного вуза с первого по третий этап педагогического эксперимента (его соответствия показателям профиля физической подготовленности экипажей, который был определен в ходе исследований всероссийских и международных военных игр «Рембат») и удержании достигнутого уровня на завершающем этапе обучения.

Вместе с тем по результатам представленных исследований можно заключить, что реализация экспериментальной модели не оказала негативного воздействия на физическое развитие испытуемых.

Необходимо отметить, что разработанная модель может быть использована как в образовательном процессе в ходе подготовки военных инженеров-ремонтников ВВСТ (в ходе боевой подготовки экипажей авто- и танкотехнического обеспечения), так и при подготовки курсантов различных ведомств и военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации (у которых руководящими документами предусмотрено множество форм физической подготовки в рамках одного дня (недели)).

Список источников

1. Кузнецов А.Ф., Кайсин А.С. Требования к физической подготовленности выпускников автобронетанкового инженерного института в начальный период профессиональной деятельности // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2016. № 3. С. 124–130.
2. Моисеев С.А., Лёвочкин А.Н., Асеева А.Ю., Филатова Н.П. К вопросу профессионально важных двигательных качеств военных инженеров-ремонтников // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8. С. 6–10.
3. Моисеев С.А. Динамика показателей уровня развития профессионально важных двигательных качеств курсантов старших курсов Военной академии материально-технического обеспечения // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1. С. 146–149.
4. Моисеев С.А., Якубович Д.А., Лёвочкин А.Н., Кайсин А.С., Филатова Н.П. К вопросу основных средств профессионально-прикладной физической подготовки военных инженеров-ремонтников // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 9. С. 266–270.
5. Ревенко П.М. Вопросы физической подготовки войск в свете изучения физических нагрузок, испытываемых личным составом стрелковой дивизии в наступательном бою // Сборник трудов 5-го пленума научно-методического совета по физической подготовке и спорту. М. : Воениздат, 1957. С. 15–19.
6. Субботина Л.Ю., Пучка И.В. Проблема выявления профессионально важных качеств у военнослужащих по контракту в современных условиях // Вестник ЯрГУ. 2016. № 4. С. 83–87.
7. Волненко Ю.В. Технология физической подготовки курсантов военного вуза, направленная на повышение уровня готовности к профессиональной деятельности // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2008. № 8 (42). С. 25–28.
8. Скляров Ю.М. Роль человеческого фактора в функционировании и развитии боевого потенциала ВС СССР. М., 1990. 202 с.
9. Бальсевич В.К. Конверсия высоких технологий спортивной подготовки как актуальное направление совершенствования физического воспитания и спорта для всех // Теория и практика физической культуры. 1993. № 4. С. 21–23.
10. Бальсевич В.К., Наталов Г.Г., Чернышенко Ю.К. Конверсия основных положений теории спортивной подготовки в процессе физического воспитания // Теория и практика физической культуры. 1997. № 6. С. 15–25.
11. Моисеев С.А., Лёвочкин А.Н., Кайсин А.С., Филатова Н.П. Динамика показателей физической подготовленности курсантов Военной академии на протяжении всего периода обучения // Известия ТулГУ. 2019. № 1. С. 32–39.
12. Моисеев С.А., Филатова Н.П. Динамика адаптационного потенциала курсантов Военной академии материально-технического обеспечения на начальных этапах обучения // Физическое воспитание и спорт в системе образования: современное состояние и перспективы : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 65–67.
13. Тамбовцева Р.В. Общие и частные закономерности возрастного развития энергообеспечения мышечной деятельности // Новые исследования. 2011. № 2. С. 73–83.
14. Тамбовцева Р.В. Развитие процессов адаптации в ходе спортивной тренировки у юных спортсменов // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире : материалы XXIII междунар. конф. Коломна, 2013. С. 389–390.

References

1. Kuznetsov, A.F. & Kaysin, A.S. (2016) About the question of adaptation as adaptive function of the organism in extreme conditions of the environment. *Aktual'nye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur*. 3. pp. 124–130. (In Russian).
2. Moiseev, S.A. et al. (2020) Professionally important motor skills of the military maintenance-mechanical engineers. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 8-3 (98). pp. 6–10. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.069
3. Moiseev, S.A. (2021) Dynamics of the development level indicators of occupationally significant motor qualities in later-year cadets of the military educational institution of logistics. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 1-4 (103). pp. 146–149. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.116
4. Moiseev, S.A. et al. (2020) To the question of fixed means ofprofessionally applied physical training of military engineering repairs. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 9 (187). pp. 266–270. (In Russian). DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.9.p266-271
5. Revenko, P.M. (1957) Voprosy fizicheskoy podgotovki voysk v svete izucheniya fizicheskikh nagruzok, ispytyvaemykh lichnym sostavom strelkovoy divizii v nastupatel'nom boyu [Issues of physical training of troops in the light of the study of physical loads experienced by the personnel of a rifle division in an offensive battle]. In: *Sbornik trudov 5-go plenuma nauchno-metodicheskogo soveta po fizicheskoy podgotovke i sportu* [Proceedings of the 5th Plenum of the Scientific and Methodological Council for Physical Training and Sports]. Moscow: Voenizdat. pp. 15–19.
6. Subbotina, L.Yu. & Puchka, I.V. (2016) The problem of identifying professionally important qualities of military personnel hired on a contract basis in modern conditions. *Vestnik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta Im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 4 (38). pp. 83–87. (In Russian).
7. Volnenko, Yu.V. (2008) The technology of cadets' physical training of the military institute directed towards rising the preparation of the professional activity. *Nauchno-teoreticheskiy zhurnal. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 8 (42). pp. 25–28. (In Russian).
8. Sklyarov, Yu.M. (1990) *Rol' chelovecheskogo faktora v funktsionirovanii i razvitii boevogo potentsiala VS SSSR* [The Role of the Human Factor in the Functioning and Development of the Combat Potential of the USSR Armed Forces]. Moscow: [s.n.].
9. Bal'sevich, V.K. (1993) Konversiya vysokikh tekhnologiy sportivnoy podgotovki kak aktual'noe napravlenie sovershenstvovaniya fizicheskogo vospitaniya i sporta dlya vsekh [Conversion of high technologies of sports training as an actual direction of improvement of physical education and sports for all]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 4. pp. 21–23.
10. Bal'sevich, V.K., Natalov, G.G. & Chernyshenko, Yu.K. (1997) Konversiya osnovnykh polozheniy teorii sportivnoy podgotovki v protsesse fizicheskogo vospitaniya [Conversion of the main provisions of the theory of sports training in the process of physical education]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6. pp. 15–25.
11. Moiseev, S.A. et al. (2019) Analysis of physical preparation of cadets military academy for extinction all over the period of training. *Izvestiya TulGU*. 1. pp. 32–39. (In Russian).
12. Moiseev, S.A. & Filatova, N.P. (2021) [Dynamics of the adaptive potential of cadets of the Military Academy of Logistics at the initial stages of training]. Fizicheskoe vospitanie i sport v sisteme obrazovaniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Physical Education and Sport in the

Education System: Current state and prospects]. Proceedings of the 2nd International Conference. Omsk. 29–30 April 2021. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 65–67. (In Russian).
13. Tambovtseva, R.V. (2011) General and particular peculiarities of age development of muscle energy supply. *Novye issledovaniya*. 2 (27). pp. 73–83. (In Russian).
14. Tambovtseva, R.V. (2013) [Development of adaptation processes in the course of sports training among young athletes]. *Chelovek, zdorov'e, fizicheskaya kul'tura i sport v izmenyayushchemsya mire* [Man, Health, Physical Culture and Sport in a Changing World]. Proceedings of the 23rd International Conference. Kolomna. 27–29 September 2013. Kolomna: MGOSGI. pp. 389–390. (In Russian).

Информация об авторах:
Моисеев С.А. – аспирант кафедры теории и методики физической культуры филиала Военной академии материально-технического обеспечения (Омск, Россия). E-mail: stasmoiseev120790@mail.ru.
Филатова Н.П. – канд. пед. наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск, Россия). E-mail: finina@yandex.ru
Кайсин А.С. – канд. пед. наук, зам. начальника кафедры физической подготовки филиала Военной академии материально-технического обеспечения (Омск, Россия). E-mail: kaisin.83@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.A. Moiseev, postgraduate student, Omsk Branch of the Military Academy of Logistics (Omsk, Russian Federation). E-mail: stasmoiseev120790@mail.ru
N.P. Filatova, Cand. Sci. (Pedagogy), professor, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: finina@yandex.ru
A.S. Kaisin, Cand. Sci. (Pedagogy), deputy head of the Department of Physical Training, Omsk Branch of the Military Academy of Logistics (Omsk, Russian Federation). E-mail: kaisin.83@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021;
одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 09.10.2021;
approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 930.(470.4/5)
doi: 10.17223/15617793/475/18

Природно-ресурсные факторы промышленной колонизации Прикамья в оценке раннесоветской историографии

Людмила Николаевна Бехтерева[1]

[1]*Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия, behterevaLN@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрена проблема развития традиции изучения природных, демографических, технологических ресурсов и условий промышленной колонизации Прикамья XVIII – начала XX в. в раннесоветской историографии 1920–1930-х гг. Сделан вывод о значительных успехах, достигнутых историками, учеными, представлявшими иные области знаний, в выявлении экономико-географических и технических особенностей горнозаводского Урала, реконструкции полного цикла металлургического производства, планировки поселений и их территориального размещения.

Ключевые слова: природно-ресурсные факторы, антропогенное влияние, горнозаводская промышленность, Прикамье, имперский период, раннесоветская историография

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00322 «Сравнительно-историческое изучение антропогенных ландшафтов различных регионов средствами беспилотных летательных аппаратов (Тамбовская область и Удмуртия, середина XVIII – начало XX веков)».

***Для цитирования*:** Бехтерева Л.Н. Природно-ресурсные факторы промышленной колонизации Прикамья в оценке раннесоветской историографии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 146–154. doi: 10.17223/15617793/475/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/18

Natural-resource factors of the industrial colonization of the Kama region in the evaluation of early Soviet historiography

Lyudmila N. Bekhtereva[1]

[1]*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation, behterevaLN@yandex.ru*

Abstract. The article considers the problem of the development of the tradition of studying natural, demographic, technological resources and conditions of the industrial colonization of the Kama region in the 18th – early 20th centuries in the early Soviet historiography of the 1920s–1930s. Interdisciplinary research was carried out in conditions of methodological variety, expanding the organizational capabilities of professional academic activities. Work on the creation of the history of the mills and factories started in the early 1930s and stimulated the study of local plants. However, scientific exploration of this topic was complicated by changes of previous intra- and inter-economic relations of the regions, including the Ural-Volga region. Thus, in Vyatka Governorate, in the second half of the 19th century, there functioned both governmental and private mining districts, among the latter were Kholunitsky and Omutninsky, which belonged to the Northern Economic District and became part of various national and territorial entities as a result of Soviet administrative reforms. The main attention is paid to the analysis of the works of historians, as well as representatives of other fields of knowledge (economists, geographers, teachers, art historians). Some of them were published under the aegis of the State Academy of the History of Material Culture named after N.Ya. Marr. In all, early Soviet historiography, despite the excessive politicization of the production life of enterprises and economic determinism, characteristic of the Marxist concept, achieved noticeable success in the study of the fundamental scientific and practical problem of natural and anthropogenic mutual influence in the course of the socioeconomic and cultural development of the country's territory. A tradition was fixed and developed to consider the most important thematic plots within the framework of the theory of colonization as the main factor of the "Russian historical process". Attention was focused on identifying the economic, geographical and technical features of the mining Urals and its component – the Kama region, on reconstructiing the full cycle of metallurgical production, settlements' planning and locating. Especially valuable is the researchers' observations regarding the direct dependence of settle-

© Бехтерева Л.Н., 2022

ments' existence not only on foreign and domestic conditions, but also on natural resources: minerals, fuel, building material, road junctions, driving force of mechanisms, etc. The works were based on a critical understanding of the works of the previous period. Diverse sources were introduced into scholarly discourse. A basis was created for productive academic discussions that determined the prospects for further research.

Keywords: natural-resource factors; anthropogenic impact; mining industry; Prikamye; imperial period; early soviet historiography

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00322.

***For citation*:** Bekhtereva, L.N. (2022) Natural-resource factors of the industrial colonization of the Kama region in the evaluation of early Soviet historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 146–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/18

Становление и эволюция горнозаводского комплекса Прикамья как составной части Урало-Поволжского макрорегиона, взаимовлияние природных, демографических, производственных, технологических и других ресурсов и условий в этом процессе остаются наиболее востребованными направлениями гуманитарных исследований. В разное время научно-практический интерес к данной проблеме стимулировался специфическим комплексом причин. Так, в имперский период характер и содержание работ ученых в значительной степени детерминировались необходимостью обеспечивать фискальные интересы государства. В советскую эпоху на первый план вышла потребность эффективного районирования и размещения производительных сил в целях достижения экономического и политического равенства народов страны. Современная правительственная Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. особое внимание уделяет сокращению уровня межрегиональной социально-экономической дифференциации субъектов России, а также рациональному природопользованию с одновременным сохранением традиционных и расширением перспективных территориальных специализаций.

Говоря о теоретических основаниях изучения влияния внешней и внутренней среды на функционирование общественного производства, следует обратить внимание на формирование соответствующего категориального аппарата. Прежде всего это относится к понятию «промышленная колонизация». Данный термин, выработанный дореволюционными авторами на основе концепции В.О. Ключевского об основном факторе русского исторического процесса, активно использовался и в 1920–1930-е гг. В настоящее время применительно к рассматриваемому региону он понимается как освоение природных ресурсов Прикамья, Западного Урала, т.е. «территориальное расширение уральской горнозаводской промышленности до естественных пределов экстенсивного роста», происходившее во второй половине XVIII в. (здесь и далее [1. С. 18]). Однако возможно широкое толкование его хронологических рамок. Так, предпосылки для промышленного этапа колонизации Урала вызрели еще в XVII в., а экстенсивный рост индустриального производства не завершился даже к началу XX в.

Свою историю имеет и термин «природно-ресурсные факторы». В научном дискурсе данная категория интерпретируется, как правило, с точки зрения эффективного расположения производительных сил. При этом факторы размещения включают «природные ресурсы и условия, трудовые ресурсы, капитал, правительственную политику, транспорт, а также агломерационную экономию» [2. С. 192]. Кроме того, необходимо учитывать свойственный отечественной историографии междисциплинарный характер исследований, в которых используется методология смежных наук.

В связи с вышеизложенным целью настоящей статьи является анализ вышедших в 1920 – 1930-х гг. трудов историков, экономистов, географов, педагогов, представителей других областей знаний, посвященных выяснению места и роли природно-ресурсных факторов в промышленной колонизации Прикамья XVIII – начала XX в. Исследование осуществлено в рамках большого проекта «Сравнительно-историческое изучение антропогенных ландшафтов различных регионов средствами беспилотных летательных аппаратов (Тамбовская область и Удмуртия, середина XVIII — начало XX вв.)», реализуемого при поддержке Российского научного фонда.

Раннесоветская историографическая традиция формировалась в условиях методологического многообразия, характерного для перехода к мирному строительству социализма по окончании Гражданской войны. Господствующей и единственно возможной к концу 1930-х гг. стала марксистско-ленинская исследовательская парадигма. Вместе с тем расширились организационные возможности профессиональной академической деятельности. В 1920-х гг. возникли новые научные центры, одним из которых явился основанный еще в 1916 г. на базе Дерптского Пермский государственный университет [3. С. 39]. Кроме того, развернувшаяся в начале 1930-х гг. по инициативе А.М. Горького работа по созданию истории фабрик и заводов стимулировала изучение местных предприятий. Однако реализация данного направления осложнялась изменением прежних внутри- и межхозяйственных связей промышленных заведений регионов, в том числе Урало-Поволжья. Так, в Вятской губернии во второй половине XIX в. функционировали как казенные, так и частные заводские округа, в числе последних – Холуницкий и Омутнинский, относившиеся к Северному экономическому району и оказавшиеся в составе различных национальных и территориальных образований в результате советских административных реформ.

Рассмотрение истории горного дела и его влияния на модернизацию жизненного уклада населения Российской империи шло по нескольким направлениям. Главным из них, как и в дореволюционную эпоху, оставалась колонизация Прикамья и Урала. Этому процессу посвятил свою работу профессор А.А. Савич [4]. Колонизацию он интерпретировал с марксистских позиций как явление, подчиненное закономерностям эволюции феодализма. Будучи заведующим кафедрой русской истории Пермского государственного университета, Александр Антонович актуализировал свой труд необходимостью создания общего очерка истории Урала и его использования в учебных курсах [4. С. 1]. Автор предпринял попытку дать картину смены всех форм хозяйственной жизни на Урале в связи с колонизационным процессом, поставившим экономику региона в самую тесную органическую связь с общерусской. Территориальные рамки очерков совпали с границами Урала, в собственном смысле этого слова.

Важно замечание А.А. Савича относительно определения экономического быта и общей культуры в значительной степени природными свойствами. В связи с этим автор дал весьма подробное описание географического статуса края: «Центральное место в нем занимает Уральский горный хребет – “Камень”, как его называли в старину. В области речной системы уральский край примыкал к двум морским бассейнам… Река Кама, орошающая южную часть Приуралья, является главною водною магистралью: длина ее доходит до 1 764 верст. Через Волгу Кама соединяет Урал с Каспийским морем. К северу река Печора связывает Урал с Северным Ледовитым океаном… Кроме того, р. Кама своим притоком Вишерою представляла удобный путь в Северную Двину через приток последней Вычегду. Река Вычегда через Двину была удобным средством сообщения Урала с северными торговыми портами, чрез которые в XVI и XVII вв. главным образом и велась внешняя русская торговля… Водное богатство Урала составляет и множество озер, частью соединенных с реками, частью же расположенных отдельно… Почти каждый горный завод на Урале имел при себе пруды, иногда очень значительной окружности… Вода этих прудов двигала мельничные колеса и заводские машины» [4. С. 2–3].

Большую часть работы А.А. Савича составили характеристика горного промысла и описание его роли в истории региона как в дореформенную, так и пореформенную эпохи. «Все своеобразие жизни Урала, – отмечал исследователь, – связано с развитием здесь горной промышленности. Последняя не только сама по себе составляла характерную сторону экономики Уральского края, но и создавала своеобразные явления в области сельскохозяйственного быта и влияла на образование некоторых особенностей в социальных отношениях. Начало горной промышленности на Урале было положено еще на рубеже XVI–XVII в., отчасти благодаря инициативе некоторых русских поселенцев, отчасти под воздействием правительства, так как нужда в продуктах горной промышленности уже ощущалась». В XVIII в. горное дело на Урале вошло в общий процесс экономического подъема страны. Металлургия содействовала развитию других отраслей, требовавших машинной техники, и в своем поступательном движении обусловливалась запросами последних. Значительное число основанных в XVIII в. заводов оказалось железоделательными, затем шли медеплавильные. По данным автора, среди них не было специализации производства – явление, отмеченное для горнозаводского Урала и в конце XIX в. Однако главным образом местные предприятия изготовляли все виды железа, учитывая потребности покупателей [4. С. 61, 72–73].

В начале 1900-х гг. уральскую металлургию опередила южная горнозаводская промышленность. Оперируя количественными и качественными показателями, А.А. Савич задался вопросом – чем это объясняется? Ведь богатства Урала не подлежали сомнению; обильные его руды содержали 50–60% железа; огромные леса давали прекрасное топливо, быстрые реки позволяли использовать силу воды при заводском производстве. В ответе на поставленный вопрос ученый использовал наработки экспертов, обративших внимание на неудовлетворительное состояние местной горнозаводской промышленности еще в 1860-е гг. На внутренних рынках России превосходное до тех пор уральское железо оказывалось нераспроданным, так как не выдерживало конкуренции с иностранным. Для решения этой проблемы по инициативе правительства и частных лиц собирались съезды и другие форумы. В частности, в своем докладе особой комиссии, учрежденной при Комитете общества для содействия русской промышленности и торговле, профессор Ив. Тиме в 1878 г. отметил техническую отсталость уральских заводов. В 1895 г. горный инженер Коженков, указав на громадные природные богатства Урала, превосходившие в некотором отношении южно-русские, подчеркнул обстоятельства, не благоприятствовавшие их процветанию: изолированность края от остальной России; отсутствие здесь местных удобных путей сообщения и железнодорожной сети, связавшей бы отдельные заводы с их рудниками, Европейской Россией и Сибирью и одновременно содействовавшей более выгодной эксплуатации лесов; техническую отсталость предприятий по сравнению с южными горными; обременение многих из них долгами; отсутствие специальных средств для разведки месторождений железной руды и ее правильной эксплуатации; разбросанность заводов; ограниченность сбыта продуктов производства одной только Нижегородской ярмаркой; недостаток рабочих рук в северной части Урала и дороговизна содержания людей, лошадей и т.д. Наконец, в 1910 г. по поручению членов Государственной думы на Урал ездил профессор И.Х. Озеров, издавший на основе отчета книгу «Горные заводы Урала» [4. С. 118–121].

Отмечая ограниченность взглядов «буржуазных» ученых и практиков, А.А. Савич полагал, что они подошли к выяснению вопроса о причинах отсталости уральской промышленности чисто теоретически, без знания сущности ее исторического развития, не инте-

ресуясь оригинальным строем горнозаводского дела, не обратив внимания на его «организацию труда». Истинные причины промышленного упадка края в эпоху расцвета капитализма, по его мнению, вскрыл В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России»: «Главной причиной застоя Урала было крепостное право… Горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве… Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищническая первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени – такова общая картина Урала… Насколько Урал “стар” и господствующие на Урале порядки “освящены веками”, настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто-капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиции, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. Господство Урала было равносильно господству подневольного труда, технической отсталости и застоя, на Юге русская горная промышленность развивается быстрее, чем в Западной Европе и даже в Северной Америке». Подводя итоги обсуждению данной проблемы, А.А. Савич заметил, что все названные выше факторы, влиявшие на промышленную отсталость Урала, о которых так определенно говорили лучшие знатоки экономического быта края, просуществовали «до наших дней». Великая русская революция смела остатки крепостничества в России, освободила от этих пережитков и уральскую промышленность, поставив ее на новые рельсы свободного развития [4. С. 121–122].

С марксистских позиций попытался осветить начальную историю металлургии Урала, «первобытную эпоху XVII и XVIII веков», видный советский экономист, преподаватель Московской горной академии Д.А. Кашинцев [5]. Отмечая актуальность подобной работы, Дмитрий Александрович полагал, что «если юридическая (горное законодательство) и социальная (крепостной труд в горном деле) стороны более или менее обстоятельно затрагивались прежними исследователями и не без исторически достоверных результатов, то экономика, география, техника не привлекли сколько-нибудь серьезного внимания. По вопросам географического размещения уральской металлургии и ее технического развития мы до сих пор вообще ничего не имеем. По вопросам экономики, по динамике горнозаводской продукции если и приводились некоторые стандартные цифры, то при проверке они оказывались настолько неточными, что грубо искажали ход развития металлургии за целое столетие». Поэтому своими задачами автор определил «установление новых, до сих пор неизвестных фактов, ревизию и исправление получивших литературное гражданство ложных данных и цифр, выявление экономико-географических и технических особенностей горнозаводского Урала, выяснение экономических и политических условий, оказавших влияние на темпы и направление развития уральской металлургии». В основу своей монографии он заложил критически оцененные публикации конца XVIII – начала XIX в., материалы архивохранилищ Москвы, Ленинграда и Свердловска, а также собственных экспедиций на Урал при поддержке Главной редакции литературы по черной и цветной металлургии Государственного объединенного научно-технического издательства, где в 1923–1934 гг. были обследованы более 60 металлургических заводов, а также места исчезнувших предприятий.

История горнозаводского Урала также связывалась автором с колонизацией как главным фактором русского исторического процесса. «Русская торгово-капиталистическая колонизация, – полагал Д.А. Кашинцев, – подступала к Уралу первоначально с северо-запада, а в более позднее время и с северо-востока, с тыла, зажимая в национальные тиски всю среднюю часть хребта». Крестьяне принесли сюда и технические навыки по переработке металлов, приобретенные на родине – в новгородских, тульских, олонецких и нижегородских промышленных центрах. Решающими мотивами, побудившими правительство ориентироваться на восток, были сырье и топливо. Хотя подмосковные рудные ресурсы к концу XVII в. еще не истощились, существенными сдерживавшими факторами экономического развития являлась разнородность качества месторождений, их локальный характер, довольно глубокое залегание более богатых руд, высокие грунтовые воды. Единственный вид металлургического топлива того времени – древесный уголь – пошел на убыль от потребления лесов. А последние еще продолжали играть роль естественной преграды от нападения с юга; исключительную важность приобрели они и как строительный материал. Поэтому Урал наилучшим образом удовлетворял всем материальным производственным условиям – по качеству руды, топливу и энергии [5. С. 22, 44].

Наиболее плодотворным в плане экономического развития горнозаводского Урала Д.А. Кашинцев вслед за другими авторами считал 1752–1762 гг. По его оценке, это период по необычайной интенсивности процесса индустриализации, роли в нем частного капитала, конечным результатам (главенство в стране) имел весьма созвучный аналог в истории русского промышленного капитализма конца XIX в. с подъемом, расцветом и прочно закрепленным преобладанием угольно-металлургического Юга, комбината Донбасса с Криворожьем. В качестве причин, породивших экономический бум на Урале в середине XVIII в., он выделил внешне- и внутриполитические факторы. Огромное стимулирующее воздействие на развитие отечественной металлургии оказало состояние европейского рынка и в особенности положение главной металлопотребляющей страны – Англии. Ее хозяйство пребывало в депрессии из-за недостатка древесного топлива и затянувшихся опытов с коксованием

угля. Кроме того, требовалось ослабить экономическую мощь Швеции, агрессивно настроенной по отношению к России и являвшейся основным экспортером железа, диктовавшей цены на мировом рынке. Правительственная экономическая политика на горнозаводском фронте проходила под знаком чрезвычайного оживления. Географическим объектом индустриального строительства вновь стал Восток – тот же Урал, но с громадным расширением его эксплуатируемой территории. Уральский «юг» (бассейн р. Белой), северо-западное Приуралье (бассейн верховьев р. Вятки) и отчасти близкий к прежним горнозаводским центрам север (бассейн верховьев р. Сосьвы) прочно включились в промышленной оборот. Элементы плановости совсем отсутствовали. Государство совершенно отстранилось от участия и надзора. Почти все казенные заводы передавались в частные руки. К строительству были допущены представители торговой буржуазии, мелкие промышленники [5. С. 113–115].

Наряду с формированием Южноуральского горнозаводского подрайона шло активное фабричное строительство и в других частях Урала, в особенности на Каме. Здесь в 1750-е гг. в ее среднем течении возникло 14 новых медеплавильных и железоделательных предприятий. Обнаружилось не быстрое, но уверенное и прочное продвижение на север и северо-запад. К единственному предприятию Вятского края, Кирсинскому заводу, прибавилось еще два железоделательных. К концу 1770-х гг. этот регион (бассейн верхней Вятки с притоками Чепцой, Холуницей и Черной Холуницей) пополнился 8 предприятиями и стал изолированным компактным подрайоном. Ценные сведения, используя документы Берг-коллегии, привел автор по организации производства на уральских заводах к 1767 г., началу работы Уложенной комиссии Екатерины II. Правительство считало важным получить точные данные по одному из ведущих секторов народного хозяйства к открытию общенационального форума. Итак, в этот период Вятский подрайон был представлен доменными и передельными Кирсинским (с 1729 г.), Пудемским (с 1759 г.), Климковским (с 1762 г.); передельными Лудянским (с 1760 г.), Холуницким (с 1764 г.); медными Таишевским (с 1743 г.), Мешинским (с 1749 г.), Бемышевским (с 1756 г.), Пыжманским (с 1763 г.); медным и передельным Шурминским (с 1732 г.). В число показателей вошли год основания, наличие оборудования, объем и характер выпускаемой продукции. Так, Пудемский завод, располагая 1 домной и 2 молотами, в 1767 г. произвел 7,9 пуда чугуна (с припасами) и 5,1 пуда полосового железа. В заключение Д.А. Кашинцев заметил, что к концу 1760-х гг. Урал стал монополистом по производству металла. Вместе с тем молодой южный подрайон крупных индустриальных единиц еще не имел. Вятские заводы были совсем слабые. Средняя годовая производительность одной печи по району в целом достигала 63,5 тыс. пудов. Выявился характерный для Урала факт нерационального использования доменных печей [5. С. 124–133].

Особый интерес в контексте рассматриваемой тематики имеет раздел, посвященный технической оснащенности уральских предприятий к началу XIX в. С опорой на труды иностранных инженеров Норберга и Ивана Германа, а также учителя естественной истории и географии Пермского главного народного училища Никиты Попова автор проанализировал энергетическое состояние местных заводов. Для всего XVIII в. типичными оставались глиняно-земляные дамбы с двумя-тремя деревянными «прорезами» с традиционным шлюзовым устройством. Способ закрепления насыпей менялся в зависимости от топографической ситуации и рачительности строителей. Даже в 1750–1760-х гг. некоторые дамбы возводились без соблюдения требований устойчивости к размыву или разрушались наводнениями. Утрамбовка гребня плотины шлаками стала общераспространенным явлением, а облицовка скатов плитняком или камнем практиковалась только на лучших заводах. Протяженность таких дамб варьировалась в пределах от нескольких десятков до сотен метров. Своеобразная трагедия уральского хозяйства заключалась в том, что при очевидном избытке осадков и колоссальной растрате воды во время весенних, летних и осенних паводков и «холостом» спуске через вешняки она же ограничивала производительную мощность агрегатов. Ни один завод не достиг возможного предела использования гидроресурсов. Подача воды на колеса обычно производилась посредством традиционных «ларей», деревянных четырехугольных водоводов различной длины и сечений. Их высота достигала 4 и более метров; бревенчатые стены внутри скреплялись по всей длине многочисленными железными тяжами, чтобы их не распирало водой. На некоторых заводах появились круглые водоводные трубы («фанталы») с железными обручами, соединявшие ларевой прорез плотины с механизмами. Эти более легкие и экономичные сооружения позволяли обходиться без специального ларевого прореза. Тип вододействующих колес на протяжении века сохранился неизменным. Они вращались от падения струи сверху. «Наливное» давление комбинировало тяжесть воды с ее текучестью и производило наиболее ощутимый эффект. Но коэффициент полезного действия этих примитивных механизмов оставался низким. Размеры колес увеличились. В среднем они составляли от 2,8 до 4,2 м в диаметре и от 1,4 до 2,8 м в ширине как хорошо соответствовавшие низконапорным плотинам. Колеса медеплавильных печей и кричных горнов имели в среднем в полтора раза меньшие габариты, чем доменных мехов.

Плавка железной руды осуществлялась в домнах. Их средняя высота составляла 10–17 м. Шахта печей, потеряв бочкообразную форму, получила вид двух конусов, соединенных широкими основаниями. Для внутренней кладки печей употреблялся, как и раньше, естественный огнеупорный камень – тальк, песчаник, кварци, в редких случаях – искусственные огнеупоры. Сравнительно быстро освоенным техническим нововведением оказались поршневые мехи, «не исключая самых захудалых предприятий». К их многочисленным преимуществам относились усиление дутья, его равномерность, малый объем аппарата, простота обращения, дешевизна, возможность регулирования и

даже нечто эстетическое: «…не слышно при них того неприятного скрыпу, с каким сопряжено действие шлаттеровых “мехов”. Самым существенным из них явилась энергетическая экономичность [5. С. 172–179, 181, 183–184, 186–187, 189].

Заметным явлением раннесоветской историографии стала книга уроженца Михайловского завода Пермской губернии, крупного ученого-экономиста С.П. Сигова «Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала», вышедшая в 1936 г. в Свердловском областном издательстве [6]. Сквозное исследование охватило период с XVIII в. до 1917 г. Особое внимание обращалось на окружную структуру организации региональной экономики. Важным явился вывод о «ломке» в начале XX в. старого уклада в результате утверждения здесь крупного капитала.

В середине 1930-х гг. были созданы обобщающие труды по отечественной металлургии. Один из них – монография советского экономиста, плановика, статистика С.Г. Струмилина [7], исследовавшего технико-экономические показатели, динамику производительности труда на предприятиях черной металлургии России практически за 300 лет ее существования. Он использовал историко-экономический метод при характеристике развития промышленного Урала, в частности анализе роли и значения вспомогательных отраслей при добыче сырья.

Отдельные аспекты производственной жизни горных заводов были затронуты в работах по истории пролетариата. Книга видного советского экономиста, историка К.А. Пажитнова, начавшего проводить исследования еще с 1904 г., посвящена положению рабочего класса в России. Так, в главе «Жилищные условия» Константин Алексеевич отметил, что в силу естественных факторов производства заводы и промыслы закладывались обычно вдали от населенных пунктов. При возникновении горнозаводской промышленности на Урале заводоуправления выделяли и лес, и денежные средства на их основание. Фактически большинство населения, за исключением холостых и пришлых, имело свои жилые помещения. На частных заводах построенные самими рабочими дома считались собственностью владельцев предприятий, отдаваемой в пользование. Но иногда они находились в полном распоряжении рабочих. Небольшие деревянные строения мастеровых, рассчитанные на одну семью, почти все имели одинаковую форму и состояли из избы и одной или двух горниц или просто из двух изб, разделенных сенями, и размещались всегда вдоль улицы. Внутренне убранство, как правило, содержалось в опрятности [8. С. 125–128].

Большую роль в становлении советской историографии горнозаводской промышленности сыграла Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Под ее эгидой в 1930-х гг. вышли труды замечательных ученых – теоретика и историка архитектуры Н.Б. Бакланова [9], собравшего и опубликовавшего уникальные материалы по малоизученным аспектам жизненного уклада Урала, и историка, этнографа профессора П.Г. Любомирова [10]. Они не относились к марксистскому направлению. В отношении первого из них редакция издательства сетовала, что автор слабо увязал технические моменты с социально-экономической жизнью эпохи, недостаточно осветил движущие силы технического развития и саму историю борьбы рабочих крепостной России. П.Г. Любомиров же не использовал «ценнейших указаний Ленина и Сталина по вопросу о допетровской и петровской промышленности». Тем не менее вклад их в академическое освоение проблемы не остался незамеченным. В заслугу Н.Б. Бакланову ставилось восстановление впервые в науке на основе первоисточников полной, критически осмысленной картины всего цикла металлургического производства Урала XVIII в. от момента добывания сырья до получения готового продукта. Автор не ограничился изучением самого предмета труда, его технологических процессов и орудий, в значительной степени охватив почти неосвещенную проблему организации производства в уральской металлургии.

Н.Б. Бакланова можно считать своего рода «пионером» в освещении проблемы планировки заводов XVIII в. В книге ей уделено центральное место. Николай Борисович полагал, что первоначальным условием основания горного завода было наличие руды. В непосредственном соседстве с местом ее добычи строились печи и начиналась плавка. Возрастание потребности в металле обусловило появление вододействующих воздуходувных станов и молотов, для работы которых требовалось наличие топлива и текущей воды. С развитием горного дела и увеличением выработки продукции понадобился дешевый транспорт, преимущественно водный, так как грунтовые плохо устроенные дороги были очень тяжелые для обозов и почти полгода (весной и осенью) непроезжие. Только при наличии всех этих факторов в намеченном районе подыскивалось наиболее подходящее место на реке, где легко можно было поставить плотину и заводские «фабрики». При этом в XVIII в. слово «фабрика» употреблялось в качестве точного синонима строения. Встречалось и выражение «пейзаж с фабриками», взятое буквально с французского или итальянского языков. Только впоследствии понятие «фабрика» приобрело специально-производ-ственное значение.

Первые «заводики» на Урале, по мнению Н.Б. Бакланова, не были связаны со своим местом ничем, кроме наличности руды, и по несложности оборудования нередко переносились на другую территорию. Сыродутный горн обычно строился в очень короткий, два-три дня срок, а деревянный амбар, в котором стояли горны (домница), также легко мог быть разобран и сложен вновь. Поэтому многие из них считались скорее движимым, чем недвижимым имуществом. Даже при вододействующих устройствах плотины были невелики и требовали небольших затрат. При изменении условий, делавших невыгодными их работу, например из-за вырубки всего леса около завода или «пресечения руды», он перемещался на другие площади. В дальнейшем, при усложнении техники и возрастании объема завода такие переносы стали не-

возможны, и поэтому до его постройки приходилось производить тщательное обследование района, в котором была обнаружена руда [9. С. 31–32]. Но даже при правильном учете всех требований, обеспечивавших бесперебойное функционирование завода, замечал Н.Б. Бакланов, необходимо было иметь и подходящую конфигурацию берегов реки в месте предполагаемой постройки плотины завода. Здесь берега должны быть по возможности сближены и достаточно высоки, чтобы сделать ее выше и короче. Это удешевляло конструкцию и делало ее более прочной, при условии неразмываемости берегов. В то же время вверх по течению они должны были понижаться. Это давало возможность разливу воды и образованию достаточно обширного и глубокого хранилища, обеспечивавшего необходимый ее уровень в летний период и исключавшего ее промерзание в зимний. Отсутствие таких условий грозило остановкой завода [9. С. 31–32, 35].

Содержательным является раздел книги, посвященный технике выработки продукции. Автор отметил, что в отношении ее разнообразия уральские промышленные заведения превзошли все российские заводы XVII в. Значительные изменения в общественном производстве, новое строительство по западным образцам, развитие военного и корабельного дела, появление новых ремесел способствовали увеличению выпуска изделий из железа и меди уральскими предприятиями. Для характеристики производственной деятельности заводы были разделены на три основные группы: изготовлявшие незаконченные изделия (полуфабрикаты); вырабатывавшие готовые изделия из металлов по заказам или для свободной продажи; производившие средства производства самих заводов, не поступавшие в продажу за редким исключением [9. С. 102–103].

Самостоятельную научную ценность имеют приложения, одно из которых – «Список уральских заводов с показанием недвижимого производственного инвентаря» по состоянию на 1777 г., составленный в 1778 г., помещенный на рукописной карте Урала и хранившийся в Уральском областном архиве по описи Екатеринбургской заводской чертежной. В списке представлены все казенные (16) и партикулярные (122) предприятия, функционировавшие в Сибирской, Казанской, Оренбургской и Иркутской губерниях и входившие в Екатеринбургское горное ведомство. Так, директору Ивану Осокину принадлежали, в частности, Пудемский и Омутнинский, заводчику Антипе Масалову – Залазнинский, заводчику Курочкину с компанией – Песковский и Кирсинский (в 1777 г. – уже в ведении Берг-коллегии), коллежскому асессору Саве Яковлеву – Климковский, а также находившиеся в ведении Берг-коллегии Холуницкий и Чернохолуницкий. В Росписи заводов отражены год постройки, заводское оборудование, виды и объемы произведенной продукции (золото, медь, чугун, железо), количество занятых мастеровых, работных людей и приписных крестьян. Так, в 1777 г. Пудемский завод для выплавки чугуна располагал 1 фабрикой и 1 домной, для ковки полосового и колотушечного железа – 2 фабриками, 3 молотами и 6 горнами, для выделки заводского оборудования – 1 фабрикой и 1 горном [9. С. 316–317].

Сходные тематические сюжеты разрабатывал П.Г. Любомиров, исследуя возникновение, развитие и географическое размещение предприятий черной и цветной металлургии, по обработке металла, горнорудных районов и кустарных железоделательных промыслов в России в XVII – начале XIX в. Ученый обратил внимание на принципиальную разницу функционирования кустарного и заводского производства. Мелкая домница, кузница или медная мастерская не предъявляли каких-нибудь особенно трудных для выполнения требований. Однако определяющими в XVIII в. стали крупные доменные, молотовые, медеплавильные вододействующие заводы, дорогостоящие, сложные по оборудованию и требовавшие большой площади. По авторитетному мнению директора Монетного двора И.А. Шлаттера, для нормальной их работы требовались четыре условия: топливо, строительный материал, транспортные развязки и двигательная сила для механизмов. Металлургия и металлообработка осуществлялись на древесном топливе. Завод был и крупным потребителем лесных строительных материалов. Учитывая интересы производства, металлургические предприятия тяготели не просто к лесу, а к краснолесью. Почти все разведанные медные месторождения находились в районах хвойных лесов, железные руды, кроме того, – в местах произрастания лиственных пород и сосны. Расстояние от завода до рудника и лесного массива различалось в зависимости от способов доставки руды, топлива и строительных материалов. Особо привлекательным был более дешевый по сравнению с гужевым транспортом водный путь, позволявший передвигать одновременно большой объем грузов. Одним из важнейших моментов при выборе места для размещения завода оставалась река, как правило, небольшая. Даже размельчение руды, проводившееся на его территории, выполнялось вододействующими толчеями. Наиболее дорогостоящей и сложной частью производственного комплекса выступала плотина [10. С. 30–31, 33, 36–37, 39–43].

Расцвет горного дела на Урале П.Г. Любомиров, как, например, и Д.А. Кашинцев, связывал с серединой XVIII в. Все большее участие в хозяйственном освоении территории принимал частный капитал. Формировался горнозаводской район в Вятском крае, обладавшем рядом специфических черт. Подвоз железа с Урала речными путями был довольно затруднительным. Более прямые сухопутные дороги не удешевляли транспортные перевозки. Однако в верховьях Вятки имелись собственные богатые руды. Уже в 1729 г. купец Вяземский основал на ее притоке Кирсинский завод. Как отмечено в источниках, предприятие это было устроено «в диких и бесплодных землях», но прямо на пути распространения уральского железа с севера через Кайгород. Несмотря на то что река оказалась недостаточно водоносной и завод, располагавший 1 домной и 4 действующими с одним запасным молотами, мог работать только 8 месяцев в году, он имел возможность захватить местный метал-

лический рынок у уральских производителей, не неся их транспортных издержек. Долгое время Кирсинский завод оставался монополистом поставки железа в Вятском крае. Но в 1759 г. южнее, на р. Пудеме появился второй завод с домной и 2 молотами, построенный казанскими купцами П.А. Келаревым и А.И. Ляпиным. Выбор места был сделан удачно в плане распространения продукции. Новые предприниматели обосновались у большой дороги, соединившей Хлынов с Кунгуром, чем исключали зимний подвоз железа с Урала. Завод основали почти у впадения Пудемы в Чепцу, по которой было удобно снабжать и ее бассейн, достаточно заселенный, и среднее и нижнее течение р. Вятки, конкурируя с Кирсинским. Очевидно, эти два завода работали только на местный рынок. Во всяком случае, в 1760-х гг. Кирсинский давал не более 50 000 пудов чугуна в год, а Пудемский – около 10 000 пудов [10. С. 80, 118–120].

Противоречивые процессы, по наблюдению П.Г. Любомирова, происходили в экономическом развитии Вятского края во второй половине XVIII в. С одной стороны, благоприятная конъюнктура до Пугачевского восстания стимулировала рост количества вновь основанных предприятий. Так, в 1763 г. был заложен Холуницкий завод, сбывавший свои изделия за пределы Вятки. Также владельцы Пудемского завода в поисках выхода своей продукции в низовья Вятки и Камы пустили в середине 1760-х гг. небольшой железоделательный завод на р. Лудяне, левом притоке Вятки, подвоз чугуна к которому можно было наладить водой по Чепце и Вятке, а также сухопутьем, сильно сокращая дорогу. С 1768 г. активность проявил Антип Масалов, основав Буйский, Залазнинский и развив Шурминский медеплавильный заводы. В 1772 г. владелец Кирсинского завода Курочкин поставил второй доменный и молотовой завод на р. Песковке, впадающей в Вятку выше Кирсы. В 1775 г. был пущен Омутнинский доменный и молотовой завод, построенный Осокиным на левом притоке Вятки Омутной, между Песковским и Залазнинским заводами. Вместе с тем с оживлением экономической деятельности Урала в 1780-х гг. ряд вятских заводов был ликвидирован. В 1786 г. перестал плавить чугун старейший Кирсинский завод, превратившийся в молотовой в дополнение к Песковскому. Между 1781 и 1797 гг. лишился домны Пудемский и стал снабжаться чугуном с Омутнинского завода, а Буйский – с Залазнинского. Совершенно очевидно, что черная металлургия на Вятке переживала кризис [10. С. 205–207].

Теоретические наработки и эмпирические изыскания, предпринятые Н.Б. Баклановым и П.Г. Любомировым, также были востребованы в трудах ученых последующих поколений.

Таким образом, раннесоветская историография, несмотря на чрезмерную политизацию производственной жизни предприятий и экономический детерминизм, характерные для марксистского концепта, достигла заметных успехов в изучении фундаментальной научно-практической проблемы природного и антропогенного взаимовлияния в ходе социально-экономического и культурного освоения территории страны. Была закреплена и развита традиция рассмотрения важнейших тематических сюжетов в рамках теории колонизации как основного фактора «русского исторического процесса». Одновременно приоритетное внимание сосредоточивалось на выявлении экономико-географических и технических особенностей горнозаводского Урала и его составной части – Прикамья, реконструкции полного цикла металлургического производства, планировки и размещения поселений. Особо ценным является наблюдение авторов относительно прямой зависимости самого их существования не только от внешне- и внутриполитических условий, но и природных ресурсов: полезных ископаемых, топлива, строительного материала, транспортных развязок, двигательной силы механизмов и др. Труды базировались на критическом осмыслении наработок предшествующего периода. Вводились в научный оборот разнохарактерные источники. Создавалась основа для плодотворных академических дискуссий, определивших перспективы дальнейших исследований.

Список источников

1. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: избранные труды. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. 616 с.
2. Ширшова Л.В. Закономерности, принципы и факторы размещения производительных сил // Вестник университета (Государственный университет управления). 2013. № 21. С. 189–193.
3. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А.А. Преображенский. М. : Наука, 1989. 608 с.
4. Савич А.А. Прошлое Урала: Исторические очерки. Пермь : Пермполиграф, 1925. 133 с.
5. Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. Т. I: Первобытная эпоха XVII и XVIII веков. М. ; Л. : Гос. объединенное науч.-техн. изд-во, Редакция лит. по черной и цветной металлургии, 1939. 294 с.
6. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск : Свердлов. Гос. изд-во, 1936. 295 с.
7. Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1935. 324 с.
8. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. I: Период крепостного труда. Петроград : Былое, 1923. 248 с.
9. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М. ; Л. : Гос. социально-эконом. изд-во, 1935. 324 с.
10. Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). Л. : Гос. социально-эконом. изд-во, 1937. 308 с.

References

1. Gavrilov, D.V. (2005) *Gornozavodskoy Ural XVII–XX vv.: izbrannye trudy* [Metallurgical Ural, 17th–20th centuries: selected works]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
2. Shirshova, L.V. (2013) Zakonomernosti, printsipy i faktory razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil [Regularities, principles and factors of the distribution of productive forces]. *Vestnik universiteta.* 21. pp. 189–193.
3. Preobrazhenskiy, A.A. (ed.) (1989) *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka.

4. Savich, A.A. (1925) *Proshloe Urala: Istoricheskie ocherki* [The past of the Urals: Historical essays]. Perm: Permpoligraf.
5. Kashintsev, D.A. (1939) *Istoriya metallurgii Urala* [History of metallurgy of the Urals]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe ob"edinennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo, Redaktsiya literatury po chernoy i tsvetnoy metallurgii,
6. Sigov, S.P. (1936) *Ocherki po istorii gornozavodskoy promyshlennosti Urala* [Essays on the history of the mining industry of the Urals]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
7. Strumilin, S.G. (1935) *Chernaya metallurgiya v Rossii i v SSSR: Tekhnicheskiy progress za 300 let* [Ferrous metallurgy in Russia and in the USSR: Technical progress over 300 years]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Pazhitnov, K.A. (1923) *Polozhenie rabochego klassa v Rossii* [The position of the working class in Russia]. Vol. I. Petrograd: Byloe.
9. Baklanov, N.B. (1935) *Tekhnika metallurgicheskogo proizvodstva XVIII veka na Urale* [Metallurgical production technique of the 18th century in the Urals]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
10. Lyubomirov, P.G. (1937) *Ocherki po istorii metallurgicheskoy i metalloobrabatyvayushchey promyshlennosti v Rossii (XVII, XVIII i nach. XIX vv.)* [Essays on the history of the metallurgical and metalworking industry in Russia (17th, 18th and early 19th centuries)]. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Информация об авторе:
Бехтерева Л.Н. – д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы, зам. директора Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). E-mail: behterevaLN@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
L.N. Bekhtereva, Dr. Sci. (History), chief researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: behterevaLN@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021;
одобрена после рецензирования 17.01.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 12.01.2021;
approved after reviewing 17.01.2021; accepted for publication 28.02.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 155–163
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 475. pp. 155–163

Научная статья
УДК 94(510)(=091)+(045)
doi: 10.17223/15617793/475/19

Реализация стратегии скоординированного регионального развития КНР в 1990–2010-е гг.: современная китайская историография

Светлана Борисовна Макеева[1]

[1]*Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, msbmag9581@yandex.ru, orcid: 0000-0003-2953-0411*

Аннотация. На основе использования системного подхода, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического методов исследования при анализе работ современных китайских ученых были определены основные закономерности как положительного опыта, так и возникших трудностей и проблем в ходе реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР.

Ключевые слова: современная история КНР, исторический опыт, регионоведческие исследования, стратегия, регионы, китайские ученые, скоординированное региональное развитие

Источник финансирования: исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование» № 20-014-00010.

***Для цитирования*:** Макеева С.Б. Реализация стратегии скоординированного регионального развития КНР в 1990–2010-е гг.: современная китайская историография // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 155–163. doi: 10.17223/15617793/475/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/19

Implementation of the strategy for coordinated regional development of the PRC in the 1990s–2010s: Modern Chinese historiography

Svetlana B. Makeeva[1]

[1]*Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, msbmag9581@yandex.ru, orcid: 0000-0003-2953-0411*

Abstract. Modern Chinese historiography of the regional development of China in the late 20th – early 21st centuries covers all the problems of coordination of the spatial organization of China's economy. The article aims to describe the position of Chinese researchers in the field of history, regional studies, and regional economics on experience in developing and implementing a strategy for coordinated regional development of the PRC since the 1990s until today, based on an analysis of modern Chinese-language literature. A systematic approach, problem-chronological and comparative-historical research methods were used to analyze the works of modern Chinese researchers (Wang Jianin, Wei Hukai, Gao Goli, Gao Yuwei, Li Na, Liu Yang, Sun Juven, Xiao Jincheng, Fan Hengshan, Huang Hua, Jia Shen, Zhao Qigo, Cheng Bo). Based on the analysis, the main patterns in the implementation of the strategy for coordinated regional development of the PRC were identified. The analysis showed that most Chinese authors (Li Lin, Liu Ying, Sun Juven, Fan Hengshan, Chen Xuanqing) in their works explore the premises and reasons for the transition from an unbalanced regional development strategy (1978–1990) to a coordinated development strategy regions. The main reason for the transition was the problem of uneven socioeconomic development, which aggravated in the 20th century, as well as the need to achieve the goals of building "socialism with Chinese characteristics" and the stability of the national economy of the PRC. Based on the analysis of Chinese works on coordinated regional development, the author highlights the main components of the positive experience in implementing the strategy for coordinating the regions of the PRC: strengthening centers of economic growth to accelerate the PRC's economic growth (Northeast, Central, East, West regions of China; the National Capital Region; the Greater Bay Area; the Yangtze River Economic Belt); a set of measures for a balanced spatial development of large urban agglomerations; measures to reduce low-productivity and low-tech industries in the Chinese regions; modern ecological modernization of urban agglomerations to solve the problems of unsatisfactory environmental conditions in cities. The analysis of Chinese-language works showed that, in the process of implementing the strategy for coordinated regional development of the PRC, the following difficulties and contradictions arose: the outflow of population from the Northeast of the PRC to the eastern and southern regions of China, despite the implementation of plans for coordinated regional development to revive old industrial bases in Northeast China; fully unrealized potential of interregional interaction;

© Макеева С.Б., 2022

maintaining significant intraregional differences in the level of socioeconomic development between individual regions, between rural and urban areas. All the works of Chinese researchers on the problems of coordinated regional development are distinguished by a systematic analysis, supported by a theoretical and methodological substantiation of the experience of the PRC's regional development.

Keywords: contemporary history of PRC, historical experience, regional studies, strategy, regions, Chinese researchers, coordinated regional development

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-014-00010.

***For citation*:** Makeeva, S.B. (2022) Implementation of the strategy for coordinated regional development of the PRC in the 1990s–2010s: Modern Chinese historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 155–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/19

Введение. Исторический опыт реализации стратегии скоординированного регионального развития, накопленный Китайской Народной Республикой в период с 1990-х гг. по настоящее время, представляет собой выражение общественно-политической практики преобразований, проводимых китайским правительством в сфере пространственной организации экономики. Региональная политика Китая была направлена на решение ключевых проблем неравномерности социально-экономического регионального развития КНР, обострившихся в конце XX в. Изучение процесса разработки, опыта внедрения проектов и перспективных возможностей стратегии скоординированного регионального развития в КНР, реализуемой с 1990 г. по настоящее время, позволяет мировому экспертному сообществу учитывать уроки координации в развитии регионов в процессе формирования новых моделей пространственного развития в различных странах мира. Исторический опыт КНР в поддержании продолжительного экономического роста, успешной реализации региональных проектов, нацеленных на построение социально ориентированной экономики, активное использование механизмов межрегионального сотрудничества, интеграции, вывод из состояния бедности проблемных региональных зон, полноценное использование всей территории страны, каждого участка земли, вне зависимости от неблагоприятных природно-географических факторов в целях повышения экономической эффективности территории, позволяет учитывать данный опыт при реализации современных социально-экономических и геополитических задач государства.

В связи с этим анализ опыта реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР за последние годы приобретает особую значимость. Основной целью данной работы является освещение позиции китайских ученых в области истории, регионоведения, региональной экономики по опыту разработки, реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР в период с 1990-х гг. по настоящее время на основе анализа современной китаеязычной литературы. Основными задачами являются: систематизация китайских научных работ по опыту регионального развития КНР в современный период времени; на основе анализа китаеязычной монографической литературы – определение главных причин перехода от стратегии несбалансированного регионального развития (1978–1990 гг.) к стратегии скоординированного развития регионов КНР; выявление взглядов китайского научного сообщества, содержащих оценку хода, ключевых направлений и основных мероприятий в рамках реализации стратегии скоординированного развития; на основе изучения работ китайских исследователей – определение главных закономерностей из опыта реализации стратегии регионального развития КНР.

Методы и материалы. В нашем исследовании на основе использования системного подхода при анализе китаеязычной научной литературы по проблемам регионального развития было выделено несколько групп ключевых направлений в исследовании опыта реализации координации развития регионов:

Первая группа китайских ученых специализируется на изучении социально-экономических проблем и противоречий в ходе реализации скоординированной стратегии регионального развития (Ван Цзянин [1], Вэй Хукай [2], Ло Чжунпу [1], Ци Сяньван [3], Юй Хуншэн [4]).

Вторая группа рассматривает стратегию скоординированного регионального развития во взаимосвязи с целями построения «социализма с китайской спецификой» (Гао Голи [5], Хуан Хуа [6], Цзя Шэнь [7], Ван Имин [8].

Третья группа анализирует предпосылки и причины перехода к скоординированной стратегии регионального развития (Ань Шувэй [9], Сунь Цзювэнь [10], Сяо Цзиньчэн [9], Фань Хэншань, Чэнь Сюаньцин [11]).

Четвертая группа китайских исследователей детально разбирает все ключевые проекты и планы по реализации стратегии скоординированного регионального развития (Гао Юйвэй [12], Лю Ян [13]);

Результаты и предварительные итоги координации и развития регионов представлены в работах 5 группы китайских ученых (Ли На [14], Чэн Бо [15]).

Использование проблемно-хронологического метода на основе изучения китаеязычной литературы позволило выявить основные положительные составляющие опыта реализации стратегии скоординированного развития регионов КНР, а также противоречия и проблемы в ходе выполнения проектов регионального развития КНР в современный период. Применение сравнительно-исторического метода исследования позволило проследить взаимосвязь в актуализации китайскими исследователями мероприятий в ходе реализации стратегии скоординированного реги-

онального развития в течение подготовки плана работ по согласованному развитию регионов Китая (1990–1999 гг.); этапа реализации стратегии скоординированного регионального развития (1999–2012 гг.); перехода к новой стратегии скоординированного регионального развития, взаимосвязанного с целями построения экологической цивилизации в КНР (2012 г. – настоящее время).

Современная историография процесса реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР является объектом проводимого автором исследования. Китайская историография по всему комплексу мероприятий в рамках реализации стратегии скоординированного регионального развития ранее в отечественных исторических исследованиях не была представлена. Но оценивая актуальность пространственного развития и его влияние на экономический рост современных государств, именно рассмотрение опыта реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР заслуживает особого внимания при проведении комплексных регионоведческих и исторических исследований.

Анализ. К началу 1990-х гг. социально-экономическое положение Китая характеризовалось, с одной стороны, модернизационными процессами и созданием социалистической системы рыночной экономики, а с другой – растущими тенденциями неравномерного регионального развития КНР. В сложившихся условиях правительство КНР начинает осуществлять разработку и предварительное обсуждение комплекса мер по реализации скоординированной стратегии развития регионов. Положения восьмого пятилетнего плана (1991–1995 гг.), касающиеся проектов по пространственному развитию КНР, отражают социально-экономические особенности Китая в 1990-е гг.: «КНР обладает обширной территорией, но при этом наблюдается неравномерное экономическое развитие и распределение ресурсов в различных регионах, поэтому необходимо осуществлять скоординированное развитие с учетом региональных интересов и нацеленности на общее процветание» [8]. К 1995 г. при разработке девятого пятилетнего плана Центральное правительство КНР определяет важное направление пространственного развития китайских регионов, которое представлено в следующем тезисе: «придерживаться скоординированного развития региональной экономики и постепенно сокращать разрыв в региональном развитии». На заседании XV Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 1997 г. были четко сформулированы положения стратегии о содействии скоординированному развитию региональной экономики.

Официально годом начала этапа комплексной реализации согласованной/скоординированной стратегии регионального развития (区域协调发展战略) является 1999 г. [16]. На первоначальном этапе с 1999 по 2005 г. данная стратегия включала в себя мероприятия по крупномасштабному развитию Западного региона КНР, возрождению старых промышленных баз в Северо-Восточном регионе КНР, подъему Центрального Китая при сохранении уровня экономического роста в восточных прибрежных районах КНР. На протяжении реализации десятого (2001–2005 гг.) и одиннадцатого (2006–2010 гг.) пятилетних планов китайское правительство непрерывно осуществляло стратегию согласованного регионального развития, но заявляло о необходимости усиления национального планирования в процессе использования территории Китая с целью улучшения эффективности региональной политики.

С 2012 г. по настоящее время правительство КНР переходит к реализации новой стратегии скоординированного регионального развития. На заседании XVIII Всекитайского съезда КПК было отмечено, что координация развития регионов в 1990–2000-е гг. принесла ощутимые результаты, связанные с оптимизацией экономической структуры регионов КНР, проявлением региональной открытости и межрегионального сотрудничества, улучшением инфраструктурных условий в регионах Китая.

Анализ различных аспектов реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР стал одной из самых актуальных научных тем в конце XX – начале XXI в. среди китайских специалистов в области регионоведения, истории, географии, региональной экономики. Китайские ученые в своих работах представили комплексную оценку планов, проектов, хода реализации и перспектив пространственного регионального развития КНР в условиях скоординированного и согласованного развития.

За период второго десятилетия XXI в. выходят в свет научные работы, монографии, представляющие собой уникальный анализ всего хода мероприятий по реализации стратегии скоординированного регионального развития в КНР. На страницах ведущих академических журналов КНР «Обзор региональной экономики», «Журнал Национальной школы управления», «Реформа», «Известия Института Цзинганшань», «Экономический ежегодник», «China Economic Times», «Географические исследования», «Научные исследования», «Коммерческий Шанхай» были представлены результаты применения сравнительно-исторического, экономико-статистического, системно-стратегического анализов всего комплекса мероприятий скоординированного регионального развития КНР за последние десятилетия начиная с 1990 г.

Социально-экономические, управленческие аспекты процесса координации пространственного развития регионов КНР находят отражение в работах таких китайских ученых, как Ван Имин [8], Гао Голи [5], И Пэн [17], Линь Юань [18], Пань Цзянчэн [19], Сунь Шаохуа [18], Хуан Хуа [6] и Цзя Шэнь [7]. Предпосылки перехода к скоординированному региональному развитию в Китае, а также теоретико-методологическому обоснованию данной стратегии находят отражение в работах китайских ученых-регионоведов, специалистов в области региональной экономики, таких как Ли Линь [20], Лю Ин [20], Сунь Цзювэнь [10], Фань Хэншань [11], Чжан Сюэлян [21], Чэнь Сюаньцин [11]. Ход реализации ключевых составляющих проектов, планов стратегии скоординированного регионального развития рассматривается в работах таких исследователей, как Ван Цзянин [1], Гао Юйвэй

[12], Лю Ян [13], Ло Чжунпу [1]. Первые итоги и результаты реализации стратегии регионального развития представлены в работах таких исследователей, как Ань Шувэй [9], Ли На [14], Сяо Цзиньчэн [9], Чжан Сюэлян [21], Чжао Циго [22], Чэн Бо [15].

Как показывает анализ китаеязычной литературы по пространственному региональному развитию, вышедшей во втором десятилетии XXI в., современные исследования китайских ученых в основном касаются оценки опыта реализации скоординированного регионального развития КНР, а также анализа перспектив выполнения комплекса мероприятий по координации экономического развития регионов Китая. Оценка социально-экономических проблем и противоречий в ходе реализации скоординированной стратегии регионального развития представлена в работах китайских ученых, специалистов в области региональной экономики, таких как Ван Цзянин [1], Вэй Хукай [2], Цзя Шэнь [7], Ци Сяньван [3], Юй Хуншэн [4]. По их мнению, новая стратегия скоординированного регионального развития, принятая в 2012 г., нацелена на достижение экономического роста всех регионов Китая и является определяющей мерой для разрешения основных противоречий китайского общества в современных условиях. Исследование ключевых положений XIII пятилетного плана КНР в рамках реализации стратегии скоординированного регионального развития, основанного на «инновациях, согласованности, экологичности, открытости и обмене», было изложено в целой серии статей на страницах китайского журнала «Экономический ежегодник». Китайские ученые, специалисты в области изучения регионоведческой проблематики, региональной экономики Ван Имин [8], Гао Голи [5], И Пэн [17], Линь Юань [18], Пань Цзянчэн [19], Сунь Шаохуа [18], Хуан Хуа [6] и Цзя Шэнь [7] в своих работах анализируют социальные, экономические, управленческие аспекты процесса координации пространственного развития регионов КНР. По мнению данных авторов, устойчивость в достижении целей скоординированного регионального развития в Китае на основе учета сравнительных преимуществ, межрегионального сотрудничества приведет к решению ключевой проблемы социально-экономического развития КНР на протяжении 70-летней истории – проблемы неравномерности регионального развития. Китайские исследователи Гао Голи и Хуан Хуа в своих работах отводят ведущую роль новой модели скоординированного регионального развития, направленной на построение современной экономической системы КНР, «социализма с китайской спецификой», устойчивого развития национальной экономики [5. С. 5; 6. С. 18]. Китайские исследователи Пань Цзяньчэн, Линь Юань и Сунь Шаохуа отмечают, что важное значение в координации регионального развития КНР отводится городским агломерациям, укрепляющим экономические связи с другими регионами Китая, создавая механизм регионального сотрудничества с дополнительными преимуществами [18. С. 47; 19. С. 117–118]. Другие китайские специалисты в области регионоведения, экономической географии Цзя Шэнь и Ван Имин в своих работах отмечают, что за последние годы пространственное экономическое расположение смещается от централизованного (концентрация экономического роста в восточных прибрежных регионах Китая) к децентрализованному (согласованное развитие Центрального, Восточного, Западного и Северо-Восточного регионов КНР) и имеет тенденцию быть сбалансированным [7. С. 10; 8. С. 65]. Анализ вышеперечисленных работ показывает, что наряду с положительным опытом скоординированного регионального развития китайские исследователи выделяют и проблемы регионального развития КНР.

Предпосылки перехода к скоординированному региональному развитию в Китае, а также теоретико-методологическое обоснование данной стратегии находят отражение в работах китайских ученых. Ведущие китайские специалисты в области изучения регионоведческой проблематики и региональной экономики КНР Фань Хэншань и Чэнь Сюаньцин в своей коллективной монографии «Исследование регионального скоординированного развития Китая» определяют теоретико-методологические основы изучения скоординированного регионального развития в условиях построения «гармоничного социалистического общества» и реализации концепции «гармоничного мира». Особое значение данной работы заключается в том, что она была издана при поддержке Государственного комитета по развитию и реформам КНР (中国国家发展和改革委员会). Китайские авторы ориентируются на рассмотрение общемировых теорий региональной экономики, а также на опыт развитых стран в рамках реализации различных стратегий пространственного развития своих территорий. Перед тем как комплексно разобрать структуру скоординированного регионального развития в КНР, Фань Хэншань и Чэнь Сюаньцин анализируют эволюцию стратегий регионального развития после основания КНР в 1949 г., в период после начала политики «реформ и открытости» с 1978 г. Рассмотрение особенностей реализации стратегии скоординированного регионального развития основывается на выделении целей, принципов реализации трех основных составляющих данной стратегии: усиление Центрального Китая, возрождение промышленных центров Северо-Востока КНР, согласованное развитие Западного региона Китая. Авторы анализируют взаимосвязь между стратегией скоординированного регионального развития, которое начало осуществляться с 1999 г. в КНР, и стратегией реализации устойчивого развития в рамках построения экологической цивилизации в Китае. Кроме того, Фань Хэншань и Чэнь Сюаньцин объясняют степень влияния реализации скоординированного регионального развития в КНР на уровень урбанизации, а также устранение неравномерности в развитии между сельскими и городскими районами КНР [11].

В работе таких китайских специалистов в области региональной экономики, как Ли Линь, Лю Ин, «Движущие факторы скоординированного развития региональной экономики» представлены результаты исследования опыта реализации стратегии скоорди-

нированного развития регионов КНР на основе использования модели известного немецкого ученого, физика-теоретика Германа Хакена, основателя синергетического подхода [20. С. 1608]. Применение данной модели китайскими исследователями было направлено на выявление движущих факторов, определяющих скоординированное развитие региональной экономики Китая. Ли Линь и Лю Ин анализируют основные характеристики скоординированного развития региональной экономики КНР в рамках трех аспектов: региональные сравнительные преимущества, региональные экономические связи и региональное отраслевое разделение труда. Использование модели Хакена [23] позволило китайским ученым определить, что на протяжении 20 лет реализации стратегии скоординированного регионального развития пространственная среда развития была оптимизирована, скоординированное развитие региональной экономики перешло от начальной к промежуточной стадиям, постепенно стали проявляться преимущества усиления Центрального и Западного регионов КНР, а показатели неравномерного развития между Восточным, Западным и Центральным Китаем сократились. Китайские авторы Ли Линь и Лю Ин выделяют как положительные результаты скоординированного регионального развития, так и слабые стороны реализуемой стратегии. Они утверждают, что потенциал межрегионального сотрудничества использован не полностью, хотя именно данный ресурс может обеспечить координацию регионального развития.

Как показывает анализ китаеязычной научной литературы по проблематике пространственного развития, большая часть работ китайских ученых содержит оценку хода реализации проектов, планов в рамках стратегии скоординированного регионального развития. Так, Сунь Цзювэнь, один из ведущих китайских исследователей в своей работе «О разработке и внедрении региональной стратегии скоординированного развития в новую эпоху» оценивает новую стратегию пространственного развития на основе анализа ключевых проектов региональной политики Китая в период с 1990 г. по настоящее время. Сунь Цзювэнь отмечает, что в последние десятилетия одной из характерных черт координации в развитии регионов был прорыв в строительстве инфраструктуры во всех регионах КНР. Были завершены такие ключевые государственные проекты Китая, как Цинхай-Тибетская железная дорога, «Переброска газа с Запада на Восток». Крупномасштабное строительство транспортной инфраструктуры особенно изменило социально-экономические условия развития Западного региона КНР. Возрождение старых промышленных баз на Северо-Востоке, инициированное китайским правительством с 2002 г., осуществлялось на основе реформирования институциональных механизмов и реорганизации государственных предприятий. Несмотря на положительную, в целом, характеристику стратегии скоординированного регионального развития, в работе данного ученого не представлены варианты решения проблем, связанных с оттоком населения из Северо-Востока КНР. Стратегия подъема Центрального региона КНР, которая начала реализовываться с 2004 г., сосредоточилась на обновлении и модернизации промышленного производства. Оценку стратегии скоординированного регионального развития КНР Сунь Цзювэнь осуществляет на основе анализа ускоренного развития особых регионов, под которыми понимаются «проблемные зоны» регионального пространства КНР. Для проблемных регионов Китая характерны отсутствие инфраструктуры и несоответствующие уровню экономического развития данных регионов государственные услуги, слабая промышленная база, так как основными видами деятельности являются сельскохозяйственное производство или животноводство, а их потенциал развития очень низок. Как отмечает указанный китайский специалист в области регионоведения и региональной экономики, одним из основных механизмов координации регионального развития в современную эпоху является механизм внутреннего межрегионального сотрудничества [10].

Китайский ученый-экономист Гао Юйвэй в своей работе «Региональное скоординированное развитие в Китае и планирование» представил оценку осуществления макроэкономического планирования в КНР в рамках анализа реализации пятилетних планов и соотношение данных процессов с особенностями выполнения комплекса мер по скоординированному региональному развитию Китая. Как отмечает Гао Юйвэй, планирование является важным характерным преимуществом социалистической рыночной экономики и играет стратегическую роль в экономическом и социальном развитии Китая. Тем не менее существующий дисбаланс в региональном развитии КНР является более заметным, и разрыв между уровнями развития регионов велик. В этой связи Гао Юйвэй призывает к тому, что необходимо реализовывать концепцию скоординированного регионального развития и содействовать выполнению соответствующих планов [12].

Комплексную оценку всех проектов, составляющих основу реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР, представил Лю Ян китайский ученый, специалист в области регионоведческого изучения Китая после начала политики «реформ и открытости». В его работе «Региональное скоординированное развитие: дорожная карта стратегии регионального развития Китая в новую эру» выделено шесть стратегических направлений, представляющих дорожную карту для реализации новой стратегии пространственного развития КНР:

1. Сбалансированный экономический рост регионов.
2. Скоординированное социальное развитие регионов.
3. Координация развития трех основных региональных зон (Восточный, Западный, Центральный регионы Китая).
4. Движущая сила модернизации и скоординированного регионального развития – прибрежные районы КНР.
5. Координация промышленного развития и охраны окружающей среды.

6. Общая координация устойчивого развития «проблемных зон» Китая (районы с низким уровнем экономического развития; районы, природные ресурсы которых исчерпаны или находятся на грани истощения и т.д.).

Таким образом, китайский исследователь утверждает, что координация структуры регионального экономического роста является важной стратегической мерой для эволюции регионов и должна отвечать потребностям национального развития и национальной экономической безопасности. Как отмечает Лю Ян, решение проблем неравномерного социально-экономического развития регионов Китая возможно при условии выполнения поэтапного, планомерного скоординированного регионального развития [13]. Необходимо отметить, что работа данного китайского исследователя также содержит сведения о проблемах, с которыми сталкивается китайское руководство в ходе усиления центров экономического роста в Китае. В рассматриваемой работе Лю Ян предлагает китайский опыт по решению данных проблем.

Анализ механизмов скоординированного развития регионов КНР представляют такие научные специалисты в области пространственного развития Китая, как Ван Цзянин и Ло Чжунпу в их совместной работе «Тезисы стратегии скоординированного развития регионов Китая в новую эпоху». Опираясь на детальное рассмотрение процесса реализации современных проектов регионального развития – «Один пояс – один путь», скоординированное развитие района Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй и строительство экономического пояса реки Янцзы, – авторы анализируют проблемы и пути решения несогласованного и несбалансированного регионального развития Китая в современный период истории. Особое значение данные ученые отводят рассмотрению многоуровневого, многопрофильного межрегионального сотрудничества в соответствии с принципами дополнительных преимуществ и взаимной выгоды [1].

Следует отметить, что в научных работах китайских исследователей также представлены результаты реализации стратегии скоординированного регионального развития Китая с 1990-х гг. Первые итоги реализации данной стратегии были подведены китайскими специалистами в области пространственной экономики (новой экономической географии) и региональной экономики к началу второго десятилетия XXI в. Так, китайский ученый-регионовед Чжан Сюэлян в своей работе «Новая китайская модель регионального экономического роста и регионального скоординированного развития» отмечает, что к 2012 г. региональный экономический рост Китая представлял собой новую модель, которая в основном проявлялась в ускоренном развитии Центрального и Западного регионов КНР и отдельных отраслей промышленности, при этом в качестве основных составляющих формирующейся модели пространственного развития выступали городские агломерации. Рассматривая причины данных явлений, Чжан Сюэлян отмечает, что в 2000 г. в Плане десятой пятилетки было предложено реализовать стратегию широкомасштабного развития Западного региона Китая, ускорить развитие Центрального региона, рационально скорректировать региональную экономическую схему и содействовать скоординированному развитию. В сентябре 2003 г. была введена стратегия возрождения и развития старых промышленных баз на Северо-Востоке КНР. В марте 2004 г. была впоследствии разработана стратегия развития, способствующая экономическому росту Центрального региона. При данной модели устойчивость и стабильность регионального развития достигалась за счет укрепления межрегионального сотрудничества и интеграции. В сложившихся условиях региональный экономический рост Китая также столкнулся с новыми проблемами, решение которых китайский ученый Чжан Сюэлян связывает с совместным осуществлением национальной стратегии регионального развития по вхождению к 2049 г. в состав развитых стран по уровню социально-экономического развития и согласованной реализации скоординированного регионального экономического развития всей территории КНР. Чжан Сюэлян утверждает, что к 2012 г. китайское руководство одобрило более 50 руководящих документов по планированию и содействию скоординированного регионального развития КНР. По данной оценке, ученый придерживается точки зрения, согласно которой скоординированное развитие – это не стремление к сбалансированному развитию в смысле общего объема, а в расчете на душу населения, оно означает не только сбалансированное развитие в экономическом смысле, но также включает качество жизни и социальное благосостояние на душу населения [21]. Чжан Сюэлян представляет китайский опыт, содержащий не только положительные результаты, но и трудности, с которыми столкнулось китайской правительство в рамках координации пространственного развития крупных городских агломераций.

Особый интерес в процессе анализа китаеязычной литературы по опыту реализации скоординированной стратегии регионального развития представляют работы китайских исследователей, вышедшие в свет в 2019 г. Обзор научных публикаций китайских ученых, специалистов в области региональной экономики, регионоведения, новой экономической географии за 2019 г. показывает, что одной из центральных тем являлась проблематика соотношения процесса реализации скоординированной стратегии регионального развития и строительства экологической цивилизации в Китае. Например, в работе Чжао Циго «Специальные исследования по согласованному региональному развитию и строительству экологической цивилизации» отмечается, что реализация скоординированной стратегии развития регионов Китая в значительной степени способствовала сбалансированному развитию региональной экономики и общества КНР. Со времени XVIII Всекитайского съезда ЦК КПК усиление региональной координации в Китае происходит под руководством пяти новых концепций в развитии регионов: «инновации, согласованности, экологичности, открытости и совместного использования», и на основе продолжения реализации пяти составляющих скоординированной стратегии развития, включающих «Опережающие в развитии восточные районы КНР»,

«Подъем Центрального региона Китая», «Развитие Западного региона КНР, масштабное освоение западной части Китая (политика китайских властей, направленная на ускоренное развитие западных регионов страны)» и «Возрождение Северо-Востока Китая». Чжао Циго отмечает, что региональная скоординированная стратегия развития включает в себя стратегию развития района Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй, стратегию развития экономического пояса реки Янцзы и реализацию стратегии возрождения сельских районов. По мнению Чжао Циго, этот комплекс программ способствует качественному развитию региональной экономики и общества Китая, содействует построению экологической цивилизации и процветающей, демократической, цивилизованной, гармоничной современной социалистической державы. Строительство экологической цивилизации как нового этапа после индустриальной цивилизации неразрывно связано с реализацией стратегии скоординированного развития китайских регионов [22]. Критически оценивая данную работу необходимо отметить, что Чжао Циго в своем труде не выделяет основные проблемы, связанные с состоянием окружающей среды в рамках реализации ключевых проектов: «столичный регион» КНР (Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй Цзин-Цзинь-Цзи 京津冀), регион «Большого залива» (Да вань цюй 大湾区) – провинция Гуандун–Гонконг–Макао залив Ханчжоувань Юэ-Ган-Ао, Ханчжоу вань 粤港澳、杭州湾), экономический пояс реки Янцзы (Чанцзян цзинцзи дай 长江经济带). Он не рассматривает проблемы, связанные с возросшей нагрузкой на окружающую среду в ходе реализации данных направлений регионального развития.

В 2019 г. выходит в свет научная монография «Исследование стратегии скоординированного развития регионов в новую эпоху» автора Ли На, китайского ученого, специалиста в области регионального развития и экономической географии, научного сотрудника Института развития городов и народонаселения. В ней представлены различные аспекты анализа опыта реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР. Отдельного внимания заслуживает детальное рассмотрение Ли На исторической эволюции стратегий регионального развития в Китае. Данный китайский ученый в сравнительно-историческом аспекте выделяет теоретико-методологические основы анализа опыта пространственного развития в КНР и в зарубежных странах. Кроме того, Ли На отдельно останавливается на рассмотрении проблем и противоречий в процессе реализации скоординированного регионального развития Китая в новую эпоху. Плотность населения крупных, средних и малых городов КНР неравномерна, а экономический рост не сбалансирован. Точками роста в рамках реализации современной стратегии координации являются города, крупные городские агломерации и экономические пояса. Но при этом автор отмечает, что ведущая роль в координации развития регионов в последние годы принадлежит китайским крупным городским агломерациям. Ли На уделяет особое внимание целям реализации стратегии регионального развития, утверждая что оценка неравномерности в развитии регионов Китая должна опираться на анализ не только диспропорциональности между крупными регионами КНР, но и неравномерности социально-экономического положения городских и сельских районов [14].

Современное теоретико-методологическое обоснование стратегии скоординированного регионального развития представлено китайским ученым, специалистом в области региональной экономики, пространственного развития и геоурбанистики Чэн Бо в работе 2019 г. «Теория и стратегия скоординированного развития современной региональной экономики». Автором проанализирована современная ситуация, связанная с последствиями несбалансированного социально-экономического развития ряда регионов КНР. Подробно рассматриваются теории регионального развития таких китайских ученых, как Чжан Цзипэй, Вэй Хукай, Цай Фан, Ян Сяогуан, обосновывающие необходимость реализации стратегии скоординированного развития китайских районов и городов [15].

Особый интерес представляет работа китайских исследователей Сяо Цзиньчэн и Ань Шувэй «От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию – 40 лет регионального развития Китая», вышедшая в свет в 2019 г. Авторы дают оценку комплексу мер по координации экономического роста регионов КНР на основе сравнительно-исторического анализа четырех этапов регионального развития Китая: 1978–1999 гг. – период реализации стратегии несбалансированного регионального развития; 1990–1999 гг. – период подготовки к реализации стратегии скоординированного регионального развития; 1999–2012 гг. – период усиления Западного региона, подъема Центрального региона, возрождения старых промышленных баз Северо-Востока КНР; с 2012 г. по настоящее время – период обновления стратегии скоординированного регионального развития и ориентации на экономический рост регионов КНР в условиях построения экологической цивилизации [9].

Результаты. Изучены и систематизированы современные работы китайских ученых, специализирующихся на рассмотрении различных аспектов реализации стратегии регионального развития КНР. На основе анализа данных работ сделаны следующие выводы, характеризующие современную китайскую историографию по проблемам скоординированного регионального развития КНР:

1. Анализ китаеязычной научной литературы показывает, что большинство китайских авторов (Ли Линь, Лю Ин, Сунь Цзювэнь, Фань Хэншань, Чэнь Сюаньцин) в своих работах рассматривают предпосылки и причины перехода от стратегии несбалансированного регионального развития (1978–1990 гг.) к стратегии скоординированного развития регионов. Анализ показывает, что основной причиной перехода являлась обострившаяся в конце XX в. проблема неравномерности социально-экономического развития, а также необходимость в достижении целей построе-

ния «социализма с китайской спецификой» и устойчивости национальной экономики КНР.

2. На основе изучения китайских работ по скоординированному региональному развитию были выделены главные составляющие положительного опыта реализации стратегии координации регионов КНР (усиление центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста КНР: (Северо-Восточный, Центральный, Восточный, Западный регионы Китая, столичный регион КНР, регион «Большого залива», экономический пояс реки Янцзы); комплекс мероприятий по сбалансированному пространственному развитию крупных городских агломераций; мероприятия по сокращению малопроизводительных и низкотехнологичных производств в китайских регионах; современная экологическая модернизация городских агломераций для решения проблем неудовлетворительного состояния окружающей среды в городах).

3. Анализ китаеязычных работ показывает, что в процессе реализации стратегии скоординированного регионального развития возникают трудности и противоречия: отток населения с Северо-Востока КНР в восточные и южные районы Китая, несмотря на реализацию планов скоординированного регионального развития по возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке КНР; нереализованный в полной мере потенциал межрегионального взаимодействия; сохранение существенных внутрирегиональных различий по уровню социально-экономического развития (между отдельными регионами; сельскими и городскими территориями).

4. Все работы китайских ученых по проблематике скоординированного регионального развития отличаются системным анализом, подкрепленным теоретико-методологическим обоснованием опыта регионального развития КНР, выделением приоритетных направлений в координации регионального развития, учета проблем, противоречий и перспектив пространственной организации экономики КНР.

К перспективным направлениям исследования опыта реализации стратегии скоординированного регионального развития КНР в современный период относится изучение нормативно-правовых актов, программных документов стратегии скоординированного регионального развития КНР и проведение сравнительно-сопоставительного анализа данных документов и официальной статистики, а также освещение позиций китайских СМИ по различным вопросам скоординированного регионального развития.

Список источников

1. Ван Цзянин, Ло Чжунпу. Синь шидай чжунго цюйюй сетяо фачжань чжаньлюэ лунь ган [Тезисы стратегии скоординированного развития регионов Китая в новую эпоху] // Гайгэ. 2017. № 12 (286). С. 52–67 (на кит. яз.).
2. Вэй Хукай. Чжунго цюйюй сетяо фачжань яньцзю [Исследование скоординированного развития регионов Китая]. Пекин : Изд-во коммерческой прессы, 2012. 464 с. (на кит. яз.).
3. Ци Сяньван. Сычуань цюйюй цзинцзи сетяо фачжань чжаньлюэ яньцзю [Исследования стратегии скоординированного развития региональной экономики провинции Сычуань]. Сычуань : Изд-во Юго-Западного университета финансов и экономики, 2011. 253 с. (на кит. яз.).
4. Юй Хуншэн. Будуань кайчуан чанцзян саньцзяочжоу цюйюй сетяо фачжань тичжи цзичжи дэ синь цзюмянь [Новая ситуация непрерывного согласованного регионального развития района дельты реки Янцзы] // Коммерческий Шанхай. 2017. № 3. С. 67–91 (на кит. яз.).
5. Гао Голи. Май ши цюйюй сетяо фачжань чжаньлюэ [Осуществление региональной скоординированной стратегии развития] // Экономический ежегодник. 2017. № 3 (11). С. 3–32 (на кит. яз.).
6. Хуан Хуа. Цзюйцзяо гуаньцзянь цзинчжунь фа ли цуцзинь цюйюй сетяо фачжань [Сосредоточение ключевых усилий по содействию скоординированному региональному развитию] // Экономический ежегодник. 2017. № 1 (12). С. 17–31 (на кит. яз.).
7. Цзя Шэнь. Синь шици цюйюй фачжань яо лоши хао синь дэ сань да цюйюй чжаньлюэ [Реализация трёх новых региональных стратегий в новую эпоху] // China Economic Times. 2017. № 4 (28). С. 5–12 (на кит. яз.).
8. Ван Имин. Цюйюй сетяо фачжань чжаньлюэ [Региональная согласованная стратегия развития] // Экономический ежегодник. 2017. № 11 (264). С. 62–79 (на кит. яз.).
9. Сяо Цзиньчэн, Ань Шувэй. Цун цюйюй фэй цзюньхэн фачжань дао цюйюй сетяо фачжань – чжунго цюйюй фачжань 40 нянь [От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию – 40 лет регионального развития Китая] // Обзор региональной экономики. 2019. № 1. С. 13–24 (на кит. яз.).
10. Сунь Цзювэнь. Лунь синь шидай цюйюй сетяо фачжань чжаньлюэ дэ фачжань юй чуансинь [О разработке и внедрении региональной стратегии скоординированного развития в новую эпоху] // Журнал Национальной школы управления. 2018. № 4. С. 109–151 (на кит. яз.).
11. Фань Хэншань, Чэнь Сюаньцин. Чжунго цюйюй сетяо фачжань яньцзю [Исследование регионального скоординированного развития Китая]. Пекин : Изд-во коммерческой прессы, 2012. 222 с. (на кит. яз.).
12. Гао Юйвэй. Цун гуйхуа шицзяо кань вого цюйюй сетяо фачжань [Региональное скоординированное развитие в Китае и планирование] // Макронаблюдение. 2018. № 15 (221). С. 1–11 (на кит. яз.).
13. Лю Ян. Цюйюй сетяо фачжань лунь: синь шици чжунго цюйюй фачжань чжаньлюэ лусянь ту [Региональное скоординированное развитие: дорожная карта стратегии регионального развития Китая в новую эру]. Пекин : Коммерческое изд-во, 2016. 209 с. (на кит.яз.).
14. Ли На. Синь шидай ся цюйюй сетяо фачжань чжаньлюэ яньцзю [Исследование стратегии скоординированного развития регионов в новую эпоху]. Шанхай : Изд-во Академии общественных наук, 2019. 189 с. (на кит. яз.).
15. Чэн Бо. Дандай цюйюй цзинцзи сетяо фачжань лилунь цзи чжаньлюэ май ши [Теория и стратегия скоординированного развития современной региональной экономики]. Пекин : Изд-во текстильной промышленности, 2019. 164 с. (на кит. яз.).
16. 2020 нянь чжэнфу гунцзо баогао [Отчет о работе правительства за 2000 г.]. URL: http://www.china.com.cn/policy/txt/2008-03/19/content_13029363.htm (дата обращения: 15.01.2020) (на кит. яз.).
17. И Пэн. Туйдун цюйюй сетяо фачжань [Содействие региональному скоординированному развитию] // Экономический ежегодник. 2017. № 10 (31). С. 21–39 (на кит. яз.).
18. Сунь Шаохуа, Линь Юань. Люэ хухан цюйюй чэнсян сетяо фачжань [Сопровождение скоординированного регионального развития городов и сел] // Экономический ежегодник. 2017. № 10 (24). С. 45–67 (на кит. яз.).
19. Пань Цзяньчэн. Цзяньли гэнцзя юсяо дэ цюй сетяо фачжань синь цзиши [Создание нового механизма эффективного скоординированного развития районов] // Экономический ежегодник. 2017. № 11 (16). С. 112–128 (на кит. яз.).
20. Ли Линь, Лю Ин. Чжунго цюйюй цзинцзи сетун фачжань дэ цюйдун иньсу – цзиюй ха кэнь мосин дэ фэнь цзедуань шичжэн яньцзю [Движущие факторы скоординированного развития региональной экономики – поэтапное эмпирическое исследование, основанное на модели Хакена] // Географические исследования. 2014. № 9 (33). С. 1603–1616 (на кит. яз.).

21. Чжан Сюэлян. Чжунго цюйюй цзинцзи цзэнчжан синь гэцзююй юй цюйюй сетяо фачжань [Новая китайская модель регионального экономического роста и регионального скоординированного развития] // Научные исследования. 2012. № 7. С. 64–79 (на кит. яз.).
22. Чжао Циго. Цюйюй сетяо фачжань юй шэнтай вэньмин цзяньшэ чжуаньти яньцзю [Специальные исследования по согласованному региональному развитию и строительству экологической цивилизации] // Известия института Цзинганшань. 2019. № 6 (12). С. 111–119 (на кит. яз.).
23. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М. : Ленард, 2014. 320 с.

References

1. Wang, J. & Luo, Zh. (2017)**.** Abstracts of the strategy for coordinated development of China's regions in the new era. *Reform.* 12 (286). pp. 52–67. (In Chinese).
2. Wei, H. (2012). *A study of the coordinated development of the regions of China*. Beijing: Publishing House of the Commercial Press. (In Chinese).
3. Qi, X. (2011) *Research strategy for the coordinated development of the regional economy of Sichuan*. Sichuan: Publishing House of the Southwestern University of Finance and Economics. (In Chinese).
4. Yu, H. (2017) The new situation of continuous coordinated regional development of the Yangtze River Delta region. *Shanghai Entrepreneurship*. 3. pp. 67–91. (In Chinese).
5. Gao, G. (2017) Implementation of a regional coordinated development. *Economic Yearbook*. 3 (11). pp. 3–32. (In Chinese).
6. Huang, H. (2017) Concentration of key efforts to promote coordinated regional development. *Economic Yearbook*. 1 (12), pp. 17–31. (In Chinese).
7. Jia, Sh. (2017) Implementation of three new regional strategies in a new era. *China Economic Times*. 1 (12), pp. 5–12. (In Chinese).
8. Wang, Y. (2017) Regionally agreed development strategy. *Economic Yearbook*. 11 (264). pp. 62–79. (In Chinese).
9. Xiao, J. & An, Sh. (2019) From unbalanced regional development to coordinated regional development – 40 years of China's regional development. *Regional Economics Review*. 1. pp. 13–24. (In Chinese).
10. Sun, J. (2018) On the development and implementation of a regional strategy for coordinated development in a new era. *Journal of the National School of Management*. 4. pp. 109–151. (In Chinese).
11. Fan, H. & Chen, X. (2012) *A study of China's regional coordinated development*. Beijing: Publishing House of the Commercial Press. (In Chinese).
12. Gao, Y. (2018) Coordinated regional development in China and planning. *Macro Observation*. 15 (221). pp. 1–11. (In Chinese).
13. Liu, Y. (2017) *Coordinated Regional Development: A Roadmap for China's Regional Development Strategy for a New Era*. Beijing: Commercial Publishing House. (In Chinese).
14. Li, Na. (2019) *Study of the strategy of coordinated development of regions in the new era*. Shanghai: Publishing House of the Academy of Social Sciences. (In Chinese).
15. Cheng, Bo. (2019) *Theory and Strategy for the Coordinated Development of the Modern Regional Economy*. Beijing: Publishing House of Textile Industry. (In Chinese).
16. China.com. (2000) *Otchet o rabote pravitel'stva za 2000 g.* [Government activities report for 2000]. [Online] Available from: http://www.china.com.cn/policy/txt/2008-03/19/content_13029363.htm (Accessed: 15.01.2020). (In Chinese).
17. Yi, P. (2017) Promoting regional coordinated development. *Economic Yearbook*. 10 (31), pp. 21–39. (In Chinese).
18. Sun, Sh. & Lin, Y. (2017) Supporting the coordinated regional development of cities and villages. *Economic Yearbook*. 10 (24), pp. 45–67. (In Chinese).
19. Pan, J. (2017) Creation of a new mechanism for the effective coordinated development of districts. *Economic Yearbook*. 11 (16), pp. 112–128. (In Chinese).
20. Li, L. & Liu, Y. (2017) The driving factors of the coordinated development of the regional economy are a phased empirical study based on the Haken model. *Geographical Research*. 9 (33), pp. 1603–1616. (In Chinese).
21. Zhang, X. (2012) New Chinese model of regional economic growth and regional coordinated development. *Scientific research*. 7. pp. 64–79. (In Chinese).
22. Zhao, Q. (2019) Special studies on coordinated regional development and construction of ecological civilization. *News of the Jinganshan Institute*. 6 (12), pp. 111–119. (In Chinese).
23. Haken, G. (2014) *Information and self-organization. A macroscopic approach to complex systems*. Moscow: Lenard. (In Russian).

Информация об авторе:
Макеева С.Б. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: msbmag9581@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2953-0411

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.B. Makeeva, Cand. Sci. (History), leading researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: msbmag9581@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2953-0411

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2020;
одобрена после рецензирования 20.05.2020; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 13.05.2020;
approved after reviewing 20.05.2020; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1, 821.163.1 + 94(47) + 281.9, 281.93
doi: 10.17223/15617793/475/20

Кийский крест: перспективы изучения

Галина Митрофановна Зеленская[1], Светлана Климентьевна Севастьянова[2, 3]

[1] Музей «Новый Иерусалим», Истра, Россия
[2] Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
[3] Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1] gali.zelensckaia@yandex.ru
[2, 3] sevask@mail.ru

Аннотация. Предлагается комплексный метод изучения памятника, синтезирующий его иконографию, иеротопию, символику и семантику в контексте иконического творчества Святейшего Никона. Показано, что филологические и историко-церковные, источниковые и искусствоведческие, богословско-художественные и культурологические направления исследования Кийского реликвария тесно переплетаются с лингвистическими и иеротопическими подходами к его изучению, используют опыт графических стилистических приемов и отдельных видов реставрационных работ.

Ключевые слова: Патриарх Никон, Кийский крест, комплексный подход, мощи святых, нарративные источники о Кийском мощевике, иконография Кийского креста

***Для цитирования*:** Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Кийский Крест: перспективы изучения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 164–175. doi: 10.17223/15617793/475/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/20

The Cross of Kiy: Prospects for exploring

Galina M. Zelenskaia[1], Svetlana K. Sevastyanova[2, 3]

[1] New Jerusalem State Museum of History and Art, Istra, Russian Federation
[2] Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
[3] Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation
[1] gali.zelensckaia@yandex.ru
[2, 3] sevask@mail.ru

Abstract. The Cross of Kiy, commissioned by Patriarch Nikon in 1656, is a symbol of the continuity of the Orthodox tradition of historical Palestine. The Cross has been studied for nearly 365 years. The multifaceted spiritual significance and the palette of the iconographic program of Patriarch Nikon cannot be revealed by methods of one scientific direction. The aim of this article is to generalize the theoretical experience accumulated in the historiography of the Cross of Kiy and to outline promising directions for exploring the monument as part of a comprehensive study. The article shows that the philological, historical church, source, art history, theological, artistic, and cultural studies of the Kiy Reliquary are closely intertwined with linguistic and hierotopic approaches to its exploration, and use the experience of graphic stylistic techniques and certain types of restoration works. The problems of the philological study of the shrine are connected with the features of its iconography, the establishment of theological and artistic value, the reconstruction of its history and veneration. The authors list the tasks, whose solution will allow a comprehensive study of this unique monument of Russian Orthodoxy: (1) to identify, as completely as possible, the sources that contain descriptions of the Cross and the shrines nested in it and to publish all narratives from the sources with a real commentary; (2) to compile a consolidated catalog of images of the Cross and the relics, which will allow considering the Kiy Reliquary in the system of Patriarch Nikon's hierotopic oeuvre and in the context of ancient Russian written sources; (3) to identify saints whose physical remains are embedded in the cross tree; this actualizes the problem of the place and significance of the Cross of Kiy in Christian culture and world Orthodoxy; (4) to investigate the sources of the holy sites of the Cross in the context of the personal veneration of the saints by Patriarch Nikon and the implementation of his program of the distribution of Eastern Christian relics in central and northern Russia as part of church reforms. The authors see the promising directions of the study of the Cross of Kiy in the consistent solution of the listed tasks, which will allow giving an objective assessment of Patriarch Nikon's intentions about Russia in the Orthodox world, revealing new facets of his reform, filling in the gaps in his biography. An integrated approach to the study of the unique reliquary corresponds to the synthesis of iconography, symbolism and semantics in Nikon's hierotopic and architectural works. The patriarch saw Russia as an

© Зеленская Г.М., Севастьянова С.К., 2022

organic and significant part of Ecumenical Orthodoxy and, with amazing spiritual depth, expressed his views in the Cross of Kiy, a great shrine of the Christian world.

Keywords: Patriarch Nikon, Cross of Kiy, integrated approach, relics of saints, narrative sources about Kiy relic, Cross of Kiy iconography

***For citation*:** Zelenskaia, G.M. & Sevastyanova, S.K. (2022) The Cross of Kiy: Prospects for exploring. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 164–175. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/20

Введение. История изучения Кийского креста, изготовленного по благословению шестого Московского Патриарха Никона (1605–1681), насчитывает без малого 365 лет. 27 июля 1657 г., после совершения Божественной литургии в Успенском соборе Московского Кремля, Первосвятитель торжественно, крестным ходом проводил в дальний путь на Кий-остров уникальный Крест-реликварий [1. С. 273–274]. Годом раньше в Грамоте о Крестном монастыре он сам описал святыню[1]: «Есть же той честный Животворѧщій Кр[е]стъ, егоже мы нынѣ на Кій ѻстровъ послахомъ, привезенъ ѿ Палестіны, сотворенъ ѿ честнагѡ древа кѵпарісса широтою и высотою таковъ, яковъ же самый Животворѧщїй Кр[е]стъ, на нем же изволи Хр[и]стосъ Богъ нашъ волею нашегѡ ради спасенїѧ распѧтисѧ, въ нем же водружена есть часть самагѡ того Животворѧщагѡ Кр[е]ста и ѿ с[вя]тыхъ мощей многихъ с[вя]тителей и м[у]ч[е]н[и]кѡвъ и прочихъ. Да будетъ честный той Животворѧщїй Кр[е]стъ, заступаѧ и спасаѧ коегождо // притекающаго к нему по требованїю егѡ и оумному намѣренїю» [2. Л. 7–8].

В 1680-х гг. ученик и биограф Патриарха Никона Иоанн Шушерин упомянул о Кийской святыне как одном из значимых деяний Первосвятителя: «Самъ же Свѧтѣйшій Патріархъ въ той монастырь Крестный въ царствующемъ градѣ Москвѣ повелѣ содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго въ высоту и въ ширину во всемъ подобенъ мѣрою кресту Христову, и украси той честный крестъ сребромъ и златомъ и драгоцѣннымъ каменіемъ и жемчугомъ и положи въ немъ мощей до трехъ сотъ.

Такожде и святыя иконы со всякимъ благолѣпнымъ и чуднымъ художествомъ и украшеніемъ написавъ при томъ честномъ крестѣ, отпусти купно в той Крестный монастырь, съ подобающею честію и благолѣпнымъ Соборнымъ провожденіем; провождаше бо онъ самъ той честный крестъ со всемъ освященнымъ соборомъ изъ соборныя церкви за Срѣтенскія ворота до мѣста, нарицаемаго Филипповъ крестъ, и оттолѣ пришедъ въ Соборную Апостольскую церковь и сотворивъ молебное пѣніе» [3. С. 29].

Значение Грамоты как исторического источника трудно переоценить; не менее значима и вкладная надпись, выгравированная на двух серебряных вызолоченных пластинах под нижней перекладиной креста. Она неоднократно издавалась, но ввиду ошибок в прочтении текста, кочующих из публикации в пуюликацию, считаем необходимым привести ее полностью по оригиналу, изученному нами de visu: «При державѣ благовѣрнаго и христолюбиваго великого государя царя и великого князя Алексия Михаиловича Всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца и многихъ государствъ государя и облаадателя, и при благовѣрной и христолюбивой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марии Илиичнѣ, и при сынѣ ихъ при благовѣрномъ и христолюбивомъ государѣ царевичѣ и великомъ князѣ Алексие Алексиевичѣ // сотворенъ сий великий Крестъ Божиею милостию Никономъ, архиепископомъ царствующаго великаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Патриархомъ, от честнаго древа кипариса. И украсилъ сребромъ и златомъ въ похвалу и покланяние христолюбцемъ.

Христе Боже, помилуй и спаси душю мою, силою Честнаго и Животворящаго Твоего Креста и святыхъ ради молитвъ, ихъ же мощи водружены въ семъ Крестѣ лѣта от воплощения Слова Божия 1656-го, а от создания мира 7164-го августа в 1 день».

В настоящее время Кийский Крест, находящийся в московском храме прп.[2] Сергия Радонежского в Крапивниках, доступен для обозрения, почитания и исследования. Такой уникальной ситуации, когда до наших дней сохранился оригинал и корпус культурных текстов о нем, удостоились немногие памятники православного искусства XVII в. Сам Крест и посвященные ему источники неоднократно привлекали внимание исследователей, но это были точечные изучения отдельных аспектов истории создания, бытования и почитания святыни. Тем не менее наблюдения и выводы ученых разных областей гуманитарного знания привнесли много нового для понимания реализовавшихся в Кийском реликварии замыслов Патриарха Никона о России как части Вселенского православия: идентифицирован ряд святых, чьи частицы мощей вложены в крестное древо, по документам монастырских архивов реконструирована история передвижения и почитания святыни, введены в научный оборот отдельные письменные источники, в которых упоминается о Кийском кресте. Однако сделанные исследователями наблюдения не дают цельного представления о памятнике как зримом воплощении комплекса идей Первосвятителя, положенных в основу его реформаторской деятельности. Поэтому предшествующий теоретический опыт требует объективной оценки, интегрального осмысления и обобщения.

Актуальность исследования обусловлена потребностями развития современного гуманитарного знания в направлении междисциплинарных исследований.

В работе используются общенаучные и специальные методы исследования, применяемые в исторических, филологических и искусствоведческих науках – нарративный, сравнительный, типологический, структурный, системный, текстологический, семиотический, а также иконический и иеротопический подхо-

ды, позволяющие объемно и объективно представить результаты исследования.

Цель статьи – на основе полученных в XVII–XIX вв. и отраженных в историографии Кийского креста данных наметить перспективные направления изучения памятника в рамках комплексного исследования.

Задачи: кратко охарактеризовать работы о Кийском Кресте, давшие толчок к всестороннему изучению реликвария; наметить перспективные направления комплексного исследования святыни; привести примеры, доказывающие успешность выбранного подхода; сделать выводы.

Структура статьи соответствует поставленным цели и задачам.

Краткий библиографический обзор темы Кийского креста. Обстоятельства основания Патриархом Никоном на Белом море монастыря Ставрос, куда впоследствии был привезен Кийский крест, изложены самим Первосвятителем в Грамоте о Крестном монастыре. «В мимошедшемъ 147(*1639*)-мъ году мы, будуще іеромонахомъ, творихом шествїе по морю из скита Анзерскагw, и во времѧ то w̑ великагw морскагw волненїѧ едва // непотопихомсѧ; но, оуповающе на силу Б[о]ж[е]ственнагw Животворѧщагw Кр[е]ста, сп[а]сенїе получихомъ пред онѣжскимъ оустїемъ, къ пристанищу к Кію острову, и славу воздахомъ Распеншемусѧ на Кр[е]стѣ Г[о]с[по]ду нашему Іи[су]су Хр[и]сту w ономъ избавленїи. Будуще же тогда на том островѣ, на воспоминанїе тогw своегw сп[а]с[е]нїѧ водрузихомъ на томъ мѣстѣ С[вя]тый и Животворѧщїй Кр[е]стъ» [2. Л. 3–4].

В 1652 г., будучи митрополитом Новгородским, Никон отправляется на Соловки за мощами свт. Филиппа и на обратном пути посещает Кий-остров. По возвращении он решает исполнить обет и уже в качестве Патриарха Московского обращается к царю Алексею Михайловичу за разрешением «на томъ мѣстѣ поставить церковь и монастырекъ соградить, Гречески Ставросъ, а Руски Крестный, во имя честнаго и животворящаго Креста и святаго Священномученика Чюдотворца Филиппа Митрополита» [4. С. 245; 5. С. 23–25].

История передвижений Кийского креста в XVIII–XIX вв. изложена в литературе достаточно подробно. По инициативе и при деятельном участии Патриарха Никона в период его пребывания в Онежском монастыре в 1660–1661 гг. был сооружен Крестовоздвиженский собор. В нем Крест находился до середины XIX в., когда из-за угрозы нападения англичан его на время вывезли из обители. При транспортировке мощи были частично утрачены.

Осмысление Креста как уникального памятника русской духовной культуры началось уже тогда. Современники высоко ценили и почитали главную святыню Кийского монастыря, содержащую частицы мощей вселенских святых и русских подвижников. В последней четверти XVII в. была создана живописная композиция «Поклонение Кийскому Кресту», ставшая иконографическим изводом, получившим широкое распространение в России [6, 7].

В дореволюционной литературе при характеристике святыни особое внимание уделялось перечню частиц мощей святых, вложенных в крестное древо. Благодаря этому мы можем судить о несохранившихся деталях: ковчежцах на вертикальной оси Креста, нескольких иконках с гравированными изображениями, а также пластинах с надписями над звездами-мощевиками [8. С. 5–7].

После закрытия Кийского монастыря в 1920-х гг. Крест-реликварий был перевезен на Соловки и хранился в антирелигиозном музее Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения, располагавшемся в Благовещенской церкви. В Онежском монастыре осталась копия Животворящего Креста Господня, которая, как и подлинник, после закрытия обители сменила не одно место нахождения, пока в 2010 г. не обрела постоянное пребывание в возрожденном Свято-Троицком соборе города Онега. Когда в 1930-х гг. музей на Соловках закрыли, Крест перевезли в Москву, в филиал Государственного исторического музея в Новодевичьем монастыре. Здесь святыня никогда не выставлялась и находилась в запасниках до 1991 г., когда была передана в Московскую церковь прп. Сергия Радонежского в Крапивниках и установлена перед иконостасом в северной части храма. Освящение главного придела храма было совершено Патриархом Алексием II 30 августа 1991 г., в день памяти Святейшего Патриарха Никона, спустя 310 лет со дня его кончины. С тех пор начался новый этап изучения Кийского креста.

М.В. Осипенко (в монашестве – Никона) подготовила церковно-историческое издание о Кийском кресте, включившее определение богослужебных текстов, находившихся в виде надписей на первоначальном деревянном киоте Креста и на изображениях предстоящих, которые не сохранились, но известны по иконам «Поклонение Кийскому Кресту» и письменным источникам. Был составлен сопровождающий новую схему Креста перечень реликвий – с указаниями утрат и с расширенной идентификацией 94 святых, представленных на серебряных образках [9].

В исследованиях о строительной деятельности Патриарха Никона и архитектурных особенностях Крестного монастыря Кийский мощевик рассматривался как семантическая часть зодческого творчества Патриарха Никона, имеющая образно-символическую связь с историческим Вселенским православием и образами Горнего Иерусалима [10–12].

В 2000-х гг. изучение Креста продолжили искусствоведы. С.В. Гнутова и К.А. Щедрина издали научное описание святыни, показав ее значение в преображении сакрального пространства Кий-острова [13–15]. Г.М. Зеленская проследила связь лицевых изображений Креста с образом годовой Минеи и с интерпретацией Воскресенского собора в Новом Иерусалиме как храма Всех Святых с приделами по числу дней в году. Сопоставление святынь Кийского креста с перечнем частиц мощей и паломнических евлогий, хранившихся в Воскресенском монастыре согласно Описи 1679 г. (ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 36–37 об.), позволило исследо-

вателю сделать вывод об идентичности большинства из них [16. С. 39–44].

В середине 2010-х гг. внимание к святыне вновь привлекли сотрудники церкви прп. Сергия в Крапивниках, включив в орбиту своих исследований ее историю и реликвии (http://krapivniki.ru/relics/holy-cross). К этому времени Крест был перемещен в центр храма и водружен на символическую Голгофу из камней, привезенных с особо чтимых святых мест России. Историю Кийского реликвария и научные исследования о нем обобщила статья Т.М. Кольцовой [17. С. 424–428]. Кроме того, исследователь перечислила ряд исторических источников о Кийском кресте и рукописных материалов, где есть перечень мощей, – в частности, описи Крестного монастыря XVII–XIX вв. из центральных и областных архивов, привлекавшие исследователей только как документы, а потому недостаточно изученные с точки зрения их сведений о святынях.

В работах о Кийском кресте последнего десятилетия особняком стоят филологические исследования С.К. Севастьяновой, в которых вводятся в научный оборот и исследуются нарративные материалы о святыне Крестного монастыря. Ее первая статья посвящена источникам Грамоты Патриарха Никона и особенностям их введения в текстовое и содержательное пространство окружного послания [18].

Тексты служб Кресту и святоотеческих поучений на праздники Животворящего Креста Господня обнаружили сходство с фрагментами из сочинений святых отцов, изданных московской, киевской и «литовской» печатью. Благодаря авторитетным христианским источникам Грамота о Крестном монастыре получила признание и в старообрядческой среде, где, как известно по рукописи первой четверти XVIII в., из окружного послания Патриарха Никона были сделаны выписки о Кресте и его свойствах. Этот новонайденный текст изучен и введен в научный оборот в специальной статье [19]. По заключению С.К. Севастьяновой, святоотеческие тексты объединяли в сакральном поле Грамоты непримиримых полемистов по обрядово-догматическим вопросам и доказывали святость Кийского креста, символическая близость к первообразу которого сделала его одной из самых почитаемых святынь православия.

Большой интерес представляют впервые опубликованные С.К. Севастьяновой тексты Сказаний о Кийском Кресте по спискам конца XVII – середины XVIII в. [20] и отмеченная Г.М. Зеленской в надписях на иконах и первоначальном киоте Креста такая художественная особенность, как спорадическая рифма [21].

Широкий тематический диапазон в истории создания и бытования Кийского креста доказывает актуальность искусствоведческих и исторических, историко-церковных и филологических исследований связанных со святыней источников, а также необходимость продолжения работы с уже введенными в научный оборот материалами. Однако каждая из перечисленных работ рассматривает «свой» узкий аспект в истории создания, бытования и почитания Кийской святыни и не дает цельного представления о ней как памятнике русской церковной культуры, в наиболее ярком и зримом образе воплотившем идею Патриарха Никона о насаждении святынь мирового православия внутри страны. На наш взгляд, назрела необходимость комплексного изучения Кийского мощевика, результатом которого должно стать глубокое и всестороннее осмысление духовных значений реликвии в контексте православной культуры в целом и церковно-реформаторской деятельности Патриарха Никона в частности.

Предлагаемые подходы и направления в изучении Кийского креста. В настоящее время целесообразно обозначить перспективы дальнейшего изучения Кийского креста. Они видятся, прежде всего, в необходимости выявления и исследования всех нарративных материалов, содержащих упоминания о Кресте и вложенных в него святынях. Определение источников Грамоты, Сказаний и надписей Креста по изданиям времени Патриарха Никона, анализ художественных особенностей этих памятников следует продолжить. Кроме того, необходимо обратиться к корпусу рукописных материалов, где есть перечень мощей, вложенных в Крест, и опубликовать их хотя бы в электронном виде. Это относится и к Описи Крестного монастыря 1825 г. [22], которую желательно переиздать с необходимыми исправлениями. Все вновь вводимые в научный оборот нарративы должны быть снабжены реальным комментарием.

Следующий важный аспект исследования Кийского креста связан со всесторонним осмыслением святыни в контексте иконического творчества Патриарха Никона. По словам протоиерея Льва Лебедева, строительство Крестного монастыря было звеном единой цепи в замысле Первосвятителя о создании на русской земле образа Царствия Небесного [23. С. 156–157]. Последние исследования свидетельствуют, что во всех патриарших монастырях – Иверском на Валдае, Крестном на Кий-острове и Воскресенском Ново-Иерусалимском под Москвой – это достигалось синтезом святынь и паломнических евлогий с ландшафтными, архитектурными, изобразительными и вербальными образами Святой земли, Константинополя, Афона и Древней Руси [24]. Подобная интеграция присуща и Кийскому кресту – полисемантичной пространственной иконе, отражающей единство Церкви земной и Церкви Небесной. Изучение смысловых граней этого уникального богословско-художественного произведения требует досконального знания древнерусских письменных источников, содержащих сведения о святых и святынях, с ними связанных.

Первая попытка работы с нарративными материалами по выявлению информации о наличии в царских и патриарших ризницах частиц мощей святых и путях их приобретения, а также соотнесения полученных сведений с содержанием Кийского креста предпринята С.К. Севастьяновой в обширной публикации на данную тему [25]. Хронологически материал был ограничен концом XV в., однако работа продолжается с включением в нее не только литературных, но и архивных документов.

Особенности состава реликвий и порядка размещения частиц мощей, характерные для текстов Сказаний, актуализируют проблему идентификации святых. Сказания сохранились в двух вариантах – «О мощах» и «О Кресте». Оба содержат перечень святынь, не совпадающих количественно: в одном частиц 94, в другом – 93. В современном описании Креста на сайте храма прп. Сергия Радонежского их 101 (4 иконки утрачены). В списках Сказаний при перечислении святынь есть особенности. В тексте «О мощах» их последовательность совпадает в двух списках, а в третьем св. Алексий, человек Божий, назван дважды; в других копиях на втором месте значится «часть святаго Алексея митрополита Московскаго». Еще одна черта – именования святых по месту их служения, что не всегда совпадает по спискам. Так, свт. Василий Великий иногда назван Кесарийским без уточнения: Каппадокийский, а свт. Спиридон – Амафусийским, а не Тримифунтским, что неверно.

Списки Сказания «О Кресте» различаются в порядке перечисления святых, что можно объяснить направлениями «считывания» их с иконок. В сравнении друг с другом перечни имеют утраты и замены. Так, в одном списке нет вмч. Меркурия Кесарийского, сщмч. Киприана, еп. Карфагенского, прп. Пимена Великого и прав. Иакова Боровичского, зато есть четыре имени, отсутствующие в других рукописях Сказаний «О мощах» и «О Кресте». Это свщмч. Антипа, еп. Пергамский («Пергамасийский»); сщмч. Анфим Никомидийский, еп.; апостолы от семидесяти – евангелист Лука и Тимофей, еп. Ефесский. В повествовании «О Кресте» нет вмч. Георгия Победоносца и мч., бесср. Кира Александрийского, однако добавлено имя прп. «отца Сидора» – видимо, прп. Исидора Пелусиотского, отсутствующее в списках Сказания «О мощах».

Очевидно, что не только для уточнения количественного состава святынь Кийского креста, но и для идентификации одноименных святых необходимо привлекать агиографические материалы и богослужебные тексты, а также документальные свидетельства о реликвиях в царской и патриаршей ризницах – важных источниках для истории происхождения святынь Кийского креста. Надежным свидетельством являются надписи на реликвариях Московского Кремля, четко обозначающие чин святости того или иного угодника Божия.

Детальное изучение иконографии образков и перечня частиц мощей в Кийском кресте уже внесло ряд изменений в их идентификацию. Так, в схеме реликвария на сайте храма прп. Сергия Радонежского в Крапивниках указана под № 97 утраченная иконка, которой в списке соответствует надпись «Святая благоверная великая княгиня – инокиня Анна Кашинская», а в списке, помещенном в самой церкви, – «Св. Анна». Поскольку образок отсутствует, мы обратились к изобразительным аналогам и письменным источникам.

Сказания «О Кресте» в сборниках конца XVII и начала XVIII в., а также Опись Крестного монастыря 1825 г. [22. С. 96] называют в перечне мощей «Часть святыя Анны». Однако в Сказании «О мощах» середины XVIII в. значится «Часть святыя Анны, матере пресвятыя Богородицы» [20. С. 59]. Эта конкретизация заслуживает доверия. В Благовещенском соборе Московского Кремля хранится с начала XVII в. [26. С. 21] изготовленная в 1603 г. серебряная вызолоченная рака-мощевик с чеканным изображением на верхней доске образов св. Анны, матери Пресвятой Богородицы, и вмч. Варвары [27. С. 311–313. Кат. № 111]. В Кийском реликварии тоже находится частица мощей вмч. Варвары. Вероятно, обе святыни происходят из «царского храма».

Еще одна спорная идентификация обусловлена прочтением подписи «агӣ$_{w}^{c}$ е҃в҃ферї епїскӯ^{п}» на иконке святого, обозначенного на схеме под № 20 как «Священномученик Еферий, епископ Херсонесский». Учитывая все надстрочные знаки, мы склонны считать, что имя святого здесь должно быть прочитано как Елевферий. Кроме того, списки Сказаний о Кийском Кресте называют на данном месте «часть святаго епископа Елевфериа» [20. С. 56, 58, 60]. Елевферий Иллирийский, Римский (память 15 декабря по ст. ст. здесь и далее), изображен в изводе, имеющем аналоги в восточно-христианском и русском искусстве XII–XVII вв. Житие сщмч Елевферия входит в Великие Минеи- Четьи митр. Макария [28. Декабрь. Стб. 1004–1005]. Частица мощей святителя происходит, по-видимому, из раки 1603–1604 гг. Благовещенского собора Кремля, в которой хранятся также мощи свт. Иоанна Милостивого и прп. Феодосии девы [29. С. 278], чьи частицы тоже вложены в Кийский крест.

Более сложную проблему представляет идентификация одноименных угодников Божиих, поминаемых Церковью в разные дни. Так, св. Анастасий, чьи мощи значатся во всех письменных источниках о Кийском кресте как «часть святаго мученика Анастасиа», назван в списке церкви прп. Сергия в Крапивниках (№ 9) мч. Анастасием Аквилейским, Салонским († ок. 304), память которого совершается 25 октября.

Обратимся к агиографии и иконографии. Мученик Анастасий Аквилейский родился в городе Аквилее в северной Италии. О его земном пути известно мало. Краткое сказание о святом, бытовавшее в стишном Прологе и вошедшее в Великие Минеи-Четьи митр. Макария [28. Октябрь. Стб. 1870], а также в первый русский печатный Пролог [30. Л. 247–247 об.], рассказывают о том, что во время гонений на христиан в царствование Диоклетиана (284–305) он не пожелал скрыть свою веру, был за это усечен мечом и брошен в море. На фреске 1547 г. в афонском монастыре Дионисиат изображена казнь св. мученика: в руках палача голова Анастасия-средовека с небольшой округлой раздвоенной бородой, а на теле казненного одежда, выдающая в нем человека небедного. На мозаике в церкви св. Венанция в Латеранском дворце мч. Анастасий изображен в одежде зажиточного горожанина [31]. Его имя, упоминаемое в западных и восточных месяцесловах [32. С. 283], в русских календарных изданиях 1640–1650 гг. отсутствует.

Надпись на Кийской иконке «м҃^{ч}къ а҃н^{с}та||сиѩ» не дает оснований для изменения существующей иденти-

фикации, однако в ней заставляет усомниться изображение святого, где он представлен молодым человеком с едва намеченной бородой и крупными завитками волос, увенчанными высокой округлой фригийской шапочкой, близкой по форме к головному убору вмч. Иакова Перского на иконке того же реликвария. В правой руке мч. Анастасий держит перед грудью крест, левая рука, как и у вмч. Иакова, опущена к широкому поясу хитона, где у воинов крепился меч. Указанные особенности иконографии позволяют предположить, что образок изображает прмч. Анастасия Персянина († 628). Почитание этого святого на Руси известно с конца XI в. [33. С. 249], его имя Месяцесловы 1658 г. упоминают в день памяти 22 января [34. С. 381–382; 35. С. 26 втор. сч.]. Краткие жития святого, взятые из стишного и нестишного Прологов, помещены в Четьях-Минеях митр. Макария (ГИМ. Синодальное собр., № 990. ВМЧ. Январь. Л. 1532 об.). В них повествуется история перса Магудата, воина и мага, который силою Креста Господня, увезенного в Персию после завоевания Иерусалима шаханшахом Хосровом II, уверовал во Христа. Приняв крещение и монашеский постриг на Святой земле, Афанасий странствовал и, «видев волхвы», обличал их, за что по приговору Хосрова подвергся мучениям и был казнен.

Нуждаются в идентификации и другие святыни Кийского креста, например иконка с надписью «преп҃обны҃ никита ı//спо||ве҃нꙑ҃». Изображенный святой определен в списке церкви в Крапивниках как исповедник Константинопольский († 838, память 13 октября). Есть, однако, основания полагать, что частица мощей и серебряный образок относятся к прп. Никите, игумену, исповеднику Мидийскому († 824, память 3 апреля). Наша работа в этом направлении продолжается.

Для Патриарха Никона процесс распространения по землям центральной и северной России восточнохристианских реликвий, сосредоточенных в Московском Кремле, был частью не только архипастырской проповеди, но и церковных реформ. Вместе с частицами мощей насаждались знания об угодниках Божиих, молитвенное поклонение святому обретало значение личного, контактного общения с ним. Валдай, Кий-остров и Русская Палестина под Москвой, так же как и древние духовные центры Руси, близ которых они были основаны, становились частью сакрального пространства Вселенского православия, знаменуя свое духовное единство со Святой землей и Святым Афоном.

Заслуживает внимания вопрос о путях, которыми святыни попадали к Патриарху Никону. Данная проблема тесно связана с осмыслением Первосвятителем процесса распределения мощей, евлогий и других реликвий по территории Московского царства. Современники Первопрестольника часто одаривали его священными предметами, происходившими из личных и семейных собраний. Это совершалось во время освящения храмов и часовен, патриарших «новосельных столов», церковных праздников и молебнов в соборных храмах благочиний, когда духовенство подносило Патриарху в числе разнообразных святынь и частицы мощей угодников Божиих, особо почитаемых в их церковных округах.

История формирования Патриархом Никоном собрания мощей и других реликвий совершенно не изучена. Между тем она многозначна и динамична. Ранее отмечалось, что в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима при Патриархе Никоне хранилось множество частиц мощей святых, в том числе местночтимых, например прп. Ефрема Новоторжского, общецерковное празднование памяти которому, установленное Патриархом Филаретом в 1621 г., было отменено вскоре после смерти Первосвятителя [36]. Местное почитание преподобного сохранялось, распространившись с середины XVII в. на монастыри Патриарха Никона в связи с припиской Рождественского монастыря в Торжке к Иверскому монастырю на Валдае [37. Стб. 152].

Хорошо известны пути «хождения» частиц мощей другого местночтимого святого – прав. Иакова Боровичского. В 1657 г. Патриарх Никон перенес его честные останки в Иверский монастырь на Валдае из Свято-Духовой обители в Боровичах, где с 1572 г. совершалось полиелейное празднование в честь святого. Годом раньше частица мощей прав. Иакова была вложена в Кийский крест, причем частицы мощей святого оставались и в Свято-Духовом монастыре. В первой половине 1660-х гг. они находились в раке, установленной в деревянной надвратной церкви прав. Иакова Боровичского Ново-Духова монастыря, основанного Патриархом Никоном близ Свято-Духовой обители [38. С. 108–115].

При изучении истории собирания Святейшим Никоном частиц мощей встает вопрос о его почитании святых, представленных в Кийском кресте. Исследование данной темы связано с привлечением широкого круга письменных источников, в которых необходимо выявить: 1) святыни, вложенные Первосвятителем в основанные им монастыри; 2) престолы, освященные в построенных Патриархом храмах во имя святых, представленных в Кийском реликварии; 3) примеры соотнесения Никоном событий своей биографии с житиями святых, частицы мощей которых находятся в крестном древе. В таких случаях выявляются типологические параллели. Одной из них «святитель Филипп, митрополит Московский – Патриарх Никон» мы посвятили ряд статей [39, 40].

Накопленный теоретический опыт позволяет заключить, что программа распространения частиц мощей святых, зафиксированных письменными источниками в престолах и антиминсах, напрестольных, наперсных и воздвизальных крестах, иконах и ковчежцах, панагиях и раках разной величины, реализовывалась Патриархом Никоном как одно из важнейших архипастырских деяний.

Детального исследования требуют резные надписи на иконках Кийского креста. Как и сами изображения святых, они совершенно не изучены. Речь идет, во-первых, о почерках, которыми выполнены надписи: судя по характеру начертания одних и тех же букв на разных образках, их несколько.

Так, буква «Н» воспроизводится как кирилли-ческая и как латинская «N», в одинаковых словах используется восьмеричная и десятеричная буква «И», а в ряде слов наблюдается смешение букв «фита» (в кириллице овал, пересеченный чертой с опущенными концами) и «ферт» («Ф»). Существуют особенности сокращений, принятых при обозначении ликов святости и имен святых: в одних и тех же словах под титлами разные выносные буквы. Например, слово «мученик» под титлом имеет не менее пяти вариантов: «м^{н}», «м^{N}къ», «м^{ч}къ», «мк», «м^{ч}кь», причем третий извод варьируется таким образом, что выносная «ч» пишется в верхней строке либо над «м», либо над «к», либо между ними. Слово «преподобный» также воспроизводится в не менее чем пяти вариантах: в верхнем левом углу иконки – как одиночная буква «п» в круге или сокращение «прп» как растянутое на всю строку слово – «пре^{д}побный», и как написанное с обеих сторон лика – «пр^{до}пб||ныи», «прп^{до}б||ныи».

Предварительные наблюдения обнаружили в надписях на серебряных пластинах греческие и русские варианты слов. Анализ почерка и характер лексических воспроизведений позволит, несомненно, выявить ряд мастеров-резчиков и детально описать характер их работы. Отметим, что она носит следы спешки, результаты которой заметны в исполнении и содержании гравированных текстов. Так, иконка сщмч. Евпла, архидиакона Катанского (Сицилийского) имеет подпись без указания чина святости: «еу^{п}л̃ъ || дьѧ//ко^{н}»; имя на образке прп. Георгия Хозевита читается как «е̋wрги хозо//вӣія». На многих образках фрагменты надписи пересекают края нимба святого, а в изображении того же прп. Георгия и прп. Феодора Сикеота буква «и» переходит на нимб целиком. Вероятно, оформление Креста следовало завершить к 1 августа 1656 г., и значение этой даты требует всестороннего осмысления.

Филологическое направление исследований неразрывно связано с изучением иконографии Кийского креста и каждого из его образков. Статья Г.М. Зеленской об иеротопии Кийского реликвария [41] рассматривает храмовую икону Ставроса как образ Собора Всех Святых, где изображения и частицы мощей угодников Божиих расположены по чинам святости. Предлагается новый порядок перечня реликвий: не слева направо, как в Сказаниях, а лучеобразно, от иерархического центра, где находился ковчежец с частями Животворящего Креста, Крови и Ризы Господней, Млека Пресвятой Богородицы, крови св. Иоанна Предтечи и св. ап. Павла, к концам крестного древа. Центрическая композиция оформления Креста символична. Крестное древо, соответствуя положению Распятия на Голгофе, ориентировано по сторонам света, и размещение евлогий Святой земли обусловлено топографией мест, откуда они происходят. Так, части Гроба Господня и Гроба Пресвятой Богородицы помещены на вертикальной оси Креста, знаменующей Иерусалим и Елеон. Вифлеем находится к югу от Святого града, а Сорокадневная гора – к северу от него. Соответственно, камень из Вертепа Рождества Христова врезан в южный конец центральной перекладины, а камень от пещеры, где Христос молился 40 дней, – в северный. Эти и другие реликвии предстают в Кресте иконотопосами Святой земли, позволяя приравнивать поклонение им к паломничеству в Палестину.

В статье затронута тема первообразов Кийского реликвария, в числе которых – воздвизальный Крест прп. Евфросинии Полоцкой XII в. и Киликийский крест первой половины XVI в. из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Выявление аналогов следует продолжить.

В «смысловом партесе» оформления и надписей Креста выделены церковно-исторические и эсхатологические мотивы, поставлен вопрос о необходимости учитывать уставные особенности богослужения в праздник Воздвижения Креста Господня в соборных храмах Крестного и Воскресенского монастырей. Добавим к этому задачу осмысления агиотопонимики престолов Ставроса, именовавшегося Патриархом Никоном «домом Всемилостивого Спаса, Честнаго и Животворящаго Креста Господня» [8. С. 116]. Посвящение престолов Кийской обители и семантика ее главной святыни во многом обусловлены текстами богослужения 1 августа, когда совершаются праздники «Всемилостивого Христа и Пречистей Его Матери» (ГИМ. Синодальное собр., № 997. ВМЧ. Август. Л. 7) и «Происхождения честных древ Честнаго и Животворящаго Креста» [34. С. 487 втор. сч.] с чином освящения воды, при котором упоминаются имена угодников Божиих всех чинов святости. Гимнография дня совмещает темы поклонения Кресту, ликования Церкви Небесной и молитвенных прошений ко Господу «освятить, возвысить, возвеличить и утвердить» Церковь земную [42. Л. 1–45]. Исторический аспект богослужения имеет русско-византийские корни, связанные с установлением праздника Всемилостивому Спасу в XII в. Изучение Кийского реликвария в этом контексте предполагает синтезированное исследование всех его составляющих, включая внешнее оформление: от резьбы, живописи и надписей деревянного киота до интерпретации символики камня, на котором Крест был водружен первоначально [8. С. 117].

В свете вышесказанного очевидна необходимость создания каталога изображений и реликвий Креста, осмысляющего святыню как часть иконического творчества Патриарха Никона. Структура каталога предполагает комплексный подход к решению данных задач, требующих сотрудничества историков, искусствоведов, филологов, реставраторов. Предстоит детальное, с обмерами, исследование всех элементов оформления Креста и тщательный анализ следов утрат в виде трещин, потертостей, отверстий от гвоздей и т.д. Итогом натурной работы должны стать обмерные чертежи и технические описания святыни, которые фиксируют ее современное состояние, отмечают результаты чинок и предлагают варианты графической реконструкции первоначального вида. Подобные исследования сопровождаются обычно исторической справкой, использующей все доступные для изучения источники. Продолжение идентификации святых, изображенных на образках Креста, потребует в соответствии со структурой каталога де-

тального изучения их иконографии, поиска аналогов разного времени в иконописи, миниатюре, монументальной живописи, гравировке по металлу и резьбе по дереву, привлечения житийной литературы и богослужебных текстов, использования древнерусских месяцесловов, миней, прологов, синаксарей.

Отдельная строка каталожных данных – сведения о принесении в Россию частиц мощей определенного святого или евлогии, а также примеры их нахождения в разных духовных центрах православного мира, в том числе: 1) на Святой земле, в монастырях Афона и на Балканах; 2) в Успенском и Благовещенском соборах, Теремном дворце, Образной палате и Патриаршей ризнице Московского Кремля; 3) в приходских церквах, монастырях и архиерейских домах Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Твери и других городов Руси.

Органичная для каталога, но выходящая за его рамки тема, – аналоги Кийского креста, создатели которых вдохновлялись образом северной святыни. Известно, например, что «7200 (1692) іюля въ 16 день, будучи в Сійском монастырѣ Патріаршій казначей старецъ Паисей далъ въ тотъ Сійскій монастырь животворящій крестъ четвероконечный, въ коемъ Господа нашего Іисуса Христа кровь и власы, и риза, честное и святое древо, и много мощей разныхъ святыхъ, при подризничемъ Патріарша дому іеродіаконѣ Іоакинфѣ» [43. С. 113]. Речь идет о старце Паисии Сийском, постриженике Антониевой обители, который с 1676 по 1693 г. нес в Москве послушание патриаршего казначея. Он, вероятно, не только знал, но и особо почитал Кийский крест, где находилась частица мощей с иконкой вмч. Прокопия Кесарийского (Палестинского), тезоименитого святого о. Паисия в миру[3]. В перечне святынь Сийского Креста значатся части Крови и Ризы Христовой – редкие реликвии, полученные из Патриаршей ризницы, о чем свидетельствует упоминание иеродиакона Иоакинфа. Этот ризничий известен по документам «касательно взятия в Москву» святынь из Нового Иерусалима в 1672 г. Он приехал в Воскресенский монастырь по указу Патриарха Питирима и, «пересмотря по переписным книгам» святые мощи, которые «в ризнице были в раковинной шкатуле», повез их «в той же шкатуле» в столицу. Роспись реликвий упоминает прежде всего «кровь и риза Христа Бога нашего въ ковчежцѣ серебряномъ» [45. С. 710]. Вполне вероятно, что старцем Паисием были вложены в Сийский крест именно эти реликвии, собранные Патриархом Никоном для Кийского креста и тогда же разделенные, как и частицы мощей, между патриаршими монастырями. Данная гипотеза заслуживает внимания в связи с темой взаимообогащения православной культуры движением от центра к периферии и в обратном направлении. Путь от столицы на Русский Север, по которому распространялись святыни мирового православия, был проложен Никоном при создании патриарших монастырей и прошел через многие обители Руси. Достаточно назвать Сийский иконописный подлинник, который, соединяя традиции и новаторство, служит ярким образцом движения высокого искусства от северных окраин России в Москву и обратно, к Белому морю, что целенаправленно как важнейшую часть церковной реформы осуществлял Патриарх Никон.

Завершая обзор проблематики изучения Кийского креста, следует сказать о необходимости интерпретации разночтений в сведениях о числе частиц святых мощей, вложенных в реликварий. Существуют две версии XVII в.: «до треюсту» [3. С. 29; 20. С. 59] и «не менее двоюсот» [46. С. 145]. Издания начала XX в. сообщали, что на лицевой стороне Креста находятся 95 (или 97) «частей мощей Святых Угодников Божьих, на задней стороне без наименования более трехсот» [47. С. 53].

Вопрос о наличии мощей на оборотной стороне Креста можно решить с помощью реставрационно-исследовательских технологий. Вопрос о количественных версиях более сложен и требует культурологического осмысления.

В специальном анализе нуждаются и литературные источники, связанные с Кийской святыней. Имеется в виду виршевая поэзия XVII в. на тему Креста Господня, один из авторов которой, подьячий приказа Большого дворца Алексей Онуфриев, давно привлекает внимание филологов [48]. Даже беглого знакомства с творчеством этого поэта достаточно, чтобы согласиться с выводами о смысловых связях его стихов с письменными источниками о Кийском кресте и заметить влияние на их изобразительные образы храмового убранства Крестовоздвиженского собора. Вместе с тем представляется недостаточно убедительной публикация в числе стихов Онуфриева «Молитвы Честному и Животворящему Кресту» из Сказания о Кийском Кресте [49. С. 268–274]. Все это побуждает внести тему виршевой поэзии в круг перспективных вопросов изучения литературных аспектов главной святыни Ставроса. Речь идет о надписях на иконах предстоящих и на первоначальном деревянном киоте Креста. Эти тексты написаны от первого лица, без размера, но с рифмой, образующей звуковую и смысловую ритмику строфы. Например: «Радуйся, древо **треблаженное**, на краниеве месте **насажденное**. Радуйся, всего мира **обновителю**, адова же царствия **потребителю.** Тебе, яко одушевленну, о Кресте, песнь **припеваю**, колени со главою души и тела **прекланяю**. Спаси мя, Кресте святый, тебе **припадающа**, верою и любовию тя **облобызающа**…» (выделено полужирным шрифтом нами. – *С.С., Г.З.*). Для цитируемой молитвы характерно наличие рифм, сохраняющих украинское произношение буквы «ять» [48. С. 373], что свидетельствует о малороссийском происхождении автора, между тем как Алексей Онуфриев был, очевидно, москвич [50].

«Музыкальность» и заметная ритмика – свойства многих молитвословий. Рифмованные надписи встречаются в самых разных памятниках, например на свитках пророков Даниила и Моисея из иконостаса Успенского собора Московского Кремля, созданного в 1653 г. под руководством Первосвятителя Никона [51. С. 154 (№ 40), 156 (№ 41)]. Спорадическая рифма слышится у анзерского монаха Макария, возродившего на рубеже XVII–XVIII вв. память о прп. Елеазаре, устроителе Троицкой Анзерской пустыни, учителе будущего

Патриарха Никона и на основе документальных и легендарных источников реконструировавшего во Вкладной книге скита его историю [52]. Рифмованные строки отличают произведение неизвестного автора, написанное от имени Патриарха Никона в конце XVII в. и в одном из списков завершившее полемический труд Первосвятителя «Возражение, или Разорение» ответы Газского митрополита Паисия Лигарида на вопросы боярина Симеона Стрешнева [53].

Предстоит выявить особенности авторской, Никоновой, мелодики, сравнив приемы ритмизации речи Патриарха с другими его сочинениями, имеющими схожие черты, а затем рассмотреть все эти тексты в ряду уникальных памятников русской письменной культуры.

Выводы. Кийский крест, изготовленный по заказу Патриарха Никона в 1656 г., является символом единства Вселенского православия. Богословско-художественная программа этой святыни не имеет аналогов в византийском, западном и русском искусстве [17. С. 425]. Раскрыть заложенные в ней пласты смыслов невозможно методами одного научного направления. Филологические и историко-церковные, источниковые и искусствоведческие, богословско-художественные и культурологические направления исследования Кийского реликвария тесно переплетаются с иеротопическими и лингвистическими подходами к его изучению. Обозначенные нами проблемы филологического исследования святыни связаны с особенностями иконографии Креста, установлением его богословско-художественной значимости, реконструкцией истории бытования и почитания.

Перечислим задачи, решение которых позволить всесторонне и комплексно изучить этот уникальный памятник русского православия:

1. Максимально полное выявление источников, содержащих описания Креста и вложенных в него святынь. Издание всех нарративов по первоисточникам и с реальным комментарием.

2. Составление сводного каталога изображений и реликвий Креста, что позволит рассмотреть Кийский мощевик в системе иконического творчества Патриарха Никона и в контексте древнерусских письменных источников.

3. Идентификация святых, частицы мощей которых вложены в крестное древо, которая расширит наши представления о значении Кийского реликвария в христианской культуре и мировом православии.

4. Определение источников святынь Креста-мощевика, что позволит реконструировать патриаршую программу распространения по Центральной и северной России восточно-христианских реликвий в контексте церковных реформ.

Комплексный подход позволяет осмыслить не только сам объект изучения – Кийский крест – всесторонне и в единстве заложенных в нем смыслов, но и отдельные задачи как неотъемлемые части целого. Перспективные направления исследования памятника видятся нам в последовательной реализации поставленных вопросов, ответы на которые позволят дать объективную оценку замыслам Патриарха Никона о России и Русской православной церкви, раскрыть новые грани его реформаторской деятельности, восполнить отдельные пробелы в биографии Первосвятителя.

Предлагаемый нами комплексный подход к изучению уникального реликвария соответствует синтезу иконографии, символики и семантики в иеротопическом и зодческом творчестве Святейшего Никона. Патриарх видел Россию органичной и значимой частью Вселенского православия и с поразительной духовной глубиной реализовал свои воззрения в Кийском кресте – великой святыне христианского мира.

Список сокращений

АЕВ – «Архангельские епархиальные ведомости»; АИ – «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею»; АН – «Архитектурное наследство»; ВМЧ – «Великие Минеи Четии»; ГБУК МО – Государственное бюджетное учреждение культуры Московской области; ГИМ – Государственный исторический музей (Москва); ПА – «Ползуновский альманах»; ПЭ – «Православная энциклопедия»; ТОДРЛ – «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург); СККДР – «Словарь книжников и книжности Древней Руси»; ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории древней Руси».

Примечания

[1] Цитаты из изданий XVII–XIX вв. воспроизводятся в орфографии оригиналов.

[2] Здесь и в дальнейшем приняты традиционные сокращения ликов святости, степеней священства и административной иерархии священнослужителей.

[3] В «Истории о преподобном игумене Феодосии», написанной архим. Сийского монастыря Никодимом в 1690-х гг., о старце Паисии сказано, что он «рождение свое праздновал на память великомученика Прокопия» [44. С. 264].

Список источников

1. Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора. М. : Синодальная тип., 1908. 368 с.
2. Никон, патр. Грамота о Крестном монастыре. М. : Печатный двор, [после 24.06.1656]. 44 л.
3. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным / предисл. А. Л-ъ. М. : Изд. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого мон-ря, 1871. VIII, 119 с.
4. АИ. СПб. : В Тип. II-го Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1842. Т. 4. 566+8+15 с.
5. Лаврентий (Далматов), архим. Краткое известие о Крестном Онежской Архангельской епархии монастыре. М. : В Синодальной тип., 1805. 34 с.
6. Постернак О.П. Иконография Кийского Креста и его повторения XVIII века // Оригинал и повторение в живописи. Экспертиза художественных произведений. М. : ВХНРЦ, 1988. С. 47–60.
7. Кольцова Т.М. «Крестовый образ» Кийского Крестного монастыря // Научно-исследовательская работа в художественном музее. Архангельск, 1998. Вып. 1. С. 14–32.
8. Историческое описание Крестного второклассного монастыря Онежского уезда Архангельской губернии // АЕВ. 1890. № 8. Часть неофиц. С. 105–124.

9. Осипенко М.В. Кийский Крест Патриарха Никона. М.: Подворье Патриарха Московского и Всея Руси – храм прп. Сергия Радонежского в Крапивниках, 2004. 105 с.
10. Ильин М.А. Крестный монастырь на Кий-острове // АН. М., 1962. Вып. 14. С. 89–104.
11. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. М., 1969. Вып. 18. С. 30–44.
12. Кольцова Т.М. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVII–XIX вв. (по письменным источникам) // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск : Изд-во Поморск. Гос. ун-та, 1998. С. 266–292.
13. Гнутова С.В. Кийский Крест // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Гос. исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М. : ГИМ, 2002. С. 72–75.
14. Щедрина К.А. Некоторые историко-богословские аспекты монастырского строительства Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» : сб. науч. ст. М. : Северный паломник, 2002. С. 15–22.
15. Гнутова С.В., Щедрина К.А. Кийский Крест, Крестный монастырь и преображение сакрального пространства в эпоху Патриарха Никона // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и древней Руси. М. : Прогресс-традиция, 2006. С. 681–705.
16. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М. : Северный паломник, 2002. 440 с.
17. Кольцова Т.М. Кийский Крест // ПЭ. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2013. Т. 33. С. 424–428.
18. Севастьянова С.К. Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сборник. М. : Древлехранилище, 2005. Кн. 3. С. 336–403.
19. Севастьянова С.К. Выписки о Кресте и крестном знамении из Грамоты патриарха Никона о Крестном монастыре в старообрядческом сборнике из собрания Е.В. Барсова // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. С. 274–288.
20. Севастьянова С.К. Сказания о Кийском Кресте // ПА. 2017. Т. 1, ч. 2, № 4. С. 56–62.
21. Зеленская Г.М. Кийский Крест: перспективы изучения. URL: http://patriarh-nikon.ru/?p=250 (дата обращения: 01.04.2019).
22. «Опись второклассного Онежского Крестного монастыря…» 1825 г. // Кий-остров: История и современность : сб. материалов науч.-практ. конфер. Архангельск : Правда Севера, 2005. С. 96–144.
23. Лебедев Л., прот. Богословие русской земли как образа обетованной земли царства небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI–XVII веков) // Тысячелетие крещения Руси : материалы Междунар. церковно-ист. конф. Киев, 21–28 июля 1986 г. М. : Изд-е Моск. патриархии, 1988. Т. 2. С. 140–175.
24. Зеленская Г.М. Святые горы в монастырях Патриарха Никона // Иеротопия Святой горы в христианской культуре. М. : Феория, 2019. С. 351–381.
25. Севастьянова С.К. Сведения о мощах христианских святых в памятниках литературы Древней Руси XI–XV веков как основа для каталога святых мощей, бытовавших при патриархе Никоне // Каптеревские чтения–15. М. : Изд-е ИВИ РАН, 2016. С. 125–194.
26. Переписная книга Московского Благовещенского сбора XVII века по спискам: Архива Оружейной палаты и Донского монастыря // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М. : Унив. тип. (Катков и К), 1873. II. Материалы. С. 1–49.
27. Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. Каталог выставки. М. : Издательский дом Максима Светланова, 2003. 416 с.
28. ВМЧ, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. М. : Тип. Ф.Г. Елеонского и К, 1904. Октябрь. Дни 19–31. 330 с.; М. : Синодальная тип., 1904. Декабрь. Дни 6–17. 316 с.
29. Зайцев Д.В., Макаров Е.Е., Герасименко Н.В. Елевферий // ПЭ. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2008. Т. 18. С. 275–278.
30. Пролог, первая половина (сентябрь–февраль). М. : Печатный двор, 1642. 440 л.
31. Михайлов П.Б. Анастасий // ПЭ. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2000. Т. 2. С. 233.
32. Сергий, архим. Полный Месяцеслов Востока. Т. 2: Святой Восток. М. : Тип. Современных известий, 1876. 1063 с.
33. Грацианский М.В., Лосева О.В., Беспахотная Е.П., Луковникова Е.А. Анастасий Персиянин // ПЭ. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2000. Т. 2. С. 248–250.
34. Псалтирь с восследованием. М. : Печатный двор, 1658. 573 л.
35. Требник. М. : Печатный двор, 1658. 521 л.
36. Кузьмин А.В., Я.Э.З. Ефрем // ПЭ. М. : ЦНЦ «ПЭ», 2008. Т. 19. С. 41–45.
37. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом. Пб. : В Тип. М. Эттингера, 1878. 655 с.
38. Зеленская Г.М. Патриарх Никон – зодчий Святой Руси. М. : Православный паломник-М, 2011. 320 с.
39. Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Патриарх Никон и святитель Филипп, митрополит Московский: опыт комплексного исследования // Palaeoslavica. 2015. Vol. XXIII/2. P. 69–164.
40. Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Святитель Филипп и Патриарх Никон: типологические подобия // Эпоха Ивана Грозного и ее отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре : сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Владимир : ИПК «Транзит-ИКС», 2018. Т. 1. С. 123–148.
41. Зеленская Г.М. Иеротопия Кийского Креста // ПА. 2017. Т. 1, ч. 2, № 4. С. 68–91.
42. Минея служебная. Август. М. : Печатный двор, 1630. 527 л.
43. Макарий (Миролюбов), еп. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 3–122.
44. Рыжова Е.А. Литературное творчество книжников Антониево-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 218–264.
45. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М. : ОИДР при Моск. ун-те, 1876. 768 с.
46. Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность: ново-иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. 363 с.
47. Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. Кн. 1–4. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1909. 712 с.
48. Николаев С.И. Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1985. Т. 39. С. 371–378.
49. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М. : Советская Россия, 1989. 480 с.
50. Николаев С.И. Онуфриев Алексей Захарович // СККДР. Вып. 3. (XVII в.), ч. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. С. 420.
51. Осташенко Е.Я. Главный иконостас Успенского собора 1653 года // Успенский собор Московского Кремля. Иконостасы. Каталог. М. : Северный паломник, 2011. С. 55–219. Кат. № 1–70.
52. Севастьянова С.К. Анзерский монах Макарий – малоизвестный автор конца XVII – начала XVII – начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 204–213.
53. Севастьянова С.К. Новонайденное сочинение о патриархе Никоне // Культура, история и литература Русского мира: общенациональный и региональный аспекты : сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул : Изд-во АГУ, 2014. С. 335–380.

References

1. Golubtsov, A.P. (1908) *Chinovniki Moskovskogo Uspenskogo sobora* [Officials of the Moscow Assumption Cathedral]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.

2. Nikon, Patriarch. (1656) *Gramota o Krestnom monastyre* [Certificate of the Cross Monastery]. Moscow: Pechatnyy dvor.
3. Shusherin, I.K. (1871) *Izvestie o rozhdenii i vospitanii i o zhitii Svyateyshego Nikona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, napisannoe klirikom ego Ioannom Shusherinym* [The news of the birth and upbringing and life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia, written by his cleric Ioann Shusherin]. Moscow: Izd. Voskresenskogo, Novyy Ierusalim imenuemogo monastyrya.
4. *Akty istoricheskie*. (1842) 4.
5. Lavrentiy (Dalmatov), archimandrite. (1805) *Kratkoe izvestie o Krestnom Onezhskoy Arkhangel'skoy eparkhii monastyre* [Brief news about the Monastery of the Cross of the Onega Archangel Diocese]. Moscow: V Sinodal'noy tipografii.
6. Posternak, O.P. (1988) Ikonografiya Kiyskogo Kresta i ego povtoreniya XVIII veka [Iconography of the Cross of Kiy and its repetition of the 18th century]. In: Lomidze, I.E. (ed.) *Original i povtorenie v zhivopisi. Ekspertiza khudozhestvennykh proizvedeniy* [Original and Repetition in Painting. Examination of works of art]. Moscow: VKhNRTs. pp. 47–60.
7. Kol'tsova, T.M. (1998) "Krestovyy obraz" Kiyskogo Krestnogo monastyrya ["Cross Image" of the Cross of Kiy Monastery]. In: Galimova, E.Sh. (ed.) *Nauchno-issledovatel'skaya rabota v khudozhestvennom muzee* [Research Work in the Art Museum]. Vol. 1. Arkhangelsk: Pravda Severa. pp. 14–32.
8. Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti. (1890) Istoricheskoe opisanie Krestnogo vtoroklassnogo monastyrya Onezhskogo uezda Arkhangel'skoy gubernii [Historical description of the second-class Cross Monastery of Onega District of Arkhangelsk Province]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 8. pp. 105–124.
9. Osipenko, M.V. (2004) *Kiyskiy Krest Patriarkha Nikona* [Cross of Kiy of Patriarch Nikon]. Moscow: Podvor'e Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi – khram prp. Sergiya Radonezhskogo v Krapivnikakh.
10. Il'in, M.A. (1962) Krestnyy monastyr' na Kiy-ostrove [Holy Monastery on Kiy-island]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 14. pp. 89–104.
11. Alferova, G.V. (1969) K voprosu o stroitel'noy deyatel'nosti patriarkha Nikona [On the question of the construction activity of Patriarch Nikon]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 18. pp. 30–44.
12. Kol'tsova, T.M. (1998) Novye dannye o stroitel'noy istorii Krestnogo (Onezhskogo) monastyrya v XVII–XIX vv. (po pis'mennym istochnikam) [New data on the building history of the Cross (Onega) Monastery in the 17th–19th centuries (according to written sources)]. In: Popova, L.D. (ed.) *Pamyatniki arkhitektury Russkogo Severa* [Monuments of Architecture of the Russian North]. Arkhangelsk: Pomor University named after M. Lomonosov. pp. 266–292.
13. Gnutova, S.V. (2002) Kiyskiy Krest [The Cross of Kiy]. In: Yukhimenko, E.M. (ed.) *Patriarkh Nikon. Oblacheniya, lichnye veshchi, avtografy, vklady, portrety: iz sobraniy Gos. Istoricheskogo muzeya, muzeya-zapovednika "Moskovskiy Kreml'", muzeya "Novyy Ierusalim", Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika, muzeya-zapovednika "Kolomenskoe", Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Patriarch Nikon. Vestments, personal belongings, autographs, contributions, portraits: from the collections of the State Historical Museum, the Moscow Kremlin Museum-Reserve, the New Jerusalem Museum, the Kirillo-Belozersky Museum-Reserve, the Kolomenskoye Museum-Reserve, the Russian State Archive of Ancient Acts]. Moscow: State Historical Museum. pp. 72–75.
14. Shchedrina, K.A. (2002) Nekotorye istoriko-bogoslovskie aspekty monastyrskogo stroitel'stva Patriarkha Nikona [Some historical and theological aspects of the monastery construction of Patriarch Nikon]. In: *Nikonovskie chteniya v muzee "Novyy Ierusalim"* [Nikon Readings in the New Jerusalem Museum]. Moscow: Severnyy palomnik. pp. 15–22.
15. Gnutova, S.V. & Shchedrina, K.A. (2006) Kiyskiy Krest, Krestnyy monastyr' i preobrazhenie sakral'nogo prostranstva v epokhu Patriarkha Nikona [The Cross of Kiy, the Holy Monastery and the Transformation of the Sacred Space in the Era of Patriarch Nikon]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i drevney Rusi* [Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and ancient Russia]. Moscow: Progress-traditsiya. pp. 681–705.
16. Zelenskaya, G.M. (2002) *Svyatyni Novogo Ierusalima* [Shrines of the New Jerusalem]. Moscow: Severnyy palomnik.
17. Kol'tsova, T.M. (2013) Kiyskiy Krest [Cross of Kiy]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 33. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 424–428.
18. Sevast'yanova, S.K. (2005) Gramota patriarkha Nikona o Krestnom monastyre [Manuscript of Patriarch Nikon on the Monastery of the Cross]. In: Gnutova, S.V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 3. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 336–403.
19. Sevast'yanova, S.K. (2005) Vypiski o Kreste i krestnom znamenii iz Gramoty patriarkha Nikona o Krestnom monastyre v staroobryadcheskom sbornike iz sobraniya E.V. Barsova [Extracts on the Cross and the Sign of the Cross from Patriarch Nikon's Manuscript on the Monastery of the Cross in an Old Believer collection from the collection of E.V. Barsova]. In: *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv.* [Social Thought and Traditions of Russian Spiritual Culture in Historical and Literary Monuments of the 16th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 274–288.
20. Sevast'yanova, S.K. (2017) Skazaniya o Kiyskom Kreste [Tales of the Cross of Kiy]. *Polzunovskiy al'manakh*. 4 (1). Pt. 2. pp. 56–62.
21. Zelenskaya, G.M. (2019) *Kiyskiy Krest: perspektivy izucheniya* [Cross of Kiy: perspectives of studying]. [Online] Available from: http://patriarh-nikon.ru/?p=250 (Accessed: 01.04.2019).
22. Anon. (2005) "Opis' vtoroklassnogo Onezhskogo Krestnogo monastyrya…" 1825 g. ["Inventory of the second-class Onega Cross Monastery ..." 1825]. In: Popova, L.D. (ed.) *Kiy-ostrov: Istoriya i sovremennost'* [Kiy-Island: History and modernity]. Arkhangelsk: Pravda Severa, 2005. pp. 96–144.
23. Lebedev, L., protoiereus. (1988) [Theology of the Russian land as an image of the Promised Land of the Kingdom of Heaven (on some examples of architectural and building compositions of the 11th–17th centuries)]. *Tysyacheletie kreshcheniya Rusi* [Millennium of the Baptism of Russia]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Kiev. 21–28 July 1986. Moscow: Izd-e Moskovskoy patriarkhii. pp. 140–175. (In Russian).
24. Zelenskaya, G.M. (2019) Svyatye gory v monastyryakh Patriarkha Nikona [Holy mountains in the monasteries of Patriarch Nikon]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Ierotopiya Svyatoy gory v khristianskoy kul'ture* [Hierotopy of the Holy Mountain in Christian Culture]. Moscow: Feoriya. pp. 351–381.
25. Sevast'yanova, S.K. (2016) Svedeniya o moshchakh khristianskikh svyatykh v pamyatnikakh literatury Drevney Rusi XI–XV vekov kak osnova dlya kataloga svyatykh moshchey, bytovavshikh pri patriarkhe Nikone [Information about the relics of Christian saints in the literary monuments of Ancient Russia of the 11th–15th centuries as the basis for the catalogue of holy relics that existed under Patriarch Nikon]. In: Chesnokova, N.P. (ed.) *Kapterevskie chteniya* [Kapterevsky Readings]. Vol. 15. Moscow; Serpukhov: Institute of World History of RAS; Nasledie Pravoslavnogo Vostoka. pp. 125–194.
26. Filimonov, G. (ed.) (1873) Perepisnaya kniga Moskovskogo Blagoveshchenskogo sbora XVII veka po spiskam: Arkhiva Oruzheynoy palaty i Donskogo monastyrya [Census book of the Moscow Annunciation Collection of the 17th century according to the lists: Archives of the Armory and the Donskoy Monastery]. In: *Sbornik na 1873 god, izdannyy Obshchestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom Publichnom muzee* [Collection for year 1873, published by the Society of Old Russian Art at the Moscow Public Museum]. Vol. II. Moscow: Univ. tip. (Katkov i K). pp. 1–49.
27. Anon. (2003) *Tsarskiy khram. Svyatyni Blagoveshchenskogo sobora v Kremle. Katalog vystavki* [The Temple of the Tsar. Shrines of the Cathedral of the Annunciation in the Kremlin. Exhibition catalogue] Moscow: Izdatel'skiy dom Maksima Svetlanova.
28. Macarius, Metropolitan. (1904) *VMCh, sobrannye Vserossiyskim mitropolitom Makariem* [Great Menaion Reader collected by the All-Russian Metropolitan Macarius]. Moscow: Tip. F.G. Eleonskogo i K; Sinodal'naya tip.
29. Zaytsev, D.V., Makarov, E.E. & Gerasimenko, N.V. (2008) Elevferiy [Eleutherius]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 275–278.
30. Anon. (1642) *Prolog, pervaya polovina (sentyabr'– fevral')* [Synaxarion. First half (September – February)]. Moscow: Pechatnyy dvor.

31. Mikhaylov, P.B. (2000) Anastasiy [Anastasius]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. p. 233.
32. Sergiy, archimandrite. (1876) *Polnyy Mesyatseslov Vostoka* [Full Months of the East]. Vol. 2. Moscow: Tip. Sovremennykh izvestiy.
33. Gratsianskiy, M.V. et al. (2000) Anastasiy Persiyanin [Anastasius of Persia]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 248–250.
34. Anon. (1658) *Psaltir' s vossledovaniem* [Psalter]. Moscow: Pechatnyy dvor.
35. Anon. (1658) *Trebnik* [Euchologion]. Moscow: Pechatnyy dvor.
36. Kuz'min, A.V. & Ya.E.Z. (2008) Efrem [Ephraim]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 19. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 41–45.
37. Leonid, archimandrite. (1878) *Akty Iverskogo Svyatoozerskogo monastyrya (1582–1706), sobrannye o. arkhimandritom Leonidom* [Acts of the Iberian Svyatoozersky Monastery (1582–1706), collected by Father Archimandrite Leonid.]. Saint Petersburg: V Tip. M. Ettingera.
38. Zelenskaya, G.M. (2011) *Patriarkh Nikon – zodchiy Svyatoy Rusi* [Patriarch Nikon, the architect of Holy Russia]. Moscow: Pravoslavnyy palomnik-M.
39. Zelenskaya, G.M. & Sevast'yanova, S.K. (2015) Patriarkh Nikon i svyatitel' Filipp, mitropolit Moskovskiy: opyt kompleksnogo issledovaniya [Patriarch Nikon and St. Philip, Metropolitan of Moscow: the experience of a comprehensive study]. *Palaeoslavica*. 23 (2). pp. 69–164.
40. Zelenskaya, G.M. & Sevast'yanova, S.K. (2018) [St. Philip and Patriarch Nikon: typological similarities]. *Epokha Ivana Groznogo i ee otrazhenie v istoriografii, pis'mennosti, iskusstve, arkhitekture* [The Era of Ivan the Terrible and Its Reflection in Historiography, Writing, Art, and Architecture]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 1. Aleksandrov. 16–17 October 2017. Vladimir: IPK "Tranzit-IKS". pp. 123–148. (In Russian).
41. Zelenskaya, G.M. (2017) Ierotopiya Kiyskogo Kresta [Hierotopy of the Cross of Kiy] *Polzunovskiy al'manakh*. 4 (1). Pt. 2. pp. 68–91.
42. Anon. (1630) *Mineya sluzhebnaya. Avgust* [The Menaion. August]. Moscow: Pechatnyy dvor.
43. Makariy (Mirolyubov), bishop. (1878) Istoricheskie svedeniya ob Antonievom Siyskom monastyre [historical information about St. Anthony's Siysky Monastery].*Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh*. 3. pp. 3–122.
44. Ryzhova, E.A. (2001) Literaturnoe tvorchestvo knizhnikov Antonievo-Siyskogo monastyrya XVI–XVIII vv. [Literary works of the scribes of the Antoniev-Siya Monastery of the 16th–18th centuries]. In: Semyachko, S.A. (ed.) *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: Severnorusskie monastyri* [Book Centres of Ancient Russia: Northern Russian monasteries]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 218–264.
45. Leonid, archimandrite. (1876) *Istoricheskoe opisanie Stavropigial'nogo Voskresenskogo, Novyy Ierusalim imenuemogo, monastyrya, sostavlennoe po monastyrskim aktam nastoyatelem onogo arkhimandritom Leonidom* [Historical description of the Stavropegic Resurrection monastery, named the New Jerusalem, compiled according to monastic acts by its rector, Archimandrite Leonid]. Moscow: OIDR pri Mosk. un-te.
46. Avdeev, A.G. (2006) *Starorusskaya epigrafika i knizhnost': novo-ierusalimskaya shkola epigraficheskoy poezii* [Old Russian Epigraphy and Books: New Jerusalem school of epigraphic poetry]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities.
47. Russkiy Palomnik. (1909) *Pravoslavnye russkie obiteli: Polnoe illyustrirovannoe opisanie vsekh pravoslavnykh russkikh monastyrey v Rossiyskoy imperii i na Afone* [Orthodox Russian monasteries: A complete illustrated description of all Orthodox Russian monasteries in the Russian Empire and Mount Athos]. Books 1–4. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
48. Nikolaev, S.I. (1985) Dva stikhotvortsa XVII veka [Two poets of the 17th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 39. pp. 371–378.
49. Anon. (1989) *Virshevaya poeziya (pervaya polovina XVII veka)* [Virche Poetry (First half of the 17th century)]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
50. Nikolaev, S.I. (1993) Onufriev Aleksey Zakharovich. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Books of Ancient Russia]. Vol. 3. Pt. 2. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. p. 420.
51. Ostashenko, E.Ya. (2011) Glavnyy ikonostas Uspenskogo sobora 1653 goda [The main iconostasis of the Assumption Cathedral of 1653]. In: Tolstaya, T.V. (ed.) *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya. Ikonostasy. Katalog* [Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Iconostases. Catalogue]. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. pp. 55–219.
52. Sevast'yanova, S.K. (2001) Anzerskiy monakh Makariy – maloizvestnyy avtor kontsa XVII – nachala XVII – nachala XVIII v. [Monk Macarius Anzersky – a little-known author of the late 17th – early 17th – early 18th centuries]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: Solovetskiy monastyr'* [Book Centres of Ancient Russia: Solovetsky monastery]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 204–213.
53. Sevast'yanova, S.K. (2014) Novonaydennoe sochinenie o patriarkhe Nikone [A Newly Found Essay on Patriarch Nikon]. In: Romodanovskaya, E.K. et al. (eds) *Kul'tura, istoriya i literatura Russkogo mira: obshchenatsional'nyy i regional'nyy aspekty* [Culture, History and Literature of the Russian World: National and Regional Aspects]. Barnaul: Altai State University. pp. 335–380.

Информация об авторе:
Зеленская Г.М. – зам. директора по научной работе музея "Новый Иерусалим" (Истра, Россия). E-mail: gali.zelensckaia@yandex.ru
Севастьянова С.К. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); профессор кафедры социальной антропологии и межкультурных коммуникаций Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия). E-mail: sevask@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
G.M. Zelenskaia, deputy scientific director, New Jerusalem State Museum of History and Art (Istra, Russian Federation). E-mail: gali.zelensckaia@yandex.ru
S.K. Sevastyanova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sevask@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2020;
одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 27.07.2020;
approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 2-633
doi: 10.17223/15617793/475/21

Культ предков в современном вьетнамском обществе (восприятие, роль, тенденции)

Кам Ньунг Фам[1], Туйет Ван Фам[2], Андрей Валериевич Фаерман[3]

[1] Томский политехнический университет, Томск, Россия
[2] Ханойский политехнический университет, Ханой, Вьетнам
[3] Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
[1] nhung5782@gmail.com
[2] van.phamtuyet@hust.edu.vn
[3] andorey2010@mail.ru

Аннотация. Вьетнамский культ предков – живая материя, на основе которой формируется сознание нации, она беспрестанно адаптируется к новым условиям существования, а потому в ней отражается реальная социокультурная и политическая ситуация. Авторы сосредоточили свое внимание на трех вопросах: какие преобразования уже произошли с культом предков, каков его статус сейчас и к чему стремится эта вера и какие силы оказывают воздействие на нее?

Ключевые слова: Вьетнам, вьетнамское общество, культ предков, религия, традиционные верования

***Для цитирования*:** Фам К.Н., Фам Т.В., Фаерман А.В. Культ предков в современном вьетнамском обществе (восприятие, роль, тенденции) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 176–181. doi: 10.17223/15617793/475/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/21

The cult of ancestors in modern Vietnamese society: Perception, role, trends

Cam Nhung Pham[1], Tuyet Van Pham[2], Andrei V. Faerman[3]

[1] Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
[2] Hanoi University of Science and Technology, Hanoi, Vietnam
[3] Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
[1] nhung5782@gmail.com
[2] van.phamtuyet@hust.edu.vn
[3] andorey2010@mail.ru

Abstract. During the whole history, worshiping the ancestors has been the tradition in Vietnamese society, but the status of this religious practice does not always remain unchanged. The cult of ancestors is said to be the basis of Vietnamese mentality. Despite the traditional nature of ancestor worship, it continues changing. This is the living matter of the nation, which adapts to new conditions of existence. In this article, three following issues are focused on: (1) the transformations have occurred with the cult of ancestors; (2) the status of ancestor worship today; (3) the tendencies of this belief and the forces that drive it. As sources in this article, scholarly publications of Vietnamese and Russian researchers, official documents and the authors' field materials are used. The basis of the research methodology is the systems concept and the principle of historicism. The main methods are observation and comparison. According to the authors, the basis for the development of practice is laid in the very idea of traditional Vietnamese beliefs, in which the concept of ancestors has been expanded to either historical people or political leaders. However, there is an increase in worship of the nation-wide ancestors of antiquity in modern Vietnam. In addition, the past century also created its heroes, who are gradually taking their place on the altars. Today, the dramatic changes in Vietnamese economy and society contribute to the social development in all areas, including the spiritual life of people. In this case, the development does not mean progress, but the search for new forms of reflecting change. The goal here is to discover these new forms, evaluate their significance and understand the consequences. The article analyzes the position of the cult of ancestors in modern Vietnam, investigates the factors influencing the development of this phenomenon. The authors also attempt to analyze the impact of today's events on the future of ancestors worship. Based on the analysis, the authors conclude that, in the near future, a number of transformations will occur with the cult of ancestors. These changes will reflect political and economic transformations in the country, the people's memory of the wars of the 20th century, and hopes for future achievements. However, the changes will not affect the basic principles of the belief.

Keywords: Vietnam, Vietnamese society, cult of ancestors, religion, traditional beliefs

© Фам К.Н., Фам Т.В., Фаерман А.В., 2022

***For citation*:** Pham, C.N., Pham, T.V. & Faerman, A.V. (2022) The cult of ancestors in modern Vietnamese society: Perception, role, trends. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 176–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/21

За прошедший век Вьетнам пережил несколько эпох. Из части индокитайской колонии, пройдя через череду войн, эта страна превратилась в одну из самых динамично-развивающихся в мире. И через все эти перемены вьетнамский народ пронес традицию поклонения предкам, хотя статус культа предков не всегда оставался неизменным. Вот как описывает последние изменения Хыу Нгок в своей книге «Viet Nam Tradition and change»: «Со времени Dới Mới (Обновление, которое началось в конце 1986 г.) мы стали свидетелями возвращения к духовности, особенно возрождения поклонения предкам. Эта практика, которая коренится во вьетнамском коллективном подсознании, была предана забвению во время трудностей войн и смутного представления об атеистическом материализме. Более стабильные условия жизни и относительное благосостояние, вызванные нынешним экономическим обновлением… в сочетании с желанием залечить раны горьких времен, способствовали возвращению нашего народа к духовной традиции предков. Вьетнамцы восстановили свои семейные алтари. Они посещают и ухаживают за семейными могилами и расширяют свои собрания для поклонения предкам. Члены семьи собираются вместе, особенно на годовщины смерти, чтобы присоединиться к ритуальному поклонению и разделить трапезу» [1. P. 43].

В приведенном выше отрывке подчеркивается огромное значение культа предков – основы вьетнамского менталитета. Однако не совсем понятен статус, которым наделяет его автор, – это практика, духовная традиция или ритуальное поклонение предкам? Учитывая, что автор говорит о возвращении к духовности после «смутного представления об атеистическом материализме», первое, что приходит на ум: культ предков – это религия. Но так ли это?

По итогам переписи населения 2019 г., опубликованным на официальном сайте Управления общей статистики Вьетнама: общая численность населения Вьетнама составляет 96 208 984 человека… Ко времени переписи 2019 г. на территории Вьетнама было разрешено 16 религий (при этом культ предков в этот список не входит, так как не считается религией). В общей сложности 13,2 млн человек исповедуют одну из религий, что составляет 13,7% населения страны. В частности, число католиков – 5,9 млн человек, что составляет 44,6% от общего числа религиозных последователей и 6,1% от общей численности населения страны. Далее идет число буддистов – 4,6 млн человек, что составляет 35% от общего числа религиозных последователей и 4,8% населения страны. 86,3% зарегистрированы как не исповедующие никакой религии [2]. Обратим внимание на термин, который применен в отчете о переписи населения по отношению к данной категории граждан, – Không tôn giáo (дословный перевод – нет религии). Речь не идет о том, что все эти люди неверующие или идейные атеисты, просто они не определили себя как представителей той или иной религии. Для сравнения – в российских источниках используется термин «верующий».

Поклонение предкам для вьетнамцев не религия – это способ выражения благодарности и уважения предкам, а также сохранения национальной идентичности и единства многонационального народа. Это, можно сказать, национальная идея, и даже больше – национальная философия. «Культ предков представляет собой обязательное почитание духов умерших родственников, исполнение всех необходимых церемоний перед алтарем, который (богатый или совсем скромный) имеется в каждом доме. Вьетнамские исследователи определяют это верование как чувство благодарности живых умершим за их заслуги перед человеком, семьей, родом, общиной, страной, выражение веры в то, что душа ушедшего предка продолжает существовать в другом мире и способна оказывать воздействие на жизнь и судьбу потомков через ритуалы поклонения» [3. С. 91]. Но даже если согласиться с тем, что культ предков не религия, его мистическую составляющую отрицать нельзя.

Любой вьетнамец скажет вам, что культ предков – это не религия, именно такой подход объясняет статистику, приведенную выше. Но 86,3% населения, не отнесенных к какой-либо религии, так же как и другие, регулярно молятся, пусть и не единому Богу, но все же молятся; проводят различные ритуалы, веря, что это принесет им богатство или удачу; посещают храмы хотя бы один раз в год. Мы бы назвали 100% вьетнамцев «верующими». Интересно также отметить и то, что статус «не религии» для культа предков дает возможность представителю любой религии участвовать в ритуалах поклонения предкам. Даже христиане и буддисты устанавливают в своих домах алтари предков и поклоняются им.

Профессор Данг Нгием Ван в статье «Религия или вера?» ссылается на неопубликованный отрывок статьи французского миссионера Леопольда Мишеля Кадьера, известного своими этнографическими работами о Вьетнаме: «…некоторые авторы или, скорее, некоторые поспешные туристы утверждают, что у людей Дальнего Востока нет религии. У меня противоположное мнение. Народы Дальнего Востока, особенно вьетнамцы, обладают очень высоким уровнем религиозного сознания.

Религиозная терминология включает в себя много уровней, много нюансов. Если считать религию верой в Абсолют, великий и совершенный, верой в единство души с Единым Всевышним, присутствующим повсюду, которое является единством души с Богом, полным милосердия, царящим и удерживающим все, в конце концов, и проявлением должного поклонения этому Высшему Существу в благодарность за его окончательное совершенство, то мы должны сказать, что у вьетнамцев нет религии. Понятие Высшего Существа ускользнуло от них, они живут без Бога.

Если мы считаем, что религия – это вера и практика, которая влияет на правильное отношение к жизни и к сверхъестественному миру, то мы видим, что вьетнамцы обладают высоким уровнем добродетели» [4].

Нужно признать, что вопрос о том, является ли культ предков религией, это проблема парадигмы. Мы пытаемся объяснить явление иной культуры через свою (западную) терминологию, но это не всегда возможно, а может быть и не нужно.

С другой стороны, современный Вьетнам отчасти принял западную терминологию. На использование терминов «религия» и «вера», в юридических документах Вьетнама обращает внимание профессор Данг Нгием Ван в ранее упомянутой статье «Религия или вера?». Проследим и мы, как менялось использование этих терминов хотя бы в основных документах Вьетнама, начиная со времен борьбы за независимость. Обращаем внимание на то, что в данном случае будет использован почти дословный перевод текстов документов с вьетнамского языка (особенно в том, что касается рассматриваемой терминологии), таким образом можно подчеркнуть их изначальный смысл.

В Программе «Вьетнминь» (*Chương trình Việt Minh*) 1941 г. мы видим четкое разграничение понятий «религия» (*tôn giáo*) и «вера» или «убеждения» (*tín ngưỡng*), они встречаются в документе всего два раза:

«…Политика объединения всех классов людей независимо от религии, партии, политических убеждений для общей борьбы с Францией и Японией за независимость страны».

«…2. Предоставление демократических свобод, таких как свобода публикации, свобода слова, свобода веры, свобода передвижения и эмиграции».

В Конституции Демократической Республики Вьетнам 1946 г. также говорится о предоставлении права на свободу веры (статья 10).

Граждане Вьетнама имеют право:

– на свободу слова;

– свободу публикации;

– свободу организации и собраний;

– свободу веры (*Tự do tín ngưỡng*);

– свободу проживания, путешествий внутри страны и выезда за границу.

В Конституции Демократической Республики Вьетнам **1959 г.** появляется, помимо права на веру, и право быть последователем религии (статья 26). Кроме того, в статье 23 термины «религия» и «вера» употребляются через запятую, что подчеркивает их неравнозначность.

Статья 23. Граждане Демократической Республики Вьетнам, независимо от их этнической принадлежности, расы, пола, социального положения, религии**,** веры, имущественного положения, уровня образования, профессии, срока проживания в возрасте от восемнадцати лет и старше, – все имеют право голоса, а в возрасте двадцати одного года они имеют право баллотироваться на выборах, за исключением психически больных людей и лишенных судом или законом права голоса, права избираться и быть избранными.

Граждане, находящиеся в армии, имеют право голосовать и баллотироваться на выборах.

Статья 26. Граждане Демократической Республики Вьетнам имеют право на свободу веры, следовать или не следовать какой-либо религии.

В Конституции Социалистической Республики Вьетнам 1980 г. слова «вера» (*tín ngưỡng*) и «религия» (*tôn giáo*) впервые объединены в один термин (перевод на русский язык – религиозные верования или религиозные убеждения).

Кроме того, интересно отметить, что в статье 68 также впервые появляется фраза о том, что «…никто не может пользоваться религией, чтобы нарушать закон и государственную политику». Тем самым утверждается приоритет светского права над религией. Но помимо этого, подчеркивается, что опасность может исходить именно от религии, а не от веры.

Статья 57. Граждане, независимо от этнической принадлежности, мужчины и женщины, социального положения, религиозных убеждений, уровня образования, профессии, продолжительности проживания, в возрасте от восемнадцати лет и старше имеют право голоса и от двадцати одного года и старше могут быть избраны в Национальное собрание, народные комитеты на всех уровнях, кроме психически больных людей и лиц, лишенных этих прав законом или народным судом.

Статья 68. Граждане имеют право на свободу веры и следовать или не следовать какой-либо религии.

Никто не может пользоваться религией, чтобы нарушать закон и государственную политику.

В Конституции Социалистической Республики Вьетнам 1992 г., помимо права на веру, религию и запрета на использование религии для нарушения закона (статьи 54, 70), религия упоминается в главе об обязанностях и полномочиях Правительства на реализацию религиозной политики (статья 112). Этот новый термин включает в себя именно слово «религия».

Статья 112. Правительство имеет следующие обязанности и полномочия: ...9 – реализовывать социальную политику, этническую политику, религиозную политику.

Наконец, в действующей Конституции 2013 г. в статье 24 термины «вера» и «религия» используются через запятую, как в Конституции 1959 г.: «*tín ngưỡng, tôn giáo*», при этом в п. 1 подчеркивается, что все религии равны перед законом, тем самым отделяется статус религии, как социального института, который несет ответственность перед законом и веры / убеждений, которые в умах людей. Однако здесь (п. 3) впервые упоминается, что и вера, как и религия, не может быть использована для нарушения закона. Таким образом, можно отметить качественное изменение отношения к статусу веры.

Статья 24:

1. Каждый человек имеет право на свободу веры, религии, независимо от того, исповедует он религию или нет. Все религии равны перед законом.

2. Государство уважает и защищает право на свободу веры, религии.

3. Никто не может посягать на свободу веры, религии или использовать в своих интересах веру, религию, чтобы нарушать закон.

В конце концов важно лишь то, что культ предков признан на официальном уровне. Именно это признание определяет его статус на сегодняшний день.

Для нас, тех, кто смотрит на Восток через призму западной парадигмы, несколько противоречивым кажется следующее утверждение: «…мое поколение, пережившее революцию и две войны сопротивления (1945–1975), не верит в потусторонний мир. Тем не менее, мы привязаны к старым воспоминаниям. По этой причине, несмотря на ограниченные условия жизни, каждая семья отдает лучшее место в доме для алтаря предков. Этот алтарь может быть только полкой, прикрепленной к стене на достаточно высоком уровне, чтобы быть заметным, но не мешающим. На нем фотографии умершего, подставка для палочек, два подсвечника, а иногда и курильница. Более состоятельные семьи могут предоставить комнату специально для алтаря, в то время как сельские жители поклоняются умершим в центральной части своего дома. Многие вьетнамцы верят, что усопшие не отделены от живых, что их души парят у алтаря предков и что их духи возвращаются, чтобы остаться с живыми в праздничные дни, особенно в Тет (Лунный Новый год) и на годовщины смерти» [1. P. 42]. Но, вероятно, нам стоит принять это противоречие, как чисто вьетнамский взгляд на ситуацию, но не просто пропустить его, а учитывать в анализе. Нам представляется, что подобное мнение совершенно естественно для современных вьетнамцев. Иными словами, для них норма – считать себя неверующими вообще и в потусторонний мир в частности и при этом поклоняться духам предков, приносить ритуальные жертвы и т.д. Мир умерших для них действительно неотделим от мира живых. Это совершенно иной взгляд, отличный от западного, более привычного и нам, русским, где отделены светская и церковная/духовная жизнь, мир мертвых и мир живых. Вьетнамцами мир воспринимается как единый, его деление на мир духов и мир людей чуть более условное. Наличие алтаря в каждом доме, который фактически является «порталом» для прямой связи с потусторонним миром, – тому свидетельство.

Основа для развития, а значит, и изменений в поклонении предкам у вьетнамского народа заложена в самой идее национальных традиционных верований вьетов. Чан Данг Синь, вьетнамский исследователь современного культа предков, пишет, что в процессе развития истории понятие предков также изменяется и развивается. Оно больше не ограничено кровнородственными связями – семья, род, но расширилось до общины, общества. Формирование и развитие государства, народов часто связано с именами людей, которые внесли свой вклад в создание и сохранение жизни. Когда они были живы, их признавали и уважали члены общества. После смерти их помнят и им поклоняются. Это лидеры массовых движений, короли, князья и мандарины, которые внесли свой вклад в создание и сохранение жизни общины, признаны обществом, обожествлены, почитаемы в храмах, общинных домах и святынях [5. P. 27]. Такое широкое понимание предков дало основание исследователям выделить в современном вьетнамском культе предков уровни: «Поклонение предкам имеет три уровня: семейный, общинный и государственный… форма религиозного поклонения предкам в семье появилась раньше и стала самой распространенной. Поклонение предкам в семье можно также разделить на 2 уровня, а именно: семья и клан» [6. P. 43]. Главным атрибутом поклонения на семейном уровне является алтарь предков, который располагается прямо в доме и уход за ним – это обязанность главы семьи. Кроме того, у некоторых семей существуют семейные храмы, за ними ухаживают ответственные члены семьи. Главным конечно же является старший в семье, он собирает средства на храм и принимает важные решения, но непосредственный уход за храмом может быть поручен другому члену семьи.

Второй уровень, общинный, выходит за пределы кровнородственных связей и объединяет жителей одной деревни или района города. Поклонение происходит в храмах, возведенных в честь народных героев, легендарных личностей, которым поклоняются как защитникам данной территории, а значит, и всех, кто на ней проживает. Хотя у культа предков во Вьетнаме нет священнослужителей в привычном для нас понимании этого слова, но в храмах есть смотрители (*ông từ*) – это, как правило, пожилые, одинокие люди, которые выбраны общим собранием старейшин на местном уровне. В обязанности смотрителя входит присмотр за храмом, уход за алтарем и т.п.

Мы считаем, что к данному уровню следует отнести объекты, установленные в честь героев, сражавшихся в освободительных войнах XX в. Речь идет не просто о памятниках, которые есть в каждой стране, к которым приносят цветы в памятные даты. Это именно святыни: храмы и алтари. Но не только архитектурные формы, также и способы поклонения им, указывают на то, что это часть вьетнамских верований.

Следующий уровень поклонения предкам – государственный. Это, как было сказано выше, поклонение общенациональным героям и деятелям, например, прародителям вьетнамцев Лак Лонг Куан и Ау Ко, основателю первого вьетнамского государства полулегендарному королю Хунг Выонг.

«С конца XV – начала XVI вв. н.э. почитание королей Хунгов в качестве древних правителей и прародителей нации приобрело статус государственного культа, который в последующие столетия, в зависимости от политических установок правящей элиты, то ослабевал, то вновь набирал силу» [7]. В наше время данный культ переживает новый расцвет, обусловленный серьезной поддержкой государства. Десятый день 3-го лунного месяца – День поминовения королей Хунгов (*Ngày giỗ tổ Hùng Vương*) стал широко отмечаться с середины 1990-х гг., в 2007 г. его включили в число официальных праздников и объявили выходным днем.

Прошедшее столетие породило своих героев, которые также постепенно занимают место на алтарях. На государственном уровне – это «отец» современно-

го свободного Вьетнама Хо Ши Мин. Кроме того, что он является реальным героем современности, еще при жизни он стал именовать себя дядей Хо (*Bác Hồ*), что сближало его с народом почти до родственного уровня. Следует отметить, что такое обращение не характерно для политических или других лидеров Вьетнама, в обычной речи они используют по отношению к себе общеупотребительный термин – tôi, а по отношению к ним используется максимально уважительный термин – *ông*.

Знания большинства людей о вере или религии, как правило, довольно поверхностны. Многие вьетнамцы уверены, что в культе предков нет ни только священнослужителей, но и каких-либо канонов, записанных заповедей или правил. Они знают только то, что передали им их родители и для них передача традиции поклонения предкам происходит устно, от отца к сыну. Многие вьетнамцы, только столкнувшись с необходимостью провести какой-либо ритуал, например похороны близкого родственника, узнают о том, что есть и специальные люди, которые разъяснят, как правильно проводятся ритуалы, и проведут все необходимые церемонии, будут читать молитвы, которые записаны в книгах.

В феврале 2020 г. мы взяли интервью у смотрителя храма деревни Хоангмай (город Ханой). На вопросы о переменах в культе предков он ответил, что никаких особых изменений не видит. При этом смотритель отметил следующее: «Как накрывать стол на поминки сейчас зависит от экономического положения семьи (богатые делают больше, небогатые меньше)». Он подчеркнул, что традиция поклонения предкам передается устно из поколения в поколение, таким образом сохраняются местные обычаи в каждом районе страны. На вопрос о том, как удается сохранить местную традицию от размывания обычаями, которые привносят люди, прибывшие из других районов, он ответил, что в семье люди могут молиться так, как их научили предки, но местные обычаи, которые проявляются в ритуалах, воспроизводимых в храмах, поддерживаются за счет памяти старейшин, в число которых, как правило, входят местные жители. Если же в их число войдет приезжий, он должен принять местную традицию.

Другой наш собеседник (инженер средних лет, г. Ханой) отметил, что культ предков испытывает серьезные изменения из-за смены образа жизни людей. Все больше людей проживает в квартирах, что накладывает свой отпечаток на алтарь и проведение ритуалов. Он также отметил, что существуют книги, которыми следует руководствоваться при осуществлении поклонения предкам, в частности книга «Традиционные молитвы Вьетнама», где описана процедура поклонения и тексты молитв, которые следует произносить в разных случаях перед алтарем [8].

Современная жизнь во Вьетнаме сильно отличается от той, что была 30 лет назад, и уж тем более от той, которая была до войны. Все больше людей живет в городах, популярным становится проживание в квартирах малой семьей. Почти у всех есть доступ к интернету и говорить об устной передаче традиции уже не приходится. Для тех, кто доверяет книгам, есть масса литературы о культе предков: сборники молитв на все случаи жизни, описание ритуалов, устройство алтаря и т.п. В интернете огромное количество блогов «учителей», которые рассказывают о культе предков, о том, как привлечь в дом деньги, удачу и т.п. Одновременно, разумеется, они рекламируют свои услуги или товары.

Экономические и социальные перемены подталкивают развитие общества во всех направлениях, в том числе и в духовной жизни людей. Развитие в данном случае – не всегда прогресс, скорее поиск новых форм выражения наступивших и грядущих перемен.

О потребности народа в переменах в духовной жизни говорит и рост числа новых религий во Вьетнаме. Склонность вьетнамцев к синкретизму может привести к тому, что часть этих новых форм найдет отражение в культе предков.

Стоит также отметить интерес вьетнамской власти к духовной жизни народа. Началось переосмысление роли религии в обществе. Рост новых религиозных течений и увеличение роли религиозных лидеров не может не беспокоить. Эти процессы требуют пристального внимания властей, принятия соответствующих решений. Интересно, какое место в данном процессе займет культ предков, который не считается официально религией? Очевидно, что его можно использовать как «якорь», который должен удержать народ, несмотря на временные течения. А значит, он будет всячески поддерживаться, а его роль расти. Есть вероятность, что в ближайшие годы культ предков во Вьетнаме переживет ряд трансформаций. При этом они, вероятнее всего, не затронут базовые положения самого верования. В них найдут отражение политические и экономические преобразования в стране, народная память о войнах XX в., надежды на достижения будущего.

Список источников

1. Huu Ngoc Tradition and change. Viet Nam : The Gioi, 2016. 360 c.
2. Kết quả tổng điều tra dân số và nhà ở thời điểm 0 giờ ngày 01 tháng 4 năm 2019. URL: https://drive.google.com/file/d/1YK6iY-j0AfZTuip28Py2Gmz5P8zw04Rn/view (дата обращения: 06.05.2020).
3. Марченко Е.А. Традиционные основы вьетнамского общества в современных условиях // Вьетнамские исследования: Вьетнам вчера и сегодня. Вып. 1. М. : ИДВ РАН, 2011. С. 91–104.
4. Tôn giáo hay tín ngưỡng? URL: http://nhanhoc.hcmussh.edu.vn/?ArticleId=a8d09a9e-0de2-4896-9715-22239b8398e4 (дата обращения: 03.05.2020).
5. Trần Đăng Sinh Những khía cạnh triết học trong tín ngưỡng thờ cúng tổ tiên của người Việt ở đồng bằng Bắc Bộ hiện nay: Luận án tiến sĩ triết học. Hà Nội, 2001. 182 c.
6. Lương Thị Thoa Tín ngưỡng thờ cúng tổ tiên ở một số quốc gia trên thế giới và Việt Nam. Hà Nội : Chính trị Quốc gia, 2015. 212 c.
7. Григорьева Н.В. Короли Хунги и «изобретение традиций» в истории Вьетнама // Вьетнамские исследования. Вып. 4. Вьетнам в мировом сообществе. М. : ИДВ РАН, 2014. 230 с.
8. Полевые материалы авторов. Ханой (Вьетнам). 2020 г.

References

1. Huu Ngoc. (2016) *Tradition and change.* Viet Nam: The Gioi.
2. Statistical Documentation and Service Center, General Statistics Office. (2019) *Population and housing census results at 0:00, April 1, 2019.* [Online] Available from: Th driveng c .c Th driveng google.com/file/d/1YK6iY-j0AfZTuip28Py2Gmz5P8zw04Rn/view (Accessed: 05.06.2020). (In Vitnamese).
3. Marchenko, E.A. (2011) Traditsionnye osnovy v'etnamskogo obshchestva v sovremennykh usloviyakh [Traditional foundations of Vietnamese society in modern conditions]. *V'yetnamskie issledovaniya – Russian Journal of Vietnamese Studies*. 1. pp. 91–104.
4. Nhanhoc.hcmussh.edu.vn.(n.d.) *Religion or belief*? [Online] Available from: http://nhanhoc.hcmussh.edu.vn/?ArticleId=a8d09a9e-0de2-4896-9715-22239b8398e4 (Accessed: 03.05.2020). (In Vitnamese).
5. Trần Đăng Sinh. (2001) *Philosophical aspects of the Vietnamese ancestor worship in the North Delta today.* A doctoral thesis. Hanoi. (In Vitnamese).
6. Lương Thị Thoa. (2015) *Ancestor worship in some countries in the world and Vietnam.* Hanoi: National Politics. (In Vitnamese).
7. Grigor'eva, N.V (2014). Koroli Khungi i "izobretenie traditsiy" v istorii V'etnama [The Hung Kings and the "Invention of Traditions" in Vietnamese History]. *V'yetnamskie issledovaniya – Russian Journal of Vietnamese Studies.* 4.
8. Field data of the author, Hanoi (Vietnam) 2020.

Информация об авторах:
Фам К.Н. – канд. хим. наук, инженер-исследователь Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: nhung5782@gmail.com
Фам Т.В. – преподаватель Ханойского политехнического университета (Ханой, Вьетнам). E-mail: van.phamtuyet@hust.edu.vn
Фаерман А.В. – директор Центра международных образовательных программ Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: andorey2010@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
C.N. Pham, Cand. Sci. (Chemistry), research engineer, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nhung5782@gmail.com
T.V. Pham, lecturer, Hanoi University of Science and Technology (Hanoi, Vietnam). E-mail: van.phamtuyet@hust.edu.vn
A.V. Faerman, director of the Center for International Educational Programmes, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: andorey2010@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2020;
одобрена после рецензирования 02.07.2020; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 30.06.2020;
approved after reviewing 02.07.2020; accepted for publication 28.02.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 182–190
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 475. pp. 182–190

Научная статья
УДК 332.27 (571/5) «1918»
doi: 10.17223/15617793/475/22

Красноярский банкет полковника М.И. Федоровича 22 октября 1918 г.: «анатомия» политического скандала в условиях демократической контрреволюции

Дарья Леонидовна Шереметьева[1]

[1]*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, dalas83@yandex.ru*

Аннотация. На основе широкого круга источников изучены обстоятельства и последствия банкета, устроенного 22 октября 1918 г. начальником гарнизона Красноярска полковником М.И. Федоровичем в честь прибытия военных эшелонов иностранных союзников Временного Всероссийского правительства. В результате сделан вывод о присвоении русскими офицерами функций государственной власти и демонстрации ими пренебрежительного отношения к господствовавшим в то время демократическим ценностям и их носителям.

Ключевые слова: М.И. Федорович, офицеры, государственная власть, политические практики, демократия, социализм, монархизм, Гражданская война, Сибирь

***Для цитирования*:** Шереметьева Д.Л. Красноярский банкет полковника М.И. Федоровича 22 октября 1918 г.: «анатомия» политического скандала в условиях демократической контрреволюции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 182–190. doi: 10.17223/15617793/475/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/22

The Krasnoyarsk banquet of Colonel Mikhail Fedorovich on 22 October 1918: The “anatomy” of the political scandal in the context of the democratic counter-revolution

Daria L. Sheremeteva [1]

[1] *Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, dalas83@yandex.ru*

Abstract. In the article, for the first time, the author analyzes the causes, circumstances and consequences of the banquet that Colonel Mikhail I. Fedorovich, the chief of the garrison of Krasnoyarsk, arranged on 22 October 1918 in honor of the arrival of military trains of foreign allies of the Provisional All-Russian Government. At the banquet, there was a political scandal related to the performance of the anthem of the former Russian Empire “God Save the Tsar!”, which was perceived at the initial stage of the Civil War in Russia as a violation of the norm. The author aims to explain the relations between officers, society and the government in the conditions of the democratic counter-revolution in Yenisei Province, which was the “middle” territory of the anti-Bolshevik political regime in the east of Russia. The research is based on the methods of concrete historical analysis and cultural semiotics. In terms of semiotics, the scandal is one of the basic mechanisms of culture. Deliberate violation of the accepted system of values is aimed at breaking established norms and seizing leadership. External spontaneity, symbolism, excessive emotionality and lack of detailed argumentation are considered as necessary characteristics of a scandal. The research is based on a wide range of diverse sources – periodicals, office documents and materials of personal origin. As a result of the analysis, the author comes to the following conclusions. The main “author” of the political “challenge” was Colonel Fedorovich, the head of the garrison. Along with the organization of a large-scale celebration and the role of its manager, he assumed the representative functions of power. The head of the garrison positioned himself as the first person of Krasnoyarsk and the entire Yenisei Province. In doing so, he violated the basic principle of the democratic counter-revolution, which placed the army out of politics. Fedorovich’s statements that the banquet “did not have a political connotation” refer only to the fact that the head of the garrison and most of the officers of his staff headquarters were not monarchists in the literal sense of the word. They were adherents of the unity of command and patriots of the image of great Russia, which did not then have its own anthem. In addition, the banquet demonstrated the disdainful attitude of the military to the self-government bodies and the slogans of the popular rule. This was a blow to the hierarchy of values of the democratic counter-revolution. All the “incidents” of the banquet and their subsequent interpretations became an expression of the conflict of interests and values of the military and the socialists who fought for power as representatives of self-government bodies and the public. The consequences of the events of October 1918, the public culmination of which was the scandalous banquet, were negative. Krasnoyarsk, which was one of the most democratic administrative centers in Siberia, became a city with the most severe military intervention in political processes and in the life of the population.

© Шереметьева Д.Л., 2022

Keywords: Mikhail Fedorovich, officers, state power, political practices, democracy, socialism, monarchism, Civil War, Siberia

***For citation*:** Sheremeteva, D.L. (2022) The Krasnoyarsk banquet of Colonel Mikhail Fedorovich on 22 October 1918: The "anatomy" of the political scandal in the context of the democratic counter-revolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 182–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/22

«Армия вне политики» – такого принципа придерживались антибольшевистские Временное Сибирское правительство и Временное Всероссийское правительство на востоке России на начальном этапе Гражданской войны. В армии была запрещена любая политическая пропаганда, военным нельзя было демонстрировать свои идейно-политические позиции, взгляды и мнения. Вместе с тем в условиях войны происходила закономерная милитаризация государственного управления и общественной жизни. Политические установки военных, искусственно (и в значительной мере номинально) выведенные за скобки политических процессов, проявлялись в их действиях.

Внимание общества на политическом поведении офицеров в то время акцентировалось лишь в крайних случаях. Один из них был связан с исполнением гимна бывшей Российской империи «Боже, царя храни» на банкете в Красноярске 22 октября 1918 г. История инцидента в отличие от других подобных ситуаций, когда удавалось избегать широкой огласки, оказалась наглядной благодаря всестороннему изложению событий журналистами, общественно-политическими деятелями и самими военными, участвовавшими в торжественном мероприятии.

В историографии красноярский банкет упоминался в контексте истории международных отношений [1; 2; 3. С. 160–164]. Однако основной конфликт лежал в области внутрироссийской политики, тогда как международное звучание было лишь поводом для раздувания «инцидента». Изучение причин, обстоятельств, содержания и последствий красноярского банкета поможет пониманию отношений между офицерами, обществом и властью в условиях демократической контрреволюции на востоке России.

Политическая обстановка в Красноярске

На территории от Поволжья до Тихого океана, подвластной антибольшевистским правительствам осенью 1918 г., политический режим контрреволюции представлял собой «лоскутное одеяло», где каждый административный субъект обладал яркой спецификой. В частности, огромная по площади Енисейская губерния с административным центром в Красноярске была «транзитной» между резиденцией правительства в Омске и Иркутском, как местом притяжения оппозиционных деятелей. Через Красноярск проезжали многие политические фигуры и государственные деятели контрреволюции, оставляя каждый свой след, но практически никто здесь не задерживался. Губерния занимала своего рода срединное положение, в котором центростремительные и центробежные тенденции сталкивались особенно остро и непримиримо.

Административная власть в Енисейской губернии после антибольшевистского переворота 19 июня 1918 г. принадлежала Енисейскому губернскому комиссариату, состоявшему из известных в крае областников В.М. Крутовского и Н.Н. Козьмина, а также их единомышленников П.З. Озерных и П.С. Доценко. Все, кроме В.М. Крутовского, годом ранее были активистами партии эсеров, но с зимы 1918 г. не заявляли о своей партийности. С августа по октябрь 1918 г. должность енисейского губернского комиссара занимал поэт, демократ, мягкий и отзывчивый человек, П.З. Озерных, пользовавшийся всеобщим уважением. Администрация Енисейской губернии организовывала государственное управление, восстанавливала органы самоуправления, боролась с незаконным хранением оружия и армейской амуниции и одновременно стремилась соблюдать демократические права и свободы населения.

В этих условиях в Красноярске уверенно работали периодическая печать, политические партии, профсоюзы и кооперация. Причем партийные организации отличались известным свободомыслием. Эсеры и меньшевики позволяли себе выступать за сохранение Советов как общественных организаций, противиться изгнанию большевиков из органов самоуправления и протестовать против расправ над ними. Местные кадеты оказались ярыми сторонниками идеи диктатуры и агрессивно ее пропагандировали.

Баланс отношений между властью и обществом, питаемый демократической линией енисейской губернской администрации, был хрупок. Положение енисейского губернского комиссара было подорвано в результате острого политического кризиса в лагере контрреволюции в сентябре 1918 г. [4, 5]. После рокировки в высших эшелонах власти П.З. Озерных оказался в роли нелояльного администратора-демократа. Правительство было готово немедленно расстаться с ним, но до середины декабря 1918 г. не могло согласовать подходящую кандидатуру на должность. В этих условиях на управление Енисейской губернией настойчиво претендовали военные.

Михаил Иосифович Федорович (1872–1936)

В первой декаде сентября 1918 г. в Красноярск прибыл новый начальник гарнизона, потомственный морской офицер, герой мировой войны, бывший командующий военно-морской базой в Севастополе и подчиненный А.В. Колчака на Черноморском флоте, капитан 1-го ранга М.И. Федорович. Его политическая биография началась, по всей вероятности, в 1917 г. с тяжелой травмы и ранения черепа, полученными во время бунта матросов [6. С. 564; 7. С. 235;

8. С. 574]. Мощные негативные переживания могли переродиться в устойчивое неприятие всего, что связано с революцией, и реализоваться в последовательные антибольшевистские позиции. В декабре 1917 г. М.И. Федорович уехал в Сибирь [8. С. 574]. Участвовал ли он в свержении советской власти, неизвестно. Однако уже летом 1918 г. он работал комендантом Томска в лагере контрреволюции.

По приказу командующего Сибирской армии, управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова 20 августа 1918 г. М.И. Федорович был назначен начальником гарнизона Красноярска и получил исключительные «права в отношении всех граждан» города. К этому времени он имел звание полковника[1]. О вступлении в должность М.И. Федорович объявил 8 сентября и от себя добавил: «Являясь блюстителем законности и порядка, обращаю внимание граждан на неизбежность для представителя власти при ее применении быть суровым» [9].

В течение месяца М.И. Федорович перехватил у енисейского губернского комиссара инициативу по «охране государственного порядка и общественного спокойствия»: с 8 сентября за утайку оружия и военной амуниции стали судить «по законам военного времени»; 19 сентября был учрежден военно-полевой суд; с 22 сентября редакторы всех периодических изданий были обязаны печатать постановления военной власти; с 5 октября все мужчины Красноярска должны были нести гарнизонную службу. Наконец, 8 октября был опубликован приказ командира 1-го Среднесибирского корпуса генерал-майора А.Н. Пепеляева с объявлением Енисейской губернии на военном положении и вручением прав и обязанностей по охране порядка начальнику гарнизона. То есть власть М.И. Федоровича распространилась на все население губернии.

В Красноярске полковник М.И. Федорович проявил себя как энергичный администратор, готовый применять силу в гражданском управлении. При этом блестящий морской офицер вряд ли мог быть удовлетворен службой в сибирской провинции. 10 октября 1918 г. он встретился с контр-адмиралом А.В. Колчаком, проезжавшим через Красноярск по пути в Омск с расчётом на участие во всероссийской политике [10. С. 45]. Для М.И. Федоровича это сулило более привлекательные перспективы военно-политической карьеры.

Организация банкета 22 октября 1918 г.

В октябре 1918 г. в Красноярске ожидали прибытия союзных войск. Английский батальон во главе с полковником Джоном Уордом (J. Ward) должен был дислоцироваться в городе и для него специально подготовили превосходные казармы. М.И. Федорович выступил с личной инициативой организовать торжественный банкет в честь союзников. Такие банкеты англичане воспринимали как обычное дело, как должное проявление дружественности принимающей стороны [11. С. 63].

Красноярский банкет организовывался с размахом. Для него было выбрано просторное помещение в большом здании Общественного собрания, приглашен оркестр из немецких и австрийских военнопленных под руководством русского офицера и подготовлено обильное угощение. Заранее были разосланы приглашения со списком выступающих и темами приветственных речей для «представителей Енисейского губернского комиссариата, городского самоуправления, периодической печати и различных обществ города» [12]. Это свидетельствовало о том, что М.И. Федорович рассматривал банкет шире, чем рядовое приветствие союзникам. Он готовил презентацию власти.

Английские военные части прибыли в Красноярск 20 октября. Для города это стало значимым событием, собравшим массу зрителей. В двух общественно-политических ежедневных газетах – официальной «Воле Сибири» и частной «Свободной Сибири» – были опубликованы праздничные передовицы, рисующие образ верных, благородных и патриотичных союзников-англичан [13, 14]. Надежды на помощь, общий позитивный настрой не позволяли никому из приглашенных игнорировать банкет, организованный в честь иностранцев.

Банкет планировалось провести 21 октября, но в последний день мероприятие по неизвестным причинам было перенесено.

Мизансцена красноярского банкета

Банкет состоялся 22 октября. Большинство участников мероприятия составляли военные – штаб гарнизона Красноярска во главе с полковником М.И. Федоровичем, офицеры английского батальона во главе с полковником Дж. Уордом, представители Чехословацкого корпуса во главе с уполномоченным Чехословацкого национального совета Г.А. Лелеком, делегат Польского военного совета М. Богуцкий и комендант польского сборного пункта, подпоручик Земба [11. С. 63; 15; 16. С. 28; 17. P. 61].

Русские офицеры выделялись нарядной парадной формой. Присутствовавший на банкете крестьянин, член Енисейской губернской земской управы С.С. Медянский переживал: «Я был прямо, как в огне, – кругом блестит. <…> Наши офицеры все в золотых и серебряных погонах, а чехословаки и англичане без всякого блеска, разве только одна пуговка блестит, которую с трудом заметишь» [16]. Погоны в то время воспринимались населением как знак социального неравенства и дореволюционных порядков. Озлобленность общества против погон была хорошо известна и понятна даже генералитету [18]. Тем не менее в Сибирской армии в сентябре 1918 г. были восстановлены погоны, но только защитного цвета [19. С. 178]. В этом свете «золото» на банкете М.И. Федоровича являлось проявлением своеволия офицерства, неприятия и/или непонимания политических условий демократической контрреволюции. Со стороны широких масс населения, социалистических партий, местного самоуправления и органов государ-

ственной власти парадная офицерская форма могла быть расценена как вызов и провокация.

Административную власть на банкете представлял помощник енисейского губернского комиссара, молодой ачинский эсер П.С. Доценко, исполнявший обязанности тяжело болевшего комиссара. Временный глава губернии держался на банкете подчеркнуто отстраненно. С одной стороны, в напряженной борьбе за власть между губернской администрацией и военными доминировали последние, присваивая себе все больше политических функций. С другой стороны, П.С. Доценко был чужим среди красноярских социалистов. Партия его не поддерживала, равно как и он не заботился о ее интересах. Наконец, П.С. Доценко знал: «Иностранцы в Красноярске мне не доверяли, считали большевиком». Накануне банкета он якобы был осведомлен о «реакционных настроениях штабных офицеров» и предупредил М.И. Федоровича о необходимости обеспечить порядок и дисциплину [17. P. 59].

От органов земского и городского самоуправления на банкете присутствовали председатель Енисейской губернской земской управы, редактор журнала «Земское дело», эсер И.В. Казанцев, председатель Красноярской городской думы, эсер А.Ф. Сергеев, городской голова Красноярска, социал-демократ А.П. Музыкин, председатель Красноярской уездной земской управы Б.Ф. Тарасов, представитель фракции эсеров Красноярской городской думы Ф.М. Чаблис, члены Енисейской губернской земской управы В.А. Кузнецов и С.С. Медянский, а также член Красноярской городской управы, председатель Красноярской организации партии эсеров П.В. Кульков [20].

«Небольшая группка представителей земского и городского самоуправления», – восемь человек в штатском держались обособленно. Весь их внешний вид и угрюмые взгляды не подходили к атмосфере банкета [11. С. 63]. Социалисты явно опасались офицеров и сознавали угрозу вмешательства союзников во внутренние дела страны. Двумя неделями ранее в газете Красноярского комитета партии эсеров «Знамя труда» была опубликована передовица на эту тему, основанная на уже случившихся в Сибири единичных фактах демонстрации офицерами монархических символов и вмешательства союзников во внутренние дела [21]. Обстановка на банкете, парадные офицерские мундиры, соответствовали опасениям и усиливали негативный настрой социалистов.

Среди представителей самоуправления особенно выделялся своим внешним видом И.В. Казанцев. Он был одет в косоворотку и пиджак, подчеркивая тем самым, что является представителем крестьянства, народного большинства. Бравада И.В. Казанцева «а ля мужик» была воспринята офицерами как нетактичность и вызов устроителям банкета. Это предопределило враждебный настрой по отношению лично к нему [22].

Кроме вышеперечисленных, на банкете присутствовали представители торгово-промышленного класса, члены Красноярского биржевого комитета, прокурор Красноярского окружного суда, сотрудник официальной газеты Енисейского губернского комиссариата «Воля Сибири», сочувствовавший социалистам, и сотрудник частной общественно-политической газеты «Свободная Сибирь», поддерживавший идею установления военной диктатуры [15; 17. С. 61; 23].

Таким образом, присутствовавшие на банкете составляли «карту власти», существовавшую в умах его организаторов. Военные на ней занимали господствовавшее положение, а губернская администрация и органы самоуправления существовали на периферии. Торгово-промышленники и биржевики олицетворяли экономическую подпорку власти. Две из четырех красноярских газет осуществляли информационное обеспечение. За пределами этой ментальной карты оказались партии, профсоюзы и кооперация, имевшие значительное влияние в обществе. Военные считали их сомнительными организациями, готовыми в любой момент «вонзить нож в спину армии».

Банкет

В четыре часа дня М.И. Феорович открыл торжественное мероприятие. Он произнес тост в честь английского короля, британской армии, нации и правительства. Вслед за ним с коротким приветствием в адрес союзников выступил П.С. Доценко.

С ответной речью выступил англичанин Дж. Уорд. Он рассказал о миролюбии и демократичности английской нации, о вынужденном участии в мировой войне, о народном патриотизме. В пространном выступлении он привел цифры о численности британской армии и сообщил последние новости о победах союзников в Бельгии. Этот тост занял довольно много времени и терпения присутствовавших, особенно с учетом того, что его пришлось слушать дважды – на английском языке и в переводе русского офицера.

В следующей серии тостов слово было предоставлено главам органов местного самоуправления. Сначала коротко выступил А.П. Музыкин. Затем встал И.В. Казанцев. Его речь разительно отличалась от предыдущих. Он приветствовал британскую демократию от имени миллионов крестьян Енисейской губернии. Затем в митинговом стиле И.В. Казанцев стал сумбурно распространяться о задачах демократии в целом, размахивал руками и повторялся [15; 17. С. 62; 24].

Выступление, по мнению социалистов, было «вполне лояльным» и «весьма скромным по содержанию» [15, 20]. Однако военные восприняли речь И.В. Казанцева как неуместную бешеную тираду, содержание которой неприлично передать [11, 22]. Офицеры не желали слушать оратора, в зале поднялся шум, крики и свист [22]. Эсер требовал его не прерывать, но в ответ раздались крики: «Большевик! Арестовать его!» [15]. Начальник гарнизона не принял никаких мер для восстановления порядка. За него это сделал Дж. Уорд, попросив переводчика напомнить участникам банкета о традиции произносить речи по одному, а не хором [20].

После выступлений представителей органов самоуправления ответное слово произнес Дж. Уорд. Он говорил о демократии в примирительном ключе, так как сам являлся профсоюзным лидером, членом пар-

ламента, сторонником свободы слова и демократического строя. При этом он развел понятия «демократия» и «чернь» и заявил, что «если русская демократия может рассчитывать на поддержку английской демократии, то чернь этого сочувствия не встретит». Главной же задачей момента он провозгласил объединение народов для борьбы с общим врагом – Германией [15].

Банкет продолжался новыми тостами [23]. Играла музыка, «настроение участников все повышалось», выступавших за шумом и криками было почти неслышно [15].

После одного из тостов оркестр заиграл патриотический марш «Славься, славься!», любимый военными и использовавшийся ранее в Российской империи как один из неофициальных гимнов страны. На музыку М.И. Глинки было положено несколько вариантов текста, один из которых прославлял монарха, другой – русский народ. Символизм музыкального произведения был многослоен и мог трактоваться поразному. Социалисты назвали музыку «славословием самодержцу», «непозволительной демонстрацией монархических настроений устроителей банкета» и «прямым оскорблением демократических чувств представителей органов самоуправления». И.В. Казанцев заявил о недопустимости в республиканской демократической России исполнения подобных славословий, а М.И. Федорович его проигнорировал [20].

Вскоре раздались крики об исполнении «Боже, царя храни!», на этот раз официального гимна бывшей Российской империи. Один из офицеров выскочил на сцену и приказал музыкантам играть. Произошла заминка, оркестр сыграл несколько тактов и часть присутствовавших встала [15, 20, 22]. Несколько офицеров стали силой поднимать со стула сопротивлявшегося И.В. Казанцева. В такой обстановке представители самоуправления решили немедленно покинуть банкет. Однако вывести из зала председателя Енисейской губернской земской управы не получалось. Он пробрался к начальнику гарнизона через пытавшихся удержать его и потребовал слова. На это М.И. Федорович якобы ответил: «Успокойтесь, я сам буду протестовать» [20]. Он распорядился через своего адъютанта остановить музыку и восстанавливал порядок, несколько раз скомандовав офицерам: «Смирно!» [17. P. 63].

Как вспоминал Дж. Уорд: «Что было в этих нотах, одно небо знает. Но банкет в ту же минуту превратился в сцену невообразимого скандала. Татары и казаки радостно подпевали, старые русские офицеры приказывали оркестру замолчать, тщетно стараясь установить тишину и порядок. Штатские с мрачными лицами, отбросив куда-то броню непроницаемости, бросали проклятия и потрясали сжатыми кулаками, грозя своим военным соотечественникам» [11. С. 64].

После случившегося начальник штаба гарнизона Ясенский объяснял: «Крайне трудно влиять словом на приподнятое вином настроение толпы, а потому успокоить сразу разгоревшиеся страсти не представлялось возможным. Кроме того, начальнику гарнизона много мешал в этом и Казанцев, позволивший себе через стол кричать председателю банкета: “От чего Вы не протестуете, когда я протестую, я требую… и т.д.» [22].

После демонстративного ухода социалистов и успокоения офицеров М.И. Федорович предоставил слово для следующего приветствия [20]. Затем Дж. Уорд «разряжал атмосферу» пением английских шуточных песен. Когда и иностранные гости покинули мероприятие, банкет «принял характер шумной русской попойки» [15].

Борьба участников «инцидента» вокруг его интерпретации

На следующий день, 23 октября, уполномоченный Чехословацкого национального совета Г.А. Лелек составил донесение о том, что в Красноярске «офицерством была устроена политическая демонстрация за царя», и отправил его по телеграфу уполномоченным Чехословацкого национального совета в Уфе, Челябинске, Томске и Иркутске. Однако телеграмма была задержана в Красноярске, прокомментирована М.И. Федоровичем и перенаправлена командиру IV Восточно-Сибирского корпуса А.В. Элерц-Усову с такими словами: «Никакой политической демонстрации не было, банкет отнюдь не носил политической окраски». Чешскую телеграмму он объяснял «молодостью прапорщика Лелека, не полным пониманием многого в нашей жизни, обстановке и даже языке, а также соседством за столом с г. Казанцевым, который и мог дать совершенно неправильное освещение происходящему» [1. С. 44].

В свою очередь, исполнявший обязанности енисейского губернского комиссара П.С. Доценко написал доклад в министерство внутренних дел Временного Сибирского правительства о скандальном банкете. Он изложил события как пьяный дебош русских офицеров, сопровождавшийся исполнением дореволюционных гимнов [17. P. 62–63].

Первая публичная реакция на прошедший банкет появилась в прессе 24 октября. Общественно-политическая газета «Свободная Сибирь» опубликовала сразу три текста – передовую статью, хроникерскую заметку и фельетон – речам полковника Дж. Уорда. Журналисты живописали о светлых и сильных патриотических эмоциях, которые владели присутствовавшими в начале банкета. Об остальном газета умолчала, превратив нелицеприятную историю в позитивную новость. Редактор явно манипулировал общественным мнением, давая превентивный отпор социалистической прессе.

Публикациями «Свободной Сибири» социалисты были еще больше обижены и озлоблены. Более того, ощущение угрозы, исходившей от военных, в эти дни резко обострилось слухами о чешском военно-полевом суде над деятелями местной советской власти И.И. Белопольским, Г.С. Вейнбаумом, Я.Ф. Дубровинским, А.Ф. Порадовским и В.Н. Яковлевым, который мог закончится вынесением смертных приговоров. Красноярские эсеры и меньшевики, считавшие большевиков скорее идейными противниками, чем преступниками, 24–26 октября пытались предотвратить кровопролитие.

Однако слухи имели под собой реальную почву, военно-полевой суд действительно вынес смертный приговор. По распоряжению командира 2-й чехословацкой дивизии, командующего Екатеринбургской группой войск Сибирской армии генерал-майора Р. Гайды он был приведен в исполнение в ночь на 25 октября. Военные скрывали эту информацию, предпринимая в свою очередь усилия для предотвращения политических выступлений социалистов. Начальник гарнизона М.И. Федорович решился действовать не силовыми методами, а дипломатическими. 25 октября он лично посетил совет профсоюзов и побеседовал с его членами. На следующий день М.И. Федорович выступил на заседании Красноярской городской думы: «Я здесь человек новый, недавно прибывший, меня никто не знает. Знакомство дало бы возможность узнать, с кем я имею дело и с кем имеете дело вы. По несчастной случайности, я не имею права допускать политических митингов и вынесения политических резолюций… Я считаю, что благоразумная политика начальства заключается не только в том, чтобы карать, но и в том, чтобы предупреждать» [25, 26]. Социалисты восприняли визиты полковника как запугивание и окончательно утвердились в необходимости борьбы против начальника гарнизона.

Представители земского и городского самоуправления составили подробный акт о прошедшем банкете. В этом документе изложение событий подводило к обвинениям против организаторов мероприятия. Одно обвинение заключалось в попустительстве военного начальства нарушению прав, достоинств и личной неприкосновенности деятелей органов самоуправления. Второе было сформулировано витиевато: «Усматриваем в явной демонстрации монархических чувств на официальном банкете, устроенном в республиканской России в присутствии офицеров английской армии, не только оскорбление демократических чувств и республиканских убеждений представителей русского народа, но национальный позор и государственное преступление» [20]. Составители акта требовали наказать виновных, имея в виду начальника гарнизона Красноярска, ответственного за порядок и дисциплину его подчиненных.

Адресатами акта были Временное Всероссийское правительство, командир английского батальона, полковник Дж. Уорд и вся сибирская общественность. Акт был опубликован в ближайшем номере газеты Красноярского комитета партии эсеров «Знамя труда» 28 октября.

Накануне публикации акта редакция красноярской меньшевистской газеты «Дело рабочего» в анонимной статье «Так кончился пир их бедою» сколь могла подробно со своей стороны изложила инцидент и сформулировала наиболее резкий выпад в адрес военных: «Каким образом высшие и ответственные представители армии допустили на политическом банкете черносотенно-монархическое выступление части офицеров, совершенно не понятно» [15].

Поднявшаяся в прессе шумиха о «монархизме» офицеров Красноярского гарнизона оказалась как нельзя не кстати М.И. Федоровичу. По всей вероятности, в эти дни он вел переговоры о возможном назначении в будущее морское ведомство Временного Всероссийского правительства [27], декларировавшего демократические ценности и принципы. Поэтому от обвинений социалистов нужно было защищаться не только по административной линии, но и публично.

Начальник гарнизона в первую очередь подал в суд на редактора газеты «Дело рабочего» за клевету. Только в этой газете было ошибочно написано, что личный адъютант М.И. Федоровича приказал оркестру играть «Боже, царя храни!», и о физическом насилии офицеров в отношении И.В. Казанцева. Следующим шагом стало открытое письмо, составленное начальником штаба гарнизона Красноярска подполковником Ясенским с согласия М.И. Федоровича. В письме заявлялось: «Происшедший инцидент, совершенно не имел подкладки политической демонстрации монархически настроенного офицерства гарнизона и устроителей банкета. Это один из крайне прискорбных эпизодов, к сожалению, очень часто сопровождающих пока что, наши русские обеды и банкеты» [22]. При этом грубое поведение офицеров объяснялось провокационным поведением И.В. Казанцева. То есть военные попытались полностью вывести банкет из политического поля, списав произошедшее на стечение обстоятельств, эмоции и алкоголь. Для смягчения впечатления в письме сообщалось, что в отношении офицера, выскочившего на сцену и приказавшего играть гимн, ведется дознание. Письмо Ясенского было опубликовано в официальной газете «Воля Сибири» 30 октября, затем перепечатано в «Свободной Сибири» 31 октября и в «Деле рабочего» 3 ноября. Таким образом, М.И. Федорович попытался предстать перед общественностью аполитичным.

Последствия красноярского политического скандала для контрреволюции на востоке России

На этом история скандала на красноярском банкете не была закрыта, а, напротив, перешла на высший государственный уровень. На заседании Временного Всероссийского правительства в Омске 30 октября был заслушан вопрос о «красноярском инциденте». Проблема была сформулирована словами составленного социалистами акта: «Устроители красноярского банкета попустительствовали проявлению монархических настроений офицеров и позволили оскорблять представителей республиканской России» [7. С. 191].

Демократическое правительство, избранное на Уфимском государственном совещании, не могло допустить монархических настроений в армии и унижения представителей органов местного самоуправления. Однако, озабоченное борьбой за власть в Омске и трудностями формирования Совета министров, оно ограничилось требованием от полковника М.И. Федоровича объяснений по поводу скандала.

Член Временного Всероссийского правительства и Верховный главнокомандующий генерал-лейтенант Г.В. Болдырев в личном дневнике охарактеризовал красноярский банкет так: «Подвыпившее офицерство устроило монархический дебош с пением “Боже, царя

храни”. Я заметил, что, видимо, это отвечает их психологии. Другого гимна не создано – образовалась пустота» [28. С. 88] – и взял эту историю на заметку. 15 ноября 1918 г. после того, как сюжет с исполнением офицерами гимна «Боже, царя храни» повторился на банкете более высокого политического уровня в Омске, он издал приказ: «Я неоднократно подтверждал, что армия вне политики, что всякое публичное выявление своих политических симпатий, в какую бы сторону они ни клонились, совершенно недопустимы со стороны представителей армии. Между тем в последнее время все чаще и чаще повторяются крайне возмутительные случаи злоупотребления гимном “Боже, Царя храни”… Я удивлен, что присутствующие старшие, начальствующие лица ни в одном случае не прибегли к аресту виновных и немедленному привлечению их к строжайшей ответственности. В будущем буду считать это преступным бездействием власти. Лица, сознательно или бессознательно вредящие созиданию здоровой дисциплины в армии и спокойному развитию возрождающейся государственности, должны быть немедленно устраняемы из рядов армии» [7. С. 282].

Общественное мнение в масштабах Сибири также проявило озабоченность политическим поведением офицерства. Массовая ежедневная общественно-политическая либеральная газета «Свободный край» в Иркутске 5 ноября напечатала передовую статью с «благожелательной критикой офицерства в интересах возрождающейся России». Это являлось нонсенсом, так как в сибирской прессе того времени господствовал героический образ офицерства. Содержание статьи сводилось к напоминанию принципа «армия вне политики» и предостережению: «Инцидент на банкете в Красноярске, другие, менее значительные казусы, имевшие место и в Иркутске, воскрешают в представлении обывательской массы образ того офицера, который является врагом не только большевиков, но и грозой для мирного обывателя <…>. В общественных кругах зреет недовольство и раздражение по отношению к тем, кто является опорой и основой возрождающейся армии».

Самая цитируемая в Сибири газета «Заря», издававшаяся в Омске, посвятила передовицу от 17 ноября «монархическим инцидентам» и тоже вкрадчиво критиковала офицеров: «Можно быть человеком любых убеждений, но нужно понимать, что дисциплинированная армия для государства в такое время как переживаемое, важнее всего, что офицерство в армии должно быть образцом дисциплины, выдержки, умения хранить свое достоинство».

В самом же Красноярске И.В. Казанцев инспирировал еще одно выступление против офицеров. В журнале «Земское дело», редактором которого он являлся, 15 ноября была опубликована статья «Как мы встречали английских гостей». Текст был написан «для народа», в просторечном стиле и за подписью крестьянина, члена Енисейской губернской земской управы С.С. Медянского. Статья прямолинейно винила офицеров: «Тот, кто набрался здравицы и своих не помнит и даже не помнит, как его из собрания вывели, должно быть действительный царский слуга, таким только и петь “Боже, царя храни”, потому что это при царе введено: пей, только царя поминай, все тебе будет». Текст выглядел особенно вызывающим, так как накануне в Красноярске было введено осадное положение с комендантским часом. Однако наказание редактора журнала откладывалось.

Только после государственного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к установлению на востоке России военной диктатуры А.В. Колчака, М.И. Федорович подписал постановление о закрытии журнала «Земское дело» с изъятием из обращения последнего его номера и привлечением редактора к уголовной ответственности [29]. Социалистические газеты «Дело рабочего» и «Знамя труда» стали выходить со следами цензуры, изымавшей до половины текстов номеров. В связи с этим существование изданий в декабре 1918 г. прекратилось. Органы самоуправления, профсоюзы, партии эсеров и меньшевиков в Красноярске остались без периодической печати.

В декабре 1918 г. М.И. Федорович получил звание генерал-майора, был переименован в контр-адмиралы и назначен начальником технического управления Морского министерства Российского правительства. Покидая Красноярск, М.И. Федорович публично поблагодарил офицеров своего штаба за «усиленную работу по удовлетворению всех вопросов текущей жизни, как чисто военных, так и гражданских» и признавал, что «быть может, штаб не всегда успешно справлялся с этой массой дел» [30].

***

С точки зрения семиотики скандал является одним из базовых механизмов культуры. Умышленное нарушение принятой системы значений нацелено на разрыв утвердившихся норм и захват первенства. Обязательными характеристиками скандала исследователи называют внешнюю спонтанность, символичность, избыточную эмоциональность и отсутствие развернутой аргументации. Все перечисленное присутствовало в истории красноярского банкета 22 октября 1918 г.

Главным автором политического «вызова» являлся начальник гарнизона полковник М.И. Федорович. Вместе с организацией масштабного торжества и ролью распорядителя он взял на себя репрезентативные функции власти. Начальник гарнизона позиционировал себя как первое лицо Красноярска и всей Енисейской губернии. Более того, он надел золотые погоны, символ власти и «возвышения» офицеров над народом. Тем самым М.И. Федорович нарушил принцип демократической контрреволюции, ставивший армию вне политики.

Заявления М.И. Федоровича о том, что «банкет отнюдь не носил политической окраски», касаются лишь того, что начальник гарнизона и большинство офицеров его штаба не являлись монархистами в прямом смысле слова. Они были приверженцами единоначалия и патриотами образа великой России, не имевшей своего гимна. Вместе с тем банкет продемонстрировал по меньшей мере пренебрежительное

отношение военных к органам самоуправления и лозунгам народоправства. Это наносило удар по иерархии ценностей демократической контрреволюции, в которой национальные лозунги уступали демократическим.

Все «инциденты» банкета и их последующие интерпретации стали выражением конфликта интересов и ценностей боровшихся за власть военных и социалистов. Конкретно в Енисейской губернии этот конфликт обострился только в октябре 1918 г. из-за резкого ослабления политических позиций администрации, главам которой до того удавалось сдерживать амбиции борющихся сторон и поддерживать баланс отношений между военными, обществом и властью.

Последствия скандала были негативными. Красноярск, один из самых демократичных административных центров Сибири, стал городом с самым суровым вмешательством военных в жизнь населения и общественно-политические процессы. Больше других пострадали красноярские социалисты, лишившиеся периодической печати и умножившие заряд сопротивления государственной власти. Военные потеряли часть морального авторитета и утвердились в своей приверженности к силовым методам управления.

Примечания

[1] В документах, официально опубликованных в Красноярске с 8 сентября по 13 ноября 1918 г., М.И. Федорович подписывался как начальник гарнизона, полковник. В связи с этим нуждается в уточнении информация справочника «Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны» (М., 2011), где указано, что М.И. Федорович с 17 по 22 сентября 1918 г. имел звание полковника, а с 23 сентября по 28 декабря 1918 г. – генерал-майора.

Список источников

1. Карпухин К.В., Овчаров В.В. Экспорт демократии западноевропейского образца в Россию // The newman in foreign policy. 2018. № 44 (88). С. 42–47.
2. Конев К.А. Официальные банкеты в контексте публичной политики Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака: презентация образа иностранных союзников // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов конф. / отв. ред. Т.И. Морозова. Новосибирск, 2018. С. 141–151.
3. Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.
4. Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный» бой 1918 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2001. С. 48–66.
5. Шишкин В.И., Шереметьева Д.Л. Кризис Временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г.: арьергардная схватка в Красноярске // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 53–61.
6. Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М. ; СПб., 2003. 637 с.
7. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и мат. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.
8. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. М., 2011. 670 с.
9. Объявление // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 8 сентября. С. 1.
10. Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–62.
11. Союзная интервенция в Сибири (1918–1919 гг.). Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / предисл. И.М. Майского. М. ; Пг., 1923. 172 с.
12. Хроника // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 20 октября. С. 4.
13. Красноярск, 20 октября // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 20 октября. С. 1.
14. Красноярск, 22 октября // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 22 октября. С. 3.
15. Так кончился пир их бедою // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 27 октября. С. 2.
16. Медянский С.С. Как мы встречали английских гостей // Земское дело. Красноярск. 1918. № 4. С. 27–28.
17. Dotsenko P. The struggle for the liberation of Siberia, 1918–1921 / interview conducted by R.A. Pierce. Berkley, 1960. 115 p.
18. Симонов Д.Г., Шишкин В.И. «Введение погон сейчас нежелательно…»: заседание комиссии по вопросу о введении погон в Сибирской армии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12, № 1. С. 120–125.
19. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 612 с.
20. Акт // Знамя труда. Красноярск. 1918. 28 октября. С. 2.
21. Мир и демократия // Знамя труда. Красноярск. 1918. 9 октября. С. 1.
22. Письмо в редакцию // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 30 октября. С. 4.
23. Хроника // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 октября. С. 4.
24. Novus. Шумим, братцы, шумим! // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 1 ноября. С. 3.
25. Городское самоуправление // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 29 октября. С. 3.
26. В городской думе // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 31 октября. С. 3.
27. Хроника // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 30 октября. С. 3.
28. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. 652 с.
29. Постановление уполномоченного командира по охранению государственного порядка и общественного спокойствия Енисейской губернии // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 27 ноября. С. 1.
30. Приказ по красноярскому гарнизону // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 22 декабря. С. 1.

References

1. Karpukhin, K.V. & Ovcharov, V.V. (2018) Eksport demokratii zapadnoevropeyskogo obraztsa v Rossiyu [Export of Western-style democracy to Russia]. *The Newman in Foreign Policy*. 44 (88). pp. 42–47.
2. Konev, K.A. (2018) [Official banquets in the context of the public policy of the Provisional All-Russian Government and the Russian Government of A.V. Kolchak: presentation of the image of foreign allies]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Actual Problems of Historical Research: The view of young scientists]. Proceedings of the Conference. Novosibirsk. 27–29 September 2018. Novosibirsk: SB RAS. pp. 141–151. (In Russian).
3. Konev, K.A. (2018) *"Soyuzniki" v politicheskikh narrativakh i simvolicheskikh praktikakh antibol'shevistskogo dvizheniya na vostoke Rossii (may 1918 – yanvar' 1920 gg.)* ["Allies" in Political Narratives and Symbolic Practices of the Anti-Bolshevik Movement in Eastern Russia (May 1918 – January 1920)]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Lar'kov, N.S. (2001) Bor'ba za vlast' na territorii "beloy" Sibiri: sentyabr'skiy "vstrechnyy" boy 1918 g. [The struggle for power on the territory of

"white" Siberia: the September "oncoming" battle of 1918]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii. Problemy istorii. Bakhrushinskie chteniya 2001 g.* [Civil War in the East of Russia. Problems of history. Bakhrushin Readings 2001]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 48–66.
5. Shishkin, V.I. & Sheremet'eva, D.L. (2013) Crisis of the provisional Siberian government in September 1918: Rearguard battle in Krasnoyarsk. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 53–61. (In Russian).
6. Klaving, V.V. (2003) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Belye armii* [Civil War in Russia: White armies]. Moscow; Saint Petersburg: AST; Terra Fantastica.
7. Shishkin, V.I. (ed.) (2010) *Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (23 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g.)* [Provisional All-Russian Government (September 23 – November 18, 1918)]. Novosibirsk: Sova.
8. Kuptsov, I.V., Buyakov, A.M. & Yushko, V.L. (2011) *Belyy generalitet na vostoke Rossii v gody Grazhdanskoy voyny* [White Generals in the East of Russia During the Civil War]. Moscow: Kuchkovo pole.
9. Volya Sibiri. (1918) Ob"yavlenie [Announcement]. *Volya Sibiri*. 8 September. p. 1.
10. Shishkin, V.I. (2008) 1918: from directory towards dictatorship. *Voprosy istorii – Issues of History*. 10. pp. 42–62. (In Russian).
11. Ward, J. (1923) *Soyuznaya interventsiya v Sibiri (1918–1919 gg.). Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda* [Allied Intervention in Siberia (1918–1919). Notes of the head of the English expeditionary detachment, Colonel John Ward]. Translated from English. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
12. Svobodnaya Sibir'. (1918) Khronika [Chronicle]. *Svobodnaya Sibir'*. 20 October. p. 4.
13. Svobodnaya Sibir'. (1918) Krasnoyarsk, 20 oktyabrya [Krasnoyarsk, October 20]. *Svobodnaya Sibir'*. 20 October. p. 1.
14. Volya Sibiri. (1918) Krasnoyarsk, 22 oktyabrya [Krasnoyarsk, October 22]. *Volya Sibiri.* 22 October. p. 3.
15. Delo rabochego. (1918) Tak konchilsya pir ikh bedoyu [So the feast ended with their misfortune]. *Delo rabochego.* 27 October. p. 2.
16. Medyanskiy, S.S. (1918) Kak my vstrechali angliyskikh gostey [How we met the English guests]. *Zemskoe delo*. 4. pp. 27–28.
17. Dotsenko, P. (1960) *The struggle for the liberation of Siberia, 1918–1921*. Berkley: [s.n.].
18. Simonov, D.G. & Shishkin, V.I. (2013) "Introduction of shoulder boards is now undesirable...": commission meeting on the issue of shoulder boards introduction in Siberian army. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 1 (12). pp. 120–125. (In Russian).
19. Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [Siberian White Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
20. Znamya truda. (1918) Akt [Act]. *Znamya truda.* 28 October. p. 2.
21. Znamya truda. (1918) Mir i demokratiya [Peace and Democracy]. *Znamya truda*. 9 October. p. 1.
22. Volya Sibiri. (1918) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Volya Sibiri*. 30 October. p. 4.
23. Svobodnaya Sibir'. (1918) Khronika [Chronicle]. *Svobodnaya Sibir'*. 24 October. p. 4.
24. Svobodnaya Sibir'. (1918) Novus. Shumim, brattsy, shumim! [Novus. Let's make noise, brothers, let's make noise!]. *Svobodnaya Sibir'*. 1 November. p. 3.
25. Volya Sibiri. (1918) Gorodskoe samoupravlenie [City self-government]. *Volya Sibiri*. 29 October. p. 3.
26. Delo rabochego. (1918) V gorodskoy dume [In the city duma]. *Delo rabochego*. 31 October. p. 3.
27. Svobodnaya Sibir'. (1918) Khronika [Chronicle] *Svobodnaya Sibir'*. 30 October. p. 3.
28. Boldyrev, V.G. (1925) *Direktoriya, Kolchak, interventy. Vospominaniya* [Directory, Kolchak, Interventionists. Memoirs]. Novonikolaevsk: Sibkrayizdat.
29. Volya Sibiri. (1918) Postanovlenie upolnomochennogo komandira po okhraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshchestvennogo spokoystviya Eniseyskoy gubernii [Decree of the authorized commander for the protection of state order and public peace of the Yenisei province]. *Volya Sibiri*. 27 November. p. 1.
30. Volya Sibiri. (1918) Prikaz po krasnoyarskomu garnizonu [Order on the Krasnoyarsk garrison]. *Volya Sibiri*. 22 December. p. 1.

Информация об авторе:
Шереметьева Д.Л. – канд. ист. наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: dalas83@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
D.L. Sheremeteva, Cand. Sci. (History), junior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dalas83@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021;
одобрена после рецензирования 26.02.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 17.02.2021;
approved after reviewing 26.02.2021; accepted for publication 28.02.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 191–196
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 475. pp. 191–196

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.1, 343.2
doi: 10.17223/15617793/475/23

Правовая неопределенность норм о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания: проблемы правоприменения и пути решения

Ольга Ивановна Андреева[1], Анастасия Анатольевна Рукавишникова[2], Михаил Константинович Свиридов[3]

[1, 2, 3] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] andreevaoi_70@mail.ru
[2] satsana@yandex.ru
[3] kafedra.ups@mail.ru

Аннотация. Анализируется порядок зачета срока запрета выходить за пределы жилого помещения, как меры пресечения, в срок наказания. Авторы пришли к выводу о системных проблемах закона и практики в этой части, нарушении принципов равенства граждан, справедливости, правовой определенности, а также о наличии оснований для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о неконституционности уголовно-процессуального процессуального и уголовного закона в части регулирования рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: зачет срока, запрет определенных действий, неопределенность норм, равенство граждан перед законом и судом, справедливость наказания, правоприменительная практика, Конституционный Суд РФ

***Для цитирования*:** Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Свиридов М.К. Правовая неопределенность норм о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст.105.1 УПК РФ, в срок наказания: проблемы правоприменения и пути решения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 191–196. doi: 10.17223/15617793/475/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/23

Legal ambiguity of norms on the set-off of the restraining order time period provided for in Item 1 Part 6 Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code as part of punishment: Problems of law enforcement and ways to solve them

Olga I. Andreeva[1], Anastasia A. Rukavishnikova[2], Mikhail K. Sviridov[3]

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] andreevaoi_70@mail.ru
[2] satsana@yandex.ru
[3] kafedra.ups@mail.ru

Abstract. This article discusses the problem of the set-off of the restraining order time period, provided for in Item 1 Part 6 of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as part of punishment. The analysis of the legislature shows that norms of the Criminal Code of the Russian Federation provide for the set-off of time in custody during preliminary investigation and up to the entry of a judgement into legal force as part of punishment. The length of detention is counted as part of punishment at the ratio 1:1; the length of home confinement is counted as the period of custody before pretrial proceeding and as part of punishment at the ratio 2:1. Both measures are related to the restriction of the right to freedom and privacy. Home confinement is equal to detention in terms of restriction of rights and freedoms. Establishing the special ratio for the set-off of time of home confinement to time of detention and to time of imprisonment, the legislator takes into account the fact that conditions of home confinement and of detention are different. Restriction of the right to freedom and privacy is related to prohibition of certain actions – to leave the house within a specific time period. The Criminal Code of the Russian Federation does not fix the possibility to set-off the restraining order time period as part of punishment and its ratio. The RF Criminal Procedure Code provides for the set-off, at the ratio of teo days of the restraining order application to one day of detention. The analysis of the law enforcement practice shows that there emerged a situation of legal ambiguity of the legal regulation of the set-off of the restraining order time period, as fixed in Item 1 Part 6 of Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code, as part of punishment. Courts choose different ways to set-off the time of prohibition of certain ac-

© Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Свиридов М.К., 2022

tions as time of punishment. The existing ratio of the set-off of the period of home confinement and of prohibition to leave the house is unjust because it gives the same status to persons who are in conditions of full and partial isolation (with regard to the set-off of the period as part of punishment). The legislator, providing restrictive measures, different yet similar by nature, should guarantee equal protection rights. Introducing restrictive measures as restrictions and prohibitions, in force at different period of time, the legislator should have fixed a specific approach to the set-off of this prohibition as part of punishment. The authors come to a conclusion that nowadays there are grounds to apply to the Constitutional Court of the Russian Federation with a request on the unconstitutionality of criminal law and criminal procedural law on the considered problem. Before this problem is solved on the highest level, considering the essence of the restraining order provided for in Item 1 Part 6 of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and following the general principles of penalty imposition, the authors propose to consider the specified time of the restraining order in hours and to define in total the period to be set off as part of punishment.

Keywords: set-off of time, restraining order, prohibition of certain actions, ambiguity of norms, equality of citizens before law and court, justice of sentence, law enforcement practice, Constitutional Court of Russian Federation

***For citation*:** Andreeva, O.I., Rukavishnikova, A.A. & Sviridov, M.K. (2022) Legal ambiguity of norms on the set-off of the restraining order time period provided for in Item 1 Part 6 Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code as part of punishment: Problems of law enforcement and ways to solve them. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 191–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/23

Нормами УК РФ предусмотрен зачет времени ограничения (лишения) свободы в ходе предварительного расследования и до вступления приговора в законную силу в срок наказания. В соответствии с ч. 3 ст. 72 УК РФ время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается в сроки содержания в дисциплинарной воинской части из расчета один день за полтора дня, ограничения свободы, принудительных работ и ареста – один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе – один день за три дня, а в срок обязательных работ – из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ, а в срок лишения свободы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3.2 и 3.3 ст. 72 УК РФ, из расчета один день содержания под стражей за: а) один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима; б) полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима; в) два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

Частью 3.4 ст. 72 УК РФ определена пропорция (коэффициент кратности) зачета времени нахождения под домашним арестом. Так, время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

С одной стороны, мера пресечения домашний арест по уровню правового воздействия и способности ограничивать права и свободы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого приравнивается к заключению под стражей, с другой – законодателем устанавливается специальная пропорция для зачета срока домашнего ареста в срок заключения под стражу и в срок лишения свободы, при этом учитывается, что условия нахождения под домашним арестом и при заключении под стражей отличаются в пользу благоприятности первых.

Вопрос о возможности зачета времени нахождения под домашним арестом, наряду со сроком нахождения под стражей, в срок наказания неоднократно был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В своем Определении Конституционный Суд РФ указал, что при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, суд как орган правосудия призван обеспечивать одинаковые по своей природе судебные гарантии защиты прав и законных интересов личности. Исходя из позиции Конституционного Суда РФ (п. 2.1), это в равной мере распространяется на меру пресечения в виде домашнего ареста, которая, как и заключение под стражу, непосредственно ограничивает конституционные права на свободу и личную неприкосновенность. Единая природа данного конституционного права предполагает и единые правовые гарантии его судебной защиты [1].

Мотивируя необходимость зачета времени домашнего ареста в срок заключения под стражу, а в последствии и в срок наказания, Конституционный Суд РФ исходил из того, что понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение и любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), входят в это понятие. Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы (п. 3) [2].

Европейский Суд по правам человека в своих решениях обратил внимание на то, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, при этом предложил оценивать не по формальным, а по сущностным признакам (п. 42) [3]. Европейским Судом были сформулированы и сущностные признаки категории «лишение свободы». К таковым он отнес: принудительное пребывание в ограниченном пространстве; изоляцию человека от общества, семьи; прекращение выполнения служебных обязанностей; невозможность свободного передвижения; невозможность свободного общения с неограниченным кругом лиц [4]. Исходя из

позиции Европейского Суда, различие между лишением и ограничением свободы состоит «в степени или суровости, а не в природе или сущности» [5].

В 2018 г. система мер пресечения в уголовном процессе была дополнена новой мерой пресечения – запретом определенных действий. Пунктом 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен такой запрет, как выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Если следовать выше рассмотренным позициям Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, то данный запрет по его сущностно-правовому смыслу (так как предполагает принудительное пребывание в ограниченном пространстве и изоляцию от общества, невозможность свободного передвижения, невозможность свободного общения с неограниченным кругом лиц) соответствует лишению свободы. Исходя из чего становится понятным, почему законодатель пошел по пути возможности зачета срока нахождения лица под таким запретом в срок содержания под стражей, а значит – в срок наказания.

В соответствии с ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей наряду с временем, на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого, временем домашнего ареста и др, также засчитывается время, в том числе запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, из расчета *два дня его применения за один день содержания под стражей* (выделено нами. – *О.А., А.Р., М.С.*). Кроме того, согласно требованиям УПК РФ (п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ) резолютивная часть обвинительного приговора должна содержать решение о зачете времени предварительного содержания под стражей, если к подсудимому до постановления приговора применялись в том числе меры запрета определенных действий, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

При этом в ч. 3.4 ст.72 УК РФ возможности зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания и коэффициентов кратности не установлено. Если следовать ч. 10 ст. 109 УПК РФ, то зачет срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания возможен только путем промежуточного перерасчета в срок содержания под стражу, и коэффициент кратности в этом случае будет аналогичным установленному для домашнего ареста.

Как свидетельствует анализ изученной практики[1], суды при избрании запрета определенных действий и установления запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в своих решениях устанавливают различные временные пределы в часах. В частности, в судебных решениях содержатся запреты: «не покидать жилое помещение в период с 00.00 до 23.59; не покидать жилое помещение с 22 час до 08 утра; не выходить за пределы домовладения, за исключением периода времени с 12 часов 00 минут по 14 часов 00 минут, и времени, необходимого для явки к следователю и в суд, и посещения медицинских учреждений при наличии соответствующих оснований; не выходить за пределы жилого помещения, за исключением времени для приобретения продуктов питания в период с 11 часов 00 минут до 12 часов 00 минут каждых суток, и времени, необходимого для явки к следователю и в суд, и посещения медицинских учреждений при наличии соответствующих оснований, либо в случае явной угрозы ему или его близким и др.

Совершенно обоснованно отсутствуют на практике случаи, где период действия запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, равнялся бы суткам. В таком случае это подменяло бы такую меру пресечения, как домашний арест.

Между тем особому анализу подлежат те случаи, где ограничения на выход из жилого помещения при применении запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, максимально приближены к 24 часам (суткам). Возникает вопрос, не осуществляется ли здесь подмена меры пресечения домашнего ареста на запрет определенных действий, с условием, что изоляция в жилом помещении устанавливается на 24 часа, а запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, могут быть применены и при избрании домашнего ареста (ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ)? Этот вопрос требует дальнейшего самостоятельного исследования.

Очевидно, что степень ограничения свободы передвижения лица при домашнем аресте является более существенной (даже исходя из построения системы мер пресечения (ст. 98 УПК РФ) от менее – к более тяжкой). В качестве общего правила, в соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ, домашний арест предполагает запрет на выход из жилого помещения в течение полных суток установленного периода и нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. Возможность покидать жилое помещение при домашнем аресте – это исключение, которое должно быть обоснованным. Вместе с тем пропорция зачета времени нахождения на домашнем аресте и запрете, предусмотренном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК, в срок заключения под стражу является идентичной (ч. 3.4 ст. 72 УК РФ, п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ) и составляет два к одному.

Анализ выше приведенной практики показывает, что сутки нахождения на домашнем аресте не равняются по интенсивности существования ограничений права на свободу, на передвижение подозреваемого, обвиняемого суткам нахождения на запрете, предусмотренном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, где ограничения действуют только определенный часовой период. В частности, ограничение в виде запрета покидать жилое помещение с 22.00 до 08.00 при запрете определенных действий не равняется 24-часовому нахождению в изоляции при домашнем аресте. В этой связи является очевидным, что запрет, установленный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и домашний арест не совпадают по своему уголовно-процессуальному и конституционному смыслу.

Проведенный анализ изученной практики деятельности судов по зачету времени запрета, установлен-

ного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания, в отсутствие прямого нормативного регулирования со стороны уголовного закона, позволил выделить следующие правоприменительные подходы (их выделение условно и основано на признаках типичности правоприменительных случаев).

1. Суды при вынесении приговора засчитывают срок существования запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, через срок содержания под стражей. Так, например, в приговоре Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга в резолютивной части указывается, что в соответствии с пп. 1, 1.1, 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей засчитывается время: на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого; запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей; домашнего ареста. В силу п. «в» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ (в ред. ФЗ от 03.07.2018 № 186-ФЗ) время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

2. Суды при вынесении приговора засчитывают срок существования запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в наказание без промежуточного перерасчета в срок заключения под стражу. Так, в приговоре Тейковского районного суда Ивановской области в резолютивной части установлено: срок применения к подсудимому предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрета – с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ включительно – зачесть в срок наказания из расчета два дня применения указанного запрета за два дня отбывания наказания в колонии-поселении в соответствии со ст. 72 УК РФ.

3. Суды ссылаются на нормы УПК РФ, регулирующие зачет срока существования запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в содержание под стражу, а засчитывают при этом в срок наказания. Так, в приговоре Первомайского районного суда г. Мурманска содержится: в соответствии с п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ зачесть Суворову А.С. в срок отбывания наказания период действия в отношении него запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, из расчета два дня его применения за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима.

Изученная практика судебного правоприменения положений УК РФ и УПК РФ при зачете срока нахождения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на ограничении, предусмотренном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, позволяет выявить и сформулировать несколько тенденций.

Во-первых, во всех проанализированных случаях судебные органы засчитывают срок ограничения, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания. Не встретилось судебного приговора, где суд отказал бы в учете этого срока с мотивировкой отсутствия прямого указания на возможность зачета в срок наказания в УК РФ.

Во-вторых, чтобы приговор в части зачета срока ограничения, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания был законным и обоснованным, суды в своих решениях ввиду отсутствия прямого регулирования УК РФ этого вопроса ссылаются на положения п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, предусматривающего зачет срока ограничения в срок содержания под стражу, и ст. 72 УК РФ.

В-третьих, во всех изученных случаях, несмотря на временные пределы существования ограничения, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, суд исходит из суточного срока его существования, по аналогии с домашним арестом. При изучении практики нам не встретились приговоры суда по изучаемым критериям, где количество суток, подлежащих зачету в наказание, определялась бы суммарным подсчетом часов.

Как представляется, предложенная сегодня законодателем пропорция зачета времени нахождения на домашнем аресте и на запрете, установленном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, является несправедливой, не согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК), поскольку приравнивает по своим правовым последствиям (в части зачета в срок наказания) положение подозреваемых и обвиняемых, находящихся в условия полной изоляции, при исполнении домашнего ареста и положение подозреваемых, обвиняемых при исполнении запрета, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Последние оказываются в более выгодных условиях с позиции назначения будущего наказания, что неоправданно и необоснованно нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом. Законодатель, вводя меры пресечения, включающие ограничения и запреты, действующие в различных временных пределах, должен был закрепить и дифференцированный подход к зачету срока такого запрета в срок наказания. При этом легальная возможность зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и коэффициент кратности такого зачета в срок наказания должны быть установлены в уголовном законе, в силу того, что данный вопрос является предметом материального права.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в настоящее время сложилась ситуация правовой неопределенности в части правового регулирования порядка зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, при исполнении запрета определенных действий, как меры пресечения, в срок наказания.

Проанализированная ситуация свидетельствует о системных проблемах законодательного регулирования и практики применения положений УК РФ и УПК РФ в части вопроса о порядке зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания, что нарушает принцип равенства и справедливости.

Законодатель, вводя различные меры пресечения, в рамках которых ограничения существуют в различных временных границах, должен был закрепить и дифференцированный подход к зачету срока ограничений в срок наказания.

Во-вторых, сложившаяся законодательная ситуация обусловливает существование различных правоприменительных подходов внутри судебной системы страны, что нарушает базовые принципы, отраженные в Конституции РФ (принцип равенства граждан ч. 1 ст. 19), а также подрывает основы назначения наказания (законности, справедливости ст. 3, 6 УК РФ) и нарушает принцип правовой определенности.

Выработанный правоприменительной практикой способ, когда зачет срока рассматриваемого ограничения осуществляется через промежуточный зачет в срок содержания под стражу, не позволяет системно и полно решить этот вопрос, так как не охватывает случаи, когда запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, применяется как первичная мера пресечения и ни задержание, ни заключение под стражу к подозреваемому и обвиняемому ранее не применялись.

В-третьих, в настоящий момент есть все основания для обращения в Конституционный Суд РФ в порядке гл. XIII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6] с запросом о неконституционности уголовно-процессуального, процессуального и уголовного законов в части регулирования вопроса при рассмотрении конкретных уголовных дел, где возникает вопрос о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания.

В-четвертых, до разрешения этого вопроса на уровне Конституционного Суда РФ или уровне материального закона, учитывая необходимость соблюдения и обеспечения принципа равенства граждан перед законом и судом, учитывая сущность запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а также следуя общим принципам назначения наказания, видится необходимым при зачете времени нахождения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на такой мере пресечения, как запрет определенных действий, под запретом, установленным п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, учитывать конкретное время существования запрета в часах и определять срок для зачета в срок наказания суммарно.

Регулирование вопроса зачета сроков мер пресечения в срок заключения под стражу – это предмет уголовно-процессуального права, а зачет сроков мер пресечения в срок наказания – предмет уголовного права. Так как УК РФ не содержит возможность и правила зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания, правильным представляется при обосновании зачета срока этого запрета производить его через зачет в срок заключения под стражу со ссылкой на п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, а потом производить зачет срока заключения под стражу в срок наказания в соответствии с правилами ст. 72 УК РФ.

Примечания

[1] Изучены, обобщены и систематизированы по заданным параметрам решения судов общей юрисдикции о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий, вынесенные по первой инстанции за 2021 г., отобранные методом случайной выборки из базы судебных решений КонсультантПлюс.

Список источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1690-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кажаевой Светланы Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью восьмой статьи 107 УПК Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1 070 и абзаца третьего статьи 1 100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmache) против Франции» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства»// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 января 2010 года по делу «Гиллен и Кинтон (Gillan and Quinton) против Соединенного Королевства» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).

References

1. Consultant Plus. (2016) *Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2016 N 1690-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kazhaeva Svetlana Borisovna about the violation of her constitutional rights by Part Three of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part Eight of Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
2. Consultant Plus. (2009) *Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2009 N 9-P "On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Item 1 of Article 1070 and Item 3 of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens M.Yu. Karelina, V.K. Rogozhkin and M.V. Filandrov"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Consultant Plus. (1994) *Judgement of the European Court of Human Rights of November 24, 1994 in the case of Kemmache v. France.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. Consultant Plus. (1994) *Judgement of the European Court of Human Rights of October 28, 1994 in the case of Murray v. the United Kingdom*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Consultant Plus. (2010) *Judgement of the European Court of Human Rights of January 12, 2010 in the case of Gillan and Quinton v. the United Kingdom*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
6. Consultant Plus. (2021) *Federal constitutional law of July 21, 1994 N 1-FKZ (as amended on July 1, 2021) "On the Constitutional Court of the Russian Federation"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторах:
Андреева О.И. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru
Рукавишникова А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail:satsana@yandex.ru
Свиридов М.К. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail kafedra.ups@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
O.I. Andreeva, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru
A.A. Rukavishnikova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru
M.K. Sviridov, Dr. Sci. (Law), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail kafedra.ups@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 341.1/8
doi: 10.17223/15617793/475/24

Место внутреннего права международных организаций в системе международного права

*Дамир Камильевич Бекяшев[1], Камиль Абдулович Бекяшев[2], Александра Николаевна Попова[*3]*

[1] Московский государственный институт международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия, dambek@yandex.ru
[2] Постоянная палата третейского суда, Гаага, Нидерланды, profbek@mail.ru
[3] Секретариат Суда Евразийского экономического союза, Минск, Беларусь, popova-alexandra.n@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены понятие внутреннего права международных организаций, его объем; проанализировано место внутреннего права международных организаций в системе международного права. Сделан вывод о том, что внутреннее право международных организаций является частью международного публичного права, а именно – права международных организаций, ввиду его сущности, специфики и особого предмета регулирования.

Ключевые слова: международные организации, внутреннее право, внешнее право, правила организации, международное публичное право, право международных организаций

***Для цитирования*:** Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А., Попова А.Н. Место внутреннего права международных организаций в системе международного права // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 197–205. doi: 10.17223/15617793/475/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/24

The place of internal law of international organizations in the system of international law

Damir K. Bekyashev[1], Kamil A. Bekyashev[2], Alexandra N. Popova[3]

[1] MGIMO-University, Moscow, Russian Federation, dambek@yandex.ru
[2] Permanent Court of Arbitration, Hague, Netherlands, profbek@mail.ru
[3] Court of the Eurasian Economic Union, Minsk, Belarus, popova-alexandra.n@yandex.ru

Abstract. The academic literature widely uses the terms “internal” and “external” law of international organizations in relation to the rules governing the status and activities of international intergovernmental organizations. International organizations’ internal law consists of the legal norms relating to the legal personality of international organizations, their structure, correlation between internal divisions of an international organization, the order in which its functions are carried out, responsibility, privileges and immunities of the organization, as well as the procedure for the appointment of international civil servants and their legal status. At the same time, the term “internal law” of international organizations is used not only by scholars, but also by international judicial bodies in their practice. In general, the purpose of the internal law of an international organization is to exclude the influence of the norms of national law of member states and the internal norms of other organizations on the status and activities of an international organization, its bodies and servants. This makes it possible to ensure the independent functioning of an international organization as a consequence of granting it immunity and recognizing its legal personality. However, there is no common definition of the concept “internal law” of international organizations and no unified approach towards determination of the place of international organizations’ internal law in the system of international law. The aim of the article is to study the legal nature of internal law of international organizations and to determine which branch or part of international law it belongs to. The authors analyze various points of view of Russian and foreign researchers which have given rise to scientific discussions regarding the place of internal law of international organizations in the system of international law. The article provides the existing approaches considering internal law as a part of private international law, international administrative law, global administrative law, international labour law, and law of international organizations. The authors also give their own view regarding the statement that the norms of the internal law of international organizations should be considered as local or corporate norms and take their place outside the framework of the system of international law. The analysis of the legal nature and the scope of the notion of internal law of international organizations has shown that its subject of regulation is covered by law of international organizations as a branch of international law.

[*] А.Н. Попова в статье выражает свое личное мнение, которое может не совпадать с позицией организации, в которой она работает.

© Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А., Попова А.Н., 2022

Keywords: international organizations, internal law, external law, rules of an organization, international public law, law of international organizations

***For citation*:** Bekyashev, D.K., Bekyashev, K.A. & Popova, A.N. (2022) The place of internal law of international organizations in the system of international law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 197–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/24

Понятие и место права международных организаций в системе международного права

Как известно, международная межправительственная организация (далее – международная организация) – это объединение государств, созданное в соответствии с международным правом и на основе международного договора, для осуществления сотрудничества в политической, экономической, культурной, научно-технической, правовой и иных областях, имеющее необходимую для этого систему органов, права и обязанности, производные от прав и обязанностей государств, и автономную волю, объем которой определяется волей государств-членов [1. С. 357].

Международные организации являются неотъемлемой и важной частью системы современного международного права и международных отношений; они выступают не только активными субъектами международных правоотношений, а превратились в важных игроков на международной арене [2. С. 20].

По данным Союза международных организаций (UIA), в настоящее время существует более 3 тыс. международных межправительственных организаций [3].

Как справедливо отмечал В. Моравецкий, международная организация не может рассматриваться как простая сумма государств-членов или даже как их коллективный уполномоченный, выступающий от имени всех. Для того чтобы выполнить свою активную роль, организация должна обладать особой правосубъектностью, отличающейся от простого суммирования правосубъектности ее членов. Только при такой предпосылке проблема воздействия международной организации на ее сферу имеет какой-либо смысл [4. С. 60]. Схожей позиции придерживается Э. Хименес де Аречага, по мнению которого международные организации имеют свою собственную правосубъектность и в международном плане занимают самостоятельные и независимые от государств-членов позиции [5. С. 256].

Одним из главных атрибутов правосубъектности международных организаций является наличие у них собственной воли, позволяющей им непосредственно участвовать в международных отношениях и успешно осуществлять свои функции. По справедливому мнению С.А. Малинина, без своей собственной воли, без наличия определенного комплекса прав и обязанностей международная организация не могла бы функционировать нормально и выполнять возложенные на нее задачи [6. С. 116].

Самостоятельность воли проявляется в том, что, после того как организация создана государствами, она (воля) представляет собой уже новое качество по сравнению с индивидуальными волями членов организации. Воля международной организации не есть сумма воль государств-членов, равно как не есть слияние их воль. Эта воля «обособлена» и от воль других субъектов международного права. Источником воли международной организации является учредительный акт как продукт согласования воль государств-учредителей [7. С. 28].

Отметим, что каждая международная организация обладает только ей приписанным объемом правосубъектности, и ее пределы определены в учредительном акте и последующих принятых ею документах. Организация не может совершать иные действия, чем те, которые предусмотрены в ее уставе и других актах.

В современной системе международного права сложилась самостоятельная отрасль – право международных организаций. Ее существование не ставится под сомнение абсолютным большинством ученых, как российских, так и зарубежных.

Право международных организаций – это отрасль международного права, принципы и нормы которой регламентируют порядок создания и деятельности международных организаций, их взаимоотношения с другими субъектами этого права.

Большинство ученых в предмет регулирования права международных организаций включают международные отношения, связанные с созданием, структурой, функциями, полномочиями и деятельностью международных организаций, их взаимодействием с другими субъектами международного права, а также их участием в международно-правовых отношениях [8. С. 350]. Право международных организаций обладает и другими необходимыми признаками отрасли международного права: имеет свои собственные отраслевые принципы, объект регулирования, правовую основу.

Понятие внутреннего права международных организаций

В научной литературе широко используются термины «внутреннее» и «внешнее» право международных организаций применительно к нормам, регулирующим статус и деятельность международных межправительственных организаций. В то же время следует отметить, что такое разделение весьма условно ввиду отсутствия четких критериев для разграничения.

Так, по мнению Г.И. Морозова, под внутренним правом международных организаций следует понимать нормы, определяющие структуру, компетенцию, функции органов, деятельность международных организаций в части, касающейся режима и трудовых отношений различных категорий персонала, разрешения имущественных, финансовых и иных проблем, а также правила процедуры органов, имеющие важное

значение для эффективной деятельности международных организаций [9. С. 34–35]. Внешнее право международных организаций, как указывает данный автор, состоит из норм, регламентирующих положение международных организаций в системе международных отношений (например, соглашения международных организаций с государствами или другими международными организациями). Кроме того, Г.И. Морозов выделяет еще одну группу норм, связанных с деятельностью международных организаций в процессе международного правотворчества, который может проходить в различных формах в зависимости от целей, компетенции и области функционирования соответствующей организации.

Э.С. Кривчикова применительно к регулированию статуса и деятельности международных организаций выделяла нормы, создаваемые международными договорами, а также нормы, разработанные на основе положений учредительных актов, которые в зависимости от их назначения можно разделить на нормы «внутреннего» и «внешнего» права. В право международных организаций Э.С. Кривчикова также включала нормы, регулирующие деятельность международных организаций в процессе международного правотворчества [10. С. 25–26]. На наш взгляд, выделение последней группы норм не имеет практического значения, поскольку регулирование деятельности международных организаций в процессе международного правотворчества охватывается как «внутренним», так и «внешним» правом. В этом отношении мы разделяем мнение А.Я. Капустина, который также считает, что указанные нормы можно встретить как во внутреннем, так и во внешнем праве международных организаций [11. С. 151].

Не углубляясь в дискуссии о классификации норм, регулирующих статус и деятельность международных организаций, отметим, что «внутреннее право» международных организаций является не сугубо научным понятием, но и активно используется в практике международных судебных органов.

Так, впервые термин «внутреннее право» был официально употреблен в решении Административного трибунала Лиги Наций от 15 января 1929 г. – *the internal law of the League of Nations* [12]. Следует отметить, что в решениях международных административных трибуналов данное понятие применяется активно. По словам судьи бывшего Административного трибунала ООН и ученого Ч.Ф. Амерасингха, «международные организации обладают такой характеристикой, что в отношении их внутренней организации и функционирования они находятся вне юрисдикции национального права. Их жизнь регулируется набором правил и принципов, которые составляют их внутреннее право» [13. P. 272]. Еще в 1957 г. Административный трибунал МОТ в деле *Mr. John Albert Waghorn v. the International Labour Organisation* применительно к отношениям между международной организацией и ее служащими отметил: «истец неверно утверждает, что английское право применимо как право его государства, в то время как Трибунал обязан руководствоваться только *внутренним правом организации*…» [14. P. 3].

В решении по делу *Tanifum v. Secretary-General of the United Nations* Трибунал по спорам ООН отмечал, что «это банальный закон, что Организация Объединенных Наций руководствуется своими внутренними правилами и положениями, а не правилами любой другой организации, пока она не признает такие правила как часть ее внутреннего права» [15. Para. 29]. Как указал Суд Евразийского экономического союза в ряде своих консультативных заключений [16. С. 7; 17. С. 17], «внутреннее право международной организации в части регулирования отношений по вопросам международной гражданской службы направлено на исключение влияния на служащего национального права, вследствие чего обеспечивается независимость соответствующего служащего при принятии им решений».

Отметим, что в штаб-квартирах международных организаций и их представительствах работает большое количество лиц, которые вступают в трудовые отношения в качестве работника с работодателем в лице международной организации и приобретают статус международных служащих. Являясь гражданами различных государств и работая на территории того государства, где располагается штаб-квартира или представительства той или иной международной организации, они подпадают под юрисдикцию международной организации во всем, что касается их работы. Иными словами, такие трудовые отношения регулируются внутренним правом международной организации, в частности, положениями и правилами о персонале и не подпадают под сферу регулирования национального законодательства [18. С. 199].

Цель внутреннего права международной организации состоит в исключении влияния норм национального права государств-членов и внутренних норм других организаций на статус и деятельность международной организации, ее органов и служащих. Это позволяет обеспечить независимое функционирование международной организации, которое является следствием наделения ее иммунитетом и признания ее правосубъектности.

В правовой литературе термин «внутреннее право» используется для обозначения правовых норм, касающихся правосубъектности международных организаций, структуры, взаимоотношений между внутренними подразделениями международной организации, порядка осуществления ее функций, ответственности, привилегий и иммунитетов организации, а также порядка назначения и статуса международных служащих [10. С. 25–26; 13. P. 325; 18. С. 199–207; 19. С. 37–45; 20. С. 138–140; 21. P. 61; 22. С. 117; 23. С. 216]. Таким образом, внутреннее право охватывает вопросы, касающиеся внутриорганизационного механизма функционирования международной организации [18. С. 199]. Как отмечает Д. Боуэтт, к внутреннему праву международной организации, или правилам организации, относятся учредительные акты, решения и резолюции, принятые в соответствии с ними, а также сложившая практика организации [24. P. 441].

Такой подход соответствует терминологии, используемой Венской конвенцией о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г., хоть и не вступившей в силу, которая оперирует понятием «правила организации», под которым понимает «в частности, учредительные акты организации, принятые в соответствии с ними решения и резолюции, а также установившуюся практику организации» [25. Ст. 2, п. 1, пп. j].

Следовательно, представляется, что к актам внутреннего права международных организаций можно отнести учредительные договоры, определяющие статус, функции и цели международной организации, порядок их осуществления, а также закрепляющие положения, в соответствии с которыми принимаются вторичные нормы международной организации и вырабатывается ее практика (акты первичного права); сами нормы вторичного права, регулирующие основы внутреннего функционирования международной организации, в том числе определяющие статус ее служащих (к последним можно отнести положения и правила о персонале, административные инструкции, циркуляры, регламенты, а также, например, документы, разрабатываемые Комиссией по международной гражданской службе и др).

Полагаем, что внутреннее право международных организаций можно выделить либо в качестве подотрасли права международных организаций (наряду с внешним правом), либо в качестве ее самостоятельного правового института.

В данном случае следует подчеркнуть, что одним из признаков международной организации является наличие у нее самостоятельных международных прав и обязанности. Речь идет об обладании международной организацией автономной волей, отличной от воль государств-членов. Этот признак означает, что в пределах своей компетенции любая организация вправе самостоятельно избирать средства и способы выполнения прав и обязанностей, возложенных на нее государствами-членами. Последним в известном смысле не важно, каким образом организация реализует порученные ей мероприятия или уставные обязанности в целом. Именно сама организация как субъект международного публичного и частного права вправе избрать наиболее рациональные средства и методы деятельности [1. С. 380].

Таким образом, принимая акты вторичного права, международная организация по собственному усмотрению реализует имеющиеся у нее самостоятельные права и обязанности, закрепленные в актах первичного права.

Место внутреннего права международных организаций в системе международного права

В науке вопрос о месте внутреннего права международных организаций в системе международного права является дискуссионным [26. С. 32–34].

Ряд исследователей – Г.И. Морозов [27. С. 259–269], Г.Г. Шинкарецкая [28. С. 6], С.В. Черниченко [29. С. 28–29] – видят внутреннее право в качестве части международного права. Другие ученые – В.И. Маргиев [30. С. 115–123], И.И. Лукашук [31. С. 190], М.В. Митрофанов [32. С. 32], О.В. Богданов [33. С. 72], Ф. Сейерстед [34. P. 532–537] – не рассматривают внутреннее право как часть международного публичного права, признавая его в качестве особой совокупности норм права либо норм международного права в широком смысле (не относя при этом его к международному публичному праву). По мнению В. Моравецкого [4. С. 109], внутреннее право международных организаций не является международным правом. Ю.А. Сарвиро [35. С. 10] считает, что внутреннее право международных организаций не является частью международного публичного права, его следует рассматривать как институт международной правовой системы, регулирующий отношения с участием не только субъектов международного права, но и частных физических и юридических лиц (которых она не относит к субъектам международного права). В.Л. Толстых [36. С. 337] рассматривает такие нормы, как корпоративные, и не относит их к международному праву; Д.А. Патрин [37. С. 18] рассматривает их как эквивалент локальных норм, не являющихся нормами международного права; Б. Паллиери [38. P. 1–38] вовсе полагает, что внутренние правила международных организаций нельзя назвать нормами права.

В свою очередь Е.Т. Усенко, не ставя под сомнение существование права международных организаций в качестве отрасли международного права, отмечает, что оно имеет сложный состав. Отчасти его образуют положения учредительных актов (уставов или других аналогичных международных договоров), которые, несомненно, входят в систему международного права, отчасти – односторонние акты организации (правила процедуры, положения о служебном персонале, трудовых отношениях и т.д.), которые получают юридическую силу по воле самой организации, а не по соглашению между субъектами международного права. Эти последние и образуют внутреннее (в точном смысле этого слова) право каждой данной международной организации, которое тесно связано с международным правом через ее устав, но само в систему международного права не входит. Оно существует параллельно с международным правом [39. С. 103].

Сложно согласиться с утверждением о существовании норм внутреннего права международных организаций вне рамок системы международного права и их характеристики как локальных или корпоративных норм, не являющихся нормами международного права. Правовые нормы не могут существовать сами по себе, они должны быть в рамках какой-либо правовой системы. Вне всякого сомнения, существуют лишь две правовые системы: международно-правовая и национальная. Иных нет и быть не может [40. С. 201]. Локальные и корпоративные нормы существуют в рамках национальных правовых систем (в частности, в трудовом и гражданском праве государств), и они должны соответствовать национальному законодательству. В международном праве локальных и кор-

поративных норм нет. О существовании же самостоятельной правовой системы у международных организаций также говорить нельзя, в противном случае у каждой международной организации существовала бы своя собственная правовая система.

На наш взгляд, внутреннее право международных организаций следует признать частью международного публичного права, а именно одной из его отраслей – права международных организаций. Данная совокупность норм имеет нормативный характер, содержит общеобязательные и неперсонифицированные положения и, следовательно, может называться «правом» [26. С. 33].

Внутреннее право международных организаций является результатом выражения воли международной организации как опосредованного отражения согласованной воли государств-участников (так соблюдается процесс создания норм международного публичного права согласно теории согласования воль Г.И. Тункина [41. С. 181–197]), что дает основание относить его к международному публичному праву. Как справедливо указывает Ю.А. Сарвиро, правила, принимаемые в рамках международных организаций, не создаются напрямую путем согласования воль государств-членов, а в качестве норм права заранее санкционируются государствами путем принятия устава организации [42. С. 97]. На примере вопросов, касающихся статуса и трудовых отношений с международными служащими, Дж. Гомула, которая также считает, что внутреннее право международных организаций формирует часть международного права [43. P. 110], отмечает, что данные вопросы являются не менее международными, чем те, которые направляются на рассмотрение Международного суда ООН в рамках консультативных заключений [43. P. 110]. Поскольку сам Международный суд ООН отметил природу административного трибунала как независимого судебного органа [44. P. 53], логично, что международные трибуналы должны рассматривать споры о международном праве [43. P. 110].

Кроме того, следует отметить, что отношения, регулируемые внутренним правом международных организаций, не относятся к частноправовым, поскольку являются следствием реализации функциональной компетенции международной организации, включая отношения с международными служащими (см., например: [45. P. 206–208]), следовательно, не могут быть предметом регулирования международного частного права. Таким образом, полагаем, что внутреннее право международных организаций справедливо можно отнести к международному публичному праву.

Что касается отрасли международного права, к которой можно отнести внутреннее право международных организаций, то большинство ученых полагают, что оно является частью права международных организаций. Этих позиций придерживаются, в частности, А.Я. Капустин [11. С. 152], Э.С. Кривчикова [10. С. 27], Е.А. Шибаева [20. С. 138], Е.Т. Усенко [39. С. 103] и др.

В решениях ряда международных административных трибуналов можно также встретить термины «международное административное право» [46. P. 3; 47. Para. 23]. Как справедливо отмечает японский исследователь Ш. Аго, использование понятия «международное административное право» в практике международных административных трибуналов не является до конца понятным: когда судьи применяют нормы, которые не признаны международными административными трибуналами в качестве применимого права, они обращаются к концепции «международного административного права», понятию, которое не имеет определения [48. P. 98]. Данный автор также указывает на недостатки и неточности в применении указанного термина трибуналами ввиду отсутствия универсального применимого международного административного права; проводя аналогию с «международным экономическим правом», Ш. Аго указывает на некорректность утверждения о том, что Органом по разрешению споров ВТО применяется «международное экономическое право», поскольку правопорядок ВТО представляет собой автономный режим, к которому напрямую не применяется общее международное право. То же, по мнению Ш. Аго, касается и ситуации с употреблением термина «международное трудовое право» применительно к внутренним нормам, регулирующим отношения со служащими международной организации: в каждой международной организации действуют и применяются собственные нормы внутреннего права, создаваемого самой международной организацией, отсутствует универсальное международное трудовое право, которое могло бы применяться международными административными трибуналами и иными судебными органами, рассматривающими споры с международными служащими. На наш взгляд, термин «международное трудовое право» не применяется к регулированию отношений со служащими международных организаций ввиду того, что оно имеет другой предмет регулирования: международное трудовое право регулирует сферу труда на межгосударственном уровне [41. С. 218; 49. С. 102–103; 50. С. 10].

Соглашаясь с некорректностью использования термина «международное административное право», отметим, что отношения с международными служащими, регулируемые внутренним правом международных организаций, не относятся к предмету регулирования международного административного права. Международное административное право рассматривается в двух основных аспектах: (1) как механизм разрешения административно-правовых коллизий между отдельными национальными системами права (одним из сторонников данного подхода был К. Ноймайер [51. P. 577–581]); (2) как нормы, регулирующие работу государственных учреждений в качестве «агентов» международного сообщества, а также административных структур международного сообщества, созданных в результате развития межгосударственных отношений (основным представителем второго подхода выступал Ж. Ссель [52. P. 41–112]). Из обоих указанных подходов следует, что предметом международного административного права не являются отношения между международными организациями и их служащими по вопросам их труда.

Не является применимым, на наш взгляд, и термин «глобальное административное право», под которым понимается совокупность юридических правил, принципов и норм, применимых к практике глобального управления, осуществляемого в том числе международными организациями и затрагивающего как интересы учреждений и отдельных лиц вне данной организации, так и внутреннюю управленческую деятельность организации [53. Para. 15]. Глобальное административное право регулирует отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов управления и может затрагивать процесс принятия международными организациями административных решений в ходе осуществления внутренней управленческой деятельности, но не регулирует отношения, связанные с применением труда их служащих [26. С. 26–30].

Таким образом, представляется, что лишь право международных организаций как отрасль международного права полностью охватывает предмет регулирования внутреннего права международных организаций. Данная отрасль включает общие принципы функционирования международных организаций (например, принцип добровольности членства в международных организациях, а также принцип ответственности международных организаций за правонарушения), договоры между международными организациями и государствами и между международными организациями, а также нормы внутреннего права (учредительные договоры) и вторичное право международных организаций, регулирующее вопросы их внутреннего функционирования, взаимоотношений между внутренними подразделениями и отношений со служащими организации. Таким образом, внутреннее право можно признать в качестве части права международных организаций.

Выводы

На основе вышеизложенного можно высказать ряд принципиальных суждений о месте внутреннего права международных организаций в системе международного права.

1. Вопреки мнению ряда ученых о том, что внутреннее право международных организаций не является международным, полагаем, что оно является частью международного публичного права, а именно одной из его отраслей – права международных организаций. Внутреннее право международных организаций можно выделить либо в качестве подотрасли права международных организаций (наряду с внешним правом), либо в качестве ее самостоятельного правового института.

2. По нашему мнению, источники внутреннего права международных организаций можно разделить на первичные и вторичные. Первичными являются учредительные договоры международных организаций, в соответствии с которыми принимаются вторичные нормы международной организации и вырабатывается ее практика. Нормы вторичного права устанавливают основы внутреннего функционирования международной организации и ее органов, определяют статус ее служащих, регулируют трудовые отношения в организации, в том числе порядок рассмотрения трудовых споров и др. Вне всякого сомнения, данная совокупность норм имеет нормативный характер, содержит общеобязательные и неперсонифицированные положения и, следовательно, может называться «правом».

3. Следует констатировать, что структура внутреннего права международной организации довольно сложная. Она состоит из групп норм, регулирующих: административные вопросы (например, избрание высших и исполнительных должностных лиц организации, порядок создания или совершенствования структурных подразделений секретариата, различные аспекты принятия управленческих решений в организации и т.д.); вопросы труда и социального обеспечения (в частности, нормы, определяющие условия службы и основные трудовые права и обязанности служащих, порядок рассмотрения трудовых и связанных с ними споров, особенности пенсионного обеспечения служащих и др.); финансовые вопросы (планирование и распределение бюджета организации, закупка основных средств и т.д.).

4. На наш взгляд, одной из основных сложностей при применении внутреннего права международных организаций является отсутствие какой-либо унификации правового регулирования вышеуказанных вопросов в рамках международных организаций. Это может порождать трудности, в частности, для наиболее крупных международных административных трибуналов при применении ими различного внутреннего права большого числа признавших их юрисдикцию международных организаций. Одним из возможных путей устранения этого видится разработка проекта рамочного акта, носящего рекомендательный характер. Разумеется, речь не идет о применении всеми существующими международными организациями такого документа (это невозможно физически). Возможно целесообразно разработать проект в рамках ООН, который касался бы ее специализированных учреждений (таких в настоящее время 17). Полагаем, в качестве такого проекта мог бы выступить акт рекомендательного характера (декларация, кодекс, добровольные руководящие принципы и т.п.) с примерным названием «О внутреннем праве специализированных учреждений ООН». Такой акт мог бы стать неким ориентиром в части, касающейся взаимоотношения главных и вспомогательных органов; правил процедуры; финансовых правил; статуса служащих организаций; трудовых отношений между организацией и ее служащими; статуса, видов и функций представительств международных организаций и т.д. Многие из перечисленных вопросов в рамках специализированных учреждений ООН уже имеют схожее регулирование. Положения данного документа могли бы быть восприняты и другими международными организациями по их усмотрению.

Список источников

1. Бекяшев К.А. Международное публичное право : учебник. М. : Проспект, 2019. 1048 с.
2. Право международных организаций : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе. М. : Юрайт, 2014. 687 с.
3. Union of International Associations. URL: https://uia.org/igosearch (дата обращения: 11.12.2021).
4. Моравецкий В. Функции международной организации: пер. с чешск. / под ред., вступ. ст. Г.И. Морозова. М. : Прогресс, 1976. 384 с.
5. Хименес де Аречага Э. Современное международное право / пер. с исп. Ю.И. Папченко. М. : Прогресс, 1983. 480 с.
6. Малинин С.А. О правосубъектности международных организаций // Вестник ЛГУ. 1965. № 17. С. 105–117.
7. Международные организации : учебник / А.Х. Абашидзе, Н.С. Барчукова, А.Е. Бикулов, И.П. Блищенко и др. ; под ред. И.П. Блищенко М. : Изд-во РУДН, 1994. 305 с.
8. Раджабов М.Н. К вопросу о праве международных организаций // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 340–356.
9. Курс международного права : в 7 т. / гл. ред. В.Н. Кудрявцев. Т. 6: Отрасли международного права. М. : Наука, 1992. 312 с.
10. Кривчикова Э.С. Основы теории права международных организаций : учеб. пособие. М. : Изд-во МГИМО, 1979. 82 с.
11. Капустин А.Я. Понятие, предмет, источники и субъекты права международных организаций // Лекции по актуальным проблемам международного и европейского права / под ред. Л.Н. Галенской, М.Л. Энтина. СПб. : Россия-Нева, 2004. С. 113–156.
12. League of Nations Administrative Tribunal. *In re PHELAN*. Hearing of 15 January 1929. Judgment No. 2. URL: https://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=.02&p_language_code=EN (дата обращения: 08.12.2021).
13. Amerasinghe C.F. Principles of the Institutional Law of International Organizations. 2nd ed. Cambridge University Press, 2003. 535 p.
14. ILO Administrative Tribunal. Mr. John Albert Waghorn vs. the International Labour Organisation. Judgment of 12 July 1957. No. 28.
15. Tanifum v. Secretary-General of the United Nations. Judgment on receivability. 16 October 2020. Case No. UNDT/NBI/2019/087 Judgment No. UNDT/2020/179.
16. Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 03.06.2016. Дело № Р-1/16.
17. Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12.09.2017. Дело № Р-2/17.
18. Бекяшев Д.К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник. М. : Проспект, 2019. 280 с.
19. Морозов Г.И. Внутреннее и внешнее право международных организаций // Курс международного права : в 7 т. / гл. ред. В.Н. Кудрявцев. Т. 6: Отрасли международного права. М. : Наука, 1992. С. 37–45.
20. Шибаева Е.А. Право международных организаций. Вопросы теории. М. : Международные отношения, 1986. 160 с.
21. Alvarez J.E. International Organizations as Law-Makers. New York : Oxford University Press, 2006. 720 p.
22. Мартыненко Е.В. Внутреннее право международных межправительственных организаций // Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе. М. : Юрайт, 2019. С. 117–126.
23. Черниченко С.В. Юридическая природа внутреннего права международных организаций // Советский ежегодник международного права. 1971. М., 1973. С. 216–224.
24. Bowett's Law of International Institutions / ed. by Ph. Sands, P. Klein. London, 2001. 610 p.
25. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. Заключена в г. Вене 21.03.1986.
26. Попова А.Н. Механизмы рассмотрения трудовых споров между международными межправительственными организациями и их служащими. М. : Юстицинформ, 2021. 276 с.
27. Морозов Г.И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1974. 332 с.
28. Шинкарецкая Г.Г. Международная судебная процедура. М. : Наука, 1992. 225 с.
29. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М. : Международные отношения, 1993. 295 с.
30. Маргиев В.И. Внутреннее право международных организаций. Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1995. 220 с.
31. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М. : Спарк, 1997. 322 с.
32. Митрофанов М.В. Служащие международных организаций. Персонал организаций системы ООН. М. : Международные отношения, 1981. 118 с.
33. Богданов О.В. Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке. Международно-правовые аспекты. М. : Международные отношения, 1976. 126 с.
34. Seyersted F. Applicable law in relations between intergovernmental organizations and private parties // Recueil des Cours de l`Académie de droit international. 1967. Vol. 122. P. 427–627.
35. Сарвиро Ю.А. Внутреннее право международных организаций: на примере ЮНЕСКО : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
36. Толстых В.Л. Курс международного права : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2009. 1056 с.
37. Патрин Д.А. Международное судебное разбирательство (История, понятие, функции) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
38. Balladore Pallieri G. Le Droit interne des organisations internationales // Recueil des Cours de l'Academie de droit international. 1969. Vol. 127. P. 1–38.
39. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М. : Норма, 2008. 240 с.
40. Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 199–207.
41. Тункин Г.И. Теория международного права / под общ. ред. Л.Н. Шестакова. М. : ИКД «Зерцало-М», 2016. 416 с.
42. Сарвиро Ю.А. Юридическая природа внутреннего права международных организаций // Вестник Московского унивеситета. Серия 11. Право. 2009. № 2. С. 90–98.
43. Gomula J. The International Court of Justice and Administrative Tribunals of International Organizations // Michigan Journal of International Law. 1991. Vol. 13, is. 1. P. 83–121.
44. ICJ. Effect of awards of compensation made by the United Nations Administrative Tribunal // ICJ Reports of judgments, advisory opinions and orders. 1954. P. 47–63.
45. League of Nations. Records of the Thirteenth ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Minutes of the Fourth Committee (Budget and financial questions) // League of Nations Official Journal. Special Supplement № 107. Geneva, 1932.
46. Administrative Tribunal of the International Labour Organization. In re Elsen-Kasperski. 8 December 1988. Judgment 944.
47. World Bank Administrative Tribunal. Rosario Cardenas v. International Bank for Reconstruction and Development. 7 November 1988. Decision No. 71.
48. Shinichi Ago. What is 'International Administrative Law'? The Adequacy of this Term in Various Judgments of International Administrative Tribunals // The Role of International Administrative Law at International Organizations. AIIB Yearbook of International Law 2020 / ed. by P. Quayle. leiden | Boston, 2021. P. 88–102.
49. Иванов С.А. Проблемы международного регулирования труда. М. : Наука, 1964. 343 с.
50. Аметистов Э.М. Международное трудовое право и рабочий класс. М. : Международные отношения, 1970. 186 с.
51. Neumeyer K. Internationales Verwaltungsrecht: Völkerrechtliche Grundlagen // Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie / ed. by K. Strupp. Berlin ; Leipzig : W. de Gruyter & co., 1924. Vol. 1. P. 577–581.

52. Scelle G. Théorie du gouvernement international // Annuaire de l'Institute de Droit International. 1935. P. 41–112.
53. Kingsbury B., Donaldson M. Global Administrative Law // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2011. URL: http://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/EPIL_Global_Administrative_Law.pdf (дата обращения: 14.12.2021).

References

1. Bekyashev, K.A. (2019) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. Moscow: Prospekt.
2. Abashidze, A.Kh. (ed.) (2014) *Pravo mezhdunarodnykh organizatsiy* [The Law of International Organizations]. Moscow: Yurayt.
3. *Union of International Associations*. (n.d.) [Online] Available from: https://uia.org/igosearch (Accessed: 11.12.2021).
4. Morawiecki, W. (1976) *Funktsii mezhdunarodnoy organizatsii* [Functions of an International Organization]. Translated from Czech. Moscow: Progress.
5. Jimenez de Arechaga, E. (1983) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo* [Modern International Law]. Translated from Spanish by Yu. I. Papchenko. Moscow: Progress.
6. Malinin, S.A. (1965) O pravosub"ektnosti mezhdunarodnykh organizatsiy [On the legal personality of international organizations]. *Vestnik LGU – Pushkin Leningrad State University Journal*. 17. pp. 105–117. (In Russian).
7. Blishchenko, I.P. (ed.) (1994) *Mezhdunarodnye organizatsii* [International Organizations]. Moscow: RUDN.
8. Radzhabov, M.N. (2018) On the problem of the law of international organizations. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2 (160). pp. 340–356. (In Russian).
9. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1992) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
10. Krivchikova, E.S. (1979) *Osnovy teorii prava mezhdunarodnykh organizatsiy* [Fundamentals of the Theory of Law of International Organizations]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
11. Kapustin, A.Ya. (2004) Ponyatie, predmet, istochniki i sub"ekty prava mezhdunarodnykh organizatsiy [Concept, subject, sources and subjects of law of international organizations]. In: Galenskaya, L.N. & Entin, M.L. (eds) *Lektsii po aktual'nym problemam mezhdunarodnogo i evropeyskogo prava* [Lectures on Topical Issues of International and European Law]. Saint Petersburg: Rossiya-Neva. pp. 113–156.
12. International Labour Organisation. (1929) *League of Nations Administrative Tribunal. In re PHELAN. Hearing of 15 January 1929. Judgment No. 2*. [Online] Available from: https://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=.02&p_language_code=EN (Accessed: 08.12.2021).
13. Amerasinghe, C.F. (2003) *Principles of the Institutional Law of International Organizations*. 2nd ed. Cambridge University Press.
14. ILO Administrative Tribunal. (1957) *Mr. John Albert Waghorn vs. the International Labour Organisation.* Judgment of 12 July 1957. No. 28.
15. United Nations Dispute Tribunal. (2020) *Tanifum v. Secretary-General of the United Nations. Judgment on receivability*. 16 October 2020. Case No. UNDT/NBI/2019/087 Judgment No. UNDT/2020/179.
16. Court of the Eurasian Economic Union. (2016) *Advisory opinion of the Grand Collegium of the Court of the Eurasian Economic Union of March 06, 2016*. Case No. R-1/16. (In Russian).
17. Court of the Eurasian Economic Union. (2017) *Advisory opinion of the Grand Collegium of the Court of the Eurasian Economic Union of September 12, 2017*. Case No. R-2/17. (In Russian).
18. Bekyashev, D.K. (2019) *Mezhdunarodnoe trudovoe pravo (publichno-pravovye aspekty)* [International Labor Law (Public law aspects)]. Moscow: Prospekt.
19. Morozov, G.I. (1992) Vnutrennee i vneshnee pravo mezhdunarodnykh organizatsiy [Internal and external law of international organizations]. In: Kudryavtsev, V.N. (ed.) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Vol. 6. Moscow: Nauka. pp. 37–45.
20. Shibaeva, E.A. (1986) *Pravo mezhdunarodnykh organizatsiy. Voprosy teorii* [Law of International Organizations. Questions of theory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
21. Alvarez, J.E. (2006) *International Organizations as Law-Makers.* New York: Oxford University Press.
22. Martynenko, E.V. (2019) Vnutrennee pravo mezhdunarodnykh mezhpravitel'stvennykh organizatsiy [Internal law of international intergovernmental organizations]. In: Abashidze, A.Kh. (ed.) *Pravo mezhdunarodnykh organizatsiy* [Law of International Organizations]. Moscow: Yurayt. pp. 117–126.
23. Chernichenko, S.V. (1973) Yuridicheskaya priroda vnutrennego prava mezhdunarodnykh organizatsiy [Legal nature of the internal law of international organizations]. In: *Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1971* [Soviet Yearbook of International Law. 1971]. Moscow: Nauka. pp. 216–224. (In Russian).
24. Sands, Ph. & Klein, P. (eds) (2001) *Bowett's Law of International Institutions*. London: Sweet & Maxwell.
25. UN. (1986) *Venskaya konventsiya o prave dogovorov mezhdu gosudarstvami i mezhdunarodnymi organizatsiyami ili mezhdu mezhdunarodnymi organizatsiyami* [Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations]. 21 March 1986. Vienna: UN.
26. Popova, A.N. (2021) *Mekhanizmy rassmotreniya trudovykh sporov mezhdu mezhdunarodnymi mezhpravitel'stvennymi organizatsiyami i ikh sluzhashchimi* [Mechanisms for the consideration of labor disputes between international intergovernmental organizations and their employees]. Moscow: Yustitsinform.
27. Morozov, G.I. (1974) *Mezhdunarodnye organizatsii. Nekotorye voprosy teorii* [International Organizations. Some questions of theory]. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
28. Shinkaretskaya, G.G. (1992) *Mezhdunarodnaya sudebnaya protsedura* [International Judicial Procedure]. Moscow: Nauka.
29. Chernichenko, S.V. (1993) *Mezhdunarodnoe pravo: sovremennye teoreticheskie problemy* [International Law: Modern Theoretical Problems]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
30. Margiev, V.I. (1995) *Vnutrennee pravo mezhdunarodnykh organizatsiy* [Internal Law of International Organizations]. Vladikavkaz: North Ossetian State University.
31. Lukashuk, I.I. (1997) *Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoy normativnoy sisteme* [Norms of International Law in the International Normative System]. Moscow: Spark.
32. Mitrofanov, M.V. (1981) *Sluzhashchie mezhdunarodnykh organizatsiy. Personal organizatsiy sistemy OON* [Employees of International Organizations. Personnel of UN system organizations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
33. Bogdanov, O.V. (1976) *Shtab-kvartira OON v N'yu-Yorke. Mezhdunarodno-pravovye aspekty* [UN headquarters in New York. International legal aspects]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
34. Seyersted, F. (1967) Applicable law in relations between intergovernmental organizations and private parties. *Recueil des Cours de l'Académie de droit international*. 122. pp. 427–627.
35. Sarviro, Yu.A. (2009) *Vnutrennee pravo mezhdunarodnykh organizatsiy: na primere YuNESKO* [Internal law of international organizations: on the example of UNESCO]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
36. Tolstykh, V.L. (2009) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Moscow: Volters Kluver.
37. Patrin, D.A. (2005) *Mezhdunarodnoe sudebnoe razbiratel'stvo (Istoriya, ponyatie, funktsii)* [International litigation (History, concept, functions)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
38. Balladore Pallieri, G. (1969) Le Droit interne des organisations internationales. *Recueil des Cours de l'Academie de droit international*. 127. pp. 1–38.

39. Usenko, E.T. (2008) *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays on the Theory of International Law]. Moscow: Norma.
40. Bekyashev, K.A. & Bekyashev, D.K. (2020) The legal nature of international integration associations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/27
41. Tunkin, G.I. (2016) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: IKD "Zertsalo-M".
42. Sarviro, Yu.A. (2009) Legal nature of internal law of international organizations. *Vestnik Moskovskogo univesiteta. Ser. 11. Pravo – Moscow University Law Bulletin*. 2. pp. 90–98. (In Russian).
43. Gomula, J. (1991) The International Court of Justice and Administrative Tribunals of International Organizations. *Michigan Journal of International Law*. 1 (13). pp. 83–121.
44. ICJ Reports of judgments, advisory opinions and orders. (1954) *ICJ. Effect of awards of compensation made by the United Nations Administrative Tribunal*. pp. 47–63.
45. League of Nations Official Journal. (1932) League of Nations. Records of the Thirteenth ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Minutes of the Fourth Committee (Budget and financial questions). *League of Nations Official Journal. Special Supplement*. 107.
46. International Labour Organization. (1988) *Administrative Tribunal of the International Labour Organization. In re Elsen-Kasperski.* 8 December 1988. Judgment 944.
47. World Bank Administrative Tribunal. (1988) *Rosario Cardenas v. International Bank for Reconstruction and Development.* 7 November 1988. Decision No. 71.
48. Shinichi, Ago. (2021) What is 'International Administrative Law'? The Adequacy of this Term in Various Judgments of International Administrative Tribunals. In: Quayle, P. (ed.) *The Role of International Administrative Law at International Organizations*. Brill. pp. 88–102.
49. Ivanov, S.A. (1964) *Problemy mezhdunarodnogo regulirovaniya truda* [Problems of International Labor Regulation]. Moscow: Nauka.
50. Ametistov, E.M. (1970) *Mezhdunarodnoe trudovoe pravo i rabochiy klass* [International Labor Law and the Working Class]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
51. Neumeyer, K. (1924) Internationales Verwaltungsrecht: Völkerrechtliche Grundlagen. In: Strupp, K. (ed.) *Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie*. Vol. 1. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & co. pp. 577–581.
52. Scelle, G. (1935) Théorie du gouvernement international. *Annuaire de l'Institute de Droit International*. pp. 41–112.
53. Kingsbury, B. & Donaldson, M. (2011) Global Administrative Law. In: *Max Planck Encyclopedia of Public International Law.* Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: http://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/EPIL_Global_Administrative_Law.pdf (Accessed: 14.12.2021).

Информация об авторах:
Бекяшев Д.К. – д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: dambek@yandex.ru
Бекяшев К.А. – д-р юрид. наук, член Постоянной палаты третейского суда (Гаага, Нидерланды). E-mail: profbek@mail.ru
Попова А.Н. – канд. юрид. наук, консультант экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда Евразийского экономического союза (г. Минск, Беларусь). E-mail: popova-alexandra.n@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
D.K. Bekyashev, Dr. Sci. (Law), professor, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dambek@yandex.ru
K.A. Bekyashev, Dr. Sci. (Law), member of the Permanent Court of Arbitration (The Hague, the Netherlands). E-mail: profbek@mail.ru
A.N. Popova, Cand. Sci. (Law), consultant of the Expert and Analytical Department of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union (Minsk, Belarus). E-mail: popova-alexandra.n@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 343.911
doi: 10.17223/15617793/475/25

Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р.

Вали Фатехович Енгалычев[1], Рамиль Линарович Ахмедшин[2], Наталия Владимировна Ахмедшина[3]

[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, valiyen@gmail.com
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, raist@sibmail.com
[3] Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, raist@sibmail.com

Аннотация. Описывается система психологического профилирования Галявиева И.Р., обвиняемого в совершении массового убийства 11.05.2021 в гимназии № 175 г. Казани. Выявление его психологического профиля и соотнесение его с определенным типом преступного поведения позволило: прийти к пониманию важных психологических особенностей Галявиева И.Р.; определить роль факторов внешней ситуации относительно личностных факторов; установить непосредственный триггер механизма преступного поведения; выдвинуть версию о возможном наличии оператора, управлявшего поведением исследуемого.

Ключевые слова: массовые убийства, Колумбайн[1], преступное поведение, психологическое профилирование, психологический профиль, типовая модель

***Для цитирования*:** Енгалычев В.Ф., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 206–214. doi: 10.17223/15617793/475/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/25

Psychological and forensic analysis of a mass murder case: Ilnaz Galyaviev's psychological profile

Vali F. Engalychev[1], Ramil L. Akhmedshin[2], Natalia V. Akhmedshina[3]

[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation, valiyen@gmail.com
[2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, raist@sibmail.com
[3] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, raist@sibmail.com

Abstract. The article describes the system of psychological profiling of Ilnaz Galyaviev, who is accused of committing a mass murder on May 11, 2021, in Gymnasium No. 175 in Kazan. The range of problems affects the methodological, criminological, forensic, and psychological aspects. The study focused on the complex of personal characteristics of criminals reflected in the characteristics of the commission of mass murders (several murders committed in a specific place and in a relatively short period of time). In the study, the general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. The following particular scientific methods were also used: modeling, statistical analysis, comparative historical, peer review. Identification of the psychological profile of the subject and its correlation with a certain type of criminal behavior made it possible (a) to come to an understanding of Galyaviev's important psychological characteristics; (b) to determine the role of factors of the external situation in relation to personal factors; (c) to establish the direct trigger for the mechanism of criminal behavior; (d) to put forward a version about the possible presence of an operator that controlled the subject's behavior. The article reports the following conclusions. Since the crime considered in the article was committed in a limited area, it is necessary to immediately identify the person who committed it as a mass murderer. To implement the applied tasks of investigating mass crimes, a refinement of the methodological search schemes of foreign forensic scientists – a more detailed classification – is needed. It is unproductive to divide mass murderers into organized and disorganized, since this classification has become established in relation to serial criminals, who form a completely different unique criminal group. The significant amount of data indicates a preliminary thorough preparation and a rational scheme for committing a crime. Hence, the perpetrator is more likely to belong to a group of explosive mass murderers than to spontaneous killers. Despite the fact that the typical model of Galyaviev's behavior is closer to the model of an explosive mass murderer, an excessive number of elements of his criminal behavior go beyond this model. The hysterical accentuation of the subject actually finds very weak confirmation in his behavior during the commission of the crime, but is clearly expressed in the behavior before and after the criminal event. The expressed contradictions between Galyaviev's psychological type and the peculiarities of his criminal behavior indirectly indicate the presence of an unidentified operator in the case.

© Енгалычев В.Ф., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В., 2022

Keywords: mass murder, Columbine, criminal behavior, psychological profiling, psychological profile, generic model

***For citation*:** Engalychev, V.F., Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2022) Psychological and forensic analysis of a mass murder case: Ilnaz Galyaviev's psychological profile. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 206–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/25

В последние годы произошел всплеск резонансных преступлений в учебных заведениях разных стран, общими признаками которых стали: юный возраст преступников, направленность агрессии против соучеников и педагогов, летальное оружие, продуманность и подготовленность схемы преступления, многочисленность жертв, неочевидная мотивация убийств. Подобные события получили название «колумбайн» или «скулшутинг» по аналогии с самым известным из них, причем эти понятия укрепились и в российской науке. Но если существование подобных преступлений, например в американской действительности, оказалось довольно просто прокомментировать [1. С. 79–87], то объяснить их появление на отечественной почве стало проблемой [2. С. 62–76; 3. С. 21–25]. К явлениям приковано внимание исследователей и практиков, пытавшихся выяснить причины массовых убийств и наметить пути их профилактики [4. С. 73–80; 5; 6. С. 97–110].

Среди многочисленных объяснительных версий поведения убийц были озвучены следующие: наличие у них психических расстройств [7. С. 84–96], культ и доступность огнестрельного оружия [8. С. 183–190], психическое заражение образом брутального сверстника [9. С. 442–446], маркировка протестного состояния мифом о герое-колумбайнере [10] и даже специальное психологическое воздействие на молодежь с целью формирования определенной криминальной направленности [11. С. 18–21]. Некоторые из указанных авторов, а также другие исследователи допускают существование комбинаций причин массовых убийств, где наличие одной из них может быть признано хотя и ведущей, но не единственной.

При этом недостаточно обращается внимание на то, что социологический или даже психолого-социологический анализ аналогичных преступлений в недостаточной степени подкрепляется изучением того, какие именно особенности конкретной личности в контексте конкретных же обстоятельств побудили ее к тем или иным действиям при планировании, подготовке и осуществлении преступления. Именно это может способствовать раннему выявлению потенциальных преступников (в зоне ответственности оперативных служб) или определению скрытых психологических механизмов совершения преступления уже на этапе следственной работы. Одним из таких важных факторов является психологический профиль преступника, т.е. совокупность психологических и поведенческих характеристик, оказавших существенное влияние на его поведение. И здесь тоже есть две важных стороны.

С одной стороны, это индивидуализация психологического профиля, т.е. выявление той уникальной комбинации индивидуально-психологических особенностей личности, которая позволяет выделять ее из многих других.

С другой стороны, это типологизация психологического профиля, т.е. отнесение его к одному из известных психологических типов. Эта сторона психолого-криминалистического изучения преступника позволяет выявить наиболее общие характерные закономерности преступного поведения, т.е. modus vivendi и modus operandi, которые помогают устанавливать генезис, повторяемость, биологические, психофизиологические и психологические механизмы определенного преступного почерка.

Задача выявления психологического профиля значительно облегчается, если преступник может быть обследован посредством базового психодиагностического инструментария судебной психологической экспертизы [12], позволяющего достоверно выявить его психологические особенности, имеющие значение для уголовного дела. Но даже в отсутствие такой возможности есть несколько похожих методологий установления преступника по его действиям и следам, оставленным на месте преступления: профилирование (profiling – характеризация или категоризация кого-либо) [13, 14], психология расследования (investigative psychology) [15]. Содержанием всех методологий является психолого-криминалистическое исследование типовых моделей преступного поведения.

Если говорить о психолого-криминалистическом исследовании конкретного случая (кейса), то такое исследование должно позволить решить ряд следующих актуальных задач:

1. Выявление особенностей психики у конкретного лица, совершившего преступление.

2. Определение роли факторов внешней ситуации относительно личностных факторов.

3. Установление непосредственного триггера механизма преступного поведения.

4. Выяснение возможного оператора, управлявшего преступным поведением исследуемого.

5. Прогнозирование поведения преступника во время следствия и отбывания наказания.

Само понятие типовой модели личности преступника, совершающего массовое убийство, строится на ряде положений теории общей криминалистики.

Положение 1. Следует различать единичное убийство и многоэпизодные преступления, к которым относятся несколько однородных или разнородных преступлений, совершенных конкретным преступником (установленным, либо находящимся в розыске).

Положение 2. В системе многоэпизодных преступлений есть две основные классификационные группы:

1) многоэпизодные преступления, состоящие из ряда отделенных по времени и месту самостоятельных эпизодов, обладающих совокупностью характерных повторяющихся признаков. Эти преступления известны как серийные убийства [16. P. 159];

2) многоэпизодные преступления как совокупность ряда преступлений, совершенных в конкретном месте и в относительно короткий промежуток времени. Этот тип преступлений определяется как массовые убийства [17. P. 437–470].

В первой из этих групп многоэпизодных преступлений существующая исследовательская традиция выделяет две подгруппы лиц, совершающих массовые убийства: классические массовые убийцы (mass murderer) и преступники-шатуны (spree murderer – здесь: шатун, т.е. тот, кто «бродит» с места на место). Все массовые преступники характеризуются совершением в рамках одного преступного события убийств нескольких лиц в относительно короткий промежуток времени. Классический массовый преступник совершает преступления в одном месте или в местах, незначительно удаленных друг от друга, а преступник-шатун в местах, значительно удаленных друг от друга, но и тот и другой действуют в рамках незначительного по протяженности временно́го промежутка [17. P. 437].

Так как рассматриваемое в статье преступление было совершено на ограниченной территории, необходимо сразу определить лицо, его совершившее, как массового убийцу. Однако для реализации прикладных задач расследования массовых преступлений необходима более детальная классификация, являющаяся уточнением методических поисковых схем зарубежных криминалистов. Уже отмечалось, что группу классических массовых преступников целесообразно разделить на подгруппы стихийных и взрывных преступников [18. С. 42]. Для стихийного массового преступника, как видно из самого названия, характерна внезапность (неподготовленность) преступного поведения, его определенная неожиданность и хаотичность; для взрывного массового преступника – закономерность преступного поведения. Если выразиться образно, для взрыва необходима подготовка к нему, характеризующаяся определенной степенью системности и запланированности. Накопление критического потенциала происходит постепенно, и субъект преступления играет в этом определенную роль, он – не обязательно жертва обстоятельств внешней и внутренней природы. В этом отличие этого процесса от процесса, характерного для куммулятивного аффекта.

По нашему мнению, непродуктивно делить массовых убийц на организованных (взрывных) и дезорганизованных (стихийных), так как данная классификация устоялась применительно к серийным преступникам, образующим совершенно иную уникальную криминальную группу. В русле отечественных традиций классификации допустимо определять стихийных массовых преступников как иррациональных, а взрывных как рациональных преступников, но мы будем исходить из деления массовых преступников на стихийных и взрывных.

Рассмотрим данные типы подробно не только с криминологической, но и криминалистической точки зрения:

Стихийный убийца. Субъектами совершения таких убийств обычно являются озлобленные и фрустрированные мужчины в возрасте 25–40 лет, хотя не исключаются и убийцы женского пола. Все зарегистрированные случаи показывают идентичность modus operandi у представителей обоих полов.

В качестве примера рассматриваемого типа преступников можно привести Ч. Уитмена, устроившего бойню в 1966 г. в Техасском университете (США).

Преступники рассматриваемого типа хранят у себя дома оружие либо знают, где его приобрести, любят смотреть сцены насилия по телевидению и видео, живут одни или с родителями, не имеют сексуального партнера, их много раз отвергали потенциальные партнеры. Часто объектами их интереса являются общественные заведения – места с большим скоплением людей. Могут быть одеты в военную форму, строгий выходной костюм, что указывает на демонстративность их действий, показательность и смирение перед фактом неизбежности насильственного окончания их жизни. Когда наступает момент суженности сознания, субъект убивает на протяжении короткого промежутка времени: от нескольких минут до часов, не предпринимая попыток скрыться.

Стихийного убийцу, можно охарактеризовать как субъекта, чья жизнь оказалась крайне запутанной; он был изгнан из дома своей супругой (супругом) или уволен с работы, он пострадал от человеческого фактора, толкнувшего его на крайние меры. Субъект испытывает гнев, обвиняя **окружающих** в своих неудачах, разрывается волной неконтролируемого насилия, которая задевает всех, кого субъект считает виноватым прямо или чаще – опосредованно.

Ключевым моментом стихийного убийства является место и непродолжительное время совершения преступления. Его гнев и целенаправленность – причина многочисленных жертв.

В сознании стихийного убийцы, как правило, отсутствует образ предпочитаемой жертвы, также они не склонны оставлять на месте преступления особые знаки либо отправлять почтой письма, описывающие мотив и цель своих действий. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются редко. Стихийные убийцы чаще действуют в одиночку, хотя иногда и прибегают к помощи партнера.

Можно выделить базовые черты ***стихийного*** убийцы:

– убийство обычно происходит вследствие сильного мгновенного побуждения (без планирования преступления), т.е. отсутствует криминальная ситуация;

– заранее не приносятся и не приготавливаются инструменты для совершения преступления;

– убийца часто оставляет на месте преступления какой-то особенный знак;

– жертвы получают множество ран;

– убийца в дальнейшем может манипулировать с мертвым телом жертвы, совершая акты обезображивания;

– после совершения преступления убийца больше не интересуется или мало интересуется данным эпизодом;

– в сознании преступника нет четкого образа жертвы;

– преступник, как правило, ранее с жертвами не контактировал.

Взрывной убийца. Субъектами совершения таких убийств обычно являются озлобленные и фрустрированные юноши в возрасте 15–25 лет.

В качестве примера рассматриваемого типа преступников можно привести Э. Харриса и Д. Клиболда, устроивших бойню в 1999 г. в школе «Колумбайн» штата Колорадо (США).

Преступники рассматриваемого типа используют хранящееся дома оружие, которое принадлежит их родителям. Психологический профиль данных лиц близок к типу социального аутсайдера, лицо имеет напряженные отношения в коллективе, доходящие до преследования и травли. Одевается в обыденную одежду, неосознанно мотивируя в себя идею естественности воздаяния за совершенные в его адрес несправедливость и притеснения. Не предпринимает попыток скрыться с места преступления.

Взрывного убийцу можно охарактеризовать как субъекта, чья жизнь пострадала от человеческого фактора, толкнувшего его на крайние меры, – как выраженно фрустрированную личность. Субъект испытывает гнев, обвиняя *конкретных лиц и конкретные группы окружающих* в лишениях, которые он вынужден был претерпеть, в конце концов, разрываясь волной неконтролируемого насилия, которая задевает всех, кого субъект считает прямо виноватым.

В сознании взрывного убийцы всегда имеется конкретная группа лиц в качестве потенциальных жертв или как минимум специфичный профиль предпочитаемой жертвы с характеристиками лиц определенного возраста, социального статуса, конкретной малой группы. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются очень редко. Убийцы действуют в одиночку.

К характерным особенностям поведения взрывного убийцы относится следующее:

– преступление обычно происходит вследствие длительного накопительного стресса;

– заранее (как правило, накануне вечером) приготавливаются орудия преступления;

– убийца в дальнейшем не манипулирует мертвым телом жертвы;

– после совершения преступления преступник сильно переживает совершенное им деяние, часто искренне раскаиваясь;

– в сознании преступника есть четкий типовой образ жертвы;

– преступник, как правило, ранее с жертвами контактировал и имел конфликтные ситуации.

Для более глубокого понимания механизма поведения массовых убийц совершим экскурс в природу аффекта. Конечно, поведение массовых преступников не содержит весь спектр особенностей, свойственных аффекту, однако некоторые из них он включает.

В психологии аффект (лат. affectus – душевное волнение) – это эмоциональный процесс взрывного характера, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, сопровождающийся резкими изменениями в работе внутренних органов и выраженными двигательными проявлениями.

К числу обязательных признаков аффекта традиционно относят трехфазность его развития:

1. Предварительный этап, или этап накопления аффективных переживаний.

2. Этап аффективной разрядки, или этап эмоционального взрыва.

3. Этап истощения, или постаффективный этап [19. С. 46–58].

Некоторые ученые, исследуя феномен аффекта, выделяют в нем четыре базовых признака:

Базовый признак 1. Реальность переживания в силу наличия криминальной ситуации – как ответ на внешнее воздействие.

Базовый признак 2. Аффективная суженность сознания, что проявляется в резком ограничении круга восприятия, нарушении контроля над ситуацией. Сознание переполняют негативно выраженные эмоциональные переживания: обида, ненависть, гнев, ярость и др. Восприятие конфликтной ситуации становится избирательно фрагментарным, отрывочным, утрачивает одновременность.

Базовый признак 3. Кратковременность, так как продолжительность самой фазы взрыва, ввиду ее запредельной энергозатратности, всегда незначительна по времени.

Базовый признак 4. Выраженное депрессивное состояние после интенсивного эксплозивного переживания, которое характеризуется ощущением отупения, эмоциями равнодушия и безучастности ко всему окружающему и содеянному.

Напомним, представленная в интернете информация характеризовала Галявиева И.Р. как взрывного массового убийцу. Характеристику взрывного массового убийцы оптимально изложить через призму базовых и поисковых признаков.

Базовый признак 1. Для взрывного убийцы характерна кумулятивная (накопительная) схема формирования аффекта. Для рассматриваемого вида преступника характерна невыраженность первого элемента системы аффекта (криминальной ситуации). Другими словами, в период, предшествующий массовому убийству, непосредственного конкретного конфликта между убийцей и его жертвами.

Базовый признак 2. Второй элемент системы аффекта (суженность сознания) имеет характеристику, близкую к аффективному сужению сознания при классическом физиологическом аффекте: не обнаруживается временное расстройство психики (как при патологическом аффекте), оно не возникает и на почве какого-либо психического заболевания. Лицо, совершившее преступление, только временно не отдает отчет своим действиям.

Базовый признак 3. Преступление совершается в одном месте, в котором локализованы в определенное время его обидчики (школа, казарма, университет). Третий элемент аффекта (продолжительность по времени) – классический: серия убийств совершается в течение ограниченного периода времени.

Базовый признак 4. Четвертый элемент системы аффекта (депрессивное постаффективное состояние) у рассматриваемого преступника выражен и в целом характеризуется усталостью, страхом, продолжителен по времени и часто ведет к раскаянию в содеянном.

Помимо вышесказанного, типовыми элементами психологического профиля взрывного массового убийцы являются следующие поисковые признаки:

1. Субъектами совершения таких убийств обычно являются озлобленные и фрустрированные юноши в возрасте 15–25 лет.

2. Психологический профиль данных лиц близок к типу социального аутсайдера, лицо имеет напряженные отношения в коллективе, доходящие до преследования и травли.

3. Взрывного убийцу можно охарактеризовать как субъекта, чья жизнь пострадала от человеческого фактора, толкнувшего его на крайние меры, – как выраженно фрустрированную личность.

4. Субъект испытывает гнев, обвиняя конкретных лиц и конкретные группы окружающих в лишениях, которые он вынужден был претерпеть, разрывается волной неконтролируемого насилия, которая задевает всех, кого субъект считает в той или иной мере виновными в его положении.

5. Одевается в обыденную одежду, неосознанно мотивируя в себе идею естественности воздаяния за совершенные в его адрес несправедливость и притеснения.

6. Фантазии о совершении преступления появляются в подростковом возрасте.

7. Наиболее часто использует именно огнестрельное оружие.

8. Преступники рассматриваемого типа используют хранящееся дома оружие, которое принадлежит их родителям.

9. Убийцы действуют в одиночку.

10. Заранее (как правило, накануне вечером) подготавливаются орудия преступления.

11. Введение себя в искусственное аффективное состояние не встречается.

12. Обычно к месту совершения убийства перемещаются пешком.

13. Всегда имеют конкретную группу лиц в качестве жертв или как минимум специфичный профиль предпочитаемой жертвы, как правило, включающий лиц определенного возраста, социального статуса, принадлежащих к конкретной малой группе.

14. Преступник, как правило, ранее с жертвами контактировал и имел конфликтные ситуации.

15. Убийца в дальнейшем не манипулирует мертвым телом жертвы.

16. Не предпринимает попыток скрыться с места преступления.

17. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются очень редко.

18. После совершения преступления преступник сильно переживает совершенное им деяние, часто искренне раскаиваясь [18. С. 45–46].

В настоящей работе было проведено психолого-криминалистическое исследование массового убийства, в совершении которого на момент подготовки настоящего материала обвиняется Галявиев И.Р. Вся информация получена только из СМИ посредством техники OSINT (англ. Open source intelligence – разведка по открытым источникам. Техника получения достоверной закрытой информации посредством поиска, систематизации и анализа общедоступных источников). Проведение исследования было вызвано отсутствием информации о направленной психологической экспертизе Галявиева И.Р., в то время как комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, о которой сообщалось в СМИ, пришла к выводу о наличии у него психического заболевания. Других, а именно психолого-криминалистических, выводов представлено не было. По мнению авторов, это ограничивает возможности ученых, экспертов и юристов-практиков в полноценном анализе этого случая для понимания причин произошедшего и подготовки рекомендаций для профилактики аналогичных криминальных событий.

Содержание события. 11.05.2021 – Массовое убийство в гимназии № 175 (Казань, Республика Татарстан). В результате нападения погибли 9 человек: 7 восьмиклассников в возрасте от 13 до 15 лет и 2 педагога – 26-летняя учительница английского языка Э. Игнатьева и 55-летняя учительница начальных классов В. Айзатова.

В рассматриваемом событии модель преступного поведения исследуемого включала в себя ряд характерных элементов.

Modus vivendi и modus operandi в стадии подготовки

Галявиев И.Р. – 19 лет (11.09.2001) из полной семьи. *СООТВЕТСТВУЕТ поисковому признаку 1.*

Закончил 175 гимназию в 2017 г., после 9-го класса поступил и обучался в колледже университета управления.

Ректор учебного заведения Н. Прусс охарактеризовала Галявиева И.Р. как опрятного прилежного и усердного студента. Староста учебной группы, где учился Галявиев И.Р., рассказал, что будущий стрелок был замкнутым и нелюдимым, но в то же время помогал сверстникам с учебой. По собственной характеристике Галявиева И.Р., он – классический домашний тиран. По описаниям соседей – тихий ребенок. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 2. ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 3.*

Деньги на покупку амуниции Галявиев И.Р., согласно собственным показаниям, получил от продажи скинов в Counter-Strike. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 8.*

Изучал изготовление самодельных взрывных устройств. В его квартире при обыске были обнару-

жены аммиачная селитра, весы, гвозди и другие компоненты. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 7.*

В его квартире при обыске были обнаружены мухоморная настойка. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 11.*

Январь 2021 – прекратил посещение занятий в колледже.

Март 2021 – стал проживать в квартире один. Начал готовиться к нападению: прошел 6-часовые курсы по безопасному обращению с оружием, получил необходимые медицинские справки, оформил охотничий билет и приобрел полуавтоматическое гладкоствольное ружье Hatsan Escort PS, а также патроны. Способ приобретения оружия в соседнем регионе избыточно конспиративный. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 8.*

2–3 марта 2021 – заказ 6 кг аммиачной селитры, покупка перекиси для взрывчатой смеси.

26 апреля 2021 – отчислен из колледжа университета управления «ТИСБИ» из-за академической задолженности.

28 апреля 2021 – получил лицензию на владение оружием. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 8.*

4 мая 2021 – создал Telegram-канал «Бог», в котором написал о нападении на школу. В этом канале до нападения на гимназию было четыре сообщения, в том числе его фотография. Предупредил о том, что собирается «убить огромное количество биомусора». Мессианская идея противоречит типовой идее мести. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 8.*

5 мая 2021 – попытка тренировки в стрельбе за городом отменена из опасения последствий.

Непосредственно перед описываемыми ниже событиями конфликта у исследуемого с будущими жертвами либо иными лицами не было. *СООТВЕТСТВУЕТ базовому признаку 1.*

Modus operandi в стадии совершения и сокрытия следов

8.20–8.30. Визит в школу для выяснения расписания. Входит в школу, знакомиться с расписанием и уходит. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 2.*

9.00. Устроил поджог по месту жительства. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 7.*

9.05. Сделал свой Telegram-канал «Бог» публичным. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 2.*

Выбрал черную одежду и черную маску с надписью красными буквами «БОГ». *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 5.*

9:15–9:20. Открыто, с оружием шел в школу пешком. *СООТВЕТСТВУЕТ поисковому признаку 12.*

9:20. Зашел на территорию школы. Выстрелы с расстояния не более трех метров в стоящую на крыльце девушку (3 выстрела – все мимо). *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 13. ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 14.*

Выстрел через дверь в вышедшего ему навстречу пожилого работника школы М. Мустафина (2 выстрела: через дверь и добивающий в голову).

9:25 – Вахтером нажата тревожная кнопка.

9:26 – Директор школы по громкой связи предупредила о нападении и велела учителям закрыться с учениками в классах.

На первом этаже преступник у запертой двери кабинета начальных классов привел в действие самодельное взрывное устройство и далее пошел по этажам. Рюкзак с патронами он оставил в туалете. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 2.*

Учительница В. Айзатова, помогавшая эвакуироваться младшеклассникам, убита одним выстрелом. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 13. ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 14.*

Большинство классов были к этому моменту закрыты. На втором этаже, представившись полицейским, пробовал обманом проникнуть в запертые классы. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 2.*

На третьем этаже ему удалось войти в кабинет, где проходил родной язык у 8 «А» класса, после чего он начал стрелять сначала в учительницу Д. Галлиулину (2 выстрела в ноги), потом в учеников. Отстреляв магазин, вышел в коридор и перезарядился. Дверь в соседний кабинет была открыта, увидел там учительницу Э. Игнатьеву. Выстрелил. *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 13. ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 14.*

Стрельба из окна в школьников, находящихся в школьном дворе (убитых нет). *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 13.*

9:33 – прибытие полицейских,

9:35 – задержание подозреваемого преступника. Вышел на крыльцо сам с поднятыми руками. *СООТВЕТСТВУЕТ базовому признаку 4. СООТВЕТСТВУЕТ поисковому признаку 16.*

Видимая нелогичность и противоречивость поведения может свидетельствовать о суженности сознания или о наличии невыявленной программы действий. Возможно, *СООТВЕТСТВУЕТ базовому признаку 2.*

Modus operandi в стадии постпреступного поведения

После стрельбы на третьем этаже у него осталось около сотни патронов.

На видео задержания показано пассивное поведение задержанного. Спокойно погрузился в машину. *СООТВЕТСТВУЕТ базовому признаку 4.*

При задержании солгал, что у него дома заложена бомба. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 4.*

Попытка покончить жизнь самоубийством, которая была прервана окружающими (конвоирами). *ПРОТИВОРЕЧИТ поисковому признаку 17.*

На допросе после задержания вел себя агрессивно и кричал, что всех ненавидит. Выраженная аффективность поведения. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 4.*

Во время присутствия в суде нет признаков раскаяния. *ПРОТИВОРЕЧИТ базовому признаку 4.*

В анализах крови не обнаружено следов наркотических веществ и алкоголя. Нет также данных, указы-

вающих на выявление следов употребления грибов (возможно, ввиду нераспространенности поиска данных веществ в практике расследования массовых преступлений). *Возможно, СООТВЕТСТВУЕТ поисковому признаку 11.*

Естественно, нельзя предполагать, что любой преступник должен соответствовать типовой модели на все 100%. Мы и не настаиваем на этом утверждении. Однако если образ преступника избыточно сильно отличается от типового, то как минимум следует предположить о возможной ошибочности следственных версий (о личности преступника, о наличии пособников, о существовании каких-то дополнительных обстоятельствах принципиально значимых для расследования) или о наличии у преступника выраженного психического отклонения.

Анализ соответствия Modus vivendi и Modus operandi Галявиева типовому образу взрывного массового убийцы, как видно из вышесказанного, демонстрирует:

– соответствие базовым признакам в четырех элементах Modus vivendi и Modus operandi;

– несоответствие базовым признакам в семи элементах Modus vivendi и Modus operandi;

– соответствие поисковым признакам в четырех элементах Modus vivendi и Modus operandi;

– несоответствие поисковым признакам в 18 элементах Modus vivendi и Modus operandi.

Поведение Галявиева, даже если все сомнения трактовать в пользу свидетельств его принадлежности к массовым убийцам, соответствует типовой модели массового взрывного убийцы, исходя из базовых свойств (100/11*4) на 36,36%, исходя из поисковых (второстепенных) свойств (100/22*4) – на 18,18%. Таким образом, поведение Галявиева И.Р. только отдаленно напоминает типовую модель взрывного массового убийцы. И что? Напрашивается вывод.

Данное обстоятельство может говорить либо о демонстративности поведения (подготовке к определенной роли), либо о наличии у преступника выраженного психического отклонения, либо о том, что информация, представленная в СМИ, не может в полной мере составлять базу для исследования.

Объективности ради целесообразно проанализировать соответствие поведения исследуемого модели поведения своего психологического типа. Исследуемый принадлежит к так называемому истероидному (демонстративному) акцентуированному типу.

Типовая характеристика истероидного акцентуированного типа. Особенности характера. Эгоцентризм – стремление быть в центре внимания; тяга к эпатажу; эгоизм; сосредоточенность мыслей на себе; ориентация только на собственные желания; завышенная самооценка; стремление «напрашиваться на комплимент»; энергичность; быстрое угасание после всплеска энергии; развитие чувственного начала в ущерб волевому; неустойчивость настроения; обидчивость; ранимость; чрезвычайное честолюбие; преувеличенные требования благодарности ближнего; вера в свою исключительность. Сильно развитые актерские способности. Склонность к интригам, демагогии и оппозиционности при неудовлетворенном эгоцентризме; игра в вожака вместо настоящего лидерства; ненадежность, лживость и лицемерие; трусость; необдуманный риск (в присутствии зрителей); хвастовство; явно завышенная самооценка; обидчивость при задевании личности; склонность к острым аффективным реакциям. Эмоциональная черствость. Стремление всегда выделяться сочетается с избеганием физического труда. Типовой страх – страх остракизма и физической боли.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты возникают по следующим причинам: вольное или невольное уязвление его самолюбия; равнодушие со стороны окружающих, тем более сознательное игнорирование его личности; критика его достижений, способностей и таланта; вынужденное одиночество или ограничение круга его общения, поклонников; невозможность проявить себя в полной мере; отсутствие ярких событий и возможности проявить свои способности; удары по эгоцентризму, разоблачение его вымыслов, тем более высмеивание [20. С. 88–89].

Истероидность исследуемого установлена из совокупности следующих факторов:

– Выраженная демонстративность поведения (маска с надписью «БОГ», и такое же название (Telegram-канал).

– На фотографиях из его архива он занимает демонстративное положение в центре фотографии или принимает позу критичного отношения к окружающему миру.

– Во время обучения в школе избегал конфликтов.

– Стремление к публичности (Telegram-канал).

– Частое использование местоимения «Я».

– Нежелание делить славу (отказ от упоминаний событий в Колумбайн 20.04.1999 г.).

– В интернете жаловался на персонал магазинов, затруднивших ему приобретение элементов для взрывчатого вещества.

– Выраженная осторожность в процессе совершения преступления (покидание помещения при опустошении магазина и перезарядка в коридоре).

– Во время рассматриваемых событий на втором этаже, представившись полицейским, пытался обманом проникнуть в запертые классы.

– Классическая истероидная псевдопопытка покончить жизнь самоубийством заведомо негодным способом, которая была прервана окружающими (конвоирами).

Из анализа вышеприведенной хронологии событий следует, что истероидная акцентуация исследуемого фактически находит очень слабое подтверждения в его поведении во время совершения преступления, но четко выражена в поведении до и после преступного события.

Выводы

1. Значительное количество данных указывает на предварительную тщательную подготовку и рациональную схему совершения преступления. Отсюда с

бóльшей вероятностью следует, что преступник принадлежит к группе взрывных массовых убийц, нежели к убийцам стихийным.

2. Несмотря на то что типовая модель поведения Галявиева И.Р. ближе к модели взрывного массового убийцы, избыточное количество элементов его преступного поведения выходит за пределы этой модели.

3. Истероидная акцентуация исследуемого фактически находит очень слабое подтверждение в его поведении во время совершения преступления, но четко выражена в поведении до и после преступного события.

4. Отсюда можно заключить, что выраженные противоречия между психологическим типом исследуемого Галявиева И.Р. и особенностями его преступного поведения косвенно указывают на наличие в деле невыявленного оператора.

Примечания

[1] Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») внесено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими на основании решения Верховный Суда Российской Федерации от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С (вступило в силу 11.03.2022).

Список источников

1. Волкова Т.А. Формирование культуры «колумбайнеров» в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4 (12). С. 79–87.
2. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
3. Пастыка Е.А., Питанова М.Е. Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3 (31). С. 21–25.
4. Никитина Л.Н. Использование результатов первичной диагностики склонности молодежи к деструктивному поведению в превентивной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3 (48). С. 73–80.
5. Драганова О.А., Болдырева О.А. Методические рекомендации по профилактике буллинга, скулшутинга и кибераддикции в образовательных организациях. Липецк : Открытый мир, 2020. 20 с.
6. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110.
7. Дамаскин О.В. , Красинский В.В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96.
8. Гадельшин А.А., Потапов Е.А. Оружейная культура в РФ. Причины скулшутинга и пути его предотвращения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 13. С. 183–190.
9. Карпов В.О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
10. Амелина Я.А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи / Кавказский геополитический клуб. М. : Издатель А.В. Воробьев, 2019. 160 с.
11. Сапрыкин В.А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. С. 18–21.
12. Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе : учеб. пособие / ред.-сост. В.Ф. Енгалычев, С.С. Шипшин. 2-е изд., испр. и доп. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 390 с.
13. Holmes R.M., Holmes S.T. Profiling Violent Crimes: An Investigative Tool. 2nd ed. Sage Publications, 1996. 217 p.
14. Turvey B. Criminal Profiling. An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. 4th ed. Academic Press, 2011. 728 p.
15. Canter D., Young D. Investigative Psychology: Offender Profiling and the Analysis of Criminal Action. John Wiley and Sons Ltd., 2009. 461 p.
16. Prins H. Offenders, deviants or patients? New York : Herschel Prins, 1995. 332 p.
17. Burgess A.W. Mass, spree and serial homicide // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J.E. Douglas et al. San Francisco : Jossey-Bass, 2006. P. 437–470.
18. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 514 с.
19. Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых : метод. рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 46–58.
20. Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2019. 454 с.

References

1. Volkova, T.A. (2018) The creation of a culture of “Columbiners” in American schools and its impact on youth in modern Russia. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 4 (12). pp. 79–87. (In Russian). DOI: 10.25730/VSU.2070.18.059
2. Davydov, D.G. & Khlomov, K.D. (2018) Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *Natsional’nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*. 4 (32). pp. 62–76. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2018.0406
3. Pastyka, E.A. & Pitanova, M.E. (2020) Problema vooruzhennykh napadeniy podrostkov v obrazovatel’nykh uchrezhdeniyakh [The problem of armed attacks by teenagers in educational institutions]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Penza State University*. 3 (31). pp. 21–25. (In Russian).
4. Nikitina, L.N. (2019) Ispol’zovanie rezul’tatov pervichnoy diagnostiki sklonnosti molodezhi k destruktivnomu povedeniyu v preventivnoy deyatel’nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Using the results of the primary diagnosis of the propensity of young people to destructive behavior in the preventive activities of employees of internal affairs bodies]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*. 3 (48). pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.33463/2072-8336.2019.3(48).073-080
5. Draganova, O.A. & Boldyreva, O.A. (2020) *Metodicheskie rekomendatsii po profilaktike bullinga, skulshutinga i kiberaddiktsii v obrazovatel’nykh organizatsiyakh* [Guidelines for the prevention of bullying, school shooting and cyber addiction in educational institutions]. Lipetsk: Otkrytyy mir.
6. Dozortseva, E.G., Oshevskiy, D.S. & Syrokvashina, K.V. (2020) Psychological, social and informational aspects of attacks by minors on educational institutions. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 2 (10). pp. 97–110. (In Russian).
7. Damaskin, O.V. & Krasinskiy, V.V. (2020) On “Columbine” (schoolshooting) prevention in educational institutions. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 84–96. (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520012524-7

8. Gadel'shin, A.A. & Potapov, E.A. (2021) Gun culture in the RF. Causes of skulshooting and ways of its prevention. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 13. pp. 183–190. (In Russian).
9. Karpov, V.O. (2018) Cult of Columbine: main reasons for school shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 4 (34). pp. 442–446. (In Russian). DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
10. Amelina, Ya.A. (2019) *Benefis nenavisti. Kak "kolumbaynery" i kerchenskiy ubiytsa Vladislav Roslyakov stali "geroyami" rossiyskoy destruktivnoy molodezhi* [The benefit of hate. How "Columbiners" and the Kerch killer Vladislav Roslyakov became "heroes" of Russian destructive youth]. Moscow: Izdatel' A.V. Vorob'ev.
11. Saprykin, V.A. (2019) Destructive behavior of youth in the context of the information war: Columbine challenges and measures to overcome them. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 1 (131). pp. 18–21. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2019.1.2
12. Engalychev, V.F. & Shipshin, S.S. (2013) *Psikhodiagnosticheskie metody issledovaniya v sudebno-psikhologicheskoy ekspertize* [Psychodiagnostic Methods of Research in Forensic Psychological Examination]. 2nd ed. Kaluga: Kaluga State University in the name of K.E. Tsiolkovsky.
13. Holmes, R.M. & Holmes, S.T. (1996) *Profiling Violent Crimes: An Investigative Tool*. 2nd ed. Sage Publications.
14. Turvey, B. (2011) *Criminal Profiling. An Introduction to Behavioral Evidence Analysis*. 4th ed. Academic Press.
15. Canter, D. & Young, D. (2009) *Investigative Psychology: Offender Profiling and the Analysis of Criminal Action*. John Wiley and Sons Ltd.
16. Prins, H. (1995) *Offenders, deviants or patients?* New York: Herschel Prins.
17. Burgess, A.W. (2006) Mass, spree and serial homicide. In: Douglas, J.E. et al. (eds) *Crime Classification Manual: A standard system for investigating and classifying violent crimes*. San Francisco: Jossey-Bass. pp. 437–470.
18. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2020) *Kriminalisticheskoe profilirovanie* [Forensic Profiling]. Moscow: Yurayt.
19. Safuanov, F.S. et al. (2016) Criteria for psychological evaluation of legally relevant emotional states of defendants: methodological recommendations. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy – Theory and Practice of Forensic Science*. 3 (43). pp. 46–58. (In Russian).
20. Akhmedshin, R.L. (2019) *Lektsii po pravovoy psikhologii* [Lectures on Legal Psychology]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:
Енгалычев В.Ф. – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: valiyen@gmail.com
Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com
Ахмедшина Н.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
V.F. Engalychev, Dr. Sci. (Psychology), professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com
R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com
N.V. Akhmedshina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 349.2
doi: 10.17223/15617793/475/26

Баланс интересов работника и работодателя

Владимир Викторович Кулаков[1], Игорь Юрьевич Воронов[2]

[1, 2] Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
[1] evv@rsuj.ru
[2] trudpravo@rsuj.ru

Аннотация. Анализируется категория «баланс интересов» работника и работодателя. Проводится анализ судебных актов, основанных на необходимости соблюдения баланса интересов. Определены условия и последствия применения принципов и норм трудового права в целях достижения баланса правовых интересов субъектов трудовых правоотношений. Утверждается, что баланс прав и правовых интересов достигается с помощью правовых и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений.

Ключевые слова: трудовой договор, судебное решение, злоупотребление правом, защита трудовых прав, трудовые споры

***Для цитирования*:** Кулаков В.В., Воронов И.Ю. Баланс интересов работника и работодателя // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 215–221. doi: 10.17223/15617793/475/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/26

Balancing the interests of the employee and the employer

Vladimir V. Kulakov[1], Igor Yu. Voronov[2]

[1, 2] Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
[1] evv@rsuj.ru
[2] trudpravo@rsuj.ru

Abstract. The article describes the category of “balance of interests” of the employee and the employer. The analysis of judicial acts motivated by the need to observe the balance of interests is carried out. The object of the study was a set of legal norms governing the relationship between the employer and the employee. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. The following specific scientific methods were used: modeling, comparative historical, peer review. The consequences of applying the category of “balance of interests” of the employee and the employer are determined. The authors state that the balance of interests is achieved by means of legal and individual regulators of labor legal relations of the employee and the employer. The article reports the following conclusions. The category “balance of interests” is not legal, but serves as a kind of a social reference point, the goal of legal regulation. “Balance of interests” as a social category must be distinguished from the legal category “balance of rights and legal interests” of the parties to the legal relationship, including labor. This legal category, in the authors’ opinion, should be enshrined in legal acts, including the Labor Code of the Russian Federation, and the legal policy of our state should be built on its basis. The balance of the rights and legal interests of the employee and the employer lies in the non-equivalence of counter performance. A feature of labor relations is that one party, the employer, receives benefits incommensurably more than the other, the employee, since the employer clearly has more favorable initial opportunities. This implies additional guarantees and protective measures provided by the state to the employee as the weaker side of the employment relationship. The legal policy of the state should take into account the subject composition of labor relations. Obviously, the risks of negative consequences should not be distributed so that only the employee bears them, since they cannot foresee them when concluding an employment contract. It is necessary to develop and consolidate the legal consequences of the establishment by the law enforcement agency of violations of the balance of rights and legal interests of the employee and the employer. In other cases, such a legal consequence is an individual legal regulation carried out by the court as a manifestation of discretion. This is manifested, for example, in labor disputes about the inadmissibility of the abuse of labor law, which requires additional legal analysis in the context of the topic analyzed in this article.

Keywords: employment contract, judicial decision, abuse of right, protection of labor rights, labor disputes

***For citation*:** Kulakov, V.V. & Voronov, I.Yu. (2022) Balancing the interests of the employee and the employer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 215–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/26

Отсылки к балансу интересов стали в последнее время очень популярны. Они встречаются и в актах органов исполнительной власти государства. Так, Правительством Российской Федерации 23 сентября 2020 г. принят Общенациональный план действий, который предполагает совершенствование баланса

© Кулаков В.В., Воронов И.Ю., 2022

интересов заинтересованных сторон при проведении процедур банкротства [1].

В последнее время в специальной литературе, посвященной актуальным проблемам трудового права, среди прочих тем анализируются вопросы, связанные с балансом интересов сторон трудового правоотношения. Некоторые авторы констатируют даже существование целой концепции «баланса интересов» и определяют ее место в трудовом праве России. Например, Ю.В. Иванова связывает назначение права с установлением баланса интересов в обществе [2. С. 10–13].

Н.Л. Лютов, проанализировав баланс экономических прав предпринимателей и социально-трудовых прав работников, пришел к убедительному выводу о его несправедливом (на наш взгляд, неправомерном) смешении в пользу предпринимателей. Автор обоснованно, на наш взгляд, отмечает, что баланс интересов в трудовых отношениях (считаем, точнее в правоотношениях) регламентируется трудовым правом с помощью сочетания государственного и договорного регулирования [3. С. 38].

На наш взгляд, с позиции концепции интегративного понимания права точнее применять понятие «баланс прав и правовых интересов». Во-первых, это связано с тем, что права сторон правоотношения в России защищаются при помощи правовых регуляторов: принципов и норм права, содержащихся в сложной системе форм российского и международного права. Во-вторых, суд защищает не все интересы, а только правовые [4. С. 19–67].

Баланс прав и правовых интересов работника и работодателя достигается, на наш взгляд, во-первых, при помощи правового регулирования посредством различных форм российского и международного трудового права, реализуемых в России, прежде всего, посредством национальных правовых актов: Конституции и Трудового кодекса.

В части 1 ст. 37 Конституции РФ зафиксирована «свобода труда»: труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Мы полагаем, что Трудовой кодекс расширяет смысл этой конституционной нормы; ст. 2 ТК РФ относит к принципам правового регулирования трудовых правоотношений свободу труда, *включая право на труд*. Однако отметим, что эта свобода не может не иметь пределов ограничения. Мы считаем, что слишком большая степень диспозитивности в правовом регулировании трудовых правоотношений часто приводит к негативным социальным последствиям. Это подтверждает как история развития трудового права, так и современное состояние правового регулирования трудовых правоотношений. Поэтому необходимо достижение баланса интересов субъектов трудового права, формой выражения которых является трудовой договор [5. С. 174–175].

ТК РФ представляет собой систему правовых регуляторов достижения баланса прав и правовых интересов работника и работодателя с учетом интересов государства и общества. Этот вывод основан на ч. 2 ст. 1 ТК РФ, где зафиксирована основная задача трудового законодательства, направленная на создание условий для достижения «*оптимального согласования интересов* сторон трудовых отношений и интересов государства». Таким образом, считаем, что в ст. 1 кодекса используется социальная категория «интерес».

В Трудовом кодексе РФ самым ярким примером баланса правовых интересов сторон трудового правоотношения выступают принципы и нормы института трудового договора. В рамках этого института свобода трудового договора ограничивается установленным запретом в интересах «слабой» стороны трудового правоотношения, работника. Например, ТК РФ устанавливает специальные гарантии для работника при заключении трудового договора (ст. 64), нарушение которых ведет к негативным правовым последствиям для работодателя, например к заключению трудового договора на основании судебного решения по иску соискателя работы.

В судебной практике по трудовым спорам наблюдается парадоксальная, на наш взгляд, ситуация, связанная с принятием судами решений, основанных на нарушении «баланса интересов сторон трудового отношения» при отсутствии запретов, установленных нормами ТК РФ и иных правовых актов в сфере труда. В частности, речь идет о применении судами общеправового принципа недопустимости (на наш взгляд, запрещения) злоупотребления правом, закрепленного в ч. 3 ст. 17 Основополагающего правового акта. Полагаем, что в этих судебных решениях презюмируются умышленные действия субъекта трудового права, связанные с причинением ущерба или вреда другой стороне правоотношения, в силу чего считаем, что эти действия являются деликтом. Основываясь на практике трудовых правоотношений, можно сделать вывод о том, что законодатель должен своевременно вносить изменения в действующие правовые акты, в том числе в ТК РФ. Однако, как показывает эта практика, быстро принимать новые принципы или нормы трудового права законодателю не удается, особенно в современных быстро изменяющихся социально-экономических условиях общественной жизни [5. С. 177].

Вторым регулятором трудовых правоотношений в достижении баланса правовых интересов в сфере труда является индивидуальное регулирование. Полагаем, что необходимо принять точку зрения, высказанную В.В. Ершовым о том, что индивидуальное регулирование является неким «компенсаторным» правовым средством, осуществляющим «внутреннее саморегулирование» в дополнение к «внешнему» правовому регулированию в рамках действующих принципов и норм права. Основываясь на субъектах права и имманентном им волевом факторе, В.В. Ершов определяет следующие виды индивидуального регулирования: индивидуальное саморегулирование; индивидуальное договорное регулирование; индивидуальное медиативное регулирование; индивидуальное судебное регулирование [6. С. 15–17].

Мы также полагаем, что правовое регулирование должно обязательно дополняться индивидуальным регулированием трудовых правоотношений, в частности, индивидуальным судебным и договорным регу-

лированием. Считаем, что суд является субъектом индивидуального регулирования в целях достижения баланса прав и правовых интересов работника и работодателя. При этом суду приходится учитывать не только основные задачи трудового законодательства (ст. 1 ТК РФ), но и фактическое состояние трудовых правоотношений. Российский правоприменитель, руководствуясь действующими в государстве формами трудового права, должен вынести, на наш взгляд, основанное на праве (принципах и нормах), т.е. правомерное, а не «справедливое», «разумное» или «добросовестное» решение.

Разрешая трудовые споры и гражданские дела, суды в мотивировочной части своих решений ссылаются на неразумные, несправедливые и недобросовестные действия «сторон отношения», т.е., на наш взгляд, на моральные категории, не право. При этом в этих судебных решениях часто указывается на наличие или отсутствие «баланса интересов сторон отношений», в том числе гражданских и трудовых. Например, в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 16 «О свободе договора и ее пределах» указывается, что при отсутствии выраженного запрета в действующей норме права, регламентирующей права и обязанности, вытекающие из договора, эта норма является императивной при наличии условий: если исходя из целей правового регулирования это необходимо для защиты «особо значимых охраняемых законом интересов» (например, интересов «слабой» стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения *баланса интересов сторон* (курсив наш. – *В.К, И.В.*), либо императивный характер нормы следует из сущности правовой регламентации данного вида договора [7].

Конституционным Судом Российской Федерации используется не понятие «баланс интересов», а понятие «баланс конституционных ценностей» или «баланс конституционных прав и законных интересов». Верное определение баланса конституционных ценностей, по мнению КС РФ, призвано гармонизировать между собой как частные интересы, так и публичные. К ситуативному дисбалансу конституционных ценностей ведет, по мнению Конституционного Суда, несбалансированность нормативного (на наш взгляд, правового) регулирования, особенно межотраслевая несогласованность [8].

Баланс между социальными и экономическими интересами сторон определяется Конституционным Судом с учетом характеристики России как социального государства, имеющего социально ориентированную рыночную экономику. Это предполагает, вместе с утверждением начал конкуренции и свободы экономической деятельности, создание в России необходимых условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [9].

Конституционный Суд РФ предлагает также учитывать необходимость поддержания баланса между *предпринимательскими* и *социальными (трудовыми) интересами* работника и работодателя при рассмотрении трудовых споров судами общей юрисдикции, связанных с охраной прав и интересов работников. Поскольку труд работника организуется и осуществляется в интересах и под контролем работодателя, Россия, будучи социальным государством, по мнению КС РФ, обязана обеспечивать *справедливое* (на наш взгляд, правомерное) установление юридического статуса работника как экономически более «слабой» стороны трудового правоотношения. Показательно, что это относится к условиям возникновения и прекращения трудовых правоотношений, включая необходимую защиту прав и правовых интересов работника как при заключении, так и при прекращении трудового договора по различным основаниям [10].

Устанавливая (на наш взгляд, регулируя) *баланс публичного и частного начал* в трудовом праве, Конституционный Суд, по его мнению, *формирует и развивает* (а на наш взгляд, *реализует,* в силу характера правоприменительной деятельности) подходы к определению *допустимых пределов ограничения прав.* Согласно данному подходу Конституционного Суда, при ограничении прав работника или работодателя необходимо применять только «строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры, отвечающие *требованиям соразмерности, необходимости и правовой определенности»* [11]. Такой подход должен учитываться (и обычно транслируется в мотивировочной части решений) судами общей юрисдикции при разрешении трудовых споров.

В силу ч. 2 ст. 55 Конституции РФ в России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Условия применения этой конституционной нормы актуализированы В.Д. Зорькиным, который указал на необходимость соблюдения баланса ценностей и интересов сторон с учетом требований справедливости (на наш взгляд, моральной категории): при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство*, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов*, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; ограничения должны отвечать *требованиям справедливости*, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей [12. С. 404–405]. Мы полагаем, что для определения баланса прав и правовых интересов работника и работодателя актуально использовать не оценочные понятия и моральные категории, а правовые и индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений.

В практике Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции при разрешении различных видов трудовых споров также используется оценочное понятие «баланс интересов работника и работодателя». При этом позиция Верховного Суда РФ и соответствующих судов общей юрисдикции формируется на основании (со ссылкой на) соответствующих постановлений и определений Конституционного Суда РФ.

Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2020 № 25-П и Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от

08.11.2021 № 67-КГ21-13-К8 указывается, что работодатель, который действует в качестве самостоятельного субъекта хозяйственного оборота, к компетенции которого относится заключение гражданско-правовых договоров и их продление, выбор второй стороны договора или ее замена и т.п., под свою ответственность несет все риски, характерные для реализуемого им вида хозяйственной деятельности. Вступая в трудовые правоотношения с работником, именно работодатель несет предпринимательские риски, связанные с исполнением гражданских обязательств, уменьшением числа заказов, расторжением гражданских договоров и т.д. Работник же, выполняя работу в рамках своей трудовой функции и за заранее обусловленную трудовым договором заработную плату, действует в интересах, под управлением и контролем работодателя, и поэтому не является субъектом предпринимательской деятельности и не должен нести никаких присущих ей негативных последствий. В противном случае нарушается специфика трудовых правоотношений, а следовательно, и *конституционный баланс прав и свобод* работника и работодателя [13, 14].

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 27.03.2017 № 305-КГ16-18369 указывается, что для признания оправданными финансовых расходов, производимых работодателем в виде выплаты работникам при расторжении с ними договоров по соглашению сторон, судам достаточно квалифицировать достижение юридически значимой цели, связанной с фактом прекращения трудового договора с конкретным работником, а также «*соблюдение баланса интересов работника и работодателя*», при котором выплаты работодателя разрешают спорную ситуацию при расторжении договора и не служат личному обогащению работника [15].

Показательно, что вопросы ограничения прав и правовых интересов сторон трудовых правоотношений связаны в судебной практике с пределами судейского усмотрения, которые, на наш взгляд, должны основываться на праве, а не на моральных категориях. В силу части 3 ст. 17 Конституции реализация прав и свобод человека и гражданина не должна нарушать права и свободы других лиц, в этом состоят конституционно значимые границы ограничения прав и свобод человека. В современной судебной практике по трудовым спорам, на основании положений части 3 ст. 17 Конституции, а также позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, выраженных в соответствующих постановлениях и определениях, действия работника – руководителя организации и управомоченного управляющего органа юридического лица по выплате руководителю организации выходного пособия («золотых и серебряных парашютов») квалифицируются в качестве злоупотребления правом в связи с нарушением прав и правовых интересов как организации в целом, так и конкретных ее участников [16].

По аналогии возможно разрешать судебные споры о защите трудовых прав и правовых интересов «слабой» стороны трудового правоотношения – работника. При вынесении решений суды должны учитывать принципиальные положения ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации о том, что перечисление в Конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Можно сделать вывод о том, что категория «баланс интересов сторон отношения в сфере труда» поддерживается индивидуальным судебным регулированием: как судами высших инстанций, так и судами общей юрисдикции при разрешении индивидуальных трудовых споров. К сожалению, основанием для отмены соответствующих судебных решений вышестоящими инстанциями часто являются не нормы трудового права, а «принципы» справедливости, добросовестности, разумности и др., которые, на наш взгляд, являются оценочными понятиями, моральными категориями, социальными регуляторами отношений, т.е. неправовыми явлениями, такими как «баланс интересов». Современные правоприменительные проблемы возникают и из-за того, что суды в своих решениях устанавливают «*баланс интересов»,* а не *«баланс прав и правовых интересов»,* в том числе «сторон трудового отношения». Встречаются также случаи, когда суды определяют соблюдение «баланса интересов сторон отношения» в качестве самостоятельного принципа права, пытаясь решать не присущие им правотворческие задачи [17].

Не только в правоприменительных актах, но и в действующих правовых актах в сфере труда четких признаков категории «баланс интересов» работника и работодателя до сих пор не выработано. Считаем, такая ситуация не способствует единообразию в правоприменении и не приводит к эффективной защите прав и правовых интересов работника и работодателя. При условии отсутствия законодательных запретов в трудовом споре именно суд становится субъектом регулирования баланса прав и правовых интересов сторон трудового правоотношения, но, полагаем, не «творцом судебного права».

Понятие «баланс интересов» использовалось немецкими цивилистами, а также в дореволюционном российском праве. По высказыванию немецких юристов, принцип «Treu und Glauben» имеет как субсидиарное, так и *корректирующее* правовое значение – по отношению к договору и обычаям делового оборота и по отношению к закону [18. С. 241]. Однако в современной российской правовой системе, полагаем, формулировать принципы трудового права и устанавливать баланс прав и правовых интересов, в том числе в сфере труда, должны правотворческие органы государства и уполномоченные федеральным законом субъекты права.

Становится очевидным, что с позиции юридического позитивизма невозможно решить проблему квалификации «баланса интересов участников отношений», в том числе трудовых. Полагаем, что это возможно с позиции научно обоснованного интегративного правопонимания, основанного на синтезе юридического нормативизма, а также социологического и естественно-правового подхода. С этой точки зрения в современной юриспруденции принципы права при-

знаются *основополагающей формой права,* имеющей высшую юридическую силу по отношению к другим формам права, например к правовым актам и правовым договорам.

Однако по-прежнему не решен ряд правотворческих и правоприменительных вопросов, связанных с регулятивным значением основополагающих, общих, межотраслевых и отраслевых принципов права. Основываясь на ч. 4 ст. 15 Конституции можно решить проблему приоритета принципов права, закрепленных в международных актах и ратифицированных Российской Федерацией над российскими законами. Однако если принцип права формально не выражен, но поддерживается управомоченными (судебными) органами государства (например, запрещение злоупотребления правом), то однозначного ответа, как именно его применять, пока нет. Полагаем, что до тех пор, пока не будет легально определена природа принципов права, их функциональное значение и иерархия относительно других форм права, реализуемых в Российской Федерации (правовых договоров, обычаев), проблема достижения баланса прав и правовых интересов сторон правоотношений, в том числе трудовых, не будет решена [19. С. 25].

Полагаем, что гражданские правоотношения кардинально отличаются от трудовых в вопросе определения баланса прав и правовых интересов сторон правоотношения, поскольку гражданское право основано на принципах равенства, свободы и независимости сторон. Но и с позиций научной цивилистики бывает очень сложно определить содержание баланса прав и правовых интересов сторон. Существующий понятийный и терминологический аппарат отрасли гражданского права, связанный с категориями субъективного гражданского права, этому не способствует. Категория «баланс интересов» не однозначно применяется судами при рассмотрении трудовых споров и гражданских дел. Стороны гражданских правоотношений, также, как и трудовых, часто имеют противоположные экономические, социальные и правовые интересы. Считаем, что в гражданском праве речь идет в основном о договорных обязательствах, которые являются самой распространенной формой гражданских правоотношений, опосредующих экономический оборот. Стороны гражданско-правового договора имеют несовпадающие экономические интересы и приходят к встречным соглашениям как не равноценным, не одинаковым, а достаточным, необходимым, эквивалентным [19. С. 23].

В трудовых правоотношениях, как и в гражданских, интересы работника и работодателя также не совпадают. Кроме того, мы склонны согласиться с теми авторами, которые утверждают, что «*баланса интересов»* работника и работодателя не существует и существовать не может [20]. ***Основной интерес работника*** при вступлении в трудовые правоотношения – получать заработную плату за свой труд. При этом заработная плата несамостоятельного работника часто является единственным источником его средств к существованию. ***Основным интересом работодателя*** является получение прибыли, в том числе за счет трудового вклада работников, что может быть не единственным источником его предпринимательского дохода.

Отметим, что в рамках научно обоснованной теории интегративного правопонимания выработан метод, согласно которому, во-первых, надо разделять право, к которому относятся и моральные категории «добро», «зло», «справедливость», «добросовестность», «разумность» и так называемый принцип баланса интересов сторон, и право, воплощенное в его формах, в том числе в принципах права, правовых актах, правовых договорах, обычаях. Во-вторых, в рамках этого подхода предлагается установить приоритет (высшую юридическую силу) принципов национального и международного права по отношению к другим формам права, в том числе национальным правовым актам, включая закон [4. С. 255–324; 21. С. 73–105; 22. С. 154–168; 23. С. 35–46; 24. С. 12–71; 25. С. 9–30].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что категория «баланс интересов» служит неким социальным ориентиром, целью социального регулирования общественных отношений. «Баланс интересов» как социальную категорию надо отличать от правовой категории «баланс прав и правовых интересов» сторон правоотношения, в том числе трудового. Эта правовая категория, на наш взгляд, должна быть закреплена в правовых актах, Трудовом кодексе Российской Федерации, и на ее основе должна выстраиваться правовая политика нашего государства.

Соответственно, предлагаем выработать *условия* и *последствия* достижения баланса прав и правовых интересов работника и работодателя.

1. Баланс прав и правовых интересов сторон трудового правоотношения заключается в присущей трудовым правоотношениям неэквивалентности встречного договорного исполнения. Особенностью трудовых правоотношений является то, что их стороны фактически и юридически не равны, работодатель изначально находится в более выгодном экономическом положении по отношению к работнику. Поэтому в правовых актах в сфере труда всегда вырабатываются дополнительные гарантии и защитные меры, предоставляемые работнику как более «слабой» стороне.

2. Правовая политика Российской Федерации должна учитывать субъектный состав трудовых правоотношений, выраженный в разном социальном, экономическом и правовом статусе работника и работодателя. Работник не несет риски последствий предпринимательской деятельности работодателя, что выражается в правовом и индивидуальном регулировании трудовых правоотношений. Например, особенностью материальной ответственности работника является то, что он несет ответственность только за прямой действительный ущерб, причиненный работодателю и не несет ответственности по предпринимательским рискам работодателя.

На правотворческом уровне необходимо установить последствия нарушения баланса прав и правовых интересов работника и работодателя. Это, во-первых, правовые последствия, связанные с нару-

шением конкретных принципов трудового права, имеющих приоритет относительно действующих норм трудового права, и привлечением работодателя к материальной, дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Во-вторых, это правовые последствия, связанные с индивидуальным (в частности, судебным и договорным) регулированием трудовых правоотношений, которые проявляются, например, в принудительном заключении трудового договора с работником на основании конкретного судебного решения по иску заинтересованной стороны.

Список источников

1. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Иванова Ю.В. Концепция баланса интересов и ее место в трудовом праве Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 10–13.
3. Лютов Н.Л. Социальные и трудовые отношения в условиях экономического кризиса: соблюдение баланса интересов // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 30–38.
4. Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М. : РГУП, 2020. 564 с.
5. Кулаков В.В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 174–185.
6. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. 2013. № 2. С. 15–17.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС КонсультантПлюс.
8. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2020 № 5-П // СПС КонсультантПлюс.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 № 1160-О-О, Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1557-О-О // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П // СПС КонсультантПлюс.
12. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. 591 с.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2020 № 25-П // СПС КонсультантПлюс.
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2021 № 67-КГ21-13-К8 // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.03.2017 № 305-КГ16-18369 по делу № А40-213762/2014 // СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.03.2015 № Ф06-21022/2013 по делу № А57-16132/2014 // СПС КонсультантПлюс.
18. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2001. 349 с.
19. Актуальные проблемы гражданского права / под ред. Р.В. Шагиевой, Н.Н. Косаренко. М. : РААН, 2017. 194 с.
20. Туманов А. Баланс интересов работника и работодателя – недостатки конструкции // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/discussion/2016/2/25/balans_interesov_rabotnika_i_rabotodatelya_%E2%80%93_nedostatki_konstrukcii
21. Ершова Е.А. Сущность, источники и формы трудового права в Российской Федерации. М. : РАП, 2008. 452 с.
22. Ершов В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М. : РАП, 2010. 223 с.
23. Воронов И.Ю. Юридическая природа основополагающих принципов российского трудового права с позиций легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 4 (72). С. 35–46.
24. Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 186 с.
25. Лебедев В.М., Мельникова В.Г., Назметдинов Р.Р. Трудовое право: опыт сравнительного правового исследования / под ред. В.М. Лебедева. М. : Норма ; ИНФРА М, 2019. 480 с.

References

1. Consultant Plus. (2020) *National Action Plan to ensure the restoration of employment and incomes of the population, economic growth and long-term structural changes in the economy (approved by the Government of the Russian Federation on September 23, 2020, protocol No. 36, section VII) (N P13-60855 of October 2, 2020)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
2. Ivanova, Yu.V. (2019) The concept of balance of interests and its place in the labor law of the Russian Federation. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 3. pp. 10–13. (In Russian).
3. Lyutov, N.L. (2016) Social and labour relations during economic crisis: how to balance the interests. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1 (229). pp. 30–38. (In Russian). DOI: 10.12737/17229
4. Ershov, V.V. (2020) *Regulirovanie pravootnosheniy* [Regulation of Legal Relations]. Moscow: Russian State University of Justice.
5. Kulakov, V.V. (2016) Reasonable balance of interests as object of civil legal regulation. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. S1. pp. 174–185. (In Russian).
6. Ershov, V.V. (2013) Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy kak parnye kategorii [Legal and individual regulation of public relations as paired categories]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 2. pp. 15–17. (In Russian).
7. Consultant Plus. (2014) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014 No. 16 "On freedom of contract and its limits"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
8. Consultant Plus. (2021) *Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Methodological aspects of constitutional control (on the occasion of the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)" (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 10, 2021)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
9. Consultant Plus. (2020) *Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 2020 No. 5-P.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
10. Consultant Plus. (2009) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 1, 2009 No. 1160-O-O; of December 17, 2009 No. 1557-O-O.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
11. Consultant Plus. (2019) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 17, 2019 N 4-P.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

12. Zor'kin, V.D. (2008) *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke* [Russia and the Constitution in the 21st Century]. Moscow: Norma.
13. Consultant Plus. (2020) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 19, 2020 N 25-P*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
14. Consultant Plus. (2021) *Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 08, 2021 N 67-KG21-13-K8*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
15. Consultant Plus. (2017) *Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 27, 2017 N 305-KG16-18369 in case N A40-213762*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
16. Consultant Plus. (2015) *Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 02, 2015 No. 21 "On some issues that arose from the courts in the application of legislation governing the work of the head of the organization and members of the collegial executive body of the organization"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Consultant Plus. (2015) *Decree of the Arbitration Court of the Volga District of March 05, 2015 No. F06-21022/2013 in case No. A57-16132/2014*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
18. Pokrovskiy I.A. (2001) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statut.
19. Shagieva, R.V. & Kosarenko, N.N. (eds) (2017). *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Actual Problems of Civil Law]. Moscow: Russian Academy of Lawyers and Notaries.
20. Tumanov, A. (2016) Balans interesov rabotnika i rabotodatelya – nedostatki konstruktsii [The balance of interests of the employee and the employer – design flaws]. *Zakon.ru*. [Online] Available from: https://zakon.ru/discussion/2016/2/25/balans_interesov_rabotnika_i_rabotodatelya_%E2%80%93_nedostatki_konstrukcii.
21. Ershova, E.A. (2008) *Sushchnost', istochniki i formy trudovogo prava v Rossiyskoy Federatsii* [Essence, Sources and Forms of Labor Law in the Russian Federation]. Moscow: RAP.
22. Ershov, V.V. (2010) *Osnovopolagayushchie obshcheteoreticheskie i grazhdansko-pravovye printsipy prava* [Fundamental General Theoretical and Civil Principles of Law]. Moscow: RAP.
23. Voronov, I.Yu. (2012) Legal nature of fundamental principles of Russian labour law from perspective of legalism and integrative understanding of law. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 4 (72). pp. 35–46. (In Russian).
24. Mazurenko, S.V. (2020) *Priroda i klassifikatsiya printsipov rossiyskogo trudovogo prava* [Nature and classification of the principles of Russian labor law]. Law Cand. Diss. Moscow.
25. Lebedev, V.M., Mel'nikova, V.G. & Nazmetdinov, R.R. (2019) *Trudovoe pravo: opyt sravnitel'nogo pravovogo issledovaniya* [Labor Law: Experience of comparative legal research]. Moscow: Norma: INFRA M.

Информация об авторах:
Кулаков В.В. – д-р юрид. наук, ректор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: evv@rsuj.ru
Воронов И.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: trudpravo@rsuj.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
V.V. Kulakov, Dr. Sci. (Law), rector, professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: evv@rsuj.ru
I.Yu. Voronov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: trudpravo@rsuj.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 14.02.2022;
approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 343.2.01
doi: 10.17223/15617793/475/27

Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 г. и их влияние на расширение практики помилования

Вячеслав Иванович Селиверстов[1, 2]

[1] *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
[2] *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1, 2] *vis_home@list.ru*

Аннотация. Рассмотрена практика применения Президентом Российской Федерации помилования осужденных. Проанализирована новая регламентация порядка рассмотрения ходатайств осужденных о помиловании, ее недостатки и возможности влияния на расширение практики применения этого института. На основе анализа правоприменительной практики обращено внимание на недооценку такой формы помилования, как сокращение наказания. Вносится предложение о возврате к дискуссии о необходимости разработки и принятия федерального закона о помиловании.

Ключевые слова: помилование, осужденные, уголовное наказание, федеральный закон о помиловании

***Для цитирования*:** Селиверстов В.И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 г. и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 222–228. doi: 10.17223/15617793/475/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/27

Pardons in the Russian Federation: Innovations of 2020 and their impact on the expansion of the use of pardons

Viacheslav I. Seliverstov[1, 2]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*
[2] *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*
[1, 2] *vis_home@list.ru*

Abstract. In the past ten years, the use of pardoning convicted persons by the President of the Russian Federation has sharply decreased, which causes criticism from representatives of the media and human rights organizations. The state authorities respond to this criticism by constantly improving the procedural rules for considering the applications of convicted persons for clemency. However, this does not lead to an increase in applying pardons. In 2020, the President of the Russian Federation again changed the procedural rules for considering applications for clemency. Thus, a new regulation on the procedure for considering petitions for clemency in the Russian Federation was adopted. This article analyzes the new regulation of this procedure, its advantages and disadvantages. The possibility of the impact of the new regulation of the pardon procedure on the expansion of the use of pardoning is evaluated. Based on the analysis, the author infers that the adopted normative legal acts will not lead to the expansion of the use of pardoning. To solve this problem based on the analysis of law enforcement practice, it is necessary to exclude the underestimation of such a form of pardon as a reduction of the imposed sentence. The author also substantiates the position on a more active use of pardons to convicts who have committed socially useful acts in the form of extinguishing fires, eliminating the consequences of natural disasters, etc. As a conclusion, the author states that repeated and not very successful attempts to improve the normative regulation of the use of pardons, together with its "fading" use, revive the controversy of the early twenty-first century about the need to develop and adopt a federal law on pardons. A draft law developed by scientists with the participation of the author of this article and published in the journal *Zakon* [Law] in 2002 can be taken as the basis of the federal law. This project can be finalized with the involvement of representatives of the President of the Russian Federation, scientists, legislators, human rights defenders, as well as the judicial community. Such a transparent revision and adoption of the federal law will help to avoid the current shortcomings in the normative regulation of the use of pardons, to reach an optimal consensus of political forces and the public in the practice of applying pardons in modern conditions. All this will guarantee the rights of convicted persons to have their petitions for clemency considered and will activate the use of this institution, which testifies to the manifestation of humanism to persons serving criminal sentences.

Keywords: pardon, convicted persons, criminal punishment, federal law on pardon

***For citation*:** Seliverstov, V.I. (2022) Pardons in the Russian Federation: Innovations of 2020 and their impact on the expansion of the use of pardons. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 222–228. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/27

© Селиверстов В.И., 2022

Сущность помилования заключается в милосердии, проявляемом государством по отношению к лицу, которому за совершение преступления назначено уголовное наказание. За годы новой российской государственности (1992 г. – по настоящее время) институт помилования динамично изменялся: корректировались правовые основы порядка рассмотрения ходатайств о помиловании, расширялась и сужалась практика его применения. Соответственно менялась общественная и профессиональная оценка этого института.

Первоначально (1992–2001 гг.) на помилование возлагалась не свойственная этому институту функция корректировки уголовной политики, заключающаяся в смягчении карательного уклона в уголовном законодательстве и судебной практике. Этому во многом способствовало состояние законодательства и судебной практики, приводившее к широкому применению лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести, нередко совершенные впервые. Кроме того, наряду с институтом амнистии помилование отчасти способствовало «разгрузке» исправительных учреждений, переполнение которых и, как следствие, не соответствующие международным и национальным стандартам материально-бытовые условия не были большим секретом. Влияли на понимание социальной роли помилования и субъективные факторы, в частности либеральные взгляды ряда членов образованной в 1992 г. при Президенте Российской Федерации (далее – РФ) Комиссии по вопросам помилования. Именно поэтому в отдельные годы этого периода времени количество лиц, к которым было применено помилование, превышало десять тысяч. Весьма показательны в этом отношении данные, приведенные Н.В. Елисеевой о том, что всего с 1992 по 2001 г. по рекомендации данной комиссии Президент РФ помиловал 69 856 осужденных. Также следует обратить внимание на сведения о доле ходатайств осужденных, получивших положительную рекомендацию Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. Так, ежегодно до 2001 г. комиссия рекомендовала к удовлетворению от 11 до 33% ходатайств о помиловании, поступивших от осужденных [1. С. 36–37].

Начиная с 2001 г. в практике помилования произошли существенные изменения. Так, если в 2000 г. помилование было применено в отношении 12 836 осужденных, то уже в 2001 г. – только в отношении 27 осужденных, т.е. помилование сразу резко сократилось в 475 раз. С 2002 по 2012 г. количество помилованных колебалось от 0 до 283, а с 2013 до 2019 г. от 2 до 7 в год (2013 – 5; 2014 – 2; 2015 – 2; 2016 – 6; 2017 – 4; 2018 – 5; 2019 – 7) [2]. В 2020 г., согласно данным официального сайта Президента РФ, было помиловано 5 человек [3].

Некоторые исследователи связывают такое резкое падение количества помилований с принятием Указа Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500, ликвидировавшего Комиссию по помилованию при Президенте РФ и образовавшего комиссии по вопросам помилования в субъектах РФ. Однако это только внешнее проявление причин, которые обусловили этот процесс. На рубеже XXI в. произошли существенные изменения уголовного законодательства, была скорректирована следственная и судебная практика. В результате этого уменьшилось количество лиц, осуждаемых судами РФ, с 2001 по 2019 г. оно уменьшилось с 1,24 млн до 0,59 млн человек. Начиная с 2003 г. по настоящее время было проведено 19 амнистий, самая масштабная была в 2000 г. На основании акта об амнистии 2000 г. из мест лишения свободы было освобождено 209 тыс. человек, а коснулась амнистия в целом 877 тыс. осужденных [4].

В результате произошло существенное сокращение «тюремного населения» в местах лишения свободы, являвшегося основным «поставщиком» кандидатов на применение помилования. Так, по сравнению с 2000 г. численность осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, сократилась почти в 2,4 раза и согласно официальным данным сайта ФСИН России на 1 января 2021 г. составила 378 668 человек.

Приведенное выше сокращение практики помилования все эти годы вызывало и в настоящее время вызывает нарекания правозащитников, которые через Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и Уполномоченного по правам человека в РФ ежегодно ставят вопрос о корректировке указанной практики в сторону ее расширения. Однако государственная власть обращает внимание не на правоприменительную практику применения помилования, а на нормативное регулирование рассмотрения ходатайств осужденных о помиловании. В результате этого Президент РФ в 2007, 2009, 2012 и 2016 гг. вносил изменения в нормативные акты, регламентирующие рассмотрение ходатайств о помиловании. Поскольку эти изменения касались процедурных вопросов рассмотрения ходатайств, не имеющих принципиального значения для расширения практики применения этой меры милосердия, то правозащитное сообщество на встречах с Президентом РФ, которые проходили ежегодно в Международный день защиты прав человека – 10 декабря, вновь и вновь обращало его внимание на необходимость расширения практики применения помилования. По итогам одного из таких обсуждений Президент РФ в феврале 2019 г. поручил своей администрации, Минюсту России, Общественной палате РФ, омбудсмену и властям регионов разработать предложения, направленные на совершенствование процедуры формирования региональных комиссий и повышение эффективности их деятельности. В итоге Указом Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 797 были внесены изменения и дополнения в Указ Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (далее – Указ) и утверждено новое Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации (далее – Положение) [5].

Каковы же новеллы нового регулирования деятельности комиссий и порядка осуществления помилования в России? Могут ли они расширить практику применения помилования и тем самым сгладить некоторое напряжение между властью и либеральным правоза-

щитным крылом, со временем все явственнее приобретающем радикальную политическую окраску? [6].

Необходимо отметить, что в новой редакции Указа Президента РФ № 1500 и новом Положении содержится достаточное число новелл. Большинство из них имеет технический либо процедурный характер, относящийся к деятельности комиссий и порядку рассмотрения ходатайств о помиловании, а поэтому в аспекте влияния на расширение практики помилования в настоящей статье анализироваться они не будут. Рассмотрим лишь те из них, которые могут оказать такое влияние.

Так, в п. 3 рассматриваемого Положении установлено, что в Российской Федерации помилование применяется:

а) в отношении лиц, осужденных судами в Российской Федерации к наказаниям, предусмотренным уголовным законом, и отбывающих наказание на территории Российской Федерации;

б) в отношении лиц, осужденных судами иностранного государства, отбывающих наказание на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на условиях взаимности;

в) в отношении лиц, освобожденных условно-досрочно, в течение оставшейся неотбытой части наказания;

г) в отношении лиц, условно осужденных, а также лиц, которым суды Российской Федерации отсрочили отбывание наказания;

д) в отношении лиц, отбывших назначенное судами наказание и имеющих неснятую или непогашенную судимость

Как явствует из приведенного выше перечня, по сравнению с ранее действовавшим положением появились новые категории осужденных, к которым может быть применено помилование. Они перечислены в пунктах «в» и «г». Идея такого решения понятна, она обусловлена желанием расширить практику применения помилования в России. Однако насколько она согласуется с нормами уголовного закона, закрепляющего виды помилования, а также обоснована ли она с точки зрения здравого смысла?

Так, согласно ч. 2 ст. 85 УК РФ актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания. Однако при условно-досрочном освобождении лицо согласно ст. 79 УК РФ уже освобождено от дальнейшего отбывания наказания. Можно ли вторично уже актом помилования освобождать от дальнейшего отбывания наказания? Представляется, что это нецелесообразно. Видимо, вводя дополнительные категории для помилования, имелось в виду освободить осужденного от выполнения условий, которые возложены на осужденного в ч. 7 ст. 79 УК РФ, и исполнения обязанностей, определенных судом на основании ч. 2 ст. 79 УК РФ. Но тогда речь идет об освобождении от применения иной меры уголовно-правового характера, которая наказанием не является.

Аналогичные вопросы возникают при распространении помилования на лиц, которые на основании ст. 73 УК РФ осуждены к уголовному наказанию условно с испытательным сроком. Согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ при условном осуждении не происходит реального отбывания наказания, поэтому от дальнейшего отбывания наказания освобождать нельзя. Опять же, можно освобождать от возложенных на осужденного условий и обязанностей, однако они реализуются не в рамках уголовного наказания, а иной меры уголовно-правового характера. Освобождение от отбывания иной меры уголовно-правового характера в порядке помилования ч. 2 ст. 85 УК РФ не предусмотрено. В науке уголовного права имелась точка зрения об отнесении условного осуждения к уголовному наказанию [7. С. 102–105]. В настоящее время большинство ученых считают этот институт освобождением от отбывания наказания и включают его в иные меры уголовно-правового характера [8. С. 83–92]. Однако нормативная регламентация применения помилования – это не дискуссия в теории уголовного права. Поэтому в данном случае следует исходить из перечня наказаний, закрепленных в ст. 44 УК РФ. В этом перечне условного осуждения нет.

Наибольшее недоумение возникает, если проанализировать возможность применения акта о помиловании к лицам, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания. В числе иных в эту категорию осужденных попадают лица, больные наркоманией, которым на основании ст. 82.1 УК РФ предоставлена отсрочка отбывания наказания. Согласно ч. 3 этой статьи, после прохождения курса лечения от наркомании, медицинской реабилитации, социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания. От дальнейшего отбывания наказания по акту помилования освободить невозможно, так как лицо уже освобождено судом, а от лечения и медицинской реабилитации досрочно освобождать актом помилования нецелесообразно, да и негуманно. При решении этого вопроса необходимо медицинское заключение специалистов о том, что цели такой отсрочки достигнуты и осужденный излечился от пагубного заболевания. Однако Положение не предусматривает предоставление такого заключения. Но опять же освобождение на основании акта о помиловании от иных мер уголовно-правового характера не предусмотрено уголовным законом.

Не отрицая в принципе возможность освобождения в порядке помилования от некоторых мер уголовно-правового характера (условного осуждения, условно-досрочного освобождения), следует отметить, что для этого необходимо изменение ч. 2 ст. 85 УК РФ. Независимо от того, что полномочие Президента РФ применять помилование закреплено в Конституции РФ, осуществление этой функции не может выходить за рамки действующего законодательства. Да, и здравого смысла.

Таким образом, анализируемые изменения расширяют возможности применения помилования, в перспективе могут появиться ходатайства о помиловании от

осужденных условно или с отсрочкой исполнения наказания, а также условно-досрочно освобожденных. Могут появиться указы Президента РФ о применении помилования к этим категориям осужденных. Однако это будут единичные случаи, да и то они могут оспорены в судебном порядке по основаниям, указанным выше.

Между тем решение проблемы расширения помилования по-прежнему заключается не в нормативном регулировании рассмотрения ходатайств о помиловании и порядка образования и деятельности комиссий по вопросам помилования, а непосредственно в правоприменительной практике, задаваемой уголовной политикой государства. Как нам представляется, политическая установка на резкое сокращение случаев применения помилования, реализованная в начале этого века, должна быть скорректирована, а все формы помилования, указанные в ч. 2 ст. 85 УК РФ, должны найти отражение в нормативной регламентации и практике применения этого политико-правового института.

Первое. По нашему мнению, как ранее действовавшие, так и новые нормативные документы во многих положениях по-прежнему ориентируется на применение помилования только в одной его форме, а именно в виде освобождения от дальнейшего отбывания уголовного наказания. Указанная ориентация определяет и практику применения помилования. В результате этого «остается в тени» такая форма помилования, как сокращение назначенного наказания. Если в ранний период применения помилования в РФ (1992–2001 гг.) освобождение от дальнейшего отбывания наказания и сокращение наказания, как указывали А.Я. Гришко и А.М. Потапов, встречаются в российской практике приблизительно одинаково [9. С. 103], то в последующем освобождение от дальнейшего отбывания наказания стало преобладающим, а сокращение наказания стало встречаться крайне редко. Так, за последние пять лет (2016–2020 гг.) Президент РФ использовал следующие формы помилования: снятие судимости – 6,6%, сокращение срока или размера назначенного наказания – 16,7% и освобождение от дальнейшего отбывания наказания – 76,7% (данные получены автором статьи путем анализа указов Президента РФ о помиловании за последние пять лет). Возможно, на такое отношение к данной форме помилования оказали влияние политические установки, которые председатели комиссий по вопросам помилования получали от чиновников, ведающих рассмотрением материалов о помиловании в Администрации Президента РФ. Так, на одном из совещаний председателей комиссий предупредили: «В связи с этим не иначе как порочную, искажающую суть помилования следует рассматривать “уловку” рекомендующих к помилованию в форме сокращения срока наказания (на 1–2 года), рассчитанного так, чтобы осужденный мог сразу же освободиться условно-досрочно. При этом основной акцент в аргументации делается на незначительность срока сокращения срока наказания. Таким образом, фактически, предлагается дважды – подчеркиваю, дважды – проявить гуманное отношение к осужденному» [10. С. 32].

Не можем согласиться с указанной позицией. Во-первых, сокращение наказания как форма помилования предусмотрено в ст. 85 УК РФ, поэтому не может быть порочной практика деятельности комиссий по вопросам помилования, основанная на данной норме уголовного закона.

Во-вторых, нет ничего порочного и в практике двойного проявления гуманизма к осужденному. У помилования и условно-досрочного освобождения разные юридические основания применения, разные субъекты принятия решений. Применение помилования к осужденному в виде сокращения срока наказания не означает, что он сможет освободиться от отбывания наказания условно-досрочно. Если же это происходит, то двойное проявление гуманизма к осужденному не запрещено законом. Более того, двойное проявление гуманизма, основанное на уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, встречается довольно часто, например, замена наказания в виде лишения свободы принудительными работами с последующим условно-досрочным освобождением от принудительных работ либо перевод осужденного из исправительных колоний общего или строгого режима в колонию-поселение с последующим условно-досрочным освобождением.

На основании изложенного, мы считаем, что у формы помилования в виде сокращения срока назначенного наказания есть достаточный потенциал в плане расширения практики применения помилования.

Во-первых, существующее и явно прослеживаемое в современный период времени нежелание власти идти на расширение практики помилования осужденных основывается на опасении составить конкуренцию иным многочисленным правовым механизмам досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания, что может создать иллюзию подмены исполнительной властью власти судебной. Также сказывается ориентация на общественное мнение, которое не столь благосклонно относится к досрочному освобождению, особенно из мест лишения свободы осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Кроме того, использование такой формы помилования, как освобождение от дальнейшего отбывания наказания, не позволяет полноценно подготовить помилованного к освобождению, помочь в решении вопросов трудового и бытового устройства на свободе.

Применение помилования в виде сокращения назначенного наказания позволяет нивелировать указанные опасения и недостатки, причем у этой формы помилования достаточный диапазон смягчения участи осужденных, например, в отношении лиц, отбывающих лишение свободы, – сокращение от 1/4 до 2/3 срока наказания либо сокращение срока в годах и даже месяцах. Это позволит в большей степени индивидуализировать принимаемое решение о помиловании. Применительно к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, это может выражаться в уменьшении размера наказания, например, штрафа, назначенного по приговору суда.

Во-вторых, в практике исполнения уголовных наказаний имеется потребность в применении рас-

сматриваемой формы помилования. Так, в ст. 10 УИК РФ в качестве принципа правового положения осужденных констатируется, что они пользуются правами и несут обязанности, установленные для граждан РФ. Это положение базируется на международных документах и Конституции РФ, установившей в ч. 3 ст. 6 положение о том, что гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Сохранение гражданства за лицами, отбывающими наказание, имеет важное социально правовое значение, поскольку позволяет не формально, а по существу обращаться к гражданским чувствам осужденных, особенно в экстремальных ситуациях, которые, к сожалению, имеются в нашей повседневной жизни. В ликвидации этих ситуаций, а также их последствий нередко участвуют осужденные, причем делают они это не по принуждению администрации исправительных учреждений, а по собственному желанию. Для подтверждения таких фактов обратимся к официальному сайту ФСИН России.

Так, 27 июня 2011 г. на сайте ФСИН России появилось сообщение о том, что ГУФСИН России по Республике Коми бросило все силы и средства на тушение лесных пожаров, угрожавших жилым поселкам. Наряду с сотрудниками свыше 150 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях региона, успешно справились с огнем в районах с наиболее пожароопасной ситуацией [11].

Летом 2014 г. в Кежемском районе Красноярского края и Тайшетском районе Иркутской области силами 140 осужденных под руководством 15 сотрудников удалось локализовать на площади протяженностью 900 га и ликвидировать пожаров на площади 800 га [12].

В том же Красноярском крае в 2015 г. в тушении лесных пожаров принимали участие сотрудники и осужденные «лесных» исправительных учреждений. Всего силами осужденных локализовано и ликвидировано пожаров на общей площади 248 га [13].

30 июля 2017 г. сотрудники и осужденные приняли участие в тушении лесного пожара в зоне пятого километра автодороги Харп – Лабытнанги [14].

Судя по данным сообщениям, сотрудники и осужденные при тушении пожаров действовали самоотверженно и ликвидировали очаги возгорания. Видимо, они получили соответствующие поощрения, однако было бы вполне справедливым к наиболее отличившимся осужденным применить помилование. Если иные обстоятельства не позволяют применить помилование в форме освобождения от дальнейшего отбывания наказания, то можно было бы сократить наказания, хотя бы на один-два года. Однако эти и другие случаи (их достаточно много, и не все они находят отражение на сайте ведомства) исполнения осужденными своего гражданского долга не нашли реакции в виде применения помилования.

Аналогично можно расширить применение помилования в отношении лиц, осужденных к штрафу. В настоящее время штрафы могут назначаться в довольно больших размерах, в связи с чем нередко применяется отсрочка исполнения наказания в виде штрафа на срок до 5 лет. Соответственно, в это время могут возникнуть обстоятельства (потеря работы, получение инвалидности, пожар или иное стихийное бедствие, причинившее существенный ущерб собственности осужденного), существенно ухудшающие материальное положение осужденного и его семьи, что может послужить основанием для уменьшения размера штрафа. Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает возможности снижения размера штрафа в случаях наступления указанных обстоятельств, это возможно только при применении помилования. Однако практика помилования свидетельствует об отсутствии таких случаев. Между тем, по информации Минюста России, исполнение приговоров к штрафам в течение последних лет остается на низком уровне. В 2019 г. из 179,8 тыс. исполнительных производств о взыскании штрафа за совершенные преступления в полном объеме исполнены 27,1% приговоров, в том числе по штрафам, назначенным в качестве основного наказания – 31,4%, в качестве дополнительного вида наказания – по 16%. Наверняка среди них есть лица, не оплатившие штраф вследствие форс-мажорных обстоятельств, которые могли бы стать основаниями для применения помилования, в том числе и в виде сокращения суммы штрафа.

Второе. В ранее действовавшем Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в РФ прослеживалась четкая ориентация на регламентацию порядка помилования от наказаний, которые исполняют учреждения и органы ФСИН России. Вновь принятое Положение в некоторой степени сглаживает этот недостаток. Так, в п. 13 Положения новеллой является указание на то, что «ходатайство о помиловании лица, которому штраф назначен в качестве основного наказания… направляется заявителем самостоятельно в комиссию по месту своего жительства (месту пребывания)». Однако этот недостаток не устранен в полном объеме. По-прежнему нет регламентации порядка рассмотрения ходатайств о помиловании в отношении осужденных-военнослужащих, отбывающих наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части и ограничения по военной службе. Отсутствует такая регламентация в отношении рассмотрения ходатайств лиц, осужденных к наказанию в виде лишения воинского или специального звания, классного чина и государственных наград. Ранее этот недостаток нормативной регламентации применения помилования указывался в научной литературе, в том числе и автором настоящей статьи [15. С. 23], однако он не был устранен в новом Положении.

О чем же в целом свидетельствуют принятые 14 декабря 2020 г. редакция Указа Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 и новая редакция Положения? На наш взгляд, новеллы новой регламентации рассмотрения ходатайств осужденных о помиловании не дают надежд расширение практики помилования. Более того, неоднократные и не очень успешные попытки улучшить нормативную регламентацию применения помилования в совокупности с практикой «затухания» применения этого института возрождают

полемику начала XXI в. о необходимости разработки и принятия федерального закона о помиловании. Проект такого закона был разработан учеными с участием автора настоящей статьи и опубликован в журнале «Закон» в 2002 г. [16. С. 135–140].

В качестве основных идей в проекте федерального закона «О помиловании в Российской Федерации» были предложены:

а) введение возможности условного помилования в отношении осужденных, отбывающих срочные виды наказаний, включая и лишение свободы;

б) расширение субъектов возбуждения ходатайства о помиловании путем включения наряду с осужденным его законного представителя, близких родственников, учреждений и органов, исполняющих наказания, трудовых коллективов, общественных организаций, федерального и региональных омбудсменов. В случае поступления от указанных субъектов прошений о помиловании для его рассмотрения требуется письменное согласие осужденного;

в) образование наряду с региональными центральной (федеральной) комиссии по вопросам помилования, которая имела бы в своей компетенции полномочия по методическому обеспечению территориальных комиссий, осуществлению общественного контроля за исполнением указов Президента РФ о применении помилования, а также по предварительному рассмотрению ходатайств о помиловании осужденных военнослужащих, отбывающих наказание в виде ограничения по военной службе, ареста или содержания в дисциплинарной воинской части;

г) дополнительные гарантии при решении вопроса о применении помилования, предоставляемые как осужденным, обратившимся с ходатайством о помиловании, так и потерпевшим от преступлений;

д) введение особого экстерриториального порядка рассмотрения ходатайств о помиловании осужденных военнослужащих;

е) регламентация стадии исполнения указов Президента РФ о применении помилования.

Конечно, отдельные положения законопроекта с учетом того, что с момента разработки прошло почти 20 лет, не идеальны. Однако они могут быть доработаны с привлечением представителей Президента РФ, ученых, законодателей, правозащитников, а также судейского сообщества. Такие гласные обсуждения, доработка и принятие федерального закона помогут избежать существующих в настоящее время недостатков в нормативной регламентации применения помилования, выйти на оптимальный консенсус политических сил и общественности в практике применения помилования в современных условиях.

Список источников

1. Елисеева Н.В., Михлин А.С. Помилование в Российской Федерации / под ред. А.С. Михлина. М., 2001. 82 с.
2. Банк документов // Президент России (официальный сайт). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank (дата обращения: 14.01.2021).
3. Указы Президента России за 2020 год // Президент России (неофициальный сайт). URL: http://prezident.org/articles/ (дата обращения: 12.01.2021).
4. Итоги амнистии // Российская газета. 27.10.2015. URL: https://rg.ru/2015/10/27/ (дата обращения: 12.01.2021).
5. Указ Президента Российской Федерации от 14.12.2020 № 787 // Информационно-правовая база данных РФ. URL: https://ipbd.ru/doc/0001202012140062/ (дата обращения: 14.01.2021).
6. Аренина Е. Немилостливый государь. Исследование о том, как российская власть перестала быть милосердной. URL: https://www.proekt.media/research/statistika-pomilovaniya (дата обращения: 12.01.2021).
7. Петрашев В.Н. Гуманизация системы наказаний в советском уголовном праве. Ростов н/Д, 1988. 141 с.
8. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.
9. Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия. Помилование. Судимость. М. : Логос, 2009. 272 с.
10. Бундин Ю.И. Выступление на Всероссийском совещании председателей комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации (Нижний Новгород, 16–18 декабря 2003 года) // Всероссийское совещание председателей комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации. М. : Юридическая литература, 2004. С. 27–35.
11. ГУФСИН России по Республике Коми участвует в тушении лесных пожаров на территории региона // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=18168&sphrase_id=1423170 (дата обращения: 14.01.2021).
12. Подразделения ГУФСИН России по Красноярскому краю участвуют в тушении лесных пожаров // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=140929&sphrase_id=1423170 (дата обращения: 14.01.2021).
13. Подразделения ГУФСИН России по Красноярскому краю участвуют в тушении лесных пожаров // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=200575&sphrase_id=1423170 (дата обращения: 14.01.2021).
14. Подразделения УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу участвуют в тушении лесных пожаров // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=333802&sphrase_id=1423170 (дата обращения: 14.01.2021).
15. Селиверстов В.И. Проблемы законодательного регулирования помилования в Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 года № 1500 «О Комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (24–25 октября 2002 года, г. Брянск). Москва ; Брянск : Изд-во МосУ МВД России, 2002. С. 22–29.
16. Михлин А.С., Селиверстов В.И., Яковлева Л.В. Помилование в России // Закон. 2002. № 4. С. 135–140.

References

1. Eliseeva, N.V. & Mikhlin, A.S. (2001) *Pomilovanie v Rossiyskoy Federatsii* [Pardon in the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].
2. Prezident Rossii (ofitsial'nyy sayt) [President of Russia (official site)]. (n.d.) *Bank dokumentov* [Bank of documents]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank (Accessed: 14.01.2021).
3. Prezident Rossii (neofitsial'nyy sayt) [President of Russia (unofficial site)]. (n.d.) *Ukazy Prezidenta Rossii za 2020 god* [Decrees of the President of Russia for 2020]. [Online] Available from: http://prezident.org/articles/ (Accessed: 12.01.2021).
4. Rossiyskaya gazeta. (2015) Itogi amnistii [The results of the amnesty]. *Rossiyskaya gazeta*. 27 October. [Online] Available from: https://rg.ru/2015/10/27/ (Accessed: 12.01.2021).

5. Informatsionno-pravovaya baza dannykh RF [Information and legal database of the Russian Federation]. (2020) *Decree of the President of the Russian Federation of December 14, 2020 No. 787*. [Online] Available from: https://ipbd.ru/doc/0001202012140062/ (Accessed: 14.01.2021). (In Russian).
6. Arenina, E. (2019) Nemilostlivyy gosudar'. Issledovanie o tom, kak rossiyskaya vlast' perestala byt' miloserdnoy [Unmerciful Sovereign. A study on how the Russian government ceased to be merciful]. *Proekt*. [Online] Available from: https://www.proekt.media/research/statistika-pomilovaniya (Accessed: 12.01.2021).
7. Petrashev, V.N. (1988) *Gumanizatsiya sistemy nakazaniy v sovetskom ugolovnom prave* [Humanization of the System of Punishments in Soviet Criminal Law]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
8. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penitentiary Law as a Branch of Russian Law: Subject, method, sources, system]. Moscow: Yurisprudentsiya.
9. Grishko, A.Ya. & Potapov, A.M. (2009) *Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost'* [Amnesty. Pardon. Criminal record]. Moscow: Logos.
10. Bundin, Yu.I. (2004) [A Speech]. *Proceedings of the All-Russian Conference of the Chairmen of the Pardon Commissions on the Territories of the Constituent Entities of the Russian Federation*. Nizhniy Novgorod. 16–18 December 2003. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 27–35. (In Russian).
11. Federal Penitentiary Service of Russia. (2011) *GUFSIN Rossii po Respublike Komi uchastvuet v tushenii lesnykh pozharov na territorii regiona* [GUFSIN of Russia in the Komi Republic participates in extinguishing forest fires in the region]. [Online] Available from: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=18168&sphrase_id=1423170 (Accessed: 14.01.2021).
12. Federal Penitentiary Service of Russia. (2014) *Podrazdeleniya GUFSIN Rossii po Krasnoyarskomu krayu uchastvuyut v tushenii lesnykh pozharov* [Subdivisions of the GUFSIN of Russia in the Krasnoyarsk Krai participate in extinguishing forest fires]. [Online] Available from: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=140929&sphrase_id=1423170 (Accessed: 14.01.2021).
13. Federal Penitentiary Service of Russia. (2015) *Podrazdeleniya GUFSIN Rossii po Krasnoyarskomu krayu uchastvuyut v tushenii lesnykh pozharov* [Subdivisions of the GUFSIN of Russia in the Krasnoyarsk Krai participate in extinguishing forest fires]. [Online] Available from: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=200575&sphrase_id=1423170 (Accessed: 14.01.2021).
14. Federal Penitentiary Service of Russia. (2017) Podrazdeleniya UFSIN Rossii po Yamalo–Nenetskomu avtonomnomu okrugu uchastvuyut v tushenii lesnykh pozharov [Subdivisions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug participate in extinguishing forest fires]. [Online] Available from: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=333802&sphrase_id=1423170 (Accessed: 14.01.2021).
15. Seliverstov, V.I. (2002) [Problems of legislative regulation of pardon in the Russian Federation]. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28 dekabrya 2001 goda № 1500 "O Komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiyskoy Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii)* [Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2001 No. 1500 "On Commissions for Pardons in the Territories of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Bryansk. 24–25 October 2002. Moscow; Bryansk: Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 22–29. (In Russian).
16. Mikhlin, A.S., Seliverstov, V.I. & Yakovleva, L.V. (2002) Pomilovanie v Rossii [Pardon in Russia]. *Zakon – Statute*. 4. pp. 135–140. (In Russian).

Информация об авторе:
Селиверстов В.И. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: vis_home@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.I. Seliverstov, Dr. Sci. (Law), professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vis_home@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021;
одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 27.02.2021;
approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 342.51
doi: 10.17223/15617793/475/28

О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство

Олег Анатольевич Степанов[1], Денис Анатольевич Басангов[2]

[1, 2] Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
[1] o_stepanov28@mail.ru
[2] d_basang@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ проблем использования искусственного интеллекта (ИИ) при осуществлении правосудия в Российской Федерации и зарубежных странах. Рассматриваются актуальные проблемы судопроизводства, обусловленные внедрением цифровых технологий в судебную практику. Проанализированы особенности коммуникации между искусственным интеллектом и человеком при возложении на ИИ отдельных судебных функций. Отмечается, что разработка исследуемой проблемы требует учета международного опыта в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: судопроизводство, искусственный интеллект, качество правосудия

***Для цитирования*:** Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 229–237. doi: 10.17223/15617793/475/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/28

On the prospects for the impact of artificial intelligence on judicial proceedings

Oleg A. Stepanov[1], Denis A. Basangov[2]

[1, 2] Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[1] o_stepanov28@mail.ru
[2] d_basang@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of using artificial intelligence (AI) in the administration of justice in the Russian Federation and in foreign countries. The article examines the current problems of judicial proceedings due to the introduction of digital technology in judicial practice. The processes of digitalization affecting the language of court proceedings are investigated. The aim of this study is to analyze the peculiarities of communication between artificial intelligence and human beings in the assignment of certain judicial functions to AI. Analysis and synthesis, the comparative-legal method, as well as methods of forecasting and semantic studies were used as research methods. The analysis shows that AI allows releasing the judge from performing monotonous activities (information-documentary, expert-analytical, linguistic-translation work) and organizational support of legal proceedings, taking into account that semantic search will give the judge an opportunity to formulate inquiries to the machine in natural language, and the machine is designed to respond in natural language too, without reducing relevance of information. The foreign practice of using AI in court proceedings is analyzed. The results obtained indicate that the use of AI systems in court proceedings as an additional means of assistance and control along with increasing the efficiency of judicial reforms contributes to the prevention of judicial errors, identification of existing problems and risks. The importance of creating a mechanism to control judicial discretion through the potential of AI is emphasized. It is assumed that the development of the problem under study requires not only normative regulation, but also the use of AI as a tool to correlate the law with unambiguously interpreted logical rules.

Keywords: court procedure, artificial intelligence, quality of justice

***For citation*:** Stepanov, O.A. & Basangov, D.A. (2022) On the prospects for the impact of artificial intelligence on judicial proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 229–237. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/28

Развитие технологий все в большей мере затрагивает профессиональную юридическую деятельность в целом и сферу судопроизводства в частности, поскольку эффективность отправления правосудия находится в прямой зависимости от использования возможности применения в судебной практике новых юридических технологий.

Проблемы внедрения в судебную деятельность искусственного интеллекта в качестве инструмента совершенствования судопроизводства активно анализи-

© Степанов О.А., Басангов Д.А., 2022

руется не только в странах СНГ, но и в ряде западных стран.

Возложение на искусственный интеллект как на помощника (партнера) судьи отдельных функций при отправлении правосудия призвано разгрузить судью от выполнения однообразной работы, повысить контроль за деятельностью судьи, улучшить информационно-документальное обеспечение, повысить уровень экспертно-аналитического, лингвистического и организационного сопровождения судопроизводства [1. С. 25–27].

Внедрение в судопроизводство искусственного интеллекта связано с реализацией положений Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Однако сами по себе цифровые технологии – это только средство по улучшению работы всей системы. При этом базовые принципы правосудия – состязательность сторон в процессе, беспристрастность и объективность, независимость самих судей – должны остаться неизменными [2].

Исключая возможную предвзятость либо невнимательность человека, искусственный интеллект способен обеспечить вынесение разумного и законного решения, руководствуясь неопровержимой логикой аргументов и фактов, связанных с делом, а не эмоциями, интересами, присущими человеку.

Принято считать, что впервые термин «искусственный интеллект», как система алгоритмов, основанная на машинном обучении, был предложен американским ученым Джоном Маккарти в 1956 г. на специализированной одноименной научной конференции, проходившей в Дартмутском колледже (США) [3. P. 4].

В Европе искусственным интеллектом называется киберфизическая (небиологическая) автономная, но нуждающаяся в физической (энергетической) поддержке система, способная обмениваться данными со своей средой и анализировать их, самообучаться на основе приобретенного опыта и взаимодействия, а также адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды [4].

В России в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. понятие «искусственный интеллект» связывается с комплексом технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» на законодательном уровне было сформулировано легальное понятие «искусственный интеллект» – как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека (п. 2 ч. 1 ст. 2) [5].

Таким образом, под системой искусственного интеллекта в России понимается комплексная информационно-электронная система, имитирующая процесс мышления человека, направленная на достижение определенного результата. При этом разница между искусственным интеллектом и обычными компьютерными алгоритмами заключается в том, что искусственный интеллект способен обучаться на основе накопленного опыта.

По мнению В.В. Момотова, внедрение системы искусственного интеллекта в судебную деятельность может обеспечить: «а) повышение качества и эффективности судебной деятельности; б) повышение эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан, организаций, органов государственной власти; г) создание систем прогнозирования судебной нагрузки в зависимости от изменения законодательства» [6].

К. Ронсин, В. Лампос, А. Метрепьер полагают, что использование искусственного интеллекта «представляется потенциально желательным по совершенно разным причинам как для лиц, занимающихся государственной судебной политикой, так и для специалистов в области частного права». Основными преимуществами инструментов, основанных на искусственном интеллекте, являются разрешение судебной неопределенности, избежание долгого и дорогостоящего судебного процесса, его прозрачность и предсказуемость, а также унификация прецедентного права [7. С. 16, 36].

Д.А. Фурсов указывает, что «роботизация необходима для совершенствования научного управления обществом в таком его сегменте, который именуется правосудной деятельностью… Решение этих задач позволит… поднять правосудие на качественно новый уровень и по глубине аналитики, и по параметрам справедливости, и по степени открытости в деятельности всех органов судебной власти» [8. С. 215].

Р.Р. Исмаилов полагает, что искусственный интеллект способствует значительному уменьшению негативного воздействия таких факторов, как усталость и эмоциональная нестабильность, а также минимизирует коррупционные риски [9. С. 217].

П.М. Мохат видит в качестве преимуществ использования систем искусственного интеллекта возможность снижения масштабов проблемы доступа населения к правосудию и реформирования всей системы судопроизводства и юридической практики в целом [10. С. 217–221].

5 декабря 2019 г. Советом судей РФ была одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., согласно которой перспектива использования искусственного интеллекта в судопроизводстве может быть связана с освобождением

судей от несложной и однообразной, технико-правовой работы, занимающей до 80% рабочего времени.

В судебной практике существует значительное количество дел, алгоритм разрешения которых вполне может быть автоматизирован и реализован в ходе судебного рассмотрения, например, в делах по взысканию долга, оспариванию штрафа, для анализа контрактов, финансовых документов, рассмотрения коммерческих документов по недвижимости.

Неуклонно увеличивающееся количество принимаемых судебных актов и иных юридических документов (иски, договоры, консультации) предполагает постановку вопроса о делегировании функции поиска и анализа юридической информации системам искусственного интеллекта, позволяющим с помощью алгоритмических и математических моделей находить решения и создавать принципиально новые управленческие продукты.

Фактически проблема использования таких систем в сфере отправления правосудия связана не с заменой судьи при принятии решений по различным направлениям судопроизводства, а с усилением его возможностей за счет сокращения сроков сбора сведений и документов по делу, повышения объективности в рассмотрении дела, проверки достоверности полученной информации в ходе рассмотрения дела.

С применением технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве расширяется и возможность обнаружения скрытых закономерностей в юридических массивах сведений при сопоставлении их с новыми фактами и корреляции с ранее полученными данными. При этом отдельные аспекты использования ИИ связаны с использованием языка судопроизводства.

Современные возможности ИИ позволяют не только достаточно точно распознавать юридические ситуации, но и, что еще более важно, без потерь описать законы на логическом, а соответственно и программном, языках [11. С. 45]. При этом предполагается, что алгоритмы искусственного интеллекта будут всегда оставаться объективными, беспристрастными, сохранять нейтралитет и безупречную репутацию, что способно существенно облегчить работу судьи, т.е. позволит снизить нагрузку на судебный аппарат, ускорить и усовершенствовать отправление правосудия, исключить судебную волокиту и коррупцию.

Таким образом, использование судьями искусственного интеллекта при рассмотрении дел и вынесении решений способно не только компенсировать недостатки логики алгоритма искусственного интеллекта, но и избавить судей от возможной предвзятости и случайных погрешностей (с учетом доступа ИИ к огромным ресурсам юридической документации, которая в силу объема не может сохраняться в человеческой памяти). При этом системы искусственного интеллекта способны не только глубоко анализировать правовую ситуацию и предлагать возможные варианты применения законодательства, но и осуществлять оценки возможных решений с учетом допустимых пределов судейского усмотрения.

Вместе с тем существующие алгоритмы пока не в состоянии отвечать на вопросы, включающие оценочный элемент. Например, они не могут оценить выводы технической экспертизы и определить размер причиненного вреда, а также соответствующий ему размер компенсации. Не могут определить моральный аспект деликта, выражаемый в причиненных потерпевшему нравственных страданиях. Искусственному интеллекту, в частности, неведомы принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания [12. С. 188].

Кроме того, отсутствие у искусственного интеллекта способности чувствовать нюансы использования языка, в том числе игры слов, может привести к парадоксальным решениям. С учетом этого говорить о замене судьи искусственным интеллектом как минимум преждевременно, а скорее всего, невозможно. Поэтому право на окончательную оценку ситуации должен оставлять за собой человек [13].

Внутреннее убеждение судьи также не подчиняется математическим алгоритмам, его невозможно подсчитать, однако искусственный интеллект способен сориентировать судью на решение по делу, основываясь на анализе практики рассмотрения аналогичной категории дел. Кроме того, исходя из фактических обстоятельств, а также из перспективы для сторон рассмотрения судебного дела, система искусственного интеллекта может рекомендовать сторонам разрешить спор, не прибегая к обращению в суд.

С учетом этого внедрение технологий искусственного интеллекта в судопроизводство призвано не только повлиять на увеличение доверия граждан к судебной системе в целом, но и просчитать возможные риски и определить степень вероятности успешного исхода по конкретному делу. Такую возможность, в частности, представляет использование российской программы с элементами искусственного интеллекта «CaseBook», которая способна рассчитывать вероятность исхода судебного процесса и его продолжительность [14].

Поскольку в судебной практике каждое дело является уникальным и неповторимым, то использование цифровых технологий в судопроизводстве предполагает обращение к массивам повторяющихся данных, их типизацию, которая направлена на последующую формализацию. При этом нельзя не принимать во внимание, что уникальные особенности отдельного уголовного дела могут быть не учтены в общем сформированном массиве судебных решений, а формально-правовое решение в ряде случаев не будет соответствовать требованиям справедливости, подсудности и убедительности.

С учетом этого обстоятельства внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство может быть сведено в настоящее время к четырем направлениям деятельности:

– функции помощника судьи с возможностями информационно-аналитической и экспертной поддержки, которая бы позволила принимать более взвешенные и обоснованные решения;

– функции партнера судьи с возможностью контроля принимаемого им решения (приговора) на предмет его соответствия нормам права;

– функции автоматизированного поиска и анализа ранее принятых судебных решений по аналогичным делам;

– функции использования в делопроизводстве, целью которой является оптимизация работы аппарата суда на любом этапе судопроизводства, сбора и обработки данных судебной статистики.

Преимуществом использования технологий искусственного интеллекта в качестве помощника (партнера) судьи является возможность очень быстро анализировать, сопоставлять, обрабатывать значительные массивы нормативного правового материала и существующей судебной практики, которые человек зачастую может пропустить, готовить необходимые проекты судебных документов. Подобно помощи врачам в диагностировании заболеваний и рекомендаций в лечении, в правовом контексте появится возможность предоставления необходимых выводов для проведения юридических исследований и анализа.

Использование искусственного интеллекта целесообразно не только в ходе разрешения споров, но и в качестве экспертных систем, позволяющих принимать более обоснованные решения. Поскольку искусственный интеллект может проанализировать ситуацию и разработать проект решения для его рассмотрения судьей, то это в целом позволит снизить уровень злоупотреблений в судах.

Как показывает практика использование автоматизированных сервисов поиска юридической информации, анализа документов позволяет экономить до 80% рабочего времени и до 90% стоимости юридических консультаций. Это весьма важное обстоятельство при колоссальной загруженности судей в России, которая влечет за собой увеличение сроков рассмотрения и разрешения дел и, как правило, не оставляет судьям возможности углубиться в анализ правовых ситуаций, отличающихся особой сложностью.

Так, арбитражные суды рассматривают значительное число дел о банкротстве крупных бизнес-компаний, состоящие из сотен томов, в каждом из которых, в соответствии с инструкцией по делопроизводству, насчитывается более сотни страниц. Например, сложности в структуре по банкротству АО «Славянка» потребовали от суда рассмотреть каждую из двух тысяч сделок на предмет их соответствия закону, а также их исполнение на предмет соответствия условиям сделок. А по делу о банкротстве одной из крупных страховых компаний были заявлены более четырех тысяч требований кредиторов об их включении в реестр кредиторов, а ведь каждое из требований суд должен оценить на предмет его обоснованности, доказанности соответствия закону. Хотя на ознакомление (даже не на анализ содержащихся в таком деле документов) арбитражный судья не располагает не только днями, но и порой часами [15. С. 33–34].

По словам российского адвоката А. Кучерены, ему в своей практике пришлось столкнуться с обвинительным заключением, объем которого составлял 19 965 страниц текста. Ни один судья не способен в сжатые сроки этот текст прочитать и тем более тщательно проанализировать, чтобы вынести законное и обоснованное решение. Однако для компьютера это не составит ни малейшего труда [16]. Ни один человек не в состоянии просто прочитать в ограниченные сроки все материалы такого многотомного уголовного дела, в котором настолько значительное по объему обвинительное заключение явно составляет лишь незначительную долю. При этом адвокат отмечает преимущества применения программных продуктов, которые сократят процент ошибочных или заведомо неправосудных приговоров, обеспечат преодоление обвинительного уклона и повысят качество судопроизводства.

В конце 2018 г. в «Российской газете» появилось сообщение, что в Перми разработали компьютерную программу «Лазер», помогающую судьям выносить приговор. При правильном заполнении форм программа генерирует мотивированное решение – судья в определенном порядке вносит в программу все известные данные дела, а в ответ получает проект судебного вердикта. Разработчики уверены, что это значительно повысит скорость вынесения приговора и точность работы. Данная программа призвана сэкономить время судей, но многие судьи не видят смысла в ее применении из-за возможного нарушения принципов уголовного процесса [17].

Хотя справедливый приговор учитывает все обстоятельства конкретного дела, в том числе и личность подсудимого, и его биографию, и в идеале не должен противоречить приговору законному. Чтобы вынести такой приговор, судье требуется не только блестящее знание законов, но и безупречное логическое мышление и человеческая мудрость, чего нет у компьютера [18. С. 151–154].

Вместе с тем не все дела, поступающие на рассмотрение в суд, требуют от судьи приложения его творческого понимания и судейского усмотрения. Есть значительная категория дел, при разрешении которых деятельность судьи имеет шаблонный характер, например дела приказного производства, а также дела, связанные с расторжением брака при отсутствии спора о детях. В этом случае системы искусственного интеллекта способны оказать значительную поддержку судье в поиске документов, автоматизации и генерации шаблонов правовых документов.

В.А. Жилкин в работе, посвященной описанию применения искусственного интеллекта и цифровых технологий в юриспруденции Финляндии, отмечает, что в наше время искусственный интеллект способен анализировать юридические документы, успешно справляться с рутинными юридическими функциями. В этом случае при подготовке судебных дел существенно снижается объем бумажной документации [19. С. 18].

Кроме того, перспективы использования искусственного интеллекта при рассмотрении судебных дел обусловлены его беспристрастностью, неподкупностью, строгим следованием положениям законодательства, скоростью выполнения поставленных задач, способностью выбирать наилучшее решение из большого объема информации. При этом контроль допустимых пределов судейского усмотрения призван по-

ложительно отражаться на ходе судебного разбирательства и качестве выносимых судебных решений.

Использование технологий искусственного интеллекта позволит в большей мере обеспечить справедливость и объективность принятых судебных решений особенно там, где можно допустить и гарантировать стабильность принимаемых решений на основе заданных алгоритмов.

Наряду с этим открытыми остаются вопросы о пределах применения искусственного интеллекта в судопроизводстве. Так, например, судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев занимает позицию, согласно которой «роботы не смогут в ближайшем будущем рассматривать уголовные и гражданские дела, поскольку они не способны учесть все детали, в том числе человеческий фактор» [20]. Подобная позиция представляется вполне обоснованной, поскольку при принятии искусственным интеллектом судебных решений в силу невозможности машинной обработки не будут учтены элементы морали, этики, эмоциональной сферы, обстановки произошедшего и другие показатели, относящиеся исключительно к человеческой жизнедеятельности.

Основным препятствием повсеместного применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия является и фактор легитимности (или доверия), связанный с глубинными пластами общественной психологии, но не технологический фактор, как это с очевидностью представляется. Каким бы ни был в той или иной стране измеряемый уровень доверия населения к судам, только судебная власть в лице судей, а не алгоритмов в глазах населения обладает легитимностью, которые призваны принимать решения по правовым спорам, затрагивающим наиболее важные права человека.

Однако разработки компьютерных программ, которые дополняют (заменяют) судью при вынесении приговора, ведутся во многих странах. Эстония может стать первой страной, в которой выносить приговор в суде будет компьютер с функцией искусственного интеллекта. По информации американского издания Wired, интерес к подобной разработке проявило министерство юстиции Эстонии. Ведомство заказало программу для рассмотрения споров по мелким судебным делам – на сумму до 7 тыс. евро. Предполагается, что участники разбирательства смогут загружать самостоятельно все данные в компьютер и быстро узнавать вердикт по своему случаю [21].

В апреле 2017 г. в США была разработана система, способная предсказывать исход судебного процесса. Основываясь на обработанных алгоритмами машинного обучения данных дел, рассмотренных Верховным судом США за период с 1816 по 2015 г., исследователи создали статистическую модель, которую система использует для поиска закономерностей между характеристиками дела и решением суда. С помощью этой модели система верно предсказала исход 70,2% дел из 28 тыс., а решения отдельных судей были верно предсказаны системой в 71,9% случаев из 240 тыс. [22]. А в Великобритании в 2016 г. с помощью технологий искусственного интеллекта разработчиками была достигнута возможность предсказывать решения Европейского суда по правам человека. По результатам анализа сведений о 584 делах, рассмотренных ЕСПЧ, искусственный интеллект верно определил решение в 79% случаев [23].

В Китае с 2020 г. в онлайн-режиме рассматривается уже более 200 тыс. дел ежемесячно. Все суды в Китае подключены к платформе больших данных, на которую автоматически передается информация о принятых решениях, доказательствах и т.д. Обращение к такой платформе позволяет судье получать сведения из других государственных органов автоматически – о недвижимости, доходах, банковских счетах, транспорте и другую информацию. Это ускоряет судебный процесс и исключает подделку справок сторонами. Данные обновляются каждые пять минут, что позволяет судьям оперативно получать различную информацию, например, о средних, минимальных и максимальных наказаниях в похожих делах. При этом ИИ вышестоящих судов проводит предварительную проверку судебных дел, сравнивая доказательства из проверяемого дела и из массива ранее рассмотренных дел [23].

Способность искусственного интеллекта заменить ручную и канцелярскую работу, например, при выполнении функций председателя суда, связанной с распределением дел, призвана обеспечить возможность оптимального использования времени судей. Вместе с тем нельзя исключать риски некачественного ввода данных, которые негативно влияют на объективность предложенных системой вариантов судебного решения, а также риски хищений и утраты, находящейся в системе значимой информации. Система искусственного интеллекта не застрахована и от злонамеренных внешних воздействий (взломов) в пользу одной из сторон, заинтересованной в определенном исходе судебного разбирательства.

Итальянский процессуалист М. Таруффо, ведя дискуссию о возможности использования искусственного интеллекта в принятии судебных решений, отмечает, что суждение судьи имеет диалектическую (диалогическую) структуру. Она заключается в том, что между сторонами выстраивается диалог по вопросам права и факта. Такое взаимодействие сторон является основным источником различных гипотез для принятия судьей окончательного решения. Кроме того, диалектичность проявляется в том, что обоснование принимаемого решения может быть рассмотрено как диалог судьи с самим собой. Судья выводит из аргументов сторон или формулирует сам гипотезу, проверяет ее и решает, является она правильной или нет [24. P. 311–324]. Искусственным же интеллектом решения принимаются в соответствии с заложенными в него алгоритмами, построенными на законах формальной логики. Формально-логическая модель принятия решения не позволяет искусственному интеллекту генерировать гипотезы, которые основываются на фактических обстоятельствах, не заложенных в алгоритм. При этом необходимо учитывать, что технологии искусственного интеллекта не являются статичными, а постоянно самосовершенствуются и само-

обучаются, изменяются под воздействием внешних факторов.

Важно также добавить, что наиболее сходные с человеческим мышлением системы искусственного интеллекта, функционирующие на основе машинного обучения, характеризуются отсутствием такой важной для судопроизводства характеристики, как прозрачность. Нельзя исключать наличие большого числа оснований для обжалования судебных решений, выносимых при участии интеллектуальных помощников судьи, при вероятной невозможности проверки детального механизма принятия решения (например, современные системы искусственного интеллекта на основе искусственных нейронных сетей, функционируют по принципу «черного ящика»). Но в этом случае всегда остается возможность изучения материалов дела судьей апелляционной инстанции.

Следует отметить, что применение технологий искусственного интеллекта активно распространяется в судебной практике США, Китая, Великобритании [25], Южной Кореи [26], Франции, Японии.

Так, 28 марта 2018 г. в Великобритании впервые в истории состоялся полностью виртуальный судебный процесс, коммуникации в котором осуществлялись посредством специальной закрытой сети, построенной по заказу Минюста Объединенного Королевства. Отметим, что процедуры электронного правосудия в Великобритании в настоящее время регламентированы законодательством, а стадии процесса отображаются на специализированном сайте. Например, британские технологии искусственного интеллекта осуществляют прогнозирование, результаты которого используются судом при вынесении решения о возможности выпуска подозреваемых под залог.

В Саудовской Аравии применение технологий электронных уголовных дел позволило сократить сроки расследований преступлений до 85%, а по большинству дел производство осуществляется в течение нескольких дней.

В Шанхае и в ряде других территорий Китая действует программа, позволяющая судьям на основе информации о наказании, содержащейся в судебных уголовных делах, разобраться в вопросах доказанности обвинения, и предлагает оптимальные вид и размер наказания. ИИ распознает речь, выявляет противоречия в показаниях, а также письменных доказательствах и предупреждает об этом судью. Алгоритм анализирует сведения о личности подсудимого и, сравнивая их с данными, содержащимися в других приговорах, предлагает такое наказание, которое судьи чаще всего назначают при аналогичных обстоятельствах. Это позволяет унифицировать правосудие в стране с самым большим населением и количеством судей (более 100 тыс.) в мире [27. С. 119–120].

В марте 2021 г. была принята «дорожная карта» по модернизации правовой системы КНР к 2025 г., включающая интеграцию ИИ в судопроизводство в рамках системы «умного суда» для повышения доверия к судам и упрощения контроля над судьями. Кроме того, с марта 2019 г. в Китае действует система рассмотрения интернет-споров через мессенджер WeChat, который распознает лицо участника процесса для установления личности и позволяет использовать электронную подпись при подаче заявлений и доказательств. Процесс проходит в формате видеочата, а решение выносит ИИ. На настоящее время рассмотрено более 3 млн дел [28].

Примером эффективности высокотехнологичного продукта является тестируемая с 2012 г. в 30 округах и городах Китая (1% территории страны) программа искусственного интеллекта Zero Trust, которая до ее закрытия в 2019 г. выявила более 9 тыс. чиновников, подозреваемых в коррупционных правонарушениях [29].

Данная программа искусственного интеллекта, обладая доступом более чем к 150 защищенным базам данных в центральном правительственном аппарате и в регионах, моделирует сложные, многоярусные схемы социальных отношений и осуществляет на их основе анализ поведения служащих. Программа анализирует большой объем данных, в том числе информацию со спутников для установления степени выполнения обязательств в плане строительства инфраструктурных объектов, находящихся на большом удалении от столичных городов.

В Китае в Гуанчжоу (с 2017 г.) и в Пекине (с 2018 г.) уже действуют интернет-суды в рамках работы, в которых все процедуры, касающиеся подготовки к рассмотрению исков, проводятся через специальные формы на сайте суда. Процессуальные слушания и оглашение финального приговора проводятся через видеотрансляции. Эти суды рассматривают дела по спорам об онлайн-платежах с интернет-магазинами, по поводу интернет-услуг, доменных имен сайтов, об ответственности за размещенную в интернете информацию, нарушающую права человека или общества, при нарушении авторских прав в интернете. С июня 2017 г. по август 2019 г. интернет-суд Ханчжоу принял к своему производству 26 тыс. дел различных интернет-категорий. В результате время проведения судебного заседания сократилось на 65%, а общая продолжительность рассмотрения дела – на 25%. Количество поданных исковых заявлений онлайн составило 97,27%, при этом все судебные заседания, связанные с рассмотрением поданных исковых заявлений, были проведены онлайн через сеть Интернет, что привело к сокращению в год: поездок – на 347 тыс. км, выбросов углерода – на 108 тыс. т, времени – на 114,7 тыс. часов, бумаги – на 315 тыс. листов [30. С. 161].

В юридической литературе также рассматривается этическая проблема, связанная с использованием в судопроизводстве в Соединенных Штатах Америки программы COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) с элементами системы искусственного интеллекта. Данная система с 2012 г. действует на территории нескольких штатов (Нью-Йорк, Висконсин, Калифорния и др.) и отдельных юрисдикций [31].

Специалисты портала Propublica.org проанализировали 7 тыс. решений, принятых с использованием системы COMPAS на территории одного судебного округа, и пришли к выводу, что система в два раза чаще прогнозировала рецидив в отношении черноко-

жих, чем белых граждан. С той же частотой она ошибалась в отношении черных в сторону неблагоприятных, а в отношении белых – в пользу благоприятных прогнозов [32].

При более широком использовании технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве подобные проблемы могут привести к катастрофичным последствиям для сторон судебного процесса.

Оценивая риски внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство на примере правоприменительной практики США, Европейская комиссия по эффективности правосудия разработала «Европейскую этическую хартию использования систем искусственного интеллекта в судебных системах и их среде функционирования» (2018 г.). Хартией установлены 5 основных этических принципов: 1) принцип уважения фундаментальных прав человека; 2) принцип недискриминации; 3) принцип качества и безопасности обработки судебных решений и данных в безопасной технологической среде; 4) принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости; 5) принцип «под контролем пользователя» [33], т.е. европейская модель использования систем ИИ в судопроизводстве значительно отличается от американской.

Обращают на себя внимание и результаты эксперимента, проводимого в Аргентине в 2018 г. в рамках предиктивного судопроизводства, когда местными судьями в итоге были утверждены все решения, составленные программой с использованием технологии искусственного интеллекта [11].

Приведенные примеры использования технологий искусственного интеллекта показывают, что подобные программы все шире начинают использоваться в судебной практике, однако в настоящий момент они по большей мере дополняют собой судью, служат вспомогательным инструментом, а не заменяют его.

Таким образом, перспектива использования искусственного интеллекта в судопроизводстве тесно связана с возможностью освобождения судей от рутинной технико-правовой работы, которую вполне можно возложить на искусственный интеллект.

Кроме того, в судебной практике немало дел, сопряженных с применением административно-правовой ответственности, алгоритм разрешения которых вполне может быть запрограммирован. Внедрение искусственного интеллекта как помощника (партнера) в выборе решения в этом случае делает очевидными факторы и предпосылки, которые обусловливают использование ИИ в судебной практике.

Прозрачность, объективность и сокращение сроков на принятие решений, получение достоверной информации с помощью искусственного интеллекта способствуют его внедрению как инструмента обеспечения качественной и эффективной судебной защиты прав граждан, с учетом возрастающей нагрузки на судей. Применение искусственного интеллекта, способного без труда распознавать любой язык и автоматически переводить его на русский (государственный), сделает более доступным участие в судебном процессе лицам, не знающим русского языка, позволит сократить процессуальные сроки рассмотрения дела ввиду отсутствия потребности в услугах переводчика [34. С. 23].

В настоящее время созданы системы искусственного интеллекта, обеспечивающие поддержку принятия решений человеком или представляющие собой инструменты принятия решений, т.е. такие системы, которые дополняют человеческие навыки с помощью компьютерных средств и помогают лицам, принимающим решения, улучшить их качество за счет автоматизации процессов их выработки. Однако в обозримой перспективе невозможно полностью заменить человека-судью искусственным интеллектом, который обладает такими ментальными свойствами, как совесть, справедливость, милосердие.

Возможность в целом улучшить качество правосудия за счет использования в судебной практике систем искусственного интеллекта является вполне перспективным вариантом, позволяющим сделать судью не только более сильным и профессиональным, но и более защищенным в условиях углубления развития цифровизации общественной практики.

Список источников

1. Мохат П.М. «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.
2. Международная конференция «Суд XXI века: технологии на службе правосудия» // Правительство России. URL: http://government.ru/all/32690 (дата обращения: 11.06.2021).
3. Smith C. Introduction // The History of Artifcial Intelligence. Seattle (WA, USA) : University of Washington, 2006. 27 p. URL: https://courses.cs.washington.edu/courses/csep590/06au/projects/history-ai.pdf
4. Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 07.06.2021).
5. Собрание Законодательства РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.
6. Момотов В. Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален человеку // Электронное периодическое издание LEGAL.REPORT. URL: legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/ (дата обращения: 11.06.2021).
7. Приложение I – Углубленное исследование по вопросу использования искусственного интеллекта в судебных системах, в частности в приложениях на основе искусственного интеллекта, обрабатывающих судебные решения и данные к Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.). Страсбург, 2018.
8. Фурсов Д.А. Цифровые технологии и современное правосудие // Право и закон в программируемом обществе (100-летию со дня рождения Даниела Белла) : сб. науч. ст. / Т.Я. Хабриева (и др.) ; отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2020.
9. Исмаилов Р.Р. Судебное толкование и искусственный интеллект // Право и закон в программируемом обществе. М., 2020.
10. Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.
11. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект: этика и право М., 2019.

12. Старосельцева Ю.М. Может ли искусственный интеллект заменить судью? // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года). Кострома, 2020.
13. В Верховном суде считают, что роботы никогда не смогут заменить судью // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/6296926 (дата обращения: 11.06.2021).
14. Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эпоха беспрецедентных вызовов // Клуб «Валдай». URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-epokha-bespretsedentnykh-vyzovov/
15. Клеандров М.И. Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия // Экономика. Право. Общество. 2020. № 1. С. 28–35.
16. Кучерена А.Г. Компьютер выносит приговоры // Известия. URL: https://iz.ru/646042/anatolii-kucherena/kompiuter-vynosit-prigovor (дата обращения: 09.06.2021).
17. Трапезников А. В Перми разработали программу, помогающую судьям выносить приговор // Российская газета. URL: rg.ru/2018/12/04/reg-pfo/v-permi-razrabotali-programmu-pomogaiushchuiu-sudiam-vynosit-prigovor.html (дата обращения: 09.06.2021).
18. Чистилина Д.О. Председательствующий как носитель судебной власти // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2017.
19. Жилкин В.А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5 (72).
20. Гаджиев Г.А. Будущее роботов в юриспруденции // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20170515/1494332513.html (дата обращения: 09.06.2021).
21. Правосудие по-эстонски: судей заменят компьютером // Правда – TV.ru. URL: https://www.pravda-tv.ru/2019/03/27/412921/pravosudie-po-estonski-sudej-zamenyat-kompyuterom (дата обращения: 09.06.2021).
22. Katz D., Bommarito I.M., Blackmann J. A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States // PLOS ONE. 2017. Vol. 12 (4). doi: 10.1371/journal.pone.0174698
23. Johnston C. and agencies. Artificial Intelligence ´judge´ developed by UCL computer scientists // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/technology/2016/oct/24/artificial–intelligence–judge–university–college–london–computer–scientists/ (дата обращения: 10.06.2021).
24. Taruffo M. Judicial Decisions and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6, Is. 2–4.
25. Industrial Strategy: Artificial Intelligence Sector Deal. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/ uploads/system/uploads/attachment_data/file/702810/180425_BEIS_AI_Sector_Deal__4_pdf (дата обращения: 11.06.2021).
26. Закон Южной Кореи о содействии развитию и распространению умных роботов от 28 марта 2008 г. № 9014 // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 11.06.2021).
27. Ли К.-Ф. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М., 2019.
28. Петровский С.В. Может ли искусственный интеллект заменить судью // Независимая газета. URL: ng.ru/ideas/2021-04-07/7_8122_ai.html (дата обращения: 09.06.2021).
29. В Китае отключат искусственный интеллект Zero Trust – он слишком успешно боролся с коррупцией чиновников в стране // Хайтек. URL: https://hightech.fm/2019/02/04/zerotrust (дата обращения: 17.06.2021).
30. Шереметьева Н.В., Батуро И.В., Шуан У. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. 2020. № 2.
31. Devlin H. Software ´no more accurate than untrained humans´ at judging reoffending risk // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us–news/2018/jan/17/software–no–more–accurate–than–untrained–humans–at–judging–reoffending–risk/ (дата обращения: 10.06.2021).
32. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kircher L. Machine Bias // Pro-Publica. 2016. Vol. 2.
33. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment. Strasbourg : Council of Europe, 2019.
34. Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 1.

References

1. Morkhat, P.M. (2018) *Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy* [Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. The Russian Government. (2018) *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Sud XXI veka: tekhnologii na sluzhbe pravosudiya"* [International conference "Court of the 21st Century: Technologies in the service of justice"]. [Online] Available from: http://government.ru/all/32690 (Accessed: 11.06.2021).
3. Smith, C. (2006) Introduction. In: *The History of Artificial Intelligence*. Seattle (WA, USA): University of Washington. [Online] Available from: https://courses.cs.washington.edu/courses/csep590/06au/projects/history-ai.pdf.
4. European Parliament. (2017) Rezolyutsii Evroparlamenta ot 16 fevralya 2017 g. "Normy grazhdanskogo prava o robototekhnike" [European Parliament resolution of 16 February 2017. "The Civil Law on Robotics"]. *Robopravo. Issledovatel'skiy tsentr problem regulirovaniya robototekhniki i iskusstvennogo intellekta* [Robopravo. Research Centre for Problems of Regulation of Robotics and Artificial Intelligence]. [Online] Available from: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (Accessed: 07.06.2021).
5. *Sobranie Zakonodatel'stva RF*. (2020) 27 April. 17. Art. 2701.
6. Krivtsov, E. (2020) Viktor Momotov. Iskusstvennyy intellekt v sude ne budet neytralen cheloveku [Viktor Momotov. Artificial intelligence in court will not be neutral to the human]. *LEGAL.REPORT.* [Online] Available from: https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/ (Accessed: 11.06.2021).
7. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2018) Prilozhenie I [Annex 1]. In: *Evropeyskaya eticheskaya khartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh i okruzhayushchikh ikh realiyakh* [European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment]. Strasbourg: CEPEJ.
8. Fursov, D.A. (2020) Tsifrovye tekhnologii i sovremennoe pravosudie [Digital Technologies and Modern Justice]. In: Lazarev, V.V. (ed.) *Pravo i zakon v programmiruemom obshchestve* [Law and Statute in the Programmed Society]. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation.
9. Ismailov, R.R. (2020) Sudebnoe tolkovanie i iskusstvennyy intellekt [Judicial Interpretation and Artificial Intelligence]. In: Lazarev, V.V. (ed.) *Pravo i zakon v programmiruemom obshchestve* [Law and Statute in the Programmed Society]. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation.
10. Morkhat, P.M. (2018) *Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy* [Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems]. Law Dr. Diss. Moscow.
11. Larina, E.S. & Ovchinskiy, V.S. (2019) *Iskusstvennyy intellekt: etika i pravo* [Artificial Intelligence: Ethics and law]. Moscow: Knizhnyy mir.
12. Starosel'tseva, Yu.M. (2020) [Can artificial intelligence replace the judge?] *Suverennoe gosudarstvo i ego pravo: aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimenitel'noy praktiki v sovremennoy Rossii (k 370-letiyu so vremeni prinyatiya Sobornogo Ulozheniya (1649 goda)* [The Sovereign State and Its Law: Actual Problems of Legal Science and Law Enforcement Practice in Modern Russia (to the 370th anniversary of the adoption of the Cathedral Code (1649)]. Proceedings of the 16th All-Russian December Law Readings. Vol. 2. Kostroma. 12–13 December 2019. Kostroma: Kostroma State University. (In Russian).

13. TASS. (2019) V Verkhovnom sude schitayut, chto roboty nikogda ne smogut zamenit' sud'yu [The Supreme Court believes that robots will never be able to replace a judge]. *TASS*. [Online] Available from: https://tass.ru/obschestvo/6296926 (Accessed: 11.06.2021).
14. Klub "Valday" [Valdai Club]. (2017) *Yurisprudentsiya i iskusstvennyy intellekt: nastupaet epokha bespretsedentnykh vyzovov* [Law and Artificial Intelligence: An Era of Unprecedented Challenges is Coming]. [Online] Available from: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-epokha-bespretsedentnykh-vyzovov/.
15. Kleandrov, M.I. (2018) Digital economy and problems of the mechanism of justice. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo – Economics. Law. Society*. 1 (13). pp. 28–35. (In Russian).
16. Kucherena, A.G. (2017) Komp'yuter vynosit prigovory [The computer makes judgments]. *Izvestiya*. [Online] Available from: https://iz.ru/646042/anatolii-kucherena/kompiuter-vynosit-prigovor (Accessed: 09.06.2021).
17. Trapeznikov, A. (2018) V Permi razrabotali programmu, pomogayushchuyu sud'yam vynosit' prigovor [In Perm, a program has been developed to help judges pass sentence]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. [Online] Available from: rg.ru/2018/12/04/reg-pfo/v-permi-razrabotali-programmu-pomogaiushchuiu-sudiam-vynosit-prigovor.html (Accessed: 09.06.2021).
18. Chistilina, D.O. (2017) Predsedatel'stvuyushchiy kak nositel' sudebnoy vlasti [The presiding judge as the bearer of the judiciary]. In: *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu* [Criminal Procedure and Forensic Problems in the Fight against Crime]. Orel: [s.n.].
19. Zhilkin, V.A. (2018) Artificial intelligence and digital technologies in the legal activity in the conditions of digital reality (case-study of Finland). *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 5 (72). (In Russian). DOI: 10.12737/art.2018.5.3
20. Gadzhiev, G.A. (2017) Budushchee robotov v yurisprudentsii [The future of robots in jurisprudence]. *RIA Novosti*. [Online] Available from: https://ria.ru/20170515/1494332513.html (Accessed: 09.06.2021).
21. Il'ya, K. (2019) Pravosudie po-estonski: sudey zamenyat komp'yuterom [Justice in Estonian: judges will be replaced by a computer]. *Pravda – TV.ru.* [Online] Available from: https://www.pravda-tv.ru/2019/03/27/412921/pravosudie-po-estonski-sudej-zamenyat-kompyuterom (Accessed: 09.06.2021).
22. Katz, D., Bommarito, I.M. & Blackmann, J. (2017) A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States. *PLOS ONE*. 4 (12). DOI: 10.1371/journal.pone.0174698
23. Johnston, C. et al. Artificial Intelligence 'judge' developed by UCL computer scientists. *The Guardian.* [Online] Available from: https://www.theguardian.com/technology/2016/oct/24/artificial–intelligence–judge–university–college–london–computer–scientists/(Accessed: 10.06.2021).
24. Taruffo, M. (1998) Judicial Decisions and Artificial Intelligence. *Artificial Intelligence and Law*. 2–4 (6). pp. 207–220.
25. Great Britain. Dept. for Business, Energy and Industrial Strategy. (2018) *Industrial Strategy: Artificial Intelligence Sector Deal*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/702810/180425_BEIS_AI_Sector_Deal__4_pdf (Accessed: 11.06.2021).
26. Robopravo. (2008) Zakon Yuzhnoy Korei o sodeystvii razvitiyu i rasprostraneniyu umnykh robotov ot 28 marta 2008 g. № 9014 [Law of South Korea on promoting the development and dissemination of smart robots dated March 28, 2008 No. 9014]. *Robopravo. Issledovatel'skiy tsentr problem regulirovaniya robototekhniki i iskusstvennogo intellekta* [Robopravo. Research Centre for Problems of Regulation of Robotics and Artificial Intelligence]. [Online] Available from: robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (Accessed: 11.06.2021).
27. Lee, K.-F. (2019) *Sverkhderzhavy iskusstvennogo intellekta. Kitay, Kremnievaya dolina i novyy mirovoy poryadok* [AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
28. Petrovskiy, S.V. (2021) Mozhet li iskusstvennyy intellekt zamenit' sud'yu [Can artificial intelligence replace a judge]. *Nezavisimaya gazeta*. [Online] Available from: ng.ru/ideas/2021-04-07/7_8122_ai.html (Accessed: 09.06.2021).
29. Ivanov, S. (2019) V Kitae otklyuchat iskusstvennyy intellekt Zero Trust – on slishkom uspeshno borolsya s korruptsiey chinovnikov v strane [In China, the artificial intelligence Zero Trust will be turned off – it fought too successfully against corruption of officials in the country]. *Khaytek*. [Online] Available from: https://hightech.fm/2019/02/04/zerotrust (Accessed: 17.06.2021).
30. Sheremet'eva, N.V., Baturo I.V. & Shuan, U. (2020) Features of Electronic Justice in the PRC. *Pravo i praktika – The Law and Practice*. 2. pp. 159–163. (In Russian).
31. Devlin, H. (2018) Software ´no more accurate than untrained humans´ at judging reoffending risk. *The Guardian.* [Online] Available from: https://www.theguardian.com/us–news/2018/jan/17/software–no–more–accurate–than–untrained–humans–at–judging–reoffending–risk/ (Accessed: 10.06.2021).
32. Angwin, J. et al. (2016) Machine Bias. *Pro-Publica*. 2.
33. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2019) *European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment.* Strasbourg: Council of Europe.
34. Andreev, V.K., Laptev, V.A. & Chucha, S.Yu. (2020) Artificial intelligence in the system of electronic justice by consideration of corporate disputes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University*. Law. 1 (11). (In Russian). DOI: 10.21638/spbu14.2020.102

Информация об авторах:

Степанов О.А. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, россия). E-mail: o_stepanov28@mail.ru

Басангов Д.А. – канд. юрид. наук, старший научный сотрудник отдела международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: d_basang@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Stepanov, Dr. Sci. (Law), chief researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: o_stepanov28@mail.ru

D.A. Basangov, Cand. Sci. (Law), senior researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), E-mail: d_basang@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2021;
одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 05.07.2021;
approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 343.97
doi: 10.17223/15617793/475/29

Об особенностях основных криминологических показателей особо тяжкой преступности Дальневосточного федерального округа

Елена Михайловна Стоун[1]

[1]*Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия, Lzqz@mail.ru*

Аннотация. Раскрывается актуальность выбранной темы. Дается понятие преступности особой тяжести. Проводится анализ состояния, структуры и динамики, показателей зарегистрированного материального и физического вреда особо тяжкой преступности Дальневосточного федерального округа за последние пять лет. Делается вывод о необходимости формирования комплекса мер по предупреждению преступности, учитывающих криминологические особенности округа.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, особо тяжкая преступность, Дальневосточный федеральный округ

***Для цитирования*:** Стоун Е.М. Об особенностях основных криминологических показателей особо тяжкой преступности Дальневосточного федерального округа // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 238–243. doi: 10.17223/15617793/475/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/29

On the peculiarities of the main criminological indicators of modern core crimes in Russia's Far Eastern Federal District

Elena M. Stoun[1]

[1]*North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation, Lzqz@mail.ru*

Abstract. The article aims to identify and study the specificity of the main criminological indicators of modern core crimes in the Far Eastern Federal District of Russia. Research on criminal law and criminology, penal law and other scientific works were used as the theoretical basis of the research. The statistical data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, and others were the research empirical basis. The definition of a core crime was formulated. More than three hundred criminal cases of core crimes committed for the past 5 years in the Far Eastern Federal District, the sentences on which came into force, were analyzed. The analysis revealed that the registered Far Eastern Federal District core crime coefficient exceeds the national one by 5.9%. Based on the results of comparing the Russian and the Far Eastern Federal District generic object of the core crimes' structure for the period from 2016 to 2020, the peculiarities of the core crimes' structure in the Far Eastern Federal District were revealed. Most of the registered Far Eastern Federal District core crimes are crimes against the person, they make up 47.8% (4.7% higher than the corresponding Russian Federation coefficient). Among them, 83.2% are crimes against life and health, and 15.6% are crimes against health and sexual inviolability. Crimes against public safety and public order in the Far Eastern Federal District amount to 39.8% (6.5% lower than the corresponding Russian Federation coefficient). 99.38% of them are illegal drug trafficking crimes. Economic core crimes in the Far Eastern Federal District amount to 7.9% (0.3% higher than the corresponding Russian Federation coefficient). The majority of them, 98%, are crimes against ownership. Some of the features of the dynamics of core crimes in the Far Eastern Federal District stand out, which is associated with an increase in the proportion of registered crimes against state power, an increase in the level of registered crimes against the person, a decrease in the proportion of crimes committed in a state of drug intoxication. The material harm caused by core crimes committed in the Far Eastern Federal District is lower than the all-Russian indicator; however, the death rate of core crimes registered in the Far Eastern Federal District in 2016–2020 per 100 thousand population significantly exceeds the all-Russian indicators. The peculiarities of core crimes in some regions of the Far Eastern Federal District are noted. This study of core crimes within a separate federal district can be the basis for further criminological research, which will help develop a targeted system of preventing core crimes, with regard to the Far Eastern Federal District specifics.

Keywords: criminological characteristic, core crimes, Russia's Far Eastern Federal District

***For citation*:** Stoun, E.M. (2022) On the peculiarities of the main criminological indicators of modern core crimes in Russia's Far Eastern Federal District. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 238–243. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/29

© Стоун Е.М., 2022

Проблема особо тяжкой преступности в Дальневосточном федеральном округе России имеет особое значение в силу ряда обстоятельств. Несмотря на самую низкую плотность населения в стране, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является одним из лидеров по уровню преступности особой тяжести. А некоторые субъекты, входящие в его состав, занимают лидирующие позиции в РФ уже на протяжении десятка лет. Данные статистики указывают на неизменно высокий уровень указанного вида преступлений на протяжении последних пяти лет, в том числе, по сравнению с граничащими с ДФО федеральными округами России.

Общественная опасность преступности заключается во вреде, причиняемом нормальному состоянию общественных отношений, в нарушении нормального течения общественной жизни, поэтому особо тяжкие преступления несут самую высокую социальную опасность. Это связано с особой ценностью объекта посягательства, поскольку чаще всего совершаются жесточайшие преступления против личности, результаты которых непоправимы, а вред, причиненный такими преступлениями, невозможно возместить. Также к исследуемой категории относятся наиболее дерзкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, подрывающих здоровье нации, корыстные, экономические и профессиональные преступления. Преступность особой тяжести охватывает все категории населения по возрастному, половому и социальному признакам.

Правительство РФ работает над улучшением привлекательности ДФО для населения. Дополняются и разрабатываются социальные и экономические программы, направленные на улучшение уровня и качества жизни населения Дальневосточного федерального округа, подъем экономических показателей, расширение федерального округа [1–6].

За прошедшие 5 лет для Дальневосточного федерального округа принято более 40 законов, направленных на стимулирование инвестиционной активности и улучшение социальной сферы. Созданы территории опережающего развития и свободные порты. Благодаря этому началась реализация свыше 1 780 инвестиционных проектов на 3,8 трлн руб., создано более 230 новых предприятий. Государство осуществляет адресную инфраструктурную и финансовую поддержку инвесторов. Более 70 тыс. людей бесплатно получили землю и строят на своем «Дальневосточном гектаре» жилые дома и создают фермерские хозяйства [7. С. 692].

Несмотря на положительные тенденции в различных сферах общественной жизни в Дальневосточном федеральном округе за период с 2016 по 2020 г. и снижение количества совершенных преступлений, здесь по-прежнему остается высоким уровень преступности. Географические, экономические, социальные, демографические, культурные исторические и иные особенности Дальневосточного федерального округа оказывают влияние на преступность. Так, в сравнении со среднероссийскими показателями коэффициент преступности в целом в ДФО в 2,5 раза превышает данный показатель в России, а коэффициент преступности особой тяжести на 5,9% превышает общероссийский. В условия «обновляющегося» Дальневосточного федерального округа не вписывается описанная выше криминогенная обстановка.

Подобные обстоятельства определяют особую социальную значимость проблемы. В связи с этим комплексное, прежде всего, криминологическое исследование проблем преступности особой тяжести, ее основных характеристик, причин и условий возникновения является актуальным.

Настоящая работа основана на анализе статистических материалов Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел России [8], Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [9], Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [10] и др. В процессе исследования изучено более трехсот уголовных дел по фактам совершения особо тяжких преступлений, совершенных за период с 2016 по 2020 г. в Дальневосточном федеральном округе, приговоры по которым вступили в законную силу. Использованы релевантные нормативно-правовые акты.

Прежде чем переходить к анализу особенностей основных криминологических характеристик преступности особой тяжести Дальневосточного федерального округа, сформулируем понятие особо тяжкой преступности. Преступность особой тяжести – это уголовно-правовое, исторически изменчивое негативное социальное явление, включающее в себя образующую систему совокупность преступлений, посягающих на жизнь человека, суверенитет, обороноспособность, политическую и экономическую системы государства либо совершенных особо опасным способом, с причинением особо тяжких последствий, организованной преступной группой, при наличии других особо отягчающих обстоятельств, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание, и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени.

Категория особо тяжких преступлений является наиболее значимой категорией преступных деяний, поскольку в большей степени влияет на направления уголовной политики с учетом негативных тенденций в обществе. Деяния, включенные в данную категорию, в значительной мере определяют криминогенность общества и его нравственное развитие.

Преступления особой тяжести встречаются во всех разделах УК РФ [11]. В разделе преступлений против личности (раздел 7 УК РФ) особо тяжкие преступления представлены 21 видом общественно опасных деяний против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина и против семьи и несовершеннолетних.

Среди преступлений в сфере экономики (раздел 8 УК РФ), включающих все преступления экономиче-

ской направленности, 12 видов преступлений являются особо тяжкими.

Больше всего составов преступлений особой тяжести (46 видов) содержится в разделе 9 УК РФ, в котором описываются преступления против общественной безопасности и общественного порядка. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, наиболее частыми преступлениями особой тяжести среди них являются преступления против здоровья населения и общественной нравственности, предусмотренные главой 25 Уголовного кодекса РФ.

Преступления против государственной власти (раздел 10 УК РФ), против военной службы (раздел 11 УК РФ), мира и безопасности человечества (раздел 12 УК РФ) также содержат в себе составы особо тяжких преступлений (25 видов), однако среди всех совершаемых преступлений особой тяжести всего около двух процентов преступлений относится к данным разделам.

Дальневосточный федеральный округ – один из федеральных округов с самыми высокими показателями преступности. А уровень преступности некоторых регионов Дальневосточного федерального округа (Амурская область, Еврейская автономная область, Сахалинская область) на протяжении всего исследуемого периода более чем на треть превышал показатели общероссийской преступности. Таким образом, несмотря на более низкую плотность населения, уровень преступности в исследуемом федеральном округе является гораздо более высоким, чем в среднем в стране.

Так, коэффициент преступности на 100 тыс. населения на территории РФ с 2016 по 2020 г. составил 1 401 преступлений, а на территории Дальневосточного федерального округа – 1 745.

Таким образом, коэффициент преступности на территории Дальневосточного федерального округа является одним из самых высоких в России.

Коэффициент зарегистрированной преступности на 100 тыс. человек в ДФО один из самых высоких среди федеральных округов Российской федерации. За период с 2016 по 2020 г. коэффициент зарегистрированной преступности в ДФО превышает общероссийский показатель на 24,5%.

За период с 2016 по 2019 г. показатели преступности особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа на 5,9% были выше общероссийских, однако в 2020 г. коэффициент преступности особой тяжести в Дальневосточном федеральном округе был идентичным с показателем в целом по России.

При сравнении показателей преступности особой тяжести в ДФО с остальными федеральными округами Российской Федерации можно отметить, что в ДФО совершается меньшее количество преступлений данной категории, чем в Уральском федеральном округе и Северо-Западном федеральном округе. В то же время данный показатель ДФО выше показателей преступности особой тяжести всех остальных федеральных округов.

Это обусловлено специфическими чертами Дальневосточного федерального округа. Самые высокие показатели преступности особой тяжести наблюдаются в Магаданской и Сахалинской областях, Хабаровском и Приморском краях.

При исследовании структуры особо тяжкой преступности ДФО за основу принято разделение видов преступлений по объекту посягательства разделами 7–10 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это особо тяжкие преступления против личности и в сфере экономики, преступления против общественной безопасности и общественного порядка, а также против государственной власти. Преступления, предусмотренные разделами 11 УК РФ (преступления против военной службы) и 12 УК РФ (преступления против мира и безопасности человечества), не зарегистрированы в исследуемом периоде.

Сравним структуру особо тяжкой преступности по родовому объекту посягательства в России и в Дальневосточном федеральном округе за период с 2016 по 2020 г.

С 2016 по 2020 г. наибольший удельный вес в общем количестве зарегистрированных особо тяжких преступлений на территории Дальневосточного федерального округа составили преступления против личности – 47,8%. Этот показатель ДФО отличается от общероссийского на 4,7%. Удельный вес преступлений против общественной безопасности и общественного порядка в ДФО на 6,5% отличается от показателя по РФ. Удельный вес преступлений в сфере экономики в общем количестве зарегистрированных преступлений особой тяжести в ДФО отличается от аналогичного показателя в целом по России на 0,3%.

Основной массив преступлений особой тяжести против общественной безопасности и общественного порядка на территории Дальневосточного федерального округа составляют преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств (99,38%).

Если анализировать структуру преступности по видовому объекту преступлений, то среди преступлений против личности 84,4% в России в целом и 83,2% в Дальневосточном федеральном округе составляют преступления против жизни и здоровья. Против свободы, чести и достоинства личности – 1,9% в РФ и 1,3% в ДФО. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности – 13,7% в РФ и 15,6% в Дальневосточном федеральном округе.

Анализ структуры преступности против жизни и здоровья по непосредственному объекту преступлений показывает, что среди преступлений против жизни и здоровья в ДФО, как и в целом по России, значительный удельный вес занимают убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего.

В структуре особо тяжких преступлений в сфере экономики по видовому объекту преступлений выделяются преступления против собственности – 98%, в сфере экономической деятельности – 1% и 0,4% против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Из анализа структуры преступности против собственности по непосредственному объекту преступлений следует, что среди преступлений против собственности в ДФО, как и в целом по России, лидиру-

ющее место занимает разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере (ч. 3 ст. 162 УК РФ), причем для Дальневосточного федерального округа характерно, что удельный вес подобных преступлений превышает общероссийский показатель.

Среди особо тяжких преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, предусмотренных разделом 9 Уголовного кодекса Российской Федерации, чаще всего совершались преступления против здоровья населения и общественной нравственности – более 90%. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта составляли 6%, а против общественной безопасности – 3% в структуре преступлений против общественной безопасности и общественного порядка особой тяжести.

Как показывают приведенные данные, за исследуемый период наиболее часто встречающимися преступлениями в структуре особо тяжкой преступности против общественной безопасности и общественного порядка в России и в Дальневосточном федеральном округе являются преступления, предусмотренные ч. 3, 4, 5 ст. 228.1 УК РФ, т.е. незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества с особо квалифицирующими признаками – более 96%. Причем в структуре особо тяжкой преступности против общественной безопасности и общественного порядка в ДФО удельный вес преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, значительно превышает данный показатель по России в целом.

В структуре преступности против государственной власти по видовому объекту преступлений выделяются преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – 87,1% в России и 89% в ДФО.

Наиболее часто регистрируемыми преступлениями в структуре особо тяжкой преступности против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в России и в Дальневосточном федеральном округе являются преступления, предусмотренные ч. 5 и 6 ст. 290 УК РФ за особо квалифицированные виды получения взятки – около 60%. В то же время данный показатель отличается от общероссийского, где удельный вес подобных преступлений составляет 70,7%.

Таким образом, по результатам сравнения структуры особо тяжкой преступности по родовому объекту посягательства в России и в Дальневосточном федеральном округе за период с 2016 по 2020 г. выявлены особенности структуры особо тяжкой преступности в ДФО.

Большинство из зарегистрированных особо тяжких преступлений на территории Дальневосточного федерального округа составляют преступления против личности – 47,8% (выше, чем аналогичный показатель по РФ, на 4,7%). Среди них 83,2% составляют преступления против жизни и здоровья, а 15,6% против здоровья и половой неприкосновенности.

На втором месте по удельному весу находятся преступления против общественной безопасности и общественного порядка, которые в Дальневосточном федеральном округе составляют 39,8% (ниже, чем аналогичный показатель по РФ, на 6,5%). Среди них 99,38% составляют преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Особо тяжкие преступления в сфере экономики в общем количестве зарегистрированных преступлений особой тяжести в Дальневосточном федеральном округе составляют 7,9% (выше, чем аналогичный показатель по РФ, на 0,3%). Среди них подавляющее большинство составляют преступления против собственности – 98%.

Для выявления тенденций преступности особой тяжести нами проведен анализ динамики таких преступлений за период с 2016 по 2020 г. Здесь и далее, чтобы иметь возможность проследить динамику с 2016 по 2020 г. включительно, за отправную точку возьмем 2015 г.

В России в целом и в Дальневосточном федеральном округе за последние пять лет наблюдается снижение показателей зарегистрированной преступности особой тяжести. В целом снижение показателей особо тяжкой преступности в исследуемом периоде более интенсивно проходило в ДФО, чем в России.

Уровень зарегистрированной преступности особой тяжести в период с 2016 по 2020 г. постепенно снижается. В 2020 г. по отношению к 2015 г. отмечается снижение преступности особой тяжести как в России (–13,1%), так и в Дальневосточном федеральном округе (–26, %). При этом отмечается повышение эффективности расследования особо тяжких преступлений в Дальневосточном федеральном округе.

Показатели преступности особой тяжести против личности снизились в Дальневосточном федеральном округе с 2016 по 2020 г. на 11,3% (по РФ в целом – на 1,7%). Снизилось также количество преступлений особой тяжести в сфере экономической деятельности за последние 5 лет по России в целом (–12,8%), по Дальневосточному федеральному округу (–37,9%). Динамика особо тяжких преступлений против общественной безопасности за последние 5 лет в Дальневосточном федеральном округе характеризуется снижением (–8,6%), однако в целом по России данный показатель повышается (+9,0%). Вместе с тем количество преступлений особой тяжести против государственной власти с 2016 по 2020 г. характеризуется ростом как в России в целом (+5,3%), так и в ДФО (+53,2%).

Выделяются некоторые особенности динамики особо тяжкой преступности на территории Дальневосточного федерального округа – увеличение уровня зарегистрированных преступлений против личности, снижение удельного веса преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, увеличение удельного веса зарегистрированных преступлений против государственной власти в общем количестве зарегистрированных преступлений.

Материальный вред, причиненный в результате совершенных преступлений особой тяжести, на территории Дальневосточного федерального округа ниже общероссийского показателя, однако коэффициент погибших от преступных посягательств особой тяжести, зарегистрированный на 100 тыс. населения, в Дальневосточном федеральном округе в 2016–2020 гг. практически в два с половиной раза превышает общероссийские показатели, а в 2018–2020 гг. почти в 3 раза выше, чем в России в целом.

При анализе основных криминологических показателей зарегистрированной преступности особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа за период с 2016 по 2020 г. отмечаются особенности преступности особой тяжести некоторых субъектов округа.

Магаданская область выделяется наибольшей криминогенностью среди всех исследуемых субъектов.

Сахалинская область характеризуется высоким удельным весом преступлений против личности (50,8%) и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (39,2%).

Приморский край также имеет высокий коэффициент преступности особой тяжести. Он является одним из регионов с наибольшим удельным весом преступлений особой тяжести в сфере незаконного оборота наркотических средств (41,5%) и в сфере экономики (9,3%). Среди всех регионов Дальневосточного федерального округа самые высокие суммы ущерба за каждый год исследуемого периода зарегистрированы именно в Приморском крае.

Чукотский автономный округ характеризуется одним из самых низких уровней преступности особой тяжести среди регионов Дальневосточного федерального округа, однако он отличается высоким удельным весом преступлений против личности (84,2%) и уровнем погибших от преступных посягательств.

Среди регионов Дальневосточного федерального округа в Еврейской автономной области зарегистрирован наиболее высокий темп роста уровня преступности особой тяжести, рассчитанной на 100 тыс. населения, в 2020 г. по отношению к 2016 г. – 102,6%. Еврейская автономная область характеризуется высоким удельным весом преступлений против личности (53,8%) и против государственной власти (9,4%).

Самый низкий темп роста уровня преступности особой тяжести, рассчитанной на 100 тыс. населения, в 2020 г. по отношению к 2016 г. – 68,2% зарегистрирован в Республике Саха (Якутия).

В заключение проведенного исследования можно сделать вывод о том, что основные криминологические показатели особо тяжкой преступности в Дальневосточном федеральном округе имеют определенную специфику.

Настоящее исследование особо тяжкой преступности, проведенное в рамках отдельного федерального округа, имеющего ярко выраженные особенности территориальных, экономических, социальных, культурных и других характеристик, может являться основой для дальнейших исследований в области криминологии, которые помогут выработать целевую систему мер предупреждения преступности особой тяжести с учетом той специфики, которая присуща в нашем случае Дальневосточному федеральному округу.

Список источников

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон № 473-ФЗ: принят Гос. Думой 23.12.2014 г.: по состоянию на 11.06.2021 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52. Ст. 7721.
2. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон № 119-ФЗ: принят Гос. Думой 22.04.2016 г.: по состоянию на 28.06.2021 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.
3. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям воздушного транспорта в целях обеспечения доступности воздушных перевозок населению и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 02.03.2018 № 215 по состоянию на 15.10.2021 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. № 11. Ст. 1630.
4. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях : федер. закон № 4520-1: принят 19.02.1993 г. по состоянию на 29.12.2020 г.] // Российская газета. 1993. № 73. 16 апр.
5. О Восточном экономическом форуме : Указ Президента РФ от 19.05.2015 г. № 250 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 21. Ст. 3088.
6. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 : Указ Президента РФ от 03.12.2018 г. № 632 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6923.
7. Крайний Север и Дальний Восток России: проблемы стратегии развития / В.А. Штыров. М. : РусскійМіръ, 2019. 1040 с.
8. ФКУ «ГИАЦ МВД России» : Сборник по Дальневосточному федеральному округу Ф.494 КН.87 (2009–2020 гг.) // МВД России. URL: https://мвд.рф/request_main (дата обращения: 14.01.2021).
9. Россия в цифрах. 2015–2020 : краткий стат. сб. / Росстат. М., 2021. 549 с.
10. Судебный департамент при Верховном Суде РФ // Подсистема ГАС «Правосудие». URL: http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-frequent-requests-list.aspx (дата обращения: 14.10.2021).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 13.06.1996 г.: по состоянию на 01.07.2021 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2014) O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii [feder. zakon N 473-FZ: prinyat Gos. Dumoy 23.12.2014 g.: po sostoyaniyu na 11.06.2021 g.] [On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation [Federal Law N 473-FZ: adopted by the State Duma on December 23, 2014: as of June 11, 2021]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52. Art. 7721.

2. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2012) Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy ili munitsipal'noy sobstvennosti i raspolozhennykh na territorii sub"ektov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: [feder. zakon № 119-FZ: prinyat Gos. Dumoy 22.04.2016 g.: po sostoyaniyu na 28.06.2021 g.] [On the peculiarities of providing citizens with land plots that are in state or municipal ownership and located on the territory of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: [Federal Law No. 119-FZ: adopted by the State Duma on April 22, 2016: as of June 28, 2021]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 53. Art. 7598.
3. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2018) Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidiy iz federal'nogo byudzheta organizatsiyam vozdushnogo transporta v tselyakh obespecheniya dostupnosti vozdushnykh perevozok naseleniyu i o priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii: [Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.03.2018 N 215 po sostoyaniyu na 15.10.2021 g.] [On the approval of the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to air transport organizations in order to ensure the availability of air transportation to the population and on the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation: [Decree of the Government of the Russian Federation of February 03, 2018 N 215 as of October 15, 2021]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 11. Art. 1630.
4. Rossiyskaya gazeta. (1993) O gosudarstvennykh garantiyakh i kompensatsiyakh dlya lits, rabotayushchikh i prozhivayushchikh v rayonakh Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostyakh [feder. zakon № 4520-1: prinyat 19.02.1993 g. po sostoyaniyu na 29.12.2020 g.] [On state guarantees and compensations for persons working and living in the regions of the Far North and equivalent areas [Federal Law No. 4520-1: adopted on February 19, 1993 as of December 29, 2020]]. *Rossiyskaya gazeta*. 73. 16 April.
5. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2015) O Vostochnom ekonomicheskom forume: [Ukaz Prezidenta RF ot 19.05.2015 g. № 250] [On the Eastern Economic Forum: [Decree of the President of the Russian Federation of May 19, 2015 No. 250]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 21. Art. 3088.
6. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2018) O vnesenii izmeneniy v perechen' federal'nykh okrugov, utverzhdennyy Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 13 maya 2000 g. № 849: [Ukaz Prezidenta RF ot 03.12.2018 g. № 632] [On amendments to the list of federal districts approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2000 No. 849: [Decree of the President of the Russian Federation of December 03, 2018 No. 632]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 45. Art. 6923.
7. Shtyrov, V.A. (2019). *Krayniy Sever i Dal'niy Vostok Rossii: problemy strategii razvitiya* [The Far North and the Far East of Russia: Problems of development strategy]. Moscow: RusskiyMir".
8. MVD Rossii [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. (2009–2020) *FKU "GIATs MVD Rossii": Sbornik po Dal'nevostochnomu federal'nomu okrugu F.494 KN.87* [FKU "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia": Collection of the Far Eastern Federal District F.494 KN.87]. [Online] Available from: https://mvd.rf/request_main (Accessed: 14.01.2021).
9. Rosstat. (2021) *Rossiya v tsifrakh. 2015–2020* [Russia in Numbers. 2015–2020]. Moscow: Rosstat.
10. Podsistema Gosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy "Pravosudie" [Subsystem of the State Automatized System "Pravosudie"]. (n.d.) *Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude RF* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-frequent-requests-list.aspx (Accessed: 14.10.2021).
11. Sobranie zakonodatel'stva RF. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: [feder. zakon № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoy 13.06.1996 g.: po sostoyaniyu na 01.07.2021 g.] [Criminal Code of the Russian Federation: [Federal Law No. 63-FZ: adopted by the State Duma on June 13, 1996: as of July 1, 2021]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.

Информация об авторе:
Стоун Е.М. – старший преподаватель кафедры юриспруденции Северо-Восточного государственного университета (Магадан, Россия). E-mail: Lzqz@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.M. Stoun, senior lecturer, North-Eastern State University (Magadan, Russian Federation). E-mail: Lzqz@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Научная статья
УДК 341(161+44):343.18
doi: 10.17223/15617793/475/30

Политика Европейского союза по вопросам выдачи в третьи государства: дело Алексея Петрухина

Матвей Константинович Татаринов[1], Александр Григорьевич Волеводз[2]

[1, 2] Московский государственный институт международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия
[1] tamat705@gmail.com
[2] a.volevodz@inno.mgimo.ru

Аннотация. Показаны особенности реализации новой политики в сфере выдачи преступников в рамках ЕС. В свете позиции, сформулированной Судом ЕС по делу о выдаче Алексея Петрухина, не подлежат выдаче в третьи государства граждане государств – членов ЕС в отсутствие соглашения о выдаче с ЕС. Заключатся, что возможным способом преодоления проблемы может стать многостороннее признание особой юрисдикционной нормы.

Ключевые слова: выдача, уголовная политика, Европейский союз, пространство свободы, безопасности и правосудия, судебное сотрудничество по уголовным делам, коллизии юрисдикций

***Для цитирования*:** Татаринов М.К., Волеводз А.Г. Политика Европейского союза по вопросам выдачи в третьи государства: дело Алексея Петрухина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 244–250. doi: 10.17223/15617793/475/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/30

The European Union policy on extradition to third states: The Aleksei Petruhhin Case

Matvey K. Tatarinov[1], Alexander G. Volevodz [2]

[1, 2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[1] tamat705@gmail.com
[2] a.volevodz@inno.mgimo.ru

Abstract. The policy on extradition of criminals, based on the change of balance between the criteria for resolving conflicts of criminal jurisdiction, which are the inevitability of punishment, the public-law tie of a person with the state and protection of sovereign interests, is implemented in the European Union (EU) in a specific way. The starting point in approving the EU policy on extradition to third states was the judgment of the European Court of Justice in the case on extradition of Aleksei Petruhhin. Therefore, the aim of the research is to analyze the position of the European Court of Justice reflected in the decision on this case, to determine to what extent it does not comply with the system of criteria for resolving conflicts of criminal jurisdiction, threatening the stability of the European extradition regime, and to propose solutions to the corresponding problems. The position of the European Court of Justice, which is to recommend to refuse to extradite a citizen of an EU Member State to a third state that does not have an extradition agreement with the EU and to inform this Member State of the situation in order for it to send a European arrest warrant for that citizen, demonstrates the EU commitment to completely ignore the criterion of protection of sovereign interests and adhere to the criterion of inevitability of punishment, conditioned by the criterion of a public-law tie, when shaping its policy on extradition to third states, in particular, to the Russian Federation. One way to overcome this approach that undermines the common European system of extradition could be the recognition on the multilateral level of a special jurisdictional rule that establishes, according to the criterion of protection of the sovereign interest, the priority of the protective principle and the principle of passive personality. At the same time, it is important to slightly limit the criterion of a public-law tie, softening the restrictions concerning double criminality and non-extradition by states of their own citizens. The EU must become a party to an international agreement containing this rule. There are no legal obstacles to form an extradition agreement between Russia and the EU. However, in the absence of such an agreement and taking into account the new approach of the EU to the policy on extradition formed by the analyzed case, the fruitfulness of cooperation between the EU and Russia decreases. In any case, there is a clear need to resume the process aimed at the development of a legal framework for bilateral cooperation between the EU and Russia in criminal matters.

Keywords: criminal policy, extradition, European Union, space of freedom, security and justice, judicial cooperation in criminal matters, conflicts of jurisdiction

© Татаринов М.К., Волеводз А.Г. , 2022

***For citation*:** Tatarinov, M.K. & Volevodz, A.G. (2022) The European Union policy on extradition to third states: The Aleksei Petruhhin Case. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 244–250. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/30

Борьба с транснациональной преступностью признана важным направлением внешней политики [1]. Реализация различных направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (например, выдачи [2. С. 404] – одного из элементов международного сотрудничества по борьбе с преступностью) является самым распространенным способом разрешения коллизий уголовных юрисдикций [3. С. 256] – вопросов о надлежащей юрисдикции в отношении преступления, осложненного иностранным элементом, когда на установление таковой претендует два и более государств.

Выдача для привлечения к уголовной ответственности, как и любой способ разрешения коллизий уголовных юрисдикций, подчинена, как представляется, трем основополагающим критериям:

1) неотвратимости наказания вне зависимости от места нахождения преступника;

2) публично-правовой связи лица с государством;

3) защите суверенного интереса государства, уголовный закон которого был нарушен.

Эти критерии частично обрели юридическую форму: первый – через саму возможность выдачи, второй – через невыдачу собственных граждан и «ряд обязательных формальностей» [2. С. 400–401], среди которых так называемая *двойная криминальность* (деяние, являющееся предметом запроса о выдаче, уголовно наказуемо и в запрашивающем, и в запрашиваемом государстве [4. P. 106–108]); третий – через допустимость экстратерриториального действия уголовной юрисдикции. Лавирование между этими тремя основными критериями является достоянием политики государств по вопросам, в частности, выдачи. Траектория такого лавирования и обусловливает выдачу или невыдачу обвиняемых в совершении преступлений – к выгоде или невыгоде заинтересованных государств.

Наиболее сложными для установления уголовной юрисдикции являются случаи, во-первых, отсутствия двойной криминальности, а во-вторых – запросы о выдаче политических преступников и лиц, совершивших преступления против порядка прохождения военной службы. И если отказы в выдаче во втором случае объясняются влиянием политической компоненты международных отношений на правовую – международное публичное право, то первая группа случаев представляет собой серьезнейшую проблему международного уголовного права, порождающую неразрешимые никакими юридико-техническими средствами негативные коллизии юрисдикций. Она требует для преодоления как можно более интенсивной гармонизации уголовных законов различных государств.

К настоящему времени в большей степени в этом преуспел Европейский союз; кроме того (и вследствие этого), в соответствии со ст. 2 (2) Рамочного решения 2002/584/ПВД Совета о европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами (далее – Рамочное решение 2002 г.) [5] внутри Пространства свободы, безопасности и правосудия, в рамках ЕС выдача европейского ордера на арест (ЕОА) допускается по определенным составам, даже если правило двойной криминальности по ним не соблюдается [6. С. 99]. Такой подход, однако, не является всеобщим: режим, характерный для интеграционных образований, упрощает взаимодействие между государствами-членами в уголовно-правовой сфере, но при этом осложняет сотрудничество между государствами – членами ЕС и третьими государствами – явление, типичное для следствия региональной интеграции – стратификации мира [7].

До саммита в Тампере (1999) сотрудничество государств – членов ЕС по уголовным делам опиралось на классический механизм взаимной помощи [8. P. 329] и осуществлялось посредством направления через центральные органы сотрудничающих государств запросов о выполнении определенных действий. Затем постепенно был воплощен в жизнь принцип взаимного признания решений по уголовным делам (ныне юридически закреплен ст. 82 (1) Договора о функционировании Европейского союза [9] (далее – ДФЕС)), в случае когда основанием для выполнения того или иного действия данного государства является не адресованная иностранному государству просьба, а собственное процессуальное решение. Переход к этому принципу был сложным, связанным с разнообразными изменениями не только в сущности и структуре судебного сотрудничества по уголовным делам, но и в процедурах принятия решений [10. P. 159–191]. Результаты между тем значительны: появилась возможность гармонизации уголовного и уголовно-процессуального права государств-членов, изменилась форма европейского ордера на производство следственных действий: теперь такой ордер сам по себе является судебным актом, подлежащим исполнению в другом государстве – члене ЕС.

Особым образом тенденция перехода к принципу взаимного признания решений наблюдается в институте европейского ордера на арест, предусмотренном Рамочным решением 2002 г. С одной стороны, ЕОА – отдельный от постановления о заключении под стражу акт. Именно он, а не постановление о заключении под стражу подлежит признанию на территории иностранного государства. Такой процессуальный порядок можно рассматривать как своеобразный рудимент механизма взаимной помощи. С другой стороны, существенная разница состоит в том, что при исполнении ЕОА отсутствуют как сложная процедура передачи актов через центральные органы сотрудничающих государств, так и необходимость соблюдения некоторых значительных формальных требований к отношению, складывающемуся в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: не нужно выполнение критерия общеуголовного

характера преступления, в некоторых случаях – критерия двойной криминальности и, наконец, принципа невыдачи собственных граждан: государство – член ЕС должно исполнить ЕОА в отношении собственных граждан, обвиняемых в совершении преступления другим государством-членом, если само откажется производить уголовное преследование либо если не может возбудить уголовное дело за отсутствием материально-правового основания (т.е. в отсутствие двойной криминальности) – по составам, установленным ст. 2 Рамочного решения 2002 г. (ст. 4 и 5 Рамочного решения).

Новая тенденция в рамках сотрудничества по уголовным делам в ЕС, основанного ныне на принципе взаимного признания решений, – настоящий переворот в системе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в первую очередь это касается выдачи [11], отступление от правила о выдаче иностранцев и лиц без гражданства [12. P. 1781]: фактически государство – член ЕС не выдаст граждан ЕС вне зависимости от их национального гражданства третьему государству в том случае, если между ЕС и третьим государством нет соглашения о выдаче и если уровень защиты прав и свобод этого гражданина не соответствует гарантированному Хартией ЕС об основных правах [13] (далее – Хартия) [14]. Такой подход был окончательно утвержден Судом ЕС в связи с преюдициальным запросом, направленным Верховным Судом Латвии в рамках процедуры выдачи Алексея Петрухина [15]. Это дело особенно важно, поскольку непосредственно связано с Россией и ее интересами в исследуемой сфере. Изложение позиции Суда ЕС через призму теории коллизий уголовных юрисдикций, описание ее влияния на общеевропейское сотрудничество по уголовным делам и предложение вариантов устранения возникших проблем составляют предмет настоящей работы.

К преюдициальной процедуре в Суде ЕС привели следующие обстоятельства.

Латвийскими органами был получен запрос от Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче ранее задержанного Алексея Петрухина, гражданина Эстонии.

Генеральная прокуратура Латвии приняла решение о выдаче Петрухина России. Однако Петрухин обжаловал решение о выдаче в Верховный Суд Латвии.

Верховный Суд указал, что ни национальное право Латвии, ни ее международные соглашения с заинтересованными государствами не предусматривают ограничений в отношении выдачи России граждан Эстонии. Однако, по мнению Суда, если не обеспечивается защита граждан ЕС от выдачи при их нахождении в государстве-члене, гражданами которого они не являются, это противоречит самой сути института гражданства ЕС, состоящей в праве граждан ЕС на защиту, аналогичную предоставляемой государством национального гражданства.

В связи с этим 26 марта 2015 г. Верховный Суд Латвии отменил постановление о заключении под стражу Петрухина, принял решение приостановить производство по делу и направить в Суд в преюдициальном порядке следующие вопросы:

«1) Должны ли статья 18 (1) и статья 21 (1) ДФЕС толковаться таким образом, что в рамках применения соглашения о выдаче, заключенного между государством-членом и третьим государством, гражданину любого государства-члена должен быть предоставлен тот же уровень защиты, что и предоставляемый гражданам государства-члена, которому направлен запрос о выдаче лица государству, не являющемуся государством-членом?

2) В этом случае суд государства-члена, которому направлен запрос о выдаче лица, должен применять нормы о выдаче, установленные государством-членом, гражданином которого это лицо является, или установленные государством-членом, в котором это лицо постоянно проживает?

3) В том случае, если выдача должна быть произведена без учета какого-либо конкретного уровня защиты, предусмотренного для граждан запрашиваемого государства, должно ли это государство осуществить проверку соблюдения гарантий, предусмотренных статьей 19 Хартии, а именно гарантий о том, что никто не может быть выдан на территорию государства, когда имеется серьезная угроза, что лицо в нем будет подвергнуто наказанию смертной казнью, пыткам, другому бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство наказанию и обращению? Может ли эта проверка сводиться к установлению того, что запрашивающее государство является участником конвенции, запрещающей пытки, или следует детально изучить ситуацию с учетом оценки этого государства Советом Европы?»

В Постановлении Суд ЕС отметил, что Петрухин, переместившись в Латвию, в качестве гражданина ЕС использовал право на свободу передвижения, что повлекло применение ст. 18 ДФЕС, содержащей норму о недискриминации по принципу национального гражданства.

Между тем нормами права Латвии о выдаче установлен различный правовой статус для граждан Латвии и других государств – членов ЕС: последним, в том числе Петрухину, не предоставляется защита от выдачи, гарантируемая гражданам Латвии. Следовательно, эти нормы могут ограничивать предусмотренное ст. 21 ДФЕС право на свободу передвижения в пределах ЕС.

Подобное ограничение может считаться обоснованным, только если оно, как ранее уже отмечал Суд ЕС в Постановлении от 12 мая 2011 г. по делу Руневич-Вардын и Вардын [16], обусловлено объективными соображениями и является соразмерным цели, правомерно установленной национальным правом.

В связи с этим Суд ЕС указал, что в силу ст. 3 (2) Договора о Европейском союзе (ДЕС) ЕС предоставляет своим гражданам Пространство свободы, безопасности и правосудия, в рамках которого реализуются меры в сфере, в числе прочего, предотвращения преступности и борьбы с ним.

Цель же предотвращения безнаказанности лица, совершившего преступление, может, по мнению Суда

ЕС, рассматриваться как часть процессов, предусмотренных ст. 3 (2) ДЕС, и должна считаться соответствующей праву ЕС, что согласуется с предшествующей практикой Суда (см. Постановление от 27 мая 2014 г. по делу Спасича [17]).

Суд ЕС заключил, что предотвратить безнаказанность преступлений, совершенных на территории государства лицами, впоследствии покинувшими ее, возможно с помощью выдачи.

В свете этого нормы национального права Латвии, а также Европейской конвенции о выдаче 1957 г., участницами которой являются Латвия и Россия, представляются сообразными искомой цели предотвращения безнаказанности.

Необходимо было, однако, как это следует из практики Суда [16], проверить, не существует ли альтернативной меры, в меньшей степени затрагивающей право граждан ЕС на свободу передвижения, но позволяющей столь же эффективно достичь цели предотвращения безнаказанности лица, подозреваемого в совершении преступления.

В этой связи Суд ЕС напомнил, что с целью упростить судебное сотрудничество по уголовным делам было принято среди прочего Рамочное решение о ЕОА.

При этом содействие защите граждан ЕС по смыслу ст. 3 (5) ДЕС выстраивается через разнообразные направления сотрудничества, например заключение соглашений о выдаче между ЕС и третьими странами. Такового между ЕС и Россией на момент рассмотрения дела заключено не было (нет его и ныне).

В отсутствие в праве ЕС норм, регулирующих выдачу между государствами-членами и Россией, исходя из целей недопущения ограничений свободы передвижения и проживания граждан ЕС, руководствуясь целью борьбы с безнаказанностью, по мнению Суда ЕС, следует отдать предпочтение информированию государства гражданства выдаваемого лица для предоставления его компетентным органам повода и основания для выдачи ЕОА этого лица в целях осуществления уголовного преследования за деяния, совершенные вне его территории.

Суд ЕС указал, что если Латвия предпочтет исполнению запроса о выдаче в третье государство приведенную выше стратегию, сообщив по неофициальным каналам компетентным органам Эстонии о нахождении на латвийской территории эстонского гражданина, в отношении которого направлен запрос третьего государства о выдаче, она в гораздо меньшей степени затронет своими действиями осуществление права лица на свободу передвижения и при этом по мере возможности предотвратит безнаказанность за предположительно совершенное преступление.

Более того, к этому делу Суд счел применимой ст. 19 Хартии о том, что никто не может быть выдворен, выслан или выдан на территорию государства, когда имеется серьезная угроза применения к лицу наказания в виде смертной казни, пыток, другого бесчеловечного или унижающему достоинство наказания и обращения.

По мнению Суда ЕС, если компетентный орган запрашиваемого государства-члена обладает сведениями, свидетельствующими о существовании явной угрозы, что лицо в запрашивающем государстве, не входящем в ЕС, будет подвергнуто бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, этот орган обязан произвести ее оценку, основываясь на объективных, достоверных, точных и актуальных сведениях, например, из решений Европейского суда по правам человека, решений судов запрашивающего государства, решений, докладов, иных документов Совета Европы или органов системы Организации Объединенных Наций.

Иными словами, ЕОА тем более должен быть выдан, если при выдаче в третье государство существует угроза несоблюдения того уровня прав, гарантированного Хартией.

Итак, основываясь на выводах Суда ЕС, Латвия отказала России в выдаче Алексея Петрухина и направила соответствующую информацию эстонским компетентным органам, которые выдали европейский ордер на его арест.

В отсутствие соглашения о выдаче между ЕС и третьим государством соответствующая коллизия уголовных юрисдикций должна решаться, по общему правилу, в пользу государств – членов ЕС, поскольку право ЕС обладает собственными эффективными правовыми механизмами, направленными на реализацию «цели предотвращения безнаказанности», в качестве которого рассматривается ЕОА. Наконец, лицо тем более не может быть выдано третьему государству при угрозе несоблюдения прав, гарантированных Хартией. Таким образом, исходя из постановления Суда ЕС по делу Петрухина, классический принцип невыдачи государством собственных граждан другому в масштабах взаимодействия ЕС и третьих государств преобразуется, с учетом оговорок о наличии двустороннего соглашения и соблюдения высокого уровня правовых гарантий, в принцип невыдачи граждан ЕС третьим государствам.

Иными словами, согласно позиции Суда ЕС, коллизии уголовных юрисдикций его государств-членов и третьих государств решаются на основе критерия неотвратимости наказания вне зависимости от местонахождения преступника, обусловленного критерием публично-правовой связи, в данном случае гражданина интеграционного образования и самого интеграционного образования, полностью игнорируя при этом критерий защиты суверенного интереса. Такой вариант установления и реализации юрисдикции, предусмотренный уголовным правом ЕС, в отсутствие договоренностей с третьими государствами нарушает баланс основных критериев решения коллизий уголовных юрисдикций и подрывает, в частности, общеевропейский режим выдачи. Эта позиция была выражена в Докладе об итогах 73-го заседания Комитета экспертов Совета Европы по действию европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам: «Требование Суда ЕС по делу Петрухина может повлечь за собой применение принципа взаимности. В таком случае применение Европейской конвенции о выдаче будет ослаблено» [18].

Игнорирование критерия суверенного интереса третьего государства – естественное следствие региональной интеграции, то, что именуется глобальной стратификацией [7. С. 136] – не должно, тем не менее, влиять на справедливость установления уголовной юрисдикции, восстанавливаемую при реализации указанного критерия. Но каковы способы его реализации?

Минимизировать возникновение подобных ситуаций могли бы многостороннее признание и имплементация нормы, которая содержала бы иерархию юрисдикционных принципов. Исходя из критерия защиты суверенного интереса, во главе этой нормы находились бы (1) защитный принцип (юрисдикция устанавливается, когда иностранец совершает на иностранной территории преступление против интересов государства) [19. С. 337] и (2) пассивный персональный принцип (юрисдикция устанавливается, когда иностранец совершает на территории иностранного государства преступление против гражданина данного государства) [20. P. 89]. Если одно государство имеет основание для установления юрисдикции в соответствии с принципом, находящимся на более высоком уровне иерархии, чем принцип, которым обосновывает свои юрисдикционные притязания другое государство, именно первое государство должно обладать юрисдикцией в отношении деяния.

При выстраивании сотрудничества с ЕС в сфере противодействия преступности искомый баланс основных критериев разрешения коллизий уголовных юрисдикций может быть обнаружен при признании на многосторонней основе упомянутой юрисдикционной нормы с частичным ограничением принципа публично-правовой связи – например, посредством установления перечня преступлений, по которым отменяется необходимость двойной криминальности или даже принцип невыдачи собственных граждан (параллельно проводя работу, направленную на гармонизацию уголовного законодательства сотрудничающих государств), в чем может быть заимствован опыт ЕС, который обязательно должен стать участником подобного международного соглашения.

Разумеется, более справедливо позволить лицу отбывать наказание на территории собственного государства, что является проявлением принципа публично-правовой связи гражданина с ним. Для этого необходимо активизировать развитие института передачи лица государству гражданства для дальнейшего отбывания наказания.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Возможность ЕС заключать соглашения по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в целом вытекает из ст. 3 (5) ДЕС [21], ст. 3 (2), 216 (1) ДФЕС. Это подтверждается в п. 46 рассмотренного Постановления Суда ЕС (свыше того: в формулировке этого пункта кроется призыв заключать такого рода соглашения [15]). Кроме того, «Дорожной картой» России и ЕС по общему пространству свободы, безопасности и правосудия 2005 г. [22] предусматривалась возможность совершенствования сотрудничества на основе контактных пунктов, созданных в Агентстве ЕС по судебному сотрудничеству по уголовным делам (Евроюсте), и Генеральной прокуратуры РФ, – и даже рассматривалась перспектива заключения оперативного соглашения между Евроюстом и Россией.

К сожалению, такого соглашения заключено не было. И вполне вероятно, что в этих условиях решение по делу Петрухина сформировало подход компетентных органов ЕС к сотрудничеству с третьими государствами, объективно ведущий к снижению его результативности. Об этом может свидетельствовать снижение количества удовлетворенных запросов о выдаче из государств – членов ЕС в Россию. Так, по данным статистических отчетов Генеральной прокуратуры РФ государствами – членами ЕС удовлетворено запросов РФ о выдаче: в 2018 г. – 63, в 2019 г. – 54, в 2020 г. – 43 [23–25].

Это обстоятельство свидетельствует о необходимости реанимации переговорного процесса и актуализации юридически предусмотренного и стратегически обозначенного взаимодействия компетентных органов России и ЕС – вплоть до создания упомянутого соглашения Евроюст – Россия. При полном осознании сегодняшней политической ситуации крайне важно отметить, что решение обозначенных проблем возможно лишь в рамках официального взаимодействия России с ЕС, вне зависимости от политической конъюнктуры. Преступность, что подтверждается как научными исследованиями [26], так и практикой, – общепризнанный вызов современности, ответ на который во многих случаях нуждается в развитии соответствующих направлений международного сотрудничества.

Список источников

1. Shelley L. Transnational Crime: The Case of Russian Organized Crime and the Role of International Cooperation in Law Enforcement // Demokratizatsiya. 2002. Vol. 10, № 1. P. 49–67.
2. Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 795 с.
3. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве. Казань : Центр инновационных технологий, 2016. 488 с.
4. Vermeulen G. Rethinking International Cooperation in Criminal Matters in the EU / eds. by G. Vermeulen, W. De Bondt, C. Ryckman. Antwerpen ; Maklu, 2012. 767 p.
5. Décision-cadre du Conseil du 13 juin 2002 relative au mandat d'arrêt européen et aux procédures de remise entre États membres (2002/584/JAI) // Journal officiel des Communautés européennes. 18.7.2002. L 190. P. 1–18.
6. Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест в механизме правового регулирования по уголовным делам стран – членов Европейского Союза // Правоведение. 2007. № 1. С. 93–111.
7. Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3 (13). С. 136–145.
8. Rebut D. Droit pénal international. Précis. 2e édition. Paris : Dalloz, 2015. 730 p.
9. Version consolidée du traité sur le fonctionnement de l'Union européenne // Journal officiel de l'Union européenne. 09.05.2008. C 115. P. 47–199.
10. Inaeckes C. Crime within the Area of Freedom, Security and Justice: A European Public Order / eds. by C. Inaeckes, T. Konstadinide. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 328 p. doi: 10.1017/CBO9780511751219

11. Klip A. Europeans First!: Petruhhin, an Unexpected Revolution in Extradition Law // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2017. Vol. 25, № 3. P. 195–204. doi: 10.1163/15718174-02503001
12. Böse M. Mutual recognition, extradition to third countries and Union citizenship: Petruhhin // Common Market Law Review. 2017. Vol. 54, № 6. P. 1781–1797.
13. Charte des droits fondamentaux de l'Union européenne // Journal officiel de l'Union européenne. 07.06.2016. C 202. P. 389–405.
14. Costa M.J. Extradition Law: Reviewing Grounds for Refusal from the Classic Paradigm to Mutual Recognition and beyond. Leiden ; Brill/Nijhoff, 2019. doi: 10.1163/9789004411210
15. Cour de justice de l'Union européenne. Grande chambre. Arrêt C-182/15 du 6.09.2016 // Recueil numérique. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A62015CJ0182 (дата обращения: 08.08.2021).
16. Cour de justice de l'Union européenne. Deuxième chambre. Arrêt C-391/09 du 12.05.2011 // Recueil numérique. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A62009CJ0391 (дата обращения: 08.08.2021).
17. Cour de justice de l'Union européenne. Grande chambre. Arrêt C-129/14 PPU du 27.05.2014 // Recueil numérique. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A62014CJ0129 (дата обращения: 08.08.2021).
18. Report on the results of the 73th Council of Europe's Committee of Experts on the Operation of European Conventions on Co-operation in Criminal Matters meeting PC-OC Doc. (2017)10, 22 November 2017. URL : https://www.coe.int/en/web/transnational-criminal-justice-pcoc/pc-oc-73rd-meeting (дата обращения: 08.08.2021).
19. Krizek M.B. The Protective Principle of Extraterritorial Jurisdiction: A Brief History and an Application of the Principle to Espionage as an Illustration of Current United States Practice // Boston University International Law Journal. 1988. Vol. 6. P. 337.
20. Pessina E. Elementi di diritto penale. 3 ed. Napoli, 1872. 446 p.
21. Version consolidée du traité sur l'Union européenne // Journal officiel de l'Union européenne. 09.05.2008. C 115. P. 13–45.
22. Дорожная карта России и ЕС по общему пространству свободы, безопасности и правосудия. Утверждена 10 мая 2005 года в Москве Президентом России В. Путиным, Премьер-министром Люксембурга Ж.-К. Юнкером, Председателем Комиссии Европейских сообществ Ж.М. Дурау-Баррозу и Верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х.Соланой // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3588 (дата обращения: 08.08.2021).
23. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2018 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Ун-т Прокуратуры Рос. Федерации, 2019. Дополнение.
24. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Ун-т Прокуратуры Рос. Федерации, 2020. Дополнение.
25. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2020 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Ун-т Прокуратуры Рос. Федерации, 2021. Дополнение.
26. McDonald W. Crime and Law Enforcement in the Global Village. Cincinnati : Anderson Publishing, 1997. 245 p.

References

1. Shelley, L. (2002) Transnational Crime: The Case of Russian Organized Crime and the Role of International Cooperation in Law Enforcement. *Demokratizatsiya*. 1 (10). pp. 49–67.
2. Boytsov, A.I. (2004) *Vydacha prestupnikov* [Extradition of Criminals]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press".
3. Kayumova, A.R. (2016) *Ugolovnaya yurisdiktsiya v mezhdunarodnom prave* [Criminal Jurisdiction in International Law]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
4. Vermeulen, G., De Bondt, W. & Ryckman, C. (eds) (2012) *Rethinking International Cooperation in Criminal Matters in the EU: Moving Beyond Actors, Bringing Logic Back, Footed in Reality*. Antwerpen: Maklu.
5. Journal officiel des Communautés européennes. (2002) Décision-cadre du Conseil du 13 juin 2002 relative au mandat d'arrêt européen et aux procédures de remise entre États membres (2002/584/JAI). *Journal officiel des Communautés européennes*. 18 July. L 190. pp. 1–18.
6. Safarov, N.A. (2007) Evropeyskiy order na arest v mekhanizme pravovogo regulirovaniya po ugolovnym delam stran-chlenov Evropeyskogo Soyuza [The European Arrest Warrant in the Mechanism of Legal Regulation in Criminal Cases of the Member States of the European Union]. *Pravovedenie*. 1. pp. 93–111.
7. Butorina, O.V. (2005) Ponyatie regional'noy integratsii: novye podkhody [The concept of regional integration: new approaches]. *Kosmopolis – Cosmopolis*. 3 (13). pp. 136–145. (In Russian).
8. Rebut, D. (2015) *Droit pénal international. Précis*. 2nd ed. Paris: Dalloz.
9. Journal officiel de l'Union européenne. (2008) Version consolidée du traité sur le fonctionnement de l'Union européenne. *Journal officiel de l'Union européenne*. 09 May. 115. pp. 47–199.
10. Inaeckes, C. (2011) *Crime within the Area of Freedom, Security and Justice: A European Public Orde*r. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511751219
11. Klip, A. (2017) Europeans First!: Petruhhin, an Unexpected Revolution in Extradition Law. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 3 (25). pp. 195–204. DOI: 10.1163/15718174-02503001
12. Böse, M. (2017) Mutual recognition, extradition to third countries and Union citizenship: Petruhhin. *Common Market Law Review*. 6 (54). pp. 1781–1797.
13. Journal officiel de l'Union européenne. (2016) Charte des droits fondamentaux de l'Union européenne. *Journal officiel de l'Union européenne*. 07 June. 202. pp. 389–405.
14. Costa, M.J. (2019) *Extradition Law: Reviewing Grounds for Refusal from the Classic Paradigm to Mutual Recognition and beyond*. Leiden: Brill-Nijhoff. [Online] Available from: https://brill.com/view/title/55916 (Accessed: 08.08.2021). DOI: 10.1163/9789004411210
15. EUR-Lex. (2016) Cour de justice de l'Union européenne. Grande chambre. Arrêt C-182/15 du 6.09.2016. *Recueil numérique*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A62015CJ0182 (Accessed: 08.08.2021).
16. EUR-Lex. (2011) Cour de justice de l'Union européenne. Deuxième chambre. Arrêt C-391/09 du 12.05.2011. *Recueil numérique*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A62009CJ0391 (Accessed: 08.08.2021).
17. EUR-Lex. (2014) Cour de justice de l'Union européenne. Grande chambre. Arrêt C-129/14 PPU du 27.05.2014. *Recueil numérique*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A62014CJ0129 (Accessed: 08.08.2021).
18. Council of Europe. (2017) *Report on the results of the 73th Council of Europe's Committee of Experts on the Operation of European Conventions on Co-operation in Criminal Matters meeting PC-OC Doc. 20–22 November 2017*. [Online] Available from: https://www.coe.int/en/web/transnational-criminal-justice-pcoc/pc-oc-73rd-meeting (Accessed: 08.08.2021).
19. Krizek, M.B. (1988) The Protective Principle of Extraterritorial Jurisdiction: A Brief History and an Application of the Principle to Espionage as an Illustration of Current United States Practice. *Boston University International Law Journal*. 6.
20. Pessina, E. (1872) *Elementi di diritto penale*. 3rd ed. Naples: G. Marghieri.
21. Journal officiel de l'Union européenne. (2008) Version consolidée du traité sur l'Union européenne. *Journal officiel de l'Union européenne*. 09 May. 115. pp. 13–45.

22. Prezident Rossii (ofitsial'nyy sayt) [President of Russia (official site)]. (2005) *Dorozhnaya karta Rossii i ES po obshchemu prostranstvu svobody, bezopasnosti i pravosudiya* [Roadmap of Russia and the EU on a common space of freedom, security and justice]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/supplement/3588 (Accessed: 08.08.2021).
23. Kapinus, O.S. (ed.) (2019) *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i rabota organov prokuratury. 2018 god* [The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutor's office. 2018]. Moscow: University of prosecutor's office of the Russian Federation.
24. Kapinus, O.S. (ed.) (2020) *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i rabota organov prokuratury. 2019 god* [The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutor's office. 2019]. Moscow: University of prosecutor's office of the Russian Federation.
25. Kapinus, O.S. (ed.) (2021) *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i rabota organov prokuratury. 2020 god* [The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutor's office. 2020]. Moscow: University of prosecutor's office of the Russian Federation.
26. McDonald, W. (1997) *Crime and Law Enforcement in the Global Village*. Cincinnati: Anderson Publishing.

Информация об авторах:
Татаринов М.К. – старший преподаватель кафедры теории права и сравнительного правоведения, преподаватель кафедры французского языка, аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: tamat705@gmail.com
Волеводз А.Г. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.volevodz@inno.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
M.K. Tatarinov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: tamat705@gmail.com
A.G. Volevodz, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.volevodz@inno.mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021;
одобрена после рецензирования 14.11.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 10.08.2021;
approved after reviewing 14.11.2021; accepted for publication 28.02.2022.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 475. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28.02.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31. Усл. печ. л. 29. Тираж 50 экз.
Заказ № 4981. Цена свободная.

Дата выхода в свет 03.06.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru